

ВОЙНА АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ

**ВЕЛИКОКИТАЕ
ВОЙНЫ**

**ВОЙНА
АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ**

**XV
ВЕК**

ВЕЛИКИЕ ВОЙНЫ

Мэрнан Палмер

БЕЛЫЙ ВЕПРЬ

**ВОЙНА АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ
В ЛИТЕРАТУРНЫХ
ХРОНИКАХ**

ВОЙНА АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

1998

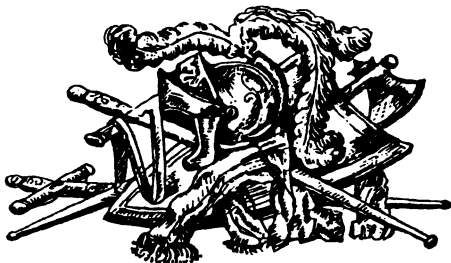
ББК 84Р7
В 65

Составление, предисловие
М. Тимофеева

ISBN 5-7838-0377-4

© “Вече”, 1998.

© Перевод Комов Ю. А., 1997.

О горе, горе Англии!

В. Шекспир «Ричард III»

ЛАНКАСТЕРЫ ПРОТИВ ЙОРКОВ: ВОЙНА АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ

Перед началом: век Бофора и Глостера

Когда в 1422 году скончался английский король Генрих V, его единственному сыну было девять месяцев. К сожалению, за его детством не последовало, как то было обычно в истории Англии, более или менее славное правление уже подросткового короля. Напротив, годы, когда будущий Генрих VI восседал на британском престоле, положили начало одной из самых трагических страниц английской истории. Естественно, что в нежном возрасте юного короля окружали опекуны, которые и управляли королевством, но когда в 1437 году юноша достиг совершеннолетия, ничего не изменилось. Стало ясно, что Генрих являет собой прямую противоположность своему отцу: с раннего возраста он был излишне благочестив и набожен для первого лица королевства, а позднее скрывавшаяся в нем болезнь вырвалась наружу — король

страдал слабоумием. Единственный памятник, который положительно связывается в общественном сознании англичан с этим королем, это капелла Кингз-колледжа в Кембриджском университете. Генрих не любил воевать, он был явно неспособен к принятию каких-либо политических решений, так что с самого начала и до конца своей жизни он являлся настоящей марионеткой в руках более талантливого (или решительного) окружения — сначала своих дядьев, а затем волевой и решительной супруги. Его неудачное правление продолжалось около сорока лет, десять лет он провел в ссылке или в заточении, наблюдая за тем, как у него на глазах рушится могущество династии, бывшей при его вступлении на престол одной из самых сильных и влиятельных в Европе. Именно тот факт, что король Генрих никак не проявил себя в качестве политика, и оказал решающее влияние на политическую жизнь Англии середины XV столетия.

Основная часть войн, переворотов и прочих “кровавых” событий, что столь нередки в истории, пришлось на вторую половину его правления. Большая же часть периода его пребывания на престоле обошлась без конфликтов. Возможно, это объяснялось тем, что наиболее могущественные английские магнаты — Ричард Бошамп и Ричард Невил, графы Уорвикские, и Ричард, герцог Йоркский, которые теоретически могли внести элемент брожения во внутреннюю жизнь Британского королевства, в это время были заняты на континенте — Столетняя война с Францией продолжалась. В это время все политические конфликты решались мирным путем. Пока Генрих был маленьким мальчиком, да и впоследствии долгие годы над его разумом и волей довлели три человека, в чьих жилах также текла королевская кровь. Речь идет о Джоне, герцоге Бедфорде, дяде короля, который был прекрасным правителем, замечательным солдатом и уважаемым человеком; именно он удерживал позиции Англии на континенте, пока Генрих не достиг совершеннолетия. Вто-

рым был Хамфри, герцог Глостерский, другой дядя короля. В этом человеке смешались самые, казалось бы, несовместимые качества: он был отважным солдатом и покровителем литераторов, в политических деяниях он не отличался изяществом и склонностью к общепринятым стандартам политики, однако на протяжении четверти века он был самой яркой, прямо-таки феерической фигурой на политической сцене Англии. Другой родич Генриха — Генрих Бофор, епископ Винчестерский, сын Джона Гонта, был также фигурой неординарной, хотя и очень противоречивой. В свое время Генрих V не позволил ему занять кардинальский пост, однако позже тот все-таки добился своего. Бофор весьма живо интересовался церковной политикой на континенте — в 20-е годы он хотел добиться участия английской армии в походах против чешских еретиков-гуситов. Судя по всему, его затаенной мечтой было желание оказаться при папском дворе. Однако всю свою сознательную жизнь, начиная с 1404 года, когда он стал канцлером, и до своей смерти в 1447 году он оказывал самое решительное влияние на внутреннюю политику Английского королевства. В его руках находились огромные финансовые средства, которые он с завидным успехом использовал на благо короны и страны, на забывая, конечно, и себя. В условиях Столетней войны поддерживать на плаву государственный корабль было довольно обременительно, и все-таки Генриху Бофору это удалось. Говорят, что епископ давал огромные суммы денег в рост... Что ж, даже если это деяние, отвергавшееся католической церковью, и было, польза от него для королевства также была весьма ощутимой.

В ноябре 1422 года парламент принял специальный указ, в котором регулировался порядок управления страной на период малолетства Генриха VI. Поначалу на должность регента претендовал Глостер, но ему отказали, ибо этому человеку попросту никто не доверял. Ему поручили возглавлять совет лордов, епископов и министров, а также занимать

пост протектора королевства, но только на время отлучки из Англии Бедфорда. Более всего на пост правителя подходил именно Бедфорд, однако его постоянные отлучки с островов на континент приводили к беспорядкам и постоянным спорам в совете и противостоянию между Бофором и Глостером. Бофор занимал пост епископа Винчестерского с 1405 года, он часто снабжал деньгами и дом Ланкастеров. Так что он обладал огромным количеством средств, которые требовались правительству для проведения своей политики в жизнь. Дом же Глостеров, обладая недостаточным количеством земель, постоянно испытывал недостаток в деньгах. Поэтому все политические комбинации с участием Бофора, как правило, приводили к успеху. Постоянные же попытки Глостера силой решать накапливавшиеся проблемы привели к тому, что с 1422 по 1440 год между ним и Бофором периодически возникали весьма серьезные кризисные ситуации, которые едва-едва разрешались мирным путем. В то время как Бофор постоянно поддерживал деньгами и личным участием войну с Францией, Глостер вел свою особую внешнюю политику, пытаясь использовать в борьбе и Бургундию, и антифламандские настроения, весьма заметные в то время в среде английских торговцев шерстью и сукнами. Первый серьезный конфликт разгорелся в октябре 1425 года, когда Глостер, вернувшись из военной экспедиции с континента, не сошелся с советом по вопросам финансирования и после того, как его не допустили в Тауэр, обратился к жителям Лондона за вооруженной поддержкой. Его призыв отнюдь не был каким-то сумасшествием, как то может показаться на первый взгляд — лондонцы были очень недовольны теми протекционистскими мерами, которыми парламент защищал зарубежных производителей и торговцев. Бедфорд кинулся в Англию, чтобы восстановить порядок. В 1426 году в Лестере состоялось особое заседание парламента, на котором оба противника с большим трудом пришли к перемирию, а чуть поз-

же, в январе 1427 года Глостера заставили подписать договор, по которому он вслед за Бедфордом обязывался действовать только с разрешения и по одобрению советом. Однако в 1431 году, когда Бофор с королем находились во Франции, Глостер затеял новую смуту. Ссылаясь на ряд законодательных актов и договоренности, существовавшие между кардиналом и папой, он добился полной замены всех министров, назначив на их места своих сторонников. Таким образом он произвел настоящий государственный переворот. Бофор был вынужден вернуться в Англию, однако теперь ему пришлось держать ответ перед парламентом, который выдвинул против него ряд обвинений, впрочем, практически полностью необоснованных. Очистившись от них, он попытался восстановить свое прежнее могущество, однако сделать это ему удалось лишь через два года. В 1436 году Глостеру еще раз удалось на какое-то время выйти на авансцену английской политической жизни. В тот год бургундская армия осадила Кале и английская армия под командованием Глостера отправилась во Фландрию. Очень скоро он превратился буквально в национального героя. На какое-то время Бофору был нанесен действительно сильный удар.

Конечно, все эти выпады Глостера мешали и досаждали королевскому окружению, однако в конечном итоге не представляли смертельной опасности. После смерти Бедфорда в 1435 году и достижения королем совершеннолетия в 1437-м королевские родственники сплотились еще больше. Власть все больше и больше ускользала из рук совета, переходя к тем людям, которые стояли не только над ним, но — что было очень важно для тех времен — и над королем, независимо от возраста последнего. Помимо Бофора в эту клику входили и другие не менее известные люди: Вильям де ла Пол, граф Саффолк; Адам Молейнс, епископ Чичестера; Джон Кемп, архиепископ Йоркский, а также члены семьи Бофоров — графы Сомерсет и Дорсет. В 1440 году Глостер подверг резким

нападкам политику мирных переговоров с Бургундией и французским королем Карлом VII через посредство герцога Орлеанского. Он объявил совет в продажности и абсолютном забвении национальных интересов. Однако за этими громкими словами не стояло никакой *реальной* силы, ни политической, ни физической. Его бессилие лишней раз продемонстрировал процесс, который провели против его жены епископы, отомстившие таким образом за те притеснения, которым они порой подвергались с его стороны. Супруга Глостера была обвинена в колдовстве, и хотя смерть и костер ей за это не грозили, тем не менее ее присудили к публичному наказанию на улицах Лондона.

По мере того как Бофор старел и потихоньку отходил от активной политической жизни, его место занимали верные ученики и соратники. Первое место среди них занял Саффолк, получивший в 1448 году титул графа. Этот человек достиг своего звездного часа, когда ему удалось фактически осуществить всю “операцию”, связанную с женитьбой короля на Маргарите Анжуйской. После этого он стал самым могущественным человеком при дворе, получив заодно массу земель и сокровищ. Когда же Глостер стал претендовать на некие земли, которые должны были ему отойти по договору, Саффолк понял, что этот человек стал для него слишком опасен. Хитрый политик, он добился в парламенте импичмента в отношении Глостера, и тот был посажен в тюрьму. Однако бедняга не дождался суда над собой: он скончался в самом начале 1447 года в тюрьме. Несколько недель спустя покинул сей мир и Бофор.

Начало войны Роз: 1447—1461

В первой части шекспировской трагедии “Генрих VI” есть замечательная и очень известная сцена, когда Йорк и Сомер-

сет указывают на белую и красную розы в саду как на символ своего вечного противостояния. Традиционное название “Война Алой и Белой розы”, применяемое для характеристики различного рода мятежей и сражений в период с 1455 по 1485 год, точно так же, как и известное словосочетание “Столетняя война”, вводит любого из нас в заблуждение. Белая роза действительно изначально являлась знаком дома Йорков, но красная роза Тюдоров появилась под занавес всех этих событий, когда Тюдоры объявили о своих претензиях на престол. В шестнадцатом столетии в Англии был создан еще один исторический миф, согласно которому в конце XV века страна была погружена в абсолютный хаос, из которого ее извлекли исключительно Тюдоры. Писатели эпохи Тюдоров утверждали, что победа Генриха VII на Босвортском поле положила конец тем ужасам, что были порождены анархией, явившейся, в свою очередь, итогом узурпации, совершенной в 1399 году Болингброком. Об узурпации же престола Генрихом VII — а она была, причем была столь же циничной, как и все остальные узурпации — говорилось, что он таким образом урегулировал все вопросы, взяв в жены представительницу семьи Йорков. Да и вообще, говорили тогда, он ведет свое происхождение от древних королей Британии. В основном материалы этой пропагандистской кампании известны сегодня каждому, кто хоть немного знаком с историческими хрониками Шекспира — великий драматург черпал свой материал именно из подобных источников. Генрих IV под его пером превращается в несчастного короля, пострадавшего из-за того, что он в свое время узурпировал трон. Генрих V выступает в виде удачливого воина и замечательного правителя — ведь он не узурпатор!

Если говорить об исторической правде, то все эти построения, принадлежащие перу тюдоровских историков, государственных деятелей и писателей, следует весьма серьезно “подчистить” как в целом, так и в отдельных деталях. Не

секрет, что именно они являются авторами ходячего мнения о Ричарде III как о тиране, по приказу которого были убиты “принцы Тауэра”, Эдуард V и его брат. Первым подобное стал утверждать знаменитый государственный деятель и мыслитель Томас Мор в своей “Истории Ричарда III”. Позже его слова подхватили другие. Конечно, все это очень похоже на правду хотя бы уже потому, что другие свидетельства отсутствуют и сам Ричард был заинтересован в устранении возможных соперников. Однако и в пользу этого утверждения нет никаких весомых доказательств. Генриху VII было очень выгодно представить дело именно таким образом. Ведь эпоха войны Роз на самом деле не была чем-то выдающимся по сравнению с более ранними периодами английской истории. Если говорить о ее “кровавости”, то в этом плане она была “скромнее” эпохи правления короля Стефана в первой половине XII века. Фактически эта война представляет несколько разбросанных во времени сражений, разделенных длительными промежутками, на которые приходились перемирия. Придя в 1485 году к власти, Генрих Тюдор стал действовать весьма решительно, применяя методику, разработанную еще Эдуардом IV. Он желал восстановить финансовую систему государства и былой авторитет центрального правительства и королевской власти. В отношении войны Роз справедливо, конечно, то, что в это время в стране напрочь исчезла идея, касающаяся правильного наследования трона, что породило к жизни разного рода мятежи и выступления. Так что, хотя Шекспир и писал свои пьесы более чем через сто лет после описываемых событий, в его сознании вопрос о престолонаследии действительно считался важным.

Одна из причин войны Роз лежит в узурпации престола, проведенной в 1399 году Болингброком. Начиная с этого времени многие придворные говорили, что претензии Ланкастеров на трон имели под собой столь же мало оснований,

как и заявления потомков графа Марча, которого Ричард II назначил своим преемником. В середине XV столетия такие же претензии высказал Ричард, герцог Йорк. Причины войны следует искать в личностном противостоянии, наблюдавшемся среди верхушки английской аристократии, которая с уходом Генриха VI вышла в полной “красе” на политическую сцену, а также в окончании войны на континенте, горечи поражения и стремлении выплеснуть куда-либо энергию, накопившуюся на полях сражений. Так что можно с полной уверенностью утверждать, что те партии, которые столкнулись друг с другом на полях туманного Альбиона, оформились в течение 1443—1445 годов. Дело было в следующем. Французы очень быстро вытесняли англичан из Гаскони. Английский совет разработал ряд мероприятий, которые должны были подорвать влияние в этих целях Ричарда Йорка. Сам Йорк сражался в Нормандии, однако занимал пост “лейтенанта всей Франции”. На материк в чине капитан-генерала Франции и Гаскони прибыл Джон Бофор, однако успех ему явно не сопутствовал и в 1444 году он скончался. К этому времени Саффолк уже заменил Бофора на посту руководителя совета и стало ясно, что англичане не в силах противостоять французам, а потому следует заключить мир. Сделать это удалось довольно хитроумным способом. Саффолк, пользуясь доверием со стороны семьи Бофоров и герцога Орлеанского, организовал бракосочетание короля Генриха и Маргариты Анжуйской. Он согласился передать французам Мэн, который еще находился в руках англичан. Свадьба состоялась в апреле 1445-го, Эдмунд Бофор, брат покойного герцога Сомерсета, готовился воспринять титул лейтенанта Франции, Мэн, несмотря на сопротивление английских солдат, передали французам.

Результаты этих маневров были весьма существенны. На политической сцене Англии появилась новая звезда — Маргарита Анжуйская, личность талантливая, амбициозная, умев-

шая добывать власть и богатство для своих друзей. Она действительно слила в единое целое придворную партию, став настоящим вождем этой коалиции. С самого начала Маргарита объединилась с Бофором и Саффолком (последний и привез ее в Англию). Но у них были серьезные противники. Несмотря на то, что главный враг мира с французами, Глостер, в 1447 году отошел в мир иной, среди военных как на островах, так и на континенте было много людей, которые выступали против *такого* решения вопроса, какое провели в жизнь Бофор со товарищи. В результате между королевскими домами Йорков и Бофоров появилась широкая, но пока невидимая внешнему миру трещина. Бофоры и Саффолк (который к 1448 году стал не только герцогом, но и получил звание капитана Кале) находились на вершине власти, а их противник, Йорк, был нейтрализован под благовидным предлогом: он стал представителем короля в Ирландии. В итоге этот раскол, усилившийся на фоне военного поражения во Франции, стремительно пустеющей госказны и нараставшего общественного хаоса в Британии, привел к восстанию и падению дома Ланкастеров. Долгое время Ланкастеры могли контролировать работу государственного механизма и пользоваться поддержкой магнатов, однако их закату способствовали неудачи во внешней и внутренней политике, которые перечеркнули все, что когда-то играло им на руку. Им противостоял Ричард Йорк, один из крупнейших землевладельцев, опытный политик, потомок сыновей Эдуарда III по отцовской и материнской линиям, у которого были все основания претендовать на английский престол. На его стороне выступили два влиятельных представителя семьи Невиллов, которые выдвинулись, главным образом, благодаря удачному браку: Ричард, граф Салисбери, наследник владений Монтагю, и его сын, тоже Ричард, граф Уорвик, вступивший во владение землями Бошампа в 1449 году. Именно с этого времени Ричард-сын начнет свою головокружительную карьеру, ко-

торая принесет ему весьма говорящее прозвище “делатель королей” (Kingmaker). У той и другой стороны были набравшиеся опыта в боях Столетней войны войска, более того, они даже были связаны родственными узами.

До 1454 года Ланкастеры сохраняли контроль над правительством и избегали открытой войны с Йорками, хотя и находились в открытой оппозиции по отношению к ним. Серьезный кризис разразился в конце 1449 года, когда королева вновь потерпела неудачу в войне на земле Нормандии и была вынуждена обратиться к парламенту за финансовой поддержкой. В начале 1450 года от руки убийц погибает епископ Молейнс, а Саффолк проходит процедуру импичмента, поскольку его считают ответственным за поражения на континенте. И если раньше в случае нападок парламента его защищал король, то теперь даже монархия защита не спасла его. Саффолк был изгнан и таинственным образом погиб во время плавания через Ла-Манш.

Как раз в это время на территории Англии вспыхнуло и очередное народное восстание. В июне-июле 1450-го в Кенте началось движение под руководством Джека Кеда. Среди требований звучало стремление отстранить от власти придворную партию, покончить с финансовой коррупцией и третируванием королевских чиновников, возвращение в королевскую казну розданных земель и отмена закона о трудящихся. Это восстание не было обычным крестьянским восстанием против социального неравенства и угнетения. Восставшими руководили скорее желание реформ в политике и управлении государством. Среди них было много зажиточных крестьян и землевладельцев. Их симпатии находились на стороне Йорков. Странники Кеда захватили Лондон и несколько дней держали город в страхе, несколько придворных было казнено, но восстание не привело к гражданской войне между магнатскими группировками. После подавления восстания враждебность между Йорком и Сомерсетом

стала более очевидной. В парламенте 1450—1451 годов Йорк, только что вернувшийся из Ирландии, метал громы и молнии, палата общин призывала удалить Сомерсета и его сторонников от двора, а один из ее членов даже подал петицию, в которой предлагал признать Йорка наследником престола. В 1452 году Йорк подвергся аресту за оскорбление Сомерсета и за то, что подбивал войска к мятежу.

Июль—декабрь 1453 года немного изменили ситуацию. Периодические стычки между магнатами переросли в конфликт между Йорками и Ланкастерами. Столкновение между фамилиями Перси и Невиллов привело к сражению у Стэмфорд Бридж (август 1453). Тогда же с Генрихом VI случился первый приступ безумия, который продолжался около полугода. Это на какое-то время ослабило возможность Маргариты влиять на придворную жизнь, однако рождение в октябре того же года единственного сына вроде бы обеспечивало Ланкастерам преемственность линии наследования, усилив как ее позиции, так и еще более обострив желание противника достичь своей цели. В 1453—1454 годах Сомерсет опять подвергся яростным нападкам со стороны своих недругов и, несмотря на сопротивление королевского двора, Йорк был объявлен протектором королевства на время болезни короля. В течение последующих двух лет двор попеременно контролировался то сторонниками Йорков, то последователями Ланкастеров. Все то время, пока Йорк занимал пост протектора, Сомерсет и герцог Эксетер находились в тюрьме. Когда же в декабре 1454 года Генрих VI слегка оправился, Йорку пришлось сложить свои полномочия и Сомерсет вернулся к власти. Однако мир длился недолго.

В мае 1455 года у городка Сент-Олбанс произошла первая битва войны Роз. Именно с этого времени и ведется формальный отсчет начала этой войны. Армия Йорков одержала победу, а Сомерсет и Нортумберленд пали на поле битвы. В конце этого же года Йорк опять занял пост протекто-

ра, во многом благодаря давлению, оказанному его сторонниками на парламент. На этой должности он находился до конца 1456 года.

С военной точки зрения 1456—1459 годы были периодом относительного затишья. Маргарита вновь взяла бразды правления в свои руки, подчинив двор и правительство. Единственным исключением оставался город Кале. Уорвик не отказался от своей должности (напомним, он был капитаном Кале) — под рукой у него была единственная боеготовая на то время армия. Да и возможности подготовиться к военным действиям у него было больше. Йорк возвратился в Ирландию. В 1459 году каждая сторона вновь начала спешно вооружаться, готовясь к решительным боям. Сначала 23 сентября Йоркисты одержали победу в битве при Блор Хит, но 12 октября армия Йорка потерпела поражение при Ладфорд Бридж. Несмотря на отсутствие поддержки со стороны парламента, они сохранили свои силы и вернулись — Йорк в Ирландию, Уорвик в Кале. Именно оттуда и началось решительное наступление.

В июне 1460 года Уорвик пересекает Ла-Манш (с ним идет его отец, граф Салисбери, и младший сын герцога Йорка, Эдуард, граф Марч, будущий Эдуард IV). Очень быстро их войска достигают Лондона и захватывают город, после чего движутся в Нортгемптон. Там в июле они разбивают королевскую армию и берут в плен короля. Теперь партия Йорка контролирует правительство, и осенью герцог впервые обращается к парламенту с речью, в которой он заявляет о своем желании сесть на трон вместо Генриха VI. Однако подобное заявление встретило решительный отпор. Йорку удалось добиться того, что его назначили протектором на все то время, пока будет жив Генрих. Трон ему обещали только после смерти несчастного короля. Маргарита, естественно, не одобрила подобной перспективы и предложила борьбу. В конце того же года Йорк, собрав войска, направился реши-

тельным маршем на север, желая окончательно разгромить войска Ланкастеров, однако 30 декабря 1460 года в битве при Уэйкфилде был убит. Теперь страна окончательно разделилась на две враждующие партии. Новый герцог Йорк, Эдуард, разбил 2 февраля 1461 года армию Ланкастеров у Мортимер Кросс в Херефордшире. После чего направился в сторону Лондона. Однако Маргарита, собрав на севере свои силы, сумела 17 февраля одержать весьма важную для нее победу во второй битве при Сент-Олбансе, разбив войска под командованием Уорвика. Генрих VI был освобожден, а решительная королева также направилась к Лондону. Эдуард, граф Марч, успел туда первым — он оказался в городе 26 февраля. Горожане поддержали его и 4 марта молодой герцог Йорк был провозглашен в Вестминстере королем под именем Эдуарда IV. После торжественной церемонии он вновь вернулся к ратным делам — и вскоре отеснил подошедшие было к городу войска Маргариты к городку Таунтон, где противники встретились в решающей схватке первого этапа войны.

Самое крупное по числу участников сражение войны Роз — битва при Таунтоне — произошло 29 марта 1461 года. Стоял обычный весенний день (было Вербное воскресенье), когда войска противников встретились на небольшой равнине в 10 милях к юго-западу от Йорка. Йоркисты уже несколько дней преследовали противника и, перейдя реку Эйр 28 марта, на следующий день напали на неприятеля. Накануне, ночью, погода была тихая и спокойная, однако утром небо внезапно затянуло тучами и повалил снег, сопровождавшийся сильными порывами ветра. Получилось так, что снег шел сплошной пеленой и слепил глаза ланкастерцам. Поначалу армии стояли друг против друга и не начинали боевых действий: йоркисты не были уверены в собственных силах, а их противник не знал точного расположения сил врага. Время шло, когда около 10 часов утра один из коман-

дующих армии Йорков принял на себя ответственность и вступил в бой. Он понимал, что в этом случае промедление и выжидание могут обойтись впоследствии очень дорого. Сражение продолжалось до самого вечера. До полудня оно шло с переменным успехом. Поначалу удача была на стороне Йорков — их лучники, пользуясь снежной мглой, подошли поближе к войскам Ланкастеров и дали залп, после чего поспешно отошли на исходные позиции. Войско Ланкастеров, которое уже давно стояло в неподвижности, не зная наверняка, где находится противник, начало беспорядочную стрельбу, думая, что йоркисты пошли в атаку. Однако стрельба не принесла фактически никакого результата: у многих луков размокла тетива, цели стрелки не видели и посылали стрелы действительно “в белый свет”. Очень скоро их колчаны опустели, а их хитрые соперники подобрали выпущенные в них стрелы и обрушили их на незадачливых врагов. Несколько раз среди снежной пелены раздавалось и басовитое рывканье пушек, которые были у каждой из сторон, но надо честно сказать, что огнестрельное оружие в этой битве не имело никакого значения. Преодолев все-таки сильное сопротивление Йоркистов, войско сторонников Ланкастеров стало теснить их на левом фланге. Положение спас подход свежих сил под командованием Джона Моубрея, 3 герцога Норфолка. Его воины обрушились на уставших бойцов-ланкастерцев, и те побежали. Опьяненные внезапной победой Йоркисты безжалостно убивали бежавших. В плен не брали никого. Позднее, подсчитав примерно число убитых и раненых на поле боя, современники назовут это сражение “самым крупным и самым кровавым” из всех битв войны Алой и Белой розы. Точная цифра потерь неизвестна (Эдуард в одном из писем называет 28 тысяч человек), но известен тот факт, что поле боя и прилегавшие к нему местности были завалены трупами, а река на протяжении двух миль была окрашена в красный цвет.

После такого ужасающего разгрома королева, ее супруг и сын бежали в Шотландию. Англия перешла под контроль Йорков, в стране оставались лишь отдельные очаги сопротивления сторонников Ланкастеров.

Эдуард IV и граф Уорвик: 1461—1475

Оказавшись на столь долгожданном престоле, Эдуард немного растерялся. Перед ним встала очень сложная проблема взаимоотношений с теми, кто помог ему победить. Первые десять лет своего правления он, человек действия, никак не мог полностью переманить на свою сторону не только всю знать, но даже собственных братьев — Джорджа, герцога Кларенса и Ричарда, герцога Глостера. Опереться он мог только на тех, кого он сам провел на высокие должности. Среди доверенных лиц были его родственники, граф Риверс и лорд Скейлс, семья Перси, Хамфри Стаффорд, которому он даровал титул графа, Вильям лорд Хастингс и другие. Между тем в стране ничего по сути не менялось. По-прежнему процветало взяточничество и казнокрадство, тут и там вспыхивали войны и конфликты местного значения, предводители которых зачастую даже не пытались скрывать, что это обычные стычки местных феодалов, не связанные с высокими целями воюющих Роз. Словом, все было как в последние годы правления Генриха VI. Вскоре выяснилось, что Эдуарду противостоят уже двое противников — Ланкастеры и... Уорвик со своими сторонниками. Поскольку Столетняя война закончилась недавно, то по инерции эти три политические силы пытались продолжить политику заключения международных союзов, направленных друг против друга. Первые несколько лет Эдуард и Уорвик шли рука об руку в своем стремлении уничтожить последние гнезда сопротивления сторонников Ланкастеров. На этом поприще они дос-

тигли значительных успехов. Так, в 1462 году был казнен граф Оксфорд, пытавшийся высадиться с войсками на восточном побережье Англии. Главные же силы ланкастерской оппозиции пребывали в Шотландии, откуда изредка пытались установить контроль над пограничными английскими замками типа Алнуик и Бамборо. Эти поползновения вызвали немедленную реакцию йоркистов, которые, совершив ряд экспедиций, к 1464 году смогли, наконец, установить твердый и постоянный контроль над пограничными землями. В этом же году был арестован и казнен профессиональный перебежчик герцог Сомерсет, к тому моменту уже дважды менявший политическую ориентацию. Между тем Маргарита не теряла надежды на получение помощи с континента. Начиная с 1462 года она настойчиво стала домогаться поддержки от нового короля Франции Людовика XI, фигуры политически весьма активной. Однако хитрый Людовик, видевший в лице герцога Бургундского самого главного своего врага, не мог не понимать, что вступать в эту заранее проигранную партию чревато, а потому ограничивался, в основном, сугубо словесной поддержкой. Однако в глазах Йорка подобная связь была опасной.

Мирная передышка, достигнутая к 1464 году, могла бы продолжаться довольно долго, если бы не разногласия в правящем лагере. Первым их проявлением стал тайный брак Эдуарда с Елизаветой Вудвилл. Он был заключен без ведома и против желания Делателя королей. К тому же королева происходила из захудалого дворянского рода, и скоро неприязнь, возникшая между королем и Уорвиком, переросла в настоящую вражду. Следующие пять лет они оба занимались тем, что искали себе действенной поддержки за рубежом, но, естественно, в разных лагерях. Эдуард продолжал придерживаться старых связей с Бургундским двором. В 1468 году он выдал свою сестру Маргариту за бургундского герцога Карла. В свою очередь Уорвик вел сепаратные пе-

переговоры с Людовиком XI, то ли желая как-то изменить внешнюю политику Англии, то ли преследуя исключительно свои корыстные цели. Несмотря на попытки одного из представителей семьи Невиллов Джорджа, архиепископа Йоркского, примирить враждующие стороны, конфликт углублялся на глазах. Очень сильно стали расходиться бывшие союзники и по вопросам внешней политики.

В июле 1469 года Уорвик и брат короля Кларенс связали себя родственными связями. Находясь в Кале, они заключили своего рода союз, направленный против Эдуарда. Примерно в это же самое время на севере началось восстание, за которым стояли люди Невилла. В сражении при Эджкоте войска Йорка были легко разбиты, Риверс и Девон убиты, а король взят в плен. Следующие несколько месяцев обе стороны вели между собой длительные переговоры, в итоге которых Эдуард вернулся к власти и к марту 1470 года установил контроль над страной. Но Кларенс и Уорвик, хотя их и вынудили бежать во Францию, отступать не собирались. В итоге Уорвик договорился с Маргаритой, и осенью 1470 года он вместе с Кларенсом высадился в Девоне, чтобы вновь объявить королем Генриха VI. Эдуард, не имевший достаточно войск, поспешно бежал в Нидерланды. Старого короля Генриха извлекли из Тауэра, где он сидел с 1465 года, и на несколько месяцев знамя Ланкастеров вновь осенило королевский трон.

Между тем находившийся в Европе Эдуард не опускал рук. Воспользовавшись войной, разгоревшейся между Францией и Бургундией, он получил от Карла войска и деньги. Бургундскому герцогу было выгодно нейтрализовать Ланкастеров — сторонников Людовика. Весной 1471 года он высадился в Хамбере. И тут произошло неожиданное: пока он направлялся к Лондону, к нему переметнулся Кларенс. Хитрый Уорвик попался в ловушку. Объединенные войска Эдуарда и Кларенса нанесли сокрушительное поражение всем

своим противникам — 14 апреля, на Пасху в битве при Барнете были разбиты войска Уорвика. Этой победе предшествовало взятие Лондона. Город пал в одно мгновение, и злосчастный Генрих вновь попал в руки врагов. Однако на этот раз он прожил в плену всего несколько недель (скорее всего, он был убит в Тауэре). После этого Эдуард направился на север, так как он знал, что из района Ковентри ему навстречу движутся войска Уорвика. Место для битвы выбрал Уорвик. 13 апреля он вместе с Джоном де Вере, 13 графом оксфордским, и Эдмундом Бофором, 4 герцогом Сомерсетом, остановились у местечка Хэдли Грин близ Барнета, решив дожидаться врага здесь. Войска Эдуарда, с которым следовали его брат Ричард (будущий король Ричард III) и барон Уильям Хастингс, прибыли в этот же день вечером. Ночь они провели буквально рядом с противником и на рассвете пошли в атаку. В итоге Эдуарду удалось одержать решительную победу несмотря на то, что левый фланг его войска подвергся ужасающему разгрому. На этот раз фортуна изменила Уорвику — “делатель королей” сражался пешим и погиб во время бегства с поля боя. Несогласованность в действиях Ланкастеров привела к тому, что Эдуард разбил их силы поодиночке. В этот же день войска Маргариты высадились в Веймуте. Узнав о поражении при Барнете, она попыталась ускользнуть на запад, направившись в сторону Уэльса. Однако Эдуард опередил ее, перехватив у реки Северн. 4 мая произошла битва при Тьюксбери. Войско Ланкастеров было разгромлено, Маргарита попала в плен, ее единственный сын Эдуард, как считается, пал на поле боя. Однако согласно одной, небезосновательной, версии, он был специально убит уже после боя. Лишние претенденты на престол, пусть и законные, были не нужны.

Одержав столь внушительные победы, Эдуард мог не беспокоиться: его власть была непоколебимой. Невилы были фактически уничтожены, даже архиепископ Йоркский нахо-

дился в плену. Король из Ланкастеров был мертв, а его сторонники рассеялись словно осенние листья под порывами ветра. Поэтому теперь Эдуард мог спокойно проводить в жизнь свою политику. Показательно, что практически ни один лидер ни одного лагеря в своей деятельности не обращал внимания на население страны. Внутренняя политика интересовала их менее всего, их взоры были обращены на континент. Эдуард заключил соглашение с Карлом Бургундским, по которому он обязывался в 1475 году высадиться на территории Франции. Деньги были собраны, армия снаряжена, и король пересек Ла-Манш. Однако перед самым началом военных действий Эдуард встретился с Людовиком, и в августе 1475 года в Пикиньи оба короля подписали договор. Он был очень выгоден для английской короны — англичане выводили свои войска за огромный выкуп. Через два года Бургундское герцогство пало, между тем как Эдуард продолжал сидеть на престоле, не терпя нужды ни в чем и наслаждаясь долгожданным спокойствием.

Конец династии Йорков, 1475—1485

Пожалуй, единственно опасными людьми в этот период для Эдуарда оставались его братья — Джордж, герцог Кларенс, и Ричард, герцог Глостер. После падения Невиллов Эдуард получил во владение их обширные земли. Его младшие братья постоянно претендовали на часть полученных старшим братом богатств, но тот словно поставил перед собой цель превзойти их обоих. Наконец в 1474 году владения Бошампа и Деспенсера перешли в собственность Кларенса, а имущество Салисбери и Невила — к Ричарду. Но недовольство Кларенса, которое умело использовали противники Эдуарда, не затихало ни на минуту. Возможно, на это повлиял и отказ со стороны Эдуарда взять в жены Кларенсу наследни-

цу бургундского престола. В 1477 году против герцога было состряпано уголовное дело — некоторых его сторонников обвинили в некромантии и в стремлении навредить королю, после чего арестовали и самого Кларенса. В 1478 году он был осужден парламентом и погиб, но то, как он умер, до сих пор неизвестно.

Наконец в апреле 1483 года скончался и Эдуард IV. В это время его преемнику, Эдуарду V, было только двенадцать лет. И вновь, как в малолетство Генриха, вокруг этого ребенка разгорелись нешуточные страсти. Жизнь двора и юного короля держали под строгим контролем королева-мать и родственники и приближенные покойного короля. Среди них были Граф Риверс, маркиз Дорсет, Уильям лорд Хастингс и Томас лорд Стэнли. Их очень устраивала в качестве регентши королева-мать, и они всячески поддерживали ее. Тем не менее самым могущественным человеком в государстве был Ричард Глостер, которого сам король прочил в свое время на пост регента. Предыдущие несколько лет он провел на севере; там у него были обширные владения, дарованные ему за успешные действия против шотландцев. И вот теперь он решил, что его час пришел. Бросив вызов двору, он двинул свои силы на юг, вступил во временный союз с Генри Стаффордом, герцогом Бэкингемом, разбил войска Риверса у Стони Стратфорд и взял в плен не только этого царедворца, но и самого короля. Завидев такой оборот дел, королева удалась в Вестминстер, Дорсет затерялся где-то среди полей доброй старой Англии, и не прошло и месяца со дня смерти Эдуарда IV, как Ричард взял под свой контроль Лондон и был готов занять пост протектора.

Теперь Ричарду нужно было придать законность своим поступкам и будущим претензиям на английский престол. Он приказал казнить ведущего юриста времен Эдуарда, Хастингса, за то, что тот отказался придать видимость законности его амбициозным планам и через два месяца выступил со

специальной речью перед парламентом. В ней он утверждал, что брак Эдуарда недействителен, что он был заключен с помощью колдовства, что Эдуард V не является законным наследником, а следовательно, трон должен перейти именно к нему, Ричарду. 26 июня парламент подтвердил законность притязаний Ричарда, а 6 июля 1483 года произошла церемония коронации. Вскоре был казнен Риверс, а затем в Тауэре погибли и оба сына Эдуарда, которые якобы по его приказу были задушены подушками...

В том, что Ричард смог подобным образом взойти на трон, не было ничего удивительного. Хаос, царивший в верхних эшелонах власти, и пертурбации времен войны Роз сделали это вполне возможным. Однако правление Ричарда продолжалось всего два года и было омрачено заговорами и необходимостью отбиваться от нового претендента на престол. Осенью того же года на западе вспыхнуло антикоролевское восстание, которое возглавил бывший верный слуга Ричарда Бэкингам. Его поддерживали Вудвили и старые ланкастерцы, семья Куртенэ. Восстание было подавлено, действиям восставших помешали сильные дожди и разливы рек, а Бэкингам казнен. Если бы это восстание достигло своей цели, то на престоле оказался бы граф Ричмондский Генрих Тюдор. Впрочем, история показала, что этот человек два года спустя добился-таки своей цели. Достаточно слабо подкрепленные претензии Генриха на трон основывались на его тесном родстве с Ланкастерами. Его отец Эдмунд был сыном вдовы Генриха V и уэльсца Оуэна Тюдора. Его мать, Маргарита Бофор, графиня Ричмонд в то время была еще жива и числилась единственной наследницей герцога Сомерсета. Генрих участвовал в битве при Тьюксбери, потом находился во Франции и в 1484 году вернулся на родину. Несмотря на неудачу восстания Бэкингема, он на следующий год возобновил свои попытки. Высадившись 7 августа с армией в Милфорд Хэвен в Пемброкшире, где графом был его дя-

дюшка Джаспер, Генрих стремительно направился через Уэльс и 22 августа 1485 года встретился с Ричардом в решающей (и последней) битве войны Роз на Босвортском поле.

Это историческое для Англии поле, на котором зародилась новая королевская династия Тюдоров, расположено в двенадцати милях к западу от Лестера. Направлявшийся туда Генрих буквально в каждом населенном пункте встречал радушный прием и поддержку. В Лестершире к нему присоединился бывший йоркист Томас Стэнли, 2 барон Стэнли, впоследствии 1 граф Дэрби, и его брат Уильям Стэнли. К тому моменту, когда войска Генриха оказались у Босворта, армия Ричарда уже заняла позиции на холмах в трех милях к югу от рыночной площади города. "Исторический" характер этого сражения несколько омрачается всеобщей бесполовостью, царившей на поле битвы. Тут и там виднелись кучки бойцов, сцепившихся друг с другом в смертельной схватке. Ни Ричард, ни Генрих не проявили своего полководческого дара. Фактически победу Генриху доставили отряды Стэнли и предательство Генриха Перси и графа Нортумберленда. Наблюдая с вершины одного из холмов, как гибнут его люди и победа ускользает из его рук, Ричард III, этот последний Плантагенет, ринулся в бой, презрев все опасности, желая собственноручно поразить мечом Генриха Тюдора. Однако многочисленные телохранители, сразив немногих спутников Ричарда, не задумываясь пустили в ход оружие, добравшись до этого решительного и отчаянного горбуна.

Считается, что победа на Босвортском поле принесла Англии мир и спокойствие. Последние сторонники Ричарда сложили оружие только через два года, после чего основатель новой династии Тюдоров продолжил последовательную борьбу за укрепление королевской власти, подавляя самостоятельность оставшихся в живых баронов. Проводить подобную политику новому королю было весьма легко, поскольку в ходе войны значительная часть старой феодальной ари-

тократии была уничтожена и на первый план выдвинулось новое дворянство и зарождавшаяся буржуазия, традиционно заинтересованная в сильной королевской власти.

Итак, война Алой и Белой розы закончилась. Правящие круги Английского королевства постепенно приходили в себя, горожане и крестьяне продолжали жить прежней жизнью - их война коснулась в незначительной степени. Порой даже говорят о том, что им было все равно, кто победит в этой войне. Действительно, военные действия коснулись только верхушки общества, они явились результатом той борьбы за власть, которая велась в среде английской аристократии. Однако в 1485 году на Босвортском поле родилась новая Англия, Англия, которая станет в скором будущем владычицей морей, Англия, многие сыновья которой пали в братоубийственной войне Роз, этой последней войне эпохи средневековья.

М.А.ТИМОФЕЕВ

Мэриан Палмер
БЕЛЫЙ ВЕПРЬ

Исторический роман

«Преданность меня обязывает».

Девиз Ричарда Глостера

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОЗОВЫЙ РАССВЕТ

ЯНВАРЬ 1465 ГОДА

Глава I

Женщины оставили свечи горящими, на стенах покоев развесили гобелены с изображением укрощенного единорога — так всегда делают, если невеста — девушка. На лестнице то там, то здесь звучали голоса — это переговаривались уходящие гости. Они задержались, глядя, как укладывают спать детей, и, умиленные этой милой картиной, обменивались традиционными шутками и полунамекками. Гости оставили новобрачных и отправились назад — к накрытому столу и танцам. “Потерпите еще несколько лет, — подбадривали они отца невесты, — и сами увидите, что дело сделано, узы крепки и нерушимы”. Владельцу Равенсворта Генри Фитцхью, которого беспокоило будущее дочери, оставалось только соглашаться. Да и что жаловаться — Анна еще слишком юна, и ее муж хоть и выглядит старше своих лет, а ведь совсем еще мальчик. Так или иначе Фитцхью был и удивлен и польщен предложением

отдать дочь за сына лорда Ловела, наследника Тичмарша, а уж совсем доволен и спокоен он будет, когда убедится, что дети легли в одну постель.

В башенной комнате, спальне молодоженов, громко трещали горящие свечи, звук этот заглушал даже вой труб. Напряженно вытянувшись под простынями и расшитым одеялом, юноша наблюдал за игрой теней на стене. Как он здесь оказался, совершенно понятно: взятка Фитцхью, чтобы был на нужной стороне. Итак, Фрэнсис Ловел — в качестве зятя, взамен ожидается, что неблагонадежный владелец поместий Йоркшира станет верным слугой короля. У самого-то лорда Ловела, повторял себе Фрэнсис, присягу на верность никогда не вымаливали с помощью таких даров. Но отец мертв, сердце его разбито, тело обращено в прах — он погиб от руки одного из Ланкастеров на Таунтонском поле, а наследник вместе с землями попал под опеку людей, которые вольны распоряжаться им вплоть до его совершеннолетия. Когда наступит это время, надо надеяться, он сделается верным приверженцем Йорка.

На другой половине кровати так же напряженно лежала девочка. Сверху, из-под одеяла выглядывал кончик ее носа, внизу виднелись пальцы ног. О чем она думала, молодой супруг ее не представлял себе, да и все равно ему было. Он почувствовал резь в глазах, отвернулся, подтянул к животу ноги. Он испытывал какую-то непонятную тоску.

На следующий день его ожидали новые сюрпризы. Оказывается, приехав в Равенсворт только накануне, Фрэнсис тут же должен был двигаться дальше; не под крышей Фитцхью предстояло ему проходить университеты, но в пятнадцати милях отсюда, в Миддлхэме, поместье графа Уорвика.

Сопровождал его капитан гвардии Уорвика, сэр Джон Блаунт, человек веселый и добродушный, ветеран великих войн Алой и Белой розы. С симпатией поглядывая на Фрэнсиса, он говорил, явно подбадривая его, с каким нетерпением ожи-

дают брачных торжеств в Миддлхэме, ведь госпожа Анна — родная племянница графа. Фрэнсис, на которого это сообщение (кстати, не являвшееся для него откровением) не произвело никакого впечатления, отделался невнятным мычанием. Несмотря ни на что, сэр Джон болтал без умолку всю дорогу, указывая на разные интересные, с его точки зрения, места, отпуская замечания по поводу быта в Миддлхэме и вспоминая славные деньки, когда он участвовал в смертельной схватке между королем Генрихом, принадлежавшим к ланкастерской ветви, и его родственниками — Йорками. Ричард Невил, молодой и бесстрашный граф Уорвик, поднял знамя и ринулся в бой вместе со своим дядей Ричардом Йорком, который уже был обречен, дабы наставить Англию на путь истинный. Это было давно: Ричард Йорк мертв, ему отрубили голову, и по приказу жестокосердой королевы, жены Генриха, насадили ее, для вящего унижения поверженного врага, на пик ворот у его собственного города — Йорка. Ричард Невил в гневе и печали вновь поднял мятеж, сорвал корону с седеющей и уже клонящейся долу головы Ланкастера и с триумфом увенчал ею золотистые локоны своего кузена Эдуарда, старшего сына убитого Йорка.

Веселый голос, в котором угадывался акцент уроженца Северной Англии, не умолкал. Фрэнсис, воспитанный совершенно по-иному, молча смотрел на медведя с герба Уорвика, который был изображен на плаще Блаунта, и перебирал в руках вожжи. Короткий зимний день клонился к закату. Едва они переехали вброд реку чуть ниже Лейберна, сэр Джон указал рукой на какое-то место впереди: “Ну вот, молодой человек, почти приехали. Это Миддлхэм”.

Замок, огромный и сумрачный, нависал над деревней, носившей одно с ним название. Он был окружен двойным рядом стен — внешним и внутренним, венчала замок могучая башня. В проеме северных ворот застыли каменные часовые: внутренние стены, как и внешние, были окружены

рвом, наполненным водой, бойницы имели удобную для лучников форму. Сэр Джон, оказавшись дома, окинул замок удовлетворенным взглядом, а его спутник оценивающе взирал на мощные фортификационные сооружения и, дрожа от холода, плотно завернулся в плащ. Таких мрачных, таких пустынных и диких мест, как Йоркшир, ему еще встречать не приходилось: только здесь могла вырасти эта грозная крепость — с нее хорошо наблюдать за окрестностями ей под стать, такими же каменистыми, отталкивающе гольми.

Часовые у ворот их уже поджидали — пропустили, вскинув руки в приветственном жесте. Вроде бы верно, подумал Фрэнсис, все здесь проявляют к нему интерес. Во внешнем дворике было полно людей, все они с любопытством смотрели на юного гостя. Фрэнсис спрыгнул с лошади. Он был еще совсем мальчик, ему только предстояло переступить порог отрочества. У него были чувственные, но в то же время выразительные губы, нежная кожа, которая сейчас покрылась краской из-за пристальных и любопытных взглядов многих пар глаз. Пока он в смущении переминался с ноги на ногу, не зная, что делать дальше, с лесенки легко сбежал юноша, одетый как местный сквайр, и, улыбаясь, произнес:

— Привет, кузен. Небось обратно на юг хочется? Ну да ничего, привыкнешь, как я, и скоро тебе покажется, что в целой Англии места нет лучше.

У них было что-то общее — не столько в цвете кожи и волос, сколько в чертах лица; Фрэнсис, не видевший своего кузена Филиппа три года, смущенно и благодарно улыбнулся в ответ. Оба направились к внутренним воротам. Несколько лет назад сэр Томас Ловел, отец Филиппа, встал вместе с графом Уорвиком под знамена Йорка, тогда-то между ним и братом возникла отчужденность. Но все изменилось после того, как лорд Ловел был тяжело ранен в битве при Таутоне, — умирающий, брошенный йоркскими друзьями, он примирился с младшим братом. Тогда-то

Фрэнсис и стал довольно часто видаться с кузеном, их дружба продолжалась до тех пор, пока Филиппу не исполнилось четырнадцать. Его отправили к графу Уорвику готовиться к посвящению в рыцари. Украдкой разглядывая кузена, Фрэнсис пришел к выводу, что он изменился, правда, не очень сильно. Лучи заходящего солнца едва освещали его повернутое в профиль лицо, а упавшая челка почти сливалась со лбом и щекой. Еще год или около того Филипп будет расти, но уже сейчас его мускулистое тело говорило о том, что он станет настоящим мужчиной, об этом же свидетельствовало и его лицо. Фрэнсис наклонился и встретился взглядом с кузеном.

Сэр Джон отправился на поиски мажордома, а слуги, сопровождавшие их, куда-то понесли поклажу. Судя по всему, с облегчением подумал Фрэнсис, он был оставлен на попечение Филиппа. Происходившее вокруг стало привлекать его внимание, он остановился посмотреть, как кузнец подковывает боевую лошадь. Во внутреннем дворе их обогнала небольшая кавалькада всадников с развевающимися плюмажами на шляпах и вымпелами; они спешили у лестницы, ведущей наверх, в башню. Эти люди явно вернулись с охоты, и Фрэнсис заметил среди них мальчиков своего возраста. Филипп назвал их имена, начиная с тех, кто стоял поближе. Один из них, крепкий рыжеволосый подросток, услышав свое имя, повернулся и сказал с усмешкой:

— Смотри-ка ты, жених пожаловал, да только отчего это нет на нем цветов нашего славного Уорвика? У нас тут что, сторонники Ланкастеров завелись?

Раздался смех. На всех были алые ливреи с нарукавным гербом графа Уорвика. Фрэнсис решил, что завтра оденется так же. Он сжал кулаки, сделал шаг вперед, но Филипп вцепился ему в плечо и прошептал: “Не будь дураком, все равно тебе одному с ними не справиться, да к тому же никто не хотел тебя обижать. Не обращай внимания — и завтра

они будут твоими друзьями". Рыжеголовый парень остановился на последней ступеньке, в глазах у него застыла то ли злость, то ли усмешка. Он уже собрался спуститься, как сзади раздался голос:

— Роб, разве Перси всегда были такими уж верными слугами Йорка, что ты так нос задираешь? А мне-то казалось, что твой родственник, некогда граф Нортумберленд, все еще пребывает в тюрьме Флит и вымаливает у короля Эдуарда прощение за то, что служил Ланкастерам. — Голос был молодой, низкий, мелодичный, звучал он негромко, но уверенно, словно обладатель его знал, что все равно будет услышан. От неожиданности молодой человек, к которому была обращена эта речь, резко обернулся, лицо его побагровело. Не говоря ни слова, он спустился вниз.

На его месте оказался другой юноша. Он был чуть старше Фрэнсиса, сероглазый, субтильный. При более внимательном рассмотрении было заметно, что у него не все в порядке с правой рукой и плечом — мышцы здесь были сильнее и больше, чем в других частях тела. Молодой человек сверху наблюдал за Фрэнсисом, осторожно поглаживая холеные, ухоженные крылья ястреба, сидевшего у него на руке. Он дружелюбно улыбался Фрэнсису, и тот, обрадовавшись этому неожиданному и незаслуженному пока знаку внимания, непроизвольно улыбнулся в ответ. Казалось, сероглазый юноша хотел заговорить с ним, но, как бы передумав, слегка кивнул Филиппу и вошел в дом.

За ним, словно ожидая сигнала, последовали остальные.

— Кто это? — неуверенно спросил Фрэнсис кузена.

— Брат короля Эдуарда, герцог Глостер. Разве ты не знал, что он здесь?

Фрэнсис ответил лишь изумленным взглядом. Верно, ему говорили об этом, а на пути из Оксфордшира в Трент постоянно напоминали, что в Миддлхэме он удостоится высокого общества Ричарда Глостера. Но он-то ожидал увидеть ог-

ненно-рыжего молодого гиганта, шумливого, уверенного в себе и уже тем неотразимого — уменьшенную копию узурпатора Эдуарда, которого он видел только однажды, да и то издали. Право, Роберт Перси больше походил на портрет, который нарисовал в своем воображении Фрэнсис. Он думал о только что удалившемся юноше, о его уродливом плече. Филипп прервал размышления кузена:

— У тебя на лице все написано. Смотри, не показывай ему этого: ты еще ни о чём не подумал, а он уже обо всем догадался.

Подшло время ужина. В большом зале зажегся свет, он, словно меч, мгновенно пропорол густой мрак, слышался многоголосый разговор. Молодые люди, как выяснил Фрэнсис, ужинали под присмотром главы отряда оруженосцев — в отсутствие графа Уорвика, уехавшего куда-то по делам, его жена и дочери принимали пищу во внутренних покоях, мажордом же восседал на своем обычном месте.

Филипп провел кузена через двор в дортуар, там ему предстояло ночевать вместе с оруженосцами. Ричард Глостер в сопровождении нескольких юношей тоже вошел в дортуар для совершения вечерней молитвы. Он заметил Филиппа, и по тому, как остальные отступили, оставляя их вдвоем, Фрэнсис понял, что это старые друзья, которым при любом удобном случае хотелось остаться наедине. Многие, подумал Фрэнсис, не прочь были бы нажиться на таком знакомстве — плохо ли быть в фаворе у брата короля, тем более что сэр Томас Ловел был всего лишь помещиком, укрепившим свое материальное положение женитьбой на дочери торговца шерстью. В мечтательном раздумье Фрэнсис одобрительно поглядывал на широкие плечи и узкую талию кузена, мысленно облачая его в дворцовый бархатный костюм — плиссированный, с большими буфами и новой эдвардианской вышивкой на воротнике. Вестминстер — это самое меньшее, на что можно рассчитывать. А еще — вдобавок к скромным

владениям, которые сэр Томас завещал сыну, — земли. Таким путем многие шли наверх.

Ощувив на себе взгляд, Ричард, продолжая разговор с Филиппом, поднял голову. Тощее, но мускулистое тело горбуна словно переломилось, нависнув над коленями. Сегодня он привел себя в порядок, ранка над бровью, полученная во время недавней тренировки на ристалище, была залечена. Король Эдуард, вспомнил Фрэнсис, был знаменитым воином, он носил оружие и сражался рядом с отцом еще при Сен-Албансе, а было ему тогда всего тринадцать лет.

Через две кровати от Фрэнсиса сидел брат короля — вдруг взгляд серых глаз столкнулся с задумчивым взглядом карих — Фрэнсис, устыдившись своих меркантильных мыслей, покрылся красными пятнами. Если бы не боязнь выдать себя, он бы трусливо отвел взгляд в сторону. Чуть помолчав, Ричард сказал:

— Фрэнсис, говорят, твой отец умер этой зимой. Я слышал, как Его Величество король сказал однажды, что предпочел бы иметь такого честного и благородного врага, как лорд Ловел, до тех самых пор, пока он не сделается ему другом, чем тех, кто после сражения при Таутоне набивается к нему в друзья. Жаль, что твой отец умер, так и не успев стать другом короля.

Лицо Ричарда внезапно осветилось улыбкой, в ней чувствовалось редкостное прямодушие и теплота. С этого самого момента началась служба Фрэнсиса длиною в жизнь...

Граф Уорвик вернулся в Миддлхэм через две недели после свадьбы Фрэнсиса Довела и дочери его деверя Фитцхью. Он долго путешествовал по югу, был занят серьезным делом — поиском союзников, и теперь, если верить слухам, с ним ехал герцог Кларенс. Будь на его месте сам король Эдуард, — сюрприз был бы ничуть не больше. Король совершенно спокойно на целые месяцы оставлял своего брата Ричарда под

опекой Уорвиков, в их замке, однако давно было замечено, что другого брата, Джорджа Кларенса, король предпочитал всегда держать при себе, многие полагали, что объясняется это не только братской любовью. Герцог Кларенс будет законным наследником короля Эдуарда до тех пор, пока королева не одарит своего мужа лучшим преемником. Поспешная и тайная женитьба короля на Елизавете Вудвил — бесприданнице, без капли королевской крови, вдове приверженца Ланкастеров лорда Грея, матери двух его сыновей — возмутила баронов при дворе Эдуарда и вызвала сильнейшую ссору с его могущественным кузеном Уорвиком, от которой, говорят, до сих пор сотрясаются каменные стены Редингского аббатства. Простой люд Англии готов был все что угодно простить новой королеве и ее бесчисленным и, судя по всему, чрезвычайно честолюбивым братьям, сестрам и дядьям, лишь бы она родила королю сына.

Мажордом встретил хозяина и его гостя глубоким поклоном, ему показалось, что граф выглядит усталым и мрачным. Так нередко бывало, особенно после его поездок в Вестминстер или к кузену. Но верному слуге размышлять о таких делах не пристало, и мажордом, отбросив посторонние мысли, внимательно рассматривал профиль озабоченного и усталого лица графа. Мажордом старался не отстать от хозяина, быстро шагавшего по двору, мимо башни и деревянной галереи. Уорвик направлялся в свои покои, там его ждали жена и обе дочери. Славные, симпатичные девочки — Изабелла, ей скоро будет тринадцать, и Анна — на несколько лет моложе. Больше детей у Уорвика нет, так что девочки — единственные наследницы поистине королевских поместий Бошан и Деспенсер, составлявших приданое его жены. Непонятно было, почему граф до сих пор не нашел своим дочерям женихов. При взгляде на нервное, удивительно молодое лицо Джорджа Кларенса, по слухам, давно донимавшего своего брата-короля просьбами найти

ему богатую невесту, мажордома посетила неожиданная мысль, высказать которую он не посмел, но на всякий случай оставил при себе. Верный слуга сообщил графу шепотом, что его аудиенции уже два дня ждет посланник французского короля: в Йорке они разминулись и посланник поехал на север, прямо в Миддлхэм.

Взгляд темных глаз Уорвика устремился на Изабеллу, он долго смотрел на ее ровно уложенные льняные волосы.

— Я же был в Шериф-Хаттоне, кто мешал ему там со мной встретиться? — вдруг резко произнес он. Граф был уже целиком поглощен сообщением о послании из Франции. Некогда обычная дипломатическая дань вежливости в отношениях между Людовиком и королем Эдуардом — письма французского монарха графу Уорвику — в последнее время стали чем-то большим, они приходили все чаще. Власти Англии были очень заинтересованы во Фландрии, намечался союз с вассалом и злейшим врагом Людовика герцогом Бургундским, известно было, что граф Уорвик активно, хотя и безуспешно, выступал против такой политики. Не успев и двух минут поговорить с женой, граф вышел из зала и, поспав за французом, велел привести его в свои покои.

Во время ужина сквозь щели гардероба графини Уорвик чье-то чуткое ухо уловило, что Кларенс приехал в Миддлхэм за братом Ричардом, собираясь увезти его в Вестминстер. Слух подтвердился: Уорвик лично, едва завершив дела с французским посланником, явился к своему молодому кузену и объявил, что его северная эпопея закончена. Граф прекрасно понимал, что ничего хорошего ему от этого ожидать не приходится. Ведь от перемен, которые затеяла при дворе королева, пострадают прежде всего братья Эдуарда. Он понимал и то, что Ричарду Глостеру будет куда лучше, если жизнь свою он проведет вдали от дворцовой суеты, оставаясь верным своему брату-королю и служа у Уорвика на суровых границах Уэльса или Шотландии. Ричард слушал гра-

фа спокойно, не произнося ни звука: слова ничего не могли изменить. Уорвик, не желая пока углубляться в детали, пожелал юноше доброго пути.

Накануне отъезда Ричарда граф устроил в честь своих кузенов — принцев крови — большой праздник. Воздух был тихий и прозрачный, как весной. Местная знать, как и многочисленные бароны, прибывшие из Вестминстера, понаехала в Миддлхэм из Ричмонда и Болтона. Замок вдруг расцвел и похорошел, как стареющая, унылая женщина, которую вдруг заставили преобразиться и надеть украшения: переливаясь всеми цветами радуги, на почерневших от копоти стенах красовались новые гобелены, золотом и серебром сияли столы. Музыканты, устроившиеся в галерее, спорили за право развлекать гостей с лилипутами, танцорами, акробатами, жонглерами, фокусниками, умело маневрировавшими между столами, полными угощений.

Чтобы достойно отметить конец пребывания кузена в своем поместье, граф пересадил его с обычного места на возвышение — там рядом с хозяевами сидели самые почетные гости. Чувствуя себя несколько стесненным среди такого количества чужих людей, Ричард охотно поменялся бы на место рядом с кем-нибудь из менее знатных, но зато знакомых ему северных баронов. Но делать было нечего — рядом восседал Кларенс. Наследник престола был именно таков, каким рассчитывало его увидеть большинство йоркширцев. Ричарду было забавно наблюдать, к каким маневрам прибегают гости, чтобы привлечь к себе внимание брата, однако все эти попытки заканчивались провалом, и надежд на внимание со стороны августейшей особы не оставалось. В разговорах южной знати то и дело мелькали тонкие намеки, доносился тихий шепоток, раздавались шутки. Кларенс ничего не мог расслышать, чтобы понять и оценить, о чем идет речь, но приглушенный смех до него долетал. Он бросал вопрошающие взгляды на Уорвика, но граф,

казалось, ничего не замечал. Когда в зале стало потише, Ричард услышал, как он расспрашивает о своей сестре леди Фитцхью, о здоровье племянников и племянниц в Равенсворте. К столу то и дело подносили полные до краев чаши, слуга Кларенса, казалось, работал за троих. Кентский барон, сидевший по правую руку, что-то говорил Кларенсу, понизив голос, чтобы никто не слышал, а тот, зажав в ладонях украшенный золотом и драгоценностями кубок, мелкими глотками потягивал вино. От яркого света вокруг золотистых волос Кларенса словно возник ореол. Вдруг две головы прислонились друг к другу, разделились — Кларенс, откинувшись на стуле, оглушительно захохотал и изо всех сил хлопнул соседа по колену.

Перед Ричардом стояло изысканное сладкое угощение — испеченные фигуры святого Георгия и Богородицы, раскрошенные там, где он уже надкусил. Ричард безотрывно смотрел на рыцарский меч, наполовину утопленный в пышном тесте, а краем уха прислушивался к разговору тучного, на вид очень домашнего лорда Скроупа из Болтона и соседа Кларенса, барона из Кента. Говорили о вещах обычных, но жизненно важных для страны, о том, что давно вызывало споры, — о праве престолонаследования и о властителях с сомнительными правами на трон.

— Да, кстати, а верно ли, что королева беременна?

Несколько баронов с севера подняли головы, с нетерпением ожидая последних дворцовых новостей, но тот, к кому был обращен вопрос, лишь рассмеялся.

— Нет, Скроуп, бывшая вдова еще не зачала, и слава Богу, потому что, скажу я тебе, — он наклонился, обежав своим замутненным взглядом весь стол, — потому что, скажу я тебе, дело обстоит так: наше спасение как раз в том и заключается, чтобы она оставалась бесплодной, и надо Бога о том на коленях неустанно молить. Разве мало мы от нее натерпелись и без того, чтобы она наплодила кучу принцев?

Видит Бог, это она правит и королем и королевством, пока грозный владыка Эдуард храпит у нее в постели. — Широко взмахнув рукой, он указал на Кларенса, индифферентно развалившегося в кресле рядом с ним, толстенная ладонь его шумно впечаталась в стол. — Сколько мы страдаем, а ведь выход — вот он, рядом.

Словно дымок над головами, над потрясенными или удивленными лицами поднялся одобрителный ропот; откуда-то из самого угла донесся голос: “Хорошо сказано”. Весь побагровев и сжимая изо всех сил стоявший перед ним тяжелый кубок, Ричард вскочил на ноги. А Кларенса все это словно бы и не касалось: прикрыв руками глаза, он погрузился в какие-то свои мысли. Но все же всеобщее движение привлекло его внимание. Он резко наклонился и, схватив брата за руку, грубо прижал ее к столу. Кубок с грохотом упал на пол, содержимое его расплескалось на несколько метров вокруг, и в багровой гуще отразилось скрещение взглядов — голубые глаза Кларенса встретились с серыми глазами брата. В зале стихло, вино продолжало литься из кубка тонкой струйкой, на стене изгибались причудливые тени. Зал облегченно вздохнул: Кларенс презрительно освободил прижатую руку брата, трубачи, следуя знаку мажордома, принялись за дело. Все встали, трубы вскоре умолкли, и в наступившей тишине Уорвик быстро вывел кузенов из зала. Дверь с грохотом захлопнулась. Все трое — граф Уорвик, Ричард и Кларенс — очутились в хозяйских покоях лицом друг к другу.

Уорвик мерил шагами комнату, переводя взгляд с одного брата на другого и недовольно хмурясь. Кларенс опасно раскраснелся и хриплым от ярости голосом спросил:

— Как ты посмел делать из меня посмешище перед всеми этими лордами?

— Пусть брат простит меня, — медленно произнес Ричард, — но мне кажется, что сделал это не я, а сидевший

рядом с ним верный паладин. — Он был бледен и дрожал, но твердо встретил гневный взгляд брата.

— Так ты еще препираться со мной вздумал? — прошипел Кларенс. — Предупреждаю тебя, Дикон, не испытывай моего терпения, иначе, при всей любви к тебе...

— При всей любви ко мне! Да я готов вовсе от нее отказаться в пользу нашего брата-короля, который возвел тебя в рыцарское достоинство и которому ты дал клятву на верность. Это его тебе нужно любить, а не меня, ибо я, как и ты, лишь подданный короля.

Хлесткий удар прямо в губы отправил Ричарда на пол.

— Проклятье, ты собираешься учить меня, Глостер? — прорычал Кларенс. — Но сначала я поучу тебя... — Он резко наклонился и, схватив юношу за воротник, рывком поднял его на ноги; рука, сжатая в кулак, уже поднялась вверх, когда раздался возглас Уорвика: “Кузен!”

Кларенс мгновенно остановился и почти сразу же резко оттолкнул Ричарда. Круто повернувшись, он пошел к окну, опустил в кресло и устремил взгляд на темный проем.

— Чума тебя забери, Дикон, неужели ты настолько глуп, чтобы обращать внимание на пьяную болтовню? — недовольно пробормотал Кларенс. Ричард молчал, из губы у него сочилась кровь, не найдя носового платка, он стер ее рукавом. Кларенс обернулся и, кивком позвав брата, положил ему руку на плечо: — Слушай, Дикон, нельзя нам с тобой ссориться, ведь и без того забот хватает. — Угрюмое молчание было ему ответом. Тогда Кларенс раздраженно крикнул: — Тебя что, все еще беспокоит этот пьянчужка? Говорю же тебе, что он просто перебрал.

— В том, что он говорил, был смысл, — неуверенно ответил Ричард. — И ты не остановил его.

— Я тоже хватил лишку, — искренне признался Кларенс и хохотнул. — Скажи еще спасибо, что мне хватило ума удержать тебя за руку: представляю себе, что было бы,

если бы ты вылил бокал прямо на голову этому болтуну. Тут-то бы он мигом протрезвел.

— Это уж точно. — Уорвик вышел на середину комнаты, голос его звучал мягко и примиряюще. — Неужели вы считаете, кузен, что я мог бы допустить у себя за столом предательские речи? — Он внимательно посмотрел на Ричарда.

Юноша густо покраснел и покачал головой. Уорвик все смотрел и смотрел на него, затем протянул руку и повернул его к себе, заставив, как ни опускал тот глаза, взглянуть прямо.

— Вы прожили у меня три года, кузен, и я хорошо принимал вас. И по-моему, сомневаясь в моей преданности, вы и себе и мне не оказываете чести. — Уорвик почувствовал, как больно задел юношу этот упрек, поэтому продолжал мягче: — Жестокие настали времена. Может, этому человеку и впрямь мозгов не хватает, но высказал он то, что накипело во всем королевстве и о чем говорят все, особенно в последнее время. Что касается королевы, то мы практически бессильны, но умерить пыл ее родственников можно, и в этом надо убедить короля. Тут нет никакого предательства. — Уорвик улыбнулся. — Хотите, я дам вам клятву верности?

Наступила тишина. Было слышно, как капли дождя, падая на каминную трубу, с шипением испаряются в горячей золе. Кларенс по-прежнему сидел у окна, погружившись в глубокое раздумье. Он хотел было вставить слово, но, уловив предостерегающий взгляд кузена, промолчал. Недавняя вспышка злости прошла. Встревоженный и огорченный, он смотрел на испачканное в крови лицо брата, все еще кровоточащую губу, на его неуклюжую фигуру, и в памяти неудержимо вставала другая картина: торжественная тишина в убранном знаменами зале, где полным-полно знатных персон, на мраморный пол, повторяя ажурную форму окна, ложатся розовые, бирюзовые, алые пятна, и надо всем возвышается

фигура Эдуарда Йорка, которому Ричард Плантагенет, только что возведенный в сан герцога Глостера, приносит присягу на верность.

Кларенс принялся грызть ногти. Уорвик не шевелился, не сделал и Ричард малейшей попытки сбросить с плеча руку брата. Но затянувшееся молчание начало, судя по нахмуренным бровям графа, немного раздражать его. Ни раньше, ни теперь он не сомневался в силе своего влияния на Ричарда, но на какую-то долю секунды ему вдруг стало понятно тревожное ощущение человека, который, рассчитывая прикоснуться к мягкой, податливой глине, натывается на твердый, неподатливый кремень.

В тишине треск горящих углей был слышен неожиданно отчетливо. Ричард очень тихо заговорил:

— Прошу извинить меня, милорд, но клятвы вашей мне не нужно. Вы уже клялись на верность королю, и если сдержите слово, этого будет достаточно, а если нет, какой смысл приносить клятву во второй раз — мне?

Уголки рта Ричарда Невила изогнулись в почти неуловимой усмешке. Он слегка улыбнулся:

— Ну что ж, кузен, тогда мы снова друзья.

Тучи рассеялись, словно их и не было. Потайная дверь вела в галерею, тянувшуюся до западной стены апартаментов. Ричард туда и направился, граф, подхватив кузена под руку, пошел было с ним.

— Уже поздно, — обеспокоенно заметил он, — а выезжать вам завтра с рассветом. На вашем месте я бы отправился спать.

Не испытывая никакого желания возвращаться к гостям, Ричард кивнул, но на пороге Уорвик остановил его.

— Еще два слова, любезный родственник, — на сей раз серьезно заговорил граф. — Вы едете ко двору, и многое там вам покажется внове, а многое, наверное, просто не понра-

вится. Я хочу, чтобы вы помнили, кузен мой Глостер, что в лице Ричарда Невила, графа Уорвика, вы всегда найдете верного и преданного друга.

Что-то неуловимое мелькнуло в глазах юноши, а что именно, кто знает — то ли страх, то ли отвращение, то ли боль утраченных иллюзий. Отбросив всяческие церемонии, Уорвик тепло похлопал кузена по плечу. Кларенс, к которому вернулось обычное добродушие, дружески помахал Ричарду со своего места у окна. Оба смотрели вслед юноше, а когда дверь закрылась, обменялись взглядами и улыбнулись.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЛАДШИЙ БРАТ

ИЮНЬ 1469 — НОЯБРЬ 1471

Глава 2

Из церкви неподалеку от поместья Уиллоуфорд до-
несли звуки вечерней службы. Два всадника, про-
бравшиеся сквозь свисающие ивовые ветви, слу-
шали церковное пение.

Густой ивняк, ветви которого склонялись почти до само-
го дна ручья, и дал название здешнему поместью — Ивовый
брод. Справившись с препятствиями, путники выбрались на
противоположный берег, добрались до вершины склона и
повернули на дорогу посреди редющего кустарника. Лоша-
ди с трудом шли по грязи, затвердевшей после весеннего па-
водка. Всадник, находившийся впереди, в последний момент
заметил глубокую канаву, скрытую опустившимися до земли
ветвями деревьев. Он выругался.

— Ну уж теперь-то мы сможем заняться этой дорогой,
Грегори! О Боже, каким же я стал помещиком, если глав-
ную радость от преуспевания нахожу в том, чтобы привес-

ти в порядок дороги! — Взгляд его карих глаз остановился на обширных полях, хорошо видных сквозь поредевший лес. И, словно обращаясь к себе, добавил: — Да, долгая была борьба.

Как только дорога расширилась настолько, что можно было ехать рядом, Грегори Трейнор догнал своего молодого спутника, и они двинулись дальше, оживленно переговариваясь и время от времени приветственно кивая местным фермерам, которые вышли собирать хворост.

— Да, долгая, — охотно подхватил Грегори. — Четыре года, даже больше, но вы, господин Филипп, замечательно справились со своим делом. Ее Светлость, ваша матушка, довольна будет пергаментом, что вы везете из Лондона.

— Наконец-то разобрались с этим титулом, — вздохнул Филипп. — Честно говоря, бывали моменты, когда я думал, что никогда нам не разделаться со всеми этими адвокатами, апелляциями... И если бы не твердость матушки и не благодеяния лорда Одли, я бы совсем духом пал.

— Все здесь знают, сэр, через какие трудности вам пришлось пройти после смерти сэра Томаса, — возразил Трейнор. — И ведь ко всему прочему вам пришлось забыть и своих благородных друзей и от всяких надежд на службу у милорда Глостера отказаться. И зачем? Только затем, чтобы вернуться домой и закопаться во всех этих судебных исках по поводу приданого миледи. Но теперь-то Вудсток ваш, король сказал свое твердое слово, так что родственникам вашей матушки придется подчиниться. Выходит, всем мытарствам вашим — конец, и этому можно только радоваться.

Наступило молчание, нарушаемое лишь громким пением птиц да шелестом листьев, потревоженных ветром. Филипп опустил глаза и повернул на пальце свое единственное кольцо. Раньше оно принадлежало отцу, он никогда, вплоть до самой смерти, не снимал его с руки.

— Да, нелегкие были времена. — Филипп первым нару-

шил тишину и грустно улыбнулся. — Не пойму, почему так стыдно быть бедным. Однажды в Лондоне я чуть не столкнулся лицом к лицу с Робом Перси — мы когда-то жили с ним в Миддлхэме. Я едва успел юркнуть в пивную, словно меня преследовал сам верховный шериф. Роб выглядел роскошно, на нем была ливрея Глостера. Сейчас он, наверное, рыцарь.

— Ну да, конечно, а у вас уже и борода седеет, и три четверти жизни остались позади, — фыркнул дворецкий. Филипп не сдержал смущенной улыбки. Трейнор, изогнувшись на лошади, положил ему руку на плечо: — А теперь послушайте меня, сэр. Вам двадцать один, и вы сами себе хозяин. Кто вам мешает отправиться в Лондон и устроить жизнь, как вам заблагорассудится? Вы уж извините меня, сэр Филипп, но я знаю вас с пеленок, и мне так же хорошо, как и вам, известно, что не рассчитывал ваш батюшка на то, что вы здесь себя похороните. Сами посудите, — стараясь придать словам побольше убедительности, продолжал Трейнор, — вот милорд Глостер в своем лондонском замке Бэйнард. Говорят, он сейчас часто к своей матери навещается, а на Вестминстер ему вроде как и наплевать. Разве вам не кажется, что сейчас, после того как прошло столько времени, он будет рад о вас услышать?

Филипп нетерпеливо покачал головой.

→ Ты что же, Грегори, меня к Лондону примериваешь? Чтобы я ходил и вымаливал местечко при дворе и подражал, как обезьяна, этим благородным джентльменам из Вестминстера и Шена — да ни за какие коврижки мне этого не нужно! Что касается герцога Глостера, то мне и так с ним до конца жизни не рассчитаться за то, что он помог мне с опекунскими делами, да и с делами сестер после смерти отца. Я ведь знаю, что это он, из своего кармана, давал матери деньги на их содержание. Так что я ему по гроб жизни буду благодарен и, уж конечно, не стану просить о новых милостях.

Нет, уж куда лучше остаться здесь, я хотя бы могу заботиться о своих людях.

— И им следует за это благодарить Бога, — пробормотал Трейнор, ибо всем была хорошо известна тяжелая при любой погоде и в любые времена рука госпожи Алисы. По поджатым губам Филиппа он понял, что последнее замечание юноше не понравилось, и верный слуга поспешил сменить тему: — Вот уж, наверное, милорд Одли порадовался бы! Он ведь немало помог вам в Лондоне.

Словно сомневаясь, что все действительно позади, Филипп сунул руку в камзол и нащупал пергаментный свиток. Даже на первый взгляд Лондон на этой неделе напоминал разворошенный улей: слухи о волнениях в Йоркшире распространились мгновенно. Эдуард, очнувшись наконец от привычной спячки в отношении севера страны, засуетился и решил тотчас же отправиться туда. В такой обстановке Филипп считал настоящим чудом то, что лорду Одли удалось заполучить королевскую подпись на этом драгоценном клочке бумаги. Однако Одли, с улыбкой искушенного царедворца, на восторги Филиппа ответил, что просто надо знать, в какую дверь постучаться.

Всадники преодолевали последний подъем перед домом, но черепичная крыша с примостившейся на ней маленькой голубятней была еще далеко. Филипп натянул вожжи: “Нас ждут, Грегори”. Следя взглядом за вытянутой рукой хозяина, Трейнор увидел на вершине холма маленькую фигурку. Филипп поднял руку, и, словно откликаясь на этот жест, наблюдательница сорвалась с места и с громким криком бросилась им навстречу.

Когда девочка, задыхаясь, подбежала к ним, у молодого человека от изумления округлились глаза. По задранному кверху личику блуждала радостная улыбка, но, видно, от счастья она не замечала ничего вокруг, даже то, что платье ее

было все в пятнах и дырах. С ужасом глядя на девочку, Филипп спрыгнул с лошади.

— Боже мой, Мэг, где это ты так умудрилась?

Девочка опустила черные глаза и с удивлением обнаружила дыры и грязь на платье. Отложив остальные дела на потом, Филипп потащил ее вниз по дороге, пока ивовые ветки не скрыли их от посторонних взглядов. С трудом сдерживая улыбку, Трейнор следовал за ними. Остановившись, Филипп внимательно осмотрел стоящую перед ним замарашку.

— Знаете, госпожа Деверю, если бы вас сейчас видел мистер Одли, страшно даже вообразить, что бы подумал он о моем гостеприимстве и заботе о вас. Не говорю уж о милорде вашем отце. Ты что, каждую кочку во Фландрии пересчитала? К несчастью, еще с мамой придется объясняться. Как это тебе удалось довести себя до такого состояния?

Наступила пауза, в течение которой дочь лорда Деверю глубокомысленно разглядывала то, что уже нельзя было назвать платьем.

— Ну вы же сами видите, сэр, — дерево.

— При чем же тут дерево? — Филипп удивленно посмотрел вокруг: взгляд его упал на буковую рощицу, венчающую холм. Он недоверчиво посмотрел на кающуюся грешницу и на некоторое время лишился дара речи. Маргарэт воспользовалась возможностью перехватить инициативу и с обезоруживающей искренностью пояснила:

— Я вас высматривала, сэр, а сверху видно лучше. Но ветка обломилась, и я полетела вниз... — Голос ее задрожал и стих.

Филипп расхохотался было, но, заметив, что Трейнор тоже давится от смеха, резко оборвал себя. “Когда узнает мать, будет не до смеха”, — подумал он и, в надежде предотвратить такие инциденты в будущем, попытался придать своему голосу максимальную строгость:

— Так ты что, хочешь сказать, что забралась на самую верхушку? Девочка, да как тебе это только в голову могло прийти? В Англии девушки не лазают по деревьям, да и в Бургундии, полагаю, тоже. Что сказал бы, узнай он, милорд твой отец, ведь ты уже большая, тебе одиннадцать лет. — Да, для выступления — и он хорошо это понимал — ему явно не хватало красноречия госпожи Алисы. Но что бы ни собирался добавить он к сказанному, слова застревали в горле, когда он увидел, что девочка тихо, как ни старалась скрыть это, — заплакала.

— Мэг, ну зачем же так, не надо...

Она отвернулась, неумело притворяясь, будто внимательно рассматривает первые, едва набухшие почки на кустах шиповника, что рос по обе стороны дороги. Филипп подумал о том, как долго ждала она его на своем неудобном наблюдательном пункте. Он припомнил, как радостно она кинулась ему навстречу, но ощущалась в ней какая-то подавленность — явное свидетельство очередной тяжелой стычки с госпожой Алисой. Мысленно отругав себя, называя бесчувственным негодяем, Филипп кинул вожжи Трейнору и, обняв за плечи содрогавшееся худенькое тело, усадил девочку рядом с собой на поваленное дерево.

Когда Одли, живший по соседству, попросил приютить в Уиллоуфорде дочь своего бежавшего из страны родственника, Филипп думал, что для него лично это не слишком обременительно: ведь не ему, а матери придется штопать дырки на штанишках десятилетней девочки. А если лорду Одли, который так быстро растет сейчас при дворе Эдуарда, удобнее, чтобы даже такие крохотные приверженцы Ланкастеров искали приют где уютно, но только не у него дома, то как не оказать маленькую услугу, ведь он столько сделал для него в Лондоне. Но ни он, ни его мать не знали, какова Маргарэт Деверю. Если другие девочки ее возраста постепенно становились женщинами, усваивали женские повадки и манеры,

учились разговаривать по-женски, то она все свои годы провела в двух комнатках в Брюгге, в обществе отца да служанки с грубыми руками, которую лорд Деверю при всей своей рассеянности все же не забыл взять при побеге в качестве няни для дочери; жили они подачками более преуспевающих друзей отца; читала девочка только старые манускрипты, которые лорд Деверю прихватил с собой вместо одежды и денег, когда бежал на рыбацьем судне. В таком вот состоянии и обнаружил отца с дочерью через восемь лет после Таутона сердобольный лорд Одли; и ничто из вычитанного в отцовских книгах не подготовило девочку к тому “ледяному душу”, который вылила на нее твердая и беспощадная госпожа Алиса. Оставаться в стороне для Филиппа было примерно то же самое, что равнодушно наблюдать за малыми ягнятами в Вудстоке, беспомощно лежащими в грязи, — то ли придет пастух, выведет их и накормит, то ли голод доконает этих малышей.

Со стороны Чилтерна подул свежий ветерок, и заходящее солнце острыми лучами пронзило ветви деревьев. Поглаживая растрепанные локоны девочки, Филипп ждал, пока она выплечется. Когда Маргарэт немного успокоилась, он сочувственно спросил:

— Что-нибудь опять не так, Мэг? А тут еще я на тебя налетел. Ну ладно, скажи мне, в чем дело?

Но девочка покачала головой и тихо проговорила:

— Да нет, ничего. Мне уже лучше.

— Надеюсь. Но ты мне не ответила. А вдруг я могу тебе помочь?

Глаза ее, похожие на увядшие анютины глазки, безотрывно смотрели на его накрахмаленный воротничок. Впервые она отказывалась поделиться с ним своими горестями. Филипп задумался — что же все-таки могло произойти?

— Что, опять купанье, что ли, а, Мэг?

Однажды он застал ее у ручья, где любил ловить рыбу.

Мэг, зайдя в холодную воду и задрав до колен юбку, изо всех сил терла ноги, чтобы избежать, впрочем тщетно, ненавистного мытья в ванне.

Так и не ответив на вопрос Филиппа, она отвернулась. Решив, что его предположение верно, Филипп продолжил, сдвинув брови:

— Но видишь ли, Мэг, мыться ведь нужно. На прошлой неделе в Лондоне одного человека оштрафовали только за то, что он позволил своему подмастерью отправиться в постель немытым. Ведь в Брюгге-то ты мылась?

Раньше он никогда не мог понять, отчего она так ненавидит эту процедуру, теперь причина неожиданно открылась. Девочка в ярости закричала:

— Нет! Не все в одной ванне!

В первый момент Филипп даже не понял, о чем она говорит. Открыл было рот, чтобы ответить, но тут же передумал. Маргарэт все еще была для него ребенком. Он не знал, что надо говорить в подобных случаях, и увидел, как покраснела она до самой шеи. Филипп только сейчас понял, каково было Маргарэт: огромная ванна, в которой моются все: он, мать, сестра, наезжающие время от времени родственники, гости — целая куча людей с подогретыми полотенцами и чашами с травяным настоем. А в Брюгге был один маленький, но зато ее собственный тазик, да толстуха Джэнет, которая ухаживала за девочкой с самого ее младенчества.

— Мэг. — Прежде она все пыталась отвести взгляд, но теперь заставила себя поднять голову. — Мэг, почему же ты ни разу не сказала мне, а я бы уж... — Что-то заставило его остановиться. — А я бы объяснил маме... — Девочка вновь лишь покрутила головой, и Филипп с облегчением оставил этот разговор. — Ладно, не беспокойся. Что-нибудь придумаем.

Взгляды их встретились, и слабая улыбка тронула угол-

ки ее губ. Словно она извинялась. Маргарэт быстро произнесла:

— Вы, наверное, думаете... что мы так бедно жили в Брюгге, что я и привыкнуть к нормальному дому не могу...

— Ну что ты, — запротестовал Филипп. — Когда милорд твой отец вернет себе все, что ему положено, тебе ни с кем не придется делить ни свои покои, ни ванну. И тогда господин Филипп Ловел почтет за честь, если ему достанется место в самом дальнем углу зала лорда Деверю.

— Неправда! — В порыве праведного гнева с ее лица сошли последние следы печали. Улыбнувшись на столь страстную реакцию, Филипп нагнулся, сорвал несколько земляничин, тщательно отделил одну от другой. Мэг с удовольствием глотала ягоды. Филипп заговорил:

— Мэг, я привез из Лондона новости о твоём отце. Одли — хороший родственник. Король обещал прощение, и Одли думает, что через месяц милорд сможет отплыть из Фландрии.

— Через месяц? Через месяц? — Она метнула на него острый взгляд.

— А что, по-твоему, слишком долго ждать?

Мэг уткнулась взглядом в свои колени, на лице ее отразилась целая гамма чувств. Ягоды размякли у нее в ладонях, и по юбке побежал алый сок.

— И тогда он приедет сюда и мы поедем в Йоркшир?

Тронутый каким-то непонятным отчаянием, прозвучавшим в ее голосе, Филипп ответил:

— Я знаю, девочка, что тебя рано сорвали с места. Но ведь ты там родилась, Мэг, и потом, это чудесные места, север.

— Я ничего не помню. Ведь это было так давно... — Быстрым движением она кинула в рот последние ягоды и энергично задвигала челюстями. — Сладкие.

— Это было ранней весной. — Он прикоснулся к ее подбородку. — Я буду скучать о вас, юная леди.

Не отрывая взгляда от ладоней, Мэг проговорила:

— Скажите, сэръ, я вот тут подумала... а может, вы навестите нас как-нибудь в Йоркшире? Отец будет рад оказать вам гостеприимство.

— Очень мило с твоей стороны. Если окажусь на севере, то, может, еще и встретимся.

Она нервно оправила юбку, стараясь разгладить смятую полу.

— Вы были так добры ко мне, сэръ, и милорд будет только счастлив... счастлив хоть как-нибудь отблагодарить вас. — Мэг твердо взглянула на него. — Не сердитесь, но я слышала, как миледи говорила, что нужны новые сараи и крыши пора менять...

— А помимо того, — подхватил Филипп, — я в Лондоне присмотрел arrasкие гобелены, которых хватит на две стены в моем кабинете, а купить их можно, наверное, всего за пятьсот фунтов. — Он шутил только наполовину. Мэг собралась было продолжить, но, подумав, закрыла рот и погрузилась в грустное молчание. Филипп потянулся и взял ее за руки.

— Мэг, я не сержусь. Если ты хоть что-то унаследовала от милорда своего отца, я совершенно уверен, что подарки будут сделаны от души. Но ты должна кое-что понять. Хотя с приданным моей матери все наконец-то уладилось и нуждаться мы больше ни в чем не будем, все равно все мои доходы — имение, аренда, словом, все не составляет и десятой доли доходов твоего отца. Так что ни о каких подарках — сама видишь, правда? — не может быть и речи. Потому обещай, что и думать об этом забудешь. Обещаешь?

Маргарэт с видимой неохотой кивнула, и Филипп, едва сдержав вздох облегчения, откинулся назад. Кожа у него буквально горела: он проклинал себя за то, что не может справиться с собой, и боялся, что девочка заметит его состояние и ей оттого будет еще хуже. А ведь она и так переживала предстоящий переезд в незнакомое место; правда, лорд

Деверю, по отзывам Одли, был, как и положено отшельнику-ученому, отцом любящим и непридирчивым. Одли много чего понарасказывал о своем родиче, но иные из его баек Филипп пока решил придержать при себе.

— Тебе понравится в Йоркшире, Мэг, — вновь заговорил Филипп, стараясь шуткой развеять ее мрачное настроение. — У лорда Деверю там много друзей. Я буду очень удивлен, если просители руки госпожи Деверю уже не протоптали широкую тропу к воротам усадьбы.

Шутка не имела никакого успеха. Вспыхнув до корней волос, Маргарэт сказала:

— Они не нужны мне. Разве я обязана выходить замуж, сэр? Кейт не замужем, и вы не женаты.

— Да мне-то давно пора, уж десять лет как, не меньше. Только отец другими делами был занят, все откладывал да откладывал помолвку, а потом и обстоятельства изменились. Людям вроде меня, сражающимся за наследство, заказаны знатные невесты, а ведь мама на меньшее, чем на баронскую дочь, не согласна! — Филипп умолчал о том, что сам был очень рад, что все так обернулось.

Маргарэт метнула на него из-под опущенных ресниц сочувственный взгляд. “Не тщеславен”, — думала она. Филипп бы страшно удивился ходу ее мыслей, позволь Маргарэт ему туда проникнуть. “Да, не тщеславен, но чувствуется энергия и социальное воспитание в духе госпожи Алисы”. Не подозревая о том, что происходит в этой головке, Филипп дружески протянул Маргарэт руку, и они двинулись к дому. Впереди Трейнор вел лошадей. У ворот Маргарэт высвободила руку, бросив через плечо прощальный лукавый взгляд. Подразумевалось, что черным ходом ей пользоваться удобнее — так легче попасть наверх, где всегда можно заспать камеристку госпожи Алисы и поболтать с ней.

Глядя вслед девочке, Трейнор, как бы в вопросительной форме, заметил:

— А ведь вы не все ей сказали.

— Может, и не понадобится. Женитьба Деверю еще окончательно не определена; Одли знает только, что разговоры об этом ходят при дворе герцога Бургундского. Деверю, которому король собирается вернуть свое благорасположение, там очень тепло принимают. Вообще-то вполне вероятно, что он подумывает о женитьбе. Первая его жена умерла при рождении Мэг, а эта бургундка, говорят, очень красива, и приданое за ней дают богатое.

— Наверное, милорду нужен наследник. — Трейнор привязал лошадей и бросил испытующий взгляд на хозяина, повернувшегося к нему в профиль. — Теперь вам самому нужно об этом думать, сэр. Все сейчас в ваших руках, хотя полагаю, что и миледи хотела бы, чтобы вы женились.

— Да уж она мне говорила. Даже выстроила целую шеренгу девиц и вдов. А теперь ты ту же песню заводишь, Грегори. А то я и так, без этих цепей себе девушки не найду. — Трейнер недовольно замолчал. Филипп смотрел вдаль, там, за полями, поднимались холмы. — На севере очень неспокойно. Я надеялся, я думал, будут набирать отряды, но... — Филипп пожал плечами и добавил, явно пуская стрелу в собственный адрес: — Король, надо полагать, в силах справиться с мятежниками и без моей помощи.

Филипп толкнул ворота. Они были не заперты — его ждали. Пересекая двор, он уловил в незашторенном окне часовни какое-то движение и тут же увидел сестру — она приветственно вскинула руку. Ей было пятнадцать, и, пока вопрос с приданным оставался открытым, до помолвки дело не доходило. “Уж она-то с нетерпением ждет рассказа, как все прошло в Лондоне”, — подумал Филипп. Он помахал ей в ответ, улыбнулся и вошел в дом.

В первых числах июля молодожен лорд Деверю отплыл из Фландрии. Дела его в последнее время складывались на

редкость удачно, на такое он даже и надеяться не мог. Герцог Карл Бургундский, унаследовавший высокие достоинства своего отца, выказывал ему всяческое расположение, в частности, оказавшись в Вестминстере, замолвил слово за изгнанника, включившись таким образом в хлопоты лорда Одли. Аристократ до мозга костей, Эдуард проявил подлинное великодушие; а помимо всего прочего, он совсем недавно выдал за Карла свою младшую сестру и был весьма рад возможности укрепить союз, оказав эту услугу. Положим, поддержка Карла была не вполне бескорыстной, но, наслаждаясь давно забытыми прелестями домашней жизни, Деверю поведал жене, что в любом случае сделка оказалась для него выгодной. Свежий ветер резво нес их судно в сторону Англии, и вот уже засияли на солнце, как мрамор, прибрежные утесы; им пришлось немного отклониться от курса — совсем рядом проскользнуло незаметное суденышко; выйдя из Сэндвича, оно взяло курс на Кале. Состав его пассажиров весьма удивил бы лорда Деверю, но, жадно рассматривая родные берега, он, едва паруса исчезли из поля зрения, и думать о нем забыл. В Дувре их ожидал лорд Одли; он заключил в объятия своего родственника и от души расцеловал его молодую жену.

Деверю собирался сразу же нанести визит в Вестминстер, чтобы выразить признательность королю, но тот отправился на север, чтобы положить конец беспорядкам, неожиданно принявшим масштабы хорошо организованного восстания. Между тем королю наверняка небезынтересно было бы узнать, что в его отсутствие ветреный братец Кларенс и граф Уорвик спешно отправились в Кале, где их поджидала Изабелла Невил со своей матерью. Через несколько дней был заключен брак, которому король противился на протяжении четырех лет, а еще через месяц Уорвик и его новоиспеченный зять вернулись в Лондон и принялись набирать отряды, которые, как было объявлено, должны помочь коро-

лю усмирить северных мятежников. Под приветственные крики лондонцев — верных слуг короля — были подняты знамена с гербом Йорков — роза в скрещении солнечных лучей, — и во главе с графом Уорвиком и герцогом Кларенсом отряд выступил в поход.

Незадолго до того, как лорд Деверю начал подумывать, что пора бы ему не спеша трогаться в путь из Лондона в Оксфордшир, Филипп отправился в путешествие из Уиллоуфорда. Об Одли давно ничего не было слышно, впрочем, он слишком увлекся устройством дел своего вернувшегося в Англию родича. Филипп, не получая никаких известий о Деверю, решил, что скорее всего отец Маргарэт, с женой или без нее, все еще находится во Фландрии. У Филиппа была масса дел в Вудстоке, куда он хотел перебраться, пока не пришло время урожая, затем необходимо было уладить все формальности, связанные со вступлением во владение Таттенхэмом и Литл-Баркинсом, на Уиллоуфорд времени почти не оставалось — хорошо, если Филипп успеет заняться отчетами тамошних управляющих. Домашним Филипп сказал, что его не будет по меньшей мере две недели. Юноша с улыбкой поглядывал на Маргарэт, которая с грустью наблюдала, как готовят к отъезду его экипаж.

— Дорогая моя юная леди, не могу же я взять вас с собой в Вудсток на седельной луке! Там надо все как следует подготовить к нашему приезду, а такое дело, бьюсь об заклад, матушка мажордому в жизни не доверит. — Он слегка ущипнул ее за щеку и перебросил плащ через руку. — Как натаскивают кречетов, знаешь? В Вудстоке у тебя будет свой собственный. Погоди, дай только устроиться на месте, все, что нужно, с собой возьмем.

Он вскочил на лошадь, кивнул Трейнору. Несколько слуг, которые должны были сопровождать Филиппа, уже ждали его. Итак, небольшая кавалькада во главе с Филиппом и Трейнором проследовала через двор, вышла за ворота и, обо-

гнув буковую рощицу, свернула на дорогу. Вскоре она исчезла из виду.

Обещанные две недели прошли без происшествий, правда, вот в Уиллоуфорде появился некий всадник в ливрее, который спрашивал хозяина. Узнав, что он в Вудстоке, незнакомец, по всей вероятности очень утомленный, ни слова не говоря, пришпорил лошадь и удалился. Две недели прошли в заботах и хлопотах, наступила и прошла третья. Однажды, когда летнее солнце уже ушло за горизонт и сгустились сумерки, на узкой дороге снова послышался цокот копыт. Ворота были заперты, но громкий стук молотка разбудил слуг. Приехали Трейнор и его спутники. Сам Грегори быстро, почти бегом проскочил к дому, оставив товарищей отвечать на вопросы удивленного привратника — в такой поздний час дома уже никого не ждали. Грегори Трейнор зашел в дом, в зале не оказалось ни госпожи Алисы, ни Кейт. Служанка в фартуке, хихикая, сообщила как бы по большому секрету, что они наверху, в большой гостиной, и у них гость: Уильям Секотт. Этот богатый рыцарь приехал из Ипсдена, полгода назад он овдовел, и, мол, госпожа-то Кейт точно знает, что ему надо в Уиллоуфорде. Обезвав сердитым взглядом зал, Трейнор понял, что мажордома нет; он потоптался на месте и, посмотрев на темные окна, пробормотал: “Ладно, все равно уже слишком поздно. Эй ты, я поужинаю на кухне, доложи миледи, что я здесь”. Трейнор повернулся и вышел из зала через узкую дверь, предвкушая добрую пинту эля. Но едва он вышел в полутемную галерею, как кто-то вцепился ему в рукав:

— Грегори Трейнор! Грегори, это вы?

— А кто же еще? — недовольно проворчал Трейнор, с трудом высвобождая руку. Он устал, и ему так хотелось дать ногам хоть немного отдохнуть, пока его не вызовет к себе госпожа Алиса. Трейнор всмотрелся в зареванное, сморщенное лицо и остановился. — Так ты уже слышала? Ну брось,

брось, ничего такого особенно страшного не случилось. Я вот, например, умчался от мистера Филиппа, как школьник, которого отпустил учитель, и уж если миледи и госпожа Кейт сидят себе и болтают с этой тушей, с Секоттом, то ты-то чего разревелась?

Ответом ему было сдавленное рыдание. Издавала его неопрятная полногрудая женщина: она прислуживала госпоже Алисе и была особой добросердечной и на редкость сентиментальной. Слезы у нее были близкие, она легко расстраивалась, вот как сейчас.

— Так, стало быть, он не с вами? Хозяин? Ой, Бог ты мой, какое несчастье! Грегори, наша маленькая леди... Она исчезла.

— Исчезла? — бездумно повторил Трейнор. — Как это исчезла? Куда исчезла? — вдруг встрепенулся он.

— Да кто же знает. Я с самого ужина ее ищу. Мы думали, она наверху, и решили, что ничего страшного, что она не спустилась к ужину, — да и откуда у нее взяться аппетиту! У нашего бедного ягненочка! Я бы ведь так ничего и не знала, а у хозяйки сэра Уильям, ей не до того. А я поднялась к ней отнести хоть чего-нибудь перекусить, я ей пирог из жаворонка приготовила, ее любимый, и гляжу... гляжу, ее нет.

Едва сдерживаясь, Трейнор сказал:

— Ради всего святого, женщина, не части, объясни толком, что случилось. Почему это она вдруг исчезла?

Ответом ему был новый приступ рыданий, новый поток слез, сквозь которые с трудом пробивалась невнятная речь:

— Он еще спрашивает! Это было ужасно, жестоко — о милорде Одли ничего дурного не скажу, это не его рук дело, но чтобы родной отец... он привез с собой молодую жену — красавица, говорит по-иностранному, хозяйка ни слова понять не может, но госпожа Мэг вроде все разбирает. Грегори, они обещали ее в жены одному барону бургундского герцога! Важный господин, уже двух жен похоронил, это мне все слу-

жанка миледи Деверю рассказала, грубый, здоровенный и на двадцать лет старше отца госпожи Мэг. Она сначала даже не поверила, попросила отца повторить по-английски, ведь она уже давно не была в Бургундии и, может, разучилась толком понимать французский. А они ей говорят: все уже решено и подписано, отправляться надо прямо на днях. Это желание самого герцога Бургундского, и он вроде бы сказал, что милорд Брези, так этого барона зовут, сослужил ему добрую службу и что это самое меньшее, что он может для него сделать, — расплатиться за счет милорда Деверю. И еще милорду Брези нужен наследник, а детей от прежних жен у него нет, и герцог сказал, что, может, на этот раз ему повезет, не зря ведь говорят, что третий раз счастливый. И это они ей тоже сказали, вроде как в шутку, а она, бедняжка, стоит и слова не вымолвит, только лицо у нее сделалось белое как снег. Милорд Деверю обозлился, раскраснелся, но и словечка не взял назад из сказанного. А она его ни о чем не просила, только зарыдала, что если он хочет выдать ее замуж, то мужа можно найти и поближе, зачем в такую даль ехать — что она этим хотела сказать, в толк не возьму, — и выбежала из комнаты.

Наступило молчание. Трейнор задумчиво пожевал губами.

— И с тех пор ее нет? И ты никому не сказала? Нет, женщина, ты просто дура.

— Да я боялась, как бы ей потом еще хуже не стало, бедняжке. Они все уехали в Страттон-Одли — хозяйка сказала, что так будет лучше, девочкой она займется сама. Вообще-то, как видно, ей и самой все это не очень нравилось, хотя она и словечка против не вымолвила: на жену лорда Деверю она почти и не смотрела, и тут, когда гости уезжали, явился сэр Уильям. А я все хожу по дому, все ищу, и нет ее нигде, а на улице уже ночь.

Но Трейнор уже направился к двери. Пересекая во вто-

рой раз зал, он бросил беглый взгляд на лестницу, ведущую в верхние покои: насчет того, что госпожа Алиса разгневадается, эта говорливая курица правильно подумала.

Перебрав в уме все места, где бы девочка могла спрятаться, Трейнор вышел во двор. Здесь никого не было. Стены освещала тусклая луна, за оградой — словно плыли — покачивались мощные вязы. При мысли о том, что девочка бредет в такой час одна по дороге, у Трейнора кровь в жилах застыла. Хотя дорога из Лондона в Оксфорд проходила в нескольких милях от Уиллоуфорда, здешние места считались довольно опасными — в округе водились воровские шайки, об этом всегда помнили и местные жители, и заезжие люди. Бывало, налетали стаи нищих — эти за полушку могли прикончить. Трейнор мрачно глянул на запертые ворота: непонятно, как она могла незаметно проскользнуть мимо дворецкого. И тут он вспомнил о черном ходе.

Трейнор сам им пользовался, когда ему, как и маленькой беглянке, вовсе не хотелось вступать в разговоры со сторожем. Трейнор вышел за ворота, пристально взгляделся в склоны, покрытые лугами, внимательно посмотрел на поле, бросил беглый взгляд в сторону ручья, бодро бежавшего у мельницы. Он остановился, задумался. Закрыв за собой ворота, Трейнор осторожно пошел вдоль стены, сделал круг и вернулся к парадному входу. При свете луны тени причудливо вытягивались вдоль дороги; а пыль светилась словно серебром. Было абсолютно безветренно, и листья свисали до самой земли, будто тяжелые камни. Остановившись под густыми кронами вязов, Трейнор взглянул наверх. Вокруг было тихо. Постояв немного, Трейнор ухватился за кривой сук почти над самой землей — когда-то его обрубили, и теперь ветви от него шли во все стороны, создавая какой-то фантастический рисунок. Трейнор подтянулся, стал на сук обеими ногами и поднял голову. Сверху доносилось чье-то прерывистое дыхание.

— Госпожа Мэг, — мягко произнес он. — Маленькая леди, вам нельзя здесь оставаться. Спускайтесь, я помогу вам.

Трейнор протянул руку. Его глаза уже привыкли к темноте, поэтому он сразу разглядел девочку, которая, как белка, сидела на толстой ветке. Она склонилась вниз, достала до его руки, в этот момент на лицо ее упал лунный свет.

— Я видела, что ты приехал, Грегори, — прошептала Мэг. — И я точно знала, что ты придешь... — Даже при тусклом свете луны было видно, как залилась она от смущения краской. — Грегори, ты приведешь ко мне господина Филиппа? Скажи ему... скажи ему, что это очень важно.

Трейнор поперхнулся. Ему так не хотелось разочаровать девочку. Наконец справившись с дыханием, он произнес:

— Его нет со мной, госпожа. Филипп остался в Вудстоке.

Маргарэт не шевельнулась, не произнесла ни слова. Трейнор пустился в безнадежные объяснения:

— Госпожа, в Вудсток примчался посольный от герцога Глостера. Милорд Уорвик и герцог Кларенс пленили короля, тогда милорд Глостер поехал на запад, чтобы собрать отряд и вызволить его. Милорду Глостеру сейчас очень нужны люди, моя маленькая леди, вот он и послал за господином Филиппом. Завтра мажордом поднимет в Уиллоуфорде всех мужчин, способных держать в руках алебарду и лук, — господин уже ждет их в Корфе. Затем-то он и послал меня сюда — доложить миледи и дать команду мажордому.

— Так его... его нет? — медленно проговорила Маргарэт. — И он не вернется?

— Они с герцогом были друзьями в Миддлхэме, — мягко проговорил Трейнор. — И хозяин не может отказать ему, особенно в таком деле.

Трейнор все еще держал девочку за руку: он чувствовал, как похолодели ее пальцы. Этот холод, казалось, пронизывал и его тело до самых костей.

— Вам здесь нельзя оставаться, госпожа Мэг, это опасно. Подумайте о милорде своем отце, ведь он же места себе не найдет, если только узнает... — Трейнор почувствовал, как Мэг передернуло от этих слов, и продолжил твердым голосом: — Ей-богу, отец лучше знает, что нужно маленькой леди. Ведь он же только добра вам желает, правда. А какое чудесное, замечательное место он для вас выбрал, вот уж жаловаться не на что.

Трейнор с опаской ждал, что будет дальше. Он попытался заглянуть ей в глаза, но Мэг отодвинулась в тень.

— Так вы спуститесь? Миледи ничего не узнает, клянусь вам. А здесь вам оставаться нельзя, маленькая леди.

Он снова услышал в тишине неподвижных листьев ее глубокое дыхание. Положив вторую руку на плечо Трейнора, Маргарэт с трудом изменила позу.

— Да, — тихо сказала она. — Да, спускаюсь.

Маргарэт, не высвобождая рук, позволила Трейнору опустить себя на землю.

Глава 3

Уорвик и Кларенс победоносно завершили свой поход в Букингемшире. За несколько дней до этого верные королю войска, предводительствуемые братьями Герберт, сошлись в кровавой схватке с хорошо вооруженными мятежниками с севера. В решающий момент с юга подошли Уорвик и Кларенс, ударили по тылу армии короля — это решило исход дела. Гербертов, которых ненавидели как королевских любимцев, взяли в плен, препроводили в Ковентри и там казнили.

Не ведая пока о том, какая судьба постигла идущие ему на помощь войска, Эдуард осторожно продвигался из Ноттингема на юг. Весть о поражении застала его в дуги. Королю

показали прокламацию мятежников, одного взгляда было достаточно, чтобы определить, кто ее автор. Этот текст вместили все обиды и претензии Уорвика, непомерные амбиции Вудвиллов, в нем чувствовалось огромное влияние и реальная сила фаворитов Эдуарда, которые по сути вытеснили с трона короля и сами стали править страной. Уорвик и Кларенс заговорили в один голос, и, прижатый к стене, король уступил.

Его небольшое войско было быстро рассеяно, оба свояка Вудвил вместе со своим отцом графом Риверсом, спасая жизни, бежали. Они исчезли так быстро, что, когда брат Уорвика архиепископ Йоркский, сверкая доспехами и плюмажем, догнал Эдуарда в Олни, рядом с королем оставались с десятков слуг, гофмейстер лорд Гастингс и брат Ричард Глостер.

В самых изысканных выражениях архиепископ пригласил кузена в Ковентри. Бросив взгляд на тяжелые доспехи, в которые была облачена охрана Джорджа Невила, Эдуард улыбнулся и принял приглашение. Его тут же окружили со всех сторон солдаты из графского воинства — Ричард было резко рванулся в сторону, но тут же остановился и убрал руку с меча. Наклонившись в седле, Эдуард весело потрепал брата по плечу и небрежно кивнул на прощанье Гастингсу. В инструкциях, полученных Джорджем Невилом, об этих двоих ничего не говорилось: Гастингса, который никогда не был замечен в особых симпатиях к Вудвилам, Уорвик все еще надеялся привлечь на свою сторону; что же до герцога Глостера, хоть он и оказался более крепким орешком, чем рассчитывал Ричард Невил, ему не было семнадцати, поэтому юношу можно было не брать в расчет. Обоих отпустили на все четыре стороны, а архиепископ, надувшись от самодовольства, отправился со своей добычей в Ковентри.

Едва стук копыт затих, Ричард Глостер и Гастингс, отослав слуг, устроились под деревьями, чтобы спокойно обсудить ситуацию. Переговорив, они отправились каждый в свою сторону — Гастингс на север, Ричард на запад. Посланец

Ричарда Глостера, отправленный с поручениями к разным адресатам, жившим в тех краях, потерпел неудачу в Уиллоуфорде и повернул на север. Там рано утром он встретил Филиппа, возвращавшегося домой из Вудстока. Увидев человека в ливрее с символикой Йорков, Филипп решил, что это посыльный с бумагами по делу о его наследственном иске. Ничего не подозревая, юноша взял протянутое письмо, сломал печать, даже не взглянув на нее, расправил лист бумаги. Быстро перевернув его, Филипп увидел четкий росчерк темными чернилами под обычной подписью секретаря. Он нахмурился. Побледнев, юноша вновь перевернул лист бумаги и погрузился в чтение.

Филипп поднял голову.

— Это письмо от герцога Глостера, Грегори. Он на западе и приказывает мне как можно скорее ехать к нему. Времени возвращаться в Уиллоуфорд у меня нет, так что матушке все объяснишь ты. Скажи ей, что я сам пока не знаю, как долго меня не будет, но скоро обязательно дам о себе знать. И пусть все, кто только могут, едут ко мне в Корф. Скажи мажордому, что это мой приказ.

Филипп дрожал от возбуждения. Он вспомнил о доспехах: отцовские ему не подходили, так что для начала придется удовольствоваться теми, что найдутся в Корфе, потом он обзаведется собственными — в таком деле никаких денег не жалко. Юноша принялся расспрашивать посыльного о том, как все было, он хотел знать подробности. Тот рассказал много такого, чего герцог не смог написать. Филипп молча слушал, поглядывая на письмо с тяжеловесной печатью — на ней был изображен флагманский корабль адмирала Англии, Ирландии и Аквитании с леопардами и лилиями Плантагенетов на парусе. Печать старая, а девиз, с тех пор как они были в Миддлхэме, изменился: “Loyaute me lie”.

Наконец группа всадников разделилась: Филипп, прихватив с собой двух слуг, свернул на юго-запад, в Дорсет, а

Трейнор в сопровождении двух оставшихся поспешил в Уиллоуфорд.

Хоть были получены грозные вести, Трейнор, покидая хозяина, не смог сдержать улыбки: уж очень откровенно Филипп радовался тому, что не придется заниматься домашней работой. В последнее время Трейнор с тревогой думал о соблазнах, подстерегающих молодых людей, — им хотелось избавиться от скучных хозяйственных дел, к которым явно не лежала душа. И теперь он испытывал облегчение и радость, тем более что летнее утро было таким приятным и свежим.

На следующий день Филипп добрался до лагеря Ричарда на западе страны, уже смеркалось. Во дворе замка виднелись группы людей, которые возились с упряжью и оружием разных видов. Филиппу сказали, что милорд находится в замке. Помощник кузнеца, стоявший у наковальни, стер обильно струившийся по лицу пот и пошел провожать Филиппа к герцогу.

Лестница, по которой им пришлось подниматься, оказалась крутой и очень узкой, поэтому в сгущающейся тьме Филипп шел на ощупь. У башенной двери стоял человек, он внимательно наблюдал за тем, что происходило внизу, на подступах к мосту. Услышав звук приближающихся шагов, человек обернулся, неуверенным голосом окликнул: “Филипп?” — и протянул руку. Это был Ричард Глостер,

Он стал немного выше ростом, волосы его потемнели, утратив прежний каштановый оттенок, — теперь, пожалуй, Ричарда можно было назвать шатеном. Того полудетского лица больше не было, взгляд стал твердым и настороженным, он словно предупреждал, что молодой человек скорее сомневается в вас, нежели вам доверяет. И выдержка, словно доспехи, всегда была при нем. Юноши обнялись, затем принялись разглядывать друг друга. Ричард произнес, слегка улыбаясь:

— Я еще издали понял, что это вы. В Англии не найдется другого такого джентльмена, который не счел бы для себя зазорным отправиться за границу в сопровождении такой огромной свиты — целых два человека!

Шутка эта была у них в ходу давно, и неудивительно, что Ричард вспомнил ее сегодня. Филипп ответил с улыбкой:

— Так откуда же взять больше? Ваш посольный перехватил меня по дороге из Вудстока.

— Стало быть, все там разрешилось благополучно? — небрежно бросил Ричард. — Должен сказать, Филипп, что вели вы себя, извините, исключительно глупо: право, я ведь мог и рассердиться, что вы годами не даете о себе знать. И что за охота так долго бороться в одиночку за свои права?

Наступила короткая пауза.

— Вы о Вудстоке? — спросил Филипп и невольно напрягся. — Но откуда же вы знаете об этих делах, милорд?

— А, да ведь Одли заходил ко мне по этому поводу нынче весной, — негромко ответил Ричард, — его беспокоили ваши судебные дела, и, по-моему, не зря. А вы что, не знали о его визите ко мне?

Филипп прикусил губу.

— Да нет, не знал. Я до глубины души признателен Вашему Высочеству... я и без того у вас в неоплатном долгу...

Филипп и сам удивился собственной несдержанности — не следует так демонстрировать свои чувства; он резко оборвал себя. Ричард спокойно произнес:

— Ну, ну, не стоит преувеличивать. К тому же я и сам был рад заняться этим дельцем: ведь вашими противниками оказались Вудвилы. Известно вам это, Филипп? Ваш родич Дженнингс оказался умнее вас — он побеспокоился о том, чтобы улестить графа Риверса задолго до того, как позарился на приданое вашей матери. И на свою долю лорду Риверсу жаловаться бы не пришлось.

Прислонившись к парапету, Ричард положил подборо-

док на ладони и с хитрым видом наблюдал за собеседником. Луч света со сторожевой башни коснулся его волос, стало заметно, что они все-таки сохранили свой первоначальный каштановый оттенок. Густо покраснев, Филипп не произнес ни слова. Отвернувшись, Ричард снова заговорил, на сей раз другим тоном:

— Если вы думаете, что выиграли это дело только из-за чьего-то желания сделать мне приятное, выбросьте это из головы. Король и сам ужасно разозлился, когда узнал об интригах Риверса. Впрочем, правда и то, что он пальцем не пошевелил бы, если б мне не удалось убедить его в вашей правоте. — Ричард нахмурился и замолчал, лишь постукивал пальцами по парапету. — Думаете, вы один такой? Будвилы никому не дают покоя. Они превратили двор в помойную яму, они, словно ящерицы какие-то, всюду ползают, попирая справедливость. Похоже, во всей Англии не найдется места, где бы они не оставили свой грязный след. Риверс — это только Риверс, но так происходит всегда и повсюду.

— Но если это действительно так, милорд, — нахмурился брови, сказал Филипп, — то почему же вы здесь? Ведь мятежники утверждают, что цель у них единственная — освободить короля от влияния жены и ее родни.

— Вы что же, за дурака меня принимаете? — бросил через плечо Ричард. — Самих-то мятежников, возможно, и убедили в том, что они подняли меч именно против фаворитов моего брата, но у графа Уорвика совсем иные цели. Вы уж поверьте мне, за три года я достаточно хорошо понял, что на самом деле нужно моему кузену Уорвику.

— Его Королевское Высочество Кларенс, — осторожно заметил Филипп, — как будто не разделяет вашего мнения.

После продолжительного молчания Ричард произнес только одно короткое слово: "Нет". Равнодушно и бесцельно он смотрел вниз, где в густых сумерках дорога у моста круто сворачивала в сторону. Лето выдалось жаркое,

воды во рву почти не осталось, по краям, в грязи, ползали мухи. Одна залетела сюда. Ричард прихлопнул ее и повернулся к гостю.

— Филипп, через несколько дней я еду к Гастингсу: он на севере, собирает отряды. Поедете со мной?

Щелкнув хлыстом по сапогу, Филипп улыбнулся:

— А зачем бы иначе я оказался здесь?

— Времена смутные, и я не могу поклясться, что на службе у меня вы непременно выиграете.

— А я и не ищу выигрыща, милорд.

Они посмотрели друг другу в глаза, неожиданно Ричард широко улыбнулся.

— Право, Филипп, вы ни капельки не изменились. Знаете, мне иногда так не хватает Миддлхэма. Между прочим, здесь Роб Перси — видели его внизу? Ладно, пошли ко мне, выпьем по стакану вина.

Ричард двинулся к лестнице. Плащ его остался на парапете, Филипп, следуя за господином, поднял его. Шерсть пахла густой смесью трав и жарким солнцем. Пройдут годы, но запомнятся ему и этот запах, и то, как спускались они по лестнице.

В тот самый вечер, когда Филипп Ловел появился в Корфе, граф Уорвик и король Эдуард сидели друг против друга в Ковентри. Это была встреча, к которой Уорвик, не отдавая себе отчета, напряженно готовился. Но Эдуард приветствовал его вполне дружески, без слов подписал кучу документов: дарственных сподвижникам Невила, назначений людям Невила, — все бумаги были подготовлены служащими графа. Без намека на негодование или раздражение король воспринял и замену его личной прислуги на бдительных слуг графа. Тактика Эдуарда была проста: необходимо убедить тюремщиков, что он может быть такой же безвольной и послушной марионеткой в их руках, как и Кларенс, его нетерпе-

ливый наследник. Эдуард хорошо понимал, что его ждет, если сделать этого не удастся. Однако Уорвик для пущего спокойствия решил перевести кузена в графский замок, еще через пару недель ему пришло в голову, что в Миддлхэме будет куда надежнее. Поэтому он сам довольно быстро переправил короля на север, в Уэнслидейл. Создавалось впечатление, что он полностью контролирует и короля и королевство; Уорвик не отказал себе в удовольствии казнить у городских стен тестя короля Эдуарда — графа Риверса, а также одного из его сыновей, взятого в плен в Чепстоу. Уорвик с удовольствием выслушал и переданные ему с глазу на глаз пожелания успехов от самого Людовика — тот слишком долго укрывал во Франции Маргариту Анжуйскую, изгнанную королеву из рода Ланкастеров, и ее сына, чтобы не радоваться теперь трудностям Йорков. Но поступали сообщения и о бунтах в южных графствах, население которых, похоже, не ведало, что повиноваться теперь нужно не королю Эдуарду, а его тюремщику. Парламент же, который Уорвик намеревался использовать для подтверждения своих полномочий, оправдал его самые смелые ожидания.

Наступил сентябрь, смутный и беспокойный. До Уорвика дошли неприятные известия с севера: среди Ланкастеров началась смута, инспирированная одним из его родственников. Граф был в ярости. Наблюдая издали за действиями своего знаменитого родственника, Хамфри Невил решил, что наконец-то пришло его время действовать. Но когда Невил обратился к армии с призывом последовать за ним, Уорвик обнаружил, что летняя кампания привела к катастрофе. Намерения графа Уорвика вызывали все больше подозрений у людей, поднялся ропот, многие открыто отказывались вставать на сторону Невиллов до тех пор, пока не получат объяснений, каковы их позиции и цели. Они — подданные короля и за оружие взялись только для того, чтобы избавить Эдуарда от дурных советчиков. Эта задача выполнена, и, если ко-

роль скажет, что нуждается в их помощи, они тут же станут под знамена.

В конце концов на переговоры в Миддлхэм отправился архиепископ Йоркский. Он нашел короля в большой гостиной, беззаботно играющим в мяч со смуглолицым юношей — кажется, это подопечный графа, его зовут Фрэнсис Ловел. Сцена была почти пасторальная: мирная игра, под рукой слуга, всегда готовый наполнить королевский кубок, приятно потрескивают дрова в камине. Джордж Невил подумал, что вряд ли в планы его брата входило создавать своему гостю такую теплую, уютную, домашнюю обстановку. Эдуард, однако же, был до слащавости любезен; он с готовностью согласился поддержать требования кузена в обмен на более подходящее жилище. В качестве такового он назвал Понтефракт, его личный замок рядом с Йорком. Кроме того, замок находился там, где сходились все нити королевских связей, где под рукой были друзья, всегда готовые связаться с ним. Архиепископ, фактически припертый к стене, вынужден был согласиться.

Несколько дней спустя Эдуард въехал в Йорк. Чтобы засвидетельствовать свою преданность королю, сюда пришли и ремесленники и дворяне, многие прибыли издалека. Северяне, увидев, что король снова с ними, как верные солдаты, готовы были служить ему. Хоть ситуация складывалась отнюдь не в его пользу, Уорвик утешал себя тем, что его второе воззвание имело такой же эффект, как и первое: с каким-то поразительным рвением шли за ним новобранцы. И через несколько часов после того, как король прибыл в Понтефракт, его кузен быстро двинулся на север, возглавляя армию. Невил был облачен в алый камзол с символикой Йорков. Ему было приятно думать о том, что Хамфри Невил должен будет сознаться в том, что совершил огромную ошибку. Скоро ужасное возмездие в лице графа Уорвика достигло мятежного Невила и его банду. Войско Уорвика налетело на мя-

тежников как вихрь: тем только и оставалось, что бросить оружие и сдаться. В течение нескольких дней были безжалостно подавлены последние очаги сопротивления восставших, а главаря в оковах доставили в Йорк, он должен был держать ответ за предательство. Король Эдуард не отказал себе в удовольствии приехать сюда из Понтефракта: вместе с кузеном Уорвиком стоял он на возвышении, с которого открывалась площадь, и совершенно невозмутимо следил за происходящим. Хамфри Невил неверно сыграл свою партию и теперь должен был за это поплатиться жизнью. Взлетел и опустился топор, толпа шумно вздохнула и умолкла. В этой тишине был слышен подавленный вздох — он исходил от юноши, стоявшего позади короля.

— Постыдись, Фрэнсис. Тебе что, дурно сделалось при виде крови предателя? — Эдуард сказал это не поворачивая головы, а молодой человек поспешил возразить:

— Нет, Ваше Величество. Но он еще шевелится...

— Заслуженный конец гнусного предателя, — холодно произнес Эдуард. — Слишком много людей погибло из-за него, и мне его ничуть не жалко.

Фрэнсис вздохнул и ничего не сказал. Спина у него была совершенно мокрой. Он не отрываясь смотрел на сколоченные трибуны и по реакции зрителей понял, когда экзекуция была закончена.

Прозвучали трубы: герольды произнесли традиционные слова. Ощущая на себе остановившийся взгляд Хамфри Невила, чья голова плыла за ним высоко на шесте, граф Уорвик провел своего кузена-короля через восторженную толпу к городским воротам Йорка. Тут, в теплой атмосфере искренности и доверия, Эдуард расстался со своими верными родичами. Он попросил графа присоединиться к нему в Понтефракте. “С ним будет куда приятнее и веселее, — думал Эдуард, — чем с этими угрюмыми солдатами-стражниками”. Уорвик пожал плечами и кивнул в знак согласия.

Вскоре Уорвик узнал, что в Йорке, недалеко от плахи, в толпе зевак видели человека, облаченного в платье со знаками отличия Бэкингемов. Прощаясь с кузеном, Уорвик мучительно гадал, что могло понадобиться слуге Гарри Стаффорда в сотнях миль от поместий его юного хозяина, находящихся на западе. Бэкингем был еще совсем юн, не старше Ричарда Глостера. Но после наследников по линии Йорков и Ланкастеров он был первым принцем крови. И если английская знать, которая еще совсем недавно была в основном сторонницей Ланкастеров, а теперь, после поражения, растерянна и деморализована, поднимет голову и вмешается в междоусобицу Йорков, то имя Стаффорда вполне может стать знаменем. Напряженно думая обо всем этом, Уорвик вспомнил и о герцоге Кларенсе, мрачно ожидавшем его в Шериф-Хаттоне. Он ведь рассчитывал, что получит корону брата, теперь же придется мириться со второстепенной ролью в спектакле, разыгранном Уорвиком. Кларенса тоже нельзя сбрасывать со счетов — люди за ним пойдут. Такие тяжелые мысли не покидали графа на протяжении всего пути, пока к полудню он со своими измотанными спутниками не подъехал к замку Шериф-Хаттон.

Ричард Невил размышлял о том, куда мог отправиться герцог Бэкингем — то ли он у себя дома, то ли находится на севере страны (только что ему там делать?). Но как бы там ни было, мрачно пообещал он себе, герцогу Кларенсу ни за что не удастся ускользнуть незамеченным из своего нынешнего укрытия и уж тем более вновь припасть к груди короля Эдуарда.

Примерно через час после того, как Эдуард покинул Йорк, через ворота Майкла проехал неприметный всадник и галопом пустился за королевской процессией. Эдуард, напротив, ехал не спеша, и после полудня Фрэнсис Ловел смог догнать кавалькаду и незаметно подъехать к королю. Эдуард встре-

тил его упреком — почему молодой человек не покинул Йорк вместе со всеми. Удовлетворив этим резким выпадом бдительность шпионов Уорвика, Эдуард спокойно продолжал путь. Сменив гнев на милость, он дружелюбно кивнул ослушнику, подзывая его к себе. Пришпорив лошадей, они немного оторвались от остальных. Казалось, король никак не может удобно ухватиться за поводья. Он наклонился, словно желая посмотреть, в чем дело, и Фрэнсис, чинно ехавший рядом, сразу уловил его вопрошающий взгляд.

— Все в порядке, сир, — шепнул он. — Как только вы уехали, я обменялся парой слов с герцогом Бэкингемом. Сегодня вечером он встречается с сэром Джоном Хауардом. Я как раз уезжал, когда появился милорд Эссекс, а граф Уорвик и архиепископ, как мне сказали, что есть духу поскакали в Шериф-Хаттон.

Эдуард задумался.

— Боюсь, они что-то пронюхали. В таком случае пусть Бог дарует нашим друзьям крылья. Сегодня перед сном тебе следует усердно помолиться, Фрэнсис, да и мне тоже. — Устремив взгляд в сторону видневшихся на горизонте холмов, он задумчиво добавил: — И смотри, для тебя же лучше, если граф Уорвик не узнает, чем ты занимался сегодня. Конечно, я буду защищать тебя, поскольку это в моих силах. Но могу-то я пока не слишком много: официально он по-прежнему твой опекун, и это, не забывая, часть нашей с ним сделки. Я должен отвоевать свои позиции постепенно, шаг за шагом, так, чтобы не спугнуть его и не заставить схватиться за оружие. Понимаешь?

Фрэнсис слегка кивнул.

Обитателям поместья Ричард Невил, граф Уорвик, казался фигурой легендарной и внушающей священный трепет. Куда он уезжает, когда вернется — такие вопросы и в голову никому не приходило задавать, ведь не задают же вопросов, скажем, планетам, отчего они обращаются именно

по такой орбите. Волю свою граф изъяслял, как правило, через помощников, и было уж совсем маловероятно, что он изволит когда-нибудь спуститься с Олимпа и заняться своими подопечными. Примерно это Фрэнсис и сказал королю. Но Эдуард лишь покачал головой, явно не разделяя такого оптимизма. Опыт общения с кузеном научил его помнить о том, что граф Уорвик ничего не упускает из поля зрения.

— Не пойму, — в голосе Эдуарда прозвучало неподдельное любопытство, — зачем тебе понадобилось так рисковать. Риск ведь и впрямь велик, а ведь, насколько я помню, твой отец был верным слугой Ланкастеров. Так что тебе за дело до наших, йоркских, проблем?

Фрэнсис смущенно отвел взгляд. За возможность, даже самую малую, принять участие в делах Ричарда Глостера он без раздумий отдал бы половину своего состояния, только признаваться в этом он никому не хотел. Вот и сейчас, ухмыльнувшись, он заметил лишь:

— А почему бы и нет? Милое дело — насолить родственникам жены.

Эдварда такой ход мысли позабавил.

— Это тебе удалось, ничего не скажешь. Но дело в том, что Фитцхью такие же враги Йоркам, как и иные из твоих родичей, дорогой мой Фрэнсис. Они сделались верными Ланкастерам задолго до того, как твой уважаемый тесть вошел в союз с Невилом. Не сомневаюсь, что в глазах многих ты нашел себе подходящую жену.

Юноша слегка покраснел.

— Это был не мой выбор, сир.

— Не твой, это уж точно... если на то пошло, то прежде всего мой, — добродушно усмехнулся король. — И граф Уорвик извлек из этого брака ничуть не меньше, чем я, за что, наверное, до сих пор благодарен мне. И все же... — Эдуард свел брови. — Да, в последнее время он крепко дружит со

старыми ланкастерцами. Странно, не могу понять, отчего он к ним переметнулся. Вот уж никогда не ожидал от него такой глупости: да разве Маргарита Анжуйская простит когда-нибудь, что он во всеуслышание назвал герцога Сомерсета отцом ее сына?

Солнце медленно уходило за горизонт, тени удлинились. Фрэнсис украдкой разглядывал едущего рядом с ним короля — лицо его наполовину было скрыто небрежно завитыми каштановыми волосами. Умное, чувственное лицо. Лицо человека беспощадного, привыкшего во всем идти до конца. Это лицо никогда не выражало подлинных чувств. Три-четыре месяца, проведенные Фрэнсисом Ловелом рядом с Эдуардом, безусловно, в какой-то степени сблизили их, но далеко не настолько, чтобы он мог точно ответить на вопрос: “Какой он, король Эдуард?”

Впереди лежал Понтефракт. За крепостными стенами виднелись тесно прижатые друг к другу черепичные крыши домов. Над ними возвышалась старая нормандская церковь. С последними лучами солнца всадники поднялись на крепостной холм, ворота за ними опустились.

Не прошло и недели, как на штурм той же высоты отправился граф Уорвик. Кортёж графа сильно растянулся, замыкали его ехавшие бок о бок Кларенс, которому явно не нравилось все это предприятие, и архиепископ Йоркский, готовый, казалось, в любую минуту вцепиться в локоть своему молодому спутнику. Не обращая внимания на отставших, Уорвик въехал во двор и, отмахнувшись от поклонившегося ему сенешаля, потребовал провести его к кузену.

Он нашел короля на западной стороне крепостной ограды. Прислонившись к стене, король смотрел вдаль, на вершины Пеннинских гор. Увидев запыхавшегося Уорвика, он обернулся и тепло поприветствовал гостя:

— Вот это да, а я, кузен, сегодня и не ждал вас. Ваша

Светлость явно куда-то торопится. У нас что, новый мятеж где-нибудь начался?

Уорвик предпочел не замечать иронии и отрывисто проговорил:

— Я был бы признателен, если Ваше Величество отправитесь со мной. Мы сию же минуту едем в Миддлхэм.

— Боюсь, не получится, милорд, — мягко ответил Эдуард.

Уорвик сделал шаг вперед.

— Вашего мнения я не спрашиваю, кузен, — негромко сказал он. Лицо его окаменело, в нем читалась открытая угроза, но взгляд оставался спокойным и неподвижным.

— Это я понимаю. Но, может, вам стоит поговорить с графом Эссексом? Он внизу, отдыхает в большом зале. Там с ним Хауард и Маунтджой. Боюсь, что ваши планы станут для них совершенным сюрпризом.

Уорвик буквально застыл на месте, не в силах произнести ни слова. В этот момент с ближайшей крепостной лестницы вихрем слетел Фрэнсис Ловел и бросился к королю:

— Сир, к нам едут герцог Бэкингем и милорд Арундел.

— Спасибо, Фрэнсис, — спокойно сказал король, и только сейчас юноша заметил, что он не один.

Все еще тяжело дыша, он пробормотал слова извинения и собирался было уйти, как его пригвоздил к месту ледяной, но ровный голос Уорвика:

— Одну минуту, Фрэнсис.

Юноша остановился, вопросительно посмотрел на графа и неуверенно сделал шаг в его сторону.

— Милорд? — Сердце Фрэнсиса колотилось изо всех сил, но ему и в голову не пришло хотя бы взглядом просить Эдуарда о помощи. Неисправимый реалист, он знал, что таковой не будет.

Приблизившись к Фрэнсису, Уорвик схватил его за плечи и развернул лицом к солнцу.

— А я как раз вспоминал тебя, Фрэнсис. Когда Его Величество несколько дней назад уезжал из Йорка, я тебя с ним не видел. Не откажи в любезности сказать, чем ты занимался?

Фрэнсис открыл рот, помолчал, словно решая, что сказать, затем откашлялся и дерзко заявил:

— По девицам ходил.

Ничего лучшего ему в голову не пришло.

— Не пытайся играть со мной в игры, мальчишка. Что тебе понадобилось в Йорке? — сурово повторил граф.

Фрэнсис неожиданно покрылся румянцем. Так захотелось бросить в лицо этому графу Уорвику, что не ему, высочке из Йоркшира, чей род не насчитывает и двух поколений, вышедшему буквально из грязи в князи, поучать потомка баронов Ловелов, которые владели землями с далеких времен нормандских завоеваний. С трудом подавив в себе это желание, Фрэнсис сказал:

— После того как Его Величество уехал из Йорка, я час провел в Голубятне. Там есть девица, ее все зовут Грязнуля Долли, она должна меня запомнить. Почему бы вам прямо ее и не спросить? Так и называйте ее — Грязнуля Долли, ей это нравится!

— Фрэнсис! — прозвучало хлестко, как удар кнута, и речь юноши оборвалась. Фрэнсис уловил резкое движение руки Уорвика, инстинктивно попытался увернуться, но тут же ощутил на плече тяжелое прикосновение. Его с силой прижали к стене. Он задрожал всем телом, закусил нижнюю губу, пытаясь сдержать слезы. Ему было страшно — граф, похоже, готов был сбросить его со стены. Все молчали. Фрэнсис слышал над собою ровное дыхание Уорвика и ощущал на себе его взгляд. Лицо графа превратилось в маску с остекленевшими глазами. Уорвик резко оттолкнул юношу.

— Можешь идти. Но будь готов, я скоро пришлю за тобой.

Эдуард все еще стоял прислонившись к парашюту. Казалось, он всецело был поглощен золотым кольцом, которое вертел на большом пальце. Он вроде и не заметил поспешного ухода Фрэнсиса. Но едва шаги юноши затихли, сказал абсолютно равнодушно:

— Я совершенно с вами согласен, кузен. Непростительное поведение. — Он искоса посмотрел на Уорвика и продолжал тем же тоном: — Я и понятия не имел, чем он занимался, пока мы были в Йорке. Если он действительно ходил в этот вертеп, как они его там называют, Голубятня, что ли, то могу лишь выразить сожаление, что уделял ему так мало внимания, пока мы были рядом. Ведь он там свободно мог заразиться, а то и горло, глядишь, перерезали бы...

— Кузен, — спокойно проговорил Уорвик, — разве я так похож на дурака?

Выковыряв из стены кусок известки, Эдуард бросил его вниз и стал наблюдать, как он летел и шлепнулся в ров с водой, подняв брызги.

— Ну что вы, милорд, мне и в голову такое не могло прийти, — неторопливо вернулся он к разговору. — Но боюсь, если вы устроите налет на злачные места Йорка в поисках шлюхи по имени Грязнуля Доли, именно так вы и будете выглядеть. — Уорвик крепко сжал зубы, а король неторопливо продолжал: — Не забывайте о своем достоинстве, милорд. Подумайте, как эта история может прозвучать в Лилле, при дворе герцога Бургундского, который вам далеко не друг. Будут говорить, что граф Уорвик позволил своему кузену проскользнуть между пальцев и затем еще обвинил его в своих собственных упущениях. Подумайте и о своих врагах при дворе Людовика: там тоже будут с удовольствием смаковать эту историю, ведь, как вы знаете, у Людовика своеобразное чувство юмора. Ну и наконец, лондонские стихоплеты тоже не упустят шанса, уж они-то конфетку сделают из этой истории.

Не отводя своих голубых глаз от карих глаз Уорвика, Эдуард заметил, что слова его произвели должное впечатление. Он мягко погладил напрягшуюся руку Уорвика.

— Дорогой мой родственник, вам некого будет винить, кроме себя самого, если история эта достигнет ушей ваших врагов за границей. Ведь у меня-то нет никаких оснований предавать ее гласности, тем более мы оба прекрасно знаем, что ничего подобного не было.

Наступило недолгое молчание. Пристально глядя на короля, Уорвик ничего не мог прочесть на его лице, кроме участливого, хотя и несколько отстраненного интереса.

— Ваше Величество, ваша взяла. Согласен, эта история уважения мне не добавит.

— Уверен, что ваш подопечный лучше всякого другого понимает, как важно быть щепетильным в этом деле, — небрежно заметил Эдуард. — Я провел в его компании несколько весьма приятных часов. И мне не хотелось бы думать, что его слишком сурово накажут за то, что я оказал ему честь своим обществом.

Король снова занялся своими кольцами, как вдруг услышал:

— С детьми, кузен, я не воюю.

Эдуард сдержал улыбку.

— А я этого и не имел в виду, милорд. И не сердитесь, что я, может, неудачно выразился: чувствами своими легче повелевать, чем доносить их до другого. Помните, вы и сами так часто говорили моему отцу? — Король бросил взгляд вниз через стену. — О, смотрите-ка, Бэкинген и Арундел появились. Позовем их?

Едва сдерживаясь, Уорвик ответил:

— Неужели вы думаете, что эти благородные господа могут хоть как-нибудь помешать мне? У меня внизу люди, а ваши гости вроде бы не позаботились о сопровождении.

— Действительно, — согласился Эдуард. — Хочу, одна-

ко, кое-что продемонстрировать вам, милорд, может, заинтересуетесь. — Он отошел немного в сторону и, повернувшись, вытянул руку. Уорвик колебался, но все-таки встал рядом с королем и, следуя движению его руки, озабоченно всматривался в даль. Обежав взглядом горизонт, Уорвик почувствовал вдруг, что ему не хватает дыхания. Кромка холмов прямо-таки пламенела, она оцетинилась лесом копий, древка которых были обернуты знаменами, а золотистые наконечники сверкали на солнце. словно не веря своим глазам, граф свесился с парапета, стараясь рассмотреть штандарты.

Эдуард, наблюдая за Уорвиком, весело произнес:

— Да нет, они еще далековато, отсюда не разглядеть. Но я готов удовлетворить ваше любопытство — это штандарты Гастингса, а белые вепри — Глостера. Пора мне наконец иметь армию, которой можно доверять. — Король резко повернулся и оперся об изрезанную бойницами стену. За спиной его виднелась извивающаяся по склонам Пеннинского нагорья блестящая лента. — Полагаю, кузен, мне пора возвращаться в Вестминстер.

Какое-то время они испытующе смотрели друг на друга, и, наверное, это был единственный раз в жизни, когда Уорвик первым отвел глаза. На какой-то миг он беспощадно ясно увидел себя самого: стареющий авантюрист, переживший великие возможности времени, которое осталось позади.

Тот прежний Ричард Невил, рыжеволосый остроглазый юноша, с которым они вместе сокрушали старинное английское рыцарство, вполне мог бы теперь прочесть отходную. Смысл ее состоял в следующем: Ричард Невил пронесся некогда словно метеор по небу заходящего феодализма и превратился в нечто нереальное.

Разум Невила безжалостно подсказывал, что все конечно, но он пытался прогнать эти мысли. Граф ясно увидел в глазах Эдуарда застывшее сострадание и высокомерно отверг его. Они стояли по-прежнему молча, словно разделен-

ные стеклянной стеной. Все, что сейчас происходило, было для Уорвика мучительно горько.

Возникшая стена между ними не давала коснуться друг друга, не позволяла перекинуться словом. Сейчас это были два совершенно чужих человека, которые когда-то встретились, затем разошлись, сохранив лишь горькие воспоминания о прошедших годах. Но и эта ниточка, натянувшаяся было на мгновение, задрожала, натянулась мучительно вновь — и навсегда порвалась.

— Мой дорогой кузен, — стараясь соблюдать хороший тон, заговорил Уорвик, — нам вовсе нет нужды ссориться. Разумеется, вы правы: слишком надолго задержались вы у нас на севере, и следует только приветствовать то, что герцог Глостер и лорд Гастингс привели вам достойный эскорт для сопровождения в Лондон.

Эдуард наклонил голову и невозмутимо улыбнулся.

— В таком случае не откажите в любезности поприветствовать этих господ от моего имени. Я скоро к вам присоединюсь.

Уорвик отвесил поклон и удалился. Спускаясь по лестнице, он ненадолго остановился у одного из окон, выходящих на Пеннинские горы. Ближе к Понтефракту рельеф был равнинным, первые всадники уже входили в город, растекаясь колоннами по кривым улочкам. Уорвик резко отвернулся и, не останавливаясь более, спустился во двор.

Склонившись над стеной и положив подбородок на скрещенные руки, Эдуард наблюдал за блестящим парадом, разворачивавшимся вокруг стен замка. На рыночной площади кто-то развернул и поднял штандарт; на лошадях была праздничная сбруя, она переливалась на солнце всеми цветами радуги. Солдаты, облаченные либо в мощные кольчуги, либо в латы, либо в красочные плащи, покачивались на конях, словно куклы. Впереди колонны вместе с помощником, проверявшим трубы, ехал герольд, сразу за ними величественно

возвышалась могучая фигура Уилла Гастингса, рядом с которым Ричард Глостер просто терялся. Словно почувствовав на себе взгляд брата, Ричард поднял глаза — оба улыбнулись. Спустили мост, и на территорию замка, исчезнув из поля зрения Эдуарда, въехал передовой отряд.

Король уже собрался было спуститься во двор, когда в дверях башни появился совершенно запыхавшийся архиепископ Йоркский, а вслед за ним боязливо жмующийся к перилам и старающийся быть менее заметным Кларенс. Не обращая внимания на визитеров, не говоря ни слова, Эдуард шагнул к лестнице, но Кларенс схватил его за рукав:

— Только... только одно слово, брат. — Он попытался опуститься на колени, но было слишком тесно.

Эдуард остановился так близко к Кларенсу, что тому, дабы посмотреть брату в глаза, пришлось откинуть голову.

— И одного слова будет слишком много, Джордж. У тебя своя жизнь, за которую ты должен благодарить нашего могущественного кузена — своего тестя. Но для меня в той жизни места нет. А тебе придется довольствоваться ею до тех пор, пока я не вспомню, что вышли мы из одного чрева. А пока, — голос короля вдруг зазвучал хрипло, — видит Бог, ты оскорбляешь мой взор.

Эдуард стал спускаться по лестнице. В конце она резко уходила в сторону. Приблизившись к повороту, король услышал чьи-то торопливые шаги и, узнав их, весь засветился от радости.

— О, Дикон... — И продолжал почти шепотом: — Нет, нет, ну ладно, что говорить... Знал бы ты, как я благодарен Богу за такого брата.

Слова эти, хоть и едва слышно сказанные, эхом отозвались в лестничном колодце. Их услышал вместе с удаляющимися шагами короля Кларенс, неподвижно стоявший у стены. Архиепископ уже ушел — подобрав рясу, он поспешил за королем. В иной ситуации Кларенс расхохотался бы, но сейчас

ему было не до смеха. Он все еще не двигался с места, мучительно соображая, что же теперь делать и куда идти. Словно в тумане, он вспоминал, что где-то у него есть жена, девочка, которую подложили к нему в постель, чтобы у дочери графа Уорвика родился сын Плантагенет. Когда-то ему казалось, что это большое дело — стать зятем великого графа, и только теперь понял, какая роль ему предназначалась. И не было во всей Англии человека — от последней кухарки до стремянного в Вестминстере, что с лукавой улыбкой подводил к нему лошадь, — который не понимал бы того же.

Звук легких шагов сверху оторвал его от печальных раздумий. Кларенс выпрямился, выгтер густо покрасневшее лицо и быстро двинулся к башенной двери, через нее можно было попасть к крепостной стене. Осторожно спускавшийся по лестнице другой, верхней, башни Фрэнсис успел заметить его спину.

В самом замке никого не было видно, зато во внутреннем дворе кого только не было: лорды, рыцари, пажи, помещики, слуги и солдаты с алыми знаками Невилы — лица последних явно выражали растерянность, а возможно, даже страх. “Понимают, что происходит”, — самодовольно подумал Фрэнсис. Он увидел своего родственника Бэкингема. Тот оживленно разговаривал о чем-то с Джоном Хьюардом, землевладельцем из Норфолка, оказавшим королю, пожалуй, большие услуги, чем иной барон. Недалеко от них граф Уорвик непринужденно беседовал с Эссексом и Маунтджоем — могло показаться, что их появление в Понтефракте доставляет ему глубочайшую радость. На ступеньках, ведущих в башню, Эдуард вместе с Гастингсом и Ричардом Глостером приветствовали столпившихся вокруг них людей, называя каждого по имени. Несколько всадников под штандартами с изображением белого вепря стояли прямо у ворот; один из них, облаченный в кожаный плащ с металлическими застежками, сидел на гнедом жеребце и рассказывал что-то своему

спутнику, лица его почти не было видно, но Фрэнсис пригляделся, неуверенно шагнул и вдруг помчался через весь двор прямо к воротам. В нескольких шагах от арочного сооружения он все-таки остановился, еще раз внимательно посмотрел на всадника, подошел вплотную и, положив руку на мощный круп коня, сказал с улыбкой:

— Для такой животины пломаж можно бы подобрать и побогаче, а, Филипп? Вы что же, кузен, готовитесь принять вахту?

Филипп, которого прервали на полуслове, растерянно посмотрел на юношу, почти прижавшегося к его шпорам, и произнес:

— Бог мой, да ведь это Фрэнсис! — Он нагнулся, чтобы обнять кузена. Оба рассмеялись. — Как я рад, что вы здесь. Как дела?

— Слезайте с лошади, и я все вам расскажу, — предложил Фрэнсис. — При этих словах собеседник Филиппа — рослый, огненно-рыжий, весь в веснушках молодой человек — обернулся и, издав возглас изумления, подъехал к ним.

— Фрэнсис? — Тот почувствовал на себе взгляд голубых глаз и знакомую улыбку. — Вы только посмотрите, в кого превратилось это дитя! А ведь еще и трех лет не прошло, как он, помню, в сундук залез от страха, что его поймали в стогу сена с дочерью хозяйки пивной.

— А разве она вам тоже нравилась? — невинно спросил Фрэнсис. — Чего же вы не сказали мне, Роб? Помню, она говорила, что вы совсем недурны на вид, особенно когда темно, а свеча светит в затылок. — Он небрежно поглаживал жеребца по начищенным бокам, но лицо у него так и горело, хотя, казалось бы, что тут такого, подумаешь — воспоминание трехлетней давности. Ловко ускользнув от жеребца, который собрался ткнуться мордой ему в ухо, он перешел на другую сторону. Тут, задыхаясь, подбежал какой-то юный рыцарь:

— Филипп, у нас тут новенькие прибыли. Посмотрите?

Филипп быстро обернулся. У ворот скопились всадники. Те, что были в первых рядах, поднимая над головами знамена, поспешно въехали во двор. По мере их приближения все зашевелились.

— Нортумберленд, — пробормотал Роберт Перси, не отрывая взгляда от второго брата графа Уорвика. — Хотелось бы знать, что ему здесь нужно!

Не обращая внимания на взгляды и перешептывания, Джон Невил неторопливо проехал в центр двора, спрыгнул с лошади и бросил вожжи конюшему. Многие не сразу вспомнили его: после того как король Эдуард в благодарность за оказанные ему услуги пожаловал Джону Невилу титул графа Нортумберленда, его редко видели южнее Трента. В наступившей тишине к Джону Невилу подошел Уорвик; хотя двор был заполнен людьми, все расступилось, чтобы дать возможность родичам поприветствовать друг друга. Взгляды Джона Невила и его кузена, все еще неподвижно стоявшего у входа в башню, пересеклись.

Уорвик вряд ли понимал, с кем переглядывается его брат. Он посмотрел на спутников Джона, стараясь прикинуть, какую силу он привел с собой. Убедившись, что графа сопровождает только немногочисленная и к тому же безоружная знать, он расстался со своей последней, на миг вспыхнувшей надеждой. Никак не выказывая своих истинных чувств, он полуобнял брата и произнес несколько приветственных слов, Нортумберленд почти ничего не расслышал — он уже направлялся к входу в башню.

— Ничего не скажешь, Дикон, неплохое блюдо вы изготовили, — сказал он, все еще жадно глотая воздух после быстрой скачки. Услышав это полузабытое детское прозвище, Уорвик слегка передернулся. Стараясь не отставать от брата, с его широким солдатским шагом, он проговорил негромко:

— Все могло быть иначе, если бы ты был рядом. Я ведь звал тебя, но ты не откликнулся.

Ни один мускул не дрогнул на лице Нортумберленда.

— Я служу королю Эдуарду, — ответил он. — И пока он не делает мне ничего дурного, я буду хранить ему верность.

Уорвик промолчал. Они подошли к входу в башню. Джон Невил опустился на колени, поцеловал протянутую руку короля.

— Мой пленник и родственник, — торжественно произнес Эдуард и, улыбнувшись, знаком велел Невилу подняться. — Любимый мой кузен Нортумберленд, я счастлив вас видеть.

В этот момент подошел разряженный герцог Бэкингем. Он тоже хотел поприветствовать своего родича Джона Невила. Уорвик задумчиво посмотрел на него; молодого Бэкингема забросили во двор королевы Елизаветы, как зерно в плодородную почву — на вырост: со временем он непременно женится на какой-нибудь девушке из семейства Вудвил. Сам молодой человек этому открыто противился, поэтому его появление неприятно поразило Уорвика: он-то считал, что уж кто-кто, а Бэкингем вовсе не желает своему родичу Эдуарду процветания. И тем не менее король во главе своих вассалов, здесь, лучится неподдельной радостью, непринужденно обменивается шутками с Гастингсом и всячески старается включить в общий круг веселья Ричарда Глостера.

— А правда, что герцогиня Кларенс ждет ребенка? — спросил Эдуард Нортумберленда, ничуть не стесняясь присутствия графа Уорвика. — Ничего не скажешь, кузен мой Кларенс человек трудолюбивый, ведь браку еще нет и трех месяцев.

— Да вроде бы так, — равнодушно ответил граф Нортумберленд, а Уорвик совершенно невозмутимо, словно это его не касалось, кивнул, подтверждая сказанное:

— Точно. На прошлой неделе мне жена прислала записку, и там говорится, что родов ждут на Пасху.

Бэкингем захихикал и бросил беглый взгляд на Ричарда:

— А где же счастливый отец? Наверное, поздравления со всех сторон принимает?

Уорвик пожал плечами, из чего следовало, что он понятия не имеет, где его зять, а Эдуард заметил безмятежно:

— Я совсем недавно разговаривал с братом, кузен Бэкингем, так что вам не составит труда найти его где-нибудь здесь. — И добавил сердечно, обращаясь на сей раз к графу Уорвику: — Но он ничего не сказал мне, милорд, о том, какие у вас прекрасные новости. Передайте мои наилучшие пожелания герцогине Кларенс, да и все ваши надежды пусть сбудутся.

Уорвик поклонился, скрывая кривую усмешку. Эдуард явно не стремился затевать у всех на глазах ссору со своими родичами. Некоторые из них, те, что стояли рядом, немедленно стали рассыпаться в поздравлениях. Бэкингем, послав графу Уорвику сияющую улыбку, негромко сказал Гастингсу:

— Я слышал, Кларенс подкупил нашего посла при папском дворе, чтобы заполучить разрешение на этот брак. В наше время, милорд, постоянно какие-то дела появляются.

Он взглядом пригласил Ричарда Глостера посмеяться вместе с ним, но юноша в это время о чем-то негромко спрашивал брата. Эдуард, не отрывая взгляда от толпы, находившейся во дворе, коротко кивнул, и в тот же момент какой-то помещик с изображением вепря на рукаве камзола отделился от остальных и быстро зашагал к воротам, где собрались всадники. Один из офицеров выровнял шеренгу королевского эскорта. К Эдуарду подвели роскошного белого жеребца. Ричард Глостер пошел перекинуться несколькими словами с Фрэнсисом, смущенно поглядывавшим на него через весь двор. Эдуард, внезапно сбросив руку,

которую Гастингс дружески положил ему на плечо, громко произнес:

— Милорд Глостер!

Ясный голос его разом перекрыл гул толпы. Ричард остановился, вопросительно посмотрел на брата и двинулся назад к башне. Он остановился у ступеней, король кивнул ему, приглашая подняться.

— Стань рядом со мной, Дикон, — сказал он брату и бросил через плечо: — Уилл, подвиньтесь немного, пожалуйста. — Гастингс, стоявший вплотную к королю, молча повиновался.

Солнце скрылось за башнями; лишь со стороны восточной стены проникал свет. Слегка подул ветерок. Зашевелились полотнища рыцарских знамен. Эдуард терпеливо ждал, пока все лица обратятся к нему и все разговоры стихнут.

— Милорды и сэры! — начал он. — Все вы знаете, что нынче летом умер граф Риверс, лорд-констебль. Его титул, таким образом, переходит старшему сыну, Энтони Вудвилу, лорду Скейлу. Согласно договоренности, ему же предстояло унаследовать и должность. — Эдуард помолчал. В глазах графа Уорвика что-то мелькнуло, он инстинктивно шагнул к королю, но тот уже потерял интерес к своему покойному шурина. Эдуард заговорил снова, повысив голос: — Но нам, как и всегда, небезразличны пожелания наших баронов, и особенно милорда Уорвика, столь много сделавшего для укрепления нашего трона. — Король искоса посмотрел на графа, тот угрюмо поклонился. — Поэтому по зрелом размышлении мы решили изменить первоначально принятое решение. Я рад сообщить вам, что на должность лорда-констебля назначается возлюбленный брат наш Ричард, герцог Глостер, в чьей безупречной преданности и верности у нас было много случаев убедиться.

Никто не пошевелился. Эдуард продолжал, и слова его

падали в наступившем молчании тяжело, словно булыжники:

— По древней традиции, лорд-констебль является командующим армией, главным военным судьей и председателем рыцарского суда. Помимо того, имея в виду тяжелое положение, в котором оказалось королевство, мы возлагаем на лорда-констебля расследование всех актов предательства и вынесение, по собственному благоусмотрению, приговоров, в которых он подотчетен только нам. И обязанности эти мы возлагаем на брата нашего Глостера пожизненно.

Эдуард слегка повернулся, Ричард, который на протяжении всего этого времени стоял неподвижно, спустился на две ступени и стал перед королем на колени. Их руки соединились, Эдуард наклонился и поднял брата.

Увидев, что король садится на подведенную к нему лошадь, лорды и рыцари принялись искать своих коней. Гастингс задумчиво смотрел на нового лорда-констебля и собрался уже было поздравить его и пожелать всяческих успехов, как его опередил граф Уорвик.

— Думаю, что сегодня отчасти и мой праздник, — сказал он приветливо. — Примите мои поздравления, кузен Глостер, вы не посрамили пройденной школы.

Поколебавшись немного, Ричард взглянул ему прямо в глаза.

— Вопреки всем вашим усилиям, кузен, — ровно сказал он. Он не протянул графу руки. Разговаривали они негромко, но Эдуард все слышал и, иронически улыбаясь, посмотрел на них с высоты своего жеребца.

— Дикон, Дикон, прошу тебя. Милорд Уорвик и я — хорошие друзья, разве не так, милорд? — С этими словами он прищпорил коня. Уорвик приложил руку к сердцу. Оба поняли друг друга без слов: “Еще увидимся”.

Вслед за передовыми всадниками, покидавшими замок, Эдуард направил лошадь к воротам. За ним потянулись все

остальные. Граф Уорвик и архиепископ Йоркский покинули двор последними, они направились к башне. Фрэнсис с улыбкой посмотрел им вслед.

После того как двор окончательно опустел и подняли мост, Фрэнсис взбежал по лестнице башни, оттуда открывался вид на южную дорогу. Прислонившись к парапету, он задумчиво смотрел, как длинная лента всадников движется по равнине. Темнело. В небе играли опалово-аметистовые отблески уходящего солнца, вспыхнула и исчезла алая полоса. В складках холмов сгущались тени. Фрэнсис увидел, как взвились знамена, и все в последний раз исчезло из вида. Где-то в склонившихся ивовых ветвях по ту сторону рва дрозд сердито откликнулся на трель сверчка, засияла первая звезда.

Было поздно, ветер усиливался. Фрэнсис поежился от холода. Скоро оставшиеся в замке соберутся на вечернюю трапезу. Он нерешительно двинулся к лестнице, передумал, стал наблюдать за тем, как в сгущающейся тьме быстро утрачивают четкость очертаний, расплываются зубцы башни. Трудно было поверить, что комната внизу опустела: небрежно застланная кровать, сохранившая очертания спавшего здесь мужчины; том Боккаччо, забытый на подоконнике; шахматная доска, разложенная на двух стульях у камина.

Появился паж, которого послали на поиски Фрэнсиса. Оказалось, милорд Уорвик забыл свой хлыст и просит подопечного найти его и принести после ужина к нему наверх.

— Ну да, березовой розги ему уже мало, — криво усмехнулся Фрэнсис. Мальчик посмотрел на него в недоумении и пошел вниз.

Ужин, прикинул Фрэнсис, будет не раньше чем через час. Если опоздать на уловленную встречу, ничего не выиграешь, а потерять можно много. Услышав голоса солдат во дворе, Фрэнсис вздохнул и пошел вниз.

Глава 4

Ветреным весенним днем, когда изо рта у трудяг лошадей шел густой пар, а воды пролива сплошь покрывались барашками, граф Уорвик бежал из Англии. С ним были жена, дочери, зять герцог Кларенс и их сторонники — те, кому нашлось место на кораблях. Остальные, не поместившиеся на судах, были взяты в плен Ворчестером, которому король Эдуард поручил поймать беглецов. Плененные были вскоре обезглавлены, их тела — расчленены и насажены на шесты в порядке назидания тем, кто все еще называл графа Уорвика своим другом.

К этому времени флотилия Уорвика была уже далеко. Погода стояла отвратительная, дул сильный пронизывающий ветер, дождь мощными струями обрушивался на палубу. В Кале, где находились англичане, на его просьбы о заходе в порт ответили пушечным выстрелом, а пока он вел переговоры с губернатором, у его дочери Изабеллы, рядом с которой находились лишь мать и сестра, родился сын. Роды были преждевременные, еще целый месяц оставался до срока, и ожидаемый к Пасхе ребенок появился на этот свет мертвым. Похоронили его в море, и даже поминальную молитву некому было прочесть. Всю ночь корабли Уорвика простояли под прицелом пушек, на следующий день они взяли курс на запад. Какое-то время с берега виднелись все уменьшающиеся в размерах, ослепительно белые на фоне неба и моря паруса, но потом они скрылись из вида...

Зиму Филипп провел в Уэльсе, там Ричард Глостер пытался навести порядок, договариваясь с местными военачальниками, которых внутригосударственные раздоры постоянно подталкивали к мятежам. Отбив несколько королевских замков, Ричард с начала зимы следил за действиями мятежников. Скучное это было времяпрепровождение — захват обозов, ночные переговоры в какой-нибудь забегаловке при тус-

клом освещении. Но к Рождеству с башни Кардиган было спущено последнее знамя бунтовщиков, и они смиренно разошлись по домам, благодаря судьбу, что с них не спустили шкуру. Все, что происходило потом, Филипп находил достаточно бессмысленным: положим, в Кардигане было теплее и уютнее, чем в грязных и запущенных хижинах, где они ютились прежде, но валлийцам, населявшим полуостров Уэльс, оказалась совершенно чужда сама идея закона, охраняющего права бедняков. И скепсис их нередко принимал отвратительные формы.

Ранней весной из Англии пришло сообщение о беспорядках в Ланкашире: осиное гнездо Уорвиков снова зашевелилось. Впрочем, бунт был быстро подавлен, сам Уорвик даже не успел прийти на помощь. Кроме того, бунтовщики продемонстрировали готовность к покаянию, заговорили о лояльности, мол, не Ланкастеров они собирались возвести на трон, а брата короля Джорджа Кларенса.

Задолго до того Ричард Глостер опять оказывал помощь Эдуарду. На пути из Уэльса его войска неожиданно столкнулись со сторонниками лорда Стэнли, которых лорд, следуя призыву своего шурина графа Уорвика, постепенно собирал под боевые знамена. Ричард не знал, что Уорвик обращался с просьбами к мужу сестры, но что люди Стэнли — вояки никудышные, ему было известно. И действительно, он легко с ними справился. Стэнли, человек осмотрительный, намек Ричарда понял сразу и остался в Ланкашире. Для Уорвика и Кларенса, поспешно бежавших из Ковентри, этот провал означал крушение последних надежд. Когда Ричард соединился с главными королевскими силами в Йорте, ему оставалось только наблюдать за поимкой нескольких оставшихся бунтовщиков, о которых он прежде и не слышал, а вот двое главных от Ворчестера все-таки ускользнули.

Узнав об этом, Эдуард пришел в ярость, однако же ограничился формальным протестом королю Людовику в связи с

теплым приемом, оказанным лордам Уорвику и Кларенсу во Франции. А членам своего совета, возмущенным поведением короля Франции, сказал, что скоро будут вести и похуже. И действительно, они не замедлили появиться: летом в своем анжерском дворце Людовик устроил дружественную встречу Ричарда Невила, некогда грозы Йорка, и королевы-изгнанницы из рода Ланкастеров.

Даже при дворе Людовика не всем это понравилось, а донесение о состоявшейся церемонии скоро было в руках у англичан. Маргарита Анжуйская заставила графа Уорвика пятнадцать минут стоять перед ней на коленях и каяться в прошлых грехах. После этого Людовик, излучая добросердечие и убежденность в успехе дела, организовал подписание соглашения, по которому семья Невил обязалась всячески содействовать возвращению Ланкастеров на их прежнее место в иерархии. Это было подтверждено помолвкой младшей дочери графа Уорвика и сына Маргариты принца Ланкастера.

В Европе смеялись над герцогом Кларенсом, который в результате всех своих мытарств остался с носом: Ланкастерам он был не нужен, они рассчитывали на потомство принца своей крови, а у короля Эдуарда и его жены, доносили французские дипломаты при английском дворе, скоро родится еще один ребенок, на сей раз, надо надеяться, сын.

Эдуард не нуждался в предупреждениях своих шпионов, что в любой момент можно ожидать высадки ланкастерских войск на английских берегах, — север оставался его слабым местом, и на протяжении всего тревожного лета до столицы неизменно доносилось эхо все новых волнений. Постоянно возникали беспорядки у Нортумберленда, тамошний народ так и не примирился с тем, что традиционная вотчина графов Перси была отдана Джону Невилу. В конце концов Эдуарду пришлось освободить последнего Перси из тюрьмы Флит, где он находился после поражения при

Таутоне, и вернуть земли его отца. Джону Невилу он щедро возместил эту потерю, дав земли и титул маркиза. Главным было имя, и, когда от Перси, только что вернувшегося домой, пришло сообщение о бунте приверженцев графа Уорвика, который он в одиночку подавить не в состоянии, новоиспеченный маркиз Монтегю не выказал особого желания помогать ему.

До Ричарда Глостера, возвращающегося из своей последней поездки в Линкольншир, дошли очень неприятные слухи. В Вестминстере Эдуард показал ему сообщения от графа Нортумберленда.

Обругав графа безмозглым тупицей, король сказал, что ему ничего не остается, как снова ехать на север и самому улаживать эти дела. А Ричарду надо пока забыть про Уэльс и ехать с ним. Йоркшир — сердце вотчины Уорвика, и надо, чтобы оно наконец дало осечку и остановилось. Братья разложили на столе карту из желтого пергамента, король водил по ней пальцем, указывая на источники опасности: пустынное побережье между Скарборо и Уошем, там в любом заливе можно незаметно причалить к берегу, дальше простираются земли, где много недовольных.

Не отрывая взгляда от карты, Эдуард спросил:

— Ты согласен, что лучшего места ему не найти? Это последняя надежда Уорвика — тут у него полно друзей, а места он знает как свои пять пальцев. Я бы на его месте ничего другого не искал.

Ричард тоже пристально глядел на карту. Обоим представилось побережье по эту сторону Ла-Манша, которое с продвижением короля на север сразу же оголяется, и сторонников Эдуарда здесь не так много, чтобы надежно противостоять вторжению.

— Думаю, что он ударит с севера, — сказал наконец Ричард. — Я бы, во всяком случае, поступил именно так.

Вскоре он ушел к себе. И хотя с момента возвращения

из Линкольна прошло всего несколько часов, герцог Глостер почти сразу куда-то отправился. Филиппу, отдохнувшему немного в тесном помещении, отведенном усталым спутникам Глостера, сказали, что Его Высочество вернется в Вестминстер только к вечерней молитве. Изящный, весь в драгоценностях, юный джентльмен, случайно услышавший этот разговор, заметил, что, насколько ему известно, герцог Глостер отправился по реке в Саутворк. За этим сообщением последовал взрыв смеха, свидетельствующий, по-видимому, об отличном расположении духа отдыхающих. Филипп, неизменно испытывавший при встречах с сэром Томасом Греем что-то вроде тошноты, с раздражением почувствовал, что краснеет. Небрежно поигрывая коробкой от духов, сын королевы улыбнулся и повторил, весь излучая доброжелательность:

— Саутворк. А как вы думаете, сэр Филипп, что там могло понадобиться милорду Глостеру?

Стараясь держать себя в руках, Филипп холодно ответил:

— Полагаю, он поехал туда проведать сына. Милорд — очень внимательный отец.

Грей снова рассмеялся, понюхал коробочку и бережно водворил ее в кармашек на поясе.

— Да, да, так называемый сэр Джон Глостер, как же это я запамятовал. И разумеется, милорд взял с собою в путешествие ту шляху, что родила ему этого ублюдка. Конечно, я последний, кто кинет в него камень за такие забавы, только, если уж Глостеру они так по душе, пусть будет поразборчивее в выборе. — Не спуская глаз с Филиппа, он распрямился и добавил: — Честно говоря, думаю, это очень неудобная штука, — он похлопал себя сзади по плечу, — когда, как бы это получше выразиться, наслаждаешься обществом дамы. Однако следует признать, что милорд наилучшим образом справился с трудностями. Не сомневаюсь, что скоро эту

шлюху вместе с целым выводком таких же вот ублюдков представят ко двору.

— А я как раз очень сомневаюсь в этом, сэр, — ровно произнес Филипп. — Кулаки у него непроизвольно сжались, и, чтобы успокоиться, он прижал ладони к бедрам. — В таких делах безупречный вкус милорда Глостера всем нам мог бы послужить примером.

Это было рискованное заявление, но Филипп был слишком зол, чтобы заниматься расчетами, к тому же Томас Грей, как никто другой, знал, по какой лестнице они с братом добрались до своего нынешнего положения. Если бы не его мать, которую Эдуард Йорк, повинувшись чистой прихоти, извлек из совершенной безвестности и вознес на самый верх, им так и пришлось бы влачить жалкое существование до конца своих дней. Искорка, вспыхнувшая внезапно в круглых глазах Вудвила, принесла Филиппу чувство некоторого удовлетворения, и, слегка поклонившись, он отошел.

Пробило полночь, когда Ричард, миновав внешнюю анфиладу комнат в своих дворцовых апартаментах и отпустив единственного сопровождавшего его слугу, вошел в спальню. Матрас его паж лежал где и обычно, у изголовья кровати, но самого пажа не было. Закрыв за собой дверь, Ричард подошел к кровати и спросил с ухмылкой:

— Как это понять, Филипп, сегодня вы меня охраняете? А куда, черт побери, делся мой паж?

— Я с ним поменялся сегодня и думаю, что не прогадал. — Филипп зевнул и поднялся со своего ложа. — Что-то мне не нравится ваша охрана в Вестминстере, милорд.

Ричард бросил на него быстрый пронизательный взгляд, который Филипп, опустившийся на колени, чтобы расшнуровать герцогу сапоги, не уловил.

— В заповедник захотелось, Филипп?

На сей раз он увидел насмешливо искривленные губы герцога и смущенно улыбнулся.

— Это уж как скажете, милорд. Только в Уэльсе все было иначе.

— Да, я только что столкнулся с Томом Греем, он мне сказал, что вы разговаривали.

Герцог поднял брови, из чего следовало, что он ждет подробностей. Но Филипп опустил глаза и сделал вид, будто ничего не заметил. Он закончил манипуляции со шнурками и поправил подсвечник у изголовья кровати. Укладываясь поудобнее, Ричард заметил:

— Да, между прочим, король говорил мне, что забирает Фрэнсиса из Миддлхэма. Ко двору он будет представлен позже, когда мы уладим все дела с Уорвиком и его друзьями, а пока отправится к жене — она, насколько я понимаю, в Глостершире.

— Да, у Тэлботов. Леди Тэлбот приходится теткой Анне. А сам Тэлбот, разумеется, состоит в родстве с Шрусбери. Бедняга Фрэнсис, — тяжело вздохнул Филипп. Ричард ухмыльнулся.

— Да, мне тоже показалось при последней встрече, что домашние дела восторга у него не вызывают. А в чем дело-то? Что, с девушкой что-нибудь не так?

— Они виделись всего один раз, и не думаю, что Фрэнсис успел составить о ней хоть какое-то мнение. Нет, тут все дело в ее семье — сплошные Невилы и Ланкастеры. Я Анну однажды видел, еще до возвращения из Миддлхэма. Вполне симпатичная девушка, но Фрэнсису до этого нет никакого дела, будь она хоть ведьмой с бородавками с головы до пят — ему все одно.

Ричард нахмурился и задумчиво покусал ноготь.

— Жаль, но мы, увы, не можем рисковать лояльностью Фитцхью и Тэлботов, так что, если одобрение королем этого брака удержит родичей Анны на месте, когда Уорвик дос-

тигнет наших берегов, Фрэнсису придется выдержать это испытание. В прошлом году девочке исполнилось тринадцать. Наверное, с тех самых пор, как Уорвик сбежал. Фитцхью опасается, что брак может быть расторгнут. Но даже если пойти на это, не думаю, что появление господина Фрэнсиса при дворе пойдет на пользу — разве что он усвоил уроки дипломатии с тех пор, как мы не виделись.

Герцог улыбнулся воспоминаниям, да и Филипп не удержался от смешка.

— Боюсь, что в этом наш Фрэнсис не преуспел. Доброй ночи, милорд.

Вокруг маленького круга, очерченного колеблющимся пламенем свечи, ступилась тьма: красные угли в камине постепенно выгорели и превратились в золу. Из окон, выходящих на восток, доносились голоса лощманов, проводивших свои суденышки между Лондоном и Вестминстером. Река неслышно несла свои воды, огибая берега с многоярусными садами, огромными замками, лабиринтами доков и складов, за которыми в удобных деревянных домах жили преуспевающие лондонские торговцы.

Король Эдуард мирно почивал у себя в Вестминстерском дворце, и даже объединенные усилия Маргариты Анжуйской и Ричарда Невила по прозвищу Дикон Создатель Королей ни в коей мере не нарушали его покоя. Утро принесло новые вести от беспокойного графа Нортумберленда. Эдуард спешно собрал на совет своих военачальников. Чрезвычайно обозленный упорным молчанием маркиза Монтегю, он решил отправиться с небольшим отрядом на север, дабы укрепить дух и решимость лорда Перси. Поскольку выступать предполагалось только через две недели, Филипп решил провести это время в Оксфордшире, и по прошествии нескольких дней солнечный полдень застал его вместе с оруженосцем и слугой на лесной дороге, убегаящей от Темзы в сторону Уиллоуфорда. Дорога была густо покрыта

листьями, скрадывающими стук конских копыт, путь затрудняли заросли орешника и шипы розовых кустарников. В воздухе пряно пахло тимьяном. Переехав брод и поднявшись по длинному пологому склону, Филипп непроизвольно бросил взгляд на вершину холма. Там никого не было, да и не могло быть — мать писала ему, что Маргарэт Деве-рю давно уехала из Уиллоуфорда. Но сама эта пустота была упреком ему в том, что уже много месяцев он ни разу не вспомнил об этой девочке. Филипп подумал о человеке, которому ее отдали. Выгодный брак, писала мать, выгодный, и больше ничего.

Едва Филипп въехал во двор, как поднялся крик, началась суматоха. Прибежал мальчишка из конюшни, в открытом окне прямо над ним появилась коротко стриженная голова секретаря госпожи Алисы, высматривавшего, кто это приехал. Пока Филипп слезал с лошади, появилась и сама хозяйка. Филипп опустился на колени, поцеловал ей руку. Помня о своем поспешном отъезде в Дорсет прошлым летом, он приготовился к язвительным, очень острым от долгой выдержки нападкам, но мать только пристально посмотрела на него и сказала:

— Мне показалось, больше года прошло.

В первые же дни своего пребывания дома Филипп увидел, что и в Уиллоуфорде произошли перемены. Его сестра Кейт вышла замуж за сэра Уильяма Секотта, рыцаря-вдовца из Ипсдена, а весной родила, к великой его радости, двойню — сыновей. Филипп поехал к ней с поздравлениями: Кейт, очень счастливая своим новым положением, от души обняла его, а няня, широко улыбаясь, принесла близнецов. Появился и сам Уильям Секотт. Он был необыкновенно гостеприимен, но, оказавшись на двадцать лет старше шурина, собрался было преподать ему несколько жизненных уроков. Он выудил у Филиппа все лондонские новости, которые ему явно не понравились. “Ненадежное это дело, — говорил он,

качая головой, — вмешиваться в королевские дела. Уже не один честный джентльмен сломал себе на этом шею. Человек мудрый, — твердо заключил сэр Уильям, — сидел бы дома и ждал, пока граф Уорвик и король Эдуард придут к согласию”. Филипп с трудом удержался от смеха: в лице Уильяма Секотта, думал он, госпожа Алиса явно нашла зятя себе по вкусу..

Мать Филиппа ничуть не изменилась, она ненавидела тот мир, в который с головой окунулся ее сын, а в прежние времена — ее муж. Алиса даже не удосужилась посмотреть великолепные доспехи немецкой работы, доставленные сюда для Филиппа из Лондона через Оксфорд. Посылка так и оставалась нераскрытой до приезда сына.

В день отъезда Филиппа мать, поджав губы, смотрела, как оруженосец выносит из верхних покоев неуклюжие кожаные мешки. Филипп тоже наблюдал за дорожными сборами. Когда последний мешок был положен на место, он подошел к матери и стал на ступеньку ниже:

— Благословите меня, мадам.

— Странно было бы с моей стороны благословлять вас на такое путешествие, сын мой, — горестно произнесла мать. — Секотт прав — все эти свары только до беды вас доведут. Что вы герцогу Глостеру — одним рыцарем меньше, одним больше. И все же вы сын мне, хотя о сыновнем долге в последнее время забываете.

— Вы несправедливы, мадам, свой сыновний долг я блюду, иное дело, что и о других долгах не забываю. Я связан обязательствами, и вам самой же было бы стыдно, если б я их нарушил. — Слова прозвучали резко, тем более что Филипп и сам до конца не был уверен, что во всем прав. Мать промолчала, лицо ее сохраняло выражение упрямства, как и лицо сына. Филипп продолжал уже более мягко: — И насчет милорда Глостера вы заблуждаетесь, мадам. Он всегда был и остается мне добрым другом.

— Сейчас-то да. А как дальше будет? И потом, что, вы всю жизнь собираетесь при нем провести?

— Когда я выезжал из Лондона, — медленно проговорил Филипп, — по улицам не патрулировали солдаты, а мальчишки-подмастерья гоняли мяч прямо за городскими воротами. — Только не Лондон сейчас представлялся ему, а искрошенные пулями стены Кардигана и Кармартена, высокогорные тропы Уэльса, по которым никто не ходит безоружным, совершенно опустошенные земли на границе между Англией и Уэльсом, и страна, где до прихода герцога Глостера совсем не знали слова “закон”. Упорное молчание матери словно стерло эту воображаемую картину. Филиппу больно было видеть, как она страдает, но сделать он ничего не мог. Он попытался шуткой разрядить ситуацию:

— Пора ехать. Извините, что визит мой получился таким коротким. Обещаю, что не пройдет и года, как я вновь появлюсь здесь.

Филипп склонился, поцеловал кончики пальцев материнских рук и выпрямился так быстро, что она едва успела коснуться его волос. Через минуту Филиппа уже не было здесь.

Он догнал королевский отряд в Лейсестере, а через несколько дней они уже достигли Йорка. Беспорядки, которые так встревожили графа Нортумберленда, к этому времени прекратились. Совершенно очевидным было то, что спровоцированы они были сторонниками Уорвика. Вслушиваясь в тишину, которая в любой момент могла быть нарушена, Эдуард приказал разбить лагерь в Йорке и позвал на совет брата. В воздухе ощущалась напряженность, и ясно было, что тайные приверженцы графа Уорвика ждут его возвращения, чтобы снова взяться за оружие. В течение двух недель Ричард Глостер делал все возможное, чтобы этому воспрепятствовать. Эдуард отправился к Генри Перси, которому собирался задать несколько не очень приятных вопросов.

Покончив с этим, он поехал к маркизу Монтегю, встретившему его с распростертыми объятиями. Предприняв все, что было в его силах, для примирения своих строптивых родственников, Эдуард вернулся в Йорк. Он сказал Ричарду, что Невил все еще дуется, но в случае чего на него можно рассчитывать.

В первых числах сентября граф Уорвик отплыл в Англию. Курьеры вихрем понесли в Йорк с новостью: несмотря на то что верные ему силы скопились на севере, граф с герцогом Кларенсом высадились в Девоне и взяли курс на Лондон, Приказав маркизу Монтегю немедленно следовать за ним, король собрал свои отряды и повернул на юг.

Первая остановка была только в Донкастере. Став лагерем на подступах к городу, уставшие воины погрузились в сон. И только в королевской палатке долго горел свет — Эдуард вместе с Ричардом, Гастингсом и Риверсом изучали доклады и составляли план на следующий день. Монтегю должен был приехать завтра, самое позднее — послезавтра, а с таким подкреплением можно вступать в бой против сил Уорвика, тем более что Перси, оставшийся в Нортумберленде, прикроет их с севера. Было уже далеко за полночь, когда, зевая и потягиваясь, король поднялся с места: все в порядке, можно идти спать. За ним последовали и остальные. Но не успели они выйти, как снаружи послышался шум. Оттолкнув стражников, в палатку ворвался какой-то сержант. Опустившись перед королем на одно колено, он произнес:

— Ваше Величество, опасность! Бог знает откуда, но у нас на фланге появились войска, и это явно не наши друзья.

На мгновение наступила мертвая тишина. Не столько сами слова, сколько стремительное вторжение вестника поразило и обозлило королевских советников. Гастингс что-то угрожающе заворчал и сделал шаг вперед. Король схватил его за руку и, обращаясь к сержанту, громко произнес:

— У вас что, мозги свихнулись? Граф Уорвик отсюда в

нескольких днях пути и к тому же направляется в сторону Лондона. И если только у него не выросли крылья, не вижу, как бы он мог сейчас оказаться в Йоркшире.

Сержант вспыхнул, но стоял на своем:

— Ваше Величество, где находится граф Уорвик, мне известно. Но мои разведчики наткнулись на какой-то отряд по эту сторону Лидса — главные их силы еще в часе ходьбы, но авангард уже здесь, и он в темноте напал на моих людей. Поначалу они сопротивлялись, но потом вынуждены были отойти. — Ободренный внимательным взглядом короля, он упрямо повторил: — Я уверен, сир, что это противник. Они хвастают, что схватят вас еще до того, как вы доберетесь до графа Уорвика.

— Стэнли? — спросил Гастингс с сомнением в голосе.

— Скорее Шрусбери, — как всегда флегматично откликнулся Риверс. — Стэнли от дома так далеко никогда бы не оторвался, по крайней мере, до тех пор, пока не был бы уверен, что Уорвик берет верх.

Эдуард повернулся к брату:

— Дикон...

Но Ричард уже поднял полог палатки.

— Сейчас разберусь, — коротко бросил он и исчез в темноте.

Закусив губу и сдвинув брови, Эдуард смотрел прямо в глаза сержанту. В лагере было совершенно тихо, не было слышно ни звука.

— Ну, смотри, если ты наврал, парень, — угрожающе заворчал Гастингс.

— Оставьте, Уилл, — оборвал его Эдуард. Он неподвижно застыл в ожидании. При ярком пламени свечи волосы его казались огненно-рыжими, а на стены палатки падала тень от его широких плеч. В отдаленной церквушке ударили к заутрене.

Вскоре вернулся Ричард.

— Все так, — сказал он, предвосхищая любые вопросы. — Разведчики взяли пленника. Нед, это Монтегю. Он сказал своим людям, что переходит на сторону Уорвика, потому что вы отняли у него Нортумберленд. И они дали салют в честь Ланкастеров.

Повисло тяжелое молчание.

— Невил? — медленно проговорил Эдуард. И добавил почти шепотом: — О Боже, каким же я был идиотом!

Резко повернувшись, он подошел к столу и принялся механически приводить в порядок разбросанные бумаги: бегло просмотрев их, Эдуард небрежно сбросил все на пол. Находившиеся в королевской палатке вспомнили честное, серьезное лицо Джона Невила; он так долго отстаивал интересы своего кузена, что казалось невыносимым представить его в образе врага, крадущегося в ночной темноте. Впрочем, ночь кончалась. Гастингс и Риверс принялись обсуждать возможные контрмеры, а Эдуард кружил по палатке, не сводя глаз с брата.

— Сколько у него людей?

— Больше, чем у нас, — спокойно ответил Ричард. — И вам это было известно, еще когда вы велели ему трогаться. — Ричард запнулся было, но все же продолжил: — Времени на подготовку у нас почти нет.

Эдуард нервно засмеялся:

— Ну да, на подготовку к сражению, которое почти наверняка будет проиграно. А тут как раз с тыла подоспеет Уорвик и закончит дело. Что-то мне не улыбается перспектива быть повешенным на перилах Лондонского моста. — Он посмотрел на сержанта, все еще ожидавшего приказаний. — Поднимайте людей, пусть отступают, кто куда может. Что же касается нас, господа, — он обвел взглядом присутствующих, губы его искривила мрачная усмешка, — то, похоже, это не наш день. Собирайте всех рыцарей, кого только сможете: мы отбываем в Бургундию.

Меньше чем через четверть часа небольшая кавалькада уже скакала по дороге, идущей из Донкастера. В лагере царил страшный беспорядок: полусонные солдаты вскакивали с мест под истошные крики офицеров и топот копыт. Через некоторое время на месте недавнего лагеря короля появились передовые отряды маркиза Монтегю. Их взору предстали лишь перевернутые обозы да пустые палатки, с хлопающими на ветру пологами. Мародеры тут же принялись за дело, жадно потроша оставленное Эдуардом добро.

Не тратя времени на не успевших далеко уйти пеших солдат, Монтегю бросился в погоню за кузеном. Преследователи миновали Линкольншир и направились к Уошу, но беглецы опередили их, отплыв в Норфолк до того, как люди Монтегю приблизились к берегу. Поднялся сильный ветер, дождь стоял стеной, и утлые суденышки, которыми воспользовались король и его свита, двигались к Норфолку буквально вслепую. У Линна они увидели покачивающиеся на якоре рыбацьи шхуны. Их сразу же купили, и уже через два дня король и его спутники огибали маяк Скегнес и выходили в бурные воды Северного моря. Их подгонял сильный береговой ветер, который нес с собой ужасную вонь. Сидя у гакаборта и прижав колени к груди, Филипп с отвращением произнес:

— Интересно, сколько же времени гниет эта сельдь? Понимать это как приглашение к ужину?

Роберт Перси, которому были адресованы эти слова, ответить ему не смог. Он поднялся, перегнулся через перила: его тошнило. Шхуну бросало вверх-вниз: чтобы Перси, не дай Бог, не свалился за борт, Филипп крепко держал его за ноги. Отвернувшись от шпигата, он благодарил Бога за то, что на мгновение ветер подул в противоположном направлении.

К полуночи буря начала стихать, и рассвет застал шхуну бодро бегущей под свежим бризом; сквозь все еще частые облака неуверенно пробивались лучи солнца. На юге стали

различимы очертания фламандского берега. Эдуард и Ричард давно уже ждали этого счастливого момента. Однако когда они, облегченно вздохнув, переглянулись, раздался голос впередсмотрящего: “По носу появились какие-то суда”. Принадлежность их раскрыть не составляло труда: Уорвик, не теряя времени, оповестил всех, кого мог, о бегстве Эдуарда. И предприимчивые люди из ганзейских городов, понимавшие, какая награда ждет их за поимку английского короля, не стали терять времени даром. Немецкие каравеллы приблизились к суднам Эдуарда. Однако они уже круто повернули на юг. Сзади загромыхали орудия, от плюхающихся в воду ядер высоко поднимались фонтаны. Фламандские берега удалялись. Когда же вдали показалось побережье Алькмаара, преследователи повернули назад.

Глава 5

У поверхности пруда застыла форель — удлиненная тень в чистой воде. Круглый глаз рыбешки смотрел на Фрэнсиса. Лениво пошевельнувшись, молодой человек нащупал камешек и швырнул его в воду — разошлись круги, а когда все успокоилось, тень под водой исчезла.

Вставать было лень. Фрэнсис пристально смотрел на воду, на кусты, на ветви бука, уже тронутые осенним золотом. Земля после холодной ночи была твердой как камень. Теперь светило солнце, воздух потеплел, но долго дежать на земле было не так уж приятно, да и небезопасно, к тому же Фрэнсис страшно проголодался. Он с сожалением вспомнил о пинте пива и куске хлеба, которые полагались ему сегодня, — наверное, напрасно он так высокомерно от них отказался. Выругавшись вполголоса, он поднял очередной камешек и приготовился с силой швырнуть его в воду, но не успел: сверху послышались шаги.

Дорожка, ведущая к пруду, была крутой, по ней шагала девушка — осторожно, изо всех сил стараясь придержать юбку. Как это ей удавалось, непонятно: обе руки были заняты. Фрэнсис повернулся, и при виде ноши мрачное выражение его лица вмиг изменилось — оно буквально расплылось в улыбке. Фрэнсис сел и протянул руку, девушка, найдя на траве место помягче, поставила рядом с ним полную до краев чашу.

— Я принесла тебе немного поесть, — сообщила она.

Еда была завернута в салфетку, и девушка принялась неторопливо разворачивать ее. Под салфеткой оказались пышная булка, кусок мяса в соусе, две сосиски, сладости и груша. Девушка беспокойно осмотрела угощение, а Фрэнсис наклонился и поцеловал ее в кончик носа.

— Анна, тетушка же шкуру с тебя спустит. Я сегодня на голодном пайке, разве ты не знаешь?

— Да, кузен говорил мне. — Вид у нее был понурый, и Фрэнсис поджал губы.

Не в первый раз он подумал о том, как это Хамфри Тэлботу не икается, но трехмесячные странствия по волнам семейного моря научили его осторожности, и он не произнес ни слова. Фрэнсис целиком переключился на принесенную женой еду. Анна налила ему вина. Жадно заглатывая куски мяса, Фрэнсис проговорил:

— Стало быть, Хамфри тебе уже все поведал. Очень мило с его стороны! Что же, он думал, я сам ничего не скажу?

Анна нервно теребила платье.

— Он сказал... Он сказал, что ты оклеветал принца Уэльского и оскорбил королеву.

— Ах вот как, он считает это клеветой? Да ведь я всего только и сказал, что незачем ему волноваться: вряд ли Эдуард Ланкастер будет походить на Простака Гарри, потому что отцом-то его скорее всего является Сомерсет. Я думал,

что, наоборот, это должно его успокоить. Впрочем, в любом случае жаль, что ваш дядюшка вмешивается в наши отношения. — Фрэнсис почесал за ухом, словно оно все еще горело от прикосновения ладони Тэлбота. Правда, незабываемое выражение лица Хамфри могло бы вытеснить это ощущение. В молчании Анны чувствовалось явное неодобрение, и, искоса посмотрев на нее, Фрэнсис выдавил из себя: — Ладно, напрасно я так о Простаке Гарри. Старый Ланкастер вполне безобиден, даже с короной, которую граф Уорвик напялил на его пустую башку. Вряд ли он сам этого хотел, дурачок.

Это было самое большее, что Фрэнсис мог из себя выжать, но Анна, казалось, его не слышала.

— Вы говорите о короле, — важно и холодно произнесла она. Фрэнсис лишь поднял брови и снова улегся на траву, скрестив руки за головой.

— Но я же сказал, что он совершенно безобиден, — мирно заметил Фрэнсис. Однако и это на Анну не произвело никакого впечатления. В глазах у нее мелькнула искра гнева.

— Дядя говорит, — тщательно подбирая слова, начала она, — что граф Уорвик хочет, чтобы все было, как он велит, пока он ждет из Франции принца Эдуарда и королеву. Дело в том, что у него много врагов, и господа вроде графа Оксфорда и родича моего дяди Шрусбери недовольны, что лорду из семьи Йорк отдается предпочтение перед теми, кто и в самые трудные времена верно служил Ланкастерам.

— Да, и не забыть бы еще про лорда Стэнли, который вроде сделался более правоверным ланкастерцем, чем все они вместе взятые, — рассмеялся Фрэнсис. — Я слышал, он был в свите Уорвика, когда Его Светлость вошел в Лондон и тут же направился в Тауэр вызволять Генри, куда сам же его и упек пять лет назад в угоду королю Эдуарду. Как удивительно все перепуталось, право! Оксфорд — Стэнли — Шрус-

бери — Уорвик, не говоря уж о герцоге Кларенсе, который теперь мальчиком на побегушках у своего тестя. Интересно, о чем они за столом разговаривают. Ведь за последние десять лет они только и знали, что грызлись.

— И еще мой дядя, — ледяным голосом произнесла Анна. — Вы забыли про дядю.

— А, ну да, разумеется, лорд Тэлбот! — воскликнул Фрэнсис. Они сердито посмотрели друг на друга. Внезапно лицо его осветилось улыбкой, он притянул Анну к себе.

— А ну их всех к черту! Перестань дуться, дорогая.

Анна уперлась было, но затем, явно смягченная покаянным выражением, появившимся у него в глазах, с трудом подавила улыбку. Обняв ее за талию, Фрэнсис другой рукой разрезал грушу на четыре части. Вместе они быстро расправились с ней. Анна откинулась на плечо мужа.

— Вот так-то лучше, — довольно сказал он. — А теперь, если мы освободимся еще и от этого... — Он потянулся к целому сооружению у нее на голове (скорее всего это была шляпа в форме сердечка из какого-то жесткого, неподатливого материала, поверх всего спускалась кисейная вуаль). Подо всем этим прятались роскошные косы, которые так и засверкали медью на солнце. Фрэнсис взял Анну за подбородок, она поежилась и бросила взгляд через плечо, а он сжал пальцы.

— Перестань ерзать. Я хочу тебя поцеловать.

Наступило молчание. Через некоторое время Фрэнсис критически заметил:

— Не очень-то по душе мне это платье, мадам, оно какое-то удручающе скромное, знаете ли. Так что будет лучше, если мы...

Кожа ее отливала молочной белизной, лишь на щеках и шее были золотистые пятнышки. Они так много времени проводили на воздухе — осень выдалась на удивление теплой, — что прямо по линии выреза солнечные лучи провели

на коже Анны четкую линию. Зеленые глаза ее, сейчас затененные дважды — собственными ресницами и его склоненной головой, — неожиданно приобрели голубоватый оттенок. Шорох барсука, донесшийся откуда-то снизу, так же грубо оборвал тишину, как если бы это был шаг человека: поспешно выпрямившись, Анна одернула платье. Фрэнсис насмешливо наблюдал за ней, но, видя ее смущенную улыбку, промолчал и только взял за руку. Уступая его ласке, она робко сказала:

— Хорошо бы, ты не воевал постоянно с Хамфри.

Поглаживая ее ладонь, Фрэнсис ответил с лукавой улыбкой:

— Да я и не воюю, тем более постоянно: ведь он же здесь не все время.

— Ну, спасибо хоть на этом, — буркнула она, и Фрэнсис виновато засмеялся.

— Ну что тут поделаешь, любовь моя, — даже ради тебя не могу вынести твоего кузена. Так что и впрямь тебе надо радоваться, что в последнее время он все больше в Оксфорде живет: иначе мы давно бы уже друг другу кости переломали. — Улыбка на ее лице сменилась выражением упрека. Опершись на локоть, Фрэнсис нервно ухватился за пучок пожухлых цветов, сухие стебли подались легко.

— Ну ладно, я попробую, дорогая. К тому же это самое меньшее, что я могу сделать для твоего дяди. Ведь он всегда старается быть ко мне справедливым, и я знаю, чего это ему стоит. — Снова завладев рукой Анны, Фрэнсис поднес ее к губам. — Знала бы ты только, какие мысли приходили мне в голову, когда я здесь появился. Я был уверен, что меня послали сюда, чтобы твои не стали на сторону Уорвика, когда он высадится в Англии. В душе я поклялся, что лорд Тэлбот пожалеет, что слышал имя Фрэнсиса Ловела.

— А я немного испугалась. — Снова на лице Анны появилось застенчивое выражение. — Ведь мы так давно не

виделись, я даже не могла вообразить себе, каким ты стал, а Хамфри сказал... — Она в смущении остановилась, но тут же поспешно закончила: — Я ведь так долго здесь жила, что он сделался мне как брат. Даже когда меня привезли из Равенсворта, чтобы выдать замуж, отец потом, когда дядя попросил, разрешил мне вернуться назад.

Нежно обняв Анну, Фрэнсис поглаживал ее волосы.

— Дорогая, у тебя в Йоркшире несколько братьев, и Хамфри Тэлбота среди них нет. Ты что же, считаешь меня совсем безмозглым? Тебя ведь отправили в такую даль к доброй твоей тетушке не затем, чтобы обучать искусству вышивки. Может, лорду Тэлботу это было более или менее все равно, но мадам твоя тетушка явно лелеяла какие-то надежды, во всяком случае, до тех пор, пока граф Уорвик не поведал твоему отцу, что планы изменились. Так что же удивительного в том, что кузену Хамфри не терпится, чтобы меня сгноили в Тайберне? — Если это и была шутка, то только наполовину.

— Дурачок, — нежно проговорила Анна и поцеловала его.

Прижавшись к ней щекой, Фрэнсис с удивлением и грустью подумал, что ничего-то Анна не понимает. Это и само по себе огорчительно, но еще хуже то, что Хамфри Тэлбот — и это он знал точно — все понимает слишком хорошо. Это стало ясно с первых дней жизни под крышей лорда Тэлбота. Сын его оказался буквально вездесущим: вот он прислуживает отцу за столом, вот встречает гостей, вот нежится в верхних покоях, предаваясь с маленькой кузиной воспоминаниям о детстве, когда они были рядом, — воспоминаниям, в которых чужаку места нет. Но это было в самом начале, до того как граф Уорвик перевез своего кузена через Ла-Манш и на троне вновь утвердился Ланкастер. Тогда они еще более или менее ладили. Тэлботы не были в дружбе с Ричардом Невилом, но Генри Ланкастер был их кумиром, их богом.

Анна и Фрэнсис снова надолго замолчали, но молчание теперь было каким-то другим. И хоть по-прежнему он обнимал ее, Анна, даже и не видя, знала, как упрямо сжаты у него губы и какая в глазах застыла тоска. Она лежала, тесно прижавшись к нему, как в постели, но он ушел далеко, и туда она за ним следовать никак не хотела. Острое чувство обиды перемешивалось с чувством жалости и сострадания.

— Фрэнсис, — прошептала она, поглаживая его по щеке.

Он опустил глаза и, встретившись с нею взглядом, словно бы встряхнулся.

— Я люблю тебя, родная. Наверное, придет день, когда милорду Уорвику угодно будет вспомнить обо мне, и тогда... — Анна вздрогнула, а Фрэнсис крепче прижал ее к себе. — Тогда мне, может, придется уехать, — едва слышно проговорил он, уткнувшись в ее волосы. — Снова став моим опекуном, граф, наверное, захочет, чтобы я всегда был у него под боком. Но я буду часто навещать тебя, даже если об этом придется просить его. Жить подолгу вдали от тебя — я этого просто не выдержу. А через пять лет — даже меньше — им придется вернуть мои земли, и я увезу тебя в Минстер-Ловел.

То, что Анна может ожидать этого дня не так нетерпеливо, как он, Фрэнсису в голову не приходило, и он с энтузиазмом продолжал:

— Ты когда-нибудь бывала в Оксфордшире? Вообще-то там не как здесь — в основном равнина, но там, где я живу, — холмы. До меня на этих землях жило двенадцать поколений баронов Ловелов. Я — тринадцатый.

— Плохая примета, — выпалила она, а Фрэнсис, проводя пальцами по ее бровям, рассмеялся. — Но ты — моя хорошая примета.

Повернувшись на спину, он положил голову ей на колени и смотрел на меняющееся цвет небо.

— Там хорошее поместье, в Минстер-Ловеле. Дом но-

вый, его построил дедушка для своей жены, она из Ротерфилдов. В доме есть тайник, скрытая комната, и мальчишкой я часто старался себе представить, кто там скрывался — а может, и умер? Когда-нибудь я покажу ее тебе. Замок в Ротерфилде нам достался как приданое бабушки — очень большой и старинный, на нем флюгер есть, формой лису напоминающий. Матери он нравился, она любила там жить. Но я родился в Минстер-Ловеле и, хотя не был там с тех самых пор, как привезли из Таутона отца, помню каждый кирпичик и каждую лесенку. — Он отломил прямо над головой нависавшую ивовую ветку и, рассеянно обрывая желтые листья, некоторое время молчал. — Эти земли принадлежат нашей семье еще с нормандских времен. Один из Ловелов взял сторону Матильды, когда против нее выступил Стивен Блуа. Я, можно сказать, только из колыбели вышел, когда отец, который вообще-то редко заходил в детскую, рассказал мне эту историю и объяснил, что я должен из нее извлечь. Мои предки служили английским королям больше трехсот лет, и вот тебе пожалуйста — я здесь черт-те чем занимаюсь, а граф Уорвик наживается за счет моих земель и использует нажитое против законного своего властителя. — Ветка с треском разломилась. Отбросив ее в сторону, Фрэнсис перевернулся и уткнулся лицом в дерн.

Сложив на коленях использованную салфетку, Анна сочувственно посмотрела на мужа. Она подумала о том, что хватка у ее дяди может быть куда крепче, чем это кажется. Ей захотелось расспросить об этом Фрэнсиса, но из такта Анна промолчала, протянула ему руку. Но Фрэнсис раздраженно отбросил ее. Посидев в раздумье еще немного, она взяла пустую чашу и медленно двинулась прочь.

Анна ушла так тихо, что Фрэнсис даже не понял, что ее уже нет рядом. Потому и послышавшиеся рядом шаги не привлекли его внимания. Вдруг прямо над его ухом прозвучал голос:

— Бедняга Фрэнсис. Вот что значит иметь длинный язык!

Нарочито медленно Фрэнсис перевернулся на спину и, прикрыв от солнца глаза, посмотрел вверх. Рядом с ним стоял юноша. Он очень напоминал Анну, особенно тонким овалом лица и золотистыми локонами; но сходство это Фрэнсиса ни в коей мере не радовало. Хамфри Тэлбот, посмеиваясь и выделывая ногами странные фигуры, нависал прямо над ним.

— Ну что, Ловел, слабо выдержать наказание? А ведь за дурные манеры наказывают, хоть этому-то вас должны были научить в Миддлхэме.

Не пошевелившись, Фрэнсис негромко проговорил:

— Что это за петушок тут раскукарекался?

Танец прекратился. Внимательно оглядывая распластавшуюся на земле фигуру, Хамфри испытал прилив той злобы, что всегда охватывала его при виде Фрэнсиса Ловела. Интересно, в сотый, должно быть, раз спросил он себя, что могла найти его славная кузина в этом отвратительном типе? Губы его крепко сжались. Фрэнсис настороженно наблюдал за Хамфри, сжимая кулаки и готовясь в любой момент дать сдачи. Помолчав немного, Хамфри произнес сквозь зубы:

— Нет, вас действительно давно пора проучить. И на сколько еще у отца хватит терпения?

— Да? А я-то думал, он любит меня, как родного сына. — Зевнув, Фрэнсис прикрыл глаза. — Вы утомляете меня, Хамфри. Шагайте-ка на кухню да потолкуйте с поваренком, самая для вас компания.

— Неблагодарный! А я-то принес ему новости. Нет, право, вы не заслуживаете такого подарка, придержу-ка их лучше при себе. — Улыбаясь и ковыряя ногой землю, Хамфри посмотрел вниз. — Вы уезжаете отсюда, Ловелл. Час назад приехал посыльный от графа Уорвика. И если хотите полу-

читать добрый совет, то вот он: ведите себя там прилично. Во Франции знают, как обращаться с невежами.

Если Хамфри хотел произвести эффект своим сообщением, то это ему вполне удалось. Фрэнсис вскочил на ноги и на какое-то время, казалось, даже лишился дара речи. Довольный произведенным впечатлением, Хамфри повернулся и собрался уходить. В этот момент сзади послышался шорох и в плечо ему вцепились железные пальцы.

— Что вы этим хотите сказать, Тэлбот? Говорите, не то хуже будет.

Весь побелев от ярости, Хамфри освободился от хватки.

— Ишь чего захотел! Не мое это дело — растолковывать, что да как. Ну да ладно, так и быть. Скажу, чтобы вы не волновались: не скоро вам придется встретиться с моей кухней. И чтобы забыть вас, времени у нее вполне хватит.

— Да, и не такие браки, как наш, расторгаются. Это ваших рук дело, убудок несчастный. Думаете, я не понимаю, зачем вам это нужно? Что-что, а надежду вы лелеять умеете, что бы по этому поводу ни думали Церковь и король.

Хамфри демонстративно всплеснул руками.

— Вы, должно быть, совсем спятили, Ловел. Благодарить вы можете только самого себя. Мой отец долго терпел вас, но и его терпению пришел конец. Так и скажите кухне, впрочем, вряд ли она будет по вас плакать, и недели не пройдет, как забудет.

Пламя вспыхнуло прямо перед глазами у Фрэнсиса. Не сознавая, что делает, он кинулся на Хамфри и в себя пришел, только почувствовав, что навалился изо всех сил на чью-то спину. Впрочем, и Хамфри был в таких делах не новичок, отпор дать умел: рыча, словно обезумевшие псы, они катались по траве, но тут на тропинке, спускавшейся к пруду, послышались торопливые шаги и чей-то голос произнес:

— А ну-ка, прекратить немедленно!

Ближайший из противников, а им оказался Фрэнсис,

почувствовал увесистую оплеуху, барьером между драчунами стал огромный сапог. Тяжело дыша, они поднялись на ноги и, словно на лезвие, натолкнулись на холодный взгляд лорда Тэлбота.

— Как это прикажете понимать? — выдержав зловещую паузу, спросил он. — Вас что, под замок прикажете посадить, чтобы немного успокоились? Вы только посмотрите на них! — Он сердито перевел взгляд с одного на другого. — Хамфри, сколько раз тебе можно говорить! На сей раз тебе это так с рук не сойдет. Что же касается тебя, Фрэнсис, то сегодня ты уже был наказан... — Тэлбот остановился, подыскивая слова, Фрэнсис тут же воспользовался паузой:

— Милорд, можно спросить вас? Это правда... это правда, что меня отправляют во Францию? — Он весь дрожал от страха.

— Ах, вот оно в чем дело. — Голос у Тэлбота чуть смягчился. — Я был бы тебе признателен, Хамфри, если бы ты не совал свой нос в чужие дела. Однако же... — Он замаялся. — Да, это правда. Это не мое решение, Фрэнсис. Герцог Уорвик передал право опеки твоему дяде, лорду Бомону, — добавил он, перехватив непонимающий взгляд Фрэнсиса. Услышав это имя, юноша вспыхнул.

— Бомон! Но он же... — Под упреждающим взглядом лорда Тэлбота он остановился, однако алый след произнесенных слов был столь же отчетлив, как если бы они были сказаны.

В годы правления Йорков виконт Бомон пребывал в изгнании, при скромном и маленьком дворе Маргариты Анжуйской, но с возвращением на трон Ланкастера этот неукротимый рыцарь, брат покойной матери Фрэнсиса и близкий родич молодого герцога Бэкингема, вернулся в Англию и стал одной из основных опор неустойчивого режима нового короля. Слыша со всех сторон ропот старых приверженцев Ланкастеров, Уорвик явно решил ублажить одного

из виднейших представителей этой партии, передав ему опеку над гигантскими владениями Ловелов. Это значило расписаться в собственной слабости и вряд ли возвышало Уорвика в глазах того, кому принесли дар. Властный, вспыльчивый, Уильям Бомон шутить не любил, а уважавший его лорд Тэлбот с явным облегчением собирался передать виконту его племянника.

Помолчав немного, Фрэнсис хрипло сказал:

— Ясно.

Не спуская глаз с его побелевшего лица, Тэлбот заметил:

— А чему ты, собственно, удивляешься? Даже странно. Разве ты не знал, что твой... твой опекун вовсе не собирается держать тебя в этом доме целую вечность? — Тут Тэлбот запнулся. Дело в том, что тогда опекуном Фрэнсиса был Эдуард Йорк.

Фрэнсис нетерпеливо отмахнулся.

— Да, конечно, я знал это. Но... А как с моей женой? Мне разрешат навещать ее?

— Пока ты в Англии, не вижу, что могло бы помешать этому, — сухо откликнулся барон. — Дядя хочет, чтобы первое время ты пожил с ним в Виндзоре, а это не такое уж немислимое расстояние. Так что пока твоя жена остается у меня в доме... — он мрачно посмотрел на сына, неподвижно стоявшего рядом с Фрэнсисом, — ее муж может быть уверен, что здесь ему всегда будут рады. Но лорд Бомон решил, что следующие несколько лет ты проведешь во Франции, а оттуда, согласишься, ездить сюда не очень-то удобно.

— Несколько лет? — медленно проговорил Фрэнсис.

— Ну да. Естественно, у твоего дяди появились во Франции тесные связи, и еще он считает, что неплохо бы тебе повидать мир, ну и, может быть, пожить в более спокойных краях. Должен сказать, что я в общем с ним склонен согласиться, — заключил лорд Тэлбот и, посмотрев на несчастное

лицо юноши, добавил: — Да что с тобой, ведь тебе не смертный приговор объявляют. Иные молодые люди тебе позавидовали бы.

С этим нельзя было не согласиться, но Фрэнсис словно не слышал своего собеседника.

— Да нет же, вы не понимаете, — сказал он. — Дело в том, что она... словом, ей кажется, что она ждет ребенка.

Мгновенно наступившую тишину разорвал хриплый кашель:

— О Господи, — с трудом выговорил Хамфри Тэлбот. Послышались торопливые шаги. “Ушел, не выдержал”, — подумал Фрэнсис.

Снова наступила тишина, в продолжение которой Фрэнсис, казалось, успел изучить форму и цвет каждой отдельной травинки.

— А почему мне об этом не сказали? — тихо спросил Тэлбот.

— Так ведь никому не сказали, — порывисто произнес Фрэнсис. — Мы не были уверены... У нее трехнедельная задержка, ну и мы боялись, что женщины заметят... — Он подумал о всякого рода шуточках и вопросах, мишенью которых они сделались с самого начала. Тут в основном упражнялась тетка Анны, которая сама была на четвертом месяце беременности, язык у нее был как бритва, и она во все совала свой длинный нос. То замечание сделает, то насплетничает, то тайком в белье заглянет. — Короче, мы хотели немного выждать, — безнадежно вздохнув, заключил Фрэнсис.

— Идиоты! — заорал барон. — Если бы я только знал... — Он резко оборвал себя. Вид у него был наполовину обозленный, наполовину участливый, настолько участливый, что понятно стало, отчего Анна любила его больше родного отца, которого едва помнила. — Ладно, теперь уж ничего не поделаешь, — наконец сказал он. — Лорд Бомон твердо решил отправить тебя во Францию — климат этой страны, счита-

ет он, тебе чрезвычайно вреден. Право, мне очень жаль, Фрэнсис: будь моя воля, я бы непременно тебе помог.

Фрэнсис помолчал немного, а затем, сцепив руки за спиной, спросил:

— Ну и когда... когда мне уезжать?

Услышав в ответ: “Сегодня в полдень”, он кивнул, словно ничего другого и быть не могло, и в почти каком-то сомнамбулическом состоянии пошел к дому.

Во дворе он увидел незнакомую упряжку лошадей, вокруг которых суетились слуги Тэлбота и Невила. Попона и седельные сумки посланца Уорвика внесли в дом, сам посланец, рыцарь по званию, пил наверху вино с леди Тэлбот. Между тем готовили новых лошадей и выносили вещи Фрэнсиса из их с Анной комнаты наверху. Дом небольшой, и эта комната была у них единственной. Фрэнсис надеялся найти Анну там, но она была с теткой и гостем — так что, подобно заключенным, им пришлось лишь молча переглядываться.

Меньше чем через час настало время прощаться. День пошел на вторую половину, похолодало, небо сделалось свинцовым, птицы уселись на забор вдоль дороги. А когда путники свернули на Глостерскую дорогу, пошел снег.

Глава 6

Прошлой ночью в Брюгге выпал снег, и в узких улочках, куда с трудом проникают лучи солнца, так до конца и не стоял. Пересекая пустынную в этот поздний час Гран-Плас, Филипп услышал сзади чьи-то шаги; поначалу он не обратил на них особого внимания, спокойно продолжал свой путь, но потом, вслушиваясь, понял, что что-то тут не так. Его явно хотели догнать, к тому же преследователи старались идти потише, хотя стук каблуков совсем приглушить не удавалось. Подобно всем беднякам иностранцам, Филипп на соб-

ственной шкуре испытал, что значит обращаться за помощью к здешним служителям закона. Дойдя до того места, где колокольня отбрасывает густую тень, он остановился и свернул с площади в один из переулков, ведущих к глянцевой черноте канала. Несколько пар глаз, более привычных к темноте, чем его, увидели это, преследователи свернули в тот же переулок и двинулись за Филиппом. Их было четверо. Переулок был узкий, так что они занимали все пространство между домами, а тени от развевающихся на ветру плащей сливались в одну. Сначала Филипп принял их за юных горожан, которые, услышав, как он разговаривает на постоялом дворе, пошли следом, чтобы задать ему трепку — англичане в Брюгге были не слишком популярны, так что обчистить их грехом не считалось, тем более что денежки у них должны были водиться. Но при свете луны Филипп увидел в руках у преследователей мечи с короткими клинками, которые доставлялись сюда через всю Европу из Базеля. Такие обычно носят профессиональные солдаты, но только не на поле боя, а в промежутках между сражениями. Филипп ласково погладил рукоятку своего боевого меча — без таких люди Глостера после самой первой уличной стычки никогда нигде не появлялись, особенно в чужой стране. В глубине переулка было еще темнее: Филипп медленно продвигался вперед и слишком поздно понял свою ошибку: ближе к площади у него было бы больше пространства для маневра, да и на прохожих можно рассчитывать. На поясе у Филиппа предательски позванивал монетами кошелек; правда, он настолько отошал, что невозможно было поверить, будто воры на него позарятся: теперь он бы и мальчишке из трактира не показался достойным внимания. Филипп подошел к ближайшему дому, оперся о него спиной, принял удобную позу и, выхватив меч из ножен, решительно отбил первую атаку.

Боевой рыцарский меч был длиннее клинков противников, но тяжел, с ним особенно не развернешься, к тому же

используют его только против противника, вооруженного так же. Первый длинный выпад заставил грабителей — если это и впрямь были грабители — отнестись к Филиппу с уважением: они отступили, перегруппировались и пошли в новую атаку парами, стараясь подстраховывать один другого. В конце концов они все-таки сбились в кучу. Рассыпья они, и бой — Филипп знал это точно — не продлился бы и минуты, но этого не произошло. Звона и шума было достаточно, чтобы разбудить полгорода. Рука у Филиппа быстро устала. К тому же становилось все труднее удерживать равновесие на скользких булыжниках. Боковым зрением Филипп уловил какое-то постороннее движение: один из нападавших, видно потолковее, сбросил плащ. Отражая очередной удар и стараясь не дать окружить себя, Филипп резко дернулся в сторону. При этом нога его скользнула по камню, и он всем телом упал.

“Нужно непременно подняться”, — мелькнуло у него в голове. На клинке меча играл лунный свет, Филипп инстинктивно вскинул руку, но уже в следующий момент меч из нее был выбит. Внезапно послышался громкий топот, затем крики, ругательства и быстро удаляющиеся шаги — кто-то явно убегал. Над Филиппом склонился человек, спросил его о чем-то на французском, говор выдавал приезжего. Филипп что-то ответил, принял протянутую руку и медленно поднялся на ноги.

Темный, безмолвный переулок вскоре вывел на залитую лунным светом, чистенькую площадь. Откуда-то издали еще доносился шум погони, но незнакомец — мужчина невысокого роста, опрятно, даже аристократически одетый — уже не выказывал к ней никакого интереса. Пока Филипп, прислонившись к стене, пытался отдышаться, человек наклонился и бережно поднял отлетевший в сторону меч. Филипп рассыпался в благодарностях, но вдруг заметил, что они, как ему сразу и показалось, не одни. В десятке ярдов от начала

переулка виднелась одинокая фигура, судя по всему, конюха. Снова прозвучал густой голос избавителя:

— Мсье? — И он протянул Филиппу руку.

— Глубоко признателен, мсье, за помощь. Мне явно повезло, — медленно и внятно проговорил Филипп, вплотную приближаясь к лошади.

— Иногда бывает рискованно ходить по ночным улицам в одиночку, — заметил незнакомец. Голос, показалось Филиппу, звучал спокойно, в высшей степени властно, на рукаве плаща из плотного бархата мелькнула золотая нить. Но лицо оставалось в тени, хотя на себе Филипп чувствовал острый, пристальный взгляд.

— Вояки, — не вполне к месту рассмеялся Филипп. — Да только не на войне. И, судя по моему опыту, ни мозгов, ни смелости. Да я таких у себя в отряде и минуты бы лишней не продержал — они же ничего не умеют.

— Да, вид у них как у безработных, — с улыбкой согласился незнакомец. — Да, вам повезло. Обыкновенный карманник, знающий свое дело, быстро бы разобрался с вами с помощью удавки или ножа.

Он замолчал, Филипп снова ощутил на себе испытующий взгляд. Луна светила ярче. Неожиданно человек в бархатном плаще спокойно произнес на безупречном английском:

— Далеко вы оторвались от дома, сэръ. Боюсь, вы и ваши друзья не слишком-то теплый прием встретили в Брюгге.

Застигнутый врасплох, Филипп все же возразил:

— Ну почему же, мсье: сеньор Де Ла Грютис был весьма великодушен.

— А, да, верно, вспоминается, мне говорили, что он оказал гостеприимство принцу Йорку и его брату. — Незнакомец слегка приподнял брови в знак того, что имя губернатора Голландии ему известно. — Но мне кажется, тут не в том дело, что за них просил герцог Бургундский; просто они старые друзья.

— Если это и так, хорошо, что дружба и в наши времена все еще ценится, — ровно произнес Филипп. — Естественно, герцог Бургундский, всячески стараясь наладить отношения с графом Уорвиком, не хотел, чтобы его заподозрили, будто он действует в интересах братьев своей жены.

— Да, мы живем в весьма практичном мире. — Тон незнакомца был слегка насмешлив, но смотрел он на Филиппа в высшей степени сочувственно. — Ну что ж, сэр, будем надеяться, что положение и ваше, и ваших соотечественников скоро станет лучше. Обстоятельства меняются, и я не удивлюсь, если вскоре буду иметь удовольствие видеть вас в Лилле наслаждающимся всеми привилегиями герцогского гостя.

Филипп вежливо поклонился. По щеке у него сбегала тонкая струйка крови, он вытер лицо, с неудовольствием обнаружив, что руки его до сих пор дрожат. Внезапно незнакомец снова заговорил:

— Хочу повторить, однако: не стоит в такое время ходить в одиночку. Вы далеко живете?

— Нет, совсем рядом, благодарю вас.

— Все же я пошло с вами человека, а то, не дай Бог, еще что приключится. — И, не обращая внимания на протестующий жест Филиппа, незнакомец нагнулся и протянул ему руку. Этот мсье сидел в седле, как молодой человек, хотя на висках его уже начала пробиваться седина, а вокруг рта залегли глубокие складки.

— Меня зовут Эрар Де Брези; не откажите в любезности передать королю Эдуарду мои наилучшие пожелания и скажите, что вскоре я буду иметь честь принять его у себя. Сожалею, что не сделал этого раньше, но я вернулся из Тура только сегодня, а завтра должен буду на некоторое время уехать на север. Не сомневаюсь, что мы еще увидимся, а пока примите пожелания всяческих успехов в ваших делах. — Де Брези пришпорил коня. Его сопровождающие

вернулись после неудачной погони и поехали вслед за ним. Голубые и золотистые ленты богатой конской попоны развевались на холодном ветру.

В задумчивости Филипп возвращался к себе на постоянный двор под чопорным названием “Граф Фландрский”. И только у самой вывески, изрядно облезшей, отпустил со словами благодарности провожатого, испытывая немалое смущение оттого, что нечего ему дать. Впрочем, слуга отнесся к этому совершенно равнодушно. Он был фламандец и по-французски разговаривал с трудом, хотя Де Брези обращался к нему именно на этом языке. Когда Филипп вошел в дом, на первом этаже былолюдно, шумно и накурено. Довольный, что ему удалось проскользнуть незамеченным, Филипп поднялся по узкой лестнице на верхний этаж, где он жил с Перси и еще полудюжиной рыцарей из свиты герцога Глостера. Разместились они в маленькой комнатке, спать приходилось голова к голове, а оруженосцы жались вдоль стен. Филиппу было неловко беспокоить всех своим поздним приходом. Но когда он открыл дверь, в комнате оказался один Перси. Он прихлебывал кисловатое пиво и мрачно смотрел на догорающие угли в камине. При виде Филиппа глаза у него округлились.

— Бог ты мой, ничего себе!

— От царапины не умирают, Роб, — раздраженно сказал Филипп, расстегнул пояс, снял меч и швырнул его на подоконник.

Не обращая внимания на протесты Филиппа, Перси придвинул единственный в комнате сундук поближе к огню, снял с себя кожаную куртку и бросил ее на крышку. Получилось что-то вроде ложа. С неудовольствием понимая, что привлекает к себе слишком много внимания, Филипп опустил на самодельную подушку, налил себе стакан пива и залпом выпил его. Тем временем Перси, явно стгорая от любопытства, устраивался напротив. Он с облегчением выслушал отчет о

ночных происшествий своего товарища и не преминул напомнить, что в темноте одному лучше на улицу не выходить. При упоминании Эрара Де Брези у него высоко поднялись брови.

— Сам монсеньор? Да, в высокую компанию вы попали.

— А вы знакомы с ним? — с удивлением спросил Филипп. Перси только руками развел.

— Может, еще спросите, приходится ли мне другом герцог Бургундский? Разница невелика. Я видел его, когда он приезжал в Англию с Антуаном Бургундским. Верховный судья Эно, лорд Сен-Обен, Рыцарь Золотого Руна... какие там еще у него титулы. В прошлом году он женился на одной богатой английской наследнице. Состояние двух своих прежних жен он уже промотал. Стиль мсье Де Брези стоит денег.

Перси не скрывал иронии, и Филипп выступил на защиту нового знакомого:

— Ну, не знаю, со мной он себя вел в высшей степени великодушно. Мне он понравился.

— Ну разумеется, великодушно. Очень на него похоже — как не помочь безвестному бродяге. Он так привык к своему положению гранд-сеньора Эно, что от этой роли трудно отказаться, куда ни попади. Вспоминаете графа Уорвика в дни его славы? Он вел себя примерно так же, хотя, конечно, мсье Де Брези не упрекнешь в том, что он просто подражает Уорвику. Действительно, прекрасный друг — и опасный враг.

— Он очень просил меня передать наилучшие пожелания королю, — заметил Филипп, а Перси устремил взгляд на остатки в стакане, наклоняя его и поднося к колеблющемуся пламени.

— Говорят, ближе Эрара Де Брези у герцога Бургундского человека нет, он полностью ему доверяет, — медленно проговорил Перси. — И если уж герцог к кому и прислушивается, то только к нему. Говорите, он только что из Тура вернулся? Интересно, чего он такого наслушался во Фран-

ции, чтобы посылать горячие приветы гостю сеньора Де Ла Грютиса?

— Представления не имею. — Филипп зевнул. Пережитое приключение, усталость и, наконец, пиво вконец сморили его. Он отлил немного в стакан Перси, тот рассмеялся.

— Вот лежебока. Тут наши судьбы, можно сказать, решаются, а он дрыхнет.

— Все нет, — возразил Филипп и, чтобы доказать это, приподнялся и стал рассматривать кучу каких-то вещей, набросанных на матрас. Был тут, в частности, острый кинжал, вроде бы принадлежавший Перси, кираса и рубашка...

— А вы-то что делали, пока меня не было? — поинтересовался Филипп.

— Думал о том, что есть завтра будем, — мрачновато ответил Перси. — Думал о том, чем хозяину платить будем; я его пиво попросил принести, а он мне: “Когда счет оплатите?” Честное слово, мне прямо в глотку ему это проклятое пиво влить захотелось.

— Да? А почему бы ему, собственно, и не побеспокоиться о счете? Он ведь не обязан держать нас здесь бесплатно, хотя, судя по тому, как вы с ним разговариваете, для него большая честь принимать таких гостей. — Вновь кинув взгляд на кучу вещей, сваленных на матрасе, Филипп нахмурился. Он знал, отчего Перси наглухо застегивает камзол: рубаха, которая валялась сейчас на матрасе, была на нем во время бегства из Донкастера — немного поношенная, но в общем-то вполне еще целая. — Не надо продавать ничего из этого, Роб. Если герцог Бургундский вдруг вновь объявится, оружие понадобится вам уже завтра. Что же касается рубахи, то в такую погоду вам будет без нее слишком холодно. Давайте-ка лучше подумаем, что досточтимый Беппо даст вот за это. — Сняв с пальца кольцо, он швырнул его на матрас. Перси только присвистнул.

— Это отцовское? Вам нельзя с ним расставаться.

— А почему бы и нет? Отец был разумным человеком. Он меньше всего хотел, чтобы мы подошли с голода. А если эта штука может нас выручить? Давайте бросим жребий, кому говорить с Беппо.

— Ладно, без всякого жребия пойду, я крупнее, — засмеялся Перси, но шутка получилась немного вымученной. Меняя тему, он сказал: — Час назад тут был курьер. Новости из Англии: у короля родился сын.

— Ну, наконец-то, — откликнулся Филипп, подумав о дурацкой привычке Елизаветы Вудвил рожать одних только девочек. — А как королева?

— Роды были, говорят, легкие. Мальчика назовут Эдуардом. — Поигрывая застежками камзола, Перси, похоже, думал совсем о другом. — Есть и еще новости. Уорвик торжественно заявил, что все, кто последовал за королем в Бургундию, могут спокойно возвращаться в Англию — ни на земли их, ни на жизнь никто покушаться не будет. Надо только принести клятву верности Ланкастеру — и имущество ваше будет в сохранности.

— Какая щедрость! — Филипп сосредоточенно рассматривал собственные ботинки, которые так и не удосужился снять. — Вот черт, еще одна дырка. Говорят, тут неподалеку есть сапожник, который чудеса творит с кожаной обувью. Завтра схожу. Если хотите, и ваши башмаки могу прихватить. — С гримасой отвращения он поковырялся в дырке. — Когда вернусь в Англию, ни за что в жизни больше не надену чиненую обувь.

Наступило непродолжительное молчание. Перси откашлялся, сменил позу и наконец произнес:

— А что, если... словом, мне кажется, почему бы вам не последовать приглашению Уорвика?

— Ах, вам так кажется, — язвительно откликнулся Филипп. — И вы, разумеется, отправитесь со мною одним кораблем?

Плотный северянин покраснел.

— Это совсем другое дело. У меня есть старший брат, наследство переходит к нему, деньги я должен заработать сам. А потому что мне посулы Уорвика? А вам есть что терять — земли, за которые вы четыре года сражались. — Чуть погодя он добавил: — А как ваша матушка? Вам известно, где она сейчас?

— У моей сестры, в Ипсдене. О ней беспокоиться нечего, — рассеянно ответил Филипп. Он полулежал, подперев подбородок рукой и глядя на огонь. Лицо его оставалось в тени.

Перси резко сказал:

— Вы можете считать меня бестактным глупцом, это действительно не мое дело. Но через десять лет, бродяжничая по Европе и хватая за хвост любую войну, вы попомните мои слова, еще пожалеете, что от всего отказались. Если у Глостера была бы хоть одна лишняя копейка, он дал бы ее вам — это мы все знаем. Но он сам нищ как церковная крыса, в кредит никто больше не дает, и живет он только милостями Грютиса. Он ни за что бы не бросил в вас камень, принеси вы эту присягу — даже если б не знал, сколько вы теряете.

— Да мы все в одинаковом положении, — беззаботно сказал Филипп, ставя пустую кружку на пол. — Это мое последнее слово.

— Замечательно! Отчего бы вам не попробовать получить за него что-нибудь у Беппо. Только сомневаюсь, что на выручку можно будет много купить.

Пропустив эти слова мимо ушей, Филипп подтащил к себе ближайший матрас: в комнате становилось холодно и надо было устроить себе постель. Раздеваться он, естественно, не стал — только ботинки сбросил.

— Подамся, пожалуй, в воры, — мечтательно сказал он. — Мсье Де Брези говорит, что всего-то и нужно, что удавка в кармане. Ладно, дуралей вы этакий, ложитесь-ка в

постель. Камин почти остыл, и я не уверен, что хозяин будет счастлив, если мы начнем топить его мебелью.

На каждого приходилось даже не одеяло, а простыня: впрочем, и она хоть немного предохраняла от холода. Надев рубаху, Перси растянулся на матрасе, и к тому времени, когда остальные вернулись из общей комнаты внизу, и он и Филипп уже мирно спали.

Примерно через час за окном раздался громкий стук копыт. На постояльцев “Графа Фландрского” он, однако, не произвел ни малейшего впечатления, и курьеру пришлось направить своего взмыленного коня к дому голландского губернатора, где еще горел свет. В сумке у него было сообщение для Эдуарда. В нем говорилось, что, несмотря на все миротворчество Карла Бургундского, граф Уорвик столкнулся с королем Франции и войска Людовика уже осадили Сен-Квентин — пограничную крепость Бургундии.

Несмотря на это, Рождество при дворе герцога Бургундского отпраздновали пышно и весело. Торжества были в самом разгаре, когда в Лилль прибыл Эдуард со своими спутниками. Герцог и герцогиня встретили их со всеми подобающими почестями, и, если кто и улыбнулся, наблюдая эти неожиданные проявления любви в осажденном лагере, никому, и уж менее всего Эдуарду, не пришло в голову высказывать свои мысли вслух. Истинные чувства к Карлу Бургундскому Эдуард держал при себе; впрочем, понятно, что это были за чувства: как не испытывать признательности — сохраняя при этом безукоризненное достоинство — к человеку, помогающему тебе вернуть трон.

Ричард находился в Брюгге, который был ближе, чем Лилль, к Флашингу, где базировалась королевская флотилия. Отсюда было удобнее следить за доставкой провизии и вести переговоры с местными толстосумами, решившими в конце концов, что йоркская партия заслуживает доверия. Так что в Лилле он появился только в феврале. Эдуард со

своей сестрой, герцогиней Бургундской, сидел на возвышении; сам же Карл — с завитыми черными локонами, смуглым лицом, одетый с римской непритязательностью, что особенно бросалось в глаза на фоне роскошных костюмов его придворных, — спустился до половины покрытой бархатом лестницы встретить младшего брата жены. С едва заметной гримасой Ричард примирился с условностями дипломатического этикета, а Филипп воспользовался возникшей при этом неразберихой и нашел убежище за массивной колонной посреди зала. Из этого укромного места он мог наблюдать за разряженной публикой. Со многими он был знаком и раньше, выполняя зимой разнообразные поручения Ричарда. Эрар Де Брези, чьи шелковистые волосы отдавали при ярких свечах прямо-таки снежной белизной, издали встретился с ним взглядом и, улыбаясь, поднял руку в приветственном жесте. После той первой встречи на Гран-Плас они еще не раз пересекались по делам своих властителей, и вскоре Филипп с удивлением обнаружил, что вошел в тесные дружеские отношения с одним из самых близких людей Карла Бургундского. Понял он и свою ошибку: раньше лорд Сен-Обен представлялся ему просто доброжелательным, славным человеком. Оказалось — не просто.

В зале произошло какое-то движение, композиция переменилась: несколько придворных дам были приглашены разделить компанию герцогини Бургундской и ее братьев. Перси, приехавший в Лилль за несколько дней до остальных, подошел к Филиппу и с улыбкой кивнул на публику:

— Смотрите-ка, сколько, оказывается, у короля друзей в Бургундии. Между прочим, здесь жена Де Брези, известно вам это?

— Англичанка? Да... помнится, при нашей последней встрече в Брюгге он говорил, что она скоро приезжает. А завтра они как будто отправляются в Ленарсдик. Насколько я понимаю, это ее первое появление при дворе.

— И наверное, оно ей запомнится. Поглядите-ка, как ее обхаживает Его Величество Йорк, — сухо заметил Перси.

— Ну, если король хочет заручиться поддержкой мсье Де Брези, ухаживая за женой этого господина, то его ждет разочарование, — небрежно бросил Филипп. — Монсеньор не из тех, с кем заключают союз при помощи женщин.

— Во всяком случае, таких женщин, — с усмешкой подхватил Перси. — Ей, должно быть, не больше двенадцати.

Удивленно подняв брови, Филипп бросил взгляд на толпу в зале. Он заметил невысокую девочку, почти ребенка, в строгом камчатном платье и прозрачной мантилье. Тут же ее поглотила толпа. Пожав плечами, Филипп отвернулся.

— Бог ты мой, прямо-таки май и декабрь. Не очень-то подходящая для него пара, а?

— А до нее — две уродливые, но богатые наследницы. И обе нашли последнее упокоение, — добродушно хмыкнул Перси. — А сына — наследника фамилии нет. Сейчас пройдешь мимо — не заметишь, но через год-другой она расцветет. Ну, и приданое тоже сыграло свою роль, конечно.

Хозяева и высокие гости собрались уходить. Карл, его жена, ее братья в сопровождении целой армии слуг церемонно прошествовали через зал. Сегодня вечером герцог ужинал со своими гостями в узком, как говорится в Бургундии, кругу, и Де Брези с женой Филипп уже больше не видел. На следующее утро, еще не проснувшись толком, Филипп услышал на улице скрип колес и стук копыт — это Де Брези уезжали на север, в Ленардик.

В начале марта потрепанные морскими штормами суда незаметно появились в волнующихся водах у йоркширского побережья и бросили якорь чуть выше Равенспура. Шторм разметал йоркскую флотилию, и, когда Ричард высадил своих обессиленных людей на берег, оставшихся судов видно не было.

Недалеко от устья Хамбера волны вздымались на неви-

данную высоту, дождь лил как из ведра. В темноте не было видно ни своих, ни бдительных часовых графа Уорвика. С трудом поставили палатки, не решаясь развести костер, быстро поужинали и, завернувшись в драные плащи, погрузились в беспокойный сон.

Ночью ветер стих, рассвет встретил их тихой, мягкой погодой. Они двинулись на юг, настороженно озираясь, не видно ли разведчиков враждебной стороны. Но все прошло благополучно, и в Равенспуре они вошли в лагерь Эдуарда. Всего, вместе с фламандцами герцога Карла, их было полторы тысячи. Все были хорошо вооружены.

Не теряя времени, Эдуард повел свой отряд к Йорку. После непродолжительных, но нервных переговоров ворота в город были открыты, городские власти убедило то, что пришелец представляется всего лишь Эдуардом, бывшим графом Марчем, и претендует только на йоркское герцогство своего покойного отца. За эту соломинку глава города и городской совет и уцепились. Граф Уорвик находился далеко, а его брат маркиз Монтегю, который должен был преградить Эдуарду путь в город, все еще пребывал в Понтефракте и не выказывал ни малейшего намерения двигаться с места.

На следующее утро Эдуард с людьми отправился на юг, оставляя Понтефракт далеко в стороне, чтобы опередить Монтегю, который наверняка вскоре начнет преследование. Но хотя конные курьеры разнесли весть о высадке войска Эдуарда по всей Англии, противника нигде не было видно, никакой погони, никаких преследователей. Ни развевающих знамен, ни топота копыт сзади — ничего не было на этих северных холмах. Тишина. Прямо чудеса какие-то.

— Куда он пропал, чума его порази, — бушевал Гастингс. — Чего не кажет носа, так, чтоб покончить наконец с этим делом?

Остановившись в Уорвике, Эдуард собрал своих военачальников на совет. Они устроились в большой комнате на-

верху — именно здесь почти два года назад Эдуард жил как пленник и находился в полной зависимости от своего кузена. Крутя в руках сложенную пополам депешу, он улыбался.

— Да нет, пожалуй, надо только радоваться, что его не видно, по крайней мере на этом направлении. Тут бы он с нами справился мгновенно. — Покусывая ноготь, Эдуард снова посмотрел на депешу. — В настоящее время граф Уорвик находится с войсками в Ковентри, а Маргарита Анжуйская все еще в Кале, поджидает его, надеясь, что он выполнит-таки данное ей обещание. Что-то новенькое для особы королевского звания; никогда еще она не была в таком унижительном положении.

— Говорят, она опасается за принцев, — заметил Риверс.

— Может быть, — презрительно скривился король, — но какая же она, право, идиотка! Она что же, надеется, что, пока будет квохтать, как курица, над своим детенышем в Кале, Уорвик завоюет для них королевство, а потом представит английскому народу его нового молодого короля? Право, Дикон был моложе, когда отправился в Уэльс, а я с ним не посылал няньки, которая бы следила, чтобы он не промочил ног.

— Ну и едва не поплатился за свое бессердечие, — заметил Ричард. — Боже, какие же мы были тогда зеленые! Удивительно, как это ты отвоевал свои замки.

— Ну а теперь мы слышим речь не мальчика, но мужа. — Гастингс подмигнул Риверсу. Ричард взглянул на него и отрицательно покачал головой: “Все еще нет, милорд”. Сказано это было с улыбкой, но в то же время в комнате возникла какая-то отчужденность. словно ненароком Эдуард придвинулся к брату и щелчком отправил послание на середину стола.

— Я получил точные сведения, что маркиз Монтегю собирается соединиться с графом Уорвиком в Ковентри. Вме-

сте они представляют собою немалую силу, а тут еще на помощь спешают Оксфорд и Бомон из Ньюарка. Мощная армия, нам с ними сейчас, хоть и много друзей присоединилось к нам, ни за что не справиться. Но мой кузен стал очень осторожен. Даже заручившись такими союзниками, он выжидает. И не выступит, пока в Ковентри не появится герцог Кларенс со своими сторонниками.

— Кларенс? — резко переспросил Риверс. — А что, Нед, у вас есть о нем сведения?

— Весьма исчерпывающие. Два дня назад милорд Кларенс прибыл с новобранцами с запада в Бурфорд, сейчас он движется к Бэнбери, а до конца недели граф Уорвик ожидает его в Ковентри. — Эдуард снова посмотрел на свиток, и в глазах у него появилось насмешливое выражение. — Однако же герцогу Кларенсу, как святому Павлу, дано было озарение свыше. Он не идет в Ковентри. Он присоединяется к нам. И будет здесь через три дня.

— Ничего себе, — пробормотал Гастингс. Наступило молчание. Все переваривали новость. В конце концов Риверс неторопливо проговорил:

— Потрясающе не везет графу Уорвику в этой кампании с обоими его зятьями.

— Похоже на то. — Эдуард рассмеялся. — Джордж Кларенс или этот князек Ланкастер — кого выбрать? Да, графу можно только посочувствовать.

Легким кивком Эдуард дал понять присутствующим, что все свободны. Привратники бросились отворять двери. Ричард вышел, не сказав ни слова. За ним на порог ступил Риверс, но Эдуард, успевший отойти к окну, коротко бросил ему:

— Задержитесь на минутку, Тони.

Вопросительно взглянув на Эдуарда, Риверс повернул назад. Они сели за стол у окна, где их не могли слышать слуги. Закинув ногу на ногу, Эдуард сказал как бы между прочим:

— Тони, нельзя ли проследить, чтобы в городской совет Лондона немедленно ушло следующее указание — взять под арест и препроводить в Тауэр Генриха Ланкастера?

Красивые брови Риверса взлетели вверх.

— Ничего себе поручение, Нед. Совет все еще под контролем Уорвика, и вряд ли члены его подчинятся приказу Йорка.

— Спорим, что подчинятся? — сказал Эдуард, но Риверс, улыбаясь, отрицательно покачал головой.

— Я и так уже задолжал вам. Хорошо, будет исполнено. — И, понизив голос, добавил: — А в сам Тауэр какие указания передать?

— Неужели я похож на дурака? — столь же негромко спросил Эдуард. — Ведь у него наследник во Франции.

Шурин ушел, и Эдуард принялся лениво перебирать разбросанные по столу бумаги. Он что-то весело насвистывал, но глаза у него оставались холодными.

Лондон встретил их звоном колоколов и широко распахнутыми воротами. Беглые сторонники короля Эдуарда стекались сюда изо всех уголков страны, замещая ланкастерских приверженцев на многочисленных должностях. Весь город словно прокладывал им дорогу, хватал за стремена, забрасывал цветами и гирляндами. Все и думать забыли, что из Ковентри во главе внушительной армии движется граф Уорвик. Освобождаясь — не слишком поспешно — из объятий дочерей города, Филипп внутренне посмеивался: все ведут себя так, будто мы уже победили. Но это был веселый праздник, бальзам на их души — израненные, истомленные тяжелым изгнанием в Брюгге и никчемным сидением в Йорке.

А ведь сначала, когда они двинулись на юг, присоединились к ним люди не слишком охотно, с оглядкой. Теперь все не так. Через два дня отдохнувшее, прекрасно экипированное, выросшее словно на дрожжах — теперь их было десять тысяч человек — войско вышло через главные городские

ворота и направилось на север, в сторону Ковентри. Когда передовые отряды достигли Барнета, уже сгущались сумерки. Городок, казалось, совершенно опустел, и, быстро проведя рекогносцировку, Ричард срочно отправил курьера в главную ставку. Вскоре появился сам Эдуард. Надо было срочно посоветоваться. Где-то прямо перед ними стояла армия графа Уорвика и его союзников. Как близко — это разведчики скоро скажут. А вот и они. Выяснилось, что граф, перерезав путь королевским войскам, стал лагерем всего в миле отсюда. Немного подумав, Эдуард велел брату продолжать движение. Ему совершенно не хотелось, чтобы Уорвик передумал и отступил, надеясь, скажем, соединиться с Маргаритой Анжуйской и ее французами, которые, по донесениям, готовятся отплыть из Кале. За ночь нужно вплотную приблизиться к войскам графа, чтобы утром тому ничего не оставалось, как начать сражение. Но сделать это в полной ночной темноте было нелегко. Осторожно, не зажигая огней, с черепашьей скоростью, чтобы не слышно было стука копыт, продвигались по размокшей от дождей дороге люди герцога Глостера. Минута шла за минутой, и вот наконец впереди, в густом тумане, внезапно засветились огни. Посланная вперед разведка доложила, что противник — на расстоянии выстрела из лука. Отправив нарочного к королю, Ричард свернул с дороги и стал располагать правый фланг своих войск на кромке обширного луга, прямо напротив левого крыла уорвиковской армии. Приблизившись к ним с основными силами, король и Кларенс стали в центре, а Гастингса с его отрядами отправили прикрывать левый фланг. Фургоны с фуражом остановились в тылу, лошадей тоже отвели назад, и таким образом нелегкая задача разбить лагерь в темноте, да еще на незнакомой территории была решена. Но тут едва наступившую тишину неожиданно разорвал пушечный выстрел, донесшийся откуда-то спереди: Ричард, уже ступивший было в палатку, остановился посмотреть, что случилось.

— Они обстреливают Барнет, — заключил он. — Наверное, им и в голову не пришло, что мы затеем ночные маневры. Ну что ж, пусть тратят ядра. Утром кузена ждет неприятный сюрприз.

— Говорят, у него в полтора раза больше людей, чем у нас, — криво усмехнулся Филипп. — Так что еще неизвестно, кто кому преподнесет сюрприз, милорд.

Рядом с палаткой герцога разбили шатер, в котором разместились рыцари из его свиты. Филипп нашел себе место и приготовился провести не самую тихую ночь в своей жизни.

Чье-то прикосновение к плечу произвело прямо-таки электрическое действие. Филипп мгновенно проснулся, перевернулся на другой бок и сел на тюфяк — над ним склонился, уже во всеоружии, Перси:

— Вставайте, соня. Высуньте нос на улицу и представьте себе, что вы в Оксфордшире.

Снаружи уже слышались звуки пробуждающегося лагеря, но в павильоне все еще горели свечи. Следуя взгляду Перси, Филипп посмотрел на поднятый полог палатки. Рассвет словно бы еще и не наступил, только пламя десятков костров освещало местность. Выйдя наружу, Филипп понял, в чем дело. Туман, густой, непроницаемый туман окутал лагерь: на расстоянии вытянутой руки ничего нельзя было разглядеть. Штандарты с белым вепрем над палаткой Ричарда поникли из-за полного отсутствия ветра. Было холодно.

— Святой Михаил, помоги и оборони нас, — пробормотал кто-то сзади.

Филипп рассмеялся:

— А вместе с ним и все другие ангелы. Но и Оксфорду с Уорвиком нечему радоваться. О Господи, помилуй нас, грешников, сегодня.

В шатре началось какое-то движение — один за другим, с факелами в руках, выходили рыцари. Оруженосец Филиппа был то ли испуган, то ли просто возбужден, его нежные

щеки то покрывались краской, то стремительно бледнели: это был добрый малый, сын малоземельного помещика из-под Уиллоуфорда, спокойно и даже весело перенесший все тяготы изгнания в Брюгге, но с вооруженным противником он раньше не встречался, разве что в Донкастере.

Туман начал медленно рассеиваться. Отряды герцога Глостера собирались под его знамена: здесь были сержанты и офицеры, оруженосцы, герольды, рыцари его двора, ветераны-военачальники и лорды, их боевой опыт с лихвой компенсировал недостаток его опыта. Подъехал посыльный с королевскими знаками различия, спешился, вошел в палатку, вскоре появился Ричард. Он быстро переговорил со своими военачальниками, но в общем-то план атаки был выработан и утвержден, так что не было никакой нужды сбивать офицеров с толку поспешными коррективами. Сопровождаемые оруженосцами, несшими шлемы и боевые мечи, военачальники направились к своим местам. Бросив последний взгляд на покрытое туманом поле, герцог Глостер проговорил им вслед:

— Что ж, господа, остается надеяться только, что графу Уорвику и его друзьям видно так же плохо, как и нам.

Надвинув шлем на глаза, герцог обогнал рыцарей и занял место во главе. Где-то на левом фланге еле слышно из-за большого расстояния и тумана пропела труба.

Тут же откликнулся горн — в стане герцога Глостера, — и в воздух полетели тучи стрел. Тишину разорвал орудейный выстрел. Медленно, на ощупь, увязая в грязи, рыцари и оруженосцы продвигались вперед. Сплошная стена тумана, стоявшая перед ними, создавала ложное ощущение безопасности, но где-то за ней, а вернее внутри нее, находились вражеские всадники и пехота.

По сообщениям разведки, высланной ночью, отряды лордов Оксфорда и Эксетера образовали фланги армии графа Уорвика, а в центре, под командой маркиза Монтегю, располагались его собственные войска.

Издали донесся шум первой стычки, войска, предводительствуемые Эдуардом, мощно атаковали противника в центре. Над их головами прошуршал новый град стрел. Но справа, в непроницаемой мгле, все было по-прежнему тихо.

Мучительно всматриваясь в белесое полотно тумана, Филипп поскользнулся на влажной глине, тут же восстановил равновесие и понял, что ровная поверхность кончилась. Теперь они двигались вниз по склону, который с каждым шагом становился все круче и круче. Сначала Филипп ничего не понял, затем сообразил. Широкая полоса земли, на которой укрепился граф Уорвик со своими военачальниками, слева имела как бы естественную защиту — глубокий овраг. Ночью разведка Ричарда его не заметила, и вот теперь они вышли не во фронт, а в тыл противника. С одной стороны, в этом заключалось преимущество. Но с другой... Если герцог Эксетер, отнюдь не новичок в военном деле, обнаружит войско до того, как оно поднимется по противоположной стороне оврага и вновь окажется на ровном месте, все попадут в ловушку и станут легкой добычей для левого крыла ланкастерцев, которые просто сметут их, обрушившись сверху.

Ричард тоже понял, что произошло. Он ускорил шаг и взмахом руки поторопил своих спутников. Казалось, спуску не будет конца, но вот наконец опасная крутизна ушла, еще несколько шагов — и они начали подниматься по противоположному склону. Стояла полная тишина. Туман сослужил хорошую службу армии Йорков. Задыхаясь и сгибаясь под тяжестью оружия, отчаянно стараясь не упасть на скользкой глинистой поверхности склона, они наконец-то достигли равнины. Справа, совсем рядом, стояли ничего не подозревавшие солдаты Эксетера. Едва дождавшись своих последних бойцов, Ричард дал сигнал к атаке.

Для армии Уорвика это было полной неожиданностью. Атакованные с тыла, захваченные врасплох ланкастерцы отступили, и в течение нескольких минут колонны, прикрывав-

шие позиции Монтегю в центре, были рассеяны. Наступавшие, выбираясь из оврага на равнину, подталкивали в спину впереди идущих — и вся эта лавина обрушивалась волнами на отряды Эксестера. Стрелки, которых военачальники Эдуарда едва успевали выстроить в правильном порядке, выпускали по бегущему противнику тучи стрел, и победный клич “Йорк!” звучал над полем боя. От ланкастерского авангарда ничего не осталось.

То изрыгая проклятия, то умоляя и уговаривая, Эксестер пытался организовать оборону. Он хорошо, гораздо лучше противника, знал местность, собственными ногами исходил ее еще вчера вдоль и поперек. К тому же он понимал, что атакующие закрепились на самом краю обрыва, — стоит нажать, и они посыплются вниз. И людей у него пока еще больше. Для надежности он велел посыльному что есть мочи скакать к Уорвику и требовать подкрепления. Зная, как ненадежны его ланкастерские союзники, граф Уорвик не посмел отказать.

Словно могучая рука, потянулась вперед закованная в броню колонна. Канониры с трудом тащили свои орудия, и вот уже ядра стали падать прямо посреди арьергарда йоркских войск; их собственные орудия бесцельно стояли на другой стороне оврага. Началось медленное, шаг за шагом, отступление. В десятке ярдов от края обрыва пушки остановились и замолкли, их место заняли стрелки, а затем валом неукротимо пошла пехота.

Рассвет давно остался позади, но туман все еще стоял, и о времени дня можно было судить только по слабым шафрановым проблескам на востоке. Вскоре после восхода солнца от Эдуарда пробился герольд, сквозь изломанную линию фронта к герцогу Глостеру. Он принес плохие вести: граф Оксфорд смял слабое прикрытие на левом фланге, обошел лорда Гастингса и погнал его войска к центру йоркских войск. Большинство его солдат бежало в Барнет. И только алч-

ность людей Оксфорда, которые вместо того, чтобы закончить дело, принялись грабить городок, спасла Гастингса от полного разгрома.

Сбивая с каблуков приставшую грязь, Ричард молча слушал посылного. Он только что вышел из боя, чтобы обсудить положение со своими военачальниками. Оруженосец держал его перчатку, покрытую кровью — в руку попало копьё, и, пока Глостер слушал донесение, врач на ходу обрабатывал рану. Лорд Гастингс, сообщал герольд, прилагает все усилия, чтобы выровнять фронт, но Оксфорд уже послал гонцов в Барнет со строгим приказом прекратить мародерство. Так что в ближайшее время ланкастерцы явно возобновят наступление.

— Король считает, что граф Уорвик посылает против вас людей из своего резерва, — продолжал посланник. “Детская ошибка, — говорит Его Величество, — от которой кузен сам же и предостерегал меня десять лет назад. Ладно, пускай обломает зубы о милорда Глостера, я знаю, что мой брат продержится ровно столько, сколько графу понадобится, чтобы понять свою ошибку”.

Звонкий голос герольда умолк. Он настороженно перевел взгляд с непроницаемых лиц воинов, окружавших Глостера, на штандарт, окутанный туманом, и дальше — туда, где отчаянно сражались и умирали солдаты. Врач закончил перевязку, и Ричард повернулся к оруженосцу, уже державшему наготове латные рукавицы. Пока завязывали тесьму, герцог бросил через плечо:

— Засвидетельствуйте Его Величеству мое почтение, герольд, и передайте, что у нас все в порядке.

— Милорд... — Хауард перехватил усталый взгляд Глостера и положил ему на плечо руку в железной рукавице. — Милорд, это невозможно. Через полчаса они столкнут нас в овраг. Вы должны немедленно поставить об этом в известность короля.

— Должен? Во имя всего святого, сэръ Джон, не знаю, что должны делать вы, а мне уж позвольте поступать по-своему. — Наступило неловкое молчание, Хауард мрачно уставился в землю, а Ричард, приняв меч из рук застывшего в почтительной позе слуги, пристроил его на поясе.

— Итак, никто мне не нужен, через полчаса Его Величество будет торжествовать победу, а вместе с ним и мы. Можете идти, герольд: как я и сказал, у нас все в порядке!

Филипп потерял всякое представление о времени: ему казалось, что они удерживаются на гребне холма уже несколько часов, однако светлее почти не стало. Меч поднимался, падал, снова поднимался — словно во сне. Густой туман, заполняя в прорези шлема, резал глаза, и Филипп отдал бы сейчас весь Уиллоуфорд за глоток свежего воздуха. Вернувшись на поле боя, Ричард больше не покидал его. Военачальники ничем не могли помочь ему, оставалось лишь цепляться, куда хватит сил, за этот клочок земли — перепаханый пушечными ядрами, содрогавшийся под тяжестью перемещающейся конницы, пропитанный кровью раненых и мертвых. Все изнемогали от усталости, тяжелые доспехи пригибали воинов к земле, грязь облепила ноги по щиколотку, а если случайно натыкались ногами на что-то движущееся, никто не обращал на это внимание.

Кончилось все неожиданно — как в театре теней или в ночном кошмаре. Дыша словно загнанная лошадь, с трудом удерживаясь на ногах в своих тяжелых доспехах, Филипп больше всего на свете хотел сбросить казавшиеся пудовыми перчатки. Вконец изможденный, он и не заметил, что наступление противника начало захлебываться. Хотя понять, что на самом деле происходило, было очень трудно: на какую-то минуту ланкастерцы вновь перехватили инициативу, но тут же их колонны затоптались на месте и стали рассеиваться. Сильный порыв ветра образовал брешь в пелене тумана, и стало видно, что центр атакующих как бы прогнулся

и поредел. Ричард велел дать сигнал — зазвучали горны, взвились знамена. Неожиданно откуда-то сбоку над Глостером нависла угрожающе тяжелая фигура.

— Милорд, защищайтесь, — в ужасе крикнул Филипп, от волнения голос у него сел. Но, словно почуяв угрозу, Ричард резко рванулся в сторону. Это спасло ему жизнь: удар, нацеленный на голову, пришелся на поднятую руку, Ричард упал. Склонившись над ним, противник вновь взмахнул мечом, но вовремя подоспел Филипп. Одним ударом он поверг ланкастерца на землю: это был рослый мужчина с огромными руками — с такими можно работать за троих, — но ему не хватало подвижности, он даже не видел, что происходило у него за спиной.

Один из оруженосцев Ричарда спешил на выручку, но Филипп сам помог герцогу подняться. Вдруг черный огонь вспыхнул у него в глазах — кто-то ударил по плечу, точно молотом. Увлекаемый вниз тяжестью доспехов, Филипп рухнул как подкошенный лицом в слякоть. Изумление, ставшее первой реакцией на произошедшее, сменилось страданиями от острой боли в руке, груди и бедре. Он попытался перевернуться на бок, это отняло у него последние силы. Все погрузилось во тьму...

Сознание возвращалось медленно, неуверенно: так набегают и откатываются от берега, с долгими паузами, волны. Кто-то возился с многочисленными пряжками и застежками его кирасы, Филипп испытал прилив настоящего ужаса, издал протестующий возглас, но было слишком поздно. Неожиданным рывком его выбросило из забытья, и опять ему стало страшно, как никогда прежде. Мир окрасился для него в цвет крови, и вот он, абсолютно невесомый, скользит в сгущающихся сумерках, где голоса шелестят, как крылья летучих мышей в алой тьме...

— Осторожнее, кретин! — послышался чей-то голос. Филиппа тут же оставили в покое. Что-то мелькнуло в его

затуманенном сознании: Филипп узнал этот голос, но был уверен, что здесь он не мог прозвучать, голос был из какого-то другого мира, и попытка понять, как это могло случиться, отняла у него слишком много сил — он снова погрузился в забытие.

Ему казалось, что прошли столетия, и теперь, в другую эпоху, он почувствовал у себя на лице чье-то прикосновение. Доспехов на нем как будто уже не было. Под голову подложена подушка, и, хотя плечо по-прежнему горело, острая, нестерпимая боль прошла. Хорошо, хоть так. С величайшей осторожностью Филипп пошевелился и с удивлением почувствовал, что хотя бы одна рука — правая — действует. Передохнув немного, он сделал над собой новое усилие. Обманчивое чувство отстраненности окутало его, словно облако, но не удержалось — рассеялось. Отзвуки голосов назойливо стучались в дверь его помраченного сознания и наконец оформились во что-то конкретное и реальное.

— Вроде приходит в себя. — “Голос Перси!” — смутно пронеслось в его мозгу. — Филипп? — На сей раз голос раздался прямо над головой. Теперь уж ошибки не могло быть. Филипп раскрыл глаза.

Пламя свечей, прорезавшее мглу, все еще царившую снаружи, резко ударило в глаза. Склонившееся над ним лицо наконец-то попало в фокус. Филипп натолкнулся на обеспокоенный, вопрошающий взгляд и попытался подняться на локте.

— Фрэнсис, какого дьявола?.. — Воспоминание затрепетало и вонзилось в него, как живое. Поддерживая Филиппа за голову, Фрэнсис положил ее на подушку.

— Лежите спокойно. У вас в плечо на три дюйма стрела вошла. Так что пока врач не придет, не шевелитесь. Вот вино, отхлебните немного.

Налив вина из бутылки, стоявшей на комод, Фрэнсис протянул Филиппу бокал. Тот отхлебнул и с минуту лежал, прикрыв правой рукой глаза.

— Верно, древко сломалось, когда я упал? — заговорил Филипп. — Удачный получился выстрел для кого-то; я сразу почувствовал, как ослабла застежка под мышкой, и все гадал, как долго еще она продержится.

Филипп отнял руку от глаз. Фрэнсис вернулся к занятию, от которого кузен оторвал его: он снимал с него толстые, но протертые почти до самых наколенников рейтузы, предохранявшие кожу при верховой езде. Не останавливаясь, он раздраженно заметил:

— Что за идиот у вас в оруженосцах? Нельзя же так туго затягивать. Удивительно, что вы еще что-то ощущаете.

— Да вроде ощущаю. А где он, кстати?

— Если вы говорите о краснощеком малом, что старался освободить вас от сбруи, то я послал его к своему слуге, пусть за лошадьми присмотрят. Этот дурак, между прочим, собирался вытащить из-под вас одеяло, вид крови ему не понравился, видите ли. Да, слуги у вас могли бы быть и лучше, кузен.

Впрочем, сказано это было беззлобно, Фрэнсис не хотел, чтобы возникали какие-то вопросы. Немного помолчав и глядя на повернутое к нему в профиль лицо, Филипп негромко спросил:

— Так, стало быть, вас кто-то сопровождает? Слава Богу! А я-то боялся, что лорд Тэлбот отошлет вас из Глостершира одного, всего лишь благословив на прощанье да пожелав поскорее встретиться со мной.

Наклонившись за чем-то, Фрэнсис коротко ответил:

— У меня не было случая переговорить с лордом Тэлботом. С самого дня святого Мартина я жил в Линкольншире, в поместье Бомона.

— Вашего дядюшки? Боже мой! — Филиппу приходилось слышать о виконте. Фрэнсис в ответ улыбнулся.

— Да. О, мне-то он желает добра, хотя нрав у него остался таким же крутым. Остается посочувствовать те-

тушке. Но он собирался, как только закончится эта заварушка, — Фрэнсис коротко кивнул на откинувшийся полог палатки, — отправить меня во Францию на обучение; ну вот, я три дня назад, прихватив пару его жеребцов, и удрал. Мальчишка-конюх застал меня, когда я седлал коня, я и велел ему отправляться со мной — мир повидать. Вы не найдете для него место в Уиллоуфорде, Филипп? За лошадьми он ухаживает хорошо. Что же касается меня, понятия не имею, какие у короля на этот счет планы.

— Ну, для начала, я полагаю, десять ударов плетью за конокрадство. — Филипп с трудом повернулся на другой бок.

Крутом валялись доспехи, использованные бинты, рваные рейтузы, на этом фоне как-то странно смотрелся серебряный кубок, из которого Филипп пил вино. Неожиданно он сообразил, что лежит в палатке Ричарда.

— Да нет, это же Бомоновы животины, — растягивая слова, проговорил у двери Перси. — Ведь милорд виконт слишком уж рьяно занимался делами короля Ланкастера. Он был рядом с графом Оксфордом. Теперь-то уж, наверное, они далеко от Барнета и все никак остановиться не могут.

Сквозь тупую боль и ужасную усталость пришло воспоминание.

— Так, стало быть, мы победили? — едва слышно произнес Филипп.

Перси громко расхохотался. Он стоял у входа в палатку и смотрел на реддеющий туман. Но при этих словах резко обернулся и подошел к койке.

— Это уж точно, друг мой. Нам повезло. Люди Оксфорда, возвращаясь из Барнета, заблудились в тумане и выпустили свои стрелы не по нашему войску, а по левому флангу Монтегю. Ну а его люди, которые и так-то не слишком обожали оксфордцев, закричали, что их предали, и поднялся целый бедлам, они начали стрелять друг в друга. Тут подоспе-

ли наши резервы, и все было кончено. — Перси весело подмигнул товарищу. — Большой день для Йорка, Ловел, и, право, я не отказался бы быть на месте человека, спасшего жизнь герцогу Глостеру. Награда не заставит себя долго ждать.

У двери началось какое-то движение, в палатку вошел врач Ричарда. Закатывая рукава шерстяной рубахи, он весело улыбнулся. За ним последовали молодой человек с целым набором ящичков и инструментов и двое слуг. По знаку врача они нагнулись и передвинули койку поближе к входу. Бледные лучи солнца высветили на кровати неясные контуры лежащей фигуры.

— Так, понадобятся свечи, — бодро заговорил врач и откинул одеяло. — Без инструментов еще кое-как можно обойтись, а уж без света — никуда. Ну что же, сэр... — По-прежнему улыбаясь, он расстегнул пропитанный кровью камзол раненого и надрезал рубаху. Один из ассистентов присел на корточки у изголовья кровати, а другой — у середины.

— Роб, а нельзя ли?... — неуверенно проговорил Филипп и указал на бутылку. Врач, покончивший с приготовлениями, живо обернулся.

— Сейчас это не поможет, сэр, лучше попозже, — сказал он, а Перси, молча наблюдавший за этой сценой, встрепнулся.

— Ну ладно, господа костоломы, мы, если не нужны, удаляемся. Пошли, Фрэнсис, узнаем, что король думает об удалившихся в бега подопечных. Филипп, я буду тут, рядом...

Перси крепко взял Фрэнсиса под локоть, и они вышли из палатки. Фрэнсис и не подумал сопротивляться: в повадках Перси была уверенность, хотя что за ней стояло — непонятно.

Оруженосец Филиппа тоже был здесь, недалеко от палатки. Его забрасывали вопросами горящий от возбуждения и восторга юный конюх из Линкольншира.

Туман рассеивался. Победители прочесывали поле битвы — считали погибших, собирали в группы пленных, пере-

носили раненых. Появился, обеспокоенно озираясь по сторонам и расспрашивая кого только можно о Филиппе, Грегори Трейнор. Вскоре подъехали король Эдуард и герцог Глостер. Заметив Фрэнсиса, Ричард улыбнулся удивленно и радостно. Затем он пошел в палатку. Эдуард просматривал список пленных и на поклон Перси ответил рассеянно, однако же, увидев Фрэнсиса, сначала нахмурился, но потом улыбнулся.

— Да это ж Фрэнсис Ловел! — воскликнул он. — А я было и не узнал вас. Вы что здесь делаете, скрываетесь от опекунов? Вряд ли им это понравится.

— Наверняка не понравится. Но я ни у кого не спрашивал разрешения, — ответил юноша, целуя протянутую королевскую руку. — Но лорд Тэлбот, насколько я наслышан, у себя дома в Глостершире, что же до Бомона, то неужели Ваше Величество думает, что ему сейчас до меня?

— А я смотрю, с тех пор, как мы виделись в последний раз, вы настоящим придворным заделались. Стало быть, я прощен за то, что затеял эту историю с женитьбой? Бедняга Фрэнсис, вам так досталось на службе у меня! А тут еще кузен Уорвик; вспоминаю, как он в Понтефракте обещал разобраться с вами.

Фрэнсис густо покраснел. У короля, к несчастью, слишком хорошая память, можно бы иметь и похуже. Но Эдуард Йорк никогда не забывал о своих интересах. За равнодушным и даже ленивым взглядом скрывался деятельный, никогда не дремлющий ум, бодрствовал он и сейчас. Король примерял, взвешивал, прикидывал: Минстер-Ловел, Тичмарш, Ротерфилд-Грей, Холгейт, Бернел, Актон-Бернел, Дайнскорт, Бэйнтон — эти названия чужих владений он выучил наизусть, и в ушах у него постоянно стоял звон золотых монет, на протяжении шести лет текущих в чужие сундуки. Через пять лет эти несметные богатства непременно попадут в руки Фрэнсиса. Потому-то Эдуард и возился с ним в Понтефракте. И на удачу этот юноша так привязан к Дикону. А впро-

чем, кто его знает, кто знает, как оно все обернется в будущем. Ведь он племянник Бомона, родственник герцога Бэкингема.

Из палатки вышел Ричард. Эдуард повернулся к нему, вопросительно подняв брови. Как бы отвечая на незаданный вопрос короля, он сказал:

— У Филиппа сильные боли, врач продолжает обрабатывать рану. Он сказал, что дальше Барнета Филиппа пока перевозить нельзя, так что пошлю сейчас людей, чтобы все приготовили к его приезду. Мне хотелось, чтобы пока Филипп не оправится и не будет готов к дальнейшему путешествию, с ним побыл Фрэнсис. А за это время Ваше Величество решит, что с ним делать дальше: — Ричард улыбнулся и перевел взгляд на обеспокоенное лицо Фрэнсиса. Эдуард задумался ненадолго, потом рассмеялся.

— Ладно, оставляю его на твое попечение, Дикон, пусть у тебя в поместье ему дают уроки. Все равно лучше владеть оружием он нигде не научится, в этом я убедился не далее как сегодня. Что же касается джентльмена там, внутри, — он кивнул в сторону палатки, — проследи, чтобы он ни в чем не нуждался, а когда поправится, пусть мне напомнит о нем. Я знаю, какую неоценимую службу сослужил он мне сегодня.

Размахивая руками и выкрикивая что-то, появился герольд. Эдуард и Ричард разом повернулись к нему. Подбежав, герольд опустился на колено.

— Да благословит Бог Ваше Величество, — задыхаясь, сказал он. — Мы нашли графа Уорвика.

— Ну и как, надежно держите его? — резко подался к вестнику король.

— Надежнее некуда. Ваше Величество, больше он вас беспокоить не будет. Мы нашли его недалеко от их штаб-квартиры. У него перерезано горло.

Слова падали как камни — тяжело и неумолимо. Эдуард

на минуту застыл, а потом наклонился и стиснул герольду плечи.

— Во имя всего святого — кто это сделал? — глухо спросил он. Король весь дрожал от ярости. Не получив ответа, он схватил герольда за шею и рывком поднял его на ноги. — Я тебя спрашиваю, ублюдок ты несчастный! Разве не было всем и повсюду сказано, что я не причиню кузену Уорвику никакого вреда? Кто же осмелился нарушить мой ясный приказ?

— Смилуйтесь, Ваше Величество. — Голос гонца звучал хрипло, было похоже, что каркает схваченная за горло ворона. — Я... честное слово, я не знаю. Наверное, солдаты ничего не знали о приказе или, может... — Герольд остановился под яростным взглядом Эдуарда, который, тихо выругавшись, отшвырнул его в сторону.

— ...Или оружие и драгоценности его приглянулись, ма-родеры вы чертовы! Ну, пусть те, кто виновен в этом, поберегутся! Им бы лучше в Темзе утопиться, потому что, если я только найду их, пожалеют, что на свет родились, о смерти будут молить! — Резко повернувшись на каблуках, король посмотрел на место, которое еще совсем недавно было полем боя. В кустах весело чирикали воробьи. Помолчав, король спросил ледяным тоном:

— А Монтегю? Его нашли? — Не услышав ответа, король посмотрел через плечо. — Тоже мертв? Так я и думал. Я видел его, когда наши прорвали фронт. Рядом с ним оставалось всего несколько человек. — Эдуард снова замолчал. — Где они?

Герольд робко вытянул руку на север: там в небе плавали зеленые верхушки деревьев.

Эдуард с Ричардом пошли в направлении, указанном герольдом. Поколебавшись немного, Перси и Фрэнсис последовали за ними. Они держались на почтительном расстоянии от короля и его брата, но, дойдя до ланкастерской штаб-

квартиры, поняли, что в этом не было нужды. Новость распространилась быстро, и уже собрались любопытные. Эдуард, ни на кого не обращая внимания, быстро прошел вперед. Собравшиеся расступились, освобождая ему дорогу и не отрывая от него взгляда.

Уорвик лежал, уткнувшись лицом в землю. Рука его все еще как бы тянулась к коновязи: он рухнул, не успев отвязать коня. Оружие было изуродовано и заляпано грязью — мародеры сорвали с рук, в поисках колец, латные перчатки.

Эдуард постоял немного, глядя вниз, а потом наклонился и перевернул тело. К шлему пристала глина, забрало было поднято, его повредили перед тем, как нанести смертельный удар кинжалом. Ричард глубоко вздохнул, Эдуард опустил на мертвом забрало.

Король поднялся с колен, в этот момент через толпу пробрался Гастингс в сопровождении Кларенса. Мощного сложения гофмейстер посмотрел на короля и сказал негромко:

— Так лучше, Нед. В Англии для вас двоих места не было: рано или поздно все повторилось бы снова...

Мягкий ветерок ласкал лица умерших, сквозь рассеявшийся туман на распростертые тела, закованные в броню, упали лучи солнца. Монтегю положили рядом с братом. Изпод смятой кольчуги выбивался ворот шелковой рубахи с голубыми и рубиновыми цветами. Трое мужчин молча смотрели на поверженного противника: отчего — до сих пор терялись они в догадках — он не стал их преследовать, когда войско Эдуарда двинулось из Йорка на юг?

— Уилл, — король откашлялся, не отрывая глаз от мертвых пальцев Уорвика, которые, словно когти, вцепились в траву, — Уилл, как это могло случиться? Ведь он же оставался все время с резервом, на коня-то всегда можно было вскочить...

— Я пытался выяснить это, — сказал Гастингс, — похо-

же, его же люди, как и люди Оксфорда, хотели, чтобы он шел со всеми в пешем строю. Выходит, не слишком доверяли, думали, что оставит их, если дело круто обернется.

В наступившей тишине ехидный смешок Кларенса прозвучал почти кощунственно. Пнув лежащее тело ногой, он сказал:

— Ну вот и пришел конец графу Уорвику. Сейчас он что-то не выглядит таким уж большим.

Король повернулся к нему. Глаза его полыхали гневом.

— Он был мужчиной, мой маленький лордик Кларенс. А ты пойди и поиграй во что-нибудь.

Минуту братья смотрели, не отрываясь, друг на друга. Кларенс круто повернулся и, не говоря ни слова, удалился в лес. Проводив его взглядом, король обернулся к Ричарду:

— Милорд Глостер...

— Да, Ваше Величество?

— Проследите, чтобы их раздели, положили в телегу и доставили в Лондон. Пусть в течение двух дней тела будут выставлены в соборе Святого Павла на всеобщее обозрение. После этого графиня Уорвик может их похоронить. — С этими словами король быстро удалился.

Несколько солдат со знаком белого вепря на рукавах устроились неподалеку; по команде герцога Глостера они подошли и принялись снимать с Уорвика доспехи. Толпе больше нечего было здесь делать, и она постепенно рассосалась. Вскоре погода совсем разгулялась, небо становилось все яснее. Солдаты методично делали свое дело; Ричард, став в тени вязов, наблюдал за ними. Он набросил плащ с короткими рукавами, распахнулся, ветер подхватил его края, и по алому полю словно побежали золотистые леопарды...

Когда солдаты закончили свое дело, Ричард подошел к ним, нагнулся и потянул за золотую тесьму, обнажив две шелковые полоски. Он помолчал немного, взглядываясь в умерших, рванул рубаху, смял в руках ее шелковое полотно и

швырнул на поникшие тела. Затем, отступив на шаг, коротко бросил:

— Забирайте.

Чувствуя, что его вот-вот стошнит, Фрэнсис отошел в сторону. Он слышал, как его позвал Перси. Фрэнсис ускорил шаг, палатка была совсем недалеко, и через несколько минут он уже стоял у входа. Поколебавшись, юноша неуверенно откинул полог, внутри все было тихо. Подручный врача собирал инструменты. Грегори Трейнор встретил Фрэнсиса улыбкой.

— Спит? — спросил юноша.

— Обморок, — ответил Трейнор. — Но не волнуйтесь, все будет в порядке. — Он пытался стянуть залитую кровью рубаху со здоровой руки Филиппа. Фрэнсис подошел, чтобы помочь; вдвоем, изо всех сил стараясь не задеть туго забинтованное плечо раненого, они наконец освободили его от одежды и накрыли одеялом. Если бы не хриплое прерывистое дыхание, можно было подумать, что Филипп мертв. На груди у него лежал небольшой обломок стрелы.

Каннингге обследовал пациента со всем тщанием, а теперь расслабился и отхлебывал из большого бокала вино.

— Повезете его в Барнет? — спросил он Фрэнсиса. — Милорд Глостер велел мне немного побыть с ним. Надо убедиться, что все идет хорошо. Я зайду перед ужином, а до тех пор смотрите, чтобы он был в тепле и особо не шевелился. Если захочет пить, смешайте воду с вином. Всего хорошего, сэр.

Фрэнсис уселся у изножия койки, а Трейнор пошел к двери.

— Я немного приберусь здесь, сэр, — сказал он.

Фрэнсис кивнул и, бросив презрительный взгляд на бледного оруженосца, пристроившегося в углу, произнес:

— Можете и его с собой взять; пусть присмотрит за лошадьми, что ли; во всяком случае, ухаживать за моим кузеном я ему не позволю.

Оставшись наедине с Филиппом, Фрэнсис откинулся на койке и сложил руки на коленях. Он устал. Путь из Линкольншира был неблизкий, и Фрэнсиса клонило в сон. Он подтянул поближе сундук, устроился поудобнее и опустил голову на сложенные руки.

Вскоре Филипп беспокойно зашевелился, дернулся и что-то пробормотал. Фрэнсису, в тревоге склонившемуся над ним, показалось, что тело у него слишком холодное, и он набросил на кузена плащ, оставленный Ричардом. Подумав немного, он снял с себя камзол и положил сверху; потом тщательно расправил всю эту гору одежды, подвернул с боков, чтобы ниоткуда не задувало. Фрэнсис с некоторым скепсисом оглядел выстроенное сооружение, но Филипп повернулся на другой бок и вздохнул поспокойнее. Вскоре его дыхание стало более ровным, он погрузился в целительный сон.

...На дороге послышался скрип колес, и Фрэнсис пошел посмотреть, кто это едет. Туман рассеялся окончательно, при ярком свете солнца ехала грубая повозка, увозившая из Барнета в Лондон тела Ричарда Невила, графа Уорвика, и его брата.

Глава 7

Филипп провел в Барнете три недели. Верный данному слову, Каннингс вернулся в первый же вечер, как Филиппа перевезли в этот городок, и обнаружил, что пациента его поместили на втором этаже постоялого двора, над общей комнатой. Лучше ничего не нашлось. Критически осмотрев помещение, Фрэнсис велел покрыть пол новыми циновками и послал юного Уилла, оруженосца кузена, в Лондон за льняными простынями — местные явно не годились. Филипп об этом ничего не знал. Первые сутки он провел в какой-то полудреме. Словно издали, он ощущал прикосновение чьих-

то рук — это был врач. Он не мог сказать, кто к нему обращается — Фрэнсис или Трейнор; то лица сливались, то разделялись вновь. Однажды он назвал кого-то из них Робом, требуя объяснить, почему милорда Глостера оставили одного. В ответ ему, сказав что-то успокаивающее, поднесли ко рту чашку. Он жадно выпил воду, затем опять провалился в сон, словно в глубокий колодец.

На следующий вечер постоялый двор опустел. Трейнор устроился на ночь в прихожей. В комнате, где лежал больной, горела свеча, при свете ее Фрэнсис, сидевший за столом, что-то старательно писал. Работа продвигалась медленно, Фрэнсис часто прерывался, мучительно кусая губы, в одну из таких пауз он уловил за спиной какой-то шорох и, обернувшись, увидел, что Филипп сбросил одеяло и смотрит на него широко открытыми глазами.

— *Nobil... Nobilis, mei miserere precor*, — с трудом выговорил он. Фрэнсис отбросил бумаги и вскочил на ноги. — Лицо твое — как меч, и вот, смотри, я мертв. Знаете, кузен, если это стихи в дамский альбом, то, боюсь, вы немного опоздали.

— Поэзия? Нет, это, увы, не по моей части. — Со свечой в руке Фрэнсис подошел к постели и нагнулся посмотреть, не сдвинулась ли повязка.

— Почему вы не спите? — спросил Филипп. — Совсем не нужно носиться со мной, словно насадка с яйцами. Если мне что понадобится, Уилл все сделает.

— Я послал его в Лондон с запиской от вашего имени, чтобы переслали в Ипсден. Завтра он должен вернуться, а пока вам придется удовлетвориться обществом моим и Грегори. — Фрэнсис поправил сбившееся на одну сторону одеяло и между делом добавил: — Если не возражаете, я хотел бы через две недели его снова туда же отправить. Завтра у хозяина оказия в Лондоне, и я посылаю с ним письмо, которое потом переправят в Глостершир. К следующему поне-

дельнику должен быть ответ, я подумал, может, вы позволите мне воспользоваться услугами Уилла.

— Ну разумеется. Глостершир, вы сказали? — В глазах Филиппа запрыгали веселые искорки, и, покраснев, Фрэнсис смущенно сказал:

— Это связано с моей женой, иначе я не стал бы просить. Она... у нее через десять недель должен родиться ребенок, а я довольно долго не видел ее и волнуясь.

Фрэнсис рассеянно отошел к окну и поиграл задвижкой.

— Стало быть, вы примирились с этим браком? — небрежно спросил Филипп.

— Что ж, можно и так сказать. — Снова наступила пауза. Филипп молча смотрел в спину Фрэнсису. А тот, казалось, целиком погрузился в свои мысли, забыв о том, как много может сказать молчание. Наконец он проговорил, не оборачиваясь: — Меня отправили в Линкольншир в ноябре. Один раз мне позволили навестить Анну — у Бомона были дела на западе, но мы провели вместе всего несколько дней, и... и кое-что изменилось.

— Ну и что в этом удивительного? Даже в раю происходят перемены.

— Возможно, но мне кажется, я знаю ими змея в этом саду, — грустно проговорил Фрэнсис. Прижавшись лбом к стеклу, он изо всех сил грохнул кулаком по подоконнику. — Клянусь, Филипп, когда-нибудь я убью его. Или — он меня. Я с ним в одной комнате не могу быть, а он все время рядом с Анной. Даже в феврале — всего-то три дня я там провел, и то большая часть оказалась занята празднествами, которые устроил ее кузен. Мы даже поссорились с Анной, потому что мне вовсе не хотелось обсуждать великую новость — место, предложенное сэру Хамфри Тэлботу при дворе принца Уэльского. Вообще-то, конечно, напрасно я завелся — она ведь и без того неважно себя чувствовала. Перед отъездом мы помирились, но... — Фрэнсис посмотрел на незаконченное

письмо, лежавшее на столе. Интересно, подумал Филипп, проследив за его взглядом, как он объяснит родственнице Хамфри Тэлбота свое нынешнее пребывание в Барнете.

— А почему бы вам самому не поехать к ней, Фрэнсис, когда Уилл вернется? Возьмите с собою Грегори, а Уилла мне будет вполне достаточно. Глостеру я все объясню.

— Ну что за чушь! — Фрэнсис было обозлился, а затем рассмеялся. — Могу вообразить, как я все это буду объяснять герцогу Глостеру; нет уж, лучше к Бомону вернуться. Короче, буду его дожидаться здесь. — Видя, что кузен внезапно побледнел, наверное, утомленный разговором, Фрэнсис оборвал себя на полуслове и сказал извиняющимся тоном: — Что я, право, за идиот! Болтаю и болтаю. Вам худо, Филипп?

— Нет, напротив, гораздо лучше, чем прежде. — Филипп зевнул, улыбнулся, потер щеку. — Только, по-моему, я уж два дня как не брился.

— Пожалуй, что так, — подумав немного, откликнулся Фрэнсис. — Ладно, если хотите, завтра сам займусь этим.

— Замечательно. Только я был бы еще счастливее, если бы знал, что вы хоть раз держали бритву в руках, — неблагоприятно заметил Филипп и, не дожидаясь ответа, уснул.

Операция под названием “бритье”, предпринятая на следующее утро, уже подходила к концу, когда в комнату поспешно вошел Грегори Трейнор. Он сообщил, что из Лондона вернулся Уилл Паркер. Филипп лежал на кровати с закрытыми глазами — он явно поторопился объявить себя здоровым. Перехватив многозначительный взгляд слуги, Фрэнсис неопределенно кивнул. Собрав бритвенные принадлежности, он последовал за Трейнором в прихожую и, плотно прикрыв за собою дверь, спросил негромко:

— Ну, что там такое?

— Господин Уилл привез из Лондона новости: в Англии высадилась Французенка. В тот день, когда здесь было сра-

жение, она прибыла в Веймут. Ее встречал милорд Сомерсет со свитой. С ней принц.

У Фрэнсиса перехватило дыхание.

— А где король?

— Говорят, в Виндзоре, набирает новую армию. Она просто так не сдастся, сэр. Сомерсет убедил ее, что под Барнетом король полностью выдохся.

Фрэнсис задумался.

— Не надо ничего говорить кузену, — сказал он наконец. — Стоит ему вбить себе в голову, что герцог Глостер нуждается в нем, так он попросту изведется здесь. Скажи Уиллу, чтобы, когда поднимется сюда, держал рот на замке. Да и внизу пусть не особо распространяется, мало ли что может дойти до сэра Филиппа.

Помолчав немного, Фрэнсис как бы между прочим добавил:

— А он сказал... известно, кто пошел за Сомерсетом? Шрусбери с ним? И другие бароны с севера?

— Нет, Шрусбери с ним нет, и лорд Фитцхью, тоже, говорят, в Йоркшире. — Трейнор остро взглянул на хозяина. — Но вы правы, сэр, лорд Тэлбот присоединился, и сэр Хамфри тоже.

Выругавшись про себя, Фрэнсис резко повернулся на каблуках. Ведь он и не думал, что дядюшка Анны откажет Сомерсету в поддержке, тогда зачем так расстраиваться? Но бедняжке-то одной каково будет: рожать со дня на день, за родственников волноваться, а рядом — только эта мегера, жена дядюшки. Отвратительное создание, и нос — длиннее не придумаешь. Фрэнсису она никогда не нравилась, и он не считал нужным это скрывать. Рука у нее была тяжелая — на щеке Фрэнсиса, казалось, все еще горели полученные от нее оплеухи. Мало того, он слышал, как она язвительно говорила Анне, что по такому кандалнику, как ее муж, тюрьмы плачут.

Из спальни донесся голос кузена. Фрэнсис немедленно пошел туда, стараясь стереть возникшую перед глазами картину: бежит дорога на запад, в Глостершир, а по ней неторопливо, увязая в грязи, движется повозка, в повозке — курьер с письмом. Пять-шесть дней, не меньше, понадобится, чтобы оно дошло до адресата, потом еще шесть, а то и семь ждать ответа. Фрэнсис уже не думал, злится ли Анна на него до сих пор. Он дни начал считать — сколько осталось, — когда прочтет в ее письме, что все в порядке и она так же скучает по нему, как и он по ней, и ждет не дожидается его появления.

Уилл Паркер снова отправится в Лондон в лучшем случае через две недели. Фрэнсис, уже не находивший себе места, послал бы его раньше, но боялся, что тот вернется с пустыми руками. В конце концов он попросил Филиппа послать Уилла на постоянный двор, где должен был остановиться посыльный Глостера, если он еще не вернулся, пусть Уилл дожидается его.

Погода стояла для апреля жаркая. Потянулись часы — день, ночь, утро... Фрэнсис убеждал себя: все равно раньше чем завтра Паркер появиться не может. Оставив Грегори присматривать за Филиппом, он пошел в деревню немного прогуляться, а когда вернулся, увидел во дворе взмыленную лошадь оруженосца. На ступеньках, в тени сидел Уилл и потягивал ледяной эль. Он привез свежие новости о продвижении Ланкастера в западных графствах, большую посылку и письмо от госпожи Алисы, переправленные через Лондон. А из Глостершира, к сожалению, — ничего. Фрэнсис застал курьера на постоялом дворе, он только что вернулся. Послание Фрэнсиса было доставлено точно по адресу, курьер передал его миледи из рук в руки, та прочитала письмо при нем и сказала, что ответа не будет.

С горящим лицом Фрэнсис покинул постоянный двор. Меньше всего, получив такую пощечину, он хотел видеть

Филиппа — достаточно того, что он узнал все от Уилла. Жгучая волна ярости смыла былое сострадание, и теперь, вышагивая по пыльной дороге, он испытывал сильнейшее искушение надрать своей женушке уши. Он очень хорошо понимал, что стояло за этим вызывающим отказом. Он прекрасно знал, чего от него ожидают. Тоскуя по нему так же сильно, как и он по ней, Анна ничуть не сомневалась в его окончательном выборе, и решила таким мучительным для него образом решить раз и навсегда: либо она, либо друзья. Да уж, лучшего способа заманить его в Глостершир не придумаешь, а собаки там — вспомнил он и пришел в ярость — выдрессированы хорошо.

Фрэнсис вернулся на постоянный двор — и ему ударил в нос аромат приготовленной еды: в нижней комнате как раз подавали обед. Наверху, в прихожей, Грегори Трейнор возился с сундуком. Но ни это бесспорное свидетельство дорожных сборов, ни насущенное, явно недовольное лицо Трейнора ничего не сказали Фрэнсису, пока он не вошел в спальню и не увидел, что его кузен, уже полностью одетый, заканчивает упаковывать свои личные вещи в небольшой кофр. Содержимое посылки от госпожи Алисы — рубаха, панталоны, пара любимых книг Филиппа и кошелек с вышитыми розами — валялось на кровати. Судя по всему, Филипп едва взглянул на них.

— Вы что, с ума сошли? — воскликнул, оторвавшись от своих печальных раздумий, Фрэнсис. Захлопнув крышку кофра, Филипп уселся на кровать и потянулся к сапогам.

— А, это вы! Попросите, пожалуйста, Грегори затянуть как следует эту штуку. — Он кивнул на кофр. — И посмотрите, там вроде должен быть счет от хозяина. Вон в кошельке деньги, заплатите, пожалуйста. Хорошо, что Уилл вернулся именно сегодня — иначе в ломбард бы пришлось идти.

В один прыжок оказавшись у кровати кузена, Фрэнсис уставился на него.

— Можете вы мне объяснить, что тут происходит? Нет, вы явно сошли с ума. Каннингс сказал — две недели постельного режима как минимум, а не прошло еще и семи дней. Да это же безумие какое-то!

Фрэнсис остановился, так как Филипп его явно не слушал. Он потянулся к письму, валявшемуся на покрывале. Фрэнсис метнул на него короткий взгляд и успел заметить печать Глостера. Засунув письмо в карман камзола, Филипп спокойно проговорил:

— Если бы вы пришли полчаса назад, застали бы еще курьера. Ждать он не мог. Какие-то смутные намеки все эти последние дни звучали, но я никак не мог понять, в чем дело, пока не появился этот малый. Похоже, я единственный в округе, кто не знал, что в прошлое воскресенье высадилась Французенка. Фрэнсис, не поможете мне с сапогами? Что-то съезжились вроде.

— Ничего не съезжились, просто вы еще слишком слабы, чтобы натянуть их, — резко бросил Фрэнсис. — Для ясности скажу, это я велел Грегори и Уиллу держать язык за зубами, и если вы думаете, что я собираюсь потворствовать вашим капризам, то сильно ошибаетесь. Только не говорите мне, что Глостер послал за вами, — он же прекрасно знает, что Каннингс сказал... Боже правый, да вы же на лошади не усидите!

— Думайте как знаете, это ваше дело, Каннингс хочет мне добра, кто спорит, но мне лучше знать, что я могу, а чего не могу. Ладно, раз вы не хотите помочь, то, может, хотя бы позовете моего оруженосца? И скажите Грегори, пусть велит запрягать. — Справившись наконец с правым ботинком, Филипп взялся за левый. Увидев на красивом лице кузена выражение той же решимости, что была у него самого, Фрэнсис, без всякой надежды на успех, сделал последнюю попытку:

— Но ведь у вас нет оружия, или, вернее, оно все помя-

то. А поскольку в этой несчастной дыре нет оружейника, придется приводить его в порядок в Лондоне.

— Ладно, пока Уилл сделает, что может, а по пути найдем оружейника, пусть посмотрит, — возразил Филипп. — И скажите ему, пусть поторопится. Я хочу выехать не позднее чем через час.

Он встал, переступая с ноги на ногу, словно примеряя чужие сапоги. Твердо решив, что тот, кто прошел испытания в Барнете, явно тронулся умом, Фрэнсис быстро вышел из комнаты, нашел Паркера и велел Грегори исполнять приказания Филиппа.

Они выехали раньше чем через час — кавалькада из четырех лошадей. Пятую — законную добычу Фрэнсиса из конюшен лорда Бомона — вед мальчишка-конюх из Линкольншира: бедняга вся согнулась под тяжестью сундука, кофра и тщательно отполированного, завернутого в овечью шкуру оружия Филиппа. Миновал полдень, солнце клонилось на запад, но сигнал к остановке Филипп дал, только когда они проехали Лондон. Взглянув на измученное, побледневшее лицо кузена, Фрэнсис, ни слова не говоря, поспешил на постоялый двор договориться о ночлеге. Гостиница при августинском монастыре, который они недавно проехали, была бы куда удобнее, но Филипп настоял на том, чтобы ехать до самой темноты. Фрэнсис с ним спорить не стал, молча согласился, лишь вполголоса сказал Грегори, что возражать безумцу дело безнадежное.

На следующий день они добрались до Виндзора, узнали, что король с братьями около недели назад пустился в погоню за неприятелем, направившимся к Бристолю. Филипп, не жалея лошадей, устремился к Ридингу, надеясь попасть туда засветло. До городка оставалось всего несколько миль, когда Фрэнсис натянул поводья и заявил, что у его лошади сбита подкова. Это была чистая правда, однако Филипп удивленно поднял брови и велел Трейнору посмотреть, в чем там

дело. Вид у него был чрезвычайно подозрительный. Всадники остановились рядом с бенедиктинским монастырем, Фрэнсис счел это редкой удачей. Филипп слишком устал, чтобы спорить, и согласился сделать перерыв.

Привратник, молодой розовощекий человек, проводил путников во двор. “Настоятель, — сказал он, — только что уехал, но его помощник готов принять гостей, если только... — Он бросил беглый взгляд на Филиппа и добавил: — ...Господа не хотят сразу же прилечь, а потом, если угодно, к вам пришлют лекаря”. В ответ на последние слова Филипп нетерпеливо мотнул головой, но не без удовольствия пошел за привратником в гостиницу. Филипп отправил товарищей в гостиную, где их уже ждал превосходный ужин. Он рухнул на кровать и попытался было заснуть, но тут заскрипела дверь, и в комнату вошел помощник настоятеля. Он с улыбкой ответил на вежливый поклон вошедшего Фрэнсиса и повернулся к Филиппу. Тот приподнялся, но невольно вновь откинулся на подушку. “Не буду утомлять, — сказал помощник настоятеля, — уставшего путника своим обществом. Понимаю, что я не совсем кстати”. Фрэнсис не без иронии заметил, что уставший путник спешит на помощь королю Эдуарду, преследующему Французенку. Что он лично думает по этому поводу, было видно по интонации, с какой произносились эти слова. На лице монаха появилась было удивленная улыбка, но тут же исчезла. Едва Филипп заговорил, сделав над собой очередное усилие, гость сел на кровать и предложил больному свою помощь. “У меня есть некоторый опыт в медицинских делах, — пояснил он, — так что вряд ли стоит без нужды беспокоить лекаря”.

Помощник настоятеля поскромничал: его умению позавидовали бы многие врачи-профессионалы. Фрэнсис дивился тому, как ловко все получается у святого отца, но вскоре пригрелся у камина и задремал. Его разморило, и больше наблюдать за стараниями монаха он не мог. Сквозь дрему

Фрэнсис слышал удивительный рассказ святого отца о том, как овладел он этим искусством. Все началось с чтения Аристотеля, одно, другое, и вот во время последней эпидемии чумы пришлось оказать немало врачебных услуг местным жителям.

Вечернюю молитву давно сотворили, погас последний луч закатного солнца, монастырский лекарь закончил размазывать повязку. Филипп со вздохом откинулся на подушку, не отрывая глаз от сосредоточенного лица монаха и его умелых рук. Возраст этого человека угадать было трудно, происхождение тоже: вокруг его рта легли заметные складки, но волосы вокруг тонзуры оставались густыми и не тронутыми сединой. Пальцы двигались мягко и в то же время уверенно, словно чувствовали любое болезненное ощущение пациента.

— Тяжелая рана, — заключил он наконец. — Но она заживает. Ваш врач знает, видно, свое дело. Копье?

— Да нет, похоже, обломок стрелы. Понятия не имею, откуда она взялась. Лучника я не видел. Подобным образом стреляли наши во время кампании в Уэльсе: стены неприятеля были так высоко и далеко, что оставалось только пускать тучи стрел — почти наугад, а уж потом смотреть, кого там задело.

В наступившем молчании помощник настоятеля начал осматривать рану.

В центре она слегка затянулась, однако края оставались воспаленными.

— Сейчас вернусь. — Монах встал и вышел из комнаты.

Лазарет помещался в отдельном доме, прямо напротив гостиницы. Через открытую дверь было слышно, как затихают шаги лекаря. Прошло несколько минут, и он снова появился в комнате Филиппа. В руках у него был кувшин. Открыв как следует плечо больного и присев на край кровати, монастырский лекарь принялся смазывать чем-то рану.

— Так, — сказал он, — никаких выделений как будто нет. Теперь вам должно быть полегче. Ну а все остальное зависит от вашего природного здоровья и здравого смысла. Не берите на себя слишком много; думаю, что не стыдно было бы подержать руку на перевязи несколько дней, — с улыбкой заключил он.

— А разве можно брать на себя слишком много? — рассеянно спросил Филипп.

— А как же иначе? Человек — плоть земная, а дух стремится к Всевышнему. В стародавние времена одного признали грешником и изгнали из церкви, тогда святой Виссарион поднялся и пошел с ним, повторяя: “Я тоже не без греха”.

В камине что-то зашипело, затрещали поленья. Уилл Паркер уже давно мирно похрапывал на своей кровати, а Фрэнсис сидел, прислонившись к камину, в дальнем углу комнаты и рассеянно смотрел на пламя. Он был в каком-то забытьи. Возникали и вновь исчезали голоса — словно это был шум отдаленной волны, возникали тревожные мысли об Анне: он вспоминал дни, проведенные с ней, и гадал, когда удастся свидеться вновь, когда Ричард отпустит его — хорошо бы, до рождения ребенка. Пребывая все в том же забытьи, он уронил голову на грудь и стал было погружаться в сон, как очнулся — Филипп бросил в него подушку. В комнате остро пахло воском — догорела свеча. Помощник начальника, завершив свое дело, ушел.

Фрэнсису показалось, что утро наступило слишком скоро, день обещал быть ясным. Филипп категорически отмел слабые доводы кузена о необходимости задержаться в монастырской гостинице. Они двинулись на запад, оставляя на покрытой росой траве четкие следы конских копыт. Небо походило на огромное коралловое полотно.

Из расспросов встречных выяснилось, что Эдуард, беспощадно гнавший усталое войско Француженки в сторону Се-

верна, был от них на расстоянии дневного перехода. Дальше начинался Уэльс, где Француженку ждала подмога в лице мятежников, возглавляемых Джаспером Тюдором. Однако армия Эдуарда, прокладывая путь по узким, извилистым тропам Глостершира, наступала им на самые пятки. Достигнув через два дня Бата, Филипп узнал, что ланкастерцы оставили свой временный лагерь в Бристоле и в панике отступают к Глостеру, надеясь перейти через мост в Хиэфорд. Расстояние между противниками сократилось до нескольких миль. Дороги были пыльными и узкими, порой они превращались в тропинки, негде, да и некогда было напиться. Глостер закрыл ворота перед непрошеными гостями, а в открытом поле они не решились остановиться на отдых. Усталые, голодные, мучимые жаждой, ланкастерцы стремительно двинулись на север в сторону Тьюксбери.

Филипп и его спутники добрались до Глостера в субботу вечером, когда уже начинало темнеть. Они нашли постоялый двор недалеко от северных ворот. На следующий день, объявил Филипп, надо как можно раньше трогаться в путь. Услышав это, Фрэнсис чуть не застонал, он с надеждой подумал о том, что Филипп, уставший и измученный, может проспать. Но не тут-то было — кузен Фрэнсиса поднялся с первыми лучами солнца. Любезный хозяин немедленно накрыл стол. Завтракали они внизу вдвоем. Филипп и Фрэнсис допивали свой эль — лошади уже были оседланы, вещи погружены, — как вдруг рядом оглушительно хлопнула дверь. На пороге появился, неуверенно оглядываясь по сторонам, какой-то мужчина. К сапогам его пристала грязь, волосы сделались белыми от пыли, а лицо было мертвенно-бледным.

— Фрэнсис, подвиньтесь, — сказал Филипп, поднимаясь на ноги, но не успел и шага сделать, как незнакомец, тяжело шагнув к столу, рухнул на скамью.

Филипп поставил перед незнакомцем стакан зля. Тот, пробормотав невнятно слова благодарности, залпом опорож-

нил его и принялся изо всех сил тереть глаза. Теперь его можно было рассмотреть: это был совсем молодой человек, почти мальчик. “Наверное, чей-то оруженосец”, — подумал Филипп, но нашивки разглядеть не мог. Он, казалось, находился во сне: сидел неподвижно, смотрел прямо перед собой, а пошевелился, только когда Филипп придвинул к нему доску с нарезанными хлебом и мясом.

— Прошу прощения, сэра, — заговорил незнакомец, — но я всю ночь на ногах, без лошади... — Голос его осекся.

— И откуда же? — сочувственно спросил Филипп. Впрочем, ответ он, кажется, знал и так.

— Из Тьюксбери. — Юноша взял кусок хлеба, повертел его в руках и положил на место. Оттолкнув доску с едой, он уронил голову на стол и устало сказал: — Но мы проиграли...

Только тут из-под длинных спутанных волос на рукаве появился знак анжуйской лилии. Фрэнсис и Филипп переглянулись. Молодой незнакомец опять впал в какое-то забытье — во всяком случае, он сидел абсолютно неподвижно, лишь руки и губы его дрожали.

— Да, в конце концов мы проиграли. — Юноша поднял усталые, припухшие глаза. — Мы страшно измотались... Переход из Глостера в Тьюксбери длинный, и к тому же вроде был очень жаркий день. В пятницу, что ли, это было? Да. Мы шли пять или шесть часов, но казалось, что гораздо больше. Мы спешили, ближайший мост через реку был только у Тьюксбери. Но когда мы добрались туда, милорд герцог — то есть, я хочу сказать, герцог Сомерсет — сообщил королеве, что люди больше и шага не могут сделать, необходимо отдохнуть. А на следующее утро они нас догнали.

— Ясно. Если не хотите, можете больше ничего не говорить. Может, все-таки поедите немного?

Но молодой человек снова заговорил, на сей раз живее:

— Сначала перевес был на нашей стороне. Милорд Со-

мерсет ударил противнику во фланг, которым командовал герцог Глостер, и обратил его в бегство. Сомерсет решил, что все, бой выигран, но оказалось, что это ловушка. Они немного заманили нас вперед, а потом пошли в ход стрелы... Оказывается, в лесу были спрятаны лучники, и, когда наш строй рассыпался, люди Глостера погнали нас через поле, добивая на ходу. Когда милорд Сомерсет увидел, что произошло, он помчался в центр, где были принц и милорд Венлок, друг графа Уорвика, и закричал, что его предали, как граф Уорвик предал Оксфорда при Барнете. И ударил Венлока мечом. В это время Глостер повернул своих людей к центру, принца вот-вот могли загнать в ловушку, так что ему... то есть нам... ничего не оставалось, как... — Голос рассказчика опять прервался, он задрожал и изо всех сил сжал руки.

“Выходит, он был при принце”, — подумал Филипп. Снова заболело плечо — он, конечно, сделал большую глупость, отказавшись от перевязи. Филипп инстинктивно сжал кулак, пытаясь таким образом отвлечься от приступа боли.

Юноша продолжал свой рассказ:

— Принц поскакал назад в Тьюксбери, но его перехватил герцог Кларенс с отрядом копьеносцев. Они стащили принца с лошади, сорвали с него доспехи и добили ножами, а он... он умолял милорда Кларенса сохранить ему жизнь. — Юноша уронил голову на стол.

Фрэнсис поднялся со скамьи и подошел к окну. Деревянная вывеска над входом со скрипом качалась на ветру. Ставни были открыты, и в комнату врывались звуки уже проснувшейся улицы: звон колокола, созывающего на мессу, говор торговцев, стук копыт и возгласы ломового извозчика, подгоняющего лошадей.

У порога послышались шаги, в комнату вошел хозяин.

— Мне показалось, что вы меня позвали, сэр? Чем-нибудь могу... — Он оборвал себя на полуслове, и глаза его сузились. — А это еще что такое?

— Как видите, хозяин, — повернулся к нему Филипп. — Это мальчик. Он очень устал, ему надо поесть и как следует выспаться.

— Ах вот как, мальчик? — Хозяин подошел поближе и вперился в согбенную фигуру. — А где же лошадь? Что-то я не слышал стука копыт. Что ему здесь надо?

— Ничего удивительного, — раздраженно заметил Филипп. — Потому и не слышали, что лошади нет. Он целую ночь на ногах, идет из Тьюксбери, где враги короля Эдуарда были разбиты наголову.

— Хвала Всевышнему, — машинально проговорил хозяин, но взгляд его не смягчился. — Так это, выходит, дезертир, так, что ли? Для таких у меня в “Розе” места нет, пусть немедленно убираться. — И хозяин опустил свою пухлую руку на плечо молодому человеку. Живо подавшись вперед, Филипп схватил хозяина за локоть:

— Никуда он отсюда не тронется! Вы что, не видите, он же на ногах стоять не может.

Хозяин резко, насколько позволяла его мощная комплекция, повернулся и сердито посмотрел на Филиппа.

— Я верный подданный короля, сэр Филипп, и врагам его крыши не дам. — Перепалка эта в конце концов вывела молодого человека из оцепенения. Подняв голову, он обвел взглядом комнату и попытался подняться.

— Пойду, — сказал он Филиппу дрожащим голосом. — И... спасибо за эль, сэр.

Положив руку ему на плечо, Филипп заставил юношу вновь сесть на скамью.

— Одну минуту. Вы куда направляетесь?

— В Уилтшир, — едва слышно ответил юноша. — Там моя семья. Это недалеко отсюда, я доберусь.

Сдвинув брови и не обращая внимания на попытки юноши сбросить его руку с плеча, Филипп внимательно смотрел на него. Наконец, повернувшись к хозяину, он резко бросил:

— Какая-нибудь кляча у вас есть в конюшне? Я бы купил. Сколько хотите?

После некоторого раздумья хозяин назвал цену.

— Бандит, — меланхолично заметил Фрэнсис, все еще стоявший у окна, Филипп быстро произвел подсчет: остается меньше, чем хотелось бы, но что поделаешь.

— Идет. Только сначала мой слуга осмотрит ее, и, если все в порядке, наденет седло. Парнишка отдохнет немного, а после уедет, и вы можете забыть, что видели его. Годится?

Понадобились еще некоторые переговоры по поводу цены седла — хозяин назвал нереальную сумму, но потом уступил. В конце концов стороны ударили по рукам, и хозяин удалился, брэнча полученными монетами.

— Жадная свинья, — произнес ему в спину Фрэнсис.

Филипп же просто пожал плечами и вновь склонился над изможденным пареньком. На сей раз он действительно уснул, да так крепко, что разбудить его не удавалось. Фрэнсис и Уилл Паркер отнесли его наверх, положили на кровать, где накануне спал оруженосец Филиппа.

Фрэнсису казалось, что день этот тянется бесконечно. Они были всего в нескольких милях от Тьюксбери, совсем рядом со своими друзьями-триумфаторами, но Филипп и шага не хотел сделать, пока их подопечный не отправится домой. Маловероятно, чтобы этот мальчишка заинтересовал королевских офицеров, но Филипп не доверял чрезмерно услужливому хозяину. Фрэнсису пришлось всю первую половину дня расхаживать по городу, ловя между делом слухи о том, что в действительности произошло в Тьюксбери.

Ланкастерская армия была полностью рассеяна. Герцог Сомерсет и его приближенные укрылись в тамошнем аббатстве. Маргариту Анжуйскую и Анну Невил, бедную вдову сына королевы, переправили в женский монастырь на том берегу реки. Звонили колокола. В церквах служили благодарственные молебны. А юноша все никак не мог проснуть-

ся. После ужина, едва находя себе место от нетерпения, Фрэнсис решил последовать примеру юного незнакомца и отправился в постель.

На следующий день, на рассвете, начались сборы — все встретились во дворе. Трейнор отправился за лошадьми, Фрэнсис с Паркером смотрели за поклажей. Лучи поднимающегося солнца ласкали фасад дома, и белая роза, украшающая гостиничную вывеску, вся так и светилась. Филипп и молодой человек, не сговариваясь, посмотрели на нее. Под грубо намалеванным девизом Йорков виднелся изначальный рисунок: лебедь, изображение которого тоже, впрочем, не отличалось большим изяществом. Какое-то время они не отводили глаз от вывески, а потом Филипп, увидев, что Трейнор уже подводит лошадей, рассмеялся и сказал:

— Слава Богу, хотя бы лошади вне политики. Хотите доброго совета, молодой человек? Как приедете домой, никуда не высовывайте носа, по крайней мере первое время. Если не будете делать глупостей, все еще может пойти на лад. Король не злопамятен, все забудется.

— Да нет, я уж ничего не забуду, — резко бросил юноша и, вспыхнув до корней волос, тут же добавил неловко: — Какой я неблагодарный, право. Извините меня, ради Бога. Меня зовут Феррес, сэра Филипп. Я ваш должник. Надеюсь, когда-нибудь мне удастся отплатить вам за всю вашу доброту.

— Ну что за ерунда. — Рассеянно приняв у слуги вожжи, Филипп еще раз пристально взглянул на опечаленное лицо юноши. — Что поделаешь, но Ланкастерам пришел конец. И вам же самому будет лучше, если вы примиритесь с этой неизбежностью.

— А про Генриха Тюдора вы забыли? — негромко спросил Феррес, уже садясь на лошадь.

Филипп улыбнулся:

— Да о чем вы, молодой человек! Незаконнорожденный

Плантагенет и незаконнорожденный Тюдор. Забудьте! — И он отступил на шаг.

Подчиняясь всаднику, лошадь Ферреса, до того приплясывавшая на месте, круто повернулась. У ворот постоянного двора всадник обернулся и вскинул руку. Филипп и его спутники приветливо помахали вслед Ферресу, и он исчез из вида.

Дорога из Глостера в Тьюксбери, если ехать спокойно, займет, подсчитал Филипп, примерно полдня, направление известно, так что проводник не нужен. Солнце пекло все сильнее, часов в десять они сделали небольшой привал, подкрепились хлебом, сыром и элем. Прошел, поигрывая кнутом, пастух: впереди него медленно двигалось стадо черных овец. Поднявшись на вершину холма, он помахал на прощанье незнакомым путникам. Вскоре мимо проскакал всадник, одетый в голубое и малиновое. Фрэнсис хотел было остановить его и разузнать, что нового, но тот и головы не поднял — так торопился куда-то, из-под копыт его лошади летели комья грязи.

После полудня путники въехали в Тьюксбери. За городской стеной все еще виднелись лагерные палатки, на некоторых домах белели сделанные мелом пометки, указывающие, где остановились офицеры. По улицам лениво бродили, сливаясь с местной толпой, лучники и стрелки из алебард. Чем ближе к центру города, тем больше становилось народу, поэтому Филипп и Фрэнсис, передав поводья Трейнору, слезли с лошадей и пошли пешком. Вскоре они оказались на рыночной площади.

Именно отсюда, как стало ясно, медленно растекалась по улочкам толпа, хотя и здесь народу было немало: простые обыватели, владельцы трактиров, солдаты — кого тут только не было. Все о чем-то оживленно разговаривали. В центре площади стояла сколоченная на скорую руку плаха. Рядом с ней находились два помощника палача. Они оттаскивали обезглавленное тело последней жертвы. В сельской телеге,

стоящей поодаль, были беспорядочно навалены тела и головы десятка казненных. Одна голова возвышалась над остальными, словно это была куча капустных кочанов. Филипп отвел глаза. Герцога Сомерсета среди казненных он не обнаружил. Фрэнсис, бросив на телегу беглый взгляд, тоже отвернулся. Но так болезненно на это реагировали далеко не все: группа ремесленников, стоявшая неподалеку, рассуждала о том, что интересно было бы теперь соединить тела с головами.

Чтобы пересечь площадь, Филиппу и Фрэнсису надо было пройти рядом с телегой. Толпа двигалась медленно. Идущий впереди мясник объяснял соседу: “После конца сражения Сомерсет со своими приближенными поскакал в Тьюксберийское аббатство, но король, сразу же помиловавший укрывшихся там простых солдат, к ланкастерским главарям остался непримирим. В течение десяти лет они смущали народ, подбивая на бунт и нарушая мир в королевстве. Эдуард долго был милосерден, но всякому терпению приходит конец: хватит. Суд над мятежниками вершили герцог Глостер и королевский конюший граф Норфолк”.

Филипп слушал вполуха. Он понял теперь, что в основном привлекало внимание собравшейся публики: к зданию напротив, где все окна были забраны ставнями, медленно подъезжала закрытая карета. По обе стороны ее ехали всадники с копьями наперевес. Вот карета остановилась — толпа подалась вперед. Офицер соскочил с лошади, открыл дверцу, и в проеме показалась закутанная женская фигура. Офицер небрежно протянул руку: поколебавшись, женщина отбросила вуаль и ступила на землю.

Много лет назад, когда Маргарита Анжуйская, еще девочкой, приехала в Англию, чтобы стать женой Генриха Ланкастера, менестрели слагали гимны в честь ее необыкновенной красоты. Интересно, думал, глядя на нее, Филипп, помнит ли хоть кто-нибудь эти гимны сейчас. На какое-то

мгновение она остановилась, обводя прищуренными глазами толпу зевак: в конце концов взгляд ее остановился на возвышающейся в отдалении колокольне аббатской церкви. Казалось, она упирается прямо в небо. До Филиппа снова долетел голос мясника: “Говорят, Эдуард разрешил похоронить принца Ланкастера прямо здесь”. Подобие судороги прошло по лицу Маргариты. Она опустила вуаль и поспешила войти в дом.

Разочарованная толпа начала расходиться. Филипп осмотрелся по сторонам, пытаясь сообразить, где же может быть Ричард; ему показалось, что где-то в дальнем углу площади мелькнуло лицо Роберта Перси. Филипп двинулся было в том направлении, но Фрэнсис схватил его за локоть. Филипп обернулся: Фрэнсис не отрываясь смотрел на голову в телеге палача. Отсюда она уже не напоминала капустный кочан: в волосах была видна засохшая кровь, глаза — слепо устремлены вверх, к солнцу.

— О Боже мой, — выдохнул Фрэнсис. — Ведь это же дядя моей жены, лорд Тэлбот.

Глава 8

Двое всадников остановились на лесистой вершине холма, под ними был замок Тэлбота. Рядом с ним расстились поля, там и сям виднелись разнообразные постройки. Весенний день подходил к концу, приближались сумерки. Кое-где овцы продолжали лениво щипать траву, щебетали, устраиваясь на ночлег, поздние птицы.

Фрэнсис глядел вниз, не говоря ни слова и рассеянно поглаживая гриву коня. Он выглядел растерянным и убитым. Всю первую половину дня Фрэнсис думал лишь об одном: как бы быстрее добраться до места и первым, пока другие не успели, сказать Анне, что ее дядя мертв, но сейчас,

когда Тьюксбери остался далеко позади, у него словно гири на ногах повисли. Он ощущал себя чужим и ненужным — словно праздный гуляка в доме, где поселилось горе.

Интересно, размышлял Филипп, знал ли Глостер, что так будет, когда разрешил им уехать из Тьюксбери. В Лондон, по словам Ричарда, он вернется не сразу, а пока, вместо того чтобы болтаться без дела рядом с ним, Филипп может помочь Фрэнсису уладить свои дела. Филипп хотел было отказаться — ну как же так, он столь многим обязан милорду герцогу, тот всегда так добр, вот и теперь отпускает, но Глостер холодно прервал этот бессвязный поток благодарностей. Ни сейчас, ни в Лондоне Филипп ему не нужен, а Фрэнсису будет с ним лучше. Разговор был коротким, и Филипп вспомнил о нем только несколько часов спустя.

В воздухе пряно пахло клевером, легкий ветерок приятно ласкал их лица. Фрэнсис тронул коня, они стали спускаться.

В доме стояла полная тишина. Стайка уток беспризорно устроилась на траве, прямо у пруда. В кузнице никто не работал, мехи были задуты. Фрэнсис огляделся по сторонам — пусто. Нахлынули воспоминания: огромный и ставший вдруг таким холодным дом отца в Минстер-Ловеле, тревожные перешептывания, сдавленные рыдания матери, и он сам, шестилетний, слушает рассказ о том, как было проиграно сражение где-то в Йоркшире. Джона Ловела привезли из Таутона еще живым, но для его сына в тот день очень многое кончилось...

Едва всадники спешили, как появился мальчишка-конюх и с интересом стал разглядывать их. Фрэнсису его лицо показалось незнакомым: для такой работы он был слишком юн, наверное, никого больше не нашлось — остальные ушли с владельцем замка. Двор был пуст и, возможно, поэтому казался еще больше. Швырнув вожжи конюху, Фрэнсис отрывисто спросил:

— Где хозяйка? — Можно не любить леди Тэлбот, но права ее уважать надо.

Лицо мальчика словно сморщилось, выражая испуг и недоверие.

— Она умерла... когда рожала. Похороны были в прошлую пятницу. В доме только молодая госпожа и... — Но Фрэнсис уже его не слышал.

В доме не было ни души: трудно поверить, что здесь вообще кто-нибудь живет. В большом зале Фрэнсис остановился и принялся оглядываться по сторонам. В дальнем углу начиналась лестница, ведущая в верхние комнаты. Взгляд Фрэнсиса уперся в стену — где-то между лестницей и дверью слева, которая вела в салон. Решив начать свои поиски именно с него, Фрэнсис в сопровождении Филиппа направился туда. В это время где-то скрипнула дверь и на лестнице послышался шорох юбок.

Лестница круто поднималась вверх, уходя через высокую арку к верхним комнатам. Женщина остановилась на повороте, подбирая юбки; мешал живот, да и лестница была слишком крутой. Заходящее солнце усеяло холл длинными тенями. Фрэнсиса, стоявшего у лестницы, почти не было видно.

— Анна! — негромко воскликнул он и бросился наверх.

Какое-то время оба не могли произнести ни слова. Она вцепилась ему в плечи, тесно прижалась к нему — Фрэнсис чувствовал, как ее тело содрогается от рыданий. Он сам не мог заставить себя открыть рот и рассказать обо всем, что случилось. Казалось, это в другой жизни он торопился стать первым, кто сообщит ей о горе и невольно добавит к прежним несчастьям новые.

Постепенно успокаиваясь, она потерлась щекой о его плечо.

— Ты, наверное, знаешь... слышал, что тетя умерла? Вчера неделя как мы ее похоронили, вместе с маленьким, а потом

приехал гонец из Тьюксбери... — Она подняла на Фрэнсиса заплаканные глаза. — О Боже, что же будет с дядей?

Он отвернулся, чтобы не смотреть ей в глаза.

— Не будет, любимая, — уже было. Все кончено. Вчера. Пожалуйста, родная, прошу тебя, не надо думать об этом, все равно ты уже ничего не можешь для него сделать.

Ему казалось, что выразился он с достаточной ясностью, почти безжалостно, но, к его удивлению, она так ничего и не поняла.

— Вчера? Но ведь сражение было раньше. Он что, ранен и умер от раны?..

Фрэнсис пытался найти слова, а они все не находились, любое было подобно камню. Застыв и лишь слегка поглаживая ее по волосам, он не расслышал сначала шороха наверху — кто-то спускался, опираясь о перила. Зазвучал голос — слова были подобны крупным каплям холодной воды, падающим на голову:

— Анна, нельзя же быть такой жестокосердной. Ты что, разве ничего не знаешь? Он хочет сказать, что лорд Тэлбот мертв — победители повесили его, кастрировали, а потом разрезали на части, как барана. Это вы хотите сказать, Ловел?

Фрэнсис вскинул голову. Хамфри Тэлбот, бледный как смерть, стоял, перегибаясь через перила. Правая рука была крепко прибинтована к груди, при этом кисть болталась как бы сама по себе. В левой он держал меч, которым явно не мог воспользоваться.

— Это неправда, Тэлбот. Зачем вы лжете, ведь от этого ей только хуже, — не двигаясь с места, произнес Фрэнсис.

— Неправда? Ну так скажите нам правду. Ему что, была дарована легкая смерть? Давайте, давайте, рассказывайте. Кто вынес ему приговор? Кто был палачом? Или, может, вы хотите, чтобы я сам назвал имена ваших друзей?

Фрэнсис чувствовал, что Анна дрожит всем телом. Он

еще крепче прижал ее к себе и заговорил, не переставая поглаживать бедняжку по голове:

— Приговор вашему отцу, Тэлбот, вынес констебль Англии. Это его обязанность — карать врагов короля.

Хамфри повис на перилах.

— А как зовут констебля, Ловел? Ведь, насколько я помню, вы к нему очень хорошо относитесь. Вы уже сказали об этом моей кузине?

Анна, словно очнувшись от глубокого сна, попыталась высвободиться из объятий Фрэнсиса и взглянуть в глаза мужа.

— Анна, судил твоего дядю герцог Глостер. Вина была доказана, и король потребовал смертной казни. У герцога не было выбора. Сегодня утром я с ним разговаривал, и он попросил передать, что готов помочь чем угодно, стоит тебе только попросить. И это не просто слова. Право, он будет другом нам обоим.

— Ты с ним говорил, — эхом откликнулась Анна. Она снова, неуклюже — живот мешал — попыталась оттолкнуть его, но Фрэнсис упорно удерживал ее. — Ты с ним сегодня говорил, целовал ему руку, благодарил за доброту...

— А что мне, собственно, еще оставалось? Он служит королю, в точности так же, как твой дядя служил Сомерсету. Разве я могу его за это винить? — Фрэнсис начинал злиться, так как знал — вернее, думал, что знает, — что Анне надо, и старался самого себя убедить, что желания эти — чистое безумие. Но Анна и не думала его ни о чем просить, она просто не спускала с него глаз, словно пыталась до конца понять его, а когда вновь заговорила, Фрэнсису пришлось напрячься, чтобы расслышать, — так тих был ее голос.

— И в самом деле, чего тебе его винить? Наоборот, тебе надо на колени перед ним стать — ведь от этого тебе сплошная выгода.

— Выгода? — От изумления Фрэнсис даже поглупел. — Какая выгода, Анна? — медленно проговорил он.

— Ну как же, ведь тебе автоматически переходят все земли дяди. Затем-то ты и приехал, верно? — осмотреть свои новые владения. Твоему королю нужен здесь надежный человек. Не может быть, чтобы ты не подумал об этом, поспешая в Тьюксбери; а кто может быть надежнее тебя — человека, который так быстро забыл все то, что отстаивал с оружием в руках твой отец? И вот теперь все твое — мое приданое, которое, должно быть, всегда казалось тебе слишком маленьким, разве сравнишь с тем, что бы ты мог получить, не води твой король дружбу с моим отцом, в знак которой и был мне выбран богатый муж... Приданое и много чего еще, включая и долю моего кузена. Они тебе сами все предложили или пришлось просить?

Фрэнсис не мог ничего сказать. Какая-то не атрофированная еще часть мозга отчаянно бунтовала, пытаясь найти слова протеста. А если не помогут ни слова, ни живые свидетели, само время разоблачит эту ложь. Но это когда еще будет, а пока язык отказывался повиноваться. Она считает, хочет считать, что все именно так и обстоит, — вот единственное, что имеет значение. Всего несколько коротких месяцев прошло — и как же исказился в глазах Анны его образ.

Он почувствовал, что она задрожала, ее пальцы впились ему в плечи. Фрэнсис мягко отстранил жену, отступил на шаг. Филипп, стоявший позади, направился к выходу — со двора донесся конский топот: это из Тьюксбери вернулись слуги, которых они обогнали по пути. Но Фрэнсис ничего не слышал. Взгляд его был прикован к человеку на лестнице.

— Это ваша работа, Тэлбот. Вы что же, думали, я не пойму?

— Фрэнсис, он ранен, — негромко, но настойчиво произнес Филипп.

— Тем хуже для него. — Фрэнсис даже не повернулся. Глядя на меч, беспомощно болтающийся у Хамфри в руке, он

начал искать на поясе нож. Еще шаг вверх по лестнице — и Фрэнсис уловил сзади чье-то быстрое движение. Его крепко схватили за запястье, стараясь вырвать оружие. Опять-таки не глядя, он освободился.

— Не вмешивайтесь, Филипп!

Он изо всех сил сжал кулаки и случайно попал локтем во что-то мягкое. Не раздалось ни звука, но Фрэнсис и так понял, что натворил. Он круто повернулся и, выронив из рук нож, увидел, как Анна скатилась с лестницы, пересчитав все ступеньки. Она лежала неподвижно, полуприкрыв лицо рукой: виден был только след от удара.

Филипп подоспел к ней раньше всех. Фрэнсис через секунду был рядом. Отстранив кузена, он стал на колени посмотреть, что случилось, и тут же почувствовал на плече руку Хамфри.

— Убирайтесь отсюда, Ловел! Вам что, мало того, что вы уже натворили?

Фрэнсис пропустил эти слова мимо ушей. Он сражался с тесемками и застежками на платье Анны. Некоторые сплелись в узел, так что ему пришлось рвать тесьму. Пальцы его дрожали.

— Позовите служанок, Тэлбот. Я отнесу ее наверх.

Хамфри опустил на колени рядом с Фрэнсисом и взял Анну за руки. От лица у нее отхлынула кровь.

— Если она умрет, я убью вас, Ловел. Попомните мои слова, — прошипел он.

— Позовите служанок, идиот, — подняв голову, негромко повторил Фрэнсис. — Наши счета мы уладим потом, об этом не беспокойтесь.

Тут Анна всхлипнула и зашевелилась. Она непонимающе посмотрела на Фрэнсиса и слабо оттолкнула его; он поднял ее на руки:

— Тихо, тихо, любимая. Я отнесу тебя в постель.

Она снова попыталась оттолкнуть его, но безуспешно.

Анна разрыдалась, стиснула руки. Хамфри поглаживал ее пальцы, бормоча что-то успокаивающее.

— Черт побери, Тэлбот, — взорвался Фрэнсис, — вы что, здесь целую вечность собираетесь торчать? Разве не видно, что происходит?

Не выпуская Анну из рук, Фрэнсис попытался подняться. Она потянулась к кузену, двинувшемуся было наверх:

— Хамфри... Хамфри, не надо...

У нее перехватило дыхание. На месте, где волосы прилипли ко лбу, образовалось ржавое пятно.

Хамфри склонился над ней.

— Да, дорогая?

— Пожалуйста... Пожалуйста, пусть он ко мне не прикасается.

В напряженной тишине послышались шаги — к холлу шел Уилл Паркер. С величайшей осторожностью Фрэнсис нагнулся и опустил Анну точно на то место, где она лежала. Поднявшись, он обежал комнату невидящими глазами: в них застыло какое-то странное выражение — то ли страха, то ли отчаяния, то ли боли. Точно такое выражение Филипп уловил однажды во взгляде одного канонира из Уэльса. Осколком разорвавшегося неподалеку ядра ему оторвало руку — в первый момент он не понял, что произошло. Заскрипела дверь, и, не оборачиваясь, Фрэнсис резко бросил через плечо:

— Паркер!

Анна беспокойно зашевелилась на полу, бесшумно глотая слезы. Оруженосец не мог скрыть испуга на обычно веселом лице. Он быстро подошел к Фрэнсису.

— Случилось несчастье. Прошу вас отнести мою жену в спальню. Господа покажут вам дорогу.

Фрэнсис прошел к длинному столу под навесом и встал, повернувшись спиной к лестнице: оруженосец поднял Анну и следом за Хамфри стал подниматься по лестнице. Наверху хлопнула дверь, несколько минут спустя она открылась вновь.

из комнаты вышел Паркер. Послышался голос Хамфри, он звал на помощь. Перепуганная горничная скатилась с лестницы, вылетела на кухню и тут же вернулась с тазом воды. Фрэнсис все еще стоял у стола, упершись ладонями в крышку. Метнув на него неприязненный взгляд, горничная побежала наверх. Вновь хлопнула дверь, и воцарилась тишина.

Ребенок родился поздно вечером. До этого дом словно вымер. Слуги давно пошли спать, а из-за закрытой двери наверху не доносилось ни звука. Беспокойно меряя шагами гостиную, Филипп с трудом удерживал себя от того, чтобы вернуться в холл, где виднелась фигура кузена: тот стоял у высокого узкого окна, отрешенно глядя на полную луну. Казалось, он совершенно ушел в себя: бросая на него взгляд, Филипп всякий раз тут же отворачивался.

Около десяти вечера из комнаты Анны вышел Хамфри и позвал Фрэнсиса. Тот резко обернулся, поднял голову и пошел наверх.

Филипп продолжал расхаживать по гостиной. Комната радовала глаз. Один ее угол был целиком занят огромной кроватью под балдахином. Тут смутно маячил призрак покойной леди Тэлбот. Вдоль стен стояли буфеты с тарелками, кувшинами, солонками. Здесь был стол — за ним собиралась семья, когда в доме не было гостей или хотелось домашнего уюта. Повсюду виднелись ясные следы недавнего прошлого. Филиппу захотелось пить, и испуганный слуга быстро принес кувшин. Покрывшись от слабости потом, постоянно потирая вдруг заболевшее плечо, гадая раздраженно, сколько еще это может продолжаться и когда же он наконец станет полноценным человеком, Филипп потянулся к кувшину. В нем оказалось вино, которого он вовсе не хотел. В этот момент за спиной послышались шаги Фрэнсиса. Филипп резко обернулся.

— Да, все позади. — Фрэнсис прошел в середину комнаты, остановился на мгновение, затем отошел к резному

туалетному столику напротив обеденного стола — там стояли, отражая пламя свечи, серебряные блюда.

— С Анной, говорят, все будет в порядке. Это была девочка.

— Фрэнсис. — Филипп потянулся было к напрягшемуся плечу кузена, но, не встретив ответного движения, остановился. — Даже не знаю, что и сказать.

— А что тут говорить? Да и не надо никаких слов — я и так уже достаточно наслушался. — Фрэнсис поднял глиняную миску, ковыряя зазубрину на месте отколовшегося куска. Поставив ее на место, он спокойно сказал: — Что же, здесь нас больше ничто не удерживает. Не возражаете, если я скажу Грегори, что утром мы уезжаем? — Лицо его напоминало маску. Филипп помолчал немного, напрягая усталые мозги. Он хорошо понимал, что неверное слово может все испортить, но, как назло, только такие слова и лезли в голову.

— Боюсь, что придется немного задержаться, — вымолвил он наконец. — Глостер дал мне поручение, но даже независимо от этого он не ждет нас в Лондоне так быстро, а при нынешнем положении дел — тем более.

— Возможно. Однако же жена сказала, что не может долее переносить моего присутствия и я очень обяжу ее, если покину дом. Полагаю, это самое малое, что я могу для нее сделать.

— Фрэнсис, помилосердствуйте, — негромко проговорил Филипп.

— Она потеряла тетю и дядю, да вообще все, к чему привыкла: в течение нескольких часов она испытывала такую боль, о которой мы с вами даже догадаться не можем; ребенок родился мертвым... И я в этом виноват. Это мне уже объяснили, так что можете не повторяться. — Колеблющееся пламя свечи неожиданно наклонилось и высветило застывшее лицо Фрэнсиса; когда он вновь заговорил, голос

его дрожал: — Филипп, это же была чистая случайность. Я думал, это вы сзади стоите. Вы же верите мне, правда?

— Ну разумеется. Чего мучить себя глупыми сомнениями? Разумеется, я знаю, что это случайность, и Анна тоже знает.

— Знает? — с трудом выговорил Фрэнсис. Боль и отчаяние так явственно выражались на его лице, что, казалось, впечатались в кожу. Филипп взял безвольно повисшую руку кузена и громко проговорил:

— Конечно знает, лучше других знает, уверяю вас. Неужели вы еще не научились различать голос ее кузена?

Фрэнсис промолчал. Внезапно он поднял голову, прислушиваясь к чему-то: наверху негромко хлопнула дверь. Подождав немного, он подошел к порогу гостиной и посмотрел на лестницу.

— Тэлбот!

Сначала никто не откликнулся, потом на лестнице слышались шаги. Фрэнсис подождал немного и вернулся к туалетному столику, поглядывая на дверь. Через минуту вошел Хамфри. Едва переступив порог, он остановился, глядя то на Филиппа, то на Фрэнсиса. Хамфри совсем побледнел, у глаз и рта залегли глубокие морщины, каждый шаг давался ему с трудом. Тем не менее в его взгляде читался холодный вызов.

Ощущая это окончаниями своих обнаженных нервов, Филипп подумал, что напрасно Хамфри принял позу последних гладиаторов Древнего Рима. Фрэнсис, неторопливо разминая свечу на столике, внимательно смотрел на него. Казалось, он был совершенно спокоен, но Филипп видел его глаза. Словно случайно он подошел к столику и взял оставленный там бокал с вином.

Помолчав немного, Фрэнсис заговорил:

— Входите же, Хамфри, что вы там болтаетесь у входа? Вы прямо как невеста, что не решается переступить порог

брачной комнаты. Я ведь обещал, что мы с вами потолкуем. Только не надо перекрикиваться через всю комнату.

Хамфри подозрительно посмотрел на Фрэнсиса и не тронулся с места. Меча у него не было, но левая рука произвольно тянулась к левому боку, где висел забранный в ножны короткий кинжал. Натолкнувшись на насмешливый взгляд, он остановился, так и не добравшись до цели.

— Я бы на вашем месте поостерегся, мой рыцарь. Вы попали в невыгодное положение: одна здоровая рука против двух моих, и нет более дамы, что могла бы стать вам защитой.

— Оставьте мою кухню в покое, Ловел, — едва слышно проговорил Хамфри. — Отныне и навсегда вам не должно быть до нее никакого дела.

— В самом деле? — Фрэнсис сдвинул брови. — Что же, может, и так, но вам-то какой от этого прок? Через день-другой, полагаю, вам будет до нее еще меньше дела, чем мне.

— О чем это, дьявол вас подери, вы толкуете? — Но в голосе Хамфри было больше растерянности, чем злости. Бледное, особенно по сравнению с огненно-рыжими волосами, лицо его выдавало бесконечную усталость и лихорадочную работу мысли. Неприятно улыбаясь, Фрэнсис заметил:

— Ну и тугодум же вы. Вы что же, забыли, на чьей стороне были в Тьюксбери? Это называется предательством, дурачок, а за предательство надо платить. — Хамфри открыл было рот, но так и не произнес ни слова. Фрэнсис дал ему немного времени, чтобы оценить ситуацию, и пояснил: — Вы никогда не сидели в тюрьме, Тэлбот? — Не дожидаясь ответа, Фрэнсис продолжал: — Ну да ничего страшного. Можете расспросить Гарри Перси, если найдете его, что маловероятно. Он едва ноги унес от Нортумберленда — поди поймай его теперь. А жаль — Перси бы немало интересного мог вам рассказать — как-никак провел после Таутона девять лет в тюрьме и вышел только потому, что на севере уж слишком

большой шум подняли. О вас-то вряд ли будут так хлопотать, Тэлбот. — Фрэнсис умолк, улыбаясь сам себе. — Забавно, знаете ли. Как подумаешь, скольких людей помиловали, так вас прямо-таки жалко становится. Видите ли, вы чересчур богаты, а отец ваш был чересчур ланкастерцем, чтобы король и на вас распространил амнистию.

Он прошел вдоль стола, налил в бокал вина и поднес к губам, затем стал смотреть на Тэлбота сквозь стекло. Рядом стоял подсвечник, в глазах Фрэнсиса заплясали искорки от пламени.

— Довольно, Фрэнсис, — спокойно сказал Филипп. — Свое вы получили — и хватит.

— Одну минуту, кузен, я еще не закончил. К тому же ему самому интересно, разве не видно? — Фрэнсис отхлебнул вина, поставил бокал на стол и продолжал, тщательно подбирая слова: — Конечно, Тауэру можно найти замену. Не думали об этом?

— Что вы имеете в виду? — Тэлбот сдвинул брови.

— Сейчас объясню. Раньше, чем завтра-послезавтра, вас здесь искать не будут. Если уедете сегодня же вечером, к четвергу достигнете побережья, а когда нападут на след, уже будете приближаться к Франции. — Фрэнсис со злорадным удовлетворением посмотрел на измученное лицо Тэлбота. — Такой вот выбор, Хамфри. Согласен, не слишком приятный. После стольких лет безмятежной жизни придется просить кусок хлеба. Тауэр, может, даже чем-то лучше, по крайней мере, там вы не будете голодать; правда, через несколько лет покажется, наверное, тесновато. Так или иначе, решать вам. По мне — что гнить в Тауэре, что голодать во Франции — все одно. Я, во всяком случае, думая о вас, буду спать спокойно.

Облизав внезапно пересохшие губы, Тэлбот проговорил без всякого выражения:

— Это уж точно. Как ни повернись, земли моего отца теперь ваши.

Фрэнсис пристально посмотрел на него и, помолчав немного, заговорил почти шепотом:

— Этого, на вашем месте, я бы не повторял.

Натянутый как струна, чуть не до крови впиваясь ногтями одной руки в ладонь другой, Тэлбот смело встретил взгляд Фрэнсиса:

— Думаете, я не понимаю, что вам нужно? Вы хотите, чтобы я очистил место — понятно зачем. Вы бы с величайшей радостью передали меня в руки своих друзей, если бы были уверены, что они этого хотят. Но вы не уверены и потому стремитесь избавиться от меня другим путем.

— Положим, так, — с улыбкой согласился Фрэнсис. — Только смотрите, коли захочется проверить, говорю ли я правду, как бы поздно не было.

В саду осыпались цветы вишни, в трубе завывал ветерок, огонь в камине поднимался и замирал, дрова громко потрескивали. Сцепив пальцы, Хамфри смотрел на пламя. Расчет, страх, тоска — все это с предельной ясностью выражал его взгляд. Филипп с трудом сдерживался, чтобы не вмешаться, испытывая при этом стыд оттого, что остается в стороне. Сморщенное лицо Хамфри Тэлбота напоминало лицо больного ребенка. Он ослабел от раны, повязка была наложена явно неопытной рукой. Может, Анна? Да, наверняка она. И бедняга проделал такой долгий путь от Тьюксбери с больной рукой, чтобы все кончилось вот так. Филипп глубоко вздохнул, и Хамфри, кажется, впервые заметил, что он здесь. Поколебавшись, Хамфри медленно пересек комнату.

— Мы незнакомы, но я немного слышал о вас. Вы ведь Филипп Ловел? — Не дожидаясь ответа, Хамфри продолжал: — Что ж, ничего не поделаешь, на сей раз он меня достал. Здесь я не могу оставаться, риск слишком велик, и он это знает. Ладно, вам до этого, разумеется, нет дела. В наше оксфордское поместье, когда я там был, заезжали иногда люди

из Уэльса, и от них я слышал, что вы умеете держать слово. А я могу на него положиться?

— Не вмешивайте в это дело моего кузена! — резко оборвал его Фрэнсис. — Он здесь совершенно ни при чем. — В голосе Фрэнсиса звучали металлические нотки, но Хамфри даже не обернулся. — Могу? — настойчиво повторил он. Испытывая нечто среднее между жалостью и неприязнью, Филипп сказал:

— Не понимаю, как вы можете ожидать от меня каких-то обещаний.

— Не понимаете? Разве вы не видели его сегодня? — Рыжеволосый юноша побелел — смысл сказанного не оставлял сомнений.

— Поберегитесь, Тэлбот. — Филипп не сводил глаз с Фрэнсиса. Стоя в нескольких шагах от них, он судорожно сжимал в пальцах массивный бокал. Не обращая внимания на предупреждение, Хамфри схватил Филиппа за руку.

— Обещайте мне... — с болью проговорил он, — обещайте, что не дадите ему... — голова его непроизвольно дернулась, — сделать моей кухне ничего дурного. Она плохо себя чувствует, и вы знаете почему, и если он снова поднимет на нее руку...

Он остановился на полуслове, Фрэнсис беззвучно набросился на Тэлбота, пальцы сомкнулись на шее раненого, скамейка для ног с грохотом повалилась на пол. Филипп непроизвольно крикнул, и звук его голоса, подобно удару кнута, оборвал сдавленный крик боли. Одним прыжком Филипп преодолел стол, схватил бокал и изо всех сил ударил кузена по руке. Хамфри почти потерял сознание, ловя воздух, он услышал, как Фрэнсис грубо выругался, его хватка ослабла. Хамфри поднялся, неверными шагами подошел к стене и, обессиленный, прижался к буфету, Фрэнсис, побелев от ярости, обернулся к кузену. Тяжело дыша, они мерили друг друга взглядами, в конце концов, густо покраснев, Фрэнсис отвел глаза.

— Пусть он убирается отсюда, Филипп, — хрипло сказал он и, не поворачиваясь, отошел к окну. Хамфри стоял, облокотившись здоровой рукой о буфет. Когда Филипп заговорил, он поднял голову.

— Сэр Хамфри, вам лучше уехать. Ваше предположение оскорбительно и для моего родственника, и для меня. К тому же благополучие Анны Фитцхью — это совершенно не ваше дело. У нее есть отец и братья, поэтому в случае чего вступить будет кому. Если вам от этого легче, могу обещать, что свяжусь с ними.

Хамфри выпрямился и откашлялся. С трудом взяв себя в руки, он сказал:

— Мне надо повидаться с Анной. Попрощаюсь — и сразу уеду. А вы — вы пошлете гонца в Равенспур? Заранее признателен — и прощайте. — Он неуверенно двинулся к двери, переступил через порог и пересек холл. Вскоре на лестнице послышались шаги.

Филипп плотно закрыл дверь и подошел к окну. Облокотившись о подоконник, Фрэнсис равнодушно посмотрел на него. Он скрыл, что повредил кисть руки, однако Филипп еще раньше заметил, как Фрэнсис ощупывает ее.

— Ну-ка, дайте взглянуть, — коротко произнес он.

Фрэнсис засопровтивлялся было, но тут же уступил. Филипп ощупал опухоль, согнул руку в суставе и заметил:

— Кость цела, но день или два руку надо побережь. — Филипп действовал быстро и умело. Фрэнсис молча ждал, пока он закончит. Наконец Филипп отпустил руку, Фрэнсис прижал ее к стене. Дыхание его стало тяжелым, взгляд затуманился — видно было, что ему очень больно. Фрэнсис пошел к окну и стал смотреть.

Филипп вернулся к столу и принялся резать оставленный кем-то хлеб.

— Хорошо, что Глостер дал нам людей, — заговорил он как бы между делом. — Завтра пошлю кого-нибудь с пись-

мом к нему. Надо решить также, когда вашу жену можно перевозить — и куда. Здесь она одна не может оставаться, и к тому же, насколько я понимаю, это сейчас собственность короны. — Филипп намазал хлеб маслом, сверху положил немного мяса. — Вообще-то естественнее всего в данной ситуации было бы отправить ее к родителям, если только Анну не хотят держать отдельно от них. К сожалению, вряд ли, во всяком случае в течение ближайших нескольких лет, родные Хамфри Тэлбота встретят вас как дорогого гостя. Я имею в виду то, что случилось сегодня.

— Это уж точно, — абсолютно равнодушно откликнулся Фрэнсис. Филипп уселся на край стола и медленно покачал ногой.

— Но вы хотя бы избавились от Тэлбота, это уже хорошо. Кстати, это правда, будто выдан ордер на его арест?

По-прежнему глядя в окно, Фрэнсис ответил:

— А почему бы вам не спросить об этом у герцога Глостера?

Наступило молчание. Тяжело вздохнув, Филипп сказал:

— Да, так вот о вашей жене: я собираюсь написать об Анне своей сестре. Они примерно одного с Анной возраста, а ее приемные дети немного моложе. Секотт часто уезжает из Ипсдена по делам, и Кейт будет только рада компании. Фрэнсис все еще молчал, Филипп продолжил: — Не всю жизнь вам ждать совершеннолетия — всего четыре года осталось. Вы можете навещать ее и в Ипсдене — вряд ли герцог Глостер будет возражать, да и путь не такой уж далекий. Я не знаю еще, где он намерен устроиться — может, в Уэльсе, у него там большие владения. Так или иначе, это будет вдали от двора. По мне-то так лучше: я на всю жизнь сыт Вестминстером, хоть провел там всего два дня прошлым летом.

— Так, стало быть, вы, как и раньше, будете с Глостером? — равнодушно спросил Фрэнсис.

— До тех пор пока ему будет это нужно — разумеется. Надеюсь, правда, что мне удастся съездить в Уиллоуфорд заняться матушкиными делами. Кажется, в Лондоне я ему не очень нужен... — Тут Филипп замолчал. Ему снова вспомнился тот неприятный разговор в Тьюксбери. Правда, герцог был очень занят, поэтому, естественно, он был неразговорчив, но все же... Смутное подозрение, затаившееся где-то в глубине, теперь проснулось, и Филиппу стало не по себе. С необыкновенной ясностью ему вдруг открылось, что Ричард просто не хочет, чтобы он приезжал в Лондон.

Тяга в трубе усилилась. Одна свеча зашипела и погасла, выбросив облачко дыма. Филипп нагнулся, чтобы поправить фитиль, и в душе назвал себя дураком. Он явно засиделся без дела; дальше пойдут ночные видения и вообще черт знает что. Фрэнсис ничего не заметил. Помолчав немного, Филипп весело продолжал:

— Ну так что же, утром напишу Кейт. Уверен, что она сразу примчится, а ведь только Бог знает, как я соскучился по женской руке. Вы ведь наверняка сами захотите отвезти Анну в Ипсден?

Фрэнсис подошел к кровати, откинул балдахин и принялся готовить постель.

— С вашего разрешения, нет.

— Фрэнсис, вы должны. Жестоко оставлять ее одну в таком состоянии.

— Моя жена достаточно ясно дала понять, что одиночество ей милее моего общества, — коротко сказал Фрэнсис, — так что давайте больше не возвращаться к этому. — Он обошел кровать и тщательно взбил подушку. Вообще-то это должен был сделать Паркер, но его давно отпустили спать. На буфете горели свечи, Фрэнсис взял одну, поставил на сундук у постели и тщательно снял нагар с фитиля.

— Разумеется, я не могу заставить вас быть милосердным, — ровным голосом произнес Филипп. — К тому же вы,

кажется, так до конца и не осознали, что сегодня случилось. Мне остается только посочувствовать вашей жене, и уверен, что и дня не пройдет, как и вам станет ее жалко.

Их взгляды встретились. Фрэнсис молча отвернулся.

— Кузен, ваш слуга лег, — произнес он, — позвольте мне помочь вам?

Не говоря ни слова, Филипп разрешил ему снять с себя рубаху. Вслед за тем Фрэнсис поспешно разделся сам, задул огонь и улегся на дальний край кровати. “Тут с полдюжины человек могло бы поместиться”, — подумал Филипп, лежа рядом с Фрэнсисом. Какое-то время он не шевелился, чувствуя, что Фрэнсис не спит — слишком прерывисто дышит.

Постепенно тишину дома наполнили негромкие звуки ночи: звякнула, открывшись на ветру, оконная задвижка, где-то скрипнула доска, в саду слышалось стрекотанье сверчков. Луна скрылась за облаками.

Около полуночи Филипп услышал, как наверху открылась и тут же захлопнулась дверь, на лестнице послышались шаги. Шли минуты, и вот он уловил стук копыт где-то вдалеке. Судя по звуку, лошадь была одна. Хамфри Тэлбота никто не сопровождал...

Филипп страшно устал за день и уже начал погружаться сон, когда его словно что-то внезапно толкнуло. Он ничего не понял и стал поворачиваться на другой бок — при всех стараниях сделать это бесшумно ему не удалось. Филипп приподнялся на локте. Ничего необычного он не обнаружил. В темноте виднелась только спутанная грива темных волос и мирно лежавшая на руке голова кузена.

Глава 9

Филипп вышел на порог и осмотрелся. С раннего утра лил дождь, и булыжники, которыми был вымощен двор, были

похожи на острова в океане. Можно представить себе, во что превратились дороги. Филипп бросил через плечо:

— Что за отвратительное утро, Кейт. Может, отложим?

На пороге появилась, кутаясь в плащ, сестра Филиппа.

— Дождь может идти неделями, — резонно возразила она. — Нет, уж лучше поедем сегодня, как решили. Чем скорее Анна уедет отсюда, тем лучше. Тут ей, должно быть, весело, как в могиле, что, впрочем, и неудивительно.

Филипп с улыбкой посмотрел на нее. Годами она была вряд ли намного старше Фрэнсиса, но в ней уже угадывалась будущая госпожа Алиса.

— Большое тебе спасибо, сестра. Просто не представляю, как бы мы здесь справились без тебя.

Она покраснела и улыбнулась в ответ, затем, словно думая об одном и том же, брат и сестра перевели взгляд на середину двора, где Фрэнсис внимательно осматривал подкову коня. Еще несколько дней назад туда попал камень, и теперь надо было понять, насколько серьезно повреждение и как его устранить. Фрэнсис вытащил несколько соломинок из щетины, растущей за копытом.

Кейт заметила сквозь зубы:

— Право, головы бы им обоим поотрывала.

В этот момент открылась дверь, и в проеме появилась Анна.

Для нее уже была приготовлена карета, но Анна не двигалась с места, делая вид, будто никак не может завязать тесемки плаща. Фрэнсис выпрямился и отвернулся. С тех самых пор, как уехал Хамфри Тэлбот, они избегали друг друга, и вот теперь их взгляды скрестились, и в каждом была смесь любопытства, грусти и враждебности; оба хотели знать, каково приходится другому; в глазах застыл один и тот же вопрос, затаилось упрямое ожидание. В конце концов Анна отвернулась, импульсивное движение Фрэнсиса чуть запоздало. Он резко одернул самого себя и, не двигаясь, смотрел, как Анна садится в карету.

— Готовы? — холодно спросил он Филиппа и, не дожидаясь ответа, вскочил на коня. Филипп помог сестре устроиться поудобнее в седле, Грегори и Уилл заняли свои места в процессии, которую замыкали люди Глостера вместе со слугами Анны и Кейт. Когда Филипп во главе кавалькады подъезжал к воротам, Фрэнсис был уже далеко впереди, по разбитой дороге он почти доехал до речки, отделяющей родовые владения от скошенных лугов и домиков арендаторов.

Через обширные пастбища и лесистые участки строго на восток шла главная дорога к Оксфорду и Ипсдену. На север отвечлялась дорога, ведущая в Ковентри. Тут Филипп остановился попрощаться с сестрой. Он посмотрел на Фрэнсиса, но тот уже направил коня по северной дороге, и Филиппу оставалось только покачать головой:

— Бесполезно, Кейт. Я мог бы против воли затащить его в Ипсден, но это ничего бы не изменило.

— Его бы следовало выпороть хорошенько, — сказала Кейт, — и я с удовольствием сама бы занялась этим. Ну что ж, счастливо, Филипп. Приезжай почаще, не забывай. Помни, мы все тебя любим.

Он легонько поцеловал ее и пришпорил коня.

Если не торопиться, до Ковентри, где все еще стояла лагерем армия (об этом сообщал в письме Ричард), можно было добраться за два дня. Будь воля Фрэнсиса, он бы ехал вдвое быстрее, но Филипп не хотел торопиться, и его кузену пришлось приспособливаться к неспешному продвижению по невысоким, довольно пологим холмам. Порой ему все-таки удавалось приятно пощекотать свои обожженные нервы: найдя полузаросшую крутую тропинку, он пускал по ней коня и мчался с головокружительной скоростью и явным риском для себя сломать шею. Деревушки сменяли одна другую, постепенно сгустились сумерки. Они остановились на ночь в аббатстве: перекусили, выспались, а на рассвете снова отправились в путь. Дождь все еще лил как из ведра.

Ближе к полудню сквозь густые облака начало проби-

ваться солнце, и путники сбросили плащи. К вечеру они добрались до Ковентри. Там выяснилось, что король с братьями дня два назад уехал в Лондон. Было слишком поздно, чтобы сразу продолжать путь: они нашли ночлег неподалеку от городских ворот. Здесь же было кому позаботиться о лошадях. Фрэнсис разделил с кузеном молчаливую трапезу. Он пошел прогуляться по погруженному в сумерки городу и бродил по мощеным улицам до тех пор, пока вечерний удар гонга и собственная усталость не погнали его домой.

Постоялый двор, еще недавно такой шумный и полный народу, в этот поздний час был почти пуст. Филипп уже поднялся в отведенную им комнату, из общего зала внизу ушел последний кутила. Здесь оставалась только девушка. Она ворошила огонь в камине. Фрэнсис вспомнил, что именно она прислуживала им за ужином. У девушки были округлые руки с ямочками у запястий и на локтях, когда она наклонялась над огнем, грудь ее казалась еще пышнее. Девушка принесла Фрэнсису эля, улыбнулась и, казалось, ничуть не удивилась, когда он обнял ее за талию. Отставив кружку, Фрэнсис нащупал тесемки у нее на блузе. Прижавшись к его плечу, девушка прошептала: "Они все уже спят" — и кивнула в сторону темного коридора, ведущего на кухню. Фрэнсис потянулся за плащом, который повесил сохнуть у огня, и швырнул его на пол перед камином.

— Задуй свечку, малышка, огня и так хватает, — сказал он.

Дорога из Ковентри в Лондон вела на юго-восток через центральные графства и занимала трое суток. Последнюю ночь путники провели в гостинице аббатства Сен-Албанс, а наутро уже были в Лондоне. В городе было полно приезжих, Филиппу удалось найти жилище в небольшом домике на Темза-стрит. Планы Ричарда ему были неизвестны, да он не имел ничего против того, чтобы поболтаться в Вестминстере до тех пор, пока герцог сможет его принять.

Ближайшая пивная выглядела вполне симпатично, и Филипп со спутниками решили заглянуть туда. Потягивая эль, Филипп заметил, что после пятидневного путешествия верхом совсем неплохо было прокатиться на посудине, которая доставила их в Вестминстер. Паркер вслух поинтересовался, долго ли милорд Глостер заставит их ждать и успеют ли они вернуться засветло в Лондон. Услышав его, какой-то тощий сорванец, цеплявшийся за полу пальто пожилого господина, по виду торговца, остановил их у выхода из таверны и звонким голосом объявил, что, если им нужен Его Высочество герцог Глостер, в Вестминстере они его не найдут. Ему немедленно дали по рукам и велели придержать язык, но улыбка Филиппа подбодрила мальчишку, он высвободился из цепких рук своего спутника и рассказал все, что знал сам: герцог вчера вечером вернулся из Вестминстера в Лондон и в сопровождении большой группы господ отправился в Тауэр.

— Он прямо рядом со мной проехал, — похвастался сорванец, несколько разочарованный явным отсутствием интереса к своим словам: Филипп даже не убрал руку с дверной скобы и уже было ступил на тротуар. — С ним был милорд Гастингс и милорд Риверс и, кажется, сэръ Томас Грей... — Тут мальчик остановился и поглядел, словно в поисках поддержки, на своего спутника — судя по всему, это был его дед, — однако же тот не вымолвил ни слова. И вообще ему было явно не по себе, вмешиваться в разговор он не собирался. Мальчик запнулся, поглядывая поочередно тона Филиппа, то на Фрэнсиса, то на Уилла; затем, найдя как будто объяснение равнодушию Филиппа, осторожно добавил: — Разумеется, это была не такая роскошная процессия, как у короля, когда он проезжал утром по городу. С ним была целая армия. Впереди милорд Глостер, за ним король вместе с милордом Гастингсом и милордом Кларенсом. А в карете ехала Француженка. — Мальчишка прямо-таки расцвел при этом воспомина-

нии. — Король был очень весел, а милорд Глостер едва улыбался, а милорд Кларенс выглядел совсем кисло, как... как зеленое яблоко. Говорят, он поругался с герцогом Глостером, потому что милорд Глостер собирается жениться на дочери милорда Уорвика, бывшей жене принца Ланкастера, а милорд Кларенс говорит, что не бывать этому, он этого ни в коем случае не допустит.

— Кларенс не допустит? — удивленно прервал эту горячую речь Фрэнсис. — А какое, собственно, дело герцогу Кларенсу до Анны Невил?

Мальчик укоризненно посмотрел на него:

— Ну как же, сэр, ведь он женат на ее сестре, а графиню Уорвик сослали в монастырь, и все ее имущество осталось дочерям. Долю своей жены милорд Кларенс уже получил, а теперь нацелился и на наследство леди Анны, так, чтобы все ему досталось.

— Очень на него похоже, — с отвращением заметил Фрэнсис. — Право же, Филипп, сколько еще король будет терпеть его? Хорошенькое дело! С Ланкастерами наконец покончили, а тут родной брат собственной персоной.

Филипп никак не откликнулся на эту реплику — услышав о поездке Ричарда в Тауэр в окружении столь пестрой компании, он совершенно отвлекся от болтовни мальчишки. Филипп считал, что Ричард ни за что на свете не должен был оказаться в таком окружении без короля. Всех их соединяло одно — они были членами тайного совета Эдуарда.

Ни на кого не глядя, Филипп поспешно вышел на улицу. Трейнор возвращался с постоянного двора, где оставил под присмотром лошадей и поклажу. Словно со стороны, Филипп услышал собственный голос и удивился тому, что говорит ровно и бесстрастно. Он велел Трейнору оседлать лошадь. Наступило ожидание, бесцветное, как сумерки. Увидев, что слуга ведет не только его лошадь, но и лошадь Фрэнсиса, Филипп не удивился и не возразил.

Темза-стрит шла вдоль реки. По обе стороны улицы теснились лавки и склады, и лишь изредка возникали меж ними высокие ворота, за которыми скрывались особняки состоятельных людей. Дальним своим концом улица упиралась в отвесные стены и острые башни Тауэра.

Услышав имя герцога Глостера, стражники открыли ворота, Филипп и Фрэнсис проехали внешний мост. Дальше шли ворота за воротами — Средняя башня, Боковая башня, справа — башня Святого Фомы, поднимающаяся как бы из воды, холодно плещущейся у ее подножия, Уэйкфилдская башня, за ней — королевский дворец и, наконец, Садовая башня. Все они были окружены мощными крепостными валами, везде стояла бдительная стража. Впрочем, если тебя знают, проходить легко. Вот выходить — совсем другое дело. Не прошло и нескольких минут, как они очутились подле ослепительно белых стен внутренней башни.

У южной стены наверх вела лестница. Филипп быстро направился к ней и уже миновал было первый пролет, когда наверху открылась дверь и в проеме появился сэр Томас Грей. Весь благоухая дорогими духами, смеясь, он о чем-то переговаривался со своим дядей Риверсом, шедшим прямо за ним. Резко остановившись, Филипп поспешно спустился и бросился к ступенькам, ведущим в ближайшую башенку. Филипп вел себя так, будто за ним была погоня. Фрэнсис следовал за ним по пятам. То останавливаясь, то снова трогаясь, они добрались наконец до полутемного перехода, который, опоясывая стену, вел от башни к башне.

Здесь Филипп в первый раз по-настоящему заколебался. Инстинктивное желание избежать встречи с Греем и Риверсом привело его в совершенно незнакомую часть Тауэра, и теперь он растерянно оглядывался, стараясь определить собственное местонахождение. Тут что-то привлекло его внимание. Издали доносилось негромкое пение.

Стараясь идти медленно и как можно тише — каблучки

предательски цокали по камням, — Филипп двинулся вперед. Голоса зазвучали громче и отчетливее. Вскоре молодые люди очутились у входа в длинную галерею, нависавшую над часовней Святого Иоанна. Остановившись между колоннами, они заглянули вниз. Сквозь витражи с трудом пробивалось солнце, при свечах тени на полу становились бледнее, серебряные украшения ярче, а коричневое одеяние святого приобретало золотистый оттенок. Окружив гроб, несколько священников распевали псалмы. Тело было завернуто в расшитый покров, но лицо оставалось непокрытым: мраморная неподвижность, растрепанные седеющие волосы, запавшие щеки, заострившийся подбородок...

Его короновали еще в колыбели. Имя его отца приводило в трепет всю Францию. А он выпустил из своих слабых рук все завоеванное отцом. Граф Уорвик сначала выставил его в Лондоне на потеху толпе, а потом задумал снова вернуть на трон. Грустные, всегда удивленные глаза, которыми он наивно взирал на мир, сейчас были закрыты. О лучшем сне, подумал Филипп, Генри Ланкастер и мечтать не мог.

В переходе раздались шаги. Кто-то вышел из-за угла, посмотрел в их сторону, подошел и резко бросил:

— Стало быть, вы вернулись, Филипп? А мы и не ожидали вас так скоро, похоже, в Глостершире вы пробыли совсем недолго.

— Как и вы в Ковентри, насколько я понимаю. — Филипп словно и не заметил протянутой руки. — Когда он был убит, Роб?

— Убит? — Перси удивленно поднял брови. — Мне говорили, что он умер — якобы от тоски. В сложившихся обстоятельствах в общем-то можно поверить, как вы думаете?

— Во имя всего святого, вы что, за дурака меня принимаете? — Все даже вздрогнули, настолько яростно заговорил Филипп. — Три недели назад в Тьюксбери убили его сына; не далее как вчера его жена участвовала в триум-

фальном шествии короля Эдуарда, и сейчас она наверняка где-нибудь в этих стенах, — и тут-то как раз Генри Ланкастер, уже не король более, умирает, не забыв заранее оповестить о своих планах коменданта Тауэра, чтобы король успел послать своих ближайших советников на траурную церемонию. Бог ты мой, да весь Лондон знает, что вчера здесь были Глостер, Гастингс и Риверс. Думаете, я такой же слабоумный, как бедняга Ланкастер?

— Я повторяю лишь то, что слышал, — холодно возразил Перси. — И на вашем месте, Филипп, я бы не стал так горячиться. Теперь, когда герцог Глостер в такой сиде, вы высоко взлетели; смотрите, могут найтись завистники. — Перси остановился, стараясь твердо выдержать взгляд Филиппа, но в конце концов все же отвел глаза. — Вы что, собираетесь переделать мир? Не видели, как другие кончают? Он оставался жив, пока во Франции жил его сын и наследник. Теперь принц умер, и случилось то, что должно было случиться, — за днем всегда следует ночь. Не хотите же вы сказать, что это для вас неожиданность?

— Неожиданность?! — яростно повторил Филипп. — Неожиданность то, что в этом принимал участие Глостер.

— Да верите ли вы в это сами, Филипп? — проговорил Перси, пожимая плечами. — Как он мог остаться в стороне? Вчера в Вестминстере король собрал совет, на котором присутствовал и герцог Глостер. Что бы там ни было решено, именно в его обязанности входит довести королевский приказ до коменданта Тауэра. Откажись он, всегда найдется другой. Стало быть, прощай, Ланкастер. — Помолчав немного, Перси продолжал уже другим тоном: — Бросьте, Филипп, все должно идти своим чередом. И стоит ли так убиваться из-за Глостера и его совести? Вы же ему не...

Но Филипп уже удалился. Было слышно, как шаги его замирают в конце перехода. Фрэнсис было тронулся за ним, но Перси взял его за локоть:

— Погодите. Пусть немного побудет один, сейчас с ним нет никакого смысла разговаривать. — Прищурившись, он посмотрел на молодого человека. — Ну так как, мой юный Фрэнсис? Вид у вас весьма задумчивый. Вы тоже возмущены поведением Йорков?

— Нет, почему же? — холодно отозвался Фрэнсис. — Это не мое дело. Кто я такой, чтобы указывать королю, как ему поступать.

— Весьма разумно. — Перси обежал глазами галерею. — Ладно, мне надо идти. Там, внизу, ищут Глостера, к нему прибыл гонец из Вестминстера. Кто-то из свиты Гастингса сказал, что герцог здесь. Но этот дурак, видно, спит на ходу. Идете?

Кинув вниз последний взгляд, Фрэнсис последовал за Перси. В часовне происходило какое-то движение. Открылась дверь, и на пороге показалось несколько солдат. Начальник прошептал что-то на ухо одному из священников, и тут же солдаты выступили вперед, окружив гроб. Четверо подняли его на руки, за гробом последовали священники.

Как только закончилось отпевание, в дальнем конце галереи, где тень была особенно густой, что-то неожиданно сверкнуло. Полускрытый в сводчатом проходе, Ричард прислонился к колонне, сложив на груди руки, и луч солнца на секунду ярко преломился в кольцах его большой цепи. Глубоко погруженный в свои мысли, он не слышал, что, помимо надгробной молитвы, здесь звучали и другие слова, а потому не заметил и того, что они стихли. Ричард стоял неподвижно и не отрывал взгляда от часовни. При пламени свечей изразцовая мозаика пола казалась почти такой же красочной, как и роскошные гобелены, украшавшие стены галереи. Ничто не изменилось с тех пор, как он провел здесь ритуальную ночь в ожидании посвящения в рыцари. Все та же позолоченная скамья — здесь возносят молитву монархи; все те же яркие многоцветные витражи, от которых ему так труд-

но было отвести взгляд, когда, стоя на коленях и сохраняя торжественный вид, он повторял про себя ночью рыцарскую клятву:

— Ты будешь превыше всего чтить Бога. Ты будешь крепок в вере в Христа. Ты будешь любить короля, своего сюзерена...

Все это было ровно полжизни назад. Эдуард только несколько месяцев как короновался. Имя Уорвика гремело по всей Европе, он считался мечом и щитом Йорков. А Генри Ланкастер влачил где-то на севере жалкое существование изгнанника — невинный символ проигранного дела, ущербная луна, отраженный свет ослепительного солнца Йорков.

Все опустело, пение замерло вдали. Лишь зеленый огонек изумруда упрямо горел на руке лорда-констебля. Какими туманными тропами, через какие чащи сомнений и колебаний прошел он свой путь?

— Милорд... — откуда-то сзади неслышно подошел оруженосец.

— Да, в чем дело?

— Посыльный из Вестминстера. Говорит, что очень срочно.

— Иду.

Он повернулся, и на плечо ему упал яркий свет свечи — на алом бархатном рукаве четко обозначился вышитый золотом девиз: "Zoyanti me lie". Герцог поспешно вышел из галереи.

Поздно вечером при свете факелов тело Генри Ланкастера пронесли через весь Лондон в собор Святого Павла. Его положили в королевскую усыпальницу, вокруг гроба горели свечи, в собор нескончаемым потоком текли люди. Они входили, смотрели, выходили и тихо перешептывались.

Король Эдуард допоздна пировал в Вестминстере, но брата его на том пиру не было. Один из верных Ланкастерам офицеров, по имени Фоконберг, задержанный при попытке ар-

тиллерийского обстрела города, бежал в Сэндвич, где его ждал корабль, и уже к ночи герцог Глостер, спешно собрав отряд лучников, бросился в погоню.

Глава 10

В комнате воцарилась тяжелая тишина, которая обычно сопровождает чувство полного разочарования. Гробовое молчание присутствующих последовало как безмолвный протест против не произнесенного вслух приказа. Окна не были зашторены, и в комнате словно отражалась бездонная голубизна неба. Здесь были двое — тот, что помоложе, выглянул в окно, повернувшись в профиль к собеседнику, лениво развалившемуся в кресле у стола.

— Стало быть, ты сделал все, что мог? — Эдуард вздохнул и посмотрел на брата. Тот плотно сжал губы.

— Да. Но ты же знаешь Джорджа. С ним всегда просто, а герцогиня Уорвик была богатой женщиной. По своей воле он от Анны Невил не откажется. — Вновь возникло произнесенное требование, и вновь оно упало в пустоту.

— А как насчет девушки? Ты ее видел?

— Кого, Нэн? Да, даже дважды. Хотя это было и нелегко. Джордж окружил ее своими клеветами, так что наедине никак невозможно было поговорить. Но я знаю, что обращается он с ней не лучшим образом.

— Не трудно догадаться, — коротко заметил Эдуард. — Помимо всего прочего, ему, надо полагать, не терпится получить свою лондонскую долю, а тут еще ты под ногами болтаешься. Представляю себе, каково ему было, когда ты так быстро вернулся из Сэндвича. Рискну заметить, Кларенс желал Фоконбергу большей удачи. — Король язвительно усмехнулся. — А ведь как славно все могло получиться! Ты хорошо поработал, Дикон.

Ричард пожал плечами.

— Я еще и не добрался до него, а он уже был готов поднять лапки кверху. Будем надеяться, что и шотландцы окажутся такими же покладистыми.

— А-а, Джейми Стюарт совершенно безвреден, — беззаботно сказал Эдуард. — Есть там, правда, любители помутить воду, эта публика в основном на границе живет, но стоит тебе вытеснить их на тот берег Твида, как юный Джеймс будет только рад — ему же спокойнее. — Король сдвинул брови и добавил: — Ты что, действительно берешь с собой Фоконберга?

— А что, он хороший вояка, — откликнулся Ричард. — И к тому же ему не терпится выказать свою признательность за то, что в Сэндвиче ему сохранили шкуру. Я буду присматривать за ним. — Ричард снова высунулся в окно и поглядел на белые бурунчики, вскипавшие у опор Лондонского моста. За ним виднелись четкие контуры башен Тауэра, врезавшихся в небо. — Да, с твоего разрешения, я хотел бы взять с собой и Фрэнсиса Ловела. Я прослежу за тем, чтобы его обязанности не выходили за рамки обычной работы оруженосца. — Ричард тонко улыбнулся, а король только головой покачал.

— Завидую твоему оптимизму. Разумеется, если хочешь, бери Фрэнсиса, в твои опекунские дела я вмешиваться не собираюсь. Вообще-то ты вроде в Ловелах недостатка не испытываешь. У тебя что, какие-то особенные связи с этой семьей?

Эдуард раздавил орех, треск лопнувшей скорлупы как-то особенно резко прозвучал во внезапно наступившей тишине. Помедлив секунду, Ричард подошел к столу и налил себе немного красного вина.

— Ты имеешь в виду Филиппа Ловела? Его со мной не будет. Он был тяжело ранен в Барнете, ему и уздечку еще в руках держать трудно. Полагаю, он сейчас дома, в Оксфорд-

шире. — Ричард отхлебнул немного вина и, поморщившись, отставил стакан. — Не понимаю, как ты можешь пить эту гадость — уж лучше мед ложками глотать. Нед... — Ричард посмотрел брату прямо в глаза. — Перед отъездом в Шотландию я хотел бы еще раз переговорить с Кларенсом. Могу я сказать ему, что Анну ты обещал мне? — Эдуард промолчал, барабанил пальцами по столу, и Ричард настойчиво повторил: — Могу? — И, едва сдерживаясь, добавил: — Разве я хоть когда-нибудь обращался к тебе с просьбами?

— Лучше бы ты попросил о чем-нибудь другом, — мрачно бросил Эдуард. — Послушай, Дикон, что, в Англии, да в целой Европе нет других женщин? Почему, во имя всего святого, тебе понадобилась именно Анна Невил?

— А почему нет?

Дальше Эдуард уже не мог отмалчиваться и сердито ответил:

— А потому, что вы с Джорджем в конце концов перегрызете друг другу глотки, а этого я допустить не могу. Да, он зануда и любитель помутить воду, но пока мне удается держать его в узде. И не хотелось бы давать ему лишних поводов для недовольства. Если ему мало наследства жены и нужны еще деньги Анны Невил, пусть себе. Ты так и так внакладе не останешься.

— Плевать я хотел на деньги! Мне нужна Нэн!

Эдуард, не ожидавший, похоже, такой реакции, внимательно посмотрел на брата.

— Ах вот оно в чем дело, — протянул он и снова умолк, соображая что-то и покусывая губы. — Этого только не хватало, влюбился, видите ли, как мальчишка. Ладно, Дикон, я потолкую с ним. Может, чего-нибудь и придумаем. — Эдуард неожиданно ухмыльнулся. — Только не думай, будто я скажу ему, что ты не претендуешь на свою долю наследства. Тогда уж он точно вцепится тебе в горло.

Ричард едва улыбнулся — словно луч солнца коснулся серебристой поверхности воды.

— Во всяком случае, с ним можно поторговаться, — заговорил он. — Последнее слово за тобой. Помни только, что меня интересует одна только Нэн. В крайнем случае, можно предложить ему отступного — сколько он там хочет? Спасибо тебе большое, Нед, я не забуду твою щедрость.

— Не знаю, кто научил тебя такому великолепному презрению к деньгам, неплохо бы Джорджу позаимствовать у тебя хотя бы часть его. Уже уезжаешь? — спросил Эдуард, увидев, что Ричард поднимается.

— С твоего разрешения. В Вестминстер я с тобой сегодня не поеду, нужно еще многое сделать перед походом, в Лондоне заниматься этим сподручнее. Я приискиваю себе дом в городе, хочу поселиться здесь после возвращения из Шотландии. В районе Бишопсгейт есть неплохое местечко, надо только, чтобы строитель не подвел.

— Смотри-ка, а я и не знал, что ты такой любитель домашнего очага. Полагаю, еще рано спрашивать, что думает на этот счет Анна Невил?

— Пожалуй, да, — не стал распространяться Ричард и, осящая на себе насмешливый взгляд брата, удалился.

В Шотландию Ричард уехал в июне, к середине месяца достиг Йорка, а еще через несколько дней — границы. Там он обнаружил, что шотландцы так и не покинули пепелища, оставленного войной в пустошах севера. Граф Нортумберленд, вместо того чтобы собрать мародеров в кучу и отправить их по домам, всю свою энергию тратил на посулы будущего вознаграждения: слов и крика было много, дела — почти никакого. Ричард выслушал доклад и послал к милорду Нортумберленду гонца с приказанием явиться к нему. Разговор был недолгий, граф выскочил из палатки Ричарда, кипя от возмущения. Вскоре после этого он в крайне подавленном состоянии отправился домой, в Альвик, ностальги-

чески вспоминая свою первую встречу с Ричардом Плантагенетом. Ему и так было не по себе, а тут еще ждало новое разочарование: ясно стало, что лорды, некогда жаждавшие его лидерства, теперь уже не толпились в передней. Все они двинулись в сторону Миддлхэма, где над высокой башней развевались знамена с леопардами и лилиями — символами Плантагенетов.

Король Эдуард провел приятное лето, постоянно курсируя между своими дворцами в Гринвиче и Шене. У него появилась новая очаровательная любовница, жена опять была беременна, дочери и младенец здоровы и благополучны. Однажды в Гринвич был призван герцог Кларенс. Он возвращался в Лондон явно в дурном настроении. В августе пришло пространное письмо от шотландского короля: он приносил извинения за поведение своих подданных и предлагал поговорить о тех расхождениях, которые привели к нарушению мира. Тон послания Джеймса Стюарта был какой-то извиняющийся, и, читая его, Эдуард довольно улыбался: Ричард явно не терял времени даром. Чуть позже пришло короткое письмо от самого Ричарда, где говорилось, что шотландцы разошлись по домам и не выказывают никаких воинственных намерений. Далее следовала небольшая приписка: Фоконберг, быстро позабывший выказанное ему в Сэндвиче милосердие, попытался перейти на сторону шотландцев и был казнен.

Ричард вернулся из Шотландии в сентябре и, быстро представив Эдуарду отчет, на следующее же утро отправился в Лондон. Его появление в Эрбе не стало неожиданностью для герцога Кларенса, более того, у него было несколько недель, чтобы подготовиться к этому визиту. Небрежно развалившись на диване в огромном зале дома, принадлежавшего некогда графу Уорвику, Кларенс без экивоков заявил, что мадам его свояченица, но, несмотря на свои юные годы и неприятности, она не находится далее под его, Кларенса, опекой. Это печально, но король сказал свое слово. В соответ-

ствии с этим мадам оставила его дом, и, где она сейчас может находиться, Кларенсу неизвестно.

Ричард молча выслушал это сообщение и, столкнувшись с невозмутимо-насмешливым взглядом, непроизвольно сжал кулаки. Его суровые спутники сомкнулись за спиной хозяина. Ричард бросил через плечо:

— Господа, у нас ведь с собой много людей. Пусть общут дом.

Кларенс, с которого разом сошло ироничное благодушие, в ярости вскочил на ноги, но Ричард сильным толчком отправил его на место. С минуту они мерили друг друга взглядами, при этом Ричард не ослабил хватки и буквально пригвоздил Кларенса к спинке дивана. Тяжело дыша, тот прошипел:

— Смотри, Глостер, не зарывайся, во имя памяти отца...

В ответ Ричард тихо и ровно сказал:

— Помолчи, Джордж, тебе же лучше будет, скажи еще спасибо, что эта память для меня свята.

В Эрбе было полно слуг, но хозяин почему-то и не подумал их звать. Дрожая от бессильной ярости, он молча сидел в зале, пока люди герцога Глостера методично прочесывали дом, вспугивая поварят на кухне и не стесняясь заглядывая в гардеробы на женской половине. Но все было бесполезно — Анны Невил не было нигде.

Только убедившись в этом окончательно, Ричард отпустил брата. Набросив плащ, он произнес ровным голосом:

— Что ж, поищем в других местах. — Ричард перевел взгляд на Кларенса, его голубые глаза совсем потухли, а челюсти непроизвольно сжались. — Смотри, Джордж, если ты только что-нибудь сделал ей...

— Ничего я ей не сделал и повторяю, не знаю, где она, — хрипло ответил Кларенс. — Ищи ее где хочешь, мне-то какое дело; пусть твоя любовница хоть в ночлежке найдется.

Но Ричард уже повернулся. Вслед за ним к выходу потянулись его люди.

Под звон полуденных колоколов с полдюжины вооруженных отрядов скакали в различные поместья герцога Кларенса. Иных не было две недели — достаточный срок, чтобы достать кого угодно даже из-под земли. Люди Кларенса не оказывали ни малейшего сопротивления воинам Глостера. Для них беспрекословно опускали мосты, по их команде моментально открывали ворота, и тем не менее гонцы один за другим возвращались в Лондон с пустыми руками.

Приехав в Вестминстер, Ричард попросил Эдуарда дать Кларенсу распоряжение, однако получил отказ, после которого бессмысленно было на чем-либо настаивать и чего-либо добиваться.

— Нет, Дикон, этого я не сделаю. Иначе — надо готовиться к войне. Ведь ты же знаешь Джорджа не хуже моего: он не сдастся, он будет бороться. И к тому же — в чем его можно обвинить? Потерпи немного. Ведь он на то и рассчитывает, что тебе надоест искать и ты женишься на ком-нибудь другом; но у тебя больше выдержки, чем у Джорджа. Не может же он вечно прятать ее.

— Нет, ну и что с того? Ты же сам всегда говорил, какой он безответственный.

— И именно поэтому, если я нажму на Кларенса сейчас, может получиться как раз то, чего ты так опасаясь. А если дать ему возможность понять, насколько бессмысленно... — Жалея брата, Эдуард отвернулся, чтобы не видеть его удрученного лица. — Честное слово, не думаю, чтобы он позволил себе что-нибудь лишнее. Право, Дикон, потерпи еще немного.

Вдоль Темзы дули холодные ветры, деревья пожелтели. По Эрбе беспрепятственно шныряли какие-то люди, оставляя следы своего пребывания, они уходили так же незаметно, как и появлялись. У всех домов, где жили друзья герцога Кларенса, была расставлена стража.

Давно прошел День всех святых, и сегодня в Вестмин-

стере отмечали день святого Мартина. Через ломящийся от яств стол Кларенс с иронией поглядывал на Ричарда. Вскоре после этой встречи Ричард переехал в лондонский дом своей матери: она вела теперь по преимуществу затворнический образ жизни в Бэркемстеде и написала младшему сыну, что он может жить в ее лондонском замке сколько пожелает.

В середине ноября Роберт Перси, задержавшийся в Йоркшире после завершения шотландской кампании, вернулся в Лондон. Покрытый грязью с головы до пят, он очутился в прихожей герцогского дома как раз когда заканчивался ужин; обменявшись приветствиями с друзьями, он присел рядом с Фрэнсисом и заметил:

— Право, приятно посидеть на чем-нибудь, что не движется. А то я с утра на лошади. Герцог уже лег? — Он кивнул в сторону спальни, дверь в которую была плотно закрыта.

Фрэнсис, немного отодвинувшись, чтобы дать место товарищу, и осторожно кладя на пол лютню, на которой рассеянно наигрывал, ответил:

— Вряд ли. Он там теперь часто вечерами сидит совершенно один.

Перси не удивился.

— Да я уж слышал. Сукин сын этот Его Высочество. Братец называется. — Он беспокойно обежал прихожую глазами: — Странно, что Филиппа здесь нет, ведь он два года буквально не отходил от Глостера. Вы слышали что-нибудь о нем?

— Нет. С того самого дня, как мы вместе оказались в Тауэре, о нем ни слуху ни духу. Может, он что и написал герцогу, но мне ничего не просил передать.

— Думаете, написал? — с сомнением спросил Перси. — Ладно, забудьте об этом, Фрэнсис. Что бы там ни было, Филипп, чума его раздери, на нашей стороне.

Он отошел, перекинулся парой слов с друзьями и на какое-то время исчез, затем появился снова и объявил, что уходит. Перси сменил запыленную от долгой скачки одежду, вымылся, на шляпе его сверкала яркая брошь. Фрэнсис задумчиво посмотрел на него, едва не поддавшись соблазну попроситься к нему в компанию. Угадав его мысли, Перси улыбнулся и покачал головой:

— Нет, нет, мой юный Фрэнсис, сегодня я вас с собой не беру. Герцогу бы это не понравилось. Отправляйтесь-ка в свою постель праведника и помолитесь за нас, грешников.

Соображая, что бы такое достойное ответить на эту тираду, Фрэнсис не обратил внимания на то, что всегда общительный и компанейский Перси на сей раз отверг всех и ушел один.

Дорога до места, куда он направился, заняла десять минут и пролегла через шумные улицы, сплошь утыканные лавками, складами, тавернами и открытыми рынками. К многочисленным прохожим приставали проститутки и нищие, по проулкам шныряли карманники, однако Перси шагал вполне беззаботно, наслаждаясь уличным гомоном после столь долгого отшельничества на севере. Миновав собор Святого Павла, он повернул на Ньюгейт-стрит, остановился подле какой-то грязной таверны, поднялся на несколько ступенек и с порога внимательно осмотрел переполненный зал. У дальней стойки он заметил мужчину в короткой кожаной куртке. Их взгляды встретились поверх голов многочисленных клиентов, Перси стал пробиваться к нему.

— Стало быть, вы здесь, — сказал он со вздохом облегчения. — А то я не был уверен. Правда, Фрэнсиса на всякий случай не стал брать с собой. Поскольку вы ему не писали, были, наверное, причины не желать встречи с ним.

— Причина одна, но достаточно веская, вам не кажется? — Убрав ноги с подоконника, Филипп соскочил на пол и кивком указал на свободное место. — Ведь он оруженосец

Глостера, и, надо полагать, ему было бы непросто объяснять мои появления и исчезновения.

— Н-да, нельзя сказать, чтобы вы были особо высокого мнения о его дипломатических способностях. Ладно, вам виднее. — Перси немного помолчал, внимательно глядя на собеседника. — Стало быть, вы вернулись, Филипп?

— Да. Спасибо, что написали, Роб, а то уж я вовсе забыл вас. Правда, я бы и так появился. Куда мне деться?

— Ну что же, рад вас видеть, — просто сказал Перси. Скрестив ноги и потягивая эль, он не сводил глаз с Филиппа. — Странствия по пустыне, если позволительно будет так выразиться, пошли вам на пользу. С плечом как будто все в порядке, верно? Чем вы вообще все это время занимались?

Филипп улыбнулся и сделал большой глоток.

— Скорее уж мне следовало бы задать этот вопрос вам. Ведь насколько я понимаю, лето у вас выдалось нелегкое.

— Да по-всякому случалось. Фрэнсис, например, наслаждался жизнью. Ну а теперь, если бы не Кларенс, мы бы все вообще разленились. Впрочем, еще пара недель, и дорога ему прямо в ад, если только я правильно понимаю Глостера.

— Невелика потеря, — коротко заметил Филипп.

Слова его почти потонули в грохоте посуды. Крепко сбита подавальщица, споткнулась и растянулась во весь рост. Публика загоготала. Клиент, облитый горячим соусом, выругался и ударил девушку. Из кухни кто-то завопил, чтобы привели ленивую шлюху — надо быстрее вытереть пол, пока все не захлебнулись в этой жиже. Филипп с любопытством обернулся. Глядя на его профиль, Перси подивился, как это он, так хорошо загорев за лето, умудрился сильно постареть. Подавальщица торопливо очищала костюм грубияна от жирных пятен. Встретившись взглядом с Перси, она вспыхнула и смущенно улыбнулась. От Филиппа это не ускользнуло, и он спросил:

— Вы что, и здесь тоже бываете? Вроде я вас тут раньше не видел.

— Да так, заскакивал пару раз. Был тут один капитан лучников, так он чуть горло кому-то не перегрыз, лишь бы заполучить первым эту дурочку Бесси. Впрочем, и он сам дурак хороший. Куда бы она делась? Надо было только немного подождать. — Из кухни донесся очередной взрыв возбужденных голосов. Перси ухитрился обнять за талию проходившую мимо Бесси. — Что за шум, малышка? И вообще, в чем дело? Все слуги разбежались, и ты осталась одна?

Раздался традиционный вечерний выстрел пушки, все потянулись к выходу. Когда шум смолк, из кухни стали доноситься ругательства и звуки ударов. Весело хихикая, Бесси удобно устроилась у Перси на коленях.

— Это шлюшка снизу, — пояснила она, — уронила кастрюлю с супом, ну и повар задает ей жару.

— Да ладно, тебе-то что за дело, — рассеянно сказал Перси, поглаживая её ляжку. — Следующий раз будет аккуратнее.

В коридоре послышался шум, и в комнату влетела растрепанная девочка. Опередив на длину вытянутой руки своего преследователя, она поскользнулась и растянулась на полу. Запыхавшийся повар снова принялся за дело, используя в качестве инструмента порки большую поварешку. Полностью поглощенный Бесси, Перси не обращал на происходящее ни малейшего внимания, но Филипп обернулся, живо поднялся на ноги и, направляясь к месту экзекуции, проговорил:

— Достаточно, ради Бога. Вы что, убить ее собираетесь за несчастную кастрюлю супа?

Обозленный посторонним вмешательством, повар круто повернулся:

— Ну конечно, вам легко говорить. А что будут есть постояльцы? Целый бачок пошел псу под хвост, и все из-за

этой безмозглой курицы, которая и живет-то здесь только по милости хозяина. И только и знает, что хныкать. Ума ни на грош, и такую дуру посылают, прости Господи, работать на кухне честного человека...

— Если она и впрямь такая простушка, то не ругаться, а жалеть ее нужно, -- резко перебил его Филипп. — Ладно, хватит. Вы и так изрядно потрудились. Даже больше чем достаточно, — добавил он, бросив беглый взгляд на согнувшуюся фигурку прямо у себя под ногами. Не решаясь продолжать свое дело дальше, повар потоптался на месте, презрительно пожал плечами и пошел на кухню.

Филипп рассеянно посмотрел на девушку. Из-под юбки виднелись сильно распухшие, все в крови ноги — непонятно даже, как она могла бежать. Девушка была старше, чем показалась с первого взгляда, — лет пятнадцать, наверное. Когда же Филипп склонился над ней, она съежилась и застыла. Понятно, чего она боялась.

— Я не сделаю тебе ничего дурного, — мягко сказал Филипп. — Мне просто хотелось посмотреть на твои ноги, они все так и горят.

Он стал прикидывать, чем можно ей помочь. Пиявок в таком районе и в такой час, конечно, не найдешь. Тут ему вспомнилось, что по пути сюда он проходил мимо женского монастыря. Пожалуй, сестры помогут ей, наверное, и переночевать разрешат где-нибудь на кухне.

Опустив руки, девушка боязливо посмотрела на Филиппа. Она походила на зверька, попавшего в ловушку. Да, именно на раненого зверька, готового при первой же возможности сорваться с места и убежать. Отчаяние застыло у нее в глазах. Эта девушка ни в коей мере не походила на тот образ, который пытались создать повар и Бесси. По всему было видно, что жизнь у нее нелегкая. Встав, Филипп подошел к ближайшему буфету. Вина там не было видно, но он помнил, что подавальщица доставала что-то

оттуда. Выломав ударом кулака дверцу, он достал бутылку, встряхнул ее как следует, влил содержимое в чашку и вернулся к девушке.

— Выпей-ка. В кухне ничего не найдется, чем можно смазать ноги? Мед, или подсолнечное масло, или яичный желток?

Лицо девушки искривилось от боли. Не замечая предложенной чашки, она протянула Филиппу руки.

— Ради Бога, — прошептала она. — Ради Бога, пожалуйста, помогите мне. — Больше девушка не произнесла ни слова. Губы ее посерели, она внезапно упала, потеряв сознание. стакан с вином опрокинулся, по щеке поползла красная струйка.

Филипп молча склонился над ней, вглядываясь в исхудавшее лицо. Его удивил голос девушки: безграмотные кухарки так не говорят. Правда, промелькнуло в голове Филиппа, она могла усвоить эту интонацию, работая в каком-нибудь богатом доме. Он склонился еще ниже и поднял упавшую на висок прядь волос.

Удивленный внезапно наступившей тишиной, Перси оторвался от своих развлечений и пошутил грубовато:

— Эй, Филипп, вы там не очень старайтесь, оставьте и на мою долю что-нибудь.

Филипп пропустил это упражнение в остроумии мимо ушей. Опустившись рядом с девушкой на колени, он сказал хриплым голосом:

— Роб, можно вас на минуту?

— А что мне там делать? — беззаботно откликнулся Перси, но, услышав, как Филипп вполголоса выругался, неохотно поднялся на ноги. — Знаете, если вы все время будете стараться исправить мир... — Ворча, он высвободился из цепких объятий Бесси, дав ей напоследок увесистый шлепок. — Вы и так спасли ее от трепки, которую она бы надолго запомнила. Что же еще?

— Роб, — Филипп обернулся и пристально посмотрел на товарища, — вы были в Миддлхэме после меня. Я уже семь лет как ее не видел, но если это только не сон, перед нами Анна Невил.

Наступило молчание. Перси изумленно воззрился на Филиппа, потом перевел взгляд на девушку.

— Вы бредите.

— Не думаю. — Филипп отодвинулся так, чтобы на лицо девушки падало побольше света. — Посмотрите-ка получше. Ведь это же чистая копия графа Уорвика, она всегда была на него необыкновенно похожа.

Смущенный уверенным тоном Филиппа, Перси нетерпеливо склонился над девушкой, вглядываясь в орлиные черты лица и темные волосы. Выражение у него разом изменилось.

— Теперь убедились? — настойчиво спросил Филипп.

— Она иногда появлялась в Вестминстере, когда я там был с Глостером, — неуверенно заговорил Перси. — Конечно, это было два или три года назад, но... Дочь Уорвика! В этом клоповнике! Право, Глостер кому угодно глотку за это пережежет.

Филипп поднял обмякшее тело на руки.

— Ну-ка, Роб, давайте положим ее где-нибудь. Снимайте плащ, используем его как одеяло, а мой — под голову.

— Но как это могло случиться! — воскликнул Филипп, поспешно расстелив плащ. — Ведь в Лондоне любой поваренок знает, что Глостер ищет ее. А она сама почему молчала?

— Может, и говорила, да никто не поверил. Не забывайте, ее привезли сюда, когда никому и в голову не приходило, что ее нет в Эрбе. Хозяин-то, конечно, должен быть в курсе дела, но что касается остальных — вы же слышали, что сказала Бесси. Ее просто сочли безумной. При таком обращении удивительно, что она и впрямь не сошла с ума.

Скатав свой плащ, Филипп подложил его девушке под голову, а вместо одеяла набросил плащ Перси. Огонь погас, в комнате становилось все холоднее, а на девушке была только драная рабочая кофта. Не приходя в сознание, она вздрогнула при прикосновении Филиппа.

— Думаете, ее силой привезли сюда? — мрачно спросил Перси.

— Кто знает. — Обернувшись, Филипп перехватил взгляд Перси. — Оставьте, Роб, это дело Глостера.

Где-то в глубине дома, словно вымершего с наступлением темноты, стукнула дверь. Они инстинктивно обернулись. В кухне раздался чей-то властный голос. Филипп двинулся в ту сторону, прислушался и вернулся назад.

— Похоже, сам хозяин, — негромко проговорил он. — Роб, ступайте и приведите сюда Глостера. Дом его недалеко отсюда. И скажите, пусть возьмут с собой носилки, ехать верхом она не в состоянии. Не мешкайте! А я останусь здесь и присмотрю, чтобы все было в порядке.

Разговор в кухне становился все громче — повар безуспешно пытался утихомирить хозяина. Перси быстро двинулся к выходу, но на пороге остановился и, отстегнув меч, бросил его товарищу:

— Возьмите, может пригодиться.

Филипп поймал его на лету, кивнул в знак благодарности и махнул на прощанье рукой.

Пустынная улица была залита лунным светом, Перси бежал что есть мочи и вскоре исчез из вида.

Положив меч на стол, Филипп вернулся к девушке. Лицо ее постепенно приобретало естественный цвет, щеки даже порозовели. В первый момент Филиппу показалось, что это следы от ударов, он уже поднес к ее губам бокал с вином, как из кухни донеслись оглушительные вопли хозяина, в которых потонуло жалкое бормотание повара:

— Во имя всех святых, разве я не говорил, чтобы ее не

трогали с места! Это же надо — кругом одни дураки! Нельзя, что ли, ей было найти какую-нибудь работу в комнате, под замком? Так нет, понадобилось тащить сюда. Но оказывается, и этого мало... — Хозяина явно душил гнев, он остановился, чтобы перевести дыхание, но в эту паузу вклинился повар. Наверное, у него нашлось что сказать в свое оправдание: во всяком случае, крик прекратился, и следующие слова хозяина Филипп уже не мог разобрать. Потом голоса совсем затихли и лишь где-то в отдалении вновь зазвучали на минуту. За окном, выходящим на конюшню, послышались чьи-то поспешные шаги.

Сообразив, что он так и не поставил бокал с вином на место, Филипп вновь взглянул на Анну. Из-под мягко очерченных бровей на него пристально смотрели широко открытые глаза. Словно продолжая давно начавшийся разговор, девушка негромко сказала:

— Он послал за подмогой.

— Не сомневаюсь, — ответил Филипп. — Но замок герцога ближе, чем Эрбе, и готов держать пари, что сегодня милорд Глостер окажется здесь раньше Кларенса.

Он снова посмотрел на бокал.

— Может, сделаете глоток, Анна? Это жалкое пойло, но все же вам будет лучше.

Он опустился на колени и с почтением протянул ей чашу. Бросив на него быстрый взгляд, девушка протянула загрубевшие руки. Отпив немного, она вернула бокал Филиппу, откинулась на подушку, которую смастерили Филипп с Перси, и прикрыла лицо руками.

— Стало быть, вы все знаете? — после долгого молчания спросила она.

— Да, — мягко ответил Филипп. — Отдохните немного. И поверьте, все позади.

Анна ничего не ответила. Филипп поднялся, подошел к камину и принялся ворошить почти потухшие угли. Так он

и стоял не двигаясь, в ожидании, когда огонь разгорится снова. Девушка зашевелилась. Обернувшись, он увидел, что она внимательно его разглядывает.

— Мне кажется, мы прежде не встречались, сэр. Вы... я так поняла, что вы состоите на службе у Его Высочества герцога Глостера?

— Что ж, можно и так сказать, — ответил Филипп. Учитывая события последних месяцев, вопрос прозвучал двусмысленно. — Меня зовут Ловел.

— Филипп Ловел? Я слышала о вас. Вас называют добрым духом герцога Глостера.

Сказано было как бы между прочим, но лицо Анны внезапно озарилось теплой улыбкой. Покраснев вслед за ней, Филипп ответил ровным голосом:

— Боюсь, вы заблуждаетесь, мадам. Герцогу Глостеру не нужны никакие добрые духи.

Дрова в камине наконец-то разгорелись, Филипп подбросил еще полено и тщательно разворошил золу. Облокотившись о стол, Анна поправила поношенную юбку и спросила:

— А где мы, это какая часть Лондона?

— Олдергейт, недалеко от собора Святого Павла. Чуть дальше на восток начинается Чипсайд, это уже аристократический район.

— Мне так и казалось, что Святой Павел рядом, слышно колокола, но полной уверенности, конечно, не было.

Она быстро обежала комнату глазами. Там и тут на полу, покрытом стеблями камыша, валялись перевернутые табуретки и скамейки, остатки пищи, кружки, из которых вытекло содержимое.

— Я здесь впервые. Все это время я провела в подвальной комнатке, там и проснулась, когда меня привезли из Эрбе. Только когда именно это было, не помню — накануне вечером в вино что-то подмешали. У постели сидел какой-то муж-

чина. Он сказал, что отныне я — племянница хозяина таверны, зовут меня Молд и, когда я научусь откликаться на это имя, мне дадут есть. И эту одежду, — голос ее осекся, — тоже дал мне он.

Наступило неловкое молчание. Минуты текли, наконец Филипп спросил:

— И вы не знаете, кто это был?

— Нет. Он сразу ушел, и я больше его не видела, хотя знаю, что он захаживал сюда поговорить с хозяином — через дверь доносился его голос. Однажды я услышала, как он говорил хозяину, что церемониться со мной особенно не надо... Хозяин называл его милордом. И он говорил... как благородный господин.

— Ах вот как, — сквозь зубы произнес Филипп. Он отошел к столу, схватился за рукоять меча и выдернул его из ножен. Затем вернул меч на место — так он проделал несколько раз. От этого у Филиппа даже ладонь покраснела. В конце концов он швырнул меч на стол и повернулся.

В доме царила глубокая тишина. Подойдя к окну, Филипп выглянул на улицу. Ричард должен скоро появиться. Перси теперь, вероятно, подъезжает к замку, а скорость давно сделалась для людей Глостера неотъемлемой частью их существования. Облокотившись о подоконник, он рассеянно посмотрел на вывеску, раскачивавшуюся на ветру. Анна сидела так тихо, что казалось, будто она уснула. Поэтому Филипп даже вздрогнул от неожиданности, когда девушка заговорила:

— Теперь я вас вспомнила, сэр Филипп. Вы ведь были в доме моего отца, верно? А потом совершенно внезапно уехали.

— Да, мне было тогда семнадцать. И уехал я против своей воли, просто умер отец, и мне надо было заниматься домом.

— Вы с Диконом, помню, всегда были вместе: я часто спускалась во двор и смотрела, как вы упражняетесь.

Они оба улыбнулись общим воспоминаниям о минувших временах, и туман какой-то особенной боли, застилавший ее глаза, казалось, немного рассеялся. Догадываясь, отчего так произошло, Филипп сказал:

— Он всю Англию перевернул вверх дном, стараясь отыскать вас. Сегодня ночью он в первый раз за последние два месяца уснет спокойно.

Оторвавшись от окна, он направился к буфету, чтобы налить еще немного вина. Но на полдороге остановился — где-то в глубине дома скрипнула дверь.

Приложив палец к губам, он бесшумно двинулся в сторону коридора. Дверь в кухню была плотно закрыта, но за ней можно было различить мужские голоса. Вернувшись к столу, Филипп обнажил меч.

— Оказывается, я ошибся, — сказал он, отвечая на молчаливый вопрос Анны. — Я думал, они послали за подмогой в Эрбе.

Филипп еще не закончил фразу, а в коридоре уже слышались шаги, заглушаемые голосом хозяина, — чувствовалось, что он явно запыхался:

— Пожалуйста, сюда, милорд, он здесь, и девчонка тоже. Должно быть, уже все обобрали подчистую. А ты, Джек Кук, убирайся; когда надо, позовут... — Не закрывая ни на минуту рта, пытаясь затолкать любопытного повара в кухню, хозяин забежал вперед мужчины, к которому он обращался. Хозяин появился на пороге первым. На него Филипп едва взглянул. Куда больше его занимал незнакомец — высокий, стройный, но не худой мужчина в изящном вязаном камзоле и рейтузах. В правой руке он держал обнаженный меч, дюйма на два — быстро прикинул Филипп — длиннее его собственного. При тусклом свете Филипп разглядел его жесткий, чувственный рот. Мужчина остановился посередине комнаты и настороженно смотрел то на Филиппа, то на Анну.

Филипп заговорил суровым голосом:

— Проходите, проходите, милорд, ведь хозяин пригласил вас. Меня зовут Ловел. Вас знать чести не имею. Но, милорд, уверяю, последние четверть часа ничего не желал я так сильно, как встречи с вами.

— Не понимаю, о чем вы, — хриплым голосом откликнулся мужчина. — Я тут неподалеку ужинал. Со здешним хозяином мы старые знакомые. А когда он сказал, что в его таверне орудует какой-то ненормальный, я решил, что надо помочь вышвырнуть хулигана на улицу. — Он замолчал, словно припоминая что-то. — Ловел, говорите. Как же, как же, верный сторожевой пес Глостера! Ладно. Не знаю, что вас связывает с этой маленькой потаскушкой, но благоволите объяснить, почему вы устраиваете скандал в добропорядочном доме. Вы что, считаете эту девчонку благородной дамой? Да это же всего лишь...

— Осторожнее, сударь! — Филиппа вдруг затрясло. — Советую вам как можно более тщательно выбирать слова, ведь вы говорите о дочери графа Уорвика.

Наступила пауза. Овладев собой, Филипп спокойно добавил:

— Может, отложим объяснения до появления герцога Глостера? Он вот-вот здесь будет.

Секунду они мерили друг друга взглядом. Затем незнакомец резко обернулся к хозяину и прошипел сквозь зубы:

— Идиот! Ты же говорил, что он здесь один!

— Но он и был один — он не мог послать... О Боже, спаси нас и помилуй! — Подвывая от страха, хозяин круто повернулся и выбежал из комнаты.

Подождав, пока смолкнут его шаги, Филипп произнес не без иронии:

— Мудрый человек. Не хотите ли последовать его примеру, милорд? С женщиной-то вы были храбрее некуда. А то, может, останетесь, вы ведь вооружены. Или без прикрытия

драться не собирались? Но хозяин убежал, милорд, и вы остались один, совсем один.

Филипп едва успел отшвырнуть оказавшийся у него под ногами стул — с такой резвостью бросился на него незнакомец. Звон скрестившихся мечей доставлял Филиппу удовольствие, которого он давно уже не испытывал. Да и вообще, пожалуй, он никогда прежде не дрался с таким восторгом и откровенным желанием уничтожить противника. Это была короткая схватка: впоследствии Филиппу вспоминались только скрежет металла, шуршание подошв по полу и тяжелое дыхание незнакомца. Дрался тот отчаянно, забывая об осторожности. Он был лет на пятнадцать старше Филиппа, и это не могло не сказаться на исходе поединка.

Где-то в самом начале улицы послышался стук копыт. Он становился все отчетливее, все громче. Противник Филиппа сделал яростный выпад, промахнулся и... рухнул. Руки его все еще дергались, пальцы сжимали рукоять меча, но в шею вонзился меч Филиппа.

Тяжело дыша, Филипп прислонился к столу. Кровь, хлынувшая было, остановилась. Он вытащил меч из тела убитого, глянул на лезвие и швырнул меч на пол. Звон металла заглушил прерывистое дыхание Анны. Снаружи слышались шаги, распахнулась дверь, и в комнату ворвались Глостер и его люди. Ричард Глостер встретился взглядом с Филиппом, но, будто не узнал его, отвел глаза.

Если убожество заведения, вонь, стоявшая здесь, — об этом Глостер уже слышал от Перси, — и поразили его, внешне он никак этого не выказал. Ричард не отрываясь смотрел на девушку, примостившуюся у подоконника. Анна накинула на себя одежду, которую дали ей Филипп и Перси, но рубище все равно было видно. Она покраснела, закуталась в мужские плащи еще плотнее. Герцог шагнул к ней.

— Нэн, я... — Он запнулся. Летнее сватовство оборвалось в самый деликатный момент. Анна не пошевелилась,

Глостер остановился. — Я предупредил, чтобы вас ждали у Святого Мартина, Нэн. Там у вас будет надежное убежище и хороший уход. Никто не посмеет вас тронуть или заставить уехать.

— Спасибо, кузен, — чуть слышно произнесла Анна.

— Я вам не кузен, — медленно покачал головой Ричард. Она подняла брови, словно не догадываясь, что он имеет в виду. Убедившись, что его в конце концов поняли, Ричард порывисто схватил Анну за руки — она все еще судорожно стягивала на груди чужую одежду.

Перси остановился подле Филиппа, равнодушно поглядывая на распростертое у порога тело.

— Необычный удар, — заметил он, указывая на угол, под которым вошел в горло меч. — Пожалуй, вам повезло, что он промахнулся. — Посмотрев в сторону подоконника, Перси добавил: — А с этим что делать, милорд?

Ричард, казалось, не слышал вопроса. Он как раз снимал покрывало с распухших ног Анны. Та протянула было руку, чтобы остановить его, но было слишком поздно. Наступило молчание. Ричард снова укрыв ее ноги, нежно поцеловал Анну, поднялся и подошел к окну. Носилок еще не было. Он застыл, нервно сжимая и разжимая пальцы и глядя перед собой. Наконец взгляд его набрел на Филиппа. Словно очнувшись, он подошел к убитому. Из открытого рта струилась кровь. Не поворачиваясь, Ричард произнес:

— Вы обокрали меня, Филипп. — Он немного помолчал, а потом совершенно бесцветным голосом спросил: — А где хозяин этого притона?

— Полагаю, уже далеко отсюда, — сказал Филипп. От тона, каким был задан вопрос, Филиппу сделалось легче. Его подташнивало, он страшно устал и хотел только одного — как можно быстрее уйти отсюда. — Оставьте его, милорд. Он ведь всего лишь исполнитель. — “Как, впрочем, и этот,

что лежит на пороге”, — едва не добавил Филипп, но остановился. Наверное, можно будет доказать, что сценарий с начала до конца был разработан герцогом Кларенсом, но подтвердить это может только похититель Анны. А может, подумал Филипп, Ричард Глостер в глубине души и не хочет знать правду?

На улице послышался стук копыт. Там были люди герцога, один из них вошел и объявил, что носилки готовы. Подняв Анну на руки, Ричард понес ее к двери. Паж накинул на тело убитого покрывало, чтобы миледи не увидела его. Ричард внезапно остановился и заговорил так тихо, что Филипп едва разобрал его слова:

— Пусть эту падаль швырнут на землю у входа в Эрбе. Проследите за этим, сэр Роберт.

Мрачно улыбаясь, Перси подозвал двух слуг в ливреях и возвратился в таверну. Филипп хотел незаметно уйти, но герцог Глостер обернулся и коротко бросил:

— Филипп, мне надо с вами поговорить. Подождите внутри.

Тяжело вздохнув — он надеялся отложить разговор до утра, — Филипп остановился. Перси времени не терял. Вышеупомянутую падаль унесли, и теперь комната, несмотря на беспорядок — на полу все еще валялись столы и стулья, — выглядела на удивление голой. Филипп прихватил стул и подошел к камину погреться. Кто-то открыл окно. Комната проветрилась, исчез тошнотворный запах, правда, стало очень холодно. Было очень тихо. Постояльцы наверху наверняка не могли бы заснуть при шуме, который стоял до сих пор. “Скорее всего, — подумал Филипп, — будучи завсегдатаями этого места, они при первых же криках просто удрали, а с ними и слуги”. Это местечко, если называть вещи своими именами, было не чем иным, как воровским притоном. Филипп все еще был занят этими мыслями, когда на пороге послышались шаги Ричарда.

Он быстро вошел в комнату, кивнул стражнику, стоявшему у входной двери, плотно закрыл ее и прислонился к решетке камина.

— Ну что ж, Филипп... — Лицо Ричарда было абсолютно непроницаемым.

— Да, милорд? — тем же тоном ответил Филипп.

Ричард нетерпеливо пнул ногой полено в камине, язычок пламени взметнулся и лизнул его сапог.

— За то, что вы сделали сегодня, можете просить меня о чем угодно. Впрочем, это и так ясно, так что не будем об этом. Не затем я просил вас остаться.

Ричард перевел взгляд с разгоревшегося огня в камине на лицо собеседника.

— Я полагал, вы должны были находиться в Лондоне уже несколько месяцев назад. Но вы прислали какое-то странное письмо — ни об отпуске не просили, ни планами своими не делились. Словом, я подумал было, что вы все еще не оправились от раны.

— Ах вот как, милорд? — бесстрастно произнес Филипп. Он опустил глаза, помешивая уголь в камине. — Я вернулся в Оксфордшир. Мне надо было подумать.

Наступило напряженное молчание. Ричард первым прервал паузу:

— Что ж, вы могли позволить себе такую роскошь.

— Вот и я так подумал, — ответил Филипп.

В камине затрещало догоравшее бревно. Повалил дым. На противоположной стене плясали слабые отблески огня. Присев на край стола, Ричард обхватил колени руками.

— Филипп, король отдал мне Миддлхэм. Теперь на мне, как раньше на Уорвике, вся Англия к северу от Трента. И ещё граница. Да и за графом Нортумберлендом надо присматривать. Правда, Уэльс я передал Пемброку, так что об этом можно не беспокоиться. — Ричард говорил совершенно спокойно, так, словно речь шла о рыцарском турнире. В

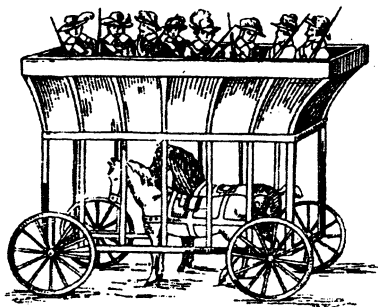
комнате горела только одна свеча, и при ее свете резко выделялось осунувшееся лицо герцога.

— И у вас минуты свободной не было, чтобы хоть немного отвлекаться, — медленно проговорил Филипп.

— Да, дел невпроворот, видит Бог, их хватит на шестерых. Надо только, чтобы Его Величество мог доверять им. А одна задача какое-то время будет особенно трудной: на севере все еще помнят графа Уорвика. В моем лице его люди видят мстителя Йорка, граф Нортгумберленд вовсе ненадежен: при любом удобном случае ударит в спину. — Глостер повертел на пальце кольцо. Это был крупный рубин в золотой оправе — королевский подарок к девятнадцатилетию, которое отпраздновали месяц назад. — Из всего этого следует, что моим поместьям нужен управляющий. Я только что говорил, Филипп, что вы заслужили награду. Но, поверьте, не это я имел в виду. С этим любой справится, лишь бы верен был. К тому же у вас свои земли по эту сторону Трента, так чего же вам служить мне? Разве что вы — во что хотелось бы верить — сохранили любовь ко мне. Итак, Филипп, решать вам: вы со мной?

Он улыбнулся и, еще не услышав ответа, протянул руку.

— Всею душой, милорд, — низко поклонился Филипп.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР ВО ФРАНЦИЮ

ЛЕТО 1475 ГОДА

Глава 11

Склонившись над вязанием, Анна Фитцхью сидела в одиночестве в саду ипсденского поместья. Вообще-то в этом шумном доме одной удавалось остаться редко. Но сегодня близнецы отправились с сокольничим в лес, а у Кейт, в чьем обществе Анна обычно бывала днем, оказались какие-то срочные дела по дому — это при веселом-то щебете птиц и ласковой улыбке майского солнца! Анна знала, почему ее оставили одну. С пылающими щеками она усердно выполняла свою работу.

День постепенно клонился к закату: скоро будут накрывать к ужину. Нетерпеливое, против воли, взволнованное ожидание, с которым она проснулась сегодня, сменилось разочарованием. Это вполне в духе ее мужа: всегда заставлял себя ждать, заставляет и сегодня. Она оставила письмо

Фрэнсиса в спальне, преодолев соблазн взять его с собой. А впрочем, даже и не глядя на быстрые, неровные строки, она прекрасно помнила его содержание, тем более что письмо было таким коротким. Впервые после того, как они расстались в Глостершире, Фрэнсис написал именно ей, хотя и прежде не забывал всякий раз кланяться Анне в письмах к Кейт. Сдержанный тон этих приветов сначала удивлял, а потом стал раздражать Анну. Ее кузен Хамфри, как она недавно узнала, благополучно устроился под крылом герцога Бретонского в свите его гостя — молодого Генриха Тюдора, состоявшей из английских изгнанников. И хотя французский король потерял интерес к претензиям последних Ланкастеров на французскую корону, Хамфри было там совсем неплохо. Получалось, что причина размолвки между Анной и Фрэнсисом как бы самоустранилась, и Анна стала думать о муже с большей теплотой, порой ей даже хотелось увидеть Фрэнсиса. Тон его письма оказался довольно интимным, и она боялась признаться в этом самой себе. Но робкие ожидания сменились сомнениями. Четыре года, говорила она себе, это огромный срок. Он написал, что скоро приедет, прислал специального гонца, чтобы уточнить время прибытия. Но сама эта медлительность — четыре года! — вряд ли свидетельствовала о том, что он так уж по ней соскучился.

Скрипнули ворота. Никаких шагов Анна не услышала, хотя звуки заставили ее вздрогнуть — на шитье упала капелька крови. Почувствовав, что краснеет, и обозлившись на себя за это, она отложила шитье и подняла голову, но тут же вновь опустила ее со вздохом облегчения — на дорожке появился Гилберт Секотт, старший сын сэра Уильяма. Это был молодой человек с пепельными волосами. В последнее время он уделял симпатичной гостье отца исключительное внимание. Это могло быть приятно Анне, если бы сам Гилберт не вызывал у нее такого отвращения. Он высокомерно и презрительно отзывался о своем отце, называя его скря-

гой и деревенщиной. Однажды в разговоре с Анной он признался, что не удивился бы, застав мачеху — в отсутствие отца — с кем-нибудь из челяди в спальне. Возмущение Анны его немало удивило, а она в который раз старалась понять: что это — слабоумие или невоспитанность.

Гилберт сел рядом с Анной на траву и, рассеянно обрывая лепестки примулы, заметил, что не стоило всем наряжаться в выходные костюмы ради господина, который, похоже, не слишком торопится с приездом. От отца он слышал, что сначала лорд Ловел должен поехать в Вестминстер засвидетельствовать свое почтение королю и получить документы на право наследования. Искоса посмотрев на Анну, молодой человек поинтересовался, сильно ли она огорчится, если милорд сегодня не появится? Анна ответила неопределенно, не понимая, какого ответа от нее ждут. Она все время пыталась представить себе, как выглядит теперь человек по имени Фрэнсис Ловел, ее муж. Само имя таило в себе загадку: Ловел, Тичмарш, барон Грей Ротерфилд, барон Холланд, барон Дайнскорт — звучные, громкие титулы для одного человека. Слишком даже звучные, зло подумала Анна. Особенно для господина, который даже к жене своей опаздывает после такой долгой разлуки. Но тут она подумала, что за эти годы Фрэнсис наверняка очень изменился и стал совершенно другим человеком. Анна подумала о своей спальне, которая находилась прямо над залом, — такой большой и такой пустынной, о новом прохладном белье, о пряных травах, рассыпанных по ковру. Сердце у нее сжалось. Четыре долгих года! В памяти вставал тот мальчик, с которым она общалась в доме своего дяди в Глостершире.

Гилберт продолжал праздно болтать. Вполне вероятно, говорил он, что милорд даже и завтра не приедет. Может случиться так, что короля уже нет в Лондоне, и тогда придется догонять его в Кентербери, ведь армия готовится к отплытию в Кале. Оторвавшись от воспоминаний, Анна со-

гласилась, что это вполне возможно. Решение Эдуарда возобновить давно приостановленные боевые действия против Франции было популярно и в народе, и среди аристократии. Поощряя своих богатых баронов, выложивших, к его удивлению, немалые деньги, Эдуард честолюбиво мечтал превзойти Гарри Монмута с его шестидесятилетней давности походом во славу Азенкура. Анна знала, что Фрэнсис находится с основными силами герцога Глостера, и в душе примирилась с этим: в такие времена молодой человек вряд ли может усидеть дома. Труднее было примириться с тем, что под знаменами герцога стали люди из центральных графств — предвестие неизбежного будущего, которое вставало перед нею вполне отчетливо и заранее не нравилось. Что касается посвящения Фрэнсиса в рыцари, то это было целиком на усмотрении герцога Глостера — когда он сочтет нужным и уместным, тогда и будет. Вообще-то наследник лорда Довела мог, если бы пожелал, стать рыцарем в Вестминстере, но по его собственным словам, переданным Филиппом сестре, Фрэнсис хотел заслужить свое право называться сэром в бою.

По ту сторону увитой плющом стены послышался стук копыт; у Анны забилося сердце — было слышно, как кого-то приветствуют и этот кто-то отвечает твердым и решительным голосом. Руки ее слегка задрожали, она вновь подняла шитье, и в этот момент Гилберт, который, казалось, ничего не слышал, попытался надеть ей на шею венок из примул. Шаги приближались к садовой калитке. Живо повернувшись, чтобы Гилберту было удобнее, Анна лукаво спросила:

— Гилберт, а вы будете по мне скучать, когда я уеду? — И, улыбаясь, откинула голову.

Гилберту недавно исполнилось восемнадцать, но не похоже было, что он так опытен, как прикидывается. Анна подняла подбородок, и эта впечатляющая картина открылась гневному и изумленному взору Фрэнсиса Ловела, который как раз входил в сад.

Какое-то время он просто не мог вымолвить ни слова. Затем, вспыхнув, шагнул вперед и, схватив Гилберта за воротник, рывком поднял его на ноги.

— Господин Гилберт Секотт? Да, он самый. В таком случае соблаговолите объяснить мне, какого черта, — говоря это, Фрэнсис время от времени крепко встряхивал свою жертву, — вы пристааете тут к моей жене?

Фрэнсис еще крепче сжал Гилберту локоть — тот и пошевелиться не мог. Анна, сердито воскликнув что-то, вскочила на ноги, а молодой человек нервно забормотал:

— Сэр... милорд, вы оскорбляете меня. Я отношусь к миледи с величайшим почтением...

— Ну и правильно делаете, — грубо перебил его Фрэнсис. — Только почитайте ее издали. А теперь — вон отсюда!

Стукнула калитка. Оказавшись по ту сторону сада, Гилберт переживал свой позор, и за яростью и смущением юноши угадывалось обещание мужчины — не забуду!

Не обращая больше на него внимания, Фрэнсис круто повернулся к Анне:

— Что же до вас, мадам... — Он изо всех сил сдерживался, чтобы не расхохотаться. Он прекрасно понимал, отчего это Анна позволила себе такое легкомыслие, но она-то не ведала того. Анна поспешно отступила назад и, споткнувшись о низкую ограду фонтана, свалилась в воду, подняв кучу брызг.

— Мать честная!.. — Фрэнсис одним прыжком подскочил к ней, протянул руку и вытащил из воды. — Чего-чего... Ты до нитки промокла, родная. Прямо как ирландский водяной — есть такая порода спаниелей, ну-ка, разреши...

Он нагнулся и принялся выжимать отяжелевшую юбку, а Анна, припав к его плечу, скинула туфли. Они стояли так близко, что ощущали дыхание друг друга. Внезапно Фрэнсис выпрямился. Возбуждение прошло, а вместе с ним —

все слова, которые он с таким старанием готовил для этой встречи.

— Анна... — Он гладил ее лицо, а она отводила глаза, в которых отражалась голубизна безграничного неба. На его взгляд, Анна выросла — чтобы взять ее за подбородок, наклоняться пришлось совсем немного. Трава еще хранила теплоту дня. Анна откинулась на спину и, обняв Фрэнсиса за шею, потянула его за собой. Он вцепился ей в плечи, жадно ища губы...

Солище, казалось, готово было расплавить садовую ограду. По траве ползли тени. Прижавшись к щеке жены, Фрэнсис хрипло спросил:

— Где твоя спальня, дорогая?

Анна зашевелилась в его объятиях и еще теснее прижалась к нему. Оба непроизвольно посмотрели на садовую калитку. На ней не было задвижки. Фрэнсис прикоснулся губами к ресницам Анны и повторил свой вопрос. Приглаживая волосы, она неуверенно сказала:

— Скоро ужин. Нам ведь, наверное, надо быть там.

— А ты что, так сильно проголодалась?

Анна зарделась и, не сдержав улыбки, отрицательно покачала головой.

— Ах ты, ведьма, — все так же хрипло проговорил Фрэнсис, — ты что же, собираешься томить меня до тех пор, пока Секотт не отправится спать?

Оба расхохотались. Они лежали неподвижно и готовы были, кажется, пролежать так целую вечность, но тут закрипела калитка. Фрэнсис бросил взгляд через плечо и неторопливо поднялся на ноги.

— Добрый день, Кейт. По-видимому, я должен извиниться за то, что не сразу зашел к тебе. Но, видишь ли, я тут возобновлял знакомство со своей женой.

— Да я уж вижу, — заметила кузина, не спуская глаз с Анны.

— Я просто поскользнулась, — быстро проговорила та. —

Не обращайтесь внимания, Кейт, это же у меня не единственное платье... — Она неловко встала и, покраснев, принялась оправлять прилипший к ногам подол.

— Я за камеристку не сойду? — весело крикнул ей вслед Фрэнсис.

В холле они столкнулись с сэром Уильямом, тот, шумно поприветствовав Фрэнсиса, немедленно засыпал его вопросами. Больше всего его интересовало, как идут дела в Кентерберри. Удовлетворив первый интерес, сэр Уильям удобно устроился в резном кресле и велел слугам принести вина и клубники. Меньше всего Фрэнсису хотелось сейчас болтать с хозяином. Но политес есть политес. Он отхлебнул вина и негромко сказал Анне, чтобы та шла к себе, скоро он к ней присоединится. Фрэнсис уловил изумленный взгляд, брошенный служанкой на вымокшую насквозь Анну. Но на это ему было наплевать. Хуже было то, что сэр Уильям, похоже, приготовился к долгой беседе. К счастью, вскоре появилась Кейт. Еще раз поблагодарив хозяев за гостеприимство, Фрэнсис поклонился и легко взбежал по лестнице на второй этаж, где находилась спальня жены.

Он увидел просторную комнату с окнами на восток и на юг. Сейчас, когда во дворе уже сгущались сумерки, тут стоял полумрак. Свежие травы пахлипряно и терпко: стены были сплошь увешаны лавандой и розмарином, как в брачных покоях, а стебли камыша, которыми Анна уложила пол, дали новые побеги. Заметив улыбку на лице Фрэнсиса, Анна покраснела:

— Это все Кейт и служанки.

Фрэнсис обнял ее за талию.

— Весьма предусмотрительно с их стороны. Не забыть бы поблагодарить утром. Милая, да ты вся дрожишь после этого купания.

Он принялся расстегивать многочисленные застёжки на платье, и в конце концов оно соскользнуло на пол. Нижняя

сорочка Анны была из тончайшего шелка, с вышивкой наверху. Тесно облегая тело, она подчеркивала мягкую округлость груди, отливающей под полупрозрачной рубашкой жемчужной белизной. Анна немного утратила былую девичью гибкость, но талия осталась такой же тонкой, и вообще перемены, с ней произошедшие, нравились Фрэнсису, он сказал об этом Анне, немало смутив ее. Фрэнсис мечтал сразу увлечь жену в постель, но она уже успела взять себя в руки. Выругав про себя Уильяма Секотта за потерянное время, Фрэнсис поцеловал руку Анны и выпустил ее из объятий.

На буфете обнаружили хлеб, мясо, вино. Фрэнсис пошел наполнить бокалы и услышал, как Анна с облегчением вздохнула. Скинув куртку, он растянулся на кровати и заметил с усмешкой:

— Право, не могу винить юного Гилберта. Выглядишь ты весьма соблазнительно, моя дорогая.

Анна бросила на него такой взгляд, что у Фрэнсиса едва язык не прилип к нёбу.

— Бедняга Гилберт, как ты мог быть с ним так груб?

— А что такое? Мне кажется, что он как раз удачно выбрался из этой переделки — вполне мог бы оказаться вместо тебя в фонтане.

Заметив, что Анна снимает ожерелье с шеи, он сел на кровати и потянулся за кошельком.

— Чуть не забыл. Тут у меня для тебя подарок. В Йорк приехал один итальянский купец и, узнав, что герцог в Шериф-Хаттоне, отправился прямо туда. И было у него с собой некое украшение, обещающее удачу и доброе здоровье, а также надежно охраняющее женскую скромность... — Фрэнсис проказливо подмигнул жене. — Я сказал, что беру. Вот, посмотри-ка.

Это было большое золотое ожерелье с кулоном. Рассматривая застежку, Фрэнсис огорченно заметил:

— Боюсь, куплена эта штука на деньги герцога. Король

все эти годы выдавал мне ровно столько, сколько полагалось, но Глостер-то понимал, что я не могу поехать к тебе с пустыми руками и что в Лондоне ничего похожего не найдешь... Что-нибудь не так, дорогая?

Он протянул жене ожерелье, она устроилась рядом с Фрэнсисом на кровати и принялась перебирать золотые звенья. Стараясь говорить спокойно, Анна отвернулась от мужа:

— Я не могу принять это.

В комнате разом стало тихо и холодно — это было даже физически ощутимо. Анна почувствовала, как Фрэнсис напрягся. Наконец она заговорила:

— Неужели ты сам не понимаешь? Как я могу носить его драгоценности? Моему дяде в Тьюксбери он сделал совсем другой подарок.

— Но твой отец перед смертью простил герцога, — заговорил умиротворяющим тоном Фрэнсис. — И твой брат часто приезжает к его двору, явно давая понять, что все обиды остались в прошлом.

Анна не могла вымолвить ни слова и только изо всех сил сжимала челюсти, стараясь не разрыдаться. Ну вот, как она и боялась, перед ней — чужак. Всей кожей она испытывала неведомое прежде ощущение физического присутствия зрелого мужчины, и там, где раньше была бы вспышка гнева под стать ее собственной, теперь звучал рассудочный голос.

— Ты еще забыла упомянуть своего кузена, — продолжал Фрэнсис. — Насколько я знаю, он с Тюдором в Бретани, и вот тут ты мне можешь выставить большой счет. Поскольку никого ближе дяди и кузена у тебя не было, понятно, что трудно простить тех, кто их у тебя отнял.

Она склонила голову, стараясь скрыть лицо, по которому уже текли слезы.

— Но я же ни слова об этом не сказала. И не собиралась тебя ни в чем упрекать.

Последовало долгое молчание. Положив голову на ко-

лени, Анна беззвучно плакала, а Фрэнсис разглядывал отливающее благородной желтизной ожерелье. Положив его на буфет, он развязал у нее на плечах тесемки и мягко привлек к себе.

— Ладно, забудем. Все это не имеет никакого значения, дорогая, только не плачь...

Потом, когда сумерки уже начали переходить в вечернюю тьму, а балдахин у них над головами погрузился во мрак, она прошептала едва слышно:

— Ты счастлив?

Уткнувшись губами в самую гущу ее волос, Фрэнсис только кивнул головой. Ночь еще не наступила, и в доме кипела жизнь: из разных комнат доносились громкие голоса, слышно было, как запирают замки и опускают шторы на окнах.

Вскоре в дверь поцарапалась служанка Анны. Фрэнсис приподнялся на локте, опустил полог балдахина и только потом крикнул: "Можно!" Сквозь кружево полога было видно, как служанка зажигает огонь и бесшумно расхаживает по комнате, доставая из шкафа вечернее платье, а из сундука драгоценности. Наконец наступила тишина: служанка, видно, ушла в соседнюю комнату и улеглась спать.

Слишком возбужденные, чтобы вздремнуть немного, Фрэнсис с Анной стали негромко переговариваться. Время от времени они украдкой таскали с буфета хлеб и мясо, вспомнив о том, что изрядно проголодались. При пламени ночной свечи тело Анны отливало под распущенными волосами мраморным блескам. Кое-как утолив голод, они снова задернули полог.

Через три дня Анна и Фрэнсис уехали из Ипсдена — Фрэнсис должен был быть в Кентербери не позднее чем через месяц. Он написал управляющему в Минстер-Ловел, велел ему собрать всех обитателей замка в церкви Уильяма Довела в день Вознесения. Двигались они неторопливо. Мощный жеребец Фрэнсиса шел бок о бок с лошадкой, на

которой ехала Анна. Попона и уздечка отливали алым и золотым. Они пересекли мост через Уиндраш, за которым начинались земли Ловела, на день раньше срока, но приходский священник уже стоял у собора, окруженный многочисленными обитателями замка.

Анна и Фрэнсис спешили и вошли в церковь. Неумолимо палящее солнце пробивалось сквозь толстое стекло витража, разбрасывая по стенам янтарные, бирюзовые, красные брызги и ярко освещая алебастровое изваяние на гробнице Уильяма Ловела. Фрэнсис остановился и прижался к каменному колену.

— Здесь похоронен мой дед, Анна. Он построил эту церковь, да и дом — тоже его работа. Он всегда любил эти земли и, когда умирал, утешался тем, что лежать будет здесь.

Снаружи собралась большая толпа — люди пришли встретить молодого хозяина. А подле дома, говорили, будет еще больше. Анна снова села на лошадь, и Фрэнсис повел ее под уздцы. Над ними склонялись могучие вязы; через просветы в густой листве можно было рассмотреть невысокие холмы. На вспаханных полях желтели лютики. Миновав длинный ряд строений, Анна и Фрэнсис подъехали к восточным воротам.

Замок Минстер-Ловел стоял у реки. Стены его покрылись лишайником, а восточное и западное крылья были так широки в размахе, что казалось, хотят обнять весь огромный двор. На крыше из обожженного сланца без усталости вращался позолоченный флюгер, золотом отливали при солнечном свете и оконные ставни. Фрэнсис молча впитывал в себя дух окружающего.

— Ничего не изменилось, — сказал он наконец. — Порой мне становилось страшно... Но нет, все так, как было и раньше, точно так.

— Память сердца, — с легкой улыбкой сказала Анна. — А помыться с дороги здесь можно?

Филипп рассмеялся и подал ей руку, помогая сойти с лошади.

Глава 12

Английская армия тронулась через пролив в июне, но король, сопровождаемый герцогами Кларенсом и Глостером, отплыл во Францию только в начале следующего месяца. Предполагалось, что в Кале их встретит Карл Бургундский — их союзник и шурин. Но хотя в городе было уже полно английских солдат, Карл со своим воинством так и не возник. Взамен появилась его жена — с подарками для братьев и сообщением, что Карл, уже в течение нескольких месяцев безуспешно осаждавший довольно безобидный немецкий город Нейс, в конце концов решил отказаться от этой затеи и сейчас, в порядке компенсации, мародерствует на территории своего воинственного соседа герцога Лотарингского.

Помимо многочисленных придворных дам, Маргариту Бургундскую сопровождали и знатные вассалы ее мужа, в их присутствии Эдуард с трудом сохранял спокойствие, но наедине с членами своего совета дал волю чувствам.

— Что это они там, посуду бьют, что ли? — полюбопытствовал Фрэнсис, не отводя глаз от закрытой двери. Перси сочувственно улыбнулся. Толстые непроницаемые стены надежно хранили секреты, слуги, которых то и дело посылали с разными поручениями, скользили по полу неслышно и осторожно, будто по льду.

Время близилось к ужину, и в большом зале уже собралось множество англичан. Ждали герцогиню Бургундскую и ее дам, которым отвели апартаменты наверху. Было здесь и несколько бургундских лордов, но один из них, седовласый господин в костюме, расшитом золотом, чувствовал себя, казалось, в этом кругу несколько скованно. Сейчас он беседовал с Филиппом Ловелом. Перехватив любопытный взгляд Фрэнсиса, Перси коротко заметил:

— Эрар Де Брези. Старый приятель вашего родича, они знакомы еще со времен нашего бургундского изгнания. Нам

говорили, что он должен здесь появиться. Похоже, ему есть что сказать о герцоге.

Даже если и так, лорд Сен-Обен предпочитал держать мысли о своем господине при себе. Встрече он был искренне рад, но выглядел он, как показалось Филиппу, чрезвычайно озабоченным. К тому же Сен-Обен сильно постарел, хотя и пяти лет не прошло с момента их последней встречи. Объяснением этому мог служить темнобровый молодой человек в бархатной тунике сапфирового цвета, прошитой желтыми нитями. Повинуясь знаку Де Брези, молодой незнакомец подошел к Филиппу и был представлен как господин Огюст Де Сен-Обен. У него была обаятельная улыбка и мягкие, кошачьи движения. Филипп с сочувствием подумал о том, что Де Брези так долго не выводил в свет этого незаконно-рожденного сына, потому что жаждал появления настоящего наследника. Это было очевидно.

— Нет, когда мы были в Бургундии в последний раз, он почти не показывался, — заметил Перси, выйдя из-за стола и поглядывая на танцующие пары. Де Брези был в противоположном углу зала. Рядом с ним в почтительной позе засыл Огюст.

— Я слышал, что прошлой весной у его жены был выкидыш. Должен был родиться сын. Боюсь, это положило конец всем его надеждам. Ведь Де Брези уже далеко не молод.

— Зато мадам Де Брези, насколько я слышан, очень молода и очень красива. — Слова эти принадлежали господину мощного телосложения в темно-красном бархатном камзоле с йоркской символикой на воротнике и рукавах. Проходя мимо, он расслышал, что сказал Филипп, и теперь с откровенной насмешкой поглядывал на него. — У герцога Орлеанского родился сын, когда ему было за семьдесят. По крайней мере, герцогиня Орлеанская утверждала, что это его сын. Так что у мсье Де Брези еще вполне может появиться наследник.

Филипп пристально взгляделся в румяное лицо. Черты его как-то сразу отвердели.

— Не стоит ерничать по этому поводу, Пэтсон. Попридержите-ка язык, если не умеете вести себя в обществе.

Тот сразу же ощерился.

— Полегче, Ловел.

— Ничего не полегче. Мсье Де Брези удостоил меня своей дружбой, — ответил Филипп.

Пэтсон не мигая смотрел на него, явно обдумывая, что бы ответить. Фрэнсис, который до этого времени почти не вслушивался в возникшую перепалку, вдруг повернулся и невинно спросил:

— А как там ваш шурин, Пэтсон? — Он имел в виду управляющего именем сэра Джона, за которого тайно вышла замуж Марджори Пэтсон. С тех пор прошло уже много лет, но брат ее до сих пор делал вид, будто ничего не произошло. Его маленькие глазки, совсем сузившиеся от злости, скопились в сторону Фрэнсиса. Пэтсон в нерешительности потоптался и, не отвечая, круто повернулся.

— Думаете, он пошлет вам вызов? — спросил Перси у Филиппа, а Фрэнсис небрежно бросил:

— Мне приходилось наблюдать его в Элтоме: на лошади сидит, будто это мешок с овсом, а с копьём управляется, как будто у него в руках дротик. Да, кузен, вам поистине придется нелегко. — Засмеявшись, Фрэнсис отошел в сторону.

Танцы подходили к концу. Внимание Перси привлекла какая-то роскошная блондинка, и он двинулся попытать счастья. Филипп остался в одиночестве. Было время, когда он последовал бы примеру Перси. Черт возьми, почему сейчас его эти вещи не интересуют? “Право, становлюсь таким же добропорядочным, как Секотт, — раздраженно подумал он. Злость на Пэтсона прошла и сменилась глухой тоской. — И чего это я к нему прицепился, — думал Филипп. — Жен-

щины, как правило, не любят своих мужей: может, эта Де Брези с половиной герцогства ему изменяет, откуда мне знать. Да что мне, в конце концов, за дело до этой дурочки, только неприятностей на свою голову ищу”.

Рядом заколыхалась занавеска, и чей-то голос сказал:

— Прячетесь, мессир?

Филипп обернулся, сиюсь изобразить на лице дежурную улыбку. Насколько можно было рассмотреть в темноте, перед ним стояла красивая женщина: невысокая, стройная, в муслиновой накидке. Заметив ее замешательство, Филипп подумал, что его с кем-то спутали. Но дама оставалась на месте, глядя на него в упор.

— Прошу извинить меня, мадам, — вежливо сказал Филипп, — но я, видно, отвлекся. — И Филипп попытался отдернуть занавеску.

Незнакомка рассмеялась.

— Право, мессир, вы слишком застенчивы. В Англии все мужчины такие галантные? Но я-то только хотела пригласить вас потанцевать, сэръ Филипп.

Продолжая возиться с занавеской, Филипп снова посмотрел на нее. Ему показалось, что и незнакомка внимательно изучает его. Испытывая неловкость, он произнес наконец:

— У вас передо мной преимущество, мадам. Никак не могу вспомнить. Может, мы встречались в Лилле пять лет назад?

Она покачала головой.

— Тогда в Брюгге?

— Ну вот, так мне и говорили, — засмеялась дама. — Англичане совсем не умеют ухаживать. У французов память покрепче.

Против воли Филипп тоже рассмеялся. Уж женскую-то красоту он ценить умел. Филипп перестал наконец дергать занавеску. От темных волос незнакомки исходил свежий,

волнующий аромат. Подойдя поближе, он обнял ее за талию.

— Должен вступить за своих соотечественников. Поскольку мы раньше не встречались, — он приподнял ее подбородок, — в Англии мы привыкли знакомиться так.

Теперь стало видно, что она моложе, чем показалась с первого взгляда. Да и непринужденность ее оказалась несколько наигранной: видно было, как на виске тревожно бьется жилка. На лицо незнакомки упала узкая полоска света. У Филиппа одеревенели пальцы.

— Бог ты мой, — тихо сказал он. — Мэг.

Она стояла не двигаясь. Куда девалось все ее недавнее кокетство? Дав Филиппу разглядеть себя как следует, Мэг сбросила его руку.

— Дорогой сэр, не надо ничего говорить. Я и без того знаю, что веду себя неподобающим образом, мадам ваша матушка достаточно учила меня правилам хорошего тона в Оксфордшире.

По-английски она говорила по-прежнему правильно, хотя уже не так бегло — сказывалось отсутствие практики. Порывистые движения, цвет кожи, изгиб бровей — все это напомнило Филиппу о прошлом. Он взял ее за руки и мягко пожал их.

— Неужели это было так давно? Ну конечно, давно, целую жизнь назад, Мэг. — Филипп ласково наклонился к ней. — Дайте же мне как следует поздороваться с вами.

В последний момент она отвернулась, губы его встретились со щекой.

— Я... я сделалась слишком хорошей француженкой для ваших английских манер, сэр. — Но рук не отняла, словно так было надо.

— Но у дружбы свои права, — весело проговорил Филипп.

Сзади кто-то дружелюбно спросил:

— Мой дорогой Ловел, стало быть, вы уже познакомились с моей женой? А я-то собирался представить вас друг другу.

Филипп медленно повернулся. У входа в нишу, приветливо улыбаясь, стоял Де Брези, а рядом с ним, как верный часовой, — Огюст, с подозрением и нескрываемым недоверием наблюдавший, как улыбка медленно сползает с лица англичанина.

Кое-как Филипп взял себя в руки.

— Это... Это ваша жена, мсье? Но я же... Я и представления не имел... — Он заикался и сам чувствовал, что ведет себя как последний болван. Маргарэт пришла ему на помощь:

— Мы с сэром Филиппом старые друзья еще по Англии, мсье. Пока мой отец ожидал помилования, он был мне добрым хозяином в Оксфордшире.

— Ах, вот как? — рассеянно откликнулся Де Брези. — Что ж, стало быть, это приятная встреча. — Но в атмосфере уже чувствовалось какое-то напряжение. Его, пожалуй, не уловил один только Де Брези. Снова заиграла музыка, какой-то бургундский рыцарь пригласил Маргарэт на танец. Она взглядом попросила разрешения у мужа и, улыбнувшись на прощанье Филиппу, отошла. Едва заметив ее исчезновение, Де Брези оживленно заговорил:

— Мне выпала возможность переброситься парой слов с королем. Наш герцог сообщил, что будет здесь через неделю, и тогда, Ловел, — вперед! Правда, Его Величество пожелал, чтобы милорд Глостер с несколькими офицерами отвез завтра сестру обратно в Сен-Омер. А мы тем временем обсудим здесь, в Кале, план дальнейших действий.

В ровной интонации Де Брези, похоже, не было никакого подтекста, но Филипп с трудом удержался от улыбки: Эдуард явно не хотел далее полагаться на изменчивый характер своего шурина: присутствие Глостера в Сен-Омере

послужит убедительным напоминанием, чего же Англия ожидает в конце концов от Карла Бургундского. Задумчиво поглядывая по сторонам, Де Брези продолжал:

— Между нами говоря, мсье Де Сен-Поль решил без всяких споров уступить Сен-Квентин. Превосходное начало. Да, от предателей бывает немалая польза. Дай Бог королю Людовику еще пару-тройку таких, и можно будет вложить меч в ножны и заняться каким-нибудь мирным делом, например, начать обрабатывать поля.

Явно не разделяя отцовского оптимизма, Огюст хмуро заметил:

— А по мне, так с французами лучше драться, чем выкупать у них замки.

— Терпение, мой огненный, настанет час, и вы обагрите кровью ваш девственный меч. Не забывайте, вы тоже француз, и, когда Валуа оставят Бургундию в покое, нам всем будет впору вспомнить об этом. Согласны, Ловел?

— Целиком и полностью, — вздохнул Филипп. — И тогда вы отправите англичан домой. Удивляюсь, чего вы тянете?

— Всему свой час. Чего торопиться, когда время работает на нас? Настанет день, и даже, — он сделал широкий жест рукой, — и даже этот замок, даже эта крепость падет. Это беспокоит вас, англичанин?

— Да ничуть. Не трогайте моих английских полей, француз, и мне не будет дела до ваших виноградников.

Всем своим видом выражая неодобрение, Огюст круто повернулся и двинулся к центру зала. Де Брези только плечами пожал:

— Так и вижу, как голову этого ребенка насаживают на пику у Лондонского моста. Но прошу вас, Филипп, не будьте слишком строги к нему: я всегда представлял вас ему как идеального англичанина, а он привык верить моим суждениям.

Вскоре Де Брези позвали к королю, и Филипп, который

уже давно с неудовольствием наблюдал, как какой-то молодой повеса пытается увлечь Маргарэт в сад, поспешил вмешаться.

— Как же, в сад, погулять, — проворчал он и повел Маргарэт назад, в нишу. — Не понравилось мне это приглашение, мадам. Господин повеса слишком напоминает мне кузена Фрэнсиса, а он-то никогда не гуляет с дамами просто так.

Только тут Филиппу пришло в голову, что он может показаться Мэг чересчур назойливым, и он поспешил с улыбкой добавить:

— Если я вмешиваюсь не в свое дело, Мэг, так и скажите, не стесняйтесь. Я понимаю, что больше не могу бранить вас зато, что вы падаете с яблонь.

— И вовсе это была не яблоня, — заметила она. — К тому же, сэръ, я ниоткуда не падала. — Откинувшись на подушку, она с нескрываемой радостью посмотрела ему прямо в глаза. — Как я рада видеть вас снова. Знаете ли, я весь ужин придумывала, как бы подойти к вам. Я просто боялась — ведь столько времени прошло. Мне так хорошо было у вас в Англии.

— И нам вас всегда не хватало. Холм перед воротами показался таким голым, когда я вернулся, а встретить меня было некому. Но это было уже через годы после вашего отъезда, когда отец уже увез вас во Францию.

Она опустила глаза, рассматривая узор на платье.

— Да. А как вы, сэръ? У вас жена и дети, наверное, растут в Уиллоуфорде?

— Боюсь, нет. Эй, в чем дело, что я такого сказал?

Она с трудом удерживалась от смеха.

— Да нет, просто удивилась. Все женятся, странно, что вы один.

— Я считаю, что мне повезло. В наследстве я не нуждаюсь, а население детских приютов увеличивать не хочу, — с

улыбкой сказал Филипп, слишком поздно сообразив, что допустил бестактность. — Извините, Мэг, — с искренним сожалением оборвал он себя. — Я совсем забыл — мне говорили про вашего ребенка.

Она притронулась к его пальцам и тут же отняла руку.

— Ничего страшного. Я и сама не часто вспоминаю. Да и как мне особенно тужить? Ведь с самого начала это был не мой ребенок. То есть, я хочу сказать, мсье нужен был сын, а мое дело маленькое — родить. Теперь все осталось позади, но ради мужа хотелось бы надеяться, что, может, еще и получится...

На лицо ее набежала, но тут же исчезла легкая тень, и у Филиппа защемило сердце.

— Мэг, вы же не хотите сказать, что он так бесчувствен...

— Бесчувствен? — Она грустно посмотрела на Филиппа из-под полуопущенных ресниц. — Он годами ждал этого ребенка — о том, что может родиться девочка, даже и не задумывался, — и, когда все случилось, я не слышала от него ни слова упрека. Он щедр, — Мэг запнулась, — и великодушен. Я признательна ему.

В душе Филиппа, который сохранил память о доверчивом прикосновении ее детской руки, эти слова отозвались острой болью.

В сопровождении своих братьев, герцогов Кларенса и Глостера, герцогиня Бургундская на следующий день вернулась в Сен-Омер. И тут, на диво англичанам, начались такие празднества! О странствующем герцоге Бургундском не было ни слуху ни духу: вместо него из Кале приехал граф Риверс, его появление ознаменовалось турниром, в ходе которого блистательный Вудвил продемонстрировал свое легендарное мастерство.

— Похоже, — ледяным голосом заметил Фрэнсис, — что король Людовик в тысяче лье отсюда.

Филипп пожал плечами и рассмеялся.

Лето достигло своего зенита и было жарким, как страстная любовь. Ричард велел Филиппу немного развеяться, и, видит Бог, заняться было чем, развлечений хватало: карнавалы, пиршества, охота с зазывными звуками рожка, разрывающими хрупкую тишину сиреневого рассвета. Или тихие прогулки по густому лесу: позади только Уилл Паркер, служанка Мэг и паж с подушками на тот случай, если им захочется отдохнуть. Маргарэт сказала, что она не впервые при дворе, впрочем, Филипп и сам об этом догадался. Герцогиня Бургундская ей явно благоволила и всегда искала ее общества — настолько, насколько это позволяли дела мужей. Иногда во время прогулок им на пути встречались либо лесник, либо фермерская девушка с козлом на привязи. Это были фламандцы, хозяйева-французы относились к ним с пренебрежением, но Маргарэт, знавшая этот язык, всегда говорила с ними по-фламандски. Она смущенно заметила, что мсье, знай он об этом, не стал бы возражать, — Филипп понял намек. Он пытался понять, о чем Мэг разговаривает с незнакомцами, но ничего не получалось. Тогда Филипп заявил, что фламандский язык варварский, в ответ услышал, что он просто туг на ухо. Филипп кротко согласился и обещал исправиться. Услышав это, Маргарэт засмеялась.

Расположившись на лужайке, окруженной вязами, они устроили нечто вроде пикника. Перекусив, Филипп растянулся на земле и исподлобья посмотрел на Мэг. В глазах ее, казалось, отражалось все многоцветье лесных трав — от изумрудно-зеленой до блекло-бежевой. Перехватив ее взгляд, Филипп сказал с улыбкой:

— Вы напоминаете мне герцогиню Глостер: у нее тоже прежде всего смеются глаза. В Миддлхэме я все время пытался вспомнить, где же я раньше видел это.

— Лестно слышать, — с притворной скромностью от-

кликнулась Маргарэт. — Говорят, вы оказываете ей знаки внимания.

— В самом деле? Наверное, герцогу Глостеру было бы любопытно об этом узнать. Увы, у нас в Йоркшире так и не научились ухаживать за дамами. Бывает, во время турнира я ношу ее цвета — сам герцог на такие пустяки не обращает внимания.

Солнце, пробившееся сквозь листву, ударило Филиппу в глаза, он отвернулся. Правая рука утонула в зелени травы. Сильная, мускулистая, она имела одну особенность — между большим и указательным пальцами расстояние было более широким, чем обычно. Из поколения в поколение Ловелы делали латные рукавицы на заказ в Аутсбурге или Милане, специально посылая тамошним оружейникам либо восковой отпечаток ладони, либо образец перчаток. У кузена Фрэнсиса, обратил внимание Филипп, ладонь точно такая же.

Не отрывая взгляда от рук Филиппа, Мэг неожиданно спросила:

— Это правда, что вы отказались от предложенного вам Глостером баронства?

— Глостер баронств не раздает, — кратко ответил Филипп.

— Хорошо, хорошо, пусть король. Но ведь ясно же, что достаточно одного слова герцога...

— Пожалуй. — Он с некоторым раздражением посмотрел на нее. — Интересно, где вы всего этого наслушались?

— При дворе самого герцога. Ваш собственный кузен рассказывает, что герцога ваш отказ немало позабавил. — Маргарэт сосредоточенно выдергивала стебельки разных трав. — Так почему же вы отказались?

— Наверное, из тщеславия, — шутливо сказал Филипп. — Мне приятно осознавать, что я не принимаю от него никаких даров. Конечно, это невыносимая гордыня, но при моем образе жизни я могу себе это позволить.

Последовало сочувственное молчание, его нарушало лишь едва слышное журчание ручья, берега которого обильно поросли камышом. В воде купались ветви ивовых деревьев. Служанка по имени Марта дремала около пустых котомок, а юный Уилл забросил удочку неподалеку. Поплавок лениво покачивался на поверхности воды. “Через час начнет темнеть”, — подумал Филипп. Но пока еще солнце нежно поглаживало спину, и уходить не хотелось.

Сквозь ивовые ветви на воде мелькнуло что-то белое, на них уставились чьи-то блестящие глаза. Филипп и Мэг одновременно приложили палец к губам, мол, тише, но уже через мгновение зашевелившиеся были ветви замерли. Приподнявшись на локте, Филипп заговорил:

— Помните уток в Уиллоуфорде? Вы считали, что это лебеди, и каждый день бегали смотреть, как они с появлением луны превращаются в принцесс. Так продолжалось до тех пор, пока какая-то девчонка из коровника не объяснила вам, что это вовсе не лебеди, а утки, и вы только понапрасну тратите время в ожидании чуда. Я, помню, разозлился на нее — могла бы и поделикатнее все это сказать; ну да такие тонкости им в голову не приходят. — Филипп опустил пальцы в воду. — Ох и давно это было!

Одна рука Филиппа лежала на коленях Мэг, другая, с небрежно закатанным рукавом, была по-прежнему опущена в воду. Маргарэт задумчиво смотрела, как вокруг нее весело вскипают и тут же опадают бурунчики. Наконец она одернула юбку и медленно проговорила:

— И верно, давно. Пора идти. Скоро начнет темнеть.

Из Сен-Омера донесся удар колокола — это звонили к вечерне в церкви аббатства Сен-Бертен. Филипп неохотно поднялся и, окликнув Паркера, пошел за лошадьми. Марта тщательно вытряхнула из котомок остатки еды. Едва они сели на лошадей и отъехали, как лебеди, опасливо взмахнув

крыльями, вылетели из своего ивового укрытия и принялись описывать круги над берегом в поисках корма.

На следующий день в Сен-Омер прибыл герцог Бургундский. С ним была лишь небольшая группа рыцарей, остальное войско развлекалось, как могло, в Лотарингии. Герцога это ничуть не смущало. “Английская армия, — хладнокровно заявил он, — и сама, без всякой поддержки, способна разбить французское войско Людовика, а покончив с этим, нетрудно будет пройти быстрым маршем по опустошенным землям последнего и соединиться в Лотарингии с бургундскими силами”. То, что земли опустошил сам Людовик, герцога, казалось, ничуть не занимало. Зимняя кампания принесла стране такое разорение, что англичанам нелегко было найти хоть какую-то еду. Герцог всячески уходил от прямого вопроса Ричарда, в какой из своих городов он позволит войти англичанам во время похода на юг. Герцог отговаривался тем, что его подданные не любят иностранных войск. Ричарда то изумляло, то возмущало поведение герцога Бургундского, к тому же его мучили приступы лихорадки, которую он подцепил в Сен-Омере. Ричард, взяв с собой Бургундца, поспешно отправился в Кале держать совет с Эдуардом. Там Карл вновь изложил свой план победоносной кампании — за его спиной братья постоянно переглядывались. Заговорили о предательстве графа Сен-Пола. Коль скоро он готов сдать крепость Сен-Квентин, то, по мнению Эдуарда, надо как можно скорее двигаться туда через Артуа и занимать этот важный укрепленный пункт. А дальше видно будет. Эдуард бросил беглый взгляд на брата, который, видимо, совсем разболелся. “Поскольку в Сен-Квентине, — продолжал он, — предстоит передать управление крепостью англичанам, то Эдуард намерен оставить герцога Глостера с небольшой свитой в Сен-Омере представлять английские интересы при бургундском дворе. Против этого Карл не возражал и, дабы закре-

пить достигнутое соглашение, на пути из Кале обрушил на своих шуринов настоящий вал пиршеств.

Предоставив брату роль сторожевого пса при герцоге Бургундском со всеми его добрыми намерениями, Эдуард позволил себе в Сен-Омере предаться удовольствиям. Роскошные застолья с танцами и представлениями длились порой до утра. Бургундия и ее властители — герцог и герцогиня — явно хотели показать товар лицом, чтобы отрезвить брата, Ричард раздраженно заявил, что он бы с радостью обменял обещанный Бургундцем взвод медиков с их пиявками на хоть какое-то помещение для мокнущих под дождем солдат.

На следующий день была охота. На французский манер вооружившись арбалетами, пошли с гончими на зайцев. Фрэнсис поднялся рано. Выйдя из комнаты, которую он делил с Филиппом, Фрэнсис направился к Ричарду узнать, как он сегодня себя чувствует. Выяснилось, что герцог еще не вставал и на охоту не собирается. Узнав об этом, Филипп, еще нежившийся в постели, заявил, что он тоже не поедет. Зайцев пусть загоняют другие, а он обещал показать Мэг соколиную охоту. Фрэнсис равнодушно посмотрел на прогульщика и, сказав: “Ваше дело, конечно”, вышел из комнаты.

Прогулка Филиппа и Маргарэт оказалась не очень удачной. С самого начала возникали какие-то мелкие помехи, которые, по мнению Филиппа, бросили тень на все последующее. Когда Филипп пришел к Мэг, выяснилось, что она еще одевается. Дверь в спальню со скрипом отворилась. Филипп вошел и остановился у окна. Вокруг снова слуги. Послышался голос Де Брези:

— Посещения герцогини — ваша обязанность, предполагается, что вы не будете ею пренебрегать. Знай я, что сегодня она отправилась за братом, я бы непременно послал вас... — Маргарэт ответила мужу, но слишком тихо, чтобы услышал кто-то еще. Де Брези продолжал: — Ну да, я понимаю, что она вас отпустила. Что же касается этого молодого

человека, то тут дело другое: его работа впереди, и к тому же, насколько я знаю, он заслужил отдых. А у вас работа другая, просил бы, мадам, помнить об этом. Смотрите, повториться это не должно.

Филипп все еще смотрел в окно, когда дверь широко распахнулась и в комнату вошел Де Брези. На нем были рейтузы и камзол с закатанными рукавами, из-под которого виднелась рубаша. При ярком свете складки, залегающие вокруг рта, выделялись особенно резко.

— Итак, Ловел, отправляетесь на свою персональную охоту? Ну что же, день обещает быть превосходным.

Словно он никого только что не отчитывал. Поначалу Филипп заколебался и даже не знал, что ответить. Уловив, однако, взгляд Маргарэт из-за спины мужа, он сказал с улыбкой:

— О вашей французской дичи легенды ходят, мсье, необходимо их проверить. Поехали с нами и посмотрим, оправдан ли мой скепсис.

Де Брези рассмеялся и ткнул пальцем в сторону спальни.

— Да нет, и так уже утро прошло. Удачи вам, дети.

Филипп обратил внимание на стол, заваленный какими-то списками и картами, свечи совсем оплыли, что явно свидетельствовало о ночной работе хозяина. Постель была еще не застелена, в изножье валялась куртка. Накануне Де Брези вернулся с Эдуардом из Кале и в течение ночи вносил изменения в планы герцога Бургундского.

Филипп и забыл, что ему надо возвращаться в Сен-Омер.

Пробило девять, когда они выезжали из городских ворот. Позади следовали Уилл Паркер, сокольничий, служанка и пажи. Маргарэт старалась казаться веселой, хотела всем своим видом заставить спутника забыть о том, чему он оказался невольным свидетелем, — и Филипп принял эту игру. Все равно, подумал он, что ни скажи, сейчас окажется либо глупостью, либо банальностью, либо фальшью. Охота

получилась удачной, хотя и не выдающейся. Попадались им в основном мелкая дичь, впрочем, Филипп больше думал о Мэг, ему хотелось развеселить ее. И со временем ему это стало удаваться. Сокольничий и паж, взяв добычу, отправились домой. Филипп и Мэг продолжали прогулку по лесу. Иногда, на лужайках, они пускали лошадей галопом. Когда равнинная местность сменялась ручьями и оврагами, ехать стало труднее, но отличные наездники справлялись с этим довольно легко. Паркер и служанка держались по-прежнему позади.

Солнце медленно опускалось за кронами деревьев. У речушки с глинистыми берегами лошадь Маргарэт заскользила. Филипп, изогнувшись в седле, схватил всадницу за руку, давая ей понять, что прыгать через речушку рискованно. Маргарэт собралась пришпорить коня, но неподвижно перевела взгляд на руку Филиппа. Губы ее скривились, Мэг отвела взгляд куда-то в сторону и напряженно произнесла:

— Будьте так добры, сэр, уберите руку.

Удивленный ее резким тоном, Филипп повиновался. Сначала он подумал, что сделал Маргарэт больно, но, вспомнив утреннюю сцену, покраснел и убрал руку.

— Мэг, я вовсе не собирался...

Не дослушав его, Маргарэт круто развернула коня — из-под его копыт полетели комья глины, — кивнула служанке, чтобы та следовала за ней, и рысью направилась к видневшимся вдали городским стенам. Марта и Уилл Паркер двинулись за ней.

Уже у дома, спешиваясь, Филипп вновь попытался взять Мэг за руку. Мэг упрямо отдернула ее и, резко отвернувшись, пошла к дому.

Обед давно был в разгаре, после него предполагались танцы. Завтра Эдуард должен был покинуть Сен-Омер. Эрар Де Бреси отправился в Кале раньше и, уезжая, просил передать жене, чтобы та непременно была во дворце. Маргарэт

знала, что, не приди она, наверняка найдутся доброжелатели, которые донесут об этом мужу. Впрочем, сейчас это ее не очень волновало. Умываясь, подбирая наряд, накладывая румяна, Мэг думала о Филиппе, только о нем. Она обидела Филиппа совершенно незаслуженно. Удастся ли им еще поговорить сегодня? Когда он появится — сразу или потом? А может, Глостер пошлет его куда-нибудь и Филиппу вообще не удастся прийти?

Когда Маргарэт вошла в зал, столы уже были убраны, несколько пар танцевали при свечах. За фигурами танцоров и развевающимися шлейфами дам Маргарэт разглядела Филиппа. Веселый, как майский день, он, казалось, был совершенно поглощен беседой со своим кузенком и одной из придворных дам герцогини Бургундской. На самом деле Филипп впервые за вечер отвел взгляд от входа. Но этого оказалось достаточно. Когда секунду спустя он вновь украдкой посмотрел на дверь, а затем обвел взглядом зал, ему открылась великолепная картина: граф Риверс склонился над рукой мадам Де Брези. Это был удар побольнее всего, что досталось на долю Филиппа за прошедший день. Он резко отвернулся. Когда Маргарэт снова украдкой взглянула в его сторону, он смеялся над какой-то дурацкой шуткой Роберта Перси, как бы не замечая, что в зале появилось новое лицо. В горле у Мэг пересохло. Изысканные комплименты брата английской королевы звучали банально и глупо, а от пряного запаха духов, исходящего дамами и кавалерами, ей становилось тошно.

Музыка умолкла. Оркестранты принялись настраивать инструменты, готовясь исполнить что-то новое. Кавалеры высматривали дам для очередного танца. Краешком глаза Маргарэт заметила, что Филипп неподвижно стоит у стены с роскошными восточными гобеленами. Сердце у нее разрывалось от тоски и печали, но уж очень хотелось хорошенько проучить этого ловеласа. Подошел лорд Гастингс. Слишком

уж много позволяет себе Тони Риверс, смеясь, заговорил он. Кто, в конце концов, ближайший сосед лорда Деверю в Ланкашире? Он, Гастингс, и у него больше прав на его дочь, чем у этого повесы. Ну, а чтобы заполнить чашу до краев и довести заслуженное наказание до конца, Маргарэт передали приглашение Эдуарда: Его Величество будет рад, если мадам Де Брези разделит его компанию. Опустившись перед королем на колени, Маргарэт бросила беглый взгляд в сторону и с удовлетворением убедилась, что целиком завладела вниманием Филиппа Ловела.

Резко повернувшись, Маргарэт села на указанное королем место справа от него. Снова заиграла музыка. Король предложил Маргарэт руку и повел ее, примеряя свой длинный шаг к ее короткому, с легкой улыбкой наблюдая за тем, как старательно ведет она свою партию. В зале было душновато, хотя все двери распахнули настежь. Неожиданно король увлек партнершу в сторону, на залитую лунным светом веранду. Чуть поодаль, так, чтобы не видно было из ярко освещенных окон, стояла каменная скамья, охраняемая какими-то изваяниями-чудовищами. Усадив Маргарэт рядом, Эдуард небрежно откинулся на высокую спинку. Только тут она словно очнулась.

Нимало не смущенный ее напряженным молчанием, Эдуард задумчиво поглаживал ее плечи. Король прекрасно знал, что Эрар Де Брези находится в Кале — так что обстоятельства складывались весьма удачно, если только эта женушка не обманет его ожиданий. При свете луны четко выделялся красиво очерченный профиль молодой женщины; руки ее вцепились в лапу каменного леопарда.

— Мадам, у вас в ладони вся Англия, — непринужденно улыбаясь, заметил Эдуард.

Маргарэт поспешно убрала руку.

— Ваше Величество очень добры.

— Я добр? Да нет же, красавица, доброта — это ваша

привилегия. — Эдуард склонился еще ниже и повернул к себе лицо Маргарэт. — С тех пор как я нахожусь здесь, во Франции, никого красивее вас не встречал.

Она и не думала, что прикосновение мужских рук может быть таким разным. Сначала она буквально оцепенела, будто ее обдали холодом, потом, уловив его взгляд, покраснела до корней волос. Пытаясь прикрыть грудь вуалью, Маргарэт вдруг выпустила ее из рук, рванулась было поднять, но Эдуард уже начал непринужденно поигрывать звеньями золотого ожерелья, украшавшего шею женщины.

— Занятная безделушка, — сказал он и отвел руку. Мэг напряженно выпрямилась, и, пока искала подходящие слова, Эдуард крепко обнял ее за плечи.

Маргарэт попыталась освободиться:

— Ваше Величество, это какая-то ошибка, я вовсе не имела в виду...

Эдуард засмеялся. Рука его скользнула за вырез платья и прижалась к груди молодой женщины.

— Красавица моя, мне еще не встречались женщины, которые поначалу... имели бы в виду. Тихо, тихо, моя славная, этот ротик явно предназначен для поцелуев...

Маргарэт молча сопротивлялась. Ей стало страшно. Движением опытного ловеласа король поднял ее подбородок, но внезапно отпустил. Позади послышались чьи-то шаги.

Не веря в свое избавление, Маргарэт резко откинулась назад. Эдуард на мгновение застыл, потом обернулся и резко произнес:

— Вы крайне не вовремя, сэр Филипп.

Удивленный и смущенный, Филипп остановился в нескольких шагах от них, затем подошел и опустился на колени.

— Тысяча извинений, Ваше Величество. Дело в том, что я искал самую жестокосердную даму во всей Бургундии. Никак не ожидал найти ее в обществе Вашего Величества.

Король с усмешкой посмотрел на Филиппа.

— Тем не менее это так, — сказал он. — Мадам, подобно библейскому Давиду, исчисляет свои жертвы десятками тысяч.

— Воистину так, Ваше Величество.

Наступило молчание. Любой другой на его месте немедленно удалился бы, но Филипп, судя по всему, был безнадесен по части знания этикета. Вновь обернувшись к соседке, Эдуард поведительно бросил через плечо:

— Позвольте пожелать вам всего доброго, сэр Филипп, и — до лучших времен. А пока, боюсь, Бог не на вашей стороне.

Сказано было яснее ясного, но Филипп не пошевелился.

— Ваше Величество, — протянутая в отчаянии рука остановила короля, готового уже оборвать наглеца. — Ваше Величество, отдаю себя на ваш суд. Право, я оказался в ужасном положении. Уже час прошел, как мадам велела мне пригласить ее на танец, и музыканты все еще настраивают инструменты. Я дал ей слово, теперь я раб ее. Неужели мне предстоит сделаться клятвопреступником? — Эдуард резко обернулся, словно не веря ушам. Он был явно в ярости, но по лицу Филиппа по-прежнему блуждала обезоруживающая улыбка. — Сир, вы для всех являетесь образцом истинного кавалера. Прошу вас быть моим судьей.

Маргарэт вскочила и умоляюще вытянула руки:

— Ради Бога, сир, не обращайтесь внимания на то, что он говорит. Он либо обезумел, либо просто пьян...

Голос ее осекся, и Маргарэт разрыдалась. Не обращая на нее внимания, Эдуард медленно проговорил:

— Да, Ловел, в настойчивости вам не откажешь.

Почти произвольно он скосил глаза на женщину, буквально побелевшую от страха. Право же, скроена она была ладно — стройная фигура, точеное лицо и прямой, искренний взгляд. И как-то особенно явственно король ощутил груз прожитых лет. Позади остались времена, когда, надев маску, он тайно вышагивал по Лондону, подвергая испыта-

нию целомудрие многочисленных жен. Но тело повиновалось ему все хуже, и от многих жизненных радостей приходилось уже отказываться.

Он снова посмотрел на Маргарэт, все еще молившую его взглядом о пощаде, и губы его искривились. Он всегда дорожил репутацией галантного кавалера. Помимо всего прочего, Маргарэт — жена Эрара Де Брези. Так что вполне вероятно, сопротивляется она искренне. Прижав палец к подбородку, он непринужденно сказал:

— Красавица, вы дали обещание, и интересы чести заставляют меня отступить.

Филипп, ничем не выдавая своей радости, распрямылся и протянул руку:

— Мадам?

Рука у него была совершенно ледяная. Не говоря ни слова, Маргарэт поднялась и оправила юбку. Равнодушно наблюдая за нею, Эдуард заметил:

— В Барнете вы оказали герцогу Глостеру большую услугу, сэр Филипп. Я уж давно жду, что вы попросите возмещения, но мой брат говорит, что вы лишены честолюбия.

— Наверное, так оно и есть, Ваше Величество.

— Ну что же, — полные губы еще раз искривились, — во всяком случае, сэр, я свои долги плачу, но только однажды. — Их взгляды встретились на мгновение, Эдуард отвернулся первым. — Можете идти, сэр Филипп.

По траве прошуршал полог платья. Филипп и Маргарэт пересекли лужайку, завернули за угол и скрылись из вида. Из зала доносились звуки музыки, то нежные, едва различимые, то громкие, они растворялись в прохладном ночном воздухе при шелесте деревьев. Выбрав место потемнее, Филипп остановился и напряженно сказал:

— А ну-ка, подождите секунду. Вот уже зал. Нужно, чтобы вы улыбались, когда мы войдем. Платье у вас — оно что, порвано?

— Нет. — Маргарэт содрогнулась. Дерево, росшее не-
вдалеке, раздваивалось прямо у самой земли, Филипп подвел
к нему Мэг и усадил на образовавшееся сиденье. Она подня-
ла голову, пытаясь прочитывать выражение его глаз, но было
совершенно темно. Филипп отнял руку и отошел чуть в сто-
рону. — Вы загубили свою карьеру. Что мне сказать... что
сказать, кроме того, что все это из-за меня, из-за моих капри-
зов?

— Вы не должны так думать. Честное слово, мне от
него ничего не нужно. А что касается всего остального, то
что, собственно, вам было делать? Наверное, чтобы вам не
быть одной, мсье как раз и оставил вас на мое попечение.
Да, да, именно так.

Последовало продолжительное молчание. Филипп смот-
рел куда-то в сторону, и Маргарэт был виден только контур
его плеч. Внезапно она почувствовала сильную, но совер-
шенно необъяснимую тревогу. Филипп обернулся, подошел
к ней и мягко спросил:

— Ну что, теперь все в порядке? Не следует оставаться
здесь слишком долго.

Маргарэт почувствовала, что он протягивает ей руку, и
отпрыгнула:

— Нет, нет, мне не хочется туда возвращаться... давайте
еще чуть-чуть подождем.

— Нельзя, Мэг. Вы и так слишком много времени прове-
ли в его обществе: еще немного, и все станет известно мсье.
Вас должны видеть, и чем скорее, тем лучше.

Их пальцы скрестились в темноте. Сердце у нее подпры-
гивало. Филипп слегка сжал ее запястье, Мэг ничего не ос-
тавалось, как следовать за ним. Слова Филиппа были чистой
правдой, она сразу же убедилась в этом: любопытствующие
взгляды дам, насмешливые улыбки кавалеров из Вестмин-
стера свидетельствовали об этом. Маргарэт бросало то в
жар, то в холод. Едва держась на ногах, она переступила

порог. Филипп остановился перекинуться парой слов со своими знакомыми французами. Маргарэт последовала за ним в центр зала. Фрэнсис, перехватив взгляд Филиппа, направился в их сторону. Собственно, в молчаливом обмене посланиями не было нужды — Фрэнсис постоянно следил за входом в зал с того самого момента, как его кузен вышел. Фрэнсис явно был в приподнятом настроении — только что его удостоила беседы герцогиня Бургундская, теперь ему не терпелось похвастаться.

— Честное слово, кузен, она — настоящий генерал. Жаль, что она не может командовать войсками вместо мужа. А ему бы лучше оставаться дома. Это правда, что епископ Комбрийский ее любовник?

— Понятия не имею, — с улыбкой ответил Филипп. — К тому же Ваша Светлость знает герцогиню куда лучше моего, чего же спрашивать?

Подошедший Перси, в свою очередь, призвал Фрэнсиса быть поскромнее, а оказавшиеся рядом англичане отвернулись, с трудом сдерживая улыбку.

Маргарэт почти не слышала, о чем они так весело болтали. Она смутно ощущала, как что-то стремительно меняется: даже любопытные дамы перестали перешептываться и глазеть на нее. Ей было все равно, главное — она спасена. И спас ее Филипп. Единственное, что имело значение, — его рука, прикрывающая ее руки. Муж, думала она, будет недоволен, ну и пусть. Лишь бы Филипп посмотрел на нее сейчас и перестал болтать, сколько же можно разговаривать, в самом-то деле! Между ними вновь воздвигается и растет стена. Хоть бы он умолк и снова стал самим собой! Филипп, что бы он там ни говорил, рассуждала про себя Мэг, наверняка зол на нее. А держится рядом только потому, что когда-то капризную девчонку отдали на его попечение, он не может забыть этого и считает, что до сих пор обязан о ней заботиться. Яркий свет люстр резал глаза, Маргарэт было не по себе,

она сгорала от стыда, саднило на душе, единственное, чего хотелось, — найти место поукромнее и выплакаться.

Наконец места на возвышении опустели. Карл с женой, а вслед за ними гости разошлись по своим апартаментам. Филипп, однако же, продолжал о чем-то оживленно беседовать с друзьями. Улучив минуту, Маргарэт прошептала:

— Прошу вас, право же, я больше не могу...

Они стояли недалеко от входа. Конечно же, он должен все понять и последовать за ней! Пройдя несколько шагов, Маргарэт остановилась в ожидании, прислонившись к яркой колонне. Ничего, кроме собственного прерывистого дыхания, Мэг не слышала, а когда она обернулась, на пороге никого не было.

Ранним утром Эдуард отбыл в Кале. Ричард, чье здоровье явно пошло на поправку, проделал с ним часть пути, а ближе к полудню вернулся в Сен-Омер. Среди тех, кто встречал его, Филиппа не было. С некоторым удивлением герцог обнаружил его в собственных апартаментах. Филипп смотрел в открытое окно, откуда открывался вид на двор, в котором сновало множество людей, и дальше — на зеленые поля, расстилавшиеся за городскими стенами. Ричард стал рядом и заметил:

— Превосходная панорама, не правда ли? Полагаю, у нас будет немало возможностей ею насладиться. Отчего бы, Филипп, вам не послать в Англию за собаками и соколами — скоро у нас будет полно свободного времени.

Все еще глядя вдаль, Филипп с некоторым напряжением ответил:

— Странно, милорд, но я и сам об этом только что подумал. А мы долго здесь задержимся?

— По крайней мере несколько недель. Король хочет, чтобы мы не трогались с места, пока он не освободится в Сен-Квентине.

Ричард подошел к туалетному столику и отпил немного вина прямо из бутылки. Помолчав немного, Филипп сказал:

— Ну что же, раз все так складывается, не могли бы вы дать мне отпуск на это время? Я собирался вернуться в Кале. А через месяц буду в вашем распоряжении.

Поставив бутылку на место, Ричард внимательно посмотрел на Филиппа:

— В Кале? Бог мой, что вы там забыли? Как только король двинется в путь, в этом местечке никого не останется.

— У меня там дела в доках. Приказчик ворчит, что в последнее время товары стали доставлять с большим опозданием, и я обещал, если позволит время, лично заняться этим делом. Да к тому же и здесь меня ничто не держит.

Сдвинув брови, Ричард подошел к окну.

— Видите ли, Филипп, мы здесь вовсе не просто потому, что ко мне прицепилась эта проклятая лихорадка. Есть причины и посерьезнее. Бургундец настолько запустил дела, что в любой момент может пойти на мировую с Людовиком. Наше присутствие здесь должно удержать его от подобных поползновений. С другой стороны, нам нужно убедить его, что мы вовсе не собираемся воткнуть ему нож в спину. К сожалению, Карлу нельзя доверять, но нельзя также позволить ему сомневаться в наших добрых намерениях.

— Ясно, — ответил Филипп. День был холодный и облачный. Из-за морщин, так хорошо видных при тусклом освещении, Филипп казался старше своих лет. — Ясно, — повторил он. — Но я не вижу, каким образом мое отсутствие может возбудить подозрения у герцога. Неужели ему есть хоть какое-то дело до того, что я ближайšie две недели буду проверять счета у торговцев шерстью в Кале?

— Видите ли, на месте герцога я бы весьма усомнился в том, что вы заняты именно этим, — задумчиво проговорил Ричард. — Вы не раз выполняли мои самые конфиденциальные поручения, и герцогу об этом хорошо известно, на этот

счет никаких иллюзий быть не должно. — Ричард с симпатией и некоторым лукавством взглянул на Филиппа. — Вам что, просто на месте не сидится? Что ж, если вы ищете развлечений, всегда можно попросить Эрара Де Брези взять вас с собой. Он сегодня возвращается из Кале, а уже в четверг отправляется в Лотарингию — герцог Бургундский посылает его туда наводить порядок. Рискну предположить, что Де Брези будет приятно ваше общество. Хотя подозреваю, что сами-то вы могли бы найти летом более приятное времяпрепровождение, чем усмирять зарвавшихся юнцов на юге Франции.

Филипп подошел к окну, взял оставленную там Ричардом бутылку и переставил ее на богато инкрустированный буфет.

— Пожалуй, мог бы. — Филипп немного помолчал, задумчиво вертя в руках бокал. С полированных деревянных панелей буфета на Филиппа, лукаво улыбаясь, смотрели резные чертики. — В четверг, говорите? Я и не думал, что так скоро...

Открылась дверь, и в комнату вошел паж — он принес полотенца, губки и таз с травяным отваром. За ним следовали слуги с горячей водой. Они молча направились в спальню, там у камина уже стояла большая бадья для мытья. Зевнув, Ричард отошел от окна. Один из слуг опустился перед ним на колени, чтобы снять с герцога запыленные ботинки. Бросив на Филиппа, все еще неподвижно стоявшего у буфета, лукавый взгляд, Ричард заметил:

— Слушайте, Филипп, в Миддлхэме такой наряд, пожалуй, мог бы сойти, но если вы явитесь к обеду в этом здесь, я за последствия не отвечаю. Если вам нет дела до переживания моего шурина, то пощадите хотя бы меня. Неужели нельзя надеть хоть какие-нибудь украшения?

Филипп словно очнулся ото сна и, взглянув на свои простые рейтузы и кожаную куртку, отрывисто сказал:

— С вашего разрешения, милорд, я предпочел бы не приходить сегодня во дворец. У меня есть одно дело... или, как бы сказать... словом, Уилл будет знать, где меня искать. — И он, не оглядываясь, вышел из комнаты.

Человеку с деньгами было чем заняться в Сен-Омере. За несколько дней, которые показались Филиппу тягучими, он испробовал всевозможные развлечения. Давно уже у него не было столько свободного времени. В Англии он занимался делами герцога Глостера, сейчас мог бы наконец заняться своими. Но вот что странно: Филиппу абсолютно ничего не хотелось делать. Даже своими апартаментами он не желал заниматься. От рассвета до заката он предавался развлечениям: балы, карнавалы, светские рауты — его видели там и здесь.

Дамы забавлялись, устраивая нечто вроде любовных судов. Серьезно и основательно — во всех подробностях — обсуждались вопросы: может ли мужчина, отвергнутый любовницей, завести новый роман и сколько времени нужно, чтобы дама явилась к нему обнаженной. Фрэнсис от скуки пошел поглазеть на все это и вернулся, держась за живот от смеха: его выбрали верховным судьей, а адвокатом ответчика, именованным “Золотые Уста”, естественно, назначили Роба.

Высокий дамский суд не вынес никакого решения и на следующий день. Тем временем всеобщее внимание было отвлечено другим: два фламандца подумали решить дело чести в боевом поединке. Само дело бургундскую знать никоим образом не интересовало, однако многие собрались поглазеть на то, как два почтенных фламандских негоцианта будут сражаться. Как зрелище эта битва не шла ни в какое сравнение с поединками французских аристократов. Но Филиппу, ставшему невольным свидетелем дуэли, показалось, что крови тут будет не меньше. В рыцарских турнирах, когда соперники демонстрируют быстроту и ловкость, он знал

толк, здесь же ничего подобного быть не могло. Единственный интерес зрелища состоял в том, что противники старались забить друг друга насмерть. Дождавшись, когда решится исход сражения и побежденного, оставшегося без дубины в руках, уволокнут под свист публики с поля боя, Филипп собрался уходить. Перси окликнул его, предлагая посмотреть петушиный бой, которым заканчивалась дневная программа, но Филипп покачал головой и начал пробираться к выходу. Тут, двумя рядами выше, находилась Маргарэт. Она сидела в ложе, окаймленной шелковой лентой, с придворными дамами герцогини Бургундской.

Так близко он не видел ее с того самого вечера, как Эдуард вернулся в Кале. Их взгляды скрестились, и словно годы пронеслись, исчезая в дымке былого. На середину площадки вышел герольд, он провозгласил имя победителя и обосновал его правоту. Все зааплодировали и поднялись, заслоня собой ложу герцогини. Мэг исчезла из виду.

Филипп отправился в копошню. Уиллу он сказал каким-то чужим голосом, что тот сегодня больше не понадобится, и, вскочив на коня, поехал в Сен-Омер.

Его отсутствие на ужине осталось незамеченным, с друзьями он увиделся, только когда Перси и Фрэнсис вернулись домой. Разговор вертелся вокруг петушиного боя. Оказывается, Перси промахнулся и сделал ставку не на того петуха. Его смутило то, что через пять минут после начала боя он показал белые перья. Фрэнсис, немало нажившийся на оплошности товарища, оставил Перси зализывать раны в компании друзей, а сам пошел к камину. Филипп был здесь же. Перехватив его взгляд, Фрэнсис взял стаканчик и игральные кости, устроился рядом и принялся подбрасывать кубик.

— Никогда не ставьте на серых, Роб, — с притворным сочувствием поучал Перси один из его мучителей. — Они только хвост умеют распускать. Вот если бы это был...

Другие шумно запротестовали, завязался настоящий спор.

Не обращая на них никакого внимания, Филипп прошел к туалетному столику, налил доверху стакан вина. Чтобы отвязаться от приятелей, затевающих, судя по всему, длительную дискуссию, Перси лениво произнес:

— Хорошо, Рэтклиф, в следующий раз непременно посоветуюсь с вами. Не сомневаюсь, что у вас найдется что сказать.

Он подошел к Филиппу и, пробормотав как бы про себя: “Вот неутомонные”, потянулся без спроса к бутылке. Филипп с улыбкой передал ему наполненный бокал, Перси выпил его залпом, повернулся и сказал с кислой усмешкой:

— Ладно, на сегодня мне вполне хватит бургундского гостеприимства. Говорят, тут неподалеку есть таверна, где подают пиво, какое и в Англии не всегда съпщешь. Который час?

— Вроде девять только что пробило, — откликнулся Фрэнсис.

Перси затоптался на месте, решая, что делать. Филипп опорожнил кубок, потянулся было снова за бутылкой, потом передумал и подошел к окну. Был душный вечер, тяжелый воздух словно застыл, не ощущалось ни малейшего дуновения ветра. Где-то вдали полыхали зарницы.

— Если вы идете, Перси, — вдруг произнес Филипп, — я с вами.

Перси радостно кивнул и направился к двери.

— Сейчас, только скажу своему малому, чтобы не дожидался меня и шел спать.

Хлопнула дверь. Ричард Рэтклиф потянулся и сказал:

— Недурная идея, право. Если нам предстоит еще целый месяц здесь груши околачивать, то лучше уж было уйти с Де Брези.

— Сегодня как раз отправились последние его люди. Отчего бы вам не отпроситься у герцога? Может, еще догоните их, — посоветовал Эштон, долговзый северянин с пронзительным взглядом. Он много лет служил у Глостера.

Рэтклиф пожал плечами и усмехнулся:

— Да нет, должно быть, у герцога свои планы. — Он задумчиво поскреб затылок. — Сегодня, говорите, Ральф? А я-то думал, Де Брези ушел еще в прошлый четверг.

Эштон ухмыльнулся и неопределенно пожал плечами.

— Ушел-то ушел, да, как я слышал, не в Лотарингию. По крайней мере, не сразу. С ним этот ублюдок, так что держу пари, он сначала отправился в Брюгге.

Уловив непонимающие взгляды приятелей, Эштон добавил:

— А вы что, не знали? У него там возлюбленная — ну, скажем, бывшая возлюбленная — мать ублюдка. Говорят, он ей устроил королевскую жизнь.

— А-а, эти домашние делишки... — лениво процедил Рэтклиф.

— Вот именно. Он прожил с ней больше двадцати лет, можете себе представить? Все звали ее “Прекрасная Лебедь”. Это целая история, неужели не слышали? Она дочь некоего Слатера, богатого торговца шерстью. Дело происходило еще во времена старого герцога. Один из его любимцев заметил девушку и увез ее с собой. Поскольку от герцога помощи ждать не приходилось, Слатер обратился к Де Брези, у которого с фламандцами было много дел, и вскоре герцогскому любимцу пришлось расстаться со своим трофеем. Но к несчастью для Слатера, девица приглянулась самому Де Брези. А он как раз недавно похоронил жену и, похоже, затосковал по женскому теплу. Говорят, он даже некоторое время сохранял ей верность.

— Верен, не верен, но уж сына-то ее он обеспечил по гроб жизни, — заметил Рэтклиф.

— Эй, Ральф, не желаете ли сыграть? — вмешался в разговор Фрэнсис, подбрасывая кости в стакане. Со своего места ему хорошо был виден кузен — Филипп буквально застыл у окна, и на фоне темнеющего неба сильно выделялась его белоснежная рубаха.

— А отчего бы ему и не быть щедрым? — спросил Эштон. — Ведь у него сейчас все есть, все, что только душе угодно. Иное дело — как там сложится в будущем, кому отойдут земли после его смерти. Вот это Де Брезии действительно покоя не дает. Ну а ублюдка и Прекрасную Лебедь он одарил, что и говорить, по-королевски. Кстати, мадам коротает дни в своих апартаментах в одиночестве, и я, видит Бог, совсем бы не прочь разделить ее компанию. — Эштон расколол орех.

Открылась дверь, и в комнату вошел Перси. Филипп потянулся за курткой.

— Филипп, я, пожалуй, присоединюсь к вам, — равнодушно сообщил Рэтклиф, — если только Роб пообещает не читать мне лекций о том, на каких петухов надо ставить.

Натягивая куртку и даже не подняв головы, Филипп коротко бросил:

— Я передумал, Роб. Дик вам составит компанию вместо меня. Фрэнсис, я скоро вернусь.

— Я вам не сторож, кузен мой, — откликнулся Фрэнсис, но Филипп уже вышел из комнаты.

Сад казался совсем пустынным, хотя все еще было светло. Избегая освещенных мест, Филипп пересек сад и поднялся по внешней лестнице к галерее. В дальнем ее конце виднелись настежь распахнутые окна. Филипп постоял немного, по-прежнему не выходя из тени, затем присел на невысокие перила и негромко сказал:

— Не составите ли мне компанию на часок, Мэг?

Маргарэт была не одна — над ее прической колдовала служанка. Услышав незнакомый мужской голос, она вздрогнула, резко повернула голову и едва не закричала. Маргарэт погладила ее по руке — мол, все в порядке, и откликнулась с улыбкой:

— С удовольствием! Принеси-ка вина, Марта.

Не поднимаясь с места, Маргарэт протянула Филиппу

руку. Все выглядело так, будто минувшей недели не было вовсе. Камеристка взгляделась в гостя, глаза ее расширились от изумления и неожиданно вспыхнули откровенной радостью. Пугаясь в складках платья, она поспешила в буфетную за фруктами и вином.

— Она не?.. — с некоторой неловкостью спросил Филипп.

— Не волнуйтесь, ни слова не проронит, — покачала головой Маргарэт.

Тем не менее оба слегка покраснели. Они были во внутренних покоях ее апартаментов, где Филиппу еще не приходилось бывать. Это была просторная комната с роскошным ковром, устилавшим пол из необработанного мрамора, и огромным гобеленом на стене. На нем был изображен всадник, перед ним — олень, а вокруг — разная лесная живность и яркие цветы.

— У вас необычная компания, Мэг, — кивнул Филипп в сторону гобелена. — Мне-то всегда казалось, что покои дам увешаны картинами, рассказывающими о приключениях Ланселота и Джиневры или, допустим, изображающими сад, где девушки наигрывают на арфах.

— Нет, мне нравится этот гобелен, я привезла его с собой из Сен-Обена. Фиалки на нем — прямо как у вас в Англии.

Маргарэт указала на книгу, лежавшую на столике:

— Помните? Вы привезли мне ее из Лондона, когда я жила в Уиллоуфорде. Это был первый подарок в моей жизни. В Брюгге мы жили слишком бедно, и даже если отцу приходило что-либо подобное в голову, он не мог себе этого позволить.

— Помню. — Филипп взял книгу. — Вы плакали, и я не мог понять почему. Бедняжка, трудно вам тогда приходилось. Но теперь-то вы могли бы...

— Нет. У отца сейчас три сына, старший назван в его

честь. Это я знаю от герцогини Бургундской, она получает письма из Англии.

Филипп не знал, что и сказать. Он перевел взгляд с книги, немного потрепанной, несмотря на бережное обращение, к яркому полотну на стене: казалось, в полутемной комнате правит пир сама природа. И тут ему пришло в голову, что есть люди, рожденные для любви, и любить они будут, чего бы им это ни стоило, вопреки всем и всему.

Все еще не отводя глаз от книги, Маргарэт медленно произнесла:

— Мне прежде не приходилось видеть ничего подобного. А ведь я всегда любила сказочных животных, вроде грифонов, василисков и этих, ну, как их там, — с туловищем льва и лицом человека с горящими глазами. А вы мне всегда представлялись в образе рыцаря, убивающего в мою честь этих монстров.

Он почувствовал в ее голосе легкую насмешку над самой собой. Все еще рассматривая веселые картинки в книге, Филипп заметил:

— Боюсь, все это копии. В те дни состояние моего кошелька не позволяло делать подарки, достойные старших братьев. Я, помню, даже сомневался, стоит ли покупать такую дешевку.

Наступило молчание. Свеча затрещала и погасла. В противоположном углу комнаты, за тяжелыми занавесями, угадывались очертания большой кровати. В изножье стояла скромная койка служанки. Она вот-вот должна вернуться и лечь спать, иначе другие удивятся, отчего она так надолго оставила хозяйку. Отложив книгу в сторону, Филипп подошел к столу. На нем лежал открытый массивный том.

— “Исповедь”? — с удивлением спросил он. — Необычное чтение для женщины, ничего не скажешь.

— Мой отец почему-то всегда считал меня умнее, чем я есть на самом деле, — с легкой улыбкой ответила Марга-

рэт. — С Блаженным Августином я познакомилась очень рано. К тому же я запомнила вани слова: не обязательно с ним во всем соглашаться, но поскольку ум его так велик, что объемлет практически весь мир, то лучше спорить с ним, чем соглашаться с десятками и сотнями других авторов.

Маргарэт приподнялась и посмотрела Филиппу прямо в глаза.

Камеристка уложила ей волосы, они сияли и переливались, будто темный поток воды, освещаемый яркой луной. Маргарэт по-прежнему не отводила взгляда от Филиппа. Он понял, что Мэг уже навела в своей душе порядок, а вот ему этого сделать никак не удавалось. Ясный взгляд Мэг говорил лучше всяких слов, она все поняла и со всем примирилась задолго до его прихода.

Какое-то время Филипп сидел неподвижно, не отводя взгляда от книги на столе. Строки, полные пламенной страсти, бежали одна за другой, спотыкаясь о странные завитки прописных букв. “Но в таких вещах нет места передышке, — прочитал Филипп, — они пребывают в постоянном движении, ни секунды не стоят на месте. Одних лишь чувственных ощущений мало, чтобы за ними угнаться. Ибо чувственные ощущения всегда запаздывают... Эти вещи самодостаточны. Но самодостаточность заключается не в том, чтобы проделывать путь из одной заданной точки в другую...”

Тонкие страницы шелестели под его пальцами, и это был единственный звук, нарушавший напряженную тишину. Он ждал чего-то, ждал весь день, волновался, но так и не мог понять, что с ним происходит. Филипп захлопнул книгу, опустился на стул рядом с Маргарэт и потянулся к ней.

Губы Мэг податливо раскрылись. Они сидели совершенно неподвижно, тесно прижавшись друг к другу. Им вполне хватало этих прикосновений... В конце концов, не говоря ни слова, Филипп взял Маргарэт на руки и понес к постели. Откинув полог, он положил ее на подушки, задернул занавеси и в полной темноте опустился рядом.

Глава 13

— Лорд Ловел стоит у конюшни, глядя круп своего жеребца... — Фрэнсис наклонился, едва удержав на коленях лютню, перехватил адресованный даме, сидящей рядом, венок и сам надел его на голову красавицы. Она небрежно улыбнулась обескураженному поклоннику, смотревшему на нее с обожанием, и сказала:

— Мсье Фрэнсис, разве же можно столь откровенно лишать других того, что принадлежит им по праву? У вас в Англии все такие пираты?

— Нет, мадам, мы становимся ими только в Бургундии, — немедленно откликнулся Фрэнсис, устраиваясь поудобнее у ее колен. Все это происходило в саду. Женщины сидели, склонившись кто над шитьем, кто над картами, а англичане оказывали им всяческие знаки внимания. Ветви виноградника густо покрывали стену, и оттуда доносилось жужжание пчел. За последние недели не выпало ни капли дождя, и в горячем воздухе висел густой медовый запах. Лето достигло своего зенита. “Словно в стране лотофагов из древней легенды”, — усмехнувшись, подумал Фрэнсис, опуская лютню на землю. Струны издали жалобный звук.

— Вы не кончили песни, мсье? — обратилась к нему Маргарэт. — Этот лорд Ловел, он что, ваш предок?

— Весьма вероятно, мадам. Надо сказать, повеса он был изрядный и любовник неверный. У женщин было много поводов жаловаться на него. — Лениво потянувшись, Фрэнсис с улыбкой посмотрел на Маргарэт. — Но это не семейная традиция.

Маргарэт не покраснела и не отвернулась от смущения. Она по-прежнему не спускала с него прямого, открытого взгляда, и в конце концов Фрэнсису пришлось отвести глаза. Прямота Маргарэт смущала его, ни с чем подобным ему сталкиваться не приходилось. Беспokoйно уминая паль-

цами сухую землю, Фрэнсис думал, когда же наконец другие заметят то, что так очевидно для него. Маргарэт напоминала цветок, раскрывающийся навстречу солнцу. Что до его кузена, который, словно тень, появлялся в предрассветные часы, то он напоминал беглеца с острова, где живет волшебник Мерлин, — человек не от мира сего, человек, полностью поглощенный своим счастьем. Впрочем, один из окружения Фрэнсиса наверняка догадывался о том, что происходит. Однажды, только начало светать, кажется, еще и птицы-то не пробудились, — Фрэнсису почудились шаги, он решил, что это Филипп. Однако увидел Уилла Паркера: тот встал с койки, раздвинул шторы и напряженно всматривался в даль. Глаза их встретились, но никто не произнес ни слова.

За стеной послышались шаги. Дверь распахнулась, и Фрэнсис непринужденно сказал:

— Приветствую вас, кузен. Итак, вы снова с нами. Как там дела в Сен-Квентине?

— Плохо. У Сен-Пола семь пятниц на неделе — снова передумал. Королю нужно было посоветоваться со своими военачальниками.

Филипп присоединился к группе дам и кавалеров, устроившихся под большим ракушечным деревом. Хитро улыбаясь, Фрэнсис отметил про себя, что Филипп рядом с Маргарэт.

— Видно, Глостер гнал вовсю — ведь и недели не прошло, как вы уехали, — заметил Эштон. — Так что, Сен-Пол, выходит, отказывается сдать город? Чума на предателя, он ветрен и переменчив, как женщина. — Эштон улыбкой усмирил сидевшую подле него красавицу — она готова была взорваться от таких слов.

— Ну так и что же дальше? Видно, под Сен-Квентином заварится скоро та еще каша.

— Да нет, король готов принять эту крепость только как

дар, сражаться за нее он не будет. Пока он стал лагерем недалеке от Перона.

Увидев, что Маргарэт нагнулась, поправляя шелка, ниспадающие с колен, Филипп повернулся к ней.

— Не позволите ли, мадам?.. — Он помог Мэг оправить платье. Пальцы их на мгновение встретились. “Да будет к ним Бог милосерден”, — почему-то подумал Фрэнсис и рывком выпрямился. Он поднял лютню и принялся настраивать ее, одна из женщин весело заговорила:

— Вы не пожалеете, что вернулись именно сегодня, мсье Филипп. Вечером карнавал, и там будет такая сцена: Геркулес побеждает гидру с помощью птичек, которые вылетают изо рта у фокусника.

Разлегшись на траве, Филипп ответил:

— Красавица, до вечера еще слишком далеко. — Он улыбнулся ей и одновременно своей возлюбленной. Маргарэт поднялась на ноги и пошла в сторону ворот. По негласному уговору, вскоре встал и извинился Филипп, сейчас он последует за Маргарэт. Юбки ее прошуршали рядом, как бы ненароком задев его руку. У ворот Маргарэт быстро оглянулась, Филипп ответил ей условным знаком.

Ворота закрылись. Фрэнсис снова запел своим красивым, высоким голосом. В его балладе речь шла о любовных и военных подвигах лорда Ловела, нашедшего в конце концов упокоение в церкви Святой Девы Марии.

За воротами слышались невнятные голоса — Маргарэт отвечала на приветствие какого-то мужчины. Мгновение спустя в саду появился Ричард Рэтклиф и, широко улыбаясь, направился к собравшимся.

— Право слово, Филипп, вы слишком быстро исчезли. даже не услышав новостей, которые Глостер привез из Перона. Только что вернулся герцог Бургундский. Глостер сейчас с ним, и один из пажей слышал их разговор: по словам Глостера, король Эдуард заключает мир с Людовиком и воз-

вращается в Англию. Так что наш бургундский хозяин призывает на головы англичан гром и молнию.

Лютня, жалобно пискнув, соскользнула на землю. Эштон отстранился от своей избранницы. На лице его появилось изумление. Мрачное обычно лицо Рэтклифа по-прежнему озаряла улыбка. Он явно наслаждался произведенным эффектом.

— Честное слово, все так и есть, как я сказал. На завтрашнем пиру в Сен-Омере нас уже не будет. Но сегодня за ужином лучше попридержаться языки — отныне в Бургундии у англичан не много друзей.

Эштон присвистнул и молча направился к воротам. Фрэнсис задумчиво взял свою лютню и медленно поднялся на ноги. Из скромности он не стал оборачиваться, но когда, спустя некоторое время, бросил взгляд назад, к великому своему удовлетворению, увидел, что Филипп исчез.

Англичане поспешили за Эштоном — всем хотелось узнать подробности. Фрэнсис, у которого любопытство смешивалось с явной озабоченностью, не последовал за ними, потоптавшись немного на месте, он направился в сторону высокого кустарника, окаймлявшего сад со всех сторон. Здесь было зелено и тихо. Погруженный в невеселые мысли, Фрэнсис медленно шел по тропинке, пока в глаза ему не бросилось яркое пятно. Он остановился. Это была дамская юбка — в просветах между кустами ее легко было различить. Дама была не одна. Она гладила, словно дитя в колыбели, мужчину, лежавшего рядом и обнимавшего ее за талию. Лица Фрэнсису не было видно — мужчина прижался к груди возлюбленной.

Испытывая чрезвычайную неловкость, Фрэнсис круто повернулся. Он был озабочен лишь тем, чтобы шагов его не было слышно, и не уловил легкого движения впереди, там, где кусты следовали изгибу стены. Не расслышал он и чьего-то сдержанного дыхания. По другую сторону высокого кустарника мелькнуло что-то голубое и желтое, остановилось на

мгновение и наконец исчезло так же бесшумно и незаметно, как и возникло.

Ужинали во дворце герцога Бургундского поздно. Неожиданно появившись в Сен-Омере после недельного отсутствия, Карл вернулся следом за Глостером, привезшим с собой столь разочаровывающие новости о переменах в планах короля. Устрашающие слухи впервые достигли ушей Карла в Эно, где он участвовал в собрании Штатов. Он немедленно помчался в Перон, но Глостер уже уехал оттуда, французский король выказал явную готовность откупиться от завоевателей. Итак, в свете двойного предательства Сен-Пола, весьма неопределенных перспектив военной кампании на разоренной территории, а также ненадежности союзника (в чем англичане имели не одну возможность убедиться), Эдуард не видел причин не пойти навстречу Людовику. Французскими деньгами можно было покрыть расходы, кроме того, с этой стороны династии Валуа в ближайшее время не будет угроз. Избавившись от противника на своей земле, Людовик не покусится, лишь бы англичане больше не возвращались.

Эдуард хорошо знал своих соотечественников. Они довели себя до изнеможения, стремясь не посрамить славы Гарри Монмута. Но теперь, стоит им увидеть размер суммы, как они с легкостью откажутся от второго Азенкура.

Нет смысла, решил Ричард, снова пытаться в чем-то убедить Карла. Он все равно останется глух к любым доводам. Герцогу было совершенно ясно, что Эдуард Плантагенет обменял свое величие на золото — и презрению его не было границ. Креси, Пуатье и, разумеется, Азенкур, которые явились некогда гордостью Англии, взвились победными знаменами к самому небу, теперь словно были отброшены за ненужностью и стали лишь поминальным словом о былом величии Англии.

Ричард терпеливо выслушал Эдуарда. У него давно были

сомнения относительно мудрости политического курса, который проводит брат. Из всех советников короля только герцог Глостер высказался за то, чтобы начать сражение, а уж потом вести переговоры — вот тогда можно выступать с позиции силы. Когда стих гул несогласных и герцогу дали возможность договорить, он заметил лишь, что не следует больше злоупотреблять гостеприимством Карла Бургундского. Лично он со своими спутниками собирается уехать из Сен-Омера как можно скорее. С этими словами герцог откланялся и вышел из комнаты, В прихожей он встретил целую толпу англичан. Все были изумлены — дверь в комнату, где проходило совещание, была приоткрыта и все можно было услышать. Здесь был и Эرار Де Брези. Он только что вернулся из Лотарингии — даже пыль с сапог не успел считать — и ожидал аудиенции у Карла. Бросив на Глостера загадочный взгляд, он прошел в кабинет Бургундца. Взрыв ярости, которым был встречен Де Брези, показался любопытным слушателям мощным раскатом грома и совершенно заглушал его мягкий голос, который, судя по всему, старался успокоить своего господина. Оставив Де Брези выяснять отношения с Карлом, Ричард вышел из дома.

Час спустя англичане уже собирали свои пожитки, о случившемся говорили все и везде. Встревоженный Фрэнсис все это время тщетно поджидал кузена в покоях герцога Глостера. Отчаявшись, он отправился в обеденный зал, но, хотя приближался вечер, столы еще не были расставлены, а испуганный распорядитель метался между кухней и залом. Карл, чернее тучи, прошагал в апартаменты жены, ему не терпелось рассказать, какой фокус выкинул ее брат. Весь дом, только что перешептывавшийся, прикидывавший, что будет дальше, замер в ожидании. Эрара Де Брези нигде не было видно, хотя иные из его людей мелькали в зале. Фрэнсис смущенно кивнул им и ничуть не удивился сдержанности ответа. Атмосфера нагнеталась — англичане и бургундцы,

встав у противоположных стен зала, напоминали псов на привязи: стоит хозяину сказать слово — и они со злобным рычанием кинутся друг на друга.

В примыкавшей к залу комнате Перси с приятелями играли в кости. Филипп тоже был здесь, он внимательно изучал только что полученный свиток с указаниями насчет отъезда герцога Глостера и его свиты. Бросив на него беглый взгляд, Фрэнсис присоединился к игрокам. В стаканчике забренчали кости. Рэтклиф нагнулся посмотреть, что выпало, засмеялся и швырнул монетку.

— Ваша взяла, Ральф. Вам чертовски везет сегодня, честью клянусь! — Эштон подхватил монету на лету.

Позади них, у двери возникло какое-то движение, все расступились, давая дорогу вновь пришедшему. В паузе, возникшей, пока собирали кости, Фрэнсис услышал спокойный голос кузена, обратившегося к слуге, застывшему в почтительной позе:

— Итак, первая остановка во Фрюже, вторая — во Фремене.

Игра возобновилась. Рэтклиф засмеялся было какой-то шутке Эштона, как у входа раздался мужской голос:

— Честь англичанина? Право, мсье, лучше бы подыскать другое слово. Например, милосердие турка... — мягкий французский выговор рассек наступившую было вновь тишину, словно острая бритва прошла по бумаге, — или несравненный аромат навоза...

Похолодев от предчувствия и даже не успев взглянуть в лицо кузену, поднявшему глаза, Фрэнсис понял, в чем дело. Филипп застыл как изваяние, а Де Бреззи твердым шагом вошел в комнату и остановился, не спуская глаз с побелевшего лица.

— Итак, мессир, что скажете по этому поводу? А то весь последний час я только об этом и думаю: куда же англичане подевали свою честь?

— Ну это уж слишком! — В наступившей тишине возмущенный голос Эштона прозвучал особенно резко. Перси схватил его за руку и оттащил в сторону, а Филипп, задышавшись, с трудом выговорил:

— Оставьте, Ральф, к вам это не имеет никакого отношения.

Скулы его внезапно покрылись ярким румянцем, в глазах застыл невысказанный вопрос, ответ на который он получил, заметив рядом с Де Брези его сына Огюста. Через одну руку у него был переброшен отцовский плащ, в другой он держал веточку самшита, темно-зеленые листья контрастно выделялись на фоне пронзительно-голубой туники. В садах герцога Бургундского было только одно место, где рос самшит...

После продолжительного молчания Де Брези снова заговорил:

— Итак, сын мой? — Он и не пытался скрыть насмешку. — Вроде раньше вы не страдали от немоты. Я жду. Может, вы скажете, что меня неверно информировали? Или даже обманули?

Голос его звучал ровно, но сорваться ему не давала именно ярость, а не сдержанность. В какой-то момент Де Брези прижал руку к горлу, словно ворот рубахи душил его. Филипп заговорил тихо, так, чтобы не слышали другие:

— Мсье, зачем оскорблять недоверием всех сразу? У нас с вами свои дела, я охотно признаю свою вину, как признаю и справедливость ваших претензий. Но поверьте моему слову, у вас нет никаких оснований — да и права — обвинять других.

— О чем это вы там толкуете, любезный мой Ловел? — презрительно скривился Де Брези. — Цену вашему слову я знаю. Все необходимые доказательства я получил от этой шлюхи служанки, которая поплатилась хорошей поркой за те взятки, что вы ей, наверное, давали. Ибо, видите ли, любез-

ный, — Де Брези немного наклонился к Филиппу, — должен признать, что до разговора с ней я не мог поверить, что все так и было.

Дальнейшее произошло слишком стремительно, — сделать уже ничего было нельзя. Огюст оттолкнул отца и сбросил с руки плащ. Увидев, что скрывалось под ним, Филипп подался назад, но недостаточно быстро. Сильный удар едва не бросил его на пол: плетка-трехвостка обвилась вокруг его лица. Горящая щека сразу увлажнилась. Фрэнсис быстро подскочил к кузену и схватил его за плечо, не давая упасть.

— Ах вот как, ублюдок, — прошипел он, — стало быть, ты ищешь ссоры. А ты видел хоть раз, как мой кузен орудует копьём? На твоём месте я бы заказал поминальную мессу.

— Огюст! — В голосе Де Брези прозвучал настоящий страх. Филипп освободился от цепкой хватки Фрэнсиса.

— Кузен, это не ваше дело.

Инстинктивно он прижал руку к щеке, а когда отнял ее, на пол хлынула кровь. Три больших рваных шрама полыхали у него на лице, как клеймо. Чуть повыше металлическая окантовка плети порвала кожу до кости. Не говоря ни слова, Фрэнсис сделал шаг назад. Он и так уже вмешался в чужую ссору. Со стороны казалось, что Филипп медленно приходит в себя после тяжелой дремы.

Кто-то из столпившихся у двери пытался разглядеть происходящее, но ему мешали широкие плечи Перси. Де Брези побился к Филиппу и спросил медовым голосом:

— Не могу ли быть чем-нибудь полезным, мессир? — Филипп едва удостоил его взглядом. Вытащив из кармана платок, он плотно прижал его к кровоточащей щеке.

— Благодарю вас, сэръ, — хрипло сказал он, — но к мессиру Огюсту у меня претензий нет.

Все так и ахнули.

— Филипп, как же можно, — резко начал Фрэнсис, но

тут же осекся. Де Брезе, ни на кого не глядя, вышел из комнаты. Филипп, бледный от гнева, двинулся было за ним, но его остановили, схватив за плечо.

— Не надо, — сурово сказал Фрэнсис.

Перси поспешно стал с другого бока, а Эштон, повинувшись его взгляду, с грохотом захлопнул массивную дверь. Откуда-то из редеющей толпы послышался одинокий голос:

— Ну конечно же, это был гонец герцога Глостера. Что же удивительного в том, что они повздорили? Подобно своему господину...

Удаляющиеся голоса звучали все более невнятно, и в комнате наступила тишина.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЗОЛОТАЯ ТОСКА

ИЮНЬ 1476 — ЯНВАРЬ 1486

Глава 14

Однажды утром, поздней весной большая галера с альм крестом пилигримов на мачте взяла курс из Венеции на Палестину, к святым местам. На борту собралась разношерстная публика со всех концов Европы. Путешествие предстояло долгое и утомительное. Пассажиры, то и дело переходя с латыни на французский, быстро пере-знакомились. В случае нехватки слов путешественники использовали язык жестов и мимики.

В стороне от общей компании держался рыцарь, всегда закутанный в плащ, его сопровождал один слуга. Его отчужденность отнюдь не диктовалась высокомерием, так что никто на него не был в обиде. Судя по отрывистым репликам, которыми он обменивался со своим единственным спутником, это был англичанин. Любопытно, что заставило этого человека практически в одиночку плыть в такую даль. В Яффе все сошли на берег и, уладив в порту необходимые формальности, двинулись в сторону Иерусалима.

В Англию Филиппу предстояло вернуться только через год. Из Иерусалима он отправился через пустыню в Синай — тяжелое путешествие, на которое отваживались только самые правоверные пилигримы. По ночам все дрожало от холода — больших костров не разводили, опасаясь шаек арабов, рыскавших по дорогам; до наступления темноты каждый готовил себе ужин на маленьком костре. Днем мучила жажда, ее утоляли лишь изредка, делая несколько глотков из бурдюка. Вода от долгого хранения становилась солоноватой, образовывался изрядный осадок.

Однажды бандиты, изменив своей тактике ночных набегов, напали на путников при полном свете дня, завязалась схватка. Один тучный негоциант из Падуи, которому, наверное, и в голову не приходило, что он может стать жертвой разбойничьего налета, лишился сил, и его пришлось нести на носилках. Правда, от лишних порций воды, которые щедро предлагал ему Филипп, он мужественно отказался. Все обошлось, и вскоре путники добрались до монастыря Святой Катарины, прямо у подножия горы. Они остановились отдохнуть на несколько дней, посетили службу и сделали два восхождения на Синай. На обратном пути немецкие монахи поговаривали о наступающей альпийской зиме.

В Каире Филипп отделился от своих спутников — ему предстоял путь на Родос — он должен был от имени герцога Глосгера засвидетельствовать почтение вновь избранному Великому Магистру рыцарского ордена Святого Иоанна.

Во взгляде Пьера д'Обессона мелькнуло любопытство. Госпитальеры были рассеяны по всей Европе, и путешествовать рыцари любили. Однако Великий Магистр был склонен думать, что юный Тьерри слишком поверил истории, которую ему поведали в Париже, — пусть даже три небольших шрама на щеке визитера подтверждали ее правдивость.

Первое ноября — День всех святых — остался позади. Море, ласковое и приветливое у самого берега, за дамбой

было покрыто барашками. Крутые отроги Родоса постепенно таяли в дымке.

Поздней осенью Венеция выглядела неряшливо и негостеприимно. Богатство перемежалось здесь с самой чудовищной нищетой. На Риальто из окон выглядывали обнаженные до пояса проститутки и громко зазывали клиентов.

В Урбино Уиллу Паркеру пришлось сделаться лекарем поневоле — одна из дам при дворе Баттисты отхлебнула воды, приготовленной для омовения рук, и это питье оказалось слишком крепким для ее нежного желудка. С сочувствием посмотрев на позеленевшее лицо женщины, Филипп спокойно сообщил, что в марте пора отправляться на север. Весна застала их в долине Луары, там все еще пережевывали подробности гибели Карла Бургундского. Он слишком часто навещался в Лотарингию и в конце концов заплатил за это жизнью недалеко от Нанси. Многие — причем не только приближенные Бургундца — не верили, что великий герцог и впрямь мертв. В свой срок, говорили они, Карл еще появится на этой земле. В Бордо владелец торгового судна из Бристоля, груженного большой партией гасконского вина, согласился взять на борт пассажиров, и через две недели они достигли широкого устья Северна, а утром пасхального воскресенья корабль бросил якорь в бухте у городской стены.

После карнавального блеска, архитектурного великолепия итальянских городов периода Возрождения Англия выглядела достаточно тускло. В Уиллоуфорде, похоже, мало что изменилось. Поля зеленели, управляющий сохранял свою обычную безмятежность, а госпожа Алиса, как всегда, серьезно и ответственно вела домашние дела. Уезжая из Уиллоуфорда, Филипп велел выстроить несколько новых домов, расширить главный зал, к его приезду все было исполнено. Во дворе бегали дети работников. А в Ипсдене от Филиппа не отставали племянники-близнецы, мальчики требовали снова и снова поведать им во всех подробностях о путешествии в

далекую Палестину и Италию и, впившись глазами в смуглое от загара лицо дяди, внимательно слушали его рассказ.

Как-то после ужина один из близняшек — Хью — попросил разрешения приготовить дяде горячую воду для купания. Глаза светились такой преданностью и обожанием, что растроганный Филипп, уезжая, предложил мальчику сопровождать его в качестве пажа в Миддлхэм. Сэр Уильям был счастлив и польщен этим предложением. Давно осталось позади то время, когда он неодобрительно покачивал головой по поводу политических пристрастий шурина. Поскольку сами Небеса благоволят дому Йорков, то кто он такой, Уильям Секотт, чтобы не соглашаться с этим?

Филипп заехал в Минстер-Ловел, но Фрэнсиса там не застал. По словам Анны, его не было дома в течение нескольких месяцев, все это время Фрэнсис был полностью поглощен делами на севере. Это объяснение могло бы вполне удовлетворить Филиппа, если бы не выражение ее лица. Филипп собрался было расспросить Анну, в чем же все-таки дело, но передумал и лишь поинтересовался здоровьем своего крестника. В последний раз Филипп видел Уильяма-младшего, когда тот был еще в колыбели. Теперь он уже учился ходить. Это был крупный для своего возраста мальчик с серьезным взглядом. Он очень напоминал отца и цветом волос, и своим решительным видом, но, в отличие от Фрэнсиса, был застенчив с незнакомыми. Филипп уезжал в тот же день. При прощании малыш прятался за широкими юбками матери.

На пути в Йоркшир Филипп повсюду встречал подтверждение того, что в стране все успокоилось и король Эдуард правит уверенно и безмятежно. Об этом свидетельствовало даже почтительное поведение Секотта. На полях пасся тучный скот. Видневшаяся вдаль группа всадников была похожа на свиту богатого купца, а не на военный отряд. И даже вывески постоялых дворов ярко расцвели розами Йорков. В

восточных графствах несколько недель назад начались было беспорядки — их спровоцировал недавно овдовевший герцог Кларенс. Герцог был оскорблен тем, что король отказался поддержать его притязания на руку Марии Бургундской. Однако поддерживать его никто не стал, все были довольны жизнью, и бунт быстро стих.

В конце июня Филипп появился в Миддлхэме. Филипп постоянно твердил Ричарду о необходимости заменить управляющего. Причин было немало, но более всего Филипп упирал на одно обстоятельство — герцогу больше не нужен чужак южанин, чтобы удерживать в повиновении северян, Глостер вполне может положиться на знать из своего ближайшего окружения. На это Ричард отвечал с любезной улыбкой, что управляющий его устраивает и менять его никто не будет. Во время отсутствия Филиппа груз его обязанностей молча тянул Перси. Но были и такие, кто хотел погреть руки, заняв место герцогского фаворита. Вернувшись из долгого путешествия, Филипп был приятно растроган верностью Ричарда. Никто из окружения Филиппа не удивился его появлению рядом с герцогом Глостером — это было воспринято как должное и само собой разумеющееся. Никто даже не вспоминал о его долгом отсутствии, разве что иногда шутливо замечали, что он за время своих странствий переменялся гораздо меньше, чем те, кто оставались дома. Вот и Рэтклиф, появившийся в замке как раз в тот момент, когда Филипп завершал процедуру принятия дел, добродушно отметил, что он, похоже, никогда и не покидал своего поста.

Вскоре Ричард отправился в Нортумберленд — надо было в очередной раз убедиться, что Генри Перси не мешают управлять северными районами. Герцог Глостер взял с собой управляющего и множество сопровождающих. По возвращении он встретил в Миддлхэме посланца из Вестминстера, который привез письма от короля. В них говорилось, что, поскольку герцог Кларенс не смог удовлетворительным об-

разом объяснить причину своего участия в недавних кембриджширских волнениях, его пришлось взять под стражу и поместить в Тауэр.

Странно, что это было сделано только сейчас. Даже сюда, в эти весьма отдаленные от столицы места, давно дошли слухи о “подвигах” герцога Кларенса. Ни для кого здесь не было секретом, что герцог не погнушался собственноручно пытаться одну из служанок своей покойной жены, с тем чтобы объявить ее отравительницей хозяйки и приговорить за это к смерти. Всем было известно, что именно герцог Кларенс постоянно поднимал вопрос о законности женитьбы короля на Елизавете Вудвил, а стало быть, и о праве на престол их сыновей. Поговаривали даже, что, призывая на помощь колдунов, он плетет интриги против короля, мало того — копается в прошлом своих родителей, пытаюсь доказать, что король Эдуард и сам — незаконнорожденный, плод тайной связи герцогини Йоркской и одного из лучников ее мужа. Связь эта, по утверждению Кларенса, продолжалась, пока герцог находился в заморских походах.

Все это Ричарду было прекрасно известно, и тем не менее Филиппу показалось, что он был, как никто другой, потрясен услышанным. Его ответ королю был конфиденциальным, однако же скоро стало известно, что герцог Глостер осенью собирается в Вестминстер, но на сколько — никто не знал. Началась подготовка к путешествию. Однажды ясным утром в начале сентября во дворе собралась целая группа рыцарей, оруженосцев и слуг. Из башни спустилась Анна попрощаться с мужем, а четырехлетний Эдуард Глостер до последнего момента оставался с отцом, не сводя с него печального взгляда. Он еще никогда не бывал в Вестминстере и безумно завидовал малолетнему пажу сэра Филиппа Ловела, который уезжал вместе со взрослыми. Уловив переживания мальчика, Ричард улыбнулся, растрепал шелковистые волосы сына:

— Может, в следующий раз, Нед.

Все сели на лошадей и двинулись к воротам. Взглянув на кузена, Фрэнсис удивленно поднял брови. Позади Грегори Трейнора на детском седле устроился юный Хью. Лицо его горело от возбуждения. Но больше никого в свите Филиппа не было. По возвращении в Англию Уилл Паркер получил рыцарские шпоры, что вообще-то было трудно объяснить, имея в виду его более чем скромное происхождение. Разумеется, в Уиллоуфорде Филипп легко мог найти ему замену, но почему-то не захотел. Любовь к одиночеству всегда заставляла Филиппа пренебрегать даже самыми элементарными, с точки зрения Фрэнсиса, нормами, приличествующими людям его звания. В последнее время это стало еще более заметно. Лучше бы, раздраженно подумал Фрэнсис, он оставил этого маленького болтунишку в Миддлхэме, где ему, видит Бог, есть чему поучиться, и взял с собой какого-нибудь из подростков, числившихся в его свите. Два года назад Фрэнсис без колебаний высказал бы кузену все, что думает по поводу столь явного нарушения обычаев, но теперь он предпочитал воздержаться даже от незначительных замечаний. Почему именно, он толком не мог объяснить и себе самому. Как-то, заметив улыбку на лице Филиппа в ответ на простодушное замечание маленького Хью, Фрэнсис подумал о том, что, возможно, и впрямь мальчишку взяли с собой не зря.

Время для поездки выбрали удачно — начиналась осень, погода стояла хорошая, а на дорогах уже не было такого количества путников, как летом. Правда, через несколько дней после начала пути к всадникам прибились артисты бродячего цирка с медведем — прямо как в старые времена! — и ко всеобщему удовольствию развлекали их до самого Йорка. На день остановились в Понтефракте, где рос незаконный сын Ричарда — Джон Глостер. Ему было почти десять — невысокий, но крепко сложенный сероглазый мальчик с редким для его

возраста серьезным выражением лица. Здесь же была и его сестра Кэтрин, родившаяся незадолго до сражения при Барнете. Все говорило за то, что в положенный срок у нее будет очень богатое приданое.

После Понтефракта дорога круто сворачивала на юг, к Грантаму, а затем ответвлялась и шла на Лондон.

Двигались медленно из-за наличия громоздкого обоза: как-никак свита герцога состояла из двухсот человек, и у каждого было немало вещей. Через три недели путники прибыли на место.

Герцог Глостер решил остановиться в Лондоне. От двора он прятался в Кросби-Пэлэс — это был молчаливый протест против показного высокомерия родственников королевы. В Вестминстере, Гринвиче, Виндзоре и Шене — везде вокруг короля крутились Вудвилы. Граф Риверс сделался опекуном маленького принца Уэльского и сейчас находился со своим подопечным в Ладлоу, но все остальные были здесь, они перешептывались, интриговали, а главное — не отходили от короля ни на шаг. Даже Гастингс, которому всегда претили амбициозные Вудвилы, и тот поплыл по ветру, выдав свою приемную дочь за сэра Томаса Грея, старшего сына королевы от первого брака. Грей получил новый титул — теперь его называли маркизом Дорсетом.

Шли заседания парламента, встречи различных советов, требовавших присутствия Эдуарда и Ричарда. Двор готовился к бракосочетанию — оно было назначено на Рождество — Анны Моубрей, дочери и наследницы герцога Норфолка, и младшего сына Эдуарда, четырехлетнего Ричарда Йорка. От частных встреч с братом король упорно уклонялся, королева и ее родня ходили с мрачными лицами. Все это лишний раз подтверждало его предположение, возникшее еще в Миддлхэме, что арест Кларенса и содержание его в Тауэре были предвестием неизбежной расправы. Горожане, прекрасно понимавшие, что происходит, перешептывались меж собой и

вспоминали судьбу Десмонда, вице-губернатора Ирландии, который в свое время решил поинтриговать против королевы. Графу, наверное, казалось, что в Дублине ему ничто не грозит, никто до него не доберется, однако Десмонда судили и при активном участии нового вице-губернатора, желавшего выслужиться перед королевой, приговорили к смертной казни. Лишь в тот миг, когда палач занес топор над его головой, граф понял, как сильно заблуждался. Вскоре были умерщвлены два малолетних сына Десмонда — и всему миру стало ясно, что Елизавета Вудвилл шутить не любит. Если уж она так отомстила человеку, который лишь намекал на то, что Эдуард мог бы жениться и поудачнее, какая же участь уготована тому, кто поставил под сомнение законность королевского брака?

У Фрэнсиса на этот счет не было никаких сомнений. Нетерпеливо пробираясь через толпу, собравшуюся у Нового дворца, он заметил впереди маркиза Дорсета и его брата, Ричарда Грея. Пробили часы Тауэра, и сквозь постепенно затихающий звон Фрэнсис услышал:

— Не забывай меня, брат, когда обоснуешься в замке Уорвик.

Это была самая надежная крепость герцога Кларенса, доставшаяся ему в качестве приданого жены. Фрэнсису уже приходилось слышать о притязаниях маркиза, но он считал, что тот слишком оптимистичен в оценке влияния и возможностей матери. Не может быть, чтобы Эдуард, даже при всей своей любви к миру, поселил этого вонючего щенка в замке Уорвик!

Из мрачной задумчивости Фрэнсиса вывел негромкий голос:

— Да, дорогой мой родственник, времена наступают скверные.

Почувствовав легкое прикосновение, Фрэнсис нехотя обернулся. К Его Высочеству Бэкингеми он никогда не ис-

пытывал особого расположения, хотя они были отдаленными родственниками. А сейчас, оказавшись случайным свидетелем беседы братьев и ужасно всем этим раздраженный, Фрэнсис вовсе не испытывал никакого желания поддерживать разговор. Бэкингом, явно не замечая этого, дружески взял Фрэнсиса за руку и жестом отослал многочисленную свиту. Не спуская многозначительного взгляда с удалявшихся августейших братьев, Бэкингом повторил со вздохом:

— Да, очень скверные времена. Если бы кто-нибудь год назад сказал мне, что Кларенс очутится в таком положении, я бы рассмеялся ему в лицо. Право, рассмеялся бы.

Постепенно закипая, Фрэнсис сухо заметил:

— Да неужели? А я-то слышал, что вам предстоит быть председателем суда пэров и выносить приговор, если, конечно, Кларенса признают виновным.

Бэкингом взглядом остановил собеседника.

— Все мы на службе у короля. Вы что, предпочли бы, чтобы на моем месте оказался герцог Глостер?

Фрэнсис промолчал.

— Да, — продолжал Бэкингом, — я ведь даже не спросил, как вам здесь нравится. Иногда при дворе чувствуешь себя как в театре — так много смешного. С миссис Шор уже встречались? Забавная штучка; говорят, Дорсет положил на нее глаз. А раньше, пока ее... не заметил король, она выказывала расположение Гастингсу. Как, право, все переплелось, Фрэнсис! Теперь Гастингс — тесть Дорсета. И если миссис Шор понесет, то что же выходит? Гастингс будет то ли отцом, то ли дедом? Наверное, целое собрание кардиналов потребуется, чтобы решить этот вопрос. Я спросил у кузена Глостера, но он, похоже, в этом деле не очень-то силен.

Невольно улыбнувшись, Фрэнсис проговорил:

— Такие шутки не в его вкусе.

— Совсем наоборот, — рассмеялся в свою очередь Бэкингом. — Вся эта история немало его позабавила. Ага, до-

рогой мой кузен... — Фрэнсиса явно повысили в звании, но он, неблагодарный, только иронично скривился. — Вот вам и принц! Для Кларенса настали скверные времена, и нетрудно угадать, чем все это кончится. А как подумаешь, что, если бы не эти два недоноска, которыми мадам Елизавета одарила нашего короля...

Во дворе было полно народа, и Фрэнсис поспешил положить конец этим откровениям:

— Тише, милорд, во имя всего святого, тише! Вы что, хотите, чтобы герцог Глостер оказался на месте Кларенса?

Бэкингом не мигая смотрел на Фрэнсиса своими блеклыми глазами.

— О чем вы, кузен? Вы же прекрасно понимаете, что я имею в виду. А имею я в виду — Бог свидетель — всего лишь то, что милорд Глостер — это принц, которому мы должны служить верой и правдой.

Фрэнсис хотел было заметить, что в представлении герцога Бэкингема верная служба всегда связана с собственными интересами, но удержался. Знатный родич все более и более вызывал у него антипатию, и, когда за ужином Филипп принялся шутить, мол, вон какие люди ищут его общества, Фрэнсис раздраженно бросил в ответ:

— Право, не пойму, что Глостер нашел в этом малом. Когда я впервые увидел Бэкингема в Миддлхэме, сразу вспомнил о Кларенсе.

— В самом деле? И я тоже, — задумчиво сказал Филипп.

Вечером, когда король удалился в свои покои, герцог Глостер стремительно прошагал через переполненную приемную и вошел в спальню Эдуарда.

— Прошу Ваше Величество уделить мне несколько минут, — отрывисто сказал он.

Столь вызывающее нарушение порядка никому бы с рук

не сошло, но Ричарду, казалось, на это было наплевать. Эдуард, уже скинувший камзол, помолчал секунду, затем кивнул слугам. Ожидая, пока те покинут спальню, Ричард рассеянно возился с апельсином. Кровать короля была уже приготовлена для сна: балдахин слегка приспущен, толстое горностаевое одеяло откинута. На огромной подушке рядом с кроватью сверкала, переливаясь всеми цветами и оттенками, королевская корона. Старая традиция класть корону у королевского ложа в Вестминстере до сих пор сохранялась, хотя в Гринвиче и Шене от нее уже отказались.

Дверь закрылась, и король нетерпеливо спросил:

— Ну, что там?

Бросив апельсин, Ричард заговорил:

— Извини, что врываюсь так поздно, Нед, но это, кажется, единственная возможность поговорить наедине. Речь идет о Джордже.

Эдуард молча побарабанил пальцами по столу. Дверь в соседнюю комнату — королевскую уборную — была приоткрыта. Ричард со стуком захлопнул ее и прислонился к деревянной панели.

— Как будет сформулировано обвинение, Нед?

— Предательство интересов нации, — хладнокровно, не двигаясь с места, ответил Эдуард.

Наступило недолгое молчание. Первым его нарушил Ричард.

— Полагаю, — осторожно заметил он, — что не слишком-то хорош тот закон, который совокупность мелких нарушений судит строже, чем каждое в отдельности.

— Мелких нарушений? Право, Дикон, ты прямо-таки всепрощенец. Энкэрет Твайнихо приговорили к смерти на основании совершенно абсурдного обвинения. Изабелла Невил, и это прекрасно известно всем, кто был рядом с ней, умерла от туберкулеза. Но поскольку Джорджу просто необходим какой-нибудь не названный, заметь, по имени враг,

который якобы ни перед чем не остановится, лишь бы нанести ему ущерб, он заявляет, что его жену отравили, и посылает служанку на виселицу, будто он король и ему дано право...

— Этого поступка я не оправдываю. Он должен понести наказание.

— Будто он король! — повторил Эдуард. — Ты что же думаешь, я слепой? Он считает, что до короны ему остался лишь один шаг, и, если бы я ничего не предпринимал, он бы уже давно с удовольствием надел ее себе на голову.

— Это невозможно доказать.

— Ничего, скоро докажем. Отчего, ты думаешь, ему так приспичило жениться на Бургундке? Это только трамплин для следующего прыжка, Дикон. Мне говорил об этом Людовик — да, впрочем, я и сам знаю.

— Но это еще никакое не предательство. Ты отказал Джорджу и предложил руку Марии Бургундской своему шурину Риверсу.

— Я знал, что она откажется, — невольно усмехнулся Эдуард. — Бесе нужна была своему брату, это понятно.

— Какое разочарование, — насмешливо заметил Ричард. — Ты что же, собираешься утолить ее печаль, предложив состояние нашего брата ее щенкам? Дорсет, насколько мне известно, уже называет себя лордом Уорвиком.

— Таких обещаний я не давал и давать не собираюсь. — Эдуард нахмурился. — Собственность Джорджа, как личности, виновной в предательстве интересов нации, переходит к короне. Впоследствии замок Уорвик будет передан его сыну.

— ...Которого ты отправишь на тот свет, не успеет он и глазом моргнуть. — Несколько мгновений они пожирали друг друга глазами, словно бойцы, готовые ринуться в схватку. Затем Ричард снова заговорил:

— Джордж каким был, таким и остался. Так с чего это ты взъелся на него именно сейчас? Признаю, от него много

неприятностей. Но какую угрозу таят для тебя безумные мечтания этого пьянчужки?

Снова наступило молчание. При пламени свечей четко выделялся, отбрасывая тень на покрытые гобеленами стены, профиль Эдуарда. В конце концов он заговорил.

— Насчет пьянства ты прав — должно быть, его поставщик — человек не бедный. За последние два года я ни разу не видел Кларенса трезвым. — Он помолчал немного, оценивающе глядя на свои кольца. — Это верно, я долго терпел его выходки. Тебе это известно лучше других. Но всякому терпению приходит конец. А с чего это ты ходатайствуешь за него? — внезапно раздражаясь, спросил Эдуард. — Сколько выгодных дел у тебя сорвалось из-за него! И разве он тебе друг? Вспомни-ка, что за мир в семье и за Анну, которая тебе нравилась, пришлось — тебе же самому! — заплатить большей частью жениного приданого.

— Полагаю, я знаю его куда лучше, чем ты, — мы ведь росли вместе в Фозерингэе, пока ты был с нашим отцом. Я, бывало, бегал за мячами и носил ему стрелы, когда он занимался всякими играми и стрельбой. Боже, чего только я в детстве из-за него не пережил! — По лицу Ричарда пробежала и тут же исчезла беглая улыбка. Помолчав, он снова заговорил, но теперь уже иным тоном: — Когда я могу повидаться с ним, Нед?

Взяв со стола ножичек и тщательно полируя им ногти, Эдуард ответил:

— Не вижу в этой встрече никакой необходимости.

— Необходимости? Да ни о какой необходимости я и не думал...

Эдуард промолчал. Ричард вплотную приблизился к нему.

— Где ты его держишь, Нед?

Едва сдерживая гнев, Эдуард ледяным тоном ответил:

— Оставь свои подозрения, Дикон, я их не заслужил. У Джорджа в Тауэре есть все, что ему надо, даже вина вдоволь,

насколько мне известно. Если ты думаешь, что твое появление прольет бальзам на его раны, то заблуждаешься — он тебя не любит.

— Я хочу его видеть. Ты что же, не позволишь мне этого?

— Я уже сказал, что не вижу в этом необходимости. Помоему, уже достаточно. Сейчас к Кларенсу не пускают посетителей, да, насколько я знаю, он и не хочет никого видеть. Быть может, после суда у него будет больше тяги к компании.

— О Боже, Нед, ты же вовсе изолировал его от мира! Это на тебя не похоже. Думаешь, я не узнаю, чья это рука? Они долго ждали, эти распутники и кровососы, и вот дождались: пришла пора взять реванш за Чепстоу, когда Уорвик и Джордж так унизили тебя! Неужели ты по-настоящему оплакивал тогда своего тестя и его сына? Да в жизнь не поверю. Я же видел — ты и пролил-то всего две-три слезинки. И неужели можно так поддаться влиянию женщины, чтобы пойти против собственной крови, против крови отца...

— Эй, поосторожнее в выражениях! — перебил его Эдуард.

— Поосторожнее в выражениях! Все эти годы я был достаточно осторожен, осторожнее некуда. Так что же, прикажешь терпеть до конца жизни?

— Попридержи язык, говорю тебе!

Эдуард стремительно распрямился, на висках у него надулись вены, он резко бросил руку в сторону, указывая на блестящий кружок рядом с изголовьем.

— Может, ты и впрямь некоронованный король Северной Англии, Дикон? Но вот что я тебе скажу: это я тебя поднял на такую высоту, а ведь могу и опустить. Мне давно уже советуют сделать это. — Тяжело дыша, король замолчал. Его брат весь напрягся и, внезапно склонившись в глубоком поклоне, отошел к двери, дрожащей рукой открыл ее:

— В этом я не сомневаюсь. Прошу передать мои наилучшие пожелания Ее Величеству — моей великолепной свояченице. Только не забудьте — я не граф Десмонд, да и не Джордж Кларенс. С разрешения Вашего Величества...

Все еще тяжело дыша, Эдуард коротко кивнул, а Ричард, выходя в переполненную приемную, едва не упал, споткнувшись о скрюченную фигуру привратника, сторожившего вход в спальню. Тот вскочил со словами извинения. Прямо за ним, все еще напряженно вытянув шеи — явно подслушивали, — стояли маркиз Дорсет и его брат Ричард Грей. На их лицах было написано удовольствие пополам с любопытством.

Привратник потянулся было прикрыть дверь.

— Вы мешаете мне пройти, господин маркиз, — сказал Ричард, не двигаясь с места. Голос его звучал негромко, но Фрэнсис, незаметно поджидавший герцога Глостера в стороне, знал, что он едва сдерживается. Дорсет заколебался было, но затем, прищурившись, сделал шаг в сторону. Весь полыхая, Ричард Грей последовал примеру Дорсета. Глостер постоял немного, переводя взгляд с одного на другого, затем круто повернулся и пошел быстрыми, тяжелыми шагами.

Пришли и миновали рождественские праздники, до предела наполненные различными пирушками. В январе пышно отпраздновали свадьбу малолетнего герцога Йорка, его жене едва исполнилось шесть. На следующее утро герцог Кларенс предстал перед судом пэров.

Суд был недолгим и шумным. В небольшой, до отказа наполненной комнате брат шел против брата, обвинения сыпались одно за другим.

Кларенс знал, что обречен, и все равно дрался, как раненый зверь, стараясь выскользнуть из сетей, все сильнее опутывавших его. Когда в конце концов он в отчаянии закричал, что король сам должен доказать правоту своего дела,

сойдясь с подсудимым в смертельном поединке, лицом к лицу, никто даже не среагировал на эти слова. Непреклонные лорды признали Кларенса виновным по всем статьям, и герцог Бэкингом вынес смертный приговор.

Потянулись дни томительного ожидания. Указ о приведении приговора в исполнение лежал неподписанным на столе короля. Ричард Глостер бродил по двору, словно тень. В своем унылом уединении Цецилия Йорк молилась и оплакивала судьбу сына. Однажды вечером в герцогские покои в Вестминстере проскользнул гонец с анонимным посланием, в котором речь шла о каком-то сговоре между некоторыми высокородными господами и не названными по имени членами палаты общин. Вышел гонец из дворца так же незаметно, как вошел. Он получил кругленькую сумму, не зафиксированную ни в одной из бухгалтерских книг Вестминстера. На следующее утро Ричард Глостер направился в Тауэр. Комендант встретил гостя с нескрываемым удивлением. Никто не предупредил его о визите герцога, хотя, разумеется, для лорда-констебля все двери открыты. Тем не менее в поведении коменданта явно чувствовалось беспокойство. Оно еще более усилилось, когда лорд Дадли узнал, по какому делу герцог приехал в Тауэр. Растерянный страж решил было потянуть время, но, встретившись с холодным взглядом посетителя, отказался от этой мысли. Будь что будет, мысленно произнес он и двинулся следом за герцогом Глостером.

Кларенс помещался на верхнем этаже Тауэра.

Стражники расположились внизу, они с удовольствием потягивали эль и играли в кости. За плотно закрытыми окнами сгустилась ночная тьма, на стены падал отблеск горящих свечей. Надзиратель открыл двери. Отступив в сторону, Дадли сказал:

— Я подожду вас, милорд.

Кроме стола и скамейки, в комнате Кларенса ничего не было, разве что окно да стульчак, вделанный в массивную

стену. Ричард постоял на пороге, привыкая к тусклому освещению, затем подошел к столу.

Кларенс опустил голову на руки и привалился к столу, на котором стояла наполовину опорожненная бутылка. В последний раз Ричард видел брата недели две назад. Приговор свой Кларенс выслушал спокойно, а теперь, когда лихорадка последних месяцев миновала, он весь как-то обмяк и опустил. Убожество помещения постоянно напоминало ему о поражении. Пропитанный винными парами воздух смешивался с мерзким запахом испражнений. Пол комнаты был усеян нечистотами. Ричард оторвал взгляд от сторбленной фигуры и отшвырнул ногой какой-то комок грязи. Подняв голову, он встретился взглядом с Кларенсом. Тот непонимающе, часто моргая, смотрел на Ричарда покрасневшими глазами, затем неуклюже потянулся к опрокинутому стакану, наполнил его вином и залпом выпил.

— А-а, мой маленький братец Глостер, — хрипло произнес он. Что-то мелькнуло в его глазах, трудно сказать, что именно — злость, подозрение, животный страх. Упершись обеими руками в стол, он старался подняться. — Какого черта, — голос его сорвался, — какого черта тебе здесь надо?

— Я пришел сказать, — ровно ответил Ричард, — то, что тебе, наверное, лучше узнать от меня, чем от Дадли. Завтра заседание палаты общин, ее члены обратятся к королю с просьбой утвердить вердикт суда пэров. Кое-кто из них уже обогатился за счет этого.

Кларенс прямо посмотрел на брата и медленно произнес:

— Ах вот как... — Руки его словно подломились, и он рухнул на стол. — Стало быть, он осмелится... осмелится? — Кларенс отвернулся, и его вырвало прямо на пол.

Ричард молча ждал. Кларенс вытер рот и повернулся. Руки его дрожали. Пытаясь успокоиться, он сжал кулаки и наконец проговорил:

— Какая, право, неслыханная радость для тебя, Глостер, — быть первым, кто принес эту весть.

Ричард подошел к окну и выглянул наружу. Снова пошел снег. Хлопьями он падал на карниз, оседал под собственной тяжестью и постепенно таял на каменной поверхности.

— Ты так полагаешь?

Позади послышался нервный, на грани истерики, смешок.

— А почему бы и нет? Я лично с удовольствием поменялся бы с тобой местами. — Ричард промолчал. Кларенс негнушными пальцами побарабанил по грязной манжете рубахи. — Бесценный мой брат. Меня тошнит от тебя, Глостер. Понимаешь, тошнит.

Снег повалил сильнее, хлопья не успевали таять на карнизе. Ричард снова выглянул в окно и задумчиво произнес:

— Я хотел поговорить о твоих детях. Девочка получит почетное место при дворе, а когда настанет срок, ей подыщут достойного жениха. Что касается мальчика... — Глостер запнулся. — Он станет графом Уорвиком. Нед дал слово. А пока он будет жить в провинции со своими гувернерами.

Кларенс совсем согнулся, взял со стола стакан и принялся вертеть его в руках.

— Уорвик, Кларенс — мне-то какая разница? Я слишком хорошо знаю, как поступают с отродьем. — Он попытался налить себе еще вина, но руки сильно задрожали. Отбросив стакан, Кларенс опустил голову на сложенные руки.

— После того как Уорвик извлек Генри из Тауэра, я был провозглашен наследником молодого Ланкастера. Парламент так постановил. Если у него не будет сыновей, я должен стать королем. Сыновей у него не было, и что же? Я гнию здесь, а на моем месте Нед, и скоро он пришлет за мной своих головорезов... — Пальцы Кларенса лихо выплясывали

на столе. Он задрожал и, резко обернувшись, посмотрел Глостеру прямо в глаза. Ричард шевельнулся. Ложно истолковав это движение, Кларенс отчаянно впился в локоть брата.

— Не оставляй меня, ради Христа, не оставляй меня одного, я здесь уже восемь месяцев... — Он притянул Ричарда к себе, содрогаясь от беззвучных рыданий. — Тебе снятся сны, Дикон? Неужели ты никогда не вспоминаешь их: Генри, Сомерсета, его друзей — всех тех, кого ты приговорил к смерти после Тьюксбери? А Фоконберг? Его голову выставили на Лондонском мосту, повернув, помню, на восток, в сторону родных краев. Какая страшная застыла на лице его ухмылка, а воронье выклевывало глаза... Неужели ты никого не вспоминаешь? А вот я вспоминаю — недурная компания у меня была все эти месяцы. Старик с сыном в Чепстоу — мы с Уорвиком показали им, где раки зимуют; а других поймать не смогли, но их я сейчас вижу по ночам, все они ко мне приходят. Дорсет, епископ Солсбери, Риверс — все они здесь, смотрят, улыбаются, иногда протягивают руки...

Стремительно разогнувшись, Кларенс бросился к узкому окошку и просунул руки через решетку, подставив их холодному влажному воздуху. Он повис, держась за металлические прутья. Ричард потащил его к постели. Кларенс постанывал и то ли отталкивал брата, то ли, наоборот, цеплялся за него. Резко бросив Кларенса на постель, Ричард схватил его за волосы и с силой повернул лицом к себе:

— Во имя всего святого, вспомни же наконец, кто ты!

Слова ударили как хлыст и достигли цели. Освободившись, Кларенс упал на подушку и зарыдал. Ричард с жалостью посмотрел на него. Кларенс покрылся испариной. Полумрак скрывал то, что сделало с его лицом время и переживания. Фигурой он все еще напоминал прежнего Кларенса.

Кларенс пошевелился. На одеяло упала горячая, потная ладонь.

— Какое сегодня число? — едва слышно спросил он.

— Семнадцатое февраля, — негромко ответил Ричард. Нервно теребя простыню, Кларенс вслух повторил число.

— Стало быть, завтра восемнадцатое. Восемнадцатого февраля... Заседание утром, потом они отправят к королю спикера с петицией... Еще до ужина указ будет на руках у Дадли. Вот, стало быть, чего дожидался Нед. А я-то думал и гадал... Впрочем, он ждал давно, годы и годы. Что в сравнении с этим еще несколько дней, пока парламент не вынесет свое окончательное решение.

Кларенс посмотрел в сторону стола. Ричард поколебался, затем встал с места, наполнил стакан и поднес его брату.

— Согласись, Кларенс, он достаточно долго старался убедить тебя от твоей же глупости. Ты сам себе вырыл яму. В конце концов даже Эдуард не смог спасти тебя от нее.

Кларенс хрипло рассмеялся.

— Вот, стало быть, как ты думаешь? Да нет. На самом деле он давно приговорил меня — в отместку за то, что я сделал с ним и этой шлюхой, которую он зовет своей женой. А теперь и ты на их стороне. — Он с трудом сделал глоток, зубы стучали о край стакана. — Неужели тебе нравятся твои новые друзья, Дикон? Неужели тебе так нравится угождать им? Тебе ведь всегда было на это наплевать, ты был болезненным длиннолицым мальчуганом — тогда ты был сам по себе...

Он остановился. Ричард резко отвернулся. Губы его зашевелились, но сказал он только одно:

— Я на стороне Неда.

— Господи, ну и дурак же ты! Ладно, от меня они избавятся. Но тогда законным наследником становишься ты, Ричард Глостер. А ты помогаешь занять свое место этому ублюдку. Да они со своей шлюхой женой в постели смеются над тобой.

Кларенс злобно хихикнул, не отводя взгляда от окаменевшего лица брата.

— Это все? — со вздохом спросил Ричард.

Кларенс сплел пальцы и иронично посмотрел на Ричарда.

— Не веришь мне, Дикон, спроси Стиллингтона. Он много чего порассказать может. Во всяком случае, с ним стоит потолковать, только вот найти его нелегко. Он тоже посидел здесь, а от казни его спасла только митра. Нед половину Англии бы отдал, лишь бы заставить его умолкнуть — как заставляет меня.

Кларенс привстал на локте и нагнулся, стараясь разглядеть брата получше.

— Дикон, — вкрадчиво произнес он, — а ты здесь с согласия Неда?

В камере воцарилось молчание. Его нарушил Ричард.

— Стиллингтон? Этот надутый мышонок-епископ? — В голосе прозвучали нотки сомнения, но он отогнал от себя неприятные мысли. — Право, Джордж, ты, должно быть, совсем умом тронулся. Да разве же Нед доверит этому недоумку хоть малейший секрет?

Ричард подошел к окну, ему стало трудно дышать этим затхлым воздухом, и выглянул наружу, с удовольствием окунувшись в прохладную, ясную ночь. Вонь ощущалась и там. Она исходила от отбросов, скопившихся у Тауэра. Слишком много здесь находилось людей, слишком тесно было в камерах. Этот мерзкий запах, казалось, ощущался на протяжении всего расстояния от Лондона до Вестминстера.

Ричард услышал за спиной шаркающие шаги брата. Обнаружив, что бутылка совсем пуста, Кларенс выругался и пошел в угол — там, в ящике, что-то еще оставалось.

“Может, напрасно я сюда пришел, — думал Ричард, — может, милосерднее было бы ничего не говорить: пусть последние его часы так и прошли бы в этом полубессознательном состоянии? Но с другой стороны, разве можно так унижать человека, лишая его последних остатков достоинства — того

единственного, что сохраняет человека в человеке до самого его конца?"

Кларенс отыскал бутылку, открыл ее и дрожащими руками наполнил стакан. Возвращаясь к столу, он грубо бросил:

— Ну все, Глостер, свою задачу ты выполнил. Можешь идти — твоего общества я не искал и не ищу.

— Как скажешь, — коротко ответил Ричард.

Он двинулся к двери, но на полдороге остановился:

— Я могу что-нибудь для тебя сделать?..

— Все еще стараешься успокоить совесть, братец? — хрипло рассмеялся Кларенс. — Или для Неда стараешься? Оставь — через двадцать четыре часа Дадли со своими ребятами обо всем позаботятся... — Голос его оборвался. Язвительность и грубость исчезли, уступив место откровенному страху. Кларенс судорожно вздохнул и прижал руку к шее. — Топор... Говорят, палач целит в это место. Говорят, после первого же удара уже ничего не чувствуешь, но разве точно скажешь? — Он истерически рассмеялся и сделал большой глоток. — Дикон... — Кларенс подошел к брату и вцепился ему в плечо. — Дикон, еще минуту. Может, поговоришь с Недом? Передай ему мою просьбу, а? Спроси... спроси, может, мне будет позволено самому выбрать способ казни? Тогда бы не так страшно было...

Ричард довел его до постели, уложил и вытер платком залитое слезами лицо.

— Ладно, Джордж, попрошу. Не беспокойся, все будет в порядке. Что-нибудь еще?

Кларенс покачал головой. Он все еще сжимал в руках пустой стакан. Уходя, Ричард поставил бутылку у постели. Последний звук, услышанный им, — громкое бульканье вина, наливаемого Кларенсом.

Дадли ждал снаружи. На лице его было написано нетерпение, смешанное с любопытством. Ричард отрывисто сказал:

— Эту камеру не убрали уже Бог знает сколько времени. Это что, по вашему указанию Его Высочество содержат в такой конуре?

Комендант бурно запротестовал: состояние жилища Его Высочества, как, впрочем, добавил он про себя, и состояние самого Его Высочества, — не его забота. За милордом есть кому поухаживать, но несколько дней назад он отослал всех своих людей, заявив, что ему надоела их опека. Объяснение звучало убедительно, и, подумав немного, Ричард им удовлетворился.

— Ну что же, коли он того хочет, оставьте его одного. Но если потом герцог передумает, пусть немедленно пришлют всех, кого надо.

Несколько озадаченный столь резким, начальственным тоном Глостера, Дадли молча поклонился.

Ричард в полутьме едва не запутался в соломе, покрывавшей пол.

— Лорд Дадли, у вас здесь были узник по имени Стиллингтон?

Комендант изменился в лице.

— Как вы сказали — Стиллингтон? Нет, милорд, не припоминаю такого.

Ричард поднял голову. Он командовал людьми с семнадцати лет и научился распознавать, когда ему лгут. Почему лгут — вопрос другой, причин может быть сколько угодно. Но пока Дадли не отвел взгляд, Ричард прочитал в нем откровенный страх.

На следующий день герцог Глостер с приближенными уехал из Вестминстера. Меньше чем через неделю они уже были на пути к Миддлхэму.

Примерно в то же время из Лондона выехала, громыхая по булыжной мостовой, плотно закрытая со всех сторон, обитая собольим мехом карета в сопровождении небольшой группы всадников. Это был траурный кортеж, сопровождавший

Джорджа Йорка, герцога Кларенса, в последний путь на кладбище аббатства в Тьюксбери. Его утопили, как утверждала молва, в бочонке с мальвазией.

Глава 15

С годами царствование Эдуарда Йорка становилось все менее и менее безоблачным. Беспокойно было на море, где Людовик безжалостно отрывал кусок за куском от наследства Марии Бургундской. Не лучше обстояло дело и дома, на суше: дань, которую Людовик платил в обмен на лояльность англичан, не могла покрыть и части необходимых расходов, поэтому казну приходилось пополнять за счет непопулярных налогов. На северной границе собирали силы шотландцы, подстрекаемые своей постоянной союзницей — Францией.

У Джеймса Стюарта был договор о дружбе с английским соседом, дочери которого он обещал в мужья своего сына и уже пощипывал потихоньку будущее приданое принцессы. Совершенно неожиданно шотландский король прислал письмо Эдуарду, в котором говорилось, что, если тот не прекратит поддержку бургундского двора, он, Джеймс, придет на помощь своему другу, королю Франции Людовику XI. Разъяренный этим посланием, Эдуард ответил в том же духе — началась война. Измотанный ее тяготами, раздосадованный неудачами, преследовавшими его вот уже несколько месяцев, Эдуард собрал совещание в Фозерингэе и передал командование Ричарду. Теперь королю оставалось только ждать.

Ричард продуманно вел осаду Бервика, а когда вернулся с пополнением, город пал. Теперь ему предстояло встретиться с главными силами Джеймса Стюарта, а небольшую горстку защитников Бервика, укравшихся в замковой башне,

он оставил на лорда Стэнли и его небольшой отряд. Выбор этот Глостер сделал против собственной воли, хотя на западе считалось, что Стэнли обладал и силой и влиянием. Двенадцать лет назад совсем еще юный герцог Глостер, спеша из Уэльса на помощь королю, обрушился на отряды, которые Стэнли собирал под знамена Уорвика, и быстро рассеял их. Этого Ричард не забыл. Да и Стэнли — тонкогубый, замкнутый, абсолютно лишенный чувства юмора человек, — хотя и примирился с Эдуардом, похоже, все помнил. На всякий случай Ричард назначил заместителем Стэнли Филиппа Довела. Фрэнсис в самых изысканных выражениях поздравил кузена с такой честью и пожелал всего наилучшего в выполнении его новых обязанностей.

Английская армия стремительно продвигалась на север. Распри, возникшие между королем Джеймсом и его знатью, помогли Ричарду взять Эдинбург без единой капли крови. Воздав в душе хвалу Господу за междоусобные ссоры при дворе шотландского правителя, Ричард с достоинством принял предложение городской делегации выплатить сумму, равную приданому своей племянницы, и провел переговоры с шотландскими лордами, предложившими мир и возобновление договора о браке дочери Эдуарда и сына Джеймса. Последнее предложение Ричард отверг, не видя в нем никакой выгоды. Зато, оставляя Эдинбург, вырвал у приближенных Джеймса гарантию невмешательства в дело окончательного усмирения Бервика. Вот это ему действительно было нужно. Добившись своего, Глостер вновь направился на юг.

Военный гарнизон Бервика продолжал мужественно обороняться, но с поражением главных сил Шотландии рухнула его последняя надежда. Стэнли энергично вел осаду замка — взорванные стены свидетельствовали об эффективности его действий. Не зря он говорил, что теперь даже крысы готовы покинуть эту территорию.

Меньше чем через две недели цитадель пала. Появление

гонца Ричарда в Лондоне стало сигналом к фейерверкам, шествиям и орудийной канонаде — стреляли из пушек, вывезенных из Кале. К Рождеству, распустив отряды и оставив позади усмиранный Бервик, Ричард вернулся в Вестминстер. Братьям предстоял нелегкий разговор. Предвидя это, Эдуард достойным образом отметил военачальников Ричарда.

Филипп, заезжавший ненадолго в свои оксфордширские поместья, успел вернуться как раз в день торжественных церемоний. К самому началу он опоздал — зимние дороги, никогда не внушавшие особого доверия, на сей раз превзошли самые худшие ожидания. Разговоры во дворце подтвердили кое-что из письма Фрэнсиса. Умывшись и переодевшись, Филипп и его племянник Хью поднялись к Фрэнсису. В спальне никого не было. Разбросанные повсюду вещи свидетельствовали о том, что хозяин недавно в большой спешке покинул помещение. Улыбаясь собственным мыслям, Филипп принял из рук одного из пажей кузена стакан с холодной водой и, опершись о подоконник, принялся рассеянно разглядывать медленно сползавшие по стеклу капли дождя. Хью, непривычно молчаливый сегодня, свернулся калачиком у камина и смотрел на огонь.

Фрэнсис вернулся в замок, когда уже сгустились сумерки. Появился мальчишка-паж с подсвечником в руках. В соседней комнате послышались шаги, и, сопровождаемый слугой, в спальню вошел Фрэнсис. Он был одет в отороченный мехом камзол с откидным верхом. На плечах полыхали солнечные диски Йорков. Увидев Филиппа, он остановился, лицо его осветилось радостью.

— Примите мои поздравления, кузен! — начал разговор Филипп.

— Благодарю вас, — сказал Фрэнсис, смущенно разглядывая походную одежду родича. — Я не думал, что вы приедете сегодня, ведь дороги, должно быть, в ужасном состоянии.

— Да, все развезло. Потому и опоздал. Знали бы вы, как я об этом жалею. Хоть и не вовремя... — Филипп отвесил изящный поклон, распрямился и протянул кузену обе руки. — Высокородный милорд виконт Ловел. Сегодня вы услышите много теплых пожеланий, Фрэнсис, но не откажите принять и наши.

Филипп обернулся, но Хью упрямо смотрел на тлеющие угли, Фрэнсис между тем с помощью оруженосца освобождался от своих нарядов.

— Хью, — послышался негромкий голос Филиппа.

Молодой человек вздрогнул и, поймав суровый взгляд дяди, густо покраснел. Вскочив на ноги, он забормотал:

— Прошу прощения, господа, то есть, я хочу сказать, прошу прощения, милорд. Дядя говорил от нашего общего имени. Извините, я совсем отвлекся.

Фрэнсис задумчиво посмотрел на мальчика, губы его искривились в улыбке.

— Да ради Бога, Хью, все в порядке. А сейчас можешь идти. — Он махнул рукой и подождал, пока Хью выйдет вслед за пажом из комнаты.

Глаза его потухли, и он четко выговорил:

— А ведь вы знаете, мальчик совершенно прав. Это несправедливо, Филипп.

— Если вы о том, о чем я думаю, то выбросьте это из головы, — ровно ответил Филипп. — Король слишком много задолжал вам за последние три года — с тех самых пор, как Глостер посвятил вас в рыцари. Ну а Хью — что ж, мальчик просто слишком сильно меня любит и потому не может быть объективным — как, кстати, и вы.

— Чушь, — грубо перебил кузена Фрэнсис. — Как бы хорошо ни послужил я Глостеру в Шотландии, вы в Бервике сделали в десять раз больше.

— И был достойно вознагражден, — заметил Филипп. В голосе прозвучало нетерпеливое желание закончить этот

разговор. Присев на комод, Филипп с удовольствием вытянул ноги. — Ну что, кузен? Довольны? Или это просто очередной шаг наверх, а лестница очень длинная?

— Да еще какой — золотой. Или, скорее, позолоченный. Пройдет десять лет, и мы оба забудем все то, что когда-то казалось таким важным... — Фрэнсис пожал плечами, поигрывая блестящей цепью на груди. — Ладно, до этого еще дожить надо. А пока и позолота — совсем недурно. Теперь всякие там Стэнли должны уступать мне место, и не могу сказать вам, Филипп, насколько это меня радует.

Филипп молча сидел, обхватив руками колени. У него совершенно вылетело из головы, что не успела мать Фрэнсиса оплакать Джона Ловела, как ее выдали замуж за брата лорда Стэнли. Нетрудно представить, до чего же сильно должен ненавидеть Фрэнсис Уильяма Стэнли: детские воспоминания не отпускали этого уже зрелого мужчину, ставшего за эти годы настоящим отцом семейства. Впрочем, Филипп давно уже перестал гадать, какие именно разочарования заставляли Фрэнсиса вести тот образ жизни, который он избрал для себя. В своих связях с женщинами кузен был не очень-то разборчив, причем ни от кого это не скрывал. Только Бог знает, как к этому относилась Анна. Если ей и трудно было переносить все более и более частые и продолжительные отлучки Фрэнсиса из Минстер-Ловела, то она никак этого не показывала. Вся ее жизнь теперь сосредоточилась на сдержанном, скрытном ребенке, отец которого находился далеко от Оксфордшира и занимался делами, которые порой трудно было назвать достойными.

Филипп отправился в собственную квартиру — теперь уже не нужно было делить жилье с кузеном. При мысли об этом он испытал мгновенный прилив ностальгии и тут же улыбнулся про себя: ведь и его положение тоже изменилось. Ему ясно дали это понять во время грандиозного пиршества. Сэр Ральф Гастингс с такой настойчивостью при-

глашал его выпить по стакану вина, когда все закончится, в доме у своего брата, королевского камергера. И хотя Уильям Гастингс был широко известен своим добрым нравом и гостеприимством, его обширные апартаменты никогда не становились проходным двором для всяких там провинциалов. Филипп начал постепенно понимать, что в Вестминстере милости герцога Глостера значат ничуть не меньше, чем звание пэра при дворе короля Эдуарда.

Это безошибочно свидетельствовало о закате его царствования. Муж Марии Бургундской, отпрыск Габсбургской династии, прекратил в конце концов свое доблестное сопротивление и помирился с Францией. Теперь у Людовика были развязаны руки, и он умело этим воспользовался: отказался выполнять далее условия договора с Эдуардом, в частности, выплачивать дань, а также порвал помолвку своего сына с дочерью Эдуарда. Горевала ли об этом принцесса Елизавета — вопрос спорный, даже самые снисходительные люди находили дофина Карла фигурой на редкость отталкивающей. Но дело, конечно же, не в принцессе, акция Людовика была направлена против короля Англии. Таким образом французский король отплатил англичанам за семь лет кабалы, в течение которых он выплачивал унижительную для его страны дань. Единственным светлым пятном этой мрачной зимы были шотландские успехи герцога Глостера. Это спасало униженную Англию от национального позора.

Ричард считал, что с шотландцами надо кончать, и чем скорее, тем лучше. Судя по всему, король Джеймс, по крайней мере в ближайшее время, не будет иметь возможности вмешиваться в английские дела, но все равно лучшим ответом на возрастающую угрозу со стороны Франции было бы достижение полного и постоянного нейтралитета со стороны союзника Людовика, потом это могло бы привести к ослаблению традиционных связей Шотландии с Францией и даже к заключению союза Шотландии с южным соседом. При дос-

таточном терпении и дипломатическом мастерстве в таком союзе нет ничего невозможного, благо прецедент в прошлом имеется.

— Да, в этом ты прав, Дикон, — отрывисто бросил Эдуард. — Тем более что пираты Людовика хозяйничают на Ла-Манше как им заблагорассудится. Прав, прав. Другого пути не видно.

— Мне тоже так кажется, — спокойно заметил Ричард.

Они сидели за плотно закрытыми дверями в уборной, непосредственно примыкающей к огромной спальне. На небольшом столике лежала кипа бумаг. Эдуард со вздохом опустился на низкую кушетку рядом со столиком.

— Ладно, подождем до лета, — произнес он. — При такой погоде, как сейчас, все равно особенно не повоюешь. Жаль только, денег я тебе не смогу дать, сколько надо.

— Ничего, справлюсь, — слегка улыбнулся Ричард. Он слишком хорошо знал, как фантастически скуп его брат. Враги презрительно именовали его королем-купчишкой, а Эдуард то и дело подтверждал это прозвище. Вот даже теперь, довольный шотландскими победами, он не упускал случая вслух пожаловаться, что успехи стоят ему слишком дорого.

Разглядывая младшего брата из-под приспущенных ресниц, Эдуард с незаметной улыбкой раздумывал над тем, что пути Господни действительно неисповедимы. Ведь совсем недавно — так ему, по крайней мере, казалось — Ричард был тихим, застенчивым юношей, довольствовавшимся задворками двора Вудвилов. А сейчас? Меньше двенадцати лет прошло с тех пор, как Эдуард отдал ему на откуп весь север Англии и отправил за Трент править этой частью страны от имени короны. Постоянная настороженность мальчика, потом юноши-изгоя давно сменилась гордыней, которая при случае могла таить в себе немалую угрозу, и почти ничего не осталось от скромного мальчика, что неустанно забавлял Елизавету Вудвил и ее сыновей, фигура

выправилась, горб почти исчез, хотя от ощущения себя калекой Ричард так и не избавился: даже самые близкие люди почти никогда не могли видеть его в рубахе с короткими рукавами.

Ричард бегло просматривал донесения. Эдуард со вздохом отвел глаза от брата. Эта кипучая, через край бьющая энергия брата неприятно напоминала ему о собственной немощи. Эдуард был еще далеко не стар — разве можно назвать стариком сорокалетнего мужчину, успокаивал он сам себя, но жизнь ему выпала нелегкая, и тело начинало об этом напоминать. Приступы неудержимой ярости, которую вызывало у него любое сопротивление со стороны ближайшего окружения, заканчивались чем-то вроде судорог, особенно часто это случалось в последнее время. Пару раз у него совершенно темнело в глазах, и он еле удерживался на ногах. “Но это еще ничего, — говорил он себе, — Эдуард, черт вас всех возьми, еще повоюет!”

Он посмотрел на руки, которые, увы, в последнее время начали немного дрожать. По наступившей вдруг тишине он понял, что брат изучающе глядит на него. Встретившись с ним взглядом, Эдуард сказал с обезоруживающей улыбкой:

— Я как раз думал, как все меняется на свете. Да, Дикон, пока ты не ушел... Посвети, пожалуйста.

Эдуард нащупывал что-то под подушкой. Это был хрустящий лист пергамента. Взяв свечу, Ричард наклонился над ним. Он бегло просмотрел текст, обратив внимание на печати. Ричард поднял голову, удивленно и недоверчиво посмотрел на брата.

— Но это же...

— Камберленд, приграничные земли на западе, то, что ты уже отобрал у шотландцев, и кроме того, все, что найдешь нужным для надежности границы, — принадлежит отныне и навеки тебе и твоим наследникам. Завтра я отправляю этот документ в парламент на ратификацию, — небрежно

произнес Эдуард. — Север... Север ты будешь по-прежнему охранять в моих интересах, но это теперь твое.

— Знал бы ты, как мне стыдно, Нед. Ведь еще минуту назад я думал, ты меня на части готов разорвать, — признался Ричард.

— Пока это только слова на бумаге. — Эдуард взглянул на желтый лист. — Но пройдет два-три года, а может, и меньше — и эти слова сделаются реальной силой, и уж тогда никто у тебя ее не отнимет. Что бы там ни случилось, ты защищен надежно.

— Нед... — Ричард отодвинул пергамент в сторону и посмотрел на изборожденное морщинами, с мешками под глазами лицо брата. — Нед, как ты себя чувствуешь в последнее время? Я вчера говорил с Гоббсом. Он явно обеспокоен.

— Гоббс — старая баба. Дай ему волю, и он запеленает меня с головы до ног и начнет засовывать свои трубки в рот, пока я не задохнусь. Не волноваться, не напрягаться! Бог ты мой, хотел бы я знать, сам-то он следовал бы собственным предписаниям, будь у него на голове корона.

— Может, он не то имел в виду. — Ричард случайно наткнулся взглядом на какой-то предмет, валявшийся под кушеткой. Это оказалась дамская домашняя туфелька голубого цвета — того самого, что так любила Джейн Шор. Эдуард перехватил его взгляд и ухмыльнулся.

— Может, и не то. Но я еще жив, Ваше Святейшество. Да и не слишком-то влюблен. Так что пускай проповедует, если ему очень уж хочется. Посмотрим, каков ты будешь через пятнадцать лет.

Ричард промолчал, а Эдуард отвернулся в сторону камина, где ярко горели угли. В спальне послышались голоса — это пришли рыцари-телохранители, им надлежало присутствовать при ночном туалете короля. Повинуясь жесту брата, Ричард открыл дверь, и в комнату вошел лорд Гастингс. В

руках у него был стаканчик с игральными костями. Было еще не поздно, но от Гастингса уже пахло вином, через расстегнутую рубаху выглядывала густо поросшая волосами грудь.

Гастингс приятельски подмигнул Ричарду и, дав знак своему конюшему убрать со стола бумаги, водрузил на него полную флягу вина. Интересно, подумал Ричард, правду ли говорит Бэкингам, что и они с Гастингсом пользуются расположением госпожи Шор.

В углу комнаты настраивал лютню стройный, кудрявый, пожалуй, слишком накрашенный юноша. Позвякивая костями, Гастингс весело спросил:

— А вы как, милорд, не присоединитесь к нам?

Судя по всему, подумал Ричард, рыцарям-телохранителям ждать придется долго.

— Нет, спасибо, — ответил он и негромко спросил брата: — Ты надолго, Нед?

— Грешный я человек, Дикон, — небрежно откликнулся Эдуард и протянул брату руку. — Приятных тебе сновидений.

Через несколько дней обе палаты парламента единодушно подтвердили королевский дар Ричарду, выразив признательность принцу и его военачальникам за успешное проведение шотландской кампании. Для возобновления войны был введен новый налог, распространявшийся лишь на иностранцев, не имевших права протестовать. Небеса, казалось, снова демонстрировали свою симпатию к англичанам.

Сразу после этих событий Ричард уехал из Лондона и больше двух месяцев не видел жену и сына. Приближалась весна, можно было немного пожить спокойно, а там, глядишь, на вершинах северных холмов снова появятся гонцы, и придется снова трогаться в путь. На сей раз он непременно вырвет у Джеймса такие гарантии, которых раньше полу-

чить не мог, теперь он так прижмет мятежные приграничные районы, что Стюарту некуда будет деться. А ближе к зиме можно будет подумать и о Камберленде. Если и с этим неверным вельможей удастся достичь согласия, тогда вообще не о чем больше беспокоиться.

Сразу за городской чертой дорога круто поворачивала на северо-восток, потом, за Барнетом и Сен-Албансом, ответвлялась в сторону Ковентри. По обе стороны раскинулись поля, готовые к севу, над ними с громким жужжанием носились тучи ржанок. Спутники Ричарда держали на руках находившихся соколов, все весело смеялись.

— Недурное нас ожидает времечко, кузен, — довольно заметил Фрэнсис. — И кто бы мог поверить?

— Только не я, — вмешался Перси. — Особенно если вспомнить, что тринадцать лет пахали на Бургундию. Помните это время, Филипп? Довольно отвратительная зима была в Голландии.

— Тем не менее с того времени вы изрядно располнели.

Перси ухмыльнулся и прищпорил коня. Несмотря на вес, он держался в седле очень легко.

До городка, где собирались заночевать путники, оставалось несколько миль, однако тени начали удлиняться — приближался вечер. Показались беспорядочно разбросанные строения бенедиктинского аббатства. Какой-то торговец, покончив с дневными трудами, стучался в ворота. Небо полыхало закатными красками. Филипп кивнул в сторону домиков:

— Помните монашка в доме неподалеку от Ридинга, которого мы встретили на пути в Тьюксбери? Теперь он приор в Колчестере. Я там случайно останавливался зимой после возвращения из Палестины. Вот уж не думал, что снова увижусь с ним.

— Как же, как же, помню. На священника он был похож меньше всего. Из-за него я крепко недоспал, — воспо-

минание заставило Фрэнсиса ухмыльнуться, — но надо признать, раны исцелять он умеет.

Становилось темно. Всадники поскакали быстрее. За ними скрипели и гроыхали телеги, груженные всяким скарбом. Едва они миновали долину, как, позолотив шпили Лейсестера, блеснул последний луч солнца. За холмом остался Босворт.

В своем дворце в Вестминстере умирал король Эдуард Йорк. Он до конца боролся с болезнью, зная, как много еще не сделано. Не хотелось передавать все это в чужие неумелые руки, но пришел час, когда дальнейшее сопротивление стало бессмысленным. Хлопоты Гоббса приносили лишь дополнительные мучения. Нетерпеливым жестом король велел уйти безутешному лекарю и посвятил остаток своего времени неотложным делам. Завещание, душеприказчики — все, чтобы обеспечить мирный переход власти в руки двенадцатилетнего сына, находившегося в Ладлоу. Его судьбу Эдуард вверял своему брату Ричарду. Он собрал у своего ложа своих приближенных и родственников жены, заставил всех дать клятву дружбы — то, чего прежде ему сделать не удалось. Обливаясь слезами, все поклялись. Затем остались только священники, читающие молитвы.

Вскоре все смолкло, король остался один. В изножье кровати зажгли большие свечи. Угасающим взглядом король обвел комнату. Лица покачивались и постепенно уплывали, возникали какие-то блуждающие тени. Эдуард узнавал их. Уорвик с неизменным высокомерием смотрел на него своим ястребиным взглядом. Он улыбался, будто посмеиваясь над бессильными попытками умирающего оттянуть конец. Монтегю, он тоже устремил на Эдуарда неотрывный взгляд. Бедняга Джек, который, потеряв всякое самообладание, повернулся к нему спиной и так жестоко поплатился за это на рыночной площади Барнета. Эдуард слышал шуршание шелков королевы Маргариты Анжуйской и видел мягкий, непонимающий взгляд ее безумного мужа. Были тут и другие,

кого он знал хуже, но и они пришли и стояли безмолвно, сложив руки на груди.

Взгляд затуманивался все больше. Он напрягался изо всех сил, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть в сгущающейся тьме. Ряды торжественно застывших часовых разомкнулись, и в образовавшемся проходе что-то ослепительно вспыхнуло — словно гирлянда изумрудов засверкала переливающимися огоньками. Улыбаясь, поигрывая какой-то безделушкой, вошла последняя тень и, усевшись у самой кровати, насмешливо посмотрела на него.

— Ну что, Нед, слишком быстро пришло время? Так всем нам кажется. Вот и мне казалось, когда ты бросил меня в Тауэр, но ты и глазом не моргнул.

С невероятным усилием, едва шевеля губами, умирающий проговорил:

— Я не желал тебе ничего дурного. Я бы помиловал тебя, коли ты попросил, я ведь обещал тебе это...

— И как же, должно быть, ты был счастлив, когда я отказался. Это ведь был для тебя такой пустяк — чужая жизнь, но у меня-то после того, как ты все отнял, ничего больше не осталось. Уж это-то ты мне мог сохранить?

— Но как? Да, с тобой бы я мог договориться — всегда договаривался, — но ведь оставался мой мальчик. Я должен был о нем позаботиться.

Раздался пронзительный смех — резкий, свистящий.

— Ну и что, позаботился? Теперь доволен? Уладил дела с Людовиком, усмирил баронов и выманил Генри Тюдора из гостеприимной Бургундии? Немного все же не хватает, Нед, немного не получилось у тебя с порядком, к которому ты так стремился.

Темноту снова прорезал яркий свет. Эдуард прикрыл глаза.

— Все, что мог, я сделал. Остальным займется Дикон, теперь все в его руках.

— Да, замечательное наследие ты ему оставляешь. Фран-

ция, Шотландия, Тюдор в Бретани, дома — твоя добрая женашка Елизавета, Нортумберленд в Альвике, а он ох как не любит герцога Глостера, на западе милорд Стэнли, который недавно женился. — Улыбающееся лицо склонилось прямо над умирающим. — Ты что же, на чудо надеешься, Нед? Да больше и не на что надеяться...

Стэнли... Эдуард беспокойно шевельнулся, пытаясь избежать мыслей об этом человеке, о его месте в том хаосе, который неизбежно породит смерть короля. Стэнли был слишком силен, чтобы поставить его на колени. Эдуард сделал по-другому: ублажил его, продвинув, приблизив к себе, и даже назначил одним из своих душеприказчиков. С Диконом у них в Бервике неплохо получилось. Так может, и не стоит теперь в нем сомневаться, даже если он и вступил в новый брак, даже если его жена — мать Генри Тюдора. Нортумберленд — тоже проблема. А там еще Бэкингом — ведь в его жилах тоже течет кровь Плантагенетов, и как угадать, на какой свет полетит этот овод?

Комната сделалась выше. Свечи почти догорели, пламя стало слабым и тусклым — как огоньки бுவев, еле освещающие черноту ночной реки. Дикон — Дикон обо всем позаботится. Эдуард закрыл глаза. Навсегда.

Глава 16

Анна Глостер сидела в галерее для дам, выходявшей на двор Миддлхэма. На секунду оторвавшись от зрелища, которое уже подходило к концу, Анна расстегнула плащ. Стоял солнечный апрельский день, было тепло, так что неудивительно, что труп бродячих актеров, которых пригласил ее муж, развернула подмостки прямо на открытом воздухе. Весеннее солнце проникало и сквозь толстые стены замка — камни сильно нагрелись.

Актеры разбирали сцену. Юноша-ученик, игравший женскую роль и не успевший снять грим — ноги запутались в полах платья — неловко оттаскивал в сторону части декорации.

Один из зрителей терпеливо дожидался конца представления и, когда двор опустел, выехал из конюшни на знаменитом герцогском жеребце по кличке Уайт Саррей. Это был Эдуард Глостер, сын Ричарда и Анны. За ним следовал грум, изредка бросавший взгляд наверх. Остановившись прямо напротив галереи, юный Эдуард поднял глаза и горделиво выбросил руку в приветственном жесте. Публика заулыбалась, но Анна встревоженно посмотрела на мужа:

— Ты считаешь...

— Знаешь, дорогая, рано или поздно ему придется научиться ездить на боевом коне, — старался успокоить жену Ричард. — Мы заключили с сыном нечто вроде сделки: пусть хоть до дыр штаны протрет, но научится ездить, а я ему на именины подарю племенного жеребца.

Ричард одобрительно улыбнулся сыну, с беспокойством наблюдавшему за реакцией отца. Довольный Эдуард, прищипав коня, двинулся в сторону внешнего двора. Решетка была поднята. Мальчик, по-прежнему сопровождаемый грумом, пересек улицу, и идущая вниз дорога привела его к рыночной площади. Мать продолжала тревожно прислушиваться к удаляющемуся стуку копыт, а Фрэнсис, оторвавшись от какого-то легкого трепса с Эштоном, сказал с едва заметной усмешкой:

— Вечная история, милорд. Пройдет три-четыре года, и у меня с женой будут такие же споры.

Ричард все еще не отрывал взгляда от северных ворот. Сначала из-за часовни, затем на мосту послышался стук копыт чужой лошади. Филипп, небрежно облокотившийся о деревянные перила галереи, увидел, что герцог резко выпрямился и сдвинул брови. Всадник обогнул башню и появился

во дворе. Он явно не знал, куда ехать дальше. Незнакомец был по колени в грязи, весь пропитан пылью, но знаки отличия на его одежде разобрать было нетрудно.

— Это ведь ливрея Гастингса? — с любопытством спросил Эштон. — Что здесь, интересно, понадобилось его человеку? Да еще такая спешка.

Гонец соскочил с лошади и закричал во весь голос:

— Герцог! Где мне найти герцога?

Слуга, принявший вожжи, указал ему дорогу, но Ричард сам быстрым шагом направлялся к гонцу. Они встретились посреди большого зала; опустившись на колени, гонец протянул Ричарду запечатанный пакет и хриплым голосом сказал:

— От моего господина — Вашему Высочеству. Король умер.

Первая реакция собравшихся — общая растерянность — сменилась лихорадочным возбуждением, после торжественного поминального реквиема в часовне наступила тишина.

Анна с сыном были в южной башне, Ричард заперся в личных покоях. Никому, кто видел во время церковной службы мрачное, застывшее лицо Глостера, и в голову бы не пришло беспокоить его. По залу ходили, переговариваясь вполголоса, небольшие группы придворных.

Послание Гастингса было лаконичным и недвусмысленным: король назначил своего брата лордом-протектором и передал ему ведение всех дел. Милорду Глостеру следует немедленно обеспечить охрану наследника, пребывающего в настоящий момент в Ладлоу, и отправить его в Лондон. Указание на срочность звучало угрожающе, тем более что Вестминстер молчал. Елизавета Вудвил и немногочисленные родственники все еще не удосужились известить герцога о смерти брата.

— Да будь она проклята! — не выдержал Рэтклиф, когда и на следующий день из Вестминстера не пришло никаких известий. — Что, право, за безмозглая баба! Что, собственно, она выигрывает?

— Да надеется, наверное, выиграть немало, — задумчиво сказал Филипп. Фрэнсис улыбнулся в знак согласия. — Это уж точно. Наверняка они сейчас в Лондоне сильно заняты — милорд маркиз, да и все члены клана. Интересно, за Гастингсом они уже догадались установить слежку?

Оруженосец тронул Филиппа за рукав. Тот последовал за мальчиком в зал. У парадной двери Хью оставил его, и Филипп шагнул внутрь.

В нос ударил восковой запах догоравших свечей. Кендал, секретарь герцога, запечатывал письмо, Ричард сидел за столом, покручивая пальцами гусиное перо. При появлении Филиппа он поднял голову, взял у секретаря послание и, дождавшись, когда тот выйдет, резко бросил:

— У меня для вас поручение, Филипп. Это письмо адресовано лорду Риверсу. Мне надо знать, какой дорогой и когда он повезет моего племянника в Лондон. Отправляйтесь в Ладлоу и как можно скорее привезите ответ.

— И вы поверите ему на слово? — ровным голосом спросил Филипп.

— А как бы на моем месте поступили вы? — мрачно улыбнулся Ричард. — Однако же... — Он осекся, задумчиво глядя на собеседника. — Риверс — брат королевы и, несомненно, убежден, что Вудвилы явились в этот мир, чтобы владеть им. Но на вид он джентльмен. Что, несомненно, делает его самым опасным и самым серьезным противником во всей этой компании.

В полдень Филипп, сопровождаемый небольшой группой людей, выехал из Миддлхэма. Они направились через долины Йоркшира на юго-восток в сторону Ланкашира и Уэльса. Именно поэтому он и разминулся с очередным гонцом лорда Гастингса, который, поднимаясь от рыночной площади, достиг к вечеру вершины холма. На сей раз письмо камергера изобиловало подробностями, в тоне его улавливалось отчаяние. Намерения королевы и ее родичей стали ясны: доставить в Лондон малолетнего сына и немедленно коронно-

вать его. Поскольку протектор никоим образом не может руководить действиями уже коронованного правителя, встает вопрос о регенте. С точки зрения Елизаветы Вудвил, им вовсе не обязательно должен быть тот, кого выбрал король Эдуард. Она уже сама готова стать регентшей. Поэтому и начала действовать: выпускать прокламации, собирать налоги, приводить флот в состояние боевой готовности. Елизавета также наложила руку на наследство покойного мужа, поделив его со своим старшим сыном маркизом Дорсетом — весьма деловитым молодым человеком.

Гастингу, как другу покойного короля и его ближайшему советнику, пришлось пустить в ход все свое влияние и связи, чтобы в Ладлоу послали две тысячи человек для сопровождения сына Эдуарда. В письме он самым убедительным образом просил герцога Глостера лично отправиться на юг, взяв с собой как минимум еще столько же вооруженных людей. Автор послания едва сдерживал эмоции — чувствовалось, что он находится в паническом состоянии.

Была середина апреля. Елизавета со своим старшим сыном маркизом Дорсетом собрали оставшихся в Лондоне членов совета покойного короля и принудили их дать согласие на коронацию юного Эдуарда в начале мая. Расчет их был совершенно очевиден: церемония должна состояться до приезда лорда-протектора. Они надеялись даже, что Глостер ничего не знает о смерти брата. Правда, с этой иллюзией королеве и ее окружению пришлось скоро расстаться. Получив второе послание Гастинга, Ричард немедленно отправил королеве письмо с соболезнованиями по поводу постигшей ее утраты. При сложившихся обстоятельствах слова поддержки со стороны Глостера звучали как насмешка. С тем же гонцом Ричард отправил развернутое послание членам королевского совета. Спокойно, аргументированно, не употребляя сильных выражений, герцог указывал, что его назначение лордом-протектором соответствует как традиции, так

и воле покойного короля. И он будет выполнять возложенные на него обязанности, руководствуясь исключительно интересами нового короля, станет служить ему так же честно и преданно, как служил его отцу. Того же Глостер ожидает от членов королевского совета.

В ближайшие дни из Миддлхэма было отправлено множество инструкций и указаний, но ни одно из них не касалось подготовки того отряда, на формировании которого так отчаянно настаивал лорд Гастингс. Окружение Ричарда, совершенно разъяренное действиями Вудвиллов, терялось в догадках по этому поводу. Фрэнсис все-таки не выдержал и спросил об этом Ричарда. Герцог ответил, что, пока не ясны намерения Риверса, он решительных действий предпринимать не будет, чтобы еще больше не накалять обстановку. Через несколько дней в Миддлхэм прискакал гонец от Бэкингема: тот свидетельствовал кузену Глостеру свое нижайшее почтение и предлагал отряд численностью в тысячу человек. Ричард ответил, что будет счастлив, если Бэкингом присоединится к нему на пути в Лондон, но эскорт Его Светлости не должен превышать трехсот человек. Это было обычное сопровождение персоны такого ранга. Сам Глостер намеревался взять с собой столько же.

Свита Ричарда состояла из небольшого отряда. Местом встречи он назначил Йорк. У северных ворот он на прощанье обнял сына, бросил короткий взгляд на жену — попрощались они еще прошлой ночью, и щемящее, грустное чувство не отпускало их. Впервые они расставались, не зная, когда снова увидятся. На ее шепотом заданный вопрос: когда же все-таки — Ричард только пожал плечами:

— Не знаю. Но верь мне, при первой же возможности пошлю за тобой.

Они сидели у нее в покоях, рассеянно поглядывая на расстилавшуюся за окном долину. Положив руку жене на плечо, Ричард почувствовал, что она дрожит. И хоть Анна отвернулась, он понял: плачет.

Справившись с собой, она сказала:

— А почему с тобой так мало людей? Я боюсь за тебя. Может, еще не поздно послать за подкреплением?

— Это не входит в мои планы. — Ричард накрутил на палец ее локон и тут же отпустил. — Когда поедешь в Вестминстер, Неда отставь здесь. На севере ему хорошо, вот пусть и будет как можно дальше от этого клоповника. — Он посмотрел жене прямо в глаза, прижал ее к груди. — Поверь, я думаю о нем. Он еще слишком мал для таких уроков.

— Твой брат так не думал, когда привез тебя сюда. А ведь ты тогда был ненамного старше.

Черное небо прорезала падающая звезда.

— То были другие времена. Он знал, что меня уже можно и нужно приучать к тому, что ждет впереди. Да впрочем, я всю жизнь к этому готовился. Мне было семь, когда Ладлоу разграбили, нас с Джорджем и мать сняли с креста на рыночной площади. Мама направилась туда, чтобы защитить своих людей. Отца предал Троллоп, и ему пришлось бежать в горы. Жену и сыновей он не мог взять с собой, но надеялся, что старый Бэкингам — ведь речь шла о сестре его жены — позаботится о нас. Он ошибся. Когда пламя взметнулось, я закрыл было лицо руками, но успел перехватить взгляд матери: не надо, говорил этот взгляд, пусть глаза останутся открытыми, смотри и запоминай. Мимо пробегала девочка. Подол платья у нее был весь в огне — так забавлялись солдаты. Оказалось, это дочь сокольничего, ей еще не исполнилось и двенадцати лет. И все потому, что отец был, с точки зрения некоторых лордов, слишком близок по крови королю. Эти люди научили Генри ненавидеть его за это. А Генри в то время и не задумывался о короне.

Филипп Ловел присоединился к герцогскому кортежу недалеко от Понтефракта. Он вез с собой ответ Риверса, в кото-

ром граф извещал, что собирается покинуть Ладлоу вместе со своим подопечным в самое ближайшее время и будет рад встретиться с герцогом Глостером в Нортхэмптоне. Ричард внимательно прочитал письмо и задумчиво вглядывался в даль.

— Ну как, Филипп, что скажете?

— В Нортхэмптоне он будет, милорд. За остальное не поручусь. Он, по-моему, и сам еще не знает, как все обернется. С ним полно людей — они сильно стесняют его. Лорд Риверс честный человек, но королева — его сестра.

— Вот именно. А без него весь ее замысел — мыльный пузырь. Дорсета в роли генерала я не представляю.

Ричард тронул коня, напряженно думая о чем-то. В кармане у него было очередное послание лорда Гастингса, в котором камергер настойчиво повторял свои прежние предостережения и утверждал, что противостояние Дорсету и королеве очень опасно для него. Члены совета, упорно сопротивлявшиеся всевозрастающему давлению Дорсета, настаивали на том, что юного короля до достижения им совершеннолетия следует полностью изолировать от тщеславных родичей его матери. Несмотря на эти признаки бунта, а скорее благодаря им, Дорсет послал своего брата Ричарда Грея встречать Риверса и короля.

В Ноттингеме до них дошли вести от герцога Бэкингема — он выехал из Уэльса. Ричард немедленно уведомил его о месте и времени встречи с королем, а когда достиг Нортхэмптона, там уже были передовые отряды Бэкингема. Сам герцог, сообщили ему, прибудет к ночи. Никаких признаков пребывания сына Эдуарда в Ладлоу не было. Владелец одного из постоялых дворов сообщил Ричарду, что лорд Риверс с малолетним королем уже давно проехали Нортхэмптон, здесь они не задержались, а поехали по дороге, ведущей в Лондон. Предполагалось, что они остановятся на ночлег в Стоуни-Стратфорде — в полудневном расстоянии до Лондона, если двигаться с прежней скоростью.

Не говоря ни слова, Ричард последовал за постоянно кланяющимся хозяином в приготовленную для него комнату — гостиную, служившую также и столовой. Он стоял, прислонившись к камину, когда шум снаружи известил о появлении новых постояльцев. Почти сразу на пороге появился граф Риверс. Улыбаясь, он пояснил, что, как следует подумав, решил, что в Нортхэмптоне мало места для свит короля и милорда Глостера, — потому он и отвез племянника в Стоуни-Стратфорд, где Ее Величество с нетерпением ожидает приезда Его Светлости. Почему был выбран именно Стоуни-Стратфорд, граф никак не объяснил, но Ричард ни о чем и не стал спрашивать. Он предложил Риверсу поужинать вместе. Тот охотно согласился и сразу сообщил герцогу, по-прежнему молчаливо слушавшему его, что жилье себе и своим спутникам он уже отыскал и собирается провести в Нортхэмптоне ночь. Закончив объяснения, граф принял предложенный ему кубок с вином, обменялся любезностями с знакомыми из сопровождения герцога и, демонстрируя полное самообладание, стал ждать обещанного ужина. Появился поваренок, согнувшийся под тяжестью огромного блюда с запеченной в тесте телятиной, пудингом и колбасками. Буквально в тот же момент в комнату вошел герцог Бэкингам. Возникла легкая суета, слышались приветствия попеременно с извинениями за опоздание, и господа принялись за угощение.

Свечи уже начали оплывать, когда ужин подошел к концу. Риверс, который демонстрировал, как всегда за столом, искусство остроумной беседы, поднялся и, позевывая, заявил, что идет спать. Слуга принес плащ, другой отправился за лошадью. Бэкингам мимоходом заметил, что завтра им всем предстоит рано встать — путь до Стоуни-Стратфорда не такой уж близкий. Риверс кивнул, пожелал милорду Бэкингаму приятных сновидений, взял со скамейки перчатки и повернулся к герцогу Глостеру попрощаться.

— Какое хладнокровие, однако, — прошептал Перси на ухо Фрэнсису. — Только в толк не возьму, что заставило его вернуться в Нортхэмптон.

— Скорее всего, решили, что это единственный способ не дать Глостеру присоединиться к королевской процессии, — спокойно ответил Фрэнсис. — Мысль, несомненно, принадлежит Дорсету, исполнение — лорду Ричарду Грею. Только неужели они всерьез рассчитывали провести Глостера? Явно не предполагали, что Гастингс окажется таким трудолюбивым корреспондентом.

В открытую дверь с улицы ворвался ледяной ветер. Риверс, остановившись на пороге, передернулся от холода и теснее завернулся в плащ.

— До костей пробирает, — сказал он с улыбкой провожающим. — Я считаю себя слишком англичанином, чтобы подолгу радоваться жизни вдали от родного острова, но, право, в такую погоду тянет назад в Италию. Вы ведь там путешествовали, сэр Филипп? В мире нет места с более мягкой весной — золотые края.

— Совершенно с вами согласен, милорд, — откликнулся Филипп.

Граф постоял минуту, глядя на стремительно несущиеся по небу облака, натянул перчатки и кивнул остающимся:

— До завтра, господа.

Филипп посмотрел ему вслед. Риверс быстро сбежал со ступенек и стремительно вскочил на коня. Он был довольно плотный, но стройный и подвижный. На Риверсе был облегающий плащ, густо отороченный мехом и расшитый драгоценными камнями у ворота. Даже в походных условиях Энтони Вудвил, граф Риверс, выделялся своим блистательным видом. А ведь подо всей этой неизменной пышностью и изыском скрывалась власяница. И наверное, подумал Филипп, это символично для такой сложной, из одних противоречий сотканной личности. “Удивительное дело, — как-то заметил

Ричард. — Он спорит, даже когда согласен с вами. Помните мои слова, Филипп, милорд Риверс — слишком роскошный джентльмен для нашего грешного мира”. Тогда Филипп удивился, отчего это в голосе Глостера звучала такая неприязнь, а потом вспомнил: когда имения герцога Кларенса передавались короне, кое-что выпало на долю Риверса, как, впрочем, и на долю братьев Грей.

Незадолго до рассвета в комнату, где ночевал лорд Риверс, постучался белый как полотно конюший. Услышанное заставило Риверса вскочить с постели и окликнуть оруженосцев. Спустившись во двор, он убедился, что слуга сказал чистую правду, и правда эта была обескураживающей. Постоялый двор был плотно окружен стражниками. На их ливреях при занимающемся свете тускло поблескивали значки. Мгновенно побледнев, Риверс оглянулся в поисках начальника отряда; но тут послышался топот копыт. Риверс застыл в напряженном ожидании. Всадники приблизились, обогнули дом и остановились. Глядя прямо перед собой и пытаясь сохранять хладнокровие, Риверс произнес:

— Полагаю, всему этому есть какое-то объяснение, милорд Глостер.

— Естественно, — спокойно ответил Ричард. — Я отправляюсь в Стоуни-Стратфорд, где надеюсь застать своего племянника, если, конечно, он еще не уехал в Лондон. Вам же, боюсь, предстоит остаться здесь. Об апартаментах для вас я позаботился. Все остальное зависит от того, что я выясню в Стоуни-Стратфорде. Если, как я предполагаю, вы приехали сюда, чтобы задержать меня, пока лорд Ричард с королем поспешают в Лондон, освободитесь вы, пожалуйста, не сразу.

Риверс изо всех сил сцепил пальцы.

— Не думаю, что у вас есть на это право, милорд.

— Понимаю, что не думаете. Судя по всему, и ваша сестра этого не думает. Ну а мне надо, чтобы она переменяла свое мнение.

— Короче говоря, я ваш заложник?!

— Вы — то оружие, которое я хочу отнять у вашей сестры. Или еще лучше — пусть она сама от него откажется. Я от души на это надеюсь — ради вашего собственного благополучия. — Ричард натянул поводья и прищпорил коня. — Желаю здравствовать, милорд.

До Стоуни-Стратфорда, где с королем могли оказаться две тысячи вооруженных людей, было четырнадцать миль. Герцоги Глостер и Бэкингем могли насчитать у себя не более шестисот. Однако Ричард решил не дожидаться, когда соберется все их воинство. Оставив обоз на пеших, Ричард и Бэкингем во главе отборного отряда рыцарей и небольшой группы конных офицеров на полной скорости помчались к цели.

Они догнали королевский эскорт к полудню. Длинная цепочка всадников тянулась по лондонской дороге. У дома, где провели ночь король и его сводный брат, людей было побольше. Неподалеку спешно готовили к отъезду крытые повозки. Некоторые были нагружены домашним скарбом, но большинство ломилось от разнообразных видов оружия. Мальчик-король был уже в седле, рядом нетерпеливо гарцевал его сводный брат лорд Ричард. Он первым услышал топот копыт и, обернувшись, увидел приближающийся отряд. Так и застыв в седле, Грей рванулся было вперед, но тут же остановился. Сама эта жалкая попытка бегства лучше, чем что-либо другое, дала понять его спутникам о внезапно свалившейся беде. Грей потянулся к уздечке лошади младшего Эдуарда, но понял бесполезность своих намерений; покрытая металлическими бляшками кожаная лента выпала из его рук.

В абсолютной тишине лорд-протектор со спутниками проехали между расступившимися всадниками, сошли с лошадей и опустились на колени перед своим явно растерявшимся господином.

В ходе того, что последовало, никому и в голову не пришло, что присутствие двух тысяч солдат могло бы решающим образом изменить обстановку. Им просто велели разойтись, а юного Эдуарда, изумленного и напуганного, попросили пройти в дом и поговорить со своими дядями — Глостером и Бэкингемом. И когда, некоторое время спустя, мальчик появился вновь, почти вся его блестящая свита рассеялась. Оставленные повозки были переданы на попечение людей герцога Глостера. Будет что показать жителям Лондона, у которых сложилось вполне определенное мнение о Вудвилах.

В ожидании более подробных сведений из Лондона Ричард решил вернуться вместе с племянником в Нортхэмптон. Не говоря ни слова, Эдуард сошел с лестницы вслед за своими дядями, принял из рук одного из рыцарей Ричарда поводья своей лошади. Сводного брата он так нигде и не увидел — к тому времени, когда разговор в доме закончился, Грея потихоньку взяли под стражу. Рыцарей и телохранителей короля перевели в арьергард процессии. Не найти было и королевского камергера, славного сэра Томаса Воэна, такого хорошего друга графа Риверса. Эдуард обвел взглядом новых, почтительно застывших перед ним спутников, в надежде найти хоть одно знакомое лицо, но тщетно. На замечание Ричарда, что все королевское окружение в Ладлоу составляли люди Вудвилов и потому оно неприемлемо для проведения политики, проводимой его отцом, юноша ответил, что его эти люди вполне устраивают. Эта демонстрация независимого мышления вызвала лишь пристальный взгляд дяди Глостера, но никак не сказалась на ближайшем будущем короля-малолетки.

Когда всадники достигли Нортхэмптона, уже смеркалось. Ричард задержался в гостиничном дворе, давая распоряжения, как и где разместить Воэна и Грея. Их проводили в дом, соседний с тем, что отвели графу Риверсу. Признаться, он

провел здесь очень непростой для себя день. Теперь, когда утренние тревоги остались позади, Ричард был склонен думать о графе более терпимо — ведь у Риверса были все основания предполагать самое худшее. Так что, когда появился камергер и доложил, что ужинать подано, Ричард распорядился, чтобы графу послали лучшее, что есть у хозяина гостиницы. Он просил также передать Риверсу, чтобы он не беспокоился — все будет в порядке. Надо сказать, добился он этим не многого — Фрэнсису, которому было поручено передать все это, граф таинственно сказал, что лучше бы лакомства послали его племяннику — лорду Ричарду Грею, он менее привычен к поворотам колеса фортуны. Иное дело Эдуард — он случайно услышал, как Глостер дает указания камергеру, и это немного примирило его с дядей. Бэкингом был само остроумие: темнобровый господин, представившийся виконтом Ловелом, был — и юный Эдуард знал это — одним из самых приближенных к отцу придворных. А у родича юного короля, которому явно благоволил герцог, была обезоруживающая улыбка. Немного повеселев, несмотря на все тяготы одиночества, в котором он неожиданно оказался, Эдуард отдал должное ужину. Расправившись с ним, он незаметно посмотрел на соседа справа. Ричард, который уже некоторое время не сводил глаз с выразительного лица племянника, ответил ему довольно мрачным взглядом. Как бы добиться доверия, думал он, со стороны этого мальчика, которого явно долго учили ни в чем ему не верить. Грустное выражение, которое появилось на лице юного короля, когда к нему подошел с полным кубком новый королевский чашник, не осталось не замеченным Глостером. Отослав жестом слугу, который и к нему подошел освежить бокал, Ричард небрежно заметил:

— Должно быть, Ваше Величество беспокоится по поводу тех господ, которые сопровождали его из Ладлоу. Для этого нет никаких оснований. Обо всех ваших придворных

должным образом позаботились. Не сомневаюсь, что многих из них вы увидите в Лондоне во время коронации.

Эдуард грустно вздохнул.

— Надеюсь, так оно и будет. Все это мои хорошие друзья, и мне не хотелось бы думать, что теперь, когда они не состоят больше у меня на службе, им чего-то недостает.

— Повелителю так и полагается — проявлять заботу о своих слугах, — с улыбкой сказал Ричард, по-прежнему не сводя глаз с опечаленного лица собеседника. — У вас теперь много новых обязанностей, так что, может, о ком-нибудь из старых приближенных, кого следует вознаградить, вы забыли? Ваше Величество — король, вам остается только повелевать.

Слегка покраснев, Эдуард ненадолго задумался.

— В Ладлоу остался мой учитель, — сказал он наконец. — Это небогатый человек, ему нужно новое место, а в Пембридже как будто есть вакансия? Мне хотелось бы, чтобы это место, если возможно, было отдано ему.

— Закон Божий, верно? Ну, это нетрудно устроить.

Ужин закончился. Ричард взглянул на привратника. Тот вышел и вскоре вернулся вместе с Джоном Кендаллом. Когда слуги унесли последнюю посуду, секретарь набросал под диктовку герцога проект указа и, повинуясь его жесту, подвинул бумагу мальчику. Раньше тому не приходилось подписывать подобные документы, и он заколебался, неуверенно поглядывая на каллиграфический почерк секретаря. Филипп нагнулся и прошептал что-то герцогу на ухо, Ричард, скривив губы в улыбке, подтолкнул листок поближе к Эдуарду. Тот с благодарностью посмотрел на него и, поупражнявшись предварительно на салфетке, аккуратно написал на указе большими буквами: “Эдуард”.

Дождавшись, пока племянник справится с этим делом, Ричард поднял пергамент, стряхнул с него песчинки.

— “Le roi le veut”, — заметил он, вновь посмотрев на

раскрасневшееся лицо племянника. — Опыняет, верно? Вспоминаю первый указ, который мне приходилось отсылать. Дело было в Уэльсе, и, хотя ушел он за подписью короля, печать стояла моя. Мне тогда было на четыре года больше, чем вам сейчас, но все равно волновался я страшно.

— Говорят, у Вашего Высочества прямо-таки королевское положение в Миддлхэме?

Наступило непродолжительное молчание. Из самого тона, каким это было сказано, ясно было, откуда ветер дует: за спиной сына появился призрак Елизаветы Вудвил. Ричард спокойно откликнулся:

— Что ж, это верно — во благо моего господина, которого я там представляю. — Он запнулся и стал медленно сворачивать пергамент.

Не поднимая взгляда от стола, Эдуард нервно вертел салфетку. Бэкингом, положив ноги на скамейку прямо перед собой и упершись подбородком в колено, переводил смеющийся взгляд с одного на другого. Наконец Ричард положил указ на стол.

— Ну что ж, с преподобным Джефффри мы решили. Если будет угодно Богу и епископу Харфорду, скоро он будет возносить молитвы в пембриджской церкви, благодаря своего господина за щедрость. Может быть, Ваше Величество хотели отметить еще кого-нибудь?

— Да, сэръ, троих, — сказал Эдуард, по-прежнему упорно не поднимая головы. — Милорд, вы все время повторяете, что действуете исключительно в моих интересах. Тем не менее вы взяли под стражу моего дядю Риверса, моего брата Грея, а также Воэна — их и моего друга. И все это от моего имени, хотя никто из них не сделал мне ничего дурного. Вы не доставите мне большего удовольствия, если освободите этих троих. — Тут мальчик запнулся, увидев, как лицо Ричарда буквально окаменело.

Всем в комнате стало ясно, что Глостер собирается резко

одернуть Эдуарда. С трудом сдержавшись, что тоже заметили все присутствовавшие, он заговорил:

— Да, как вы и говорите, я действую в ваших интересах, то есть в интересах короля, которому служу верно и преданно и решениям которого в будущем стану целиком подчиняться. Но пока, в течение некоторого времени, вам предстоит прислушиваться к моим советам. Так вот, освободить этих людей значило бы оказать вам самую дурную услугу. Я ценю достоинства лорда Риверса, но само имя заставляет его быть заодно с остальными родственниками вашей матери; Воэн — их ставленник, а о своем сводном брате вы, к сожалению, слишком мало знаете. Вам лично они, может, и не сделали ничего дурного, но зато причинили огромный вред подданным Вашего Величества. Их проклинаят и в Лондоне, и в самых отдаленных уголках королевства. А почему бы иначе, как вы думаете, король исключил даже королеву — вашу мать из числа своих душеприказчиков? Им нужно только одно — править вашим именем, и если вы это допустите, то настанет день и ваши подданные проклянут и вас самого.

— Разве Ваше Величество не понимает, что они расставили ловушку вашему собственному дяде? — запальчиво вмешался в разговор Бэкингем. — Они хотели, чтобы ваш дядя Ричард появился в Лондоне вместе с Риверсом. И как вы думаете, долго бы прожил герцог Глостер, увидев перед собой две тысячи вооруженных людей?

— Ну, это, кузен, доказать невозможно. — Взяв себя в руки, Ричард снова повернулся к мальчику. — Вы еще слишком юны, чтобы вполне оценить все сделанное вашим отцом. Да и как вам это понять — ведь все свои годы вы провели в стране, которую он построил. На место разрухи и отчаяния пришло процветание: английские суда движутся на запад, открывая новые земли там, где садится солнце. Такого расцвета строительства и искусства не было в Англии за последние шестьдесят лет. Из Фландрии вернулся Кэкстон со

своим новым печатным станком. И все это заслуги вашего отца. Чтобы защитить достигнутое, он готов был пролить даже родную кровь и, умирая, завещал мне беречь этот богатый урожай, пока вы еще слишком молоды.

Эдуард резко откинулся на стуле.

— Вот как, завещал? А кто это может подтвердить, дядя?

— Гастингс, если угодно. Что же касается вашего дяди и его друзей, пусть рассудит совет. Вы согласитесь с его решением?

Ричард замолчал, не сводя глаз с насуспенного лица племянника, а затем как бы непроизвольно выхватил у него из рук смятый лист бумаги. Не говоря ни слова, он с минуту рассматривал его, бессознательно сравнивая неровным почерком выведенную подпись в верхнем углу с четким, красивым письмом предыдущего короля Эдуарда. Ричард наклонился и быстро написал в том же верхнем углу, прямо под королевским автографом: "Loyante me lie", подписался и показал мальчику.

— Вот тебе моя рука, сынок. Да покарает меня Бог, если я откажусь от этих слов.

Наступило ледяное молчание. Бэкингом склонился над плечом Эдуарда и с любопытством стал читать. Он улыбнулся и весело сказал:

— У Вашего Величества здесь есть еще один дядя. Так позвольте же и мне принести присягу.

Он взял перо и, поставив свое имя под двумя прежними, склонился и поцеловал племяннику руку.

Фрэнсис, сидевший у камина, повернулся к Филиппу и, перехватив его взгляд, шумно вздохнул. На остальных лицах тоже появилось удовлетворенное выражение. От такого единомыслия юный король с трудом удерживался от слез. Казалось, весь мир вступил в заговор, лишь бы передать его в руки герцога Глостера. Незаметно смахнув со щеки выка-

тившуюся все-таки слезинку, мальчик встал, явно намереваясь покинуть комнату. И люди из свиты его дядей, один за другим, склонились в низком поклоне.

Некоторые из них, тоскливо подумал Эдуард, наверняка окажутся в его спальнях покоях — должен же кто-нибудь помочь ему раздеться. Поглощенный своими печальными мыслями, с трудом сдерживая слезы, он не заметил, что иные, почтительно опуская взгляд, искоса смотрели на него с явным сочувствием. Многие из присутствовавших хорошо помнили, как тринадцатилетним мальчиком Эдуард Йорк направлялся со своим отцом в Сен-Албанс; а герцогу Глостеру было одиннадцать, когда он впервые оделся в доспехи, чтобы привести королю в Лайкастер отряды наемников с запада. Не много же было в этом неуклюжем подростке — нынешнем короле — от отца с его неукротимым темпераментом, да и от дяди тоже. Филипп, последним вышедший из комнаты, заметил, как двое или трое из собравшихся покачали головой.

В опустевшей комнате наступила тишина. Ричард отошел от двери, до которой проводил Эдуарда, пожелав ему покойной ночи, направился к камину. Там догорали последние угли. Поворошив их носком сапога, он негромко произнес:

— Да смилуется Бог над этой несчастной страной.

— Аминь. — Бэкингом вышел из тени. Проглотив залпом вино, он оттолкнул пустой кубок и сухо добавил: — Хотя, с моей точки зрения, Небо помогает тем странам, — как и людям, — которые сами себе умеют помочь.

Ричард все же отводил взгляда от камина.

— Я послал гонцов к Гастингу. Наверное, скоро узнаем от него последние новости. Если все в порядке, в следующее воскресенье доставим мальчика в Лондон.

— В воскресенье? — с интересом переспросил Бэкингом. — То есть в тот самый день, на который королева на-

значила коронацию? Прекрасно. Стоит людям хотя бы просто увидеть его, как все подозрения относительно переносов срока церемонии отпадут.

Ричард промолчал. Бэкингом, улыбаясь, вертел в руках кубок.

— Кузен, в незапамятные времена жил один человек, которого называли счастливым принцем. Все ему удавалось. В ратных делах ему не было равных, в мирные времена люди благословляли его за справедливость. Это был всего лишь язычник, он боялся зависти богов и однажды швырнул в море драгоценный камень, чтобы порвать цепь удач самому — пока этого не сделали другие. Но Небеса отвергли подношение и возвратили владельцу его дар в брюхе большой рыбы.

В камине треснуло полено, подняв целый сноп искр, затем вырвался длинный язык пламени. Медленными шагами Бэкингом подошел к Ричарду и слегка прикоснулся к его напрягшейся руке.

— Кузен, все в ваших руках. Я — о короне.

Голос его прозвучал глухо, словно морская волна плеснула в расщелину скал. Помолчав мгновение, Ричард кратко бросил: “нет” — и отдернул руку.

Наверху послышались шаги и скрежет засовов — это хозяин запирает гостиницу на ночь. Вернувшись на прежнее место, Бэкингом взял свой плащ и двинулся к двери.

Посреди лба у него пролегла легкая морщина — то ли удивлен он был, то ли недоволен. Заметив это, Ричард улыбнулся и сказал:

— Не думайте, что я такой уж неблагодарный. То, что вы сделали для меня в эти последние несколько дней, я не забуду.

В ответ последовал довольный смешок и нетерпеливый жест.

— Неужели вы думаете, что я за этим приехал из Уэльса? Доброй ночи, кузен.

— Доброй ночи, Гарри.

В коридоре Бэкингема дожидался слуга, чтобы осветить ему путь к спальне. Негромко напевая что-то под нос, Бэкингом пошел наверх.

Глава 17

Герцог Глостер въехал в Лондон со своим кузеном герцогом Бэкингом и племянником-королем под звон колоколов и гром оваций. Грей, Возн и Риверс были отправлены на север, в Йоркшир, где им предстояло ждать решения совета. Единственным напоминанием об инциденте в Стоуни-Стратфорде были горы оружия Вудвиллов, которое везли во главе процессии. Все могли убедиться в намерениях королевы и ее ближайшего окружения, увиденное вызвало у горожан бурю негодования. Ричард поместил племянника во дворец лондонского епископа — временную резиденцию юного короля. Один за другим сюда стекалась знать, чтобы засвидетельствовать почтение новому повелителю. Через несколько дней состоялась официальная церемония: лорд-протектор, собрав городские власти, лордов и высших служителей Церкви, привел их к присяге. Была назначена дата коронации — должно пройти шесть недель. Те, кто спешно собирал в своих поместьях вооруженных людей, вздохнули с облегчением и отправили вояк по домам.

В середине мая Фрэнсис написал Филиппу, что даже флот, который сэр Эдуард Вудвилл привел в боевую готовность, чтобы перенести войну своей сестры с лордом-протектором на море, оказался ложной надеждой. Попытки сэра Эдуарда собрать суда в единый кулак полностью провалились — сначала вооруженные отряды, которые он послал на самые надежные суда, принадлежавшие гемузским купцам, как следует напоили, а затем взбунтовавшиеся хозяе-

ва взяли их в плен и, подняв якоря, двинулись на Лондон. К ним присоединились два Эдуардовых судна, команде которых — что офицерам, что матросам — Ричард обещал помилование. Сам же сэр Эдуард, сопровождаемый несколькими верными ему людьми, нагруженный сокровищами из Тауэра, которыми Дорсет предусмотрительно снабдил его, поспешно отплыл во Францию. Для Елизаветы Вудвил, тоскливо коротавшей дни вместе с дочерьми и младенцем — герцогом Йоркским — в Вестминстерском аббатстве, это означало конец всех надежд. Лорды и простые люди, служители Церкви и члены королевского совета недвусмысленно заявили о своей приверженности герцогу Глостеру, который появлялся на улицах Лондона не иначе как в сопровождении восторженной толпы, скандировавшей его имя. Об этом донесли Елизавете, проливавшей в одиночестве злые слезы.

Филипп находился в Кале. Его отправили туда с излишней, с его точки зрения, помпой. Филипп пытался понять суть взаимных претензий английского посланника лорда Динэма, с одной стороны, и эмиссара французского короля мсье Де Крэвкура — с другой. Бесчинства, творимые французскими пиратами в водах Ла-Манша, начали всерьез беспокоить короля Людовика, не говоря уж об англичанах — лорд Динэм был просто вне себя от ярости, — и от Филиппа Довела потребовался весь его природный такт, чтобы свести за столом переговоры непримиримых оппонентов. Фрэнсису он писал, что коли герцогу Глостеру хочется, чтоб его верный слуга поседел у него на службе, то лучшего места ему не придумать.

Прочитав эти строки, Фрэнсис ухмыльнулся было — лорда Динэма он хорошо знал, — но тут же согнал с лица улыбку и, насупившись, отложил письмо. Не похоже, чтобы Филиппу удалось быстро уладить это дело в Кале, а Фрэнсис-то надеялся вскоре увидеть кузена в Англии. Фрэнсису

стало не по себе, шестое чувство подсказывало ему, что не так-то все просто.

Все говорили, что никогда еще передача власти не проходила так просто и безболезненно. Быстрое падение Вудвиллов, за которым последовало поспешное бегство Дорсета сначала под сень материнского укрытия, затем и вовсе в никуда, — на поверку оказалось не таким уж удивительным. Куда занятнее было то, с какой готовностью объединились вокруг герцога Глостера и его сторонников ближайшие советники покойного короля. Но так или иначе все ежедневно собирались в Вестминстере, на Кросби-Плэйс в Тауэре: Рассел — образованный, популярный в народе линкольнский епископ; Гастингс, который после пережитого никак не мог замолчать и почти не закрывал рта: грубоватый Джон Хауард, сделавшийся верным сторонником Ричарда и откровенно ждавший глостерских милостей; Мортон, церковник и политикан; и, наконец, Стэнли — по исхудавшему, бесстрастному лицу которого трудно было что-нибудь понять. Свое место в совете сохранил и архиепископ Ротерхэм, который после событий в Стоуни-Стратфорде бросился вслед за Елизаветой Вудвил, чтобы предложить ей свою канцлерскую печать. Вскоре он круто изменил свою позицию и вернулся в Лондон. Отделался Ротерхэм довольно легко — получил нагоняй и лишился канцлерской печати, которую тут же передали Расселу. Никаких разногласий это не вызвало. Настоящие споры развернулись совсем по другому поводу — когда речь зашла о судьбе Риверса и его союзников. Выяснилось, что Дорсет, племянник Риверса, собирался поднять армию против Ричарда. Это побудило его самым решительным образом потребовать, чтобы все трое — Елизавета, Дорсет и Риверс — были преданы суду по обвинению в государственной измене. Члены совета согласились было с этим решением, но Рассел своим скрипучим голосом заговорил о том, что в то время Глостер еще не вступил в должность протектора, так что о заговоре речи быть не может. Поэтому,

заклучил он, не стоит поднимать руку на Дорсета, его мать и Риверса. Лорды — временные члены совета согласились с Расселом, однако решили, что все трое должны оставаться под стражей. После короткой внутренней борьбы Ричард дал добро. Среди его сторонников поднялся ропот, герцог Бэкингем, новый и весьма влиятельный член совета, не обращая внимания на протесты Гастингса, резко предупредил Рассела, что тот пожалеет о столь опрометчивом шаге против лорда-протектора.

Давно с Гастингсом так не обращались — даже Дорсет при покойном короле не позволял себе такого, — и Фрэнсис, собравшийся было поддержать в споре Бэкингема, поймал взгляд камергера и прикусил язык. В разговор вмешался Ричард. Он спокойно заметил, что лорд-канцлер прав; и если в этих словах прозвучал упрек в чей-либо адрес, ни Бэкингем, ни Гастингс его не почувствовали. Ротерхэм, сидевший все это время с открытым ртом, опомнился и быстренько сжал губы. Стэнли сохранял спокойствие, а Мортон, встретив яростный взгляд камергера, пожал плечами, улыбнулся и беспомощно всплеснул руками.

Через некоторое время Фрэнсис, которому было поручено сопровождать герцогиню Глостер в Лондон, отправился в Тауэр доложить Ричарду об отъезде и взять у него письмо для жены.

Пересекая зеленую лужайку, Фрэнсис увидел юного короля: недавно его перевели из дворца епископа в более подходящие для него королевские покои Тауэра. Мальчик в одиночестве стрелял из лука. Неподалеку играла группа сверстников Эдуарда, но наивно было полагать, что сын Елизаветы Вудвил снизойдет до компании отпрыска коменданта Тауэра и его друзей. Рядом с Эдуардом был лишь Гастингс — добродушно посмеиваясь, он вел счет удачным выстрелам. Казалось, эти двое были целиком поглощены своими делами, и Фрэнсис, не останавливаясь, вошел в замок.

Ричард был наверху, в комнате, окнами выходившей на лужайку. Он наблюдал за племянником. Как и обычно в последнее время, рядом с ним находился Бэкингом. Он что-то негромко говорил Глостеру и, услышав, как заскрипела дверь, тут же умолк. Фрэнсис уловил и взгляд Бэкингема, устремленный на юного короля, и последние слова Ричарда:

— Оставьте, Гарри, у вас нет никаких доказательств, совершенно никаких.

— Увидите, доказательства я добуду, — раздраженно заметил Бэкингом. Он недовольно обернулся и удостоил родича высокомерным кивком. Сменив недавно графа Риверса на посту властителя Уэльса, он был теперь преисполнен чувства собственного достоинства. Назначение, безусловно, было заслуженным, но очень многие считали, что Гарри Стаффорд, лорд Бэкингом, слишком уж в последнее время заносится; даже верный ему Хауард говорил, что кое-кто чрезмерно надувается. Надежно спрятав письмо Ричарда, Фрэнсис поспешно вышел из комнаты.

В спутники Ловелу назначили сэра Джеймса Тайрела, главу оруженосцев Ричарда. Особой радости это Фрэнсису не доставило. Как и у других придворных Ричарда, Тайрел никакой симпатии у Фрэнсиса не вызывал. Это был дородный, смуглый, угрюмый мужчина, к чьему неизменному спокойствию и абсолютному равнодушию Фрэнсис, даже после долгого знакомства, никак не мог привыкнуть. Тайрел был лишен даже малейших признаков добросердечия, да и умом не блистал. Дело с ним иметь было нелегко, Фрэнсис помнил с детства, что сверстники всегда побаивались Тайрела. Фрэнсис предпринял попытку завязать разговор и начал с городских слухов о госпоже Шор, чьей благосклонностью вскоре после смерти короля начал пользоваться Дорсет. Однако теперь, продолжал Фрэнсис, госпожа Шор живет в лондонском доме Гастингса... Фрэнсис, казалось, рассказывал все это самому себе, со стороны Тайрела он не услышал ни сло-

ва, хотя что-то напоминавшее улыбку мелькнуло на его лице. Фрэнсис умолк. Через некоторое время он заметил, что они движутся к цели гораздо быстрее, чем обычно, — и все это благодаря организаторскому дару Тайрела. Подобно многим угрюмцам, он не упускал из виду мелочей.

Анна приняла посланца мужа в своих покоях, она ухаживала за больным сыном, юным Эдуардом. Небольшой приступ лихорадки, пояснила Анна, но врачи считают, что лучше провести в постели еще несколько дней.

Несколько недель назад здесь появился лорд Ричард Грей в сопровождении стражи и вызвал немалый переполох. Фрэнсис отвечал на многочисленные вопросы герцогини. Она быстро пробежала глазами мужнино письмо, затем прочитала его второй раз — уже более внимательно, сложила и, помолчав немного, сказала:

— А я и не знала, что милорд Бэкингом в Лондоне.

— Это еще слабо сказано, мадам, — с кривой улыбкой произнес Фрэнсис. — Им весь город полон, этим лордом Бэкингом.

На мгновение глаза ее вспыхнули, но продолжать разговор на эту тему Анна не стала. Эдуард, беспокойно вертевшийся в кровати и не сводивший глаз с залитых солнцем вершущек холмов, поднимавшихся там, вдалеке от замка, внезапно повернулся и спросил:

— А как там мой отец, лорд Ловел?

— Дел у него полно, Ваше Высочество, и ему очень не хватает вас и миледи. Поручений он мне надавал для вас столько, что все и не упомнишь.

У мальчика порозовели щеки.

— Скажите ему, что на день святого Михаила я поеду в Йорк на своем вороном.

Эдуард поудобнее устраивался на подушках. Фрэнсис потянулся помочь ему, заслужив благодарную улыбку. Кухетку передвинули поближе к окну, откуда взору мальчика

открылась необъятная равнина и длинная дорога, убегавшая куда-то на юг. Увы, это мучительно напомнило мальчику о том, что скоро по ней в путь отправится мать, а он снова останется один. В этот момент с вечерней порцией лекарств в комнату вошел врач, и Фрэнсису пришлось удалиться.

На следующий день они тронулись в путь — скромная, меньше чем в сто человек процессия: жене Ричарда не захотелось ждать, пока соберется более внушительная свита. Ехали быстро, не прошло и недели, как добрались до Сен-Албанса — последней остановки перед Лондоном. На следующее утро они вновь двинулись в путь, но, не проехав и нескольких миль, встретили более многочисленный кортеж, направлявшийся в ту же сторону. Обратив внимание на ливреи путников, Фрэнсис изумленно вскинул брови и, повинуясь знаку Анны, послал одного из всадников узнать, кому принадлежит эта кавалькада. Получив удививший ее ответ, Анна в сопровождении нескольких приближенных подъехала к крытому экипажу и спрыгнула с лошади. Видно было, как тонкая, с набухшими венами старческая рука раздвигает багрово-красные занавески. Фрэнсис и несколько его спутников остановились на почтительном расстоянии, наблюдая, как жена герцога Глостера опускается в низком поклоне перед герцогиней Йоркской.

Две процессии соединились, и путь продолжился. Лошадь молодой герцогини шла рядом с экипажем свекрови. Фрэнсис, которого подозвали к карете герцогини Йоркской, вскоре немного отстал и погрузился в раздумья. Много лет прошло с тех пор, как Цецилия Йорк уединилась в Беркестеде, правда, она сохраняла живой интерес к делам сыновей. Эдуард, который больше других братьев был похож на нее, выслушивал сердитые упреки от матери по поводу выбора жены. Кларенсу давали от ворот поворот всякий раз, когда он пытался использовать герцогиню в качестве посредника при решении спорных проблем с Эдуардом. Ричард поддерживал с матерью постоянную переписку, но Фрэнсис

не был уверен, что нынешняя поездка есть отклик на приглашение сына. Скорее всего, Ее Высочество сама решила посмотреть, как идут дела в Лондоне.

В полдень они добрались до города и там расстались: герцогиня Йорк отправилась в свою давно пустовавшую резиденцию — Бэйнардс-Кастл, а герцогиня Глостер — на Кросби-Плэйс. Ричард совещался с помощниками, когда получил сообщение о приезде жены. Он тут же прервал беседу и поехал встречать Анну.

Прошло несколько дней, Фрэнсис почти не видел Ричарда Глостера. Фрэнсису поручили представлять лорда-протектора в комитете по коронации, возглавляемом Расселом. До этого важного события оставались лишь две недели, а многое еще требовало решения. Гастингса тоже не было видно, почти все время он проводил в Тауэре с юным королем. Дни бежали один за другим. От Филиппа пришло известие — он намеревался к концу июня отплыть из Кале. В перерывах между участвовавшими заседаниями комитета Рассел готовил канцлерское обращение к парламенту, сессия которого должна была вот-вот открыться. Кроме прочего, возникли проблемы протокола, которым посвятили несколько заседаний. Возвратившись домой после таких напряженных совещаний (решался вопрос, что же все-таки важнее — родство жены лорда Стэнли с Бофорами или ее статус как матери Генри Тюдора), Фрэнсис узнал, что его ждет гонец от герцога Глостера. В послании Ричарда говорилось, что Ловел непременно должен присутствовать завтра на заседании совета в Тауэре.

Утро выдалось чудесное, теплое, на воде мелькали солнечные блики. Чтобы сократить путь, Фрэнсис отправился по реке, он лениво переговаривался с лоцманом и размышлял, зачем его так срочно вызвали в Лондон, ведь примерно на то же время назначено совещание в Вестминстере. Кроме Фрэнсиса, к Глостеру не позвали никого — возможно,

потому что среди членов комитета он был единственным полномочным представителем Ричарда и являлся там наиболее важной персоной. Остальные были в основном духовными лицами. Однако, недоумевал Фрэнсис, если дело такое важное, почему не позвали самого Рассела?

В большом зале Белого замка Тауэра собрались Бэкингам; Джон Хауард: юный граф Линкольн, сын сестры Ричарда, герцогини Саффолк; Кэтсби, один из адвокатов нового призыва, игравший в последнее время все большую роль в общественных делах. На него внимание Ричарда обратил лорд Гастингс, и теперь он пользовался большим доверием самого герцога. Присутствовали здесь и несколько человек из северного окружения Ричарда. Ротерхэм, Мортон и Стэнли сидели чуть поодаль, рядом с ними стояло пустое кресло. В него, не говоря ни слова, и опустился Гастингс. Он пришел прямо из королевских покоев. Фрэнсис перехватил взгляд Гастингса на Бэкингема, тот отвечал любезной улыбкой. Появился Ричард. Он не сел в кресло, приготовленное специально для него. Положив руки на стол, он обежал взглядом присутствующих и остановился на четверых в противоположном конце зала. “Всего шесть недель прошло, как он приехал из Стоуни-Стратфорда, но как он постарел за это время”, — подумал Фрэнсис. Ричард выглядел вконец изможденным, вокруг глаз и рта залегли глубокие складки, на виске нервно пульсировала жилка. Лицо было бледным и сухим, как пергамент.

Ричард продолжал стоять, пришлось подняться и всем остальным. Скрипнул стул, на котором сидел Гастингс, после этого наступила абсолютная тишина. Первым ее нарушил тихий, ровный голос Ричарда Глостера:

— Милорды и сэры, месяц назад вы оказали мне честь, одоблив мое назначение протектором несовершеннолетнего короля и единодушно проголосовав за то, чтобы регентство продолжалось, пока король не достигнет необходимого воз-

раста. Поскольку я явился сюда безоружным, это, очевидно, был акт свободного выбора, а ваше мнение во все времена считалось высшим и непререкаемым судом. Но выходит так, что этого недостаточно.

— Для большинства более чем достаточно, Ваше Высочество. — Мелодичный голос Хауарда растворился в тишине. Ричард бегло взглянул на него.

— Благодарю вас, милорд.

В руках у него была кипа бумаг. Неожиданно он швырнул их на стол.

— У меня есть свидетельство заговора против существующего правительства. В центре заговора, естественно, стоит королева. Дорсет, где бы он в данный момент ни находился, является главным исполнителем ее воли. Нетрудно предположить, что Риверс и Грей, как только у них появится возможность, сразу примкнут к ним. Во всем этом нет ничего нового, разве что замысел принадлежит другим. Кое-кто нашел способ связаться с королевой. Из ответа, посланного ею членам семьи и всем тем, кто присоединился к плану, явствует — у меня есть тому доказательства, — что замышляется не только свержение нынешнего правительства, но и убийство тех, кто его возглавляет. Чтобы предотвратить это, я послал сэра Ричарда Рэтклифа с письмами в Йорк и некоторые районы севера. В этих письмах я обращаюсь к тем, чье присутствие прежде считал необязательным, но теперь прошу их появиться в Лондоне как можно скорее, дабы сохранить мир в королевстве... — Ричард замолчал, разглаживая покрытые ровными строчками бумаги. — Эти доказательства будут представлены вам и епископам — членам совета — незамедлительно; на заседании я потребую, чтобы приговор в отношении лорда Риверса, а также сэра Томаса Воэна и лорда Ричарда Грея был наконец вынесен и немедленно приведен в исполнение. Остается нерешенным вопрос, как быть с их сообщниками.

Проследив за взглядом герцога, Фрэнсис почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Первым заговорил Линкольн:

— О каких сообщниках вы говорите, дядя? Разве могут быть сообщники помимо самого клана Вудвиллов?

— Они в этой комнате. — Не глядя на племянника, Ричард по-прежнему не сводил глаз с противоположного конца стола. — Лорд Гастингс, вы недавно решили взять под свое покровительство женщину по имени Джейн Шор. А если я скажу, что гонец, тайно переправляющий письма от Елизаветы Вудвил и обратно, сделался загадочным другом этой шлюхи?

На лбу камергера выступил пот.

— Это ложь, милорд, больше мне сказать на это нечего, — попытался оправдаться Гастингс.

— Ну а если я скажу, что у Елизаветы Вудвил завелся не один новый друг, а целых четверо? Это вы, Гастингс, — впервые за все время герцог уничтожающе взглянул на него, — вы, Стэнли, и вы, достопочтенные служители Бога, Мортон и Ротерхэм?

Стэнли порывисто дернулся, но Фрэнсис, чье лицо мгновенно окаменело, преградил ему путь:

— Спокойно, милорд.

И этот крупный мужчина послушно застыл на месте. Ротерхэм издавал какие-то невнятные звуки, Мортон, утратив свою обычную вкрадчивую манеру общаться, нервно перебирал цепочку на груди.

Гигантским усилием воли овладев собой, Гастингс заговорил:

— Милорд Глостер, если кто-то утверждает, что я покушаюсь на вашу жизнь, это гнусная ложь.

Не повышая голоса, Ричард ответил:

— Гастингс, вы же прекрасно знаете, что в противном случае весь замысел пойдет прахом.

— Неправда! Я не отрицаю, что... — Гастингс подбирал нужные слова, — что желал бы некоторых перемен в нынешнем правительстве. Вы слишком далеко зашли, дальше, чем... дальше, чем король — ваш брат собирался...

— Осторожнее, милорд. — В спокойном голосе Глостера прозвучала угроза: словно до предела натянулась тетива и вот-вот сорвется стрела, но Гастингс не обратил на это внимания и упрямо продолжал:

— ...Таких замыслов у меня во всяком случае не было. Клянусь Богом, вы присвоили себе поистине королевскую власть — возносите и низвергаете по собственному усмотрению, и никто не смеет вам перечить. Сколько уж времени я состою в этом совете, и вот теперь я унижен, никто ко мне не прислушивается. Я, достигший своего положения еще до того, как вы впервые обнажили меч, значу теперь меньше, чем поваренок на кухне моего покойного хозяина...

— Ваш голос в совете весит ровно столько, сколько и другие голоса, милорд. Вы что же, собирались укрепить свое положение этим предательством?

— Да кто вы такой, чтобы употреблять такие слова? Мне ведомы замыслы короля — я был ему верным слугой и лучше, чем кто-нибудь, знаю, к чему он стремился...

— Во имя всего святого, уж не собираетесь ли вы мне — брату короля — рассказывать о его замыслах? Вы, кто втянул его в порочный круг своих грязных наслаждений, вы, кто с молодости приучал его ко всякому... А ведь будь иначе, он и сейчас бы был среди нас. Ваша вина доказана, Гастингс. Теперь подумайте лучше о своей душе.

Ричард повернулся на каблуках, готовый отдать команду, но Кэтсби, повинувшись его взгляду, уже стоял у дверей. В комнату вошли стражники Тауэра. Гастингс отпрыгнул, лихорадочно ища на поясе кинжал. Он был массивным, сильным для своих лет мужчиной, его едва удерживали двое. Тяжело дыша, Гастингс утомился, и Ричард хрипло произнес:

— Уведите этого человека прочь, и пусть не далее чем через час его обезглавят. Что же касается остальных троих, поместите их под стражу и не спускайте с них глаз. Милорд комендант, прошу вас проследить за этим.

Гастингс побелел как полотно и беспомощно пытался освободиться от крепких рук стражников. Полетели пуговицы, порвалась рубаха от ворота до пояса. Ричард безмолвно наблюдал, как Гастингса выпихивают из комнаты. Хауард, нахмурившись, собрался было произнести что-то, но передумал и, бросив взгляд на Фрэнсиса, двинулся к двери. Небрежно поигрывая тесемками манжет, Бэкингом заметил:

— С вашего разрешения, кузен, я пошлю в город герольда. У лорда-камергера среди черни есть немало поклонников.

Ричард ничего не ответил, он застыл над столом и не мог оторвать от него задумчивого взгляда. Бэкингом вышел. Остальные, разбившись на пары, последовали за ним. Фрэнсис задержался у полуоткрытой двери. Он и сам не понимал, чего ждет.

День был в разгаре, через узкие окна вливался солнечный свет. Но комната, казалось, жила иной жизнью: здесь блуждали тени, не обращая внимания на беспечность будничной жизни, которая была там, за стенами этого дворца.

Фрэнсис, казалось, не мог пошевелить языком и вымолвить хоть единое слово.

Очень быстро вернулся комендант Тауэра. Остановившись на пороге, он увидел перед собой неподвижную спину Глостера. Комендант был чрезвычайно бледен, но голос его звучал довольно уверенно:

— Милорд, докладываю, что Гастингс казнен. Как мне поступить с телом?

Ричард, не оборачиваясь, спокойно ответил:

— Отправляясь во Францию, покойный король — мой

брат — оговорил в завещании, что, случись с ним какая беда, Гастингса должны похоронить рядом с ним. Вот и отправляйтесь в Виндзор и проследите, чтобы так все и было сделано.

Наступило молчание.

— А как с остальными, милорд?

— Лорда Стэнли пусть переведут в его городской дом и поставят стражу. Ротерхэм останется здесь под вашим присмотром. Надо устроить его получше — он стар, да и... глуповат. Что же до элийского епископа... — Пауза затянулась. У всех перед глазами возникло непроницаемое, гладко выбритое лицо Мортонa. Амбициозный приспособленец, он без конца метался между Ланкастерами и Йорками. Нетрудно было догадаться, кто замыслил заговор. Оставалось определить, какое место в Лондоне и какая стража будут надежными для этого умного, изворотливого циника.

Ричард произнес решительным тоном:

— Епископа элийского следует передать лорду Бэкингеу. Пусть Его Высочество сам решит, в какое из поместий следует препроводить этого господина.

Комендант бесстрашно поклонился и вышел из комнаты. Фрэнсис последовал за ним, но его остановил повелительный голос:

— Лорд Ловел!

— Да, милорд?

— Когда вернетесь в Вестминстер, скажите лорду-канцлеру, что, с моей точки зрения, младенца Йорка следует перевести из его нынешнего убежища сюда, к его брату-королю. Не нужно ему никакого покровительства Церкви, а мать не имеет права держать его при себе. — Наступило молчание. Тишину нарушало лишь громкое постукивание пальцев по столу. — Передайте лорду-канцлеру, что эту проблему мы обсудим завтра с ним и Его Высочеством графом Кен-

терберийским на заседании совета в присутствии всех его членов.

В переполненной приемной собравшиеся разбились на небольшие группы, они озабоченно переговаривались о чем-то.

— Лишение прав? — послышался чей-то голос. — А почему бы и нет? Ведь это же государственная измена, яснее ясного.

— В таком случае, — послышалось в ответ, — некоторые на этом наживутся. Бог ты мой, кто бы мог подумать, что Гастингс окажется таким идиотом.

Через комнату прошагал какой-то человек в ливрее Стаффордов — разговоры как по команде стихли. У выхода из приемной Фрэнсис столкнулся с Робертом Перси. Грузный северянин выглядел хмуро и был немногословен:

— Что там слышно от вашего кузена, Ловел?

— Надеется быть здесь к коронации, — не поднимая глаз, ответил Фрэнсис.

— Ну и слава Богу, — проворчал Перси. — Полагаю, вы возвращаетесь в Вестминстер?

Они вместе направились во двор. Послышался чей-то взволнованный голос:

— Прошу вас, милорд, мне непременно надо видеть герцога.

Фрэнсис обернулся. Какой-то человек в одежде священнослужителя буквально вцепился в локоть Хауарда. Фрэнсис не знал его, но какое-то смутное воспоминание заставило его остановиться.

— Н-да, на его месте я бы не стал сейчас беспокоить Глостера. Вы знаете его, Роб?

Перси бросил беглый взгляд на взволнованного посетителя.

— Да, встречались, хотя и давно. Это аббатский епископ. Его зовут Стиллингтон...

Глава 18

Парадный зал в Бэйнардс-Кастл представлял собой чрезвычайно просторное помещение — собравшиеся чувствовали себя там не очень-то уютно. Шелест камыша, звук быстрых шагов, плеск воды под окнами и приглушенные голоса присутствовавших в зале сливались воедино и, ударяясь о сводчатый потолок, отзывались эхом. Эштон в который уж раз подошел к двери, чтобы посмотреть, не видно ли остальных, и возвратился ни с чем, раздраженно ворча:

— Что за черт, куда они подевались?

— Терпение, Ральф, — невозмутимо отозвался Перси, — короля на трон в минуту не возведешь. К тому же нельзя торопить верных подданных. Не беспокойтесь, придут.

Рэтклиф, только что вернувшийся с севера, подтянул пояс и с важным видом произнес:

— Если уж дело поручено Бэкингему... Не понимаю, почему он не мог дождаться отрядов из Йорка? С такой подмогой ему было бы куда спокойнее.

Фрэнсис пнул полено в затухающем камине.

— Глостер ни за что бы не пошел на это. Он говорит, ему нужно свободное волеизъявление, а не выбор под дулами алебард.

Рэтклиф поднял брови, а Эштон нервно дернул плечами:

— Слишком уж он безразличен.

— Успокойтесь, вовсе не безразличен, — с коротким смешком откликнулся Фрэнсис.

Эштон бесцельно мерил шагами пол. Перси расколол орех и неторопливо выковыривал ядро кончиком кинжала. Немного в стороне от остальных, у окна, примостился еще один ожидавший. Налив себе вина, Фрэнсис поднял флягу и нерешительным голосом позвал:

— Филипп?

— Нет, благодарю вас, кузен, — покачал головой тот. Одну ногу он положил на подоконник, мятый плащ, в котором Филипп приехал из Франции, валялся рядом. Ветра, дувшие над Ла-Маншем, на несколько дней задержали его в Кале, до Лондона Филипп добрался только нынешним утром. При бледном свете его неподвижные черты выделялись четко, как на рисунке. О чем-то думая, Филипп медленно постукивал по подоконнику.

— Сегодня по пути в Вестминстер я столкнулся со Стэнли, — между делом заметил Эштон. — Выглядел он вполне довольным собой. Говорят, он принимал вчера участие в совете лордов и голосовал вместе с другими за то, чтобы корона была передана герцогу.

— Ничего удивительного, я бы тоже был доволен, если бы так удачно удалось вывернуться, — растягивая слова, проговорил Перси. — Не только голову сберег, но и в совет вернулся, не задаром конечно. Совсем не плохо для человека, которого две недели назад обвиняли в государственной измене. Что ж, пусть теперь наслаждается победой.

Скрип двери заставил всех встрепенуться. В комнату торопливо вошел худощавый мужчина с резкими чертами лица. На нем был малиновый камзол, обильно усеянный различными узорами. На рукаве виднелся узел, свидетельствовавший о его принадлежности к клану Стаффордов.

— Господа, — начал он, — мы получили сведения, что парламентская делегация вместе с большой толпой горожан идет из Вестминстера, чтобы обратиться к Его Высочеству Глостеру с нижайшей просьбой осчастливить всех нас и принять английскую корону.

— Да, Найвет, ваше счастье даже и словами не выразить. — Фрэнсис, недолюбливавший приближенных герцога Бэкингема, без особой радости посмотрел на зятя Его Высочества. — Нам что, следует запеть гимн или вы какой-нибудь еще радостью можете поделиться?

Найвет с любопытством взглянул на Фрэнсиса.

— Для вас, милорд, у меня есть специальное поручение. Когда депутация доберется сюда, к ней обратится Его Высочество Бэкингом, — ну, вы понимаете, чтобы точно выяснить, чего хотят люди. После этого он вернется к герцогу Глостеру и попытается уговорить его выйти к народу и внять его мольбам. Эта галерея представляется самым удобным местом. Поэтому целесообразно, чтобы Его Высочество герцог Глостер появился один, без сопровождения — за вычетом, разумеется, Его Высочества Бэкингема. Поручение, которое мне велели передать вам, состоит в том, чтобы все оставались здесь, вне поля зрения горожан. Так будет лучше — ни у кого не возникнет подозрения, что все подстроено, не говоря уж об угрозе применения оружия, что может запятнать саму идею свободного волеизъявления лордов и народных масс.

— Какая честь, — пробормотал Перси, посмотрев на своих товарищей.

Фрэнсис с иронией заметил:

— Знаете, Найвет, а почему бы не поставить по обе стороны от Его Высочества святых отцов? Так будет еще лучше.

Кто-то хмыкнул при этих словах, но лица у всех оставались серьезными. Бэкингему не терпелось, чтобы все увидели, кому именно доверили надевать корону на голову августейшего родича. Не шелохнувшись, Филипп спокойно спросил:

— От чьего имени вы говорите, сэр Уильям? От имени герцога Глостера?

Найвет повернулся в его сторону:

— От имени благородного герцога Бэкингема, сэр Филипп.

— Так я и думал.

Наступило молчание. Найвет переваривал услышанное, Филипп сворачивал плащ, демонстрируя явное отсутствие

интереса к тому, что должно вскоре произойти. Словно решаясь на что-то, Найвет процедил:

— Что-то вы невеселы, сэръ Филипп. А я-то думал, обрадуетесь, как и любой верный слуга и друг герцога Глостера.

— Невесел? — Филипп выпрямился и перебрросил плащ через руку. — Да, я совсем невесел. Я уезжал из Англии верным подданным короля Эдуарда, законного сына и наследника нашего покойного суверена. И что же? Возвращаюсь и должен присягать королю Ричарду, некогда герцогу Глостеру, ныне опекуну сына покойного Эдуарда? Нет уж, мне больше по душе его прежние титулы — как бы к этому ни относились лорды, простые люди и герцог Бэкингем.

— Ах вот как? — Найвет облизнул пересохшие губы. Глазки его сузились, и в них неожиданно мелькнула настоящая злоба. — Меня это не удивляет. Коронация — это дело мужское, а вам, как я слышал, однажды крепко досталось, притом от француза.

В комнате мгновенно наступила мертвая тишина. Фрэнсис заметил, как лицо кузена побелело. Он уже готов был рвануться с места, но Найвет предусмотрительно отошел в сторону. Позади него оказался маленький столик. Он споткнулся и, стараясь восстановить равновесие, выделял различные фигуры. Филипп одним прыжком приблизился к Найвету и схватил его за ворот расшитого камзола.

— Ах ты, мерзкий прилипала благородного сводника Бэкингема, — медленно чеканя каждое слово, проговорил Филипп. — Мужская работа, говоришь? Я выполнял мужскую работу, верно служа герцогу Глостеру все эти пятнадцать лет, пока ты груши у себя в Норфолке околачивал. Да ведь всякий — будь то простолюдин или лорд, прекрасно понимает, к чему стремится твой хозяин, Найвет. Он, видите ли, хочет стать создателем королей, точь-в-точь как граф Уорвик, и дела ему нет до того, что он позорит и чернит имя родича — лишь бы Гарри Стаффорду было лучше. Но

пусть призадумается. Один уже пытался затеять игры с королем Эдуардом и пожалел об этом. Герцог Глостер не из тех, кто станет игрушкой в чужих руках. — Филипп с такой силой сжал кулаки, что Найвет неуклюже подался назад и зацепился за занавеску. Его лицо пожелтело, вены надулись и стали тускло-сиреневыми.

— Милор... милорду Бэкингему все будет доложено...

— Давай, давай, поторапливайся, не то забудешь еще что-нибудь. — Филипп повернулся к нему спиной и отер ладони о бедра. Найвет поспешил убраться из зала. В это время послышался стук каблуков — кто-то поднимался по лестнице. Вошел паж:

— Сэр Филипп, вас ожидает Его Высочество Глостер.

— Филипп, — обеспокоенно начал Фрэнсис, но тут же оборвал себя. На лице его появилось предостерегающее выражение. — Я подожду вас здесь, кузен, — стараясь выглядеть спокойным, проговорил Фрэнсис.

Филипп молча наклонился, поднял с пола упавший плащ и швырнул его на подоконник. Прихватив свой рыцарский жезл, он направился к двери вслед за пажом.

Лестница была темной, узкой и крутой. По каменным ступеням струилась вода. Наверху света тоже было не много — прежде там находились большие залы, впоследствии из них сделали множество комнат. В самых просторных жила герцогиня Йоркская. Рядом обосновались герцог и герцогиня Глостер, приехавшие неделю назад по приглашению Цецилии Йорк. Слуг в доме было не много — многие побежали на улицу встречать парламентскую депутацию.

Чета Глостер занимала три смежные комнаты. Филипп прошел через две, в третью его проводил привратник. Это была спальня, служившая также гардеробной и рабочим кабинетом герцога. У двери застыл охранник. Ричард лакомился вишнями. Когда Филипп появился в комнате, он собирался отправить в рот очередную пригоршню, но, увидев

Ловела, бросил ягоды на блюдо, стоявшее недалеко от кровати. Ричард уже снял траурный наряд, в котором ехал из Миддлхэма. Теперь на нем был алый, прошитый серебряными нитями камзол, на вороте, усыпанном драгоценными камнями, выделялось изображение белого вепря. Ричард радушно протянул руку гостю.

— Что-то вы припозднились, Филипп. Я уже четыре дня жду вас. Неужто вам было так весело в Кале?

Филипп опустился на колени и поцеловал протянутую руку.

— Да я этого не сказал бы, особенно если рядом Динэм и Крэккур. Но все же их удалось посадить за один стол — уже неплохо, если сравнить с тем, что было раньше.

— Динэм никогда не любил французов, — с усмешкой заметил Ричард. — Так что поработали вы действительно неплохо. Теперь-то уж они как-нибудь договорятся. — Ричард небрежно кивнул, предлагая Филиппу попробовать вишню. Улыбка не сходила с его губ, но взгляда собеседника он упорно избегал.

— Мне кажется, Динэм способный и разумный человек, — твердо сказал Филипп. — Но не помешало бы Вашему Высочеству поддержать его. Динэм опасается за себя — ведь он обязан своим положением лорду Гастингсу.

Улыбка пропала.

— Беспокоиться ему не о чем. — Глостер опустил глаза. Руки у него были в вишневом соке, он потянулся за салфеткой. — Право, я рад вас видеть, Филипп. Народу здесь полно, но только немногих я могу назвать друзьями. Тем выше я ценю их: каждый идет в счет и каждый нужен.

Ричард замолчал. Молчал и Филипп. Наконец он отважился:

— Стало быть, вы действительно собираетесь сделать это? И ничто уж не переменит вашего решения?

— А почему его нужно менять? Я беру то, что принадле-

жит мне по праву. Еще до женитьбы на Елизавете Вудвил мой брат Эдуард был помолвлен с Эленор Батлер: помолвка тайная и, разумеется, понадобилась ему лишь затем, чтобы сократить путь к постели этой дамы. Но все равно — обязательство есть обязательство. По закону он не имел права жениться ни на ком другом, и дети от других женщин не могут считаться его законными наследниками. Свидетелем той помолвки был Стиллингтон, а ему верить можно.

Филипп усмехнулся.

— Слышал я эту историю. О ней упоминал брат Ральф в своей проповеди в соборе Святого Павла. “Да не прорастет семя ублюдков. Да благословит Господь короля Ричарда”. Это было в прошлое воскресенье. Впрочем, зачем я утомляю Ваше Высочество — вы ведь сами, насколько мне известно, были там.

— И вы бы там оказались, будь вы в Англии. — В голосе Ричарда зазвучала предостерегающая нотка. — Я ведь не один туда пошел, да и сделал это по совету людей, которые долгие годы были верными слугами моего брата. Неужели вы считаете меня таким уж тщеславным, неужели думаете, что я готов вырвать из рук своего племянника такое тяжелое наследство, если бы в пользу этого не приводились чрезвычайно весомые аргументы?

— О, я не сомневаюсь, что вас убеждали так поступить. А знаете ли вы, что, пока в соборе Святого Павла говорили о незаконнорожденных детях короля Эдуарда, другие достойные люди выдвигали на улицах города еще более сильные доводы? Говорили, например, что и сам король Эдуард не является законным наследником герцога Йорка, что настоящим отцом его был некий лучник по имени Блейборн, состоявший в тайной связи с Ее Высочеством — вашей матерью?

Ричард, все это время беспокойно ходивший по комнате, вдруг остановился и недоверчиво посмотрел на Филиппа.

— Кто?.. — Он резко оборвал себя. Только один чело-

век мог позволить себе пустить такой слух. Герцог буквально почернел. Поколебавшись немного, он направился к двери. Стражник поспешно открыл ее. Глядя мимо него, Ричард спросил привратника: — Где герцог Бэкингем?

Ответа не потребовалось: снизу через открытое окно донесся голос Бэкингема. Явилась депутация парламента.

Ричард прислушался, вернулся в комнату, жестом отослав стражника. Он побагровел. Филипп заметил, что взгляд его устремлен на противоположную стену, за которой начинались покои матери. Помолчав некоторое время, он с трудом заговорил:

— Нет, об этом я слышу впервые. Неужели кому-то могло прийти в голову, что я соглашусь с такой откровенной чушью...

— Нет, те, кто вас знает, и помыслить об этом не могли бы, но дело сделано. О милорд, вы окажетесь по шею в грязи на пути к исполнению своего желания...

— Желания? — прервал его Ричард. — Речь идет не о желании, а о выживании. Гастингс преподавал мне хороший урок. Поверьте, выбора у меня нет.

Филипп удивленно поднял брови:

— Вот в чем, стало быть, вас убедили? А ведь были времена, когда вас тошнило от таких слов.

— Вы что же, учить меня собираетесь, Филипп? Попродержите-ка лучше язык, иначе, при всей моей любви к вам... — Внезапный взрыв гнева сменился неприятной паузой. Филипп весь напрягся, попытался сжать руки, но ему что-то мешало — это был рыцарский жезл, который он прихватил с собой.

У Филиппа было желание переломить жезл надвое, но он сдержался.

— Мне кажется, Ваше Высочество не нуждаетесь более в моих услугах. Управлять делами короля следует лицу высшего ранга. Мне, как я теперь вижу, это не по плечу. Особенно если учесть, что вокруг столько лиц знатнее меня.

С этими словами Филипп положил жезл на стол, едва не задев застывшую руку Ричарда, и направился к выходу, когда Ричард заговорил:

— Филипп, подождите. — Он отвернулся к окну, лица его не было видно. — Вы всегда говорили мне одну только правду, не знаю, почему на этот раз я так вспылал. — Рука его бесцельно бродила по деревянной планке, вдруг пальцы сжались в кулак и он с силой упал на подоконник. — Бог свидетель, я старался. Поверьте моему слову — я действительно старался. Знаю, много найдется желающих сказать, что я с самого начала стремился к высшей власти, что все остальное — только вехи пути наверх: отъезд с севера, Стоуни-Стратфорд, когда я отнял мальчика у Риверса, клятва верности. Но это не так. Я собирался сдержать слово. Но тогда я еще не знал... Не понимал я тогда, какая невыносимая сложилась ситуация.

С улицы донесся шум, слышались крики и аплодисменты, сквозь которые четко выделялся один голос — теплый, серебристый, уверенный. Ричард инстинктивно посмотрел в ту сторону, что-то прикинул в уме, отвернулся.

— Регент правит с согласия других. Он остается при власти, только пока удастся держать их при себе — подачками ли, силою ли. Ни корона, ни Церковь его не защищают, он остается вечным соблазном для любого знатного господина, у которого достанет вооруженных людей. Но предположим даже, он удержится до срока истечения опекуинства — и что дальше? Что произойдет в тот день, когда время регентства закончится и миледи Елизавета займет место рядом с сыном? Она с младенчества приучила сына ненавидеть меня, и сомневаюсь, чтобы, вступив в союз с Десмондом и его родственниками, она хоть чуть-чуть подобрела.

Крики снаружи усилились, Филипп зажал уши.

— А что, если Стиллингтон лжет?

Ричард немного помолчал, не отрывая глаз от своих сложенных рук.

— Не думаю.

В соседней комнате послышались чьи-то поспешные шаги. Распахнулась дверь, и на пороге появился сияющий Бэкингом. Он вошел, не останавливаясь, и широко раскинул руки. Комнату заполнил запах духов, которыми он всегда обильно душился.

— Кузен Глостер, люди ждут вас. Прошу вас выйти и объявить, что вы принимаете английскую корону.

Он вроде собирался опуститься на колено, во всяком случае потянулся к руке Ричарда, но тот остановил его.

— Одну минуту, кузен, мне надо сначала кое о чем спросить вас. Не вы ли в прошлое воскресенье велели каким-то братьям-монахам убеждать людей, будто покойный король был незаконнорожденным, а герцогиня Йоркская — блудницей?

Бэкингом был явно захвачен врасплох. Глаза его, обжевав комнату, остановились на Филиппе, и улыбка исчезла с его лица.

— Стало быть, вы вернулись, сэр. Я уже слышал об этом и рад, что вы здесь: надо кое-что довести до сведения Его Высочества. — Он перевел взгляд на Ричарда. — Должен пожаловаться на этого господина, кузен. Он чрезвычайно грубо обращался с моим братом Найветом, употребляя при этом такие слова, которые мне даже не хотелось бы повторять в вашем присутствии.

— Найвет? — удивленно переспросил Ричард, моментально переключаясь на другую тему. — Да чем вас мог обидеть этот серый мышонок, Филипп?

Какая-то неуловимо фамильярная нотка прозвучала в его голосе — приятное напоминание о совместно проведенных годах. От Бэкингема это не ускользнуло, и в глазах его сверкнуло что-то неприятное. Не в силах стереть с лица

ироничную улыбку (интересно, насколько точно Найвет передал Бэкингему их разговор), Филипп непринужденно откликнулся:

— Полагаю, Его Высочество Бэкингом лучше вам об этом расскажет, милорд.

Покраснев, Бэкингом напыжился и заговорил:

— Не знаю, что вы позволяете своим слугам, кузен, но, когда они покушаются на достоинство людей, в чьих жилах течет королевская кровь, это не может оставить меня равнодушным.

Произнося эту речь, Бэкингом многозначительно поглаживал рукав своей туники: совершенно роскошное одеяние, явно свидетельствовавшее, что обладатель его принадлежит к роду Плантагенетов.

Ричард никак не откликнулся, а Бэкингом неуклюже добавил:

— Оскорбили не только сэра Уильяма, но в каком-то смысле и меня лично.

Ричард посмотрел на Филиппа, потом перевел взгляд на кузена и сухо сказал:

— Знаете, Гарри, что-то слишком туманно вы выражаетесь, так что, боюсь, помочь вам ничем не могу. Могу лишь с уверенностью сказать, что сэру Филиппу нет нужды напоминать, как должно обращаться со знатными господами. Что же до меня лично, то разрешите уж мне самому определять, что позволительно, а что непозволительно моим слугам... — Он угрюмо посмотрел на Бэкингема, заставив того поднять глаза. — Однако же вы не ответили на мой вопрос. Это ваши люди порочили доброе имя герцогини Йоркской?

Явно загнанный в тупик, Бэкингом просто не знал, что сказать. В конце концов он попытался взять себя в руки и, опустившись на колени, заговорил:

— Прошу вашего снисхождения, кузен.

На лице заиграла обезоруживающая улыбка, в которой

сочетались удивление и раскаяние, правда, какое-то капризное. С неприязнью глядя на него, Филипп подумал, что какая-то бабская у Бэкингема манера вести себя: всякие штучки, ужимки, кокетство и вкрадчивые интонации. Ему стало как-то не по себе при виде происходящего. Ричарду словно передалось это чувство. Он инстинктивно отпрянул.

— Зачем вам это понадобилось, Гарри? Меня что, и без того мало грязью поливали? А теперь еще вы, прикрываясь моим именем, разносите эту бредовую ложь.

Бэкингом переменился в лице. Сжав тонкие губы, он упрямо сказал:

— Что бы я там ни делал, кузен, все — ради вашего блага.

Какое-то время Ричард стоял неподвижно, казалось, он готов разбить в кровь эти расплывшиеся в улыбке губы. Но кулак разжался, рука медленно опустилась.

— Ну что ж, спасибо, что напомнили.

За стеной послышался шум. Бэкингом поднялся на ноги, слегка отряхнул панталоны на коленях, в этот момент открылась дверь и в комнату вошел герцог Саффолк со своим сыном Линкольном. Чуть поодаль держался Хауард.

— Милорд, так вы спускаетесь? Боюсь, как бы там беспорядки не начались. Люди не уйдут, пока вы не покажетесь.

Хауард сиял как начищенный пятак, Линкольн опустился на колено и поцеловал руку Ричарда.

Филипп с тоскою наблюдал за этой сценой. Ничего не скажешь, все это хорошие люди, однако же Саффолку не терпится стать шурином короля, а Линкольну — его племянником; что же до Хауарда, он вполне мог претендовать на герцогство Норфолкское, поскольку девочка-наследница, которую Елизавета Вудвил выбрала в жены своему младшему сыну, умерла. Бэкингом, убедившись, что буря миновала, взял Ричарда под руку.

— Сколько можно попусту тратить время, кузен? Пора становиться королем.

В комнату влетел паж, в руках у него была длинная, до пола, мантия. Филипп машинально взял ее и набросил Ричарду на плечи. Слышались радостные восклицания и веселый смех, они почти заглушали настойчивый шепот Филиппа:

— Милорд, подумайте хорошенько еще раз. Ведь вы бросаете на весы всю свою честно прожитую жизнь и незапятнанное имя.

— Все решено, — отрывисто бросил Ричард и первым вышел из комнаты.

День коронации выдался на редкость ясным. Ранним летним утром королевская процессия двинулась из Тауэра по празднично украшенным улицам под приветственные крики толпы и звон колоколов. У Вестминстера будущего короля и его свиту встречали настоятель и монахи.

На следующее утро процессия, впереди которой шли глашатаи и трубачи, проследовала по алому, украшенному лентами ковру в церковь. Граф Нортумберленд нес большой меч с затупленным, как символ милосердия, лезвием; в руках у графа Кента и виконта Ловела также были мечи, символизовавшие духовную и светскую власть; за ними следовали лорд Стэнли, Саффолк, Линкольн и сын Хауарда, новоиспеченный граф Саррей, а позади всех — Джон Хауард, герцог Норфолк, с короной в руках. С обеих сторон короля поддерживали за руки епископы Дарэмский и Батский, а за ними, окруженный собственной свитой, шел герцог Бэкингем.

В церкви процессию ждали лорды и члены палаты общин. В центре был воздвигнут помост. Сопровождая Ричарда, архиепископ Кентерберийский останавливался у каждого из четырех углов и обращал его лицом к народу. Приветственные возгласы собравшихся отдавались эхом по всей

церкви. Началась торжественная церемония: клятва короля, коленопреклонение перед алтарем под звуки литании...

Королева, шелестя шелками, опустилась на колени рядом с мужем. Архиепископ прикоснулся пальцами, помазанными елеем, к груди, плечам и ладоням короля, затем окропил голову Ричарда священной смесью оливкового масла с бальзамом. После этого внесли короны для короля и королевы, предложили Ричарду взять меч, жезл и скипетр. Лорды во главе с Бэкингемом проводили короля на трон. К нему один за другим подходили епископы, которых Ричард, следуя установленному обычаю, должен был целовать. К сводам церкви поднимались серебристые голоса мальчиков, исполнявших "Тебе, Господи". Густой фимиам смешивался с запахами бальзама и дягиля.

Стиллигтон вздрогнул: губы короля, прижавшиеся к его щеке, были холодны как лед.

По окончании торжественного обряда коронации в Вестминстерском дворце состоялся праздничный пир. Герцог Норфолк прискакал на мощном жеребце в расшитой золотом попоне. Он наблюдал и за незваными гостями, рассеившимися по огромному залу, и за королем с королевой, которые занимали свои места на специально сделанном возвышении. Пробираясь к тем, кого назначили прислуживать королю, Филипп заметил Гилберта Секотта, старшего приемного сына своей сестры. Поначалу он изумился, но тут же сообразил, что Гилберт приехал в свите лорда Одли, к тому же Оксфордшир находился недалеко от Лондона. Сам же Одли, как Фрэнсис и Роберт Перси, прислуживал королю с королевой. Филипп, опустившись на колено с полным кубком в руках, перехватил взгляд кузена и понял, что Фрэнсис до сих пор сердится на него. Прошло несколько дней с тех пор, как они в последний раз виделись наедине; Фрэнсис, который после казни лорда Гастингса стал камергером, был целиком поглощен своими новыми обязанностями. Узнав от

Ричарда, что Филипп отверг оба его предложения — стать во главе королевской канцелярии и войти в состав рыцарского совета, — он без обиняков заявил кузену, что обо всем этом думает. Филипп терпеливо выслушал, но с Фрэнсисом не согласился. Фрэнсис расценил это как тупое упрямство и очень рассердился. Судя по всему, Филипп до сих пор остался непримиримым.

Казалось, этот день никогда не кончится. Но бездонные запасы вина в Вестминстере начали постепенно иссякать, а солнце напоминало о том, что начинается вечер.

В Тауэре раздался последний, венчающий торжество выстрел. При этих звуках юный Эдуард, недавно переведенный из королевских покоев в более скромное помещение, разрыдался. В Тауэре теперь был новый комендант — некто Брекенбери, верный слуга Ричарда, приехавший вместе с господином из Йоркшира. Он был добрым человеком, а потому делал все, чтобы облегчить участь своего подопечного. Наделенный умом и тактом, он старался как можно меньше досаждать мальчику и сейчас оставил его вместе с девятилетним братом — Ричардом Йорком. Тот всячески старался утешить Эдуарда, убеждая его, что Небеса в конце концов покарают узурпатора и все еще будет хорошо.

Через некоторое время королевская процессия двинулась по реке в Гринвич. На пристани Филипп столкнулся с кузенком, Фрэнсис держался отчужденно, поэтому Филипп лишь сдержанно кивнул ему и быстро отошел. Поведение Фрэнсиса его несколько забавляло, но в то же время он испытывал нечто похожее на угрызения совести: наверное, он сильно обидел кузена. “Но неужели, — думал Филипп, — радость от тех почестей, что дождем полились на него, так сильно уменьшится от того, что кузен, неуступчивый родич, отказывается ее разделить?” Подобные мысли не отпускали его весь день. Вечером Филипп зашел в большую спальню короля, и тот, явно догадываясь о причинах его страданий,

что-то шутливо сказал по этому поводу. Филипп грустно ответил:

— Кузен меня упорно сторонится, а ведь вообще-то он человек отходчивый. Он считает меня самым неблагодарным из подданных Вашего Величества.

— Ну а я так не считаю, — приободрил его Ричард. — Вы что, снова хотите извиняться передо мной? В таком случае знайте: мне нужны не рабы, а люди, которые умеют думать, которым дорого процветание государства и которые высказывают мне свое мнение так же честно, как и служат. В отличие, допустим, от бедняги Тайрела. Он ведь, скажи я ему: прыгнуть с купола собора Святого Павла, — подумает лишь о том, как быстро удастся взобраться туда снова.

Подперев подбородок рукой, Ричард с улыбкой смотрел на собеседника. Он казался спокойным и довольным — ничего общего с тем бледным словно полотно Ричардом, что был в Вестминстерской церкви. Он старался шутить, но слова выходили очень серьезными.

— Никаких подачек, Филипп. От меня вы будете получать только то, что заслужили. Нет-нет, не возражайте. Пока я всего лишь путник на дороге, проложенной братом. А там... проживем — увидим. Может, я и заработаю то, в чем сейчас вы мне отказываете.

Была ночь, когда Филипп вышел из покоев короля. Во всех комнатах — как личных, так и общих — было тихо. Филипп остановился в опустевшем коридоре. Стоит ли, думал он, перед сном заглянуть к Фрэнсису. В столь поздний час кузен вряд ли ждет его, и, возможно, он не один. Зачем нарушать его покой? Свечи в темных канделябрах тускло мерцали; издали донесся голос: кому-то желали доброй ночи. Пожав плечами, Филипп отказался от каких бы то ни было визитов и уже собрался идти к себе, как его остановил звук шагов, доносившийся из-за поворота. Филипп насторожился — хотя это мог быть какой-нибудь гуляка из своих. Нет,

похоже, кто-то направлялся в апартаменты герцога Бэкингема. По стене пробежала тень, от колеблющегося тусклого света принявшая странные формы и размеры. Незнакомец приблизился. Теперь его съезжившаяся фигура была видна куда лучше. Филиппу показалось — хотя, возможно, он ошибался, — что это Джеймс Тайрел.

В Гринвиче Ричард не задержался. Они с женой побывали и в Виндзоре, и на западе, в Йоркшире. Король намеревался заглянуть даже в самые отдаленные уголки Англии. Унылые, глинистые дороги сменялись картинками более приятными для глаза: пиры, дамы в беличьих и горностаевых мехах, с золотыми ожерельями, кольцами, серьгами.

Позади тащился тяжелый обоз, слуги Его Величества деловито сновали по рыночным рядам, придирчиво выбирая продукты. Местные жители, простые люди, давно не видевшие ничего подобного, с интересом наблюдали за этим, но кондитерам и булочникам было не до развлечений.

По дороге в Виндзор Фрэнсис предложил королю остановиться на ночь в Минстер-Ловеле. Предложение было принято, в Оксфордшир отправились гонцы, и ранним утром вся кавалькада была уже на месте. Гостей встречала хозяйка. Взглянув на жену, Фрэнсис подумал о том, что, наверное, не стоило приглашать сюда столь высокопоставленных гостей. Анна, которую, как и других знатных особ, приглашали на церемонию коронации, отказалась приехать, сославшись на нездоровье. Тогда Фрэнсис почти не обратил на это внимания, потом вовсе забыл, но теперь ему стало ясно: в отличие от остальных обитателей дома, Анна Фитцхью не была рада визиту королевской четы. Рядом с ней находился сын, он в точности скопировал реверанс матери. Выслушав слова благодарности за гостеприимство, Анна не соизволила даже посмотреть на Ричарда, а мальчик не произнес ни звука, словно проглотил язык. Ричард с улыбкой посмотрел на него:

— Крепкий парнишка, Фрэнсис, весь в вас.

С этими словами он вошел в дом. Фрэнсис успел заметить выражение злости на детском лице, и губы его сжались от негодования. Не говоря ни слова, он отпустил сына, тот побежал к себе наверх.

Все прошло хорошо, но ощущение радости исчезло, и Фрэнсис твердо пообещал себе при первой же возможности поговорить с женой. Но остаться с Анной наедине все как-то не получалось: собственные спальные покои они представили королю с королевой, а в других комнатах было много народу. Да и Анна избегала откровенной беседы с мужем: она отговаривалась тем, что страшно устала от неожиданно нагрянувших гостей, от постоянных хлопот в связи с этим, а ночью сделала вид, что уже заснула.

Только утром, перед самым отъездом, когда гости уже седлали лошадей, Фрэнсис смог отвести жену в сторону. Анна еще никогда не видела его таким — мрачным, словно грозовая туча.

— Одну минуту, мадам, — стиснув зубы, произнес Фрэнсис. — За заботы и прием короля, а заодно и меня, признателен. Но впредь будьте любезны больше обращать внимания на воспитание нашего сына, чем на запасы в погребах. Мне теперь совершенно ясно, чему и кто его учит! Но имейте в виду, мадам, если вам хочется, чтобы он унаследовал от меня этот замок, пусть в следующий раз, когда король Ричард почтит нас своим приездом, будет с ним поприветливее. По мне, лучше сын лишится последнего клочка земли и всех титулов, наследником коих пока является, чем, к моему стыду, будет готов предать своего законного повелителя.

— Ваш законный повелитель пребывает в Тауэре, милорд йоркист, — раздраженно заметила Анна. — О нем вы никогда не вспоминаете?

Не дав Фрэнсису ответить, она повернулась, приподняла юбки и пошла в дом.

Долины Оксфордшира остались позади, и теперь на каж-

дом шагу встречались небольшие селения Косфолда. В Глостершире были устроены празднества с карнавалами.

День подходил к концу, окна глостерширского замка осветили лучи заходящего солнца. У городских ворот появилась пышная свита герцога Бэкингема. Недавно он был назначен лордом-констеблем, и новые обязанности помешали ему сразу присоединиться к королевской процессии; сейчас он направлялся в Брекон — одно из своих поместий, — где давно уже пребывал в нестрогом заточении епископ Мортон. Герцог, конечно, не мог упустить возможность поучаствовать в ночном кутеже. С ним был сэр Джеймс Тайрел, которого Бэкингем выпросил — через лорда-камергера — у Ричарда на время его отсутствия в Лондоне. Фрэнсис, немало удивленный этой просьбой, дал разрешение и теперь получал очередную порцию благодарностей. Без этого верного слуги, с улыбкой сказал Бэкингем, он и с половиной дел в Лондоне не справился бы.

Вечер получился отменный. Все особенно развеселились, когда дрессированная обезьянка ускользнула от своего хозяина, вскарабкалась по гобеленам на оконную перемычку и принялась швырять в присутствующих кожурой от апельсинов. Хозяин покраснел — от него не ускользнул осуждающий взгляд распорядителя королевского зверинца, а тот, в свою очередь, заметил, что с него не спускает глаз лорд-камергер. Но сам Ричард, обняв жену, искренне хохотал вместе с остальными. По другую руку короля сидел Бэкингем. Он привез из Лондона нового лютниста, замечательного исполнителя, — уж очень хотелось ему угодить своему господину. После ужина он пошел с рыцарями-телохранителями в спальню короля — ему хотелось принять участие в ежевечернем ритуале подготовки короля ко сну. Надо, с улыбкой пояснил Бэкингем, выпить с королем на дорожку, ибо с рассветом он уезжает.

Глава 19

В Йорке Филиппа нагнал гонец, привезший печальную новость от госпожи Алисы: умер муж сестры Уильям Секотт. Это не было большой неожиданностью: в последнее время сэр Уильям сильно болел. Кейт очень переживала и совсем отстранилась от домашних дел, поэтому хозяйство, судя по словам матери, разваливалось на глазах. Короче говоря, Филиппа просили срочно приехать.

Филипп нахмурился: именно сейчас он должен был постоянно находиться при короле — прошла лишь половина его восьминедельной смены. Кроме того, он подозревал, что столь срочный вызов вызван не только смертью шурина, но и желанием его матушки поскорее узнать в подробностях о коронации Ричарда Глостера и его триумфальной поездке на север. Фрэнсис не разделял сомнений Филиппа и обещал заменить его Рэтклифом или Перси. Ричард также не возражал против поездки Филиппа домой.

Через две недели Филипп в сопровождении Хью появился в Ипсдене — их встречал Гилберт Секотт. Видно было, что груз новых обязанностей ему не по плечу. Гилберт доброжелательно кивнул Хью и самым сердечным образом приветствовал дядю, он выразил сожаление, что Филипп не смог присутствовать на похоронах. Никто и рассчитывать не мог, сказал он, что сэру Филиппу удастся приехать. Филипп поспешил побыстрее отделаться от Гилберта — уж очень приторными показались ему слова племянничка.

Кейт, одетая во все черное, что особенно подчеркивало ее бледность, находилась в беседке. Увидев Филиппа с сынишкой, она оживилась, погладила Хью по голове и сказала, что за ужином он увидится со своим братом-близнецом. “Роджер, — пояснила она, — приехал из Страттон-Одли вместе с Гилбертом. Думаю, после столь долгой разлуки у вас найдется о чем поговорить”. Но когда Филипп вышел

из беседки, выяснилось, что Роджер поджидал именно его, а не брата: ему не терпелось посвятить дядю в свои секреты. Собака сэра Уильяма по кличке Фьюри несколько недель назад оценилась, и теперь племянник протягивал Филиппу, умоляя не отвергать дар, очаровательный пушистый комочек. Этот жест приятно удивил Филиппа. Из конюшни вышел Гилберт и также попросил Филиппа не отказываться от подарка. Филиппу ничего не оставалось, как принять щенка, тот не растерялся и впился в перчатку нового хозяина своими крошечными зубками.

— Право слово, чудесный ирландец, — улыбнулся Филипп, — большое тебе спасибо, Роджер.

Щенок полностью сосредоточился на перчатке — она ему явно понравилась. Стараясь скрыть смущение, Филипп, взяв подарок, отправился в комнату, которую отвели им с Хью. Тот, узнав, что ночью ему предстоит ухаживать за щенком, сразу же освободил дядю от необходимости извиняться.

— Что, сильно насели, дядя? Извините, но я всегда знал, что Гилберт — большой зануда, только не думал, что Роджер пошел в него. Вы, думаю, поняли: Гилберт считает для себя большой честью иметь родственника — друга короля.

Через несколько дней они отправились в Уиллоуфорд. Приличия требовали, чтобы Филипп задержался дома и разделил с сестрой траур. Из письма Фрэнсиса следовало, что Филипп может спокойно побыть с родными до Дня всех святых.

Прошел день святого Михаила. По утрам становилось холодно. В поместье накопилось много дел: надо было разобраться и с управляющим и с арендаторами — верный помощник Хью проводил с дядей целые дни. Ясно было, что, кроме Филиппа, справиться со всем этим никто не сможет — придет день, и он станет единственным хозяином всего этого. Но старую Алису очень беспокоило, что сын ее — убежден-

ный холостяк. Когда речь об этом заходила в очередной раз, он примирительно замечал, что дела наладились и в приданом нет никакой нужды. Филипп научился ловко избегать подобные темы, переводя разговор на новости, полученные из столицы. Одной из них был приезд Ричарда в Миддлхэм за сыном — король собирался провозгласить маленького Эдуарда принцем Уэльским. Церемония в Вестминстере получилась на редкость торжественной и праздничной — было на что посмотреть.

— Мальчик, конечно, ужасно устал, — рассказывал Филипп. — Говорят, к концу обряда он сделался белым как полотно, но ничего, все выдержал. Эдуард жаловался лишь на то, что врачи не разрешили ему проделать весь путь из Миддлхэма на жеребце.

Все семейство Филиппа собралось на уютной открытой веранде рядом с верхним залом. На стенах были развешаны гобелены, сундук покрыли ковром фламандской работы, в буфете ослепительно сияли серебряные кубки, снизу, из кухни, доносился приятный запах свежее испеченного хлеба. Филипп развалился в кресле рядом с полыхавшим огнем камином, рассеянно почесывая собаку за ушами и глядя на раскаленные угли. Пальцы его постоянно нервно двигались, их украшал единственный перстень с печаткой. Даже свой рыцарский ворот Филипп не надел ни разу. В ответ на раздраженные замечания матери он спрашивал с улыбкой, неужели она хочет, чтобы ее сын демонстрировал свое рыцарское достоинство перед форелями в пруду. Алисе эти шутки явно не нравились, поэтому, чтобы как-то задобрить ее, Филипп бормотал что-то похожее на извинения. Но ворот упорно держал в сундуке — до лучших времен, до возвращения в Вестминстер...

Темнело. В углу уютно похрапывал, выпустив из рук молитвенник, капеллан, чадили масляные лампы. Во дворе слышался стук копыт, все встрепенулись — в такой час

гостей никто не ждал. Филипп оглянулся, а Хью, натянувший было тетиву, отложил лук в сторону. На лестнице загремели шаги, и через секунду дверь распахнулась настежь. На пороге стоял Фрэнсис. Он резко проговорил:

— Филипп, сколько людей вы можете у себя наскрести? Оружие пусть вас не беспокоит — об этом позаботятся. Сколько — прямо сейчас?

— Сейчас? — Филипп порывисто поднялся с кресла. — Здесь, в Уиллоуфорде, не больше двух дюжин, и еще примерно столько же в Татенхэме, но на это понадобится полдня. А что?..

— Времени нет, берите всех, кто есть, и отправляйтесь в Бэнбери. Остальные подойдут. Бэкингом поднял бунт в Уэльсе.

Все непонимающе смотрели на Фрэнсиса. Никто не верил своим ушам. Фрэнсис прошел в середину комнаты. От усталости он едва держался на ногах, со лба градом катил пот.

— Я, как выехал из Линкольна, — с трудом выговаривая слова, начал он, — три дня с лошади не слезал. Новости мы там и узнали. Король ждет нас в следующий вторник в Лайкастере. Филипп, с ним сейчас только лучники.

Филипп пошел к буфету. Была пятница, поэтому ничего, кроме эля, не нашлось. Филипп наполнил стакан вином и передал его кузену.

— Голодны? — негромко спросил он.

Фрэнсис взял стакан, жадно отхлебнул эль и подошел к окну.

— Тороплюсь. Я назначил сбор на завтра в Бэнбери, и нет буквально ни минуты. Вы едете со мной?

Хью уже направлялся к двери. Сбрасывая ботинки, Филипп бросил ему вслед:

— Ботфорты, плащ, упряжь. Все у меня в комнате. Пошлите кого-нибудь в конюшню. Фрэнсис, вам и вашим людям явно понадобятся свежие лошади. Сколько человек с вами?

— Всего с полдюжины. Остальные уехали в Бэнбери. О Господи, если бы у нас было хоть чуть-чуть побольше времени... — Фрэнсис потер глаза, сделал еще глоток и поставил стакан на стол. — На вашего управляющего можно положить? Он сразу пошлет за людьми?

Крепко сжав губы, Филипп кивнул. На нем были лишь камзол и рейтузы. Вернулся Хью с шерстяным плащом и ботфортами. Тут же появился и управляющий. Филипп, одеваясь на ходу, коротко объяснил ему, что надо делать. Фрэнсис нервно шагал по комнате, то и дело поглядывая в окно, — становилось совсем темно.

Хью тоже поспешно одевался, меняя домашний костюм на облачение оруженосца. Подошел грум, объявил, что лошади готовы.

— С вашего разрешения, мадам. — Филипп повернулся к матери. В углу, так и не сняв сутаны, все еще мирно похрапывал толстяк капеллан, торчавшие седые волоски образовали у него над головой нечто вроде нимба.

Лошади были уже оседланы, слуги укладывали последние мешки. Через несколько минут поместье осталось позади.

По пути Фрэнсис рассказал, что случилось. Пришли сведения о беспорядках на юге, и этим делом было велено заняться Норфолку — едва король выехал из Лондона, как Вудвилы вновь зашевелились.

— Вроде бы все началось с Суррея и Кента. Там кашу заварил Фогте — помните его? Это родич Риверса, которого король назначил верховным судьей графства. Его Величество хотел показать, что дорожит каждым. И вот благодарность. Затем мы узнали, что жена Стэнли что-то затевает в Лондоне. Она отправилась к Елизавете Вудвил и ее дочерям. Стало известно также, что о принце в Тауэре все забыли — каша заваривается не ради сына Елизаветы, а ради Генри Тюдора. Думаю, этот гнусный тип Бофор не жалел сил, уговаривая королеву пообещать ему в жены одну из

своих дочерей — чтобы придать вес своим притязаниям. Говорят, герцог Бретонский дал ему людей и суда. Ждут только погоды.

— А как сам Стэнли? — перебил кузена Филипп. Это было самое главное. Фрэнсис язвительно усмехнулся:

— Крутится вокруг короля, ужасно обеспокоен деятельностью своей жены в Лондоне! Слава Богу, король держит эту хитрую лису подле себя. Стэнли, позволю себе предположить, больше всего на свете хотел бы сделаться приемным отцом короля, если бы был уверен, что у Тюдора есть хоть какие-то шансы. Ладно. Король разослал в разные концы курьеров, в частности, велел Бэкингему присоединиться к нему для подавления бунта. На следующий день стало известно, что Бэкингем стал на сторону бунтовщиков.

Наступило молчание. Мимо, в дымке, проплывали деревья, поля, ручьи. Сгущался туман. Всадники перешли с галоп на медленную рысь. Филипп задумчиво произнес:

— Но ведь в это невозможно поверить. Кого еще осыпали такими милостями...

— Да разве и впрямь невозможно? — сердито проворчал Фрэнсис. — Эх, какими же мы оказались простаками, Филипп. Кто, как не Гарри Стаффорд, — ближайший кровный родственник короля? Да никто о Тюдоре и не думает, Ланкастеры просто прикрываются его именем. Шакальи фокусы, шакалья хитрость — а ведь у него под боком в Бреконе не было даже этого змея епископа, чтобы заварить такую бучу. Предатели, как Кларенс, — ну вот пусть теперь и поджариваются на такой же сковороде... В свое время прошел слух, что Бэкингем желал помолвки своей дочери с сыном короля, но король не пошел на это. Теперь, наверное, снова лелеет эту мечту.

Верхушку холма осветила луна. Перед ними выросли стены Эбингдона, над которыми, прорезая сгустившиеся сумерки, покачивались фонари.

— А как король? — понизив голос, спросил Филипп.

— Мне кажется, у него разбито сердце, — повернувшись к кузену, ответил Фрэнсис.

Путники переночевали в Эбингдоне, а на следующий день были уже в Бэнбери. Вскоре они слились с огромной массой конных и пеших — на рукавах у всех виднелась эмблема Ловелов — изображение борзой. В Лайкастер прибыли вовремя, соединились с королевскими войсками и вместе двинулись в Ковентри.

Бэкингом выехал из Уэльса с большим войском, однако набрано оно было кое-как: воевать людям, судя по всему, вовсе не хотелось, и при первой же возможности они начали разбегаться. Из графств подкрепление так и не пришло. Погода тоже не радовала: который день шел проливной дождь. Кроме того, исчез епископ Мортон, которого Бэкингом взял с собой для укрепления духа своих вояк и в качестве личного советника. От отчаяния герцог пустил было слезу, но, опомнившись, оседлал коня и умчался в неизвестном направлении. Семья, у которой он нашел приют, была небогатой, а в награду за беглеца обещали тысячу фунтов. Вот и доставили герцога Бэкингема по назначению на следующий день после приезда королевской армии в Солсбери.

На нем было жалкое рубище, в котором он, не успев переодеться, бежал.

Солдаты короля стали лагерем на возвышенности недалеко от Солсбери. Приближенные Ричарда расположились в самом городе, в большом доме со шпильями напротив собора. Те, кому не хватило места, разместились по соседству, в торговом центре. Все очень устали. Хотя угрозы из Уэльса больше не было, переход из Лайкастера оказался трудным, и предстоял еще один, ибо Вудвилы, не успокоившись, затевали что-то в Девоне. Теперь они возлагали надежды на Генри Тюдора. За эти сведения королевским военачальникам следовало благодарить Бэкингема — он с удивительной готов-

ностью и охотой рассказывал о возможных шагах своих недавних соратников. Он так подлизывался и унижался, что многим из окружения Ричарда было неловко. Только это ему ничуть не помогло. Суд был короток — приговор беспощаден. Через несколько часов на рыночной площади была установлена плаха.

Наступил вечер, подул свежий ветерок. Стук молотков на площади стих, но мерный звук этих страшных ударов словно преследовал собравшихся в доме напротив собора. Приближенные Ричарда переговаривались вполголоса, то и дело поглядывая на пустое королевское кресло и плотно закрытые двери покоев Его Величества. Вскоре после ужина к лорду-камергеру подошел слуга и что-то прошептал ему на ухо. Фрэнсис, которому явно стало не по себе, отрицательно покачал головой. Слуга продолжал умоляюще смотреть на Фрэнсиса, наконец тот сдался: тихонько выругался и поднялся на ноги.

Кладовые и винные погреба находились внизу, на довольно большой глубине. Вдоль стен там стояли многочисленные бочонки с маслом и засоленным мясом. Резко пахло солодом. Фрэнсис, молча следовавший за слугой, резко остановился: в уши ударил дикий, нечеловеческий вопль. Толстые каменные стены не давали пробиться этим ужасным, душераздирающим крикам наверх, но здесь...

— Боже милосердный! — пробормотал Фрэнсис. Его спутник, видимо, уже привыкший к этому, бесстрастно ответил:

— Да, милорд. И так на протяжении всего последнего часа. После того, как герцог узнал, что король не хочет его видеть. Мы подумали, надо сказать вам, чтобы лишний раз не беспокоить Его Величество.

— Правильно сделали.

Фрэнсис и его провожатый двинулись дальше. Миновав складские помещения, они вошли в просторную комнату.

Напротив виднелась тяжелая дверь. Она была заперта. Стражники, расположившиеся около двери полукругом, негромко переговаривались между собой. При виде лорда-камергера они расступились.

— Заприте за мной, — кратко бросил Фрэнсис и вошел в камеру.

Бэкингом стоял на коленях рядом с кушеткой, которую поставили здесь специально для него. Услышав грохот засовов, он замер, затем резко повернулся, стараясь рассмотреть в темноте, кто пришел. Он, видно, изо всех сил колотил по двери — кожа на костяшках пальцев была содрана, из уголка рта сочилась кровь — губы были искусаны. Узнав родича, Бэкингом пополз к нему.

— Фрэнсис, — выдохнул он, — кузен, благодарение Богу, хоть вы пришли. Эти сукины дети не хотят передавать моих просьб, но вы, вы-то поможете мне, не можете не помочь.

Подобравшись ближе, он протянул Фрэнсису дрожащую руку. Не обращая никакого внимания на этот жест, лорд-камергер отрывисто бросил:

— Что вам от меня нужно?

Бэкингом смотрел на него расширенными от ужаса глазами:

— Во имя всего святого, сделайте так, чтобы я мог поговорить с королем. Всего ничего — одну лишь минуту, только два слова сказать. Лишь вы мне можете помочь, всем другим он откажет...

Вдруг он увидел, с каким презрением смотрит на него Фрэнсис. Бэкингом прильнул к его коленям:

— Фрэнсис, я ведь всегда любил вас, я хотел сделать вас по-настоящему большим человеком... Ведь вы и сами это знаете, правда? — Бэкингом схватил Фрэнсиса за руку, осыпал ее поцелуями.

Резко подавшись назад, Фрэнсис с трудом освободился.

— Послушайте, вы, жалкий Иуда! Королю докладывали о ваших просьбах, но он не желает вас видеть. Да и вообще на вашем месте я бы скорее повесился, чем предстал перед ним.

— Я хочу жить, — рыдая, произнес Бэкингем. — Пусть только сохранит мне жизнь, больше ничего не надо... — Громко застонав, он начал колотиться головой о стену.

— Меня тошнит от одного вашего вида, — негромко сказал Фрэнсис. — Только одно мне интересно — когда вы все это замыслили? И где? В Лондоне? В Глостершире, когда прощались с королем?

Бэкингем совсем поник. Слезы градом катились у него из глаз. Резко повернувшись, Фрэнсис подошел к двери и постучал. Ожидая, пока откроют, он отер куртку — Бэкингем испачкал ее своими слюнями. Сзади раздался пронзительный вопль:

— Но я ведь столько для него сделал... я верно служил ему... скажите ему... пусть вспомнит...

Дверь открылась.

Лишь поднявшись наверх, Фрэнсис смог вздохнуть с облегчением.

Герцог Бэкингем был казнен утром на рыночной площади Солсбери. Через сутки на рассвете армия двинулась на запад. Вудвиллов там уже не было. Генри Тюдор приблизился было к южному побережью, но шторм разметал его флот — всего-то два суденышка. Попытки заманить Тюдора на сушу — его уверяли, что Бэкингем побеждает и ждет подкрепления, — ни к чему не привели. Даже если все обстояло бы именно так, Генри Тюдор мог довериться Бэкингему, только если бы у того была мощная военная сила. Какое-то время Тюдор еще находился около берега, он попробовал было пристать к одной бухте, потом к другой, но в конце концов повернул назад, в Бретань. Англия пусть подождет до лучших времен.

Глава 20

Вот уже несколько дней небо было затянуто тяжелыми серыми тучами, судя по всему, скоро выпадет снег. Однако когда Фрэнсис въезжал во двор своего имения Минстер-Ловел, по черепице крыши неожиданно забегали солнечные лучи. Он остановился, разглядывая застекленный фронтон своего замка и ощущая при виде родных стен обычный подъем чувств. У него были и другие дома, большие и маленькие, роскошные и скромные, — целая россыпь имений, разбросанных по огромной территории от Беркшира до Йорка, но корни его были здесь, на этой земле, откуда выходили и куда возвращались мужчины и женщины его рода, представители многих поколений Ловелов. Фрэнсис отдал бы все до последнего камня Ротерфилда, столь любимого Анной, лишь бы всегда стоял Минстер-Ловел.

Фрэнсис думал о том, что Уиллу давно пора узнать свою родословную. Сам он был моложе, когда отец открыл секрет потайного помещения между гостиной и большим залом и рассказал, как триста лет назад другой Уильям Ловел последовал за Ричардом Львиное Сердце. Ну что же, может быть, на сей раз у него достанет времени поговорить с сыном хоть немного, рассказать о людях, живших здесь в прежние времена, о тех, чье дело ему предстоит наследовать. Мысль об этом радовала Фрэнсиса, он даже проявил нежность к жене при встрече. Анна остановилась на нижней ступеньке дома, а он, склонившись в седле, поцеловал ее в щеку.

— Что, удивлена? Я ведь словно с неба свалился. До нас дошли слухи, что где-то здесь, немного западнее, все еще шныряют люди Тюдора. Вот я и поехал в Глостершир проверить, верно ли это.

Сказав это, он сообразил, что появление свое можно было бы объяснить и потактичнее. Но Анна словно ничего не заметила.

— Ты надолго? — коротко спросила она.

Анна выглядела потерянной и озабоченной — похоже было, что она так и не смогла забыть то последнее прощание с мужем. Испытывая нечто похожее на угрызения совести, Фрэнсис обнял ее за талию.

— Я, наверное, на несколько дней. А где Уилл?

Фрэнсис привез подарки — купил их у торговца, недавно приехавшего в Бристоль: штука зеленого, прошитого золотыми нитями, итальянского шелка — Анне, небольшой серебряный кинжал с позолоченной ручкой — семилетнему сыну. “Мальчику такое должно понравиться”, — думал Фрэнсис. Он угадал, во всяком случае Уилл, к явному удовольствию отца, пробормотал слова благодарности. Прожив семь лет в обществе одной лишь матери, он все-таки не стал похожим на девчонку, хоть, конечно, давно уже пора серьезно подумать о его будущем. За ужином, который состоялся в личных покоях, подальше от общего зала с его постоянной суетой, Фрэнсис только об этом и думал. Он поделился мыслями с Анной, которая рассеянно крутила в руке кусочек вафли. Она посмотрела на мужа и сказала:

— Я уже думала об этом. Сейчас он еще совсем ребенок, но когда настанет срок, можно послать его к милорду Шрусбери. Это крупное поместье, и к тому же там он не будет среди чужих, ведь милорд — мой родич.

Фрэнсис поморщился. Он был знаком с Шрусбери — тот всегда относился к Фрэнсису со сдержанной вежливостью, как и положено родственнику жены, но взаимопонимания у них никогда не было. Семья, при всей своей лояльности к королю Эдуарду, явно симпатизировала Ланкастерам. Граф-отец был другом Джона Ловела, и Фрэнсис точно знал, что сын считал его предателем. Нетрудно догадаться, какое Уилл мог получить там воспитание. Помолчав немного, Фрэнсис примирительно заметил:

— Ну что же, и это возможно, но мой вариант лучше.

Что ты скажешь насчет Миддлхэма? Послушай, Анна, — чтобы задобрить жену, он положил руку ей на плечо, — я знаю, как ты относишься к королю, но сын-то его при чем тут? Настанет день, он будет законным повелителем Англии. Так зачем же лишать Уилла шанса делать карьеру на службе у наследного принца?

Он почувствовал, как жена вся сжалась при его прикосновении, но никаких возражений с ее стороны не последовало. Фрэнсис облегченно вздохнул и повернулся к сыну, сидевшему в противоположном конце комнаты. Повинуясь жесту отца, мальчик подошел поближе.

— Уилл, мы тут толкуем о твоём будущем. Пора тебе посмотреть мир: в долине Трента есть земли, которых ты никогда не видел, а ведь со временем они будут принадлежать тебе. По милостивому соизволению короля ты можешь поехать в Миддлхэм и проходить обучение с принцем Уэльским.

В глазах сына мелькнуло какое-то странное выражение. Он посмотрел на Анну, затем потупился.

— Да, милорд, — произнес мальчик.

Фрэнсис, улыбаясь, положил руку ему на плечо.

— Да, путь тебе может показаться неблизким. Собственно, так оно и есть. Мне было ненамного больше, чем тебе сейчас — может, на три-четыре года, — когда я отправился туда. И представь себе, настроение у меня тогда было примерно такое же. Всех, кто там был, я считал предателями и чувств своих скрывать не собирался.

Карие глаза мальчика внимательно смотрели на него из-под пушистых ресниц.

— Правда? Я этого не знал. А что же заставило вас переменить свое мнение?

— Просто выяснилось, что я ошибался. И ты обязательно поймешь, что ошибаешься. — Фрэнсис серьезно посмотрел на сына.

Мальчик сделал шаг назад и, запинаясь, произнес:

— Нет. Не нужна мне королевская милость. Он злой колдун, он отнимает у людей их истинную веру...

— Замолчи! — Фрэнсис вскочил на ноги, но сын словно этого не заметил.

— Нет, нет, он клятвопреступник, и Бог накажет его за это...

Речь оборвалась — Фрэнсис схватил сына за руку.

— Послушай меня, Уилл, — сказал он, немного остывая, — ты слишком мал и пока поешь с чужого голоса, потому я тебя и прощаю. Но ты должен поклясться, что никогда в жизни не произнесешь больше этих слов — и это будет первая клятва в твоей жизни. — Наступило молчание. — Уилл! Я жду.

Отец и сын смотрели друг на друга в упор. Фрэнсис почувствовал, что наливается кровью, мальчик, напротив, побледнел и поник. Выражение его лица было знакомо Фрэнсису — точная копия Анны. Молчание затягивалось. Наконец Фрэнсис отрывисто произнес:

— Иди к себе наверх.

Спальня Анны и Фрэнсиса находилась на втором этаже, к ней примыкала небольшая комната, окна которой выходили в сад. Собственно, ее трудно было назвать комнатой — скорее узкий пенал, Анна поставила там кушетку для Уилла, Фрэнсису это с самого начала не понравилось: он всегда считал, что мальчику будет лучше с другими детьми в общем дортуаре. Но сейчас, наверное, так было лучше — пусть побудет один.

Когда мальчик ушел к себе, Фрэнсис подошел к камину и, сложив руки на груди, стал задумчиво наблюдать за игрой пламени.

— Фрэнсис, прошу тебя... — начала было Анна, с трудом выговаривая слова. Но в его ушах все еще звучал голос сына. Фрэнсис резко выпрямился и почувствовал, что пояс

слишком давит, мешает дышать. Странно — это был простой пояс из мягкой кожи, без всяких украшений. Расстегнул его и, не глядя на жену, вышел из комнаты.

Через полчаса он вернулся. Пояс все еще был у него в руках. Отшвырнув его в сторону, он тяжело опустился в кресло и прикрыл руками глаза. Анна рванулась к двери, но ее остановил голос мужа:

— Оставь его в покое, Анна. Он в постели. — Фрэнсис, оторвав руки от лица, посмотрел на нее. — Тебе не кажется, что ты и так уже поработала достаточно?

Анна вздрогнула — так страшно прозвучал голос мужа, — и опустила голову, чтобы скрыть слезы.

— Я учила его тому, что кажется мне правильным. А ты на моем месте разве поступил бы иначе?

Фрэнсис промолчал. А ведь Анна права, мелькнуло у него в голове. Он слишком устал, чтобы продолжать этот тяжелый спор, потому перевел разговор на другую тему.

— Завтра я пошлю в Миддлхэм грума: надо предупредить о приезде Уилла. У нас не так-то много времени, если хотим, чтобы он попал туда. Надо действовать, пока погода не испортилась.

Анна принялась перебирать складки на юбке. Было слышно, как шуршит шелк.

— Уилл — все, что у меня осталось, — произнесла она. — Неужели тебе так хочется лишиться меня последней радости?

— Ты всегда любила мне перечить, — устало ответил Фрэнсис. — Если я говорю, что нашему сыну нужно это, ты обязательно скажешь — другое. Может, ты собираешься упрекать меня за то, что я здесь слишком редко бываю? А мне-то казалось, что ты не особенно по мне скучаешь. Иначе я непременно приезжал бы чаще.

— Ну да, разумеется, особенно когда не хватало девок позабавиться. Меня всегда удивляло, отчего это ты в таком фаворе у Горбатого, ведь говорят, он не одобряет блуда.

По его молчанию Анна поняла, что наконец-то попала в цель. Глаза его сузились. При свете камина лицо мужа казалось вылитым из бронзы.

— О мадам, если бы я только мог подумать, что вам до этого есть хоть какое-то дело, все было бы иначе. Но ведь вы слишком давно и слишком ясно дали мне понять, что предпочитаете спать одна.

Анна побледнела и отвернулась. Фрэнсис всегда легко взрывался, но гнев его проходил так же быстро, как и возникал. И теперь ему было стыдно до боли за неосторожные слова. Чтобы уязвить ее самолюбие, он выбрал слишком сильное оружие. Фрэнсис приподнялся в кресле, но тут же опустился вновь.

— Извини, мне не следовало этого говорить. Право, мне очень жаль. Это верно, я не много уделял тебе внимания. Но ты же знаешь почему. Неприветливый тон и каменное выражение лица — не лучшая приманка для мужчины.

Она слегка покачала головой — то ли возражая, то ли, напротив, в знак согласия, но, так или иначе, Фрэнсис заметил, что Анна плачет. Он понял, что жена вовсе не хотела этой ссоры, что все вышло наружу помимо ее воли — слишком уж много горечи накопилось. “А вообще-то она ждала от этого вечера совсем другого”, — думал Фрэнсис. Даже оделась специально для него в голубое — его любимый цвет. Голубое шло ей и сочеталось с цветом глаз — то ли зеленым, то ли серым или голубым. Шея у Анны все еще была как у юной девушки: гладкая, молочно-белая. Теперь уж и не вспомнишь, когда они спали вместе в последний раз — слишком часто и грубо она отталкивала его, — но у крови свой инстинкт и своя память, и Фрэнсис подсознательно чувствовал, что только Анна может дать ему детей, которые унаследуют его имя. Она была из тех женщин, которым, похоже, нравится быть беременными. Он говорил в шутку, что беременность ей к лицу, а месяцы, прошедшие после его

возвращения из Бургундии, были самыми счастливыми в их совместной жизни. Но Уилл оказался единственным, больше детей не было. Фрэнсис никогда не говорил жене, как его это ранит. Неужели ее тело, даже соединившись с ним в единое целое, способно сопротивляться и не принимать его до конца?

В камине догорело полено, и искры разлетались в разные стороны. Он подумал, что молчание слишком затянулось, а взглянув на Анну, понял, что все это время она смотрела на него. Он продолжал сидеть неподвижно, а взгляд Анны все еще был устремлен на мужа; она потянулась к фляге, налила в кубок вина и предложила Фрэнсису:

— Выпьешь?

Он потянулся навстречу. Прикоснувшись к руке жены, Фрэнсис ощутил, как холодны ее пальцы. На ее щеках проступил слабый румянец. Фрэнсис взял кубок, поставил его на пол и, усадив Анну рядом с собой, прошептал:

— Неужели уже слишком поздно?

Она не пошевелилась в его объятиях. Фрэнсис ощущал, как внутри нее идет сильная борьба, как рвется надвое сердце.

Он прикоснулся губами к ее бровям — едва-едва, словно боясь, как прежде, встретить холодную усмешку. Фрэнсис почувствовал, что она медленно отогревается, что в ответ на его желание в Анне начинает разгораться огонь, словно искра на летнем вересковом поле. Неожиданно она прижалась к мужу и крепко обняла его за шею.

Потом, спустя год, он вспомнит, как волосы жены коснулись его подбородка, как он возился с булавками и шпильками, как укололся и, рассмеявшись, выругался:

— И зачем это женщины...

Анна лукаво глянула на мужа.

— Чтобы нравиться мужчинам.

Ее густые волосы при свете камина отливали медью.

Фрэнсис поцеловал Анну, и волосы хлынули вниз, охватив своим пламенем красивую грудь.

— Знаешь, дорогая, о чем я думаю: почему бы нам не поехать на север вместе с Уиллом? Тогда ему не будет так одиноко среди совсем незнакомых людей, и к тому же ты пятнадцать лет не была у брата в Равенспорте. Впрочем, нет, погоди. — Фрэнсис нахмурился. — Через месяц Рождество, а сразу после этого начинается сессия парламента. Я должен быть в Вестминстере. Ладно, слушай. Заседать парламент будет до Сретения, а весной король посылает меня на север. Ты поедешь со мной. То есть вы оба поедете. Мы отвезем его в Миддлхэм, а потом поедем в Эскхэм-Брайан. В Йоркшире весной хорошо. Как тебе этот план?

Ее ладони спрятались в руках Фрэнсиса — смуглых, с черными волосами на запястье. Не произнеся ни слова, Анна прижалась к нему щекой. И оба вспомнили одно и то же: их первый, безоблачный год, когда Фрэнсис привез жену в Минстер-Ловел. Тогда здесь в ходу была шутка: “Если увидишь закрытую дверь, это значит, хозяев не стоит беспокоить, какие бы срочные дела по дому ни были”. Взглянув на Анну, Фрэнсис подумал, что не так уж давно это было. Опуская Анну на подушки, он почувствовал, как бьется ее сердце. Фрэнсис положил руку на ее грудь. Чуть отклонившись, Анна прошептала:

— Не здесь.

— Что так? — Ему уже представлялось стройное бело-снежное тело жены, позолоченное отблесками каминного пламени.

— Могут войти, — пробормотала она, прижимаясь лицом к его ладони. — Но ты... ты можешь послать кого-нибудь наверх, пусть скажут камеристке, что она свободна.

Фрэнсиса все это немало позабавило.

— Да ты у нас прямо монашенка.

Он поднялся и, не скрыв улыбки, вышел из комнаты в

зал. Тут уже собирались ко сну. Койки для людей, с которыми он приехал, были приготовлены, остатки мяса, хлеба и пустые кружки из-под эля убраны. Он поймал холодный взгляд капеллана. Тот сидел с управляющим и был явно недоволен тем, что милорд так откровенно пренебрегает его обществом. Фрэнсис отыскал полусонного пажа и отослал его наверх. Служанки давно ждали хозяйку, чтобы помочь ей раздеться. Через некоторое время Фрэнсис вернулся в гостиную. От зала ее отделял небольшой холл, откуда наверх круто поднималась полутемная лестница. Увидев мужа на пороге, Анна подошла. В руках у нее был кубок с вином, она словно не знала, что с ним делать. Фрэнсис мигом решил проблему — опустошил его и обнял жену за талию.

— Боюсь, тебе сегодня придется спать с пьяницей. Они уже, наверное, ушли, дорогая. Пойдем?

Служанки оставили свечи горящими. У кровати стояли кубки с вином и блюда с вафлями. Дверь спальни была плотно закрыта. Фрэнсис запер и другую, ведущую на лестницу. Затем он подошел к жене и привлек ее к себе. Анна дрожала от холода. Спальня еще не нагрелась. Фрэнсис достал халат, быстро набросил его Анне на плечи и прижался лицом к ее груди.

— Ты так добра, любимая. Я скверно вел себя по отношению к тебе.

Анна пробормотала что-то невнятное, глядя его по голове. Фрэнсис приподнял ее подбородок и наклонился, чтобы поцеловать. Анна отвела глаза, но благодаря стараниям Фрэнсиса халат уже соскользнул с ее плеч. Фрэнсис подумал, что жена просто стесняется.

Только потом он стал понимать, что же все-таки происходило на самом деле. В какой-то момент он заснул. Он буквально провалился в забытие, которое наступает в результате сильной усталости или от большого количества выпитого вина. Подумав об этом, Фрэнсис улыбнулся. Ког-

да он пробудился, долго не мог сообразить: продолжается ночь или уже настало утро. Его смущал бледный свет за окном — такой бывает в лунную ночь или утром на рассвете. Он повернул голову и, к своему удивлению, обнаружил, что песок в часах, стоявших на сундуке у постели, продолжает струиться. А ведь он точно помнил, что сам поставил их перед тем, как лечь с женой. Потом он вспомнил, что Анна тоже пригубила вино, — но не пила. Пил он один. Во рту все ощущался вкус выпитого, сейчас куда менее приятный, чем час назад. В голове, слава Богу, немного прояснилось. Ладно, до утра еще далеко, надо спать. Он завернулся в одеяло и лениво потянулся к Анне. Пусть будет поближе. Только тут Фрэнсис понял, что в постели ее нет.

Поначалу напрашивалось самое естественное объяснение: она могла пойти в комнату по соседству, чтобы привести себя в порядок. Это было рядом со спальней служанок. Однако рядом с кроватью стояло судно, он заметил это, еще когда они вошли в спальню. Фрэнсис спокойно ждал Анну, лежа в кровати. Но она не возвращалась. Он приподнялся на локте, прислушался — никаких шагов, ни малейших признаков того, что в комнате кто-то есть.

Фрэнсис сел на кровати. Одежда его лежала там, где он ее и оставил, но халат, который он нетерпеливо сорвал с жены, исчез. Фрэнсис поспешно надел рубаху, рейтузы и камзол, застегнулся и направился к двери, как вдруг остановился, бросив взгляд в сторону спальни сына. Дверь была полуоткрыта, Фрэнсис сам ее не закрыл. При звуке его шагов мальчик зашевелился, вздохнул и снова задыхался ровно. В комнате ощущался слабый запах духов, но Анны здесь не было.

Фрэнсис вернулся в свою спальню. Лунный свет, проникший сквозь узорчатое окно, исчертил тенями паркетный пол. Уголь в камине почти догорел. Фрэнсис машинально двинулся в сторону двери, ведущей на лестницу, но что-то его остановило, и он вернулся назад.

Его оружие тускло поблескивало на полке. Фрэнсис взял свой кинжал с тонким лезвием и короткий нож. Он сам не понимал, зачем все это делает. Им словно кто-то управлял, предвидя то, чего он сам знать не хотел или боялся.

На лестнице и в холле было совсем темно, лишь из гостиной пробивался луч света. Заметив его, Фрэнсис настороженно остановился и прищурился. Он ощутил легкое дуновение холодного ветра — окно, выходявшее на северную сторону, было распахнуто. Фрэнсис увидел Анну, рядом с ней какого-то мужчину. Тот стоял в профиль, на лицо падало пламя свечи. Фрэнсис с удивлением заметил, что на месте крепкой стены находился ход, который вел в потайную комнату. Незнакомец нагнулся и прижался губами к щеке Анны — пламя свечи озарило его рыжеватые волосы.

Фрэнсис рванулся вперед, что-то крикнул — мужчина поднял голову и оттолкнул Анну в сторону. Она закрыла рукой рот, в глазах ее был страх. Фрэнсис почувствовал, как что-то холодное прижалось к его шее. Он инстинктивно дернулся — лезвие соскользнуло, содрав кожу. Чьи-то железные пальцы схватили Фрэнсиса за горло, ногой его ударили по почкам, к боку приставили что-то острое. Знакомый голос прозвучал у самого уха:

— Ловел, больше всего мне бы хотелось спустить с вас шкуру, жаль, момент сейчас неподходящий. Только не вздумайте поднимать шум — будет только хуже.

Фрэнсис почувствовал укол ножа и не издал ни звука.

— Может, вы хотите, чтобы вас засолили, как селедку, и вышвырнули на улицу? — ехидно продолжал тот же голос. — Мне-то все равно, но вам это может не понравиться, и к тому же как-то недостойно вас. Обещайте, что я смогу спокойно уйти. Я поверю вам на слово.

Резко рванувшись, Фрэнсис ударил противника правой ногой. Тот поскользнулся, резко выбросив вниз левую руку. Фрэнсис почувствовал, что боль отпускает его, и услышал,

как нож Хамфри со звоном упал на пол. Мгновенно пальцы, только что сдавливавшие его горло, переместились выше. Теперь соперники крепко вцепились друг в друга: рука Хамфри тянулась к ножу Фрэнсиса. К Хамфри подоспела подмога.

— Дэви, найдите, чем заткнуть ему рот, пока шума не поднял, — выдохнул Хамфри Тэлбот. — И принесите веревку, да поживее, ради Бога, а то этот сукин сын скользкий как угорь.

Слуга наклонился над сумками, сваленными у двери, и, как бы решая, с чего начать, на секунду задумался. Наконец он взял одну из сумок, сделал на ней длинный надрез и отдрал кусок ткани. Дэви пытался сделать из него кляп, но у него ничего не вышло. Он снова взялся за нож. Хамфри негромко выругался. Ноги его в чем-то запутались, ему было все труднее удерживать Фрэнсиса. Тот тяжело дышал и, казалось, вот-вот сможет кричать. Хамфри сдавил противнику горло, и вовремя: как раз в этот момент в холле слышались легкие шаги. Анна закричала:

— Нет, нет, Уилл, не надо, иди к себе...

Но мальчик уже был на пороге. Он изумленно смотрел то на мать, то на сошедшихся в схватке мужчин.

— Анна, пусть немедленно уйдет отсюда, — прошипел Хамфри.

Дэви отчаянно рванул ткань, запутался в ней, упал на пол и умоляюще произнес:

— Господин Уилл, помогите мне, пожалуйста, распутать эти веревки, вот так, хороший мальчик...

Слуга Хамфри говорил с легким кельтским акцентом. Раздался резкий голос Хамфри. Он бросил слуге несколько слов, из которых Фрэнсис ничего не понял. Впрочем, сейчас он и по-английски ничего не разобрал бы. Фрэнсис не отрываясь смотрел на сына, на его мертвенно-бледное лицо и застывшую фигуру. Казалось, он пытается тронуться с места, но что-то ему мешает.

Фрэнсис повернул голову.

— Погодите...

Крепкая хватка на его горле чуть ослабла, так что он смог произнести:

— Погодите, Тэлбот. Я готов дать вам обещание.

Наступило молчание. Фрэнсиса отпустили.

Мальчик все еще стоял на пороге. Хамфри, улыбаясь, потрепал его по плечу.

— Что ты так смотришь, словно дикаря увидел, малыш? Что с тобой, право? Ты что, впервые видишь, как приятели ссорятся? Да и все кончено: просто не хотелось, чтобы ты подходил, еще задела бы ненароком. — Он повернул голову к Фрэнсису, все так же улыбаясь, добавил: — А вы уже не тот, Ловел. Двадцать лет назад мне бы вас не удержать.

Он подмигнул кузине. Та гладила сына по шелковистым волосам.

— Не надо было тебе вставать, Уилл, — сказала Анна. — Что, сон дурной приснился?

— Нет, просто что-то слышалось, вроде... — Голос мальчика осекся. Видно было, что он старается понять, что же все-таки происходит. Фрэнсис, тяжело дыша, оперся о спинку кресла. Мальчик метнул на него вопросительный взгляд, но тут же уткнулся глазами в пол. Перевязанные сумки были свалены в кучу у окна. Дэви незаметно затягивал узлы. Словно сообразив, что в них может находиться, мальчик через всю комнату побежал к Тэлботу и уткнулся ему в живот.

— Вы уезжаете, сэр? Возьмите меня с собой, я хочу уехать вместе с вами и Дэви...

Хамфри посмотрел в глаза его отцу. Они почернели, словно угли, веки тяжело набухли. Помолчав мгновение, рыжеволосый ответил:

— Боюсь, ничего не выйдет. Я ведь говорил тебе, что когда-нибудь мне придется уехать, правда? Вот этот день и

настал. А теперь возвращайся в постель. Давай, давай, Уилл, иди и не плачь, ведь ты уже не младенец.

Это подействовало. Кое-как мальчика удалось выпроводить из комнаты, рыдания постепенно затихли.

Задумчиво поглядывая на застывшую фигуру Фрэнсиса, Хамфри сказал:

— Ну что ж, Ловел, полагаю, можно сказать, что мы квиты. — И грубо добавил: — А на что другое, черт побери, вы могли рассчитывать? Что он о вас знает? Вы для него — только слезы матери, и, видит Бог, у нее были причины для них. Вы что, надеялись стать ему настоящим отцом, забрав отсюда?

Фрэнсис почувствовал какой-то странный зуд в ладони и только тут сообразил, что до сих пор держит нож. Он с трудом разжал застывшие пальцы, и нож упал на пол.

— Я не намерен выслушивать ваших нотаций по поводу воспитания моего сына, Тэлбот.

— Фрэнсис, — прошептала Анна. Она протянула к нему руки, и при этом движении халат распахнулся — показалась смятая ночная рубаха. Анна двинулась было к нему, но ее остановил острый взгляд мужа.

— Прикройтесь, мадам. Что-то я сейчас не в настроении.

Хамфри шагнул вперед, остановился и, побледнев, обнял Анну за плечи. Губы ее беззвучно шевелились. Хамфри повел кухню к двери, она прижимала ладонь ко рту. У двери Хамфри остановился и взял лицо Анны в ладони.

— Дорогая, мне надо ехать. Не стоит спускаться вниз, мы слишком долго искушали судьбу, и она может от нас отвернуться, если станет известно, что вы дали мне убежище. Бог вознаградит вас, кухня, — я, к сожалению, не могу. А теперь прощайте и помните, что я сказал: Шрусбери — ваш родич. Я напишу ему. — Он не сводил глаз с ее побледневшего лица. — Я полюбил вас, Анна, когда вы были

еще совсем ребенком. Как жаль, что тех времен уж не вернешь. Я бы один-единственный час с вами не отдал за все золото Франции.

Он прижал ее руку к своей щеке и легким движением подтолкнул к двери. Глядя ей вслед, Хамфри коротко бросил Дэви:

— Ступай, когда надо, позову. — Он повернулся к Фрэнсису: — Ловел, мне нужно с вами поговорить.

— Не стоит испытывать мое терпение слишком долго, Тэлбот, — хриплым голосом отозвался тот. — Я пообещал, что дам вам свободно уехать. И свое слово сдержу.

— Да уж пожалуйте, милорд. Здесь две двери, а между вами и вашими друзьями мы с Дэви. Попробуйте только пикнуть, и не скоро вам удастся воспользоваться их помощью.

Хамфри подобрал с пола кинжалы, один он сунул в ножны, другой швырнул во двор и двинулся к двери, ведущей в холл. Фрэнсис бессознательно отметил, что Хамфри сильно изменился за прошедшие годы, разве что волосы остались рыжими.

Раньше, рассуждал про себя Фрэнсис, и фигура и лицо у него были потяжелее, а губы — всегда готовы искривиться в презрительной усмешке. Теперь от нее и следа не осталось, светлые глаза его горели, он сильно похудел.

— Ловел, — неожиданно вновь зазвучал голос Хамфри, — ваша жизнь только что висела на волоске, а точнее, на кончике моего кинжала, и если вы думаете, что я не пустил его в ход из любви к вам или из боязни нарушить покой тех, кто храпел неподалеку, то заблуждаетесь. Но есть у меня в жизни главное — мир и покой кухни. Немало испытаний выпало на мою долю с тех пор, как вы выставили меня из Англии, и чего бы я только не отдал, чтобы сделать вас рогососцем в вашей собственной мягкой постели — а возможностей за последнюю неделю у меня было хоть отбавляй. Только,

увы, жена ваша любит меня совсем не той любовью, что я ее. Она дала мне приют из милосердия и еще потому, что когда-то я походил на ее брата; но для нее всегда существовал и всегда будет существовать только один мужчина — вы, что заставляет меня искренне жалеть ее. Странное племя женщины, — Тэлбот мерзко усмехнулся, — полагаю, ваш богатый опыт подтверждает это.

Фрэнсис тяжело дышал, стараясь взять себя в руки. Он посмотрел на потухший камин, пошевелил ногой золу. Слова, произнесенные Тэлботом, отскакивали от него, словно шарики от твердой поверхности, — лишь какое-то эхо достигало его ушей, он испытывал сейчас только ощущение холода.

Хамфри раздраженно одернул камзол и провел рукой по волосам.

— Анна вовсе не приглашала меня сюда. Я был в Глостершире с того самого времени, как восстал Бэкингем, да и после его поражения пришлось немного задержаться, были всякие мелкие дела. Но тут ваши друзья что-то уж больно зашевелились, пришлось бежать. Вообще-то мы направлялись в Уэльс, но из-за нерасторопности Дэви лошадь ночью угодила в кроличий капкан и повредила ногу. Оксфордшир был относительно недалеко, и я знал, что здесь можно надежно укрыться. К тому же я в любом случае хотел повидаться с Анной. — Он запнулся, разглядывая ногти. — Не знаю, имеет ли это для вас значение, но мальчик лишь по случайности узнал, что я здесь. Однажды он застал нас совершенно врасплох — пошел искать маму, ведь он все время цепляется за ее юбку. Поздновато для его возраста, если вы, конечно, не хотите, чтобы он превратился в девицу. — Хамфри засмеялся. — Впрочем, он начинает подавать некоторые надежды. От вас в нем не много, разве что лицом похож.

— Считайте как вам заблагорассудится, — беззвучно произнес Фрэнсис.

Хамфри кошачьей походкой подошел к окну и откинул

штору. Лужайку освещала луна, на стенах появились следы первых заморозков. Время шло, и Хамфри понимал это, но он беспокоился за Анну и сейчас, во время этого разговора, почему-то волновался — даже ладони его стали влажными. Плотнo сжав губы, он задернул штору, повернулся к Фрэнсису, стоявшему все так же неподвижно, и сказал:

— В общем, главное, что я хочу сказать вам, Ловел, — Анна не несет никакой ответственности за то, что случилось нынче ночью. Ладно, ближе к делу, я и так потерял массу времени: не вздумайте обижать мою кухню. Даже сейчас, когда Англию захватил Глостер, у нее здесь есть друзья, и вам придется пожалеть, если граф Шрусбери узнает, что вы скверно с ней обращаетесь. Запомните это.

Фрэнсис медленно оторвал взгляд от почерневшего камина. Он оценивающе посмотрел на застывшее лицо Хамфри, и губы его изогнулись в зловещей улыбке.

— Как я обращаюсь с женой — мое дело, Тэлбот. Ни вас, ни Шрусбери это никоим образом не касается.

Тэлбот пристально посмотрел на соперника. Глаза его походили на гальку, выбеленную морской волной.

— Формально, возможно, вы и правы. Но все равно, имейте в виду, что я сказал. Да, Ловел, вы сейчас высоко взлетели, — в домах, где мне приходилось останавливаться, вас называют верным псом, который безотказно выполняет все приказы хозяина и преданно виляет хвостом, когда ему швырнули кость. А что скажет хозяин, если ему вдруг станет известно, что вы отпустили с миром слугу Генри Тюдора?

— Вы слишком преувеличиваете собственное значение, — хрипло сказал Фрэнсис. — Благодаря Бэкингеу король Ричард хорошо знает, где находили приют друзья Тюдора. Я сомневаюсь, что он лишится сна, узнав, что вы исчезли. Да и Шрусбери нет нужды беспокоиться. Я сам все расскажу королю, когда увижусь с ним, а это будет не ранее чем через неделю.

— Вы так уверены в этом? А я бы на вашем месте поостерегся, хотя мои провинности куда как легче. Если бы камни могли говорить, они поведали бы голосом кровных родственников, каким милосердным умеет быть Ричард.

— Бэкингом был предателем, которого схватили во всеоружии. Он что, ожидал, что наградой за предательство ему станут объятия?

— А кто говорит о Бэкинге? — Хамфри подошел поближе, он ощерился, как волк. — Но камни молчат. И не надо притворяться святой невинностью, Ловел. Дети короля Эдуарда погребены под плитами Тауэра, об этом Бэкингом сообщил нам из Уэльса еще три месяца назад. А почему иначе, скажите на милость, мадам Вудвил решила присоединиться к нам — ей надо было покарать убийцу.

В ушах у Фрэнсиса оглушительно зазвенело.

— Это ложь... — едва слышно произнес он.

— Да что вы мне толкуете? Ведь у Генри Тюдора открылся прямой путь к трону, когда миледи Стэнли послала Льюиса в Вестминстер с этой доброй вестью. А до той поры она вряд ли могла рассчитывать на то, что ее сыну что-то светит.

Фрэнсис сцепил пальцы. Кровь колотилась у него в висках, волны тошнотворной ярости покатались по всему телу, руки инстинктивно сжались, готовые схватить врага и уничтожить его. Фрэнсис вспомнил настороженную тишину в Вестминстере, луч света, упавший на королевскую корону; он вспомнил дорогу в Глостершир, приветственные возгласы толпы, гирлянды, Бэкингема, излучавшего радость и счастье. Фрэнсис вспомнил и Линкольн: он вымок под дождем с головы до пят, на колени перед ним опустился гонец, и он понял, что случилось несчастье. Но это были только цветочки, только первые глотки из бездонной бочки Бэкингемова яда.

Фрэнсис вдруг ощутил прикосновение чего-то холодно-

го. Он и не помнил, как подошел к окну и стоял, прижавшись к нему лбом, уже Бог знает сколько времени. Он смотрел невидящими глазами во двор. Наконец к нему вернулся дар речи.

— Ну ладно, Тэлбот, довольно. Когда-то я дурно обошелся с вами. Теперь возвращаю долг. Убирайтесь к себе в Бретань, я вас преследовать не стану. Но упаси вас Бог вновь ступить когда-нибудь на английскую землю, ибо, помяните мое слово, я тогда хоть из-под земли вас достану, пусть мне понадобится для этого целая армия.

И снова он куда-то провалился: потом Фрэнсис не мог вспомнить, что произошло между ними до того, как позвали Дэви и открыли ворота. Кажется, Хамфри вновь говорил об Анне, но если и так, голос его слился с другими и все эти звуки поглотила ночь. Издали донесся скрип петель. Фрэнсис остался один.

Пламя догоравших свечей отразилось на стене тусклым узором, по комнате гулял холодный ночной ветер. Где-то далеко послышалось ржание лошади. Наверное, Хамфри и его люди спрятали своих коней в лесу, иначе бы грумы наверняка заметили их в конюшне.

Фрэнсис чувствовал острую потребность деятельности, он больше не мог сидеть сложа руки. Он медленно пересек комнату, поправил стул с высокой спинкой, аккуратно перешагнул через разбросанное по полу тряпье. Дэви оставил дверь в холл полуоткрытой; Фрэнсис собрался было захлопнуть ее, но услышал в кромешной темноте чье-то прерывистое дыхание. На лестнице в узкой полоске света мелькнула ночная рубашка и босые ноги. Фрэнсис отпрянул, но Анна, поднимаясь по ступенькам, упорно повторяла его имя, он откликнулся, тогда Анна взяла его за руку. При ее прикосновении по всему телу у него пошли мурашки. Фрэнсис хотел оттолкнуть Анну, но получилось так, что ударил ее по щеке.

Упасть ей не позволила стена. Она оперлась на нее, при-

жала руку к лицу и, словно не веря самой себе, изумленно смотрела на мужа. Он быстрыми шагами пошел в гостиную и резким движением закрыл дверь на обе задвижки — верхнюю и нижнюю. Затем он долго стоял, прислушиваясь к топоту копыт удалявшейся кавалькады. Вскоре все звуки исчезли, наступила полная тишина.

Глава 21

Ранней весной Гилберт Секотт послал в Вестминстер за Хью. В письме Филиппу, отправленном с тем же гонцом, он писал, что закончил переговоры относительно женитьбы своего сводного брата. Партия удачная, у невесты богатое приданое, и она всего на год или около того старше жениха. Филипп проводил племянника, передав с ним красивый свадебный подарок для госпожи Марджори. Он посетовал, что сам не сможет присутствовать на торжестве: пока Фрэнсис не вернется с севера, Филипп должен исполнять его обязанности и не может отлучиться из Вестминстера.

Филипп скучал по парнишке куда сильнее, чем мог предполагать, но что поделаешь, срок его подошел, оставалось только надеяться, что Марджори окажется достойным приобретением и сможет отвлечь его от более опасных приключений. Ведь всего несколько дней назад Филипп был свидетелем того, как Хью украдкой пробирается в зашторенный альков — и не один. Туда, правда, многие удалялись из большого зала, и на этот раз никто не обратил внимания на исчезновение юноши, но Филипп успел заметить, с кем был племянник, и, когда тот, словно ничего не произошло, появился за ужином в дядиных покоях, строго отчитал его: это же чистое безумие — прятаться по углам с племянницей короля. Леди Сесилия, недавно вернувшаяся с сестрами из своего заточения, находилась при дворе под присмотром дяди-коро-

ля Ричарда III, и трудно предположить, что ему могут понравиться такие шашни дочери своего брата. Филипп строго-настрого приказал Хью прекратить общение с юной Сесилией. Перси, заглянувший к Филиппу под конец неприятной сцены, тоже заметил, что надо бы три шкуры содрать с этого сорванца.

— Неужели он, черт возьми, не понимает, что могло случиться, если бы его заметили? Ведь наверняка сказали бы, что это вы его подучили. В хорошеньком же вы оказались бы положении! Для многих здесь это был бы неплохой подарок. Так и вижу, как Стэнли потирает руки.

— Да черт с ним, с Томом Стэнли, они с братом готовы во все тяжкие пуститься, лишь бы только насолить мне. Меня Хью беспокоит. Ему только четырнадцать, а приманок здесь хватает, и все они не для него.

— Ну, если точно говорить, таких приманок пять, — зевнул Перси. — Говорят, госпожа Сесилия уже обещана в жены милорду Уэльсу; и на месте короля я бы и остальных, начиная со старшей, пристроил как можно быстрее. По слухам, Тюдор рвет и мечет при одной мысли о том, что эта добыча может уплыть от него.

— Ну, этими подсчетами можно сколько угодно заниматься, Роб; ясно только одно — девушка должна быть признательна своему дяде.

При входе во внутренние покои они столкнулись с Эштоном, сразу же устремившим взгляд в противоположный конец комнаты, где в окружении дам из свиты королевы сидела Елизавета Йорк, старшая дочь покойного короля. Веки ее были опущены, руки скромно сложены на коленях, но из-под ресниц проступали голубые тени, а высокий парик, словно по небрежности, был немного сдвинут, чтобы были видны завитки золотистых, как пшеница, волос. Перси ухмыльнулся и отвел взгляд — как раз вовремя, чтобы заметить приветственный жест молодого человека.

— А, это вы, Рассел? А я думал, вы с Ловелом в Йорке.

— Нет, сэръ Роберт, я ездил в Оксфордшир за сыном милорда. Он ведь отправляется на обучение в Миддлхэм.

Гарри Рассел дружески улыбнулся Филиппу. Это был крепко сбитый молодой человек, один из йоркширских соратников Фрэнсиса; раскрасневшиеся на ветру щеки придавали ему совсем юношеский вид, словно он и не повзрослел с тех времен, когда был оруженосцем.

— Когда король тронется на север, мы будем с вами, сэръ. Лорд Ловел передает для казначея деньги. Он встретится с его величеством в Ноттингеме. Я везу с собою письма милорду от его управляющего. Миледи здорова. Правда, ее время от времени тошнит, но думаю, что такая хворь только порадует милорда. — Увидев, как удивленно у Филиппа поднялись брови, он рассмеялся. — Да нет, почти ничего еще не заметно, но у меня своих уже двое, и третий на подходе, так что признаки мне известны.

Уилл явно чувствовал себя не в своей тарелке среди одних незнакомых взрослых. Попозже, представившись королю, он отправится с Расселом на ужин в общий зал: лишь немногие удостоивались чести разделить трапезу с королем в его личных покоях. Филипп улыбнулся крестнику и собрался было перекинуться с ним парой слов, когда у двери, ведущей во внутренние покои, возникло какое-то движение, и озабоченные привратники принялись поспешно рассаживать гостей по местам. Под звуки труб и шорох дамских платьев, склонившихся в почтительном реверансе, вошли король с королевой. Филиппу пришлось ограничиться прощальным дружеским взглядом. Он подумал, что мальчику здесь, должно быть, очень одиноко — стоит потом отыскать Рассела и предложить, чтобы Уилл последнюю ночь перед отъездом в Ноттингем провел у него в апартаментах. Но ужин затянулся, а Филиппу предстояло еще проверить, все ли в порядке в спальне короля, да обойти ночную стражу. К тому времени,

когда Филипп наконец освободился, было уже очень поздно, Рассел со своим подопечным ушли спать.

Несколько дней спустя впечатляющая кавалькада — всадники и громоздкий обоз — выехала из Вестминстера; до конца лета двору предстояло разместиться в Ноттингеме. Генри Тюдор вернулся в Бретань и теперь бомбардировал переменчивого в своих настроениях герцога просьбами о помощи в организации нового английского похода. Ричард решил, что за маневрами противника лучше наблюдать с более близкого расстояния.

Елизавету Йорк и ее сестер с собой не взяли, перед отъездом король самым изысканным образом распрощался с ними, эту сцену с интересом наблюдала не одна пара глаз. Внезапное решение Елизаветы Вудвил оставить Вестминстерское аббатство и вверить судьбу дочери Ричарду поразило буквально всех: ведь только полгода назад она, впад в истерику, обещала старшую в жены Тюдору. Тем не менее случилось то, что случилось. Филипп подозревал, что состоялась в высшей степени конфиденциальная встреча Ричарда с Елизаветой. Однажды вечером слуга, охранявший вход во внутренние королевские покои, был отпущен без объяснения причин. В ту ночь даже для Филиппа дверь оказалась на замке, но он не верил, что Ричард был у себя. Два дня спустя дочерей короля Эдуарда встречали при дворе короля, а подчеркнутые знаки внимания, оказанные им, стали новым поводом для пересудов. Даже малышка Бриджет, уютно устроившаяся на груди своей няни и на прощанье махавшая всем ручонкой, удостоилась улыбки, которую нечасто можно было увидеть последнее время на суровом лице короля. Некоторые открыто говорили, что он все никак не может пережить предательства Бэкингема, и дивились, зачем так долго помнить эту презренную личность. Филипп тоже заметил, что короля все время что-то гнетет. Однажды Филипп поднял с пола лист бумаги, упавший с рабочего стола Ричарда. Это

был перечень подношений приближенным лицам. Во главе списка стояли Нортумберленд и Стэнли — их поощряли как никого, за вычетом, пожалуй, Бэкингема. Если и этого недостаточно, то они поистине ненасытны. В середине списка значилось имя кузена. Филиппу стало не по себе. Оставалось только выбросить этот листок и молить Бога, чтобы Фрэнсис никогда не узнал о его существовании.

Была ранняя весна, стояла чудесная погода, процессию встречали толпы людей. Всю зиму страна прожила в мире, народ любил нового короля и с готовностью выражал свою любовь. Но постепенно энтузиазм стал убывать. Люди привыкли, что предыдущий повелитель Эдуард охотно откликался на их приветствия, а размахивать шляпами и выкрикивать слова любви и преданности при приближении человека, который едва замечал их, было неприятно. Длинная процессия медленно продвигалась вперед — стучали копыта, скрипели колеса обозных телег. Люди смотрели им вслед и, разочарованные, расходились по домам.

— Что же, черт возьми, его терзает, — пробормотал как-то Эштон, когда Ричард в очередной раз, едва дождавшись конца ужина, удалился в свои покои. Анна вообще не появилась. Путешествие сильно утомляло ее, она выпила всего лишь немного вина перед тем, как отойти ко сну.

Удивленный, Перси лишь пожал своими могучими плечами:

— А Бог его знает — ну, может, еще и Филипп Ловел. — Он подбросил яблоко, поймал его острием ножа и принялся срезать кожуру. — Сэр Джеймс, если у вас есть дела к королю, сегодня вечером его лучше не беспокоить.

Тайрел в этот момент говорил что-то привратнику, поглядывая на лестницу, которая вела на второй этаж. Услышав слова Перси, он повернул к нему свое смуглое, бесстрастное лицо.

— Это насчет лошадей на завтра, сэр Роберт. Ее Вели-

чество устала и велела, чтобы подали носилки. Поскольку это нарушает порядок прохождения процессии, королю нужно знать.

— О Боже правый, и вы собираетесь беспокоить его по таким пустякам? Да у него же целый двор на то существует. Поговорите с Ловелом, если уж сами не можете решить такую сложную проблему.

Не делая ни малейшей попытки скрыть свое презрение, Перси продолжал чистить яблоко. Тайрел исподлобья взглянул на Эштона, подбрасывавшего монетку, и что-то мелькнуло в его неподвижных глазах. Он медленно произнес:

— Сэр Филипп Ловел начал мне действовать на нервы. По какому праву он стоит между королем и рыцарями-телохранителями? Какую должность он занимает, какие услуги оказывает, чтобы его ставили выше всех нас?

Наступило гробовое молчание. Тайрел всегда считался чудачком, над которым не подшучивал только ленивый. Если бы сейчас в зале вдруг рухнула колонна или заговорила мебель, это, наверное, не привлекло бы такого внимания присутствующих, как монолог Тайрела. Мужчины, сидевшие неподалеку, прервали беседу и прислушались. Перси с окаменевшим лицом встретил яростный взгляд Тайрела.

— У Филиппа есть одно прекрасное достоинство, Тайрел: он не навязывается, когда его не хотят видеть. Вам бы следовало у него поучиться. Что касается должности, у него есть то, чего он сам захотел. И всем нам прекрасно известно, что в любой момент он, опять-таки если захочет, может подняться на любую высоту. В общем, Тайрел, я поискал бы другого недруга, если вам так уж хочется угодить королю.

— Другие тоже неплохо служат Его Величеству, еще и получше Довела, да только не говорят об этом на каждом углу и не лезут на глаза, выпрашивая награду. И я не нуждаюсь ни в вашем совете, ни тем более в совете Филиппа Ловела, как мне лучше услужить королю.

У Тайрела от злости и напряжения даже челюсть заходила ходуном. Он напоминал загнанного быка — голова была опущена, он весь трясся от ярости. Перси постепенно бледнел, хотел было подойти к нему, но тут вмешался Рэтклиф.

— За их плечами давняя дружба, Тайрел, — сказал он спокойно. — Роб всего лишь имел в виду, что Филипп понимает Его Величество лучше других.

Казалось, что Тайрел вот-вот расхохочется. Он откинул назад голову, губы его искривились. Но в последний момент он овладел собой, резко повернулся и быстрыми шагами вышел из зала.

— Совсем спятил, — пробормотал Эштон, откидываясь на спинку стула. — Спорим, Роб, — чет-нечет, — что и года не пройдет, как он окажется там, где ему и полагается быть.

Перси щелкнул пальцами, принял от подбжежавшего пажа флягу с вином и подбросил монетку.

Неделю спустя они прибыли в Ноттингем. Ричард тепло приветствовал Фрэнсиса, выехавшего из замка ему навстречу. Филипп, вспомнив о попавшемся ему на глаза клочке бумаги, подумал, что, может, радушие это — есть форма покаяния, и от души порадовался за кузена. Расселу и Уиллу пришлось подождать — прошло немало времени, пока Гарри удалось отвести в сторону лорда-камергера. Ему был передан пакет от управляющего. Филипп видел, как Фрэнсис о чем-то переговаривается с посылным, но по выражению лица кузена определить ничего не мог. Тем временем Уилл тихонько дожидался, пока отец обратит на него внимание. Наконец Фрэнсис заметил сына, обнял и сказал, что король сам отправляется в Миддлхэм в следующем месяце провести принца Уэльского; Уильям поедет с ним, а до тех пор пусть соблаговолит вести себя подобающим образом. Мальчик повиновался, но говорил шепотом, так что его едва можно было расслышать. Фрэнсис взглянул на его детское личико, и черты его смягчились. Можно, конечно, думал он, по-

слать сына в сопровождении Рассела прямо сейчас, не дожидаясь следующего месяца, должно быть, Уиллу так будет даже легче, но, с другой стороны, выглядеть это будет глуповато, — ведь он и сам скоро отправится туда. К тому же, побыв здесь, сын, может быть, одумается и взглянет на вещи по-иному.

Продолжался пост, и это накладывало отпечаток на жизнь двора — меньше было празднеств и веселья, но было какое-то приятное предчувствие перемен. Несмотря на тяжелые мысли, постоянно преследовавшие Ричарда с момента отъезда из Вестминстера, приближение поездки в Миддлхэм радовало его: предстояла встреча с сыном, которого он не видел полгода. Наступила Пасха, зацвели каштаны, боярышник. Начался сезон охоты, появились бродячие трупы. Так шли день за днем...

Ночью сгустились облака, на рассвете полил дождь.

В большом зале рядом с камином сидела королева, окруженная придворными дамами, одна из которых читала вслух. Несколько пар танцевали. На возвышении, среди рыцарей, сидел Ричард, рассеянно наблюдающий за происходящим.

Дождь только что прекратился, но по оконным стеклам все еще стекали струйки воды. Послышался топот копыт — кто-то въехал во двор замка. Всадник, промокший до нитки, соскочил с коня и заявил, что срочно должен видеть короля. Он не успел ни вытереть лицо и руки, ни переодеться — вошел в зал в грязном плаще, подошел к королю и припал перед ним на одно колено. Ричард с улыбкой посмотрел на гонца: он из Миддлхэма, не было человека при дворе его сына, наследного принца Эдуарда, которого Ричард не знал бы по имени или в лицо, — ведь он лично отбирал тех, кому вверял воспитание и охрану мальчика.

— Снова письма от милорда Эдуарда? Придется ему еще немного потерпеть, мы выезжаем из Ноттингема только через две недели. — Он протянул руку, но гонец не пошеве-

лился. Это был молодой человек, один из выбранных Ричардом оруженосцев, что состояли в свите его сына.

Он заговорил, запинаясь, с трудом подыскивая слова.

— Никаких писем от принца у меня нет, Ваше Величество.

— Тогда от лорда-камергера? В этом случае вряд ли есть смысл отвечать, вы ненамного нас опередите, Робин... — Улыбка постепенно сползала с лица Ричарда. — Что-нибудь?.. — Он осекся. — Мой сын — заболел?

Посланец поднял лицо: оно было влажным. “Наверное, от дождя, — успокаивая себя, подумал Фрэнсис. — Что за безобразие, почему ему не дали полотенца вытереться перед тем, как появляться перед королем?” Дождь с новой силой забарабанил в окно.

— Не вздумайте лгать мне, — медленно произнес Ричард.

Все еще не поднимаясь с колен, юноша обвел горестным взглядом склонившиеся над ним напряженные лица.

— Ваше Величество... — Мокрый плащ соскользнул с его плеч — все увидели траурное платье.

Слившийся воедино стон присутствующих свидетельствовал о том, что страшная весть дошла. В сумке молодого оруженосца лежало письмо, но нужды в нем уже не было. Запинаясь после каждого слова, он рассказал, как все произошло. Это была старая болезнь — лихорадка, но на сей раз слабость была особенно большой, к тому же никак не проходила. Поначалу казалось, ничего страшного нет, принц даже гневался на врачей, которые настаивали на том, чтобы сообщить об этом королю. Он уверял, что, когда Их Величества приедут, он сам встретит их у ворот. Но в последние дни он поднимался с постели все реже и реже. Принц подходил к окну и тоскливо смотрел на фожную дорогу. Но вот пришел день, когда он вообще не смог встать. Это все от усталости, уверял он, вот, мол, полежу денек, посплю побольше, и завтра

буду здоров. В тот же вечер, незадолго до вечерней молитвы, он умер.

Едва слышный голос гонца умолк. Ричард за все время рассказа не шевельнулся. Он застыл, словно встретился лицом к лицу с мстившим ему за что-то врагом, и он, Ричард, был в этой схватке безоружным. Губы его слабо шевельнулись. Те, кто стоял ближе всех, услышали почти беззвучное:

— О Боже милосердный...

— Ваше Величество... — Тайрел, опережая остальных, рванулся вперед и положил тяжелую руку на плечо короля. Ричард невидящими глазами смотрел на него. Похоже было, что он не узнавал Тайрела, не слышал его слов и вдруг с чудовищной силой отшвырнул его в сторону. Потом, когда убирали остатки маленького столика, увидели, что они забрызганы кровью.

— Дикон... — раздался испуганный голос жены. Ричард повернулся к ней, словно готов был встретить взгляд палача. Глаза ее остановились на письме, которое выглядывало из сумки гонца. Филипп все понял, вскочил, чтобы поддержать ее, но не успел: Анна пошатнулась и упала, беспомощно раскинув руки.

Глава 22

В июле король и его свита находились в Скарборо, был снаряжен флот, чтобы раз и навсегда положить конец амбициям шотландцев. Джеймс Стюарт вернул свои потрепанные корабли домой и выразил готовность подписать долгосрочное мирное соглашение.

— Как, опять? — спросил Перси. Впрочем, новости были хорошие. Генри Тюдор, судя по всему, этим летом в Англию носа не сунет. Он покинул Бретань как раз вовремя, иначе угодил бы под такую неусыпную опеку, как в Ренне при

покойном короле Эдуарде. Его приняли и обласкали при французском дворе. Людовик умер, но хитроумная Анна Де Божё, регентша при болезненном отпрыске покойного короля, рассчитывала, что, уладив отношения со своей строптивой знатью, она сможет найти такому гостю неплохое применение.

Решив шотландские дела, Ричард отправился в Лондон в сопровождении небольшой конной свиты. Двор в основном остался с королевой в Ноттингеме. Фрэнсису же предстояло совершить небольшую поездку в Уилтшир. Недавно он стал управляющим поместьями герцогини Йорк, сменив на этом посту Колингбоурна из западных графств, тот был замечен в слишком тесных связях с Генри Тюдором. Колингбоурн, по слухам, бежал во Францию.

В Лондоне Ричард остановился в замке Уордруб. Свита его была невелика на сей раз. Возможно, потому что король привез сюда из Понтефракта Джона Глостера, своего незаконного сына. Это был высокий, хорошо сложенный юноша несколькими годами старше покойного сводного брата, принца Эдуарда. Казалось, этот цветущий молодой человек одним своим видом оскорблял траур, в котором пребывал отец. Ричард держал сына при себе, присматривал за ним, давал кое-какие мелкие поручения — исполнялись они быстро и точно, Джон Глостер явно дорожил расположением Его Величества.

Пришло известие от сестры Джона — Кэтрин, она сообщила отцу и брату о своей помолвке с графом Хантиндоном. Славный и покладистый молодой человек Уилл Херберт и мечтать не мог о таком богатом приданом, которое Ричард дал за своей дочерью. Но и жених, со своей стороны, не давал повода невесте жаловаться на выбор отца. Помимо всего прочего, граф был рад сменить обстановку. Роберту Перси он по-дружески признался, что предпочел бы спать с голой задницей на колючей крапиве, чем каждый день выставлять по несколько часов в приемной Его Величества.

За пару недель до этого, рано утром, лондонцы, жившие недалеко от собора Святого Павла, были разбужены громкими ударами молотка. Самые нетерпеливые поспешно сбросили ночные колпаки и вышли на улицу, но к тому времени все уже стихло. Недовольно ворча, они вернулись в постель. Кусок пергамента, приколоченный к двери собора, развеялся на ветру, пока сконфуженная стража не увидела, как монах в потрепанной одежде читает его содержание небольшой группе лондонцев. Приехавший шериф сорвал со стены бумагу и отправил ее лорду-мэру. Тот решил, что лучше самому доставить его в Уордроуб, пока кто-нибудь не донесет королю о том, что у него на столе лежат провокационные документы. Слуга, передавший королю эту бумагу, тоже чувствовал себя неудобно. Переминаясь с ноги на ногу, пока Ричард был занят чтением, он клял судьбу за то, что сэр Филипп Ловел, которому всегда лучше других удавалось сгладить подобные ситуации, был на южном побережье. Там, как всегда в эту пору, оживились пираты, что вызывало страх и недовольство жителей портовых городов.

Впрочем, Ричард лишь бегло взглянул на исписанный листок и бросил его на стол. Не первый раз на этой неделе он видел этот бойкий задиристый почерк. Автора этих писулек пока безуспешно разыскивали люди короля — колкий текст, который Уильям Колингбоурн выставил на всеобщее обозрение, прикрепив к двери собора Святого Павла, не столько разгневал, сколько огорчил Ричарда. Придворные не разделяли его настроения. Вернувшись в Лондон, Фрэнсис и Филипп встретились в дворцовом зале и обнаружили, что атмосфера там предельно накалена. Перси, багровый от ярости, прервав разговор с приятелями, поспешил им навстречу.

— Тут для вас неплохой подарок. Уже слышали о последних литературных упражнениях Колингбоурна?

Фрэнсис, которому был адресован этот вопрос, равнодушно ответил:

— Откуда же, я ведь был в Уилшире. А что, разве он не во Франции?

— Если бы. Нет. Он здесь, в Англии, и вступил в переписку с Тюдором: мы поймали его гонца с письмом. Используя свое недавнее положение при дворе герцогини Йорк, сэр Уильям призывает Тюдора уже этой осенью снарядить флот. Он советует миледи Божё оставить всякие сомнения и поддержать его, ибо король Ричард при первой же удобной возможности собирается объявить ей войну. Этого-то гонца, повторяю, мы поймали, но сукин сын наверняка продублировал послание, так что прахом могут пойти все попытки Лэнгдона убедить французов сохранять спокойствие.

Филипп только присвистнул. Он знал, какие надежды возлагал Ричард на эти переговоры с французами. Миссия Лэнгдона была трудной с самого начала — во Франции не забыли, что девять лет назад герцог Глостер выступал против такого мира.

Перси взял что-то со стола.

— И это еще не все. Этот господин занялся стихотворчеством. Взгляните, милорд, это вас касается.

Фрэнсис без особого интереса взял скомканный лист бумаги и пробежал его глазами. Заметив, как кузен напрягся, Филипп заглянул через его плечо. Под неуклюжим изображением вепря — эмблемы Ричарда — были нацарапаны строки:

Крыса, кот и Ловел-пес
Правят нами, а король — барбос.

Наступила пауза. Рэтклиф хладнокровно полировал ногти, за его спиной виднелось чопорное личико Уильяма Кэтсби — он вспыхнул буквально до корней волос. Фрэнсис тоже медленно наливался кровью.

— Кузен, тут вроде кого-то пропустили, — заметил Филипп, лениво ощипывая кисть винограда.

Кто-то нервно рассмеялся. Свернув лист бумаги в трубку, Фрэнсис произнес ледяным голосом:

— Не думаю, — и тут же добавил: — Пусть этот Колингбоурн лучше уезжает из Англии. Слишком много он стал себе позволять! — Фрэнсис замолчал, но Филипп видел, что стишок его сильно задел.

Позднее, когда все расходились на ночь по своим комнатам, Филипп задержался у апартаментов кузена.

— Слушайте, Фрэнсис, это ведь мелкая, гадкая месть, вы отняли у него место в Уилтшире. Неужели надо обращать внимание на этого сморчка?

Фрэнсис пожал плечами, покачал головой и, поколебавшись немного, достал из кармана сложенный вдвое конверт.

— Раньше я не говорил вам. Я получил это в Уилтшире. Наверное, меня можно поздравить.

Голос его прозвучал как-то странно. Пока Филипп читал послание, он стоял отвернувшись. В письме, выдержанном в весьма осторожном тоне, управляющий сообщал, что миледи благополучно разрешилась девочкой. Но сама эта сдержанность невольно настораживала: все главное было сказано и в то же время автор письма выражался так, словно хотел остаться в стороне. Похоже, Анна не поручала своему секретарю сообщать мужу о таком событии, но управляющий тактично обошел это. В конце письма говорилось о здоровье миледи: роды оказались преждевременными, а потому нелегкими, так что, наверное, трудно ожидать, что миледи вполне оправится до дня святого Лаврентия.

Фрэнсис подошел к буфету, где были выставлены фрукты и вино.

Отложив письмо, Филипп спокойно спросил:

— Чего вы, собственно, от меня ожидаете?

— Да ничего, пожалуй. Ребенок — мой, а вы как думали? Несмотря на небольшие расхождения в сроках. Я вообще-то в таких делах полностью доверяю своей жене.

— Ну и на здоровье, — не удержался от замечания Филипп.

— Уверяю вас, не многие мужья в Англии могли бы с уверенностью сказать то же самое. — Фрэнсис протянул кузену кубок с вином и иронически посмотрел на странички, исписанные аккуратным почерком. — Скажем, прошлой зимой на пути в Йорк я остановился в одном доме. Хозяйка оказалась гостеприимной, а муж случайно был в отъезде. Когда я месяц назад встретился с ним в Лайкастере, он пил за здоровье новорожденного наследника — святая простота сродни глупости. Лично я сомневаюсь, что эта шлюха могла бы в точности назвать отца своего выродка.

Наступило молчание. Филипп не спеша потягивал вино, не отрывая внимательного взгляда от Фрэнсиса. Улыбнувшись, он поставил кубок на стол и похлопал Фрэнсиса по плечу.

— Ладно, поздно уже. Доброй ночи, кузен.

С его уходом в комнате стало совсем тихо, лишь из внутренних покоев доносился шум: это слуги готовили хозяину постель на ночь. Через полуоткрытую дверь было слышно, как они непринужденно перешучиваются. Гарри Рассел присматривал за ними.

Вздыхнув, Фрэнсис снова обратился к письму управляющего. Он все еще не ответил на него; завтра утром это непременно надо сделать, больше откладывать нельзя. Фрэнсис вспомнил, как отмечали рождение Уилла: было пиршество, дом полон гостей, пышные крестины; он специально заказал для Анны на этот случай бархатное платье с соболями — оно стоило целое состояние. Но жена того заслужила.

Взяв письмо, Фрэнсис поднес его к свече и, когда листок загорелся, бросил его на пол и затоптал. На следующий день он написал, как и собирался, управляющему, чтобы тот выполнял все указания миледи, ибо сам он не сможет присутствовать при крестинах дочери. Он хотел, чтобы ее назвали

Мод. В честь отдаленной родственницы, в незапамятные времена основавшей небольшой монастырь, рядом с которым первые Ловелы построили свой дом.

Покончив с ответом, он попытался больше не думать об этом. Но не получалось: Фрэнсис не мог забыть про письмо, он словно вновь и вновь перечитывал его, стараясь уловить истинный смысл. Странное это было послание, помимо неловкости, которая ощущалась в каждой строке, что-то еще задевало его, не давало покоя. Наверное, то, что было за текстом; то, о чем не написали. Фрэнсис долго не мог понять, чего именно не хватает. Наконец его осенило. Ничего не говорилось о самом ребенке, самой Мод: всего лишь скупая констатация факта рождения. Мысль эта все больше и больше угнетала Фрэнсиса. С приближением дня святого Мартина, когда королевский двор вернулся в Вестминстер, Фрэнсис нашел повод вновь отправиться на запад и, покончив с делами в Уилтшире, сообщил сопровождающим, что на обратном пути они заедут в Минстер-Ловел.

Фрэнсис прибыл в свое имение. О своем приезде он не предупредил, так что его никто не встречал, во дворе он увидел только голубей. Тому, что Анна не вышла, Фрэнсис был даже рад. Ему не хватало Уилла, который в таких случаях выглядывал из-за занавесок. Теперь сын был в добрых руках графа Линкольна. Недавно Ричард провозгласил его своим наследником. Таким образом, сыну своего родного брата Кларенса Ричард предпочел другого племянника — сына своей сестры Елизаветы Саффолк. Когда Уилла отправляли в Шериф-Хаттон, многие шутили: мол, поручает своего мальчика заботам будущего короля. На это Фрэнсис не обращал никакого внимания, он любил и уважал Линкольна и был уверен, что сыну с ним будет хорошо.

Появился управляющий, он захохотал, запричитал, что милорд никого не уведомил о своем приезде и теперь вот застал всех врасплох. Фрэнсис нетерпеливо махнул рукой, по-

яснив, что даже на ночь не останется дома — просто заехал по пути передать подарок для новорожденной. В излишних управляющего, проводившего его до холла, Фрэнсис уловил какую-то фальшь, но еще больше его насторожило выражение лица верного слуги.

Фрэнсис быстро поднялся наверх. Он миновал людскую, открыл дверь в детскую. “Хорошо бы, здесь не было Анны”, — подумал он. И действительно, в детской оказалась лишь нянька, мирно дремавшая у большой колыбели из мореного дуба. При звуке шагов она вздрогнула, виновато подняла голову, но Фрэнсис и не думал ее ругать. По его знаку она вышла из комнаты, заговорщицки подмигнув ему на прощанье.

Фрэнсис пересек комнату и склонился над колыбелью. Девочка тоже дремала, подложив под щечку кулачок; такой маленький, что Фрэнсис даже не поверил — Уилл был куда крупнее. Волосы у девочки были темные и пушистые, они торчали в разные стороны. Ничего, потом они станут густыми, заблестят, лягут тяжелым узлом на затылке. Он вспомнил, как ребенком восхищался роскошными волосами матери. Цвет волос малышки его немного смутил — он почему-то решил, что они должны быть светлыми. Все это успело промелькнуть у него в голове, пока девочка не заворочалась, она словно пыталась вылезти из тесных пеленок; ручка ее скользнула вниз, она перевернулась с бока на спину, лицом к Фрэнсису. У него застыло сердце. На маленьком личике ото лба до подбородка расплывалось огромное багрово-красное родимое пятно. Оно задевало даже шею.

Фрэнсис стоял словно пригвожденный, чувствуя позывы к рвоте. Его всегда угнетало уродство, в любых проявлениях, даже карликов при королевском дворе он ненавидел, и самые страшные раны, какие ему приходилось наблюдать во время пограничных войн, устрашали его меньше, чем увечные нищие на дорогах, демонстрировавшие свои болячки. Он

всегда швырял им монеты, чтобы побыстрее отвязаться. Но здесь-то монету не кинешь, здесь так просто не отделаешься.

Резко распрямившись, он инстинктивно отпрянул от колыбели. При этом звякнула золотая цепь у него на поясе, этот звук разбудил девочку. Она серьезно посмотрела на него, мигая от ударившего в глаза света, но ничуть, казалось, не смутилась при виде незнакомого лица. Уилл, снова припомнилось ему, был, несмотря на все усилия Анны, более робким. На металлической строчке ворота отразились солнечные лучи, и девочка, радостно воркуя, потянулась к нему своей маленькой ручонкой. Устыдившись собственного смущения, Фрэнсис протянул ей палец; малышка крепко схватила его.

Фрэнсис не мог бы сказать, сколько простоял у колыбели. Тяжелые мысли одолевали его. Конечно, он мог обеспечить ее так, что никакое замужество не будет невозможным и никакой замок — слишком роскошным; но легче от этого ему не становилось.

Да, остается церковь. Вот и ответ. Ну конечно же, только там ей будет хорошо и спокойно. Он специально для нее построит аббатство, пригласит этих бездельниц сестер из Шропшира, или как там называется это место? Оно достанется ей по наследству, и, достигнув определенного возраста, она станет во главе этого женского монастыря.

Приняв решение, Фрэнсис почувствовал некоторое облегчение. Он нагнулся над колыбелью и хотел освободить палец, но девочка вцепилась в него изо всех силенок. Личико ее сморщилось. К собственному удивлению, Фрэнсис принялся терпеливо объяснять ей, что должен идти, оставаться с ней больше не может, что непременно вернется, и не с пустыми руками, но и она должна постараться хорошо себя вести.

Один подарок у него был с собой: алое одеяльце, расшитое фамильными знаками Ловелов. Его передернуло при

мысли о том, как оно будет выглядеть на фоне этой жуткой отметины. Надо забыть об этом, надо думать о чем-нибудь другом, убеждал он себя, а пока, чтобы успокоить девочку, Фрэнсис отстегнул ворот с большим крестом святого Георгия и положил его на кровать. Впрочем, крест надо бы отстегнуть — Фрэнсису говорили, что дети суют в рот все, что попадет под руку. Девочка с любопытством наблюдала за ним. Фрэнсис выпрямился и увидел в дверях жену.

За последние месяцы они совсем не писали друг другу. Анна явно не знала о его нынешнем приезде и казалась не менее растерянной, чем сам Фрэнсис. Она перевела взгляд на девочку, та весело смеялась и протягивала ручонки. Проследив за ее взглядом, Фрэнсис неловко сказал:

— Как ты думаешь, эта штука беспокоит ее? Выглядит она так ужасно...

— Врачи говорят — ничуть, — натянуто произнесла Анна, подходя к колыбели. На ней был свободный халат, вроде того, что она носила после рождения Уилла. Тогда он возражал против того, что Анна отослала найденную им кормилицу. Сейчас он был даже рад, что жена по-прежнему не доверяет своего ребенка посторонним женщинам.

— Несчастливая малышка, — пробормотал Фрэнсис, — когда-нибудь она проклянет свою жизнь, а заодно и нас за то, что произвели ее на свет. Может, ей лучше и не жить вовсе?

Анна поспешно вынула девочку из колыбели и тесно прижала к груди.

— Ну конечно, ты именно так и должен думать. Таким ребенком ведь не похвастаешься перед бражниками друзьями.

Фрэнсиса перекосило от этих слов, он круто повернулся и вышел из детской. Анна слышала, как он спешно прошел через людскую. Через несколько минут был слышен стук копыт.

Фрэнсис больше нигде не останавливался. Он и его свита

следовали в Лондон. По его виду все сразу поняли, что лучше Ловела ни о чем не спрашивать. В Вестминстере Фрэнсис узнал, что Колингбоурна наконец-то схватили. Фрэнсис был включен в состав суда пэров, которым предстояло вынести приговор.

Через неделю под председательством Норфолка и Стэнли состоялось заседание суда. Никакие представители Филиппа не могли спасти предателя от чрезмерно сурового приговора — его ждали чудовищные мучения.

Ричард коротко бросил:

— Таков закон. Разве мы должны менять его ради таких, как он? Другие, ничуть не хуже его, а то и лучше, тоже становились жертвами таких приговоров. Да я и пальцем не пошевелю, чтобы облегчить его участь.

Итак, Колингбоурна казнили, предварительно кастрировав и выпотрошив внутренности. В тот же самый вечер, словно нарочно, в Вестминстере состоялся пышный прием с музыкой и танцами. Вопреки обыкновению, королева оставалась в зале до самого конца. Она сидела на возвышении, где специально для нее поставили кресло с высокой спинкой. После смерти сына она с каждым днем все больше угасала и, в отличие от мужа, который иногда прибегал к снадобьям, не могла найти никакого забвения. Нужно время, время все исцеляет, успокаивали ее жены заезжих баронов и графов, глядя на исхудавшее, осунувшееся лицо Анны, кожа на нем натянулась так туго, что казалось, непроходящий румянец вот-вот сожжет ее. Придворные дамы поначалу говорили королеве то же самое, но потом убедились, что ее горе не в силах излечить ничто. Время шло — лето перетекло в осень, затем наступила зима с ее дождями и мокрым снегом, — но к лучшему, как все надеялись, ничего не менялось. Горящие скулы на лице Анны выпирали все сильнее, тени под глазами становились все темнее. Все удивились, что королева решила остаться на приеме до конца, боялись — выдержит ли

она, ведь подобные мероприятия очень утомительны. Но ее присутствие придавало особый оттенок происходившему: Анна словно заставляла всех забыть о недавно разыгравшейся трагедии — казни предателя. Филипп, присутствовавший при казни Колингбоурна, подумал о том, что Анне требуется ничуть не меньше мужества и выдержки, чем ему там — во время жуткой церемонии. Она, измученная своим горем, улыбалась всем, была любезна и приветлива. Иногда только украдкой наблюдала за Джоном Глостером, который верной тенью повсюду следовал за отцом. Встретившись с Филиппом взглядом, королева слабо помахала рукой, приглашая его присесть рядом. Филипп немедленно повиновался и негромко сказал:

— Не устали? Ведь кончится все это не скоро. Может, пойдете отдохнуть, ваше присутствие и так уже сыграло свою роль.

Она покачала головой и слабо улыбнулась.

— Да нет, это мне еще по силам. Не так уж и много от меня требуется. — Она искоса поглядела на Филиппа. — Вы там были?

— Да. Ну что вам сказать? Таков закон. Но, наверное, у себя на севере Колингбоурн был другим, во всяком случае, люди его любили.

Анна закашлялась, сначала слегка, потом кашель начал душить ее. Филипп заметил, что она поспешно прикрыла рот рукой, затем незаметно вытерла ее о юбку. Быстро наклонившись к Анне, Филипп решительно взял ее за кисть и повернул руку ладонью вверх. Она попыталась освободиться, но он уже все заметил.

Замерев на мгновение, Филипп вытащил носовой платок и отер кровь. Сунув платок в карман камзола, он мягко спросил:

— И давно это у вас, Ваше Величество?

Анна вырвала руку.

— Точно не припомню. Иногда бывает лучше, иногда хуже. Я сама жгу платки, чтобы никто не видел пятен. — Королева пристально посмотрела на Филиппа. — Не хочу его тревожить, пока можно. Впрочем, скоро он и так узнает.

— А что доктора? Это же безумие, они умеют лечить куда более тяжелые болезни...

— Дорогой мой друг, чтобы доставить удовольствие мужу, я прямо-таки окружила себя врачами. Но вы же прекрасно знаете, что все здесь гадают, сколько мне осталось. Может, только он один ни о чем не подозревает.

Анна резко откинулась на спинку стула и замолчала. Музыканты настраивали инструменты. В противоположном конце зала Елизавета Йорк, подняв свое очаровательное, цветущее личико, оживленно беседовала с дядей. Неожиданно в душу Филиппа закралось сомнение — такое немислимое и такое оскорбительное, что все в нем взбунтовалось. Он заметил, что Ричард, не обращая внимания на девушку, смотрит мимо нее на жену. Поймав его взгляд, Анна улыбнулась. Филипп вспомнил, что такими же многозначительными взглядами они обменивались в большом зале Миддлхэма. Праздник и тогда был в самом разгаре, музыканты так же настраивали инструменты. С тяжелым чувством Филипп подумал: “Нет, все он знает”.

Зима в этом году наступила рано. На севере падал снег, а над Темзой — от Вестминстера до Тауэра — клубился туман. Настал день, когда врачи сообщили королю, что ему не следует больше спать с женой в одной постели — можно заразиться. Ричард взорвался, обозвал эскулапов лжецами и кретинами, не способными вылечить даже простой насморк. Тогда Анна сама попросила Его Величество оставить ее в покое — так ей будет лучше. Ричарду пришлось уступить. Подошло Рождество, и в Вестминстер потянулась провинциальная знать, чтобы принять участие в королевских праздни-

ствах. Всеобщее внимание было приковано к леди Елизавете. Однажды она посмела появиться на танцах в одеянии из той же ткани, что и платье королевы. Гости смотрели во все глаза. Филипп, наверное, был не единственным, кто понимал, что стоит за всем этим, и догадывался, кому принадлежит идея. Поверженная, втоптанная в грязь бывшая королева Англии Елизавета Вудвил жаждала величия дочери. Больная королева не была помехой на ее пути к победе.

Пробило двенадцать, в часовне раздались чистые детские голоса: “Се грядет...” Запуршали накрахмаленные платья, на стены упал отблеск сотен свечей.

“Боже, храни короля... — продолжал хор. — Даруй милость свою его сыну...” Ни один мускул не дрогнул на застывшем, словно из камня высеченном, лице Ричарда, рядом с его рукой на кресле бессильно покоилась восковая рука жены. За витражами окон медленно проплывали снежинки. Они падали на реки, озера, ложились на луга, липли к стенам замков, покрывали поля. Снег шел везде — от побережья Ла-Манша до церкви в Шериф-Хаттоне, где покоился прах сына короля.

Вскоре Анну увели. Вокруг нее, обмениваясь многозначительными взглядами, суегились врачи. Каждый день в ее спальне появлялись новые посетители, каждый день сюда приходил ее муж. Вид у Ричарда был совершенно измученный. Часто бывал здесь Филипп — то с какой-нибудь новой книгой, то с лютнистом, может, новые песни из Фландрии порадуют слух королевы. В феврале он специально ездил в Кембридж: там полным ходом шло строительство колледжа, на которое Анна дала деньги.

Зима подходила к концу — на Темзе начал крошиться лед, небо днем становилось лазурным. Ученые, настроив свои астролябии, внимательно наблюдали за звездами и предсказывали всяческие чудеса.

В покоях королевы теперь царила полная тишина, даже

книги были отложены в сторону. Однажды ранним утром Филипп зашел в кабинет короля.

— Ваше Величество, можно вас... — Двери, соединявшие апартаменты, были открыты, на пороге стояли священники, они только что вышли из внутренних покоев королевы.

Казалось, Анна спит, но при звуке знакомых шагов ресницы ее затрепетали. Ричард присел у кровати и прошептал:

— Ну как ты, сердце мое?

— Ну вот, наконец-то ты здесь, — очень слабо, но с явным облегчением произнесла она, ища его руку. Филипп собрался было оставить их наедине, но Анна, с трудом повернув голову, остановила его: — Дорогой друг, вам совсем не надо уходить.

Неожиданно свет за узкими окнами померк; из помещения, примыкавшего к королевской спальне, послышались испуганные восклицания, в этот момент на солнце легла гигантская тень.

— Ничего страшного, — сказал Филипп в ответ на ее немой вопрос. — Ученые люди давно предсказывали это. Скоро все будет как прежде.

Анна вздохнула и произнесла едва слышно:

— Как хорошо, что мне довелось увидеть такое чудо. Что, солнца совсем не видно?

— Нет, — ровным голосом откликнулся Ричард.

Она лежала совсем неподвижно, Ричард с Филиппом решили, что скоро конец. Но внезапно глаза ее широко раскрылись.

— Знаете, о чем я подумала? — заговорила она со слабой улыбкой. — Помните мою мать в Барнете? А ее монашек? Неважно ей было, и вы велели перевезти ее на север, в более удобное место, хотя в Барнете она находилась по приказу короля. Никто не оказывал ей большей милости после смерти моего отца, и она навсегда сохранила признательность вам. — Анна беспокойно заворочалась, и слезы градом

покатились у нее по щекам. — О, из-за меня вы оказались в таком опасном положении. Вот если бы я могла сберечь нашего сына, который стал бы наследником... Думаете, я ничего не понимаю? Бесплодная жена, и один лишь Линкольн — наследник трона, а тут еще этот маленький Уорвик, у него тоже есть права, и вдруг кому-нибудь придет в голову вспомнить о них...

— Тихо, тихо, родная. Мне вполне хватит Линкольна — это верный человек, и у него львиное сердце. Может, вы хотите, чтобы я вызвал его из Шериф-Хаттона, чтобы он прямо здесь, перед вами принес клятву верности?

Ричард поглаживал жену по волосам. Она печально ответила:

— Но вы ведь сами всегда говорили: доблесть выше всего.

Снова наступила тишина, нарушаемая лишь ее тяжелым дыханием. Чтобы ей было легче, Ричард приподнял ее, в глазах у Анны заплясали язычки пламени от свечи.

— Как темно. Я и не думала, что днем может быть так темно. — Лицо ее исказилось. — Дикон... — Голос, даже не голос, а едва слышный звук оборвался. Она сдавила ему руку и медленно откинулась назад...

На пороге толпились слуги. Филипп, не говоря ни слова, жестом отослал их. Свет окончательно померк. В людской зарыдали служанки, но из комнаты, которую Филипп только что оставил, не доносилось ни звука.

Глава 23

У короля должен быть наследник. Об этом без устали твердили в совете. Абсурдно, что мужчина, не достигший и тридцати трех лет, объявляет своим наследником племянника. С этим не могли примириться и приближенные короля.

Все считали, что Ричард должен жениться. Правда, сказать это в лицо Его Величеству никто не отважился. Пребывая в сомнениях и тревоге, все ждали удобного случая, чтобы можно было открыть рот.

Безотлагательного решения требовало еще одно, хотя и менее значительное дело: дочерей покойного короля Эдуарда необходимо было срочно выдать замуж, чтобы отвратить от них взгляды Генриха Тюдора. Пристроена была лишь одна из сестер — на ней женился виконт Уэльс. Тюдор уже дал обет верности старшей, Елизавете, заслужив этим одобрение своих сторонников. Выходило, что Елизавете надо было найти партию как можно скорее.

Ричард предложил, чтобы советники сами назвали имя жениха. Единственное, что требовалось, — избранник должен быть равным ей по крови. Ричард не унизит памяти брата, предложив его дочери менее достойную кандидатуру. Он обещал племянницам, что обязательно найдет им ровню, и слов своих нарушать не собирался, даже если Генрих Тюдор намерен образовать из дочерей короля Эдуарда личный гарем.

Предложение короля немного остудило советников: ведь холостяков, отвечающих его условию, найти нелегко. Они попробовали зайти с другой стороны: если уж Елизавету нельзя выдать замуж немедленно, ее следует хотя бы отвратить от Франции. Да, и еще одно: ее собственный нрав. Леди Елизавета вела себя при дворе слишком независимо, поступая то и дело так, как ей заблагорассудится. Приближенные Ричарда пришли к единому мнению, что ей необходимо в самые короткие сроки подыскать более надежное жилище, пока не удастся избавиться от Тюдора.

— Поскольку мужа Елизавете пока найти не удается, — заявил Рассел, — следует отправить ее к братьям, в Тауэр.

Предложение казалось разумным: Тауэр — самый надежный и наилучшим образом охраняемый королевский дворец, его апартаменты ничуть не уступали другим по комфор-

табельности. Но Ричард, сидевший чуть в стороне от стола и прижимавший ладони к вискам, словно защищался от раздражавшего его шума голосов, при этих словах встрепенулся. Выражение его лица заставило всех замолчать. Он обвел собравшихся тяжелым взглядом и обратился к канцлеру — угроза, скрытая в его словах, причудливо переплеталась с насмешкой:

— Боже милосердный! Вы хотите, чтобы я столь несправедным образом обошелся с той, кто спит и видит выйти за меня замуж?

Кое-кто не удержался от горестного вздоха. Ричарду бы следовало понять, что его советники давно знали о планах мамыши Вудвил и теперь с опаской ждали, не совпадет ли с ними и решение самого короля. Ричард вышел из комнаты. На Фрэнсиса, старшего по рангу члена совета, была возложена весьма неприятная миссия — выяснить, на самом ли деле король собирается испросить благословения Рима на то, чтобы взять в жены племянницу? Фрэнсису пришлось повиноваться общему решению. Позже, выходя из зала заседаний, он не без оснований назвал своих коллег дураками, ибо только дурак мог заподозрить то, о чем только что шла речь в совете. В самом деле, чем могла похвастать эта девица, кроме собственных форм, а Ричард вовсе не из тех мужчин, кто клюет на такую дешевую приманку.

Фрэнсиса догнал Кэтеби. У него аж живот подвело от ужаса при одной только мысли, что дочь Елизаветы Вудвил может стать королевой: наверняка она найдет способ расквитаться с теми, кто был в Понтефракте, когда казнили ее дядю Риверса и сводного брата Ричарда Грея. От Фрэнсиса и Кэтеби — первый был то ли раздражен, то ли смущен возложенной на него задачей, а второй трясся от страха — Ричард узнал, о чем шушукались люди на каждом городском перекрестке и в каждом углу его собственного двора, пока он пытался справиться с горечью недавней утраты. Вот, оказы-

вается, как: мало того, что Елизавета хочет видеть свою дочь на троне, он и сам соизволил обратить на племянницу внимание и даже нашел ее весьма привлекательной.

Ричард решил внести ясность в этот вопрос: сначала в частных беседах, а затем публично он так решительно отрицал это, что члены совета успокоились, а сплетники устыдились и замолчали. И все равно слухи потихоньку расползались. Архиепископ Ротерхэм, прощенный, несмотря на непосредственное участие в заговоре Гастингса, допущенный к процессии коронавания нового властителя Англии, занявший прежнее место в совете, отправил Генриху Тюдору злорадное письмо, в котором извещал, что подготовка к свадьбе идет полным ходом.

Узнав об этом, Генрих лихорадочно принялся искать себе новую невесту. Елизавета, все время остававшаяся в стороне от этих брачных интриг, отправилась вслед за сестрами в Шериф-Хаттон. Как заметил Ральф Эштон, там ей легче будет скрывать разочарование, развлекая своего кузена — маленького графа Уорвика. Тот был еще слишком невинен, чтобы принимать все сказанное и увиденное за чистую монету. Ему надлежало просто радоваться жизни.

Наступил июнь, Ричард отправился в Ноттингем, Фрэнсис находился в Саутгемптоне и внимательно следил за тем, что происходило на Ла-Манше. Норфолк собирал силы на востоке, а сэр Уильям Стэнли действовал в интересах брата Томаса в западных графствах. Вскоре в Англии появился Генрих Тюдор.

Еще под Рождество всем стало ясно, что в этом году он непременно будет здесь. На стороне Тюдора выступали несколько сот английских изгнанников, а также две тысячи французов-преступников, отпущенных из тюрем под гарантию участия в английском походе Генриха. Кроме того, он заручился обещанием французов помочь деньгами и предоставить флот.

— Да поможет Бог нашему бедному народу, ведь этот сброд может черт знает что натворить! — запричитал Перси, когда узнал о возвращении Тюдора во главе банды головорезов.

После ужина Перси зашел к Филиппу. Вид у него был непривычно задумчивый. Убедившись, что Хью поблизости нет, он негромко спросил:

— Правду ли говорят, что Стэнли отправился к своему брату в Шропшир?

Филипп сосредоточенно изучал свой меч, потом кинжал. Отшвырнув в сторону старую плеть, он взял новую, стал взвешивать ее на ладони, затем слегка подбросил, положил на место и только после этого ответил:

— Правда. Король отпустил его.

— Боже милосердный, он что, из ума выжил?

— Боюсь, что так, хотя и не так, как вы думаете. —

Филипп потрогал тяжелую упряжь. В общем-то никакой нужды во всем этом осмотре не было, ему просто хотелось чем-нибудь занять руки. Краем глаза Филипп заметил, что Хью кружит неподалеку. Филипп позволил ему забрать снаряжение. Откинувшись на спинку стула и глядя на обеспокоенное лицо приятеля, он спросил:

— Если семейство Стэнли решит изменить, их ничто не остановит, не правда ли? Какой же смысл удерживать одного, когда остальные уже свободно орудуют на западе?

— Как это какой смысл? Именно поэтому и нельзя отпускать его!

— Да не сказал бы — у его брата большой отряд, — мрачно заметил Филипп. — Впрочем, в ваших словах есть доля истины. Самого Стэнли здесь заменит его сын, и отцу хорошо известно, что король... скажем, попросил об этом. Больше мы сделать ничего не можем.

— С тыла нас, если не ошибаюсь, прикрывает Нортумберленд, который ох как по ветру нос держит, — медленно

произнес Перси. — Вспоминаю, как король разделал его под орех, когда он летом у Тьюксбери пропустил шотландцев. В общем-то это слабак и ничтожество. Ладно, посмотрим.

Через некоторое время при дворе появился сын Стэнли, лорд Стрейндж. Это был молодой человек с невыразительной внешностью. Глаза его беспокойно бегали. Почему, понять нетрудно, подумал Филипп. Он был встречен со всеми почестями, полагающимися ему по рангу, и стоял по правую руку от короля, когда прощался с ним. Оставалось только ждать, как поведут себя в ответственный момент члены этого непростого семейства.

Ветер, настойчиво относивший английские суда к берегу, погнал флот Тюдора мимо сторожевых постов в Сауттемптоне, прямо к побережью Уэльса. Через четыре дня об этом стало известно в Ноттингеме. Ричард немедленно разослал своим военачальникам письма, в которых приглашал их на совет в Ланкастер. Граф Норфолк получил послание через двадцать четыре часа. Фрэнсис, который был в это время в Сауттемптоне, — примерно через полтора суток. Лорд Стэнли, находившийся ближе остальных, не спешил с ответом, но в конце концов откликнулся. В своем ответе он сообщал, что прибудет при первой возможности, но сейчас он болен.

— Не верю! — хрипло рассмеялся Линкольн.

Этой же самой ночью Стрейндж попытался ускользнуть, но был замечен и водворен на место. Он рыдал, умолял помиловать его и признался, что дядя, который вроде бы должен был оберегать от вторжения противника валлийские границы, на самом деле давным-давно вступил с ними в сговор и склонил к измене его, Стрейнджа. При этом Стрейндж уверял, что отец появится.

— Позвольте только написать ему — и он непременно будет здесь!

Такое разрешение было дано. Под неусыпным присмотром Ральфа Эштона и Филиппа Ловела обезумевший от

страха молодой человек нацарапал отчаянное письмо отцу. Подпись присыпали песком, сверток запечатали, и письмо отправилось нарочным к адресату. Лорд Стрейндж был заключен под стражу и оставлен наедине с самим собой.

Как только Фрэнсис получил королевское послание, немедленно выехал из Саутгемптона. На следующее утро за ним должны были двинуться отряды, собранные на юге. Ожидалось, что в Бэнбери к ним примкнут войска из центральных графств.

Чуть позже, уже в пути, Фрэнсис немного изменил свои планы и, поручив командование Гарри Расселу, свернул в сторону своего имения Минстер-Ловел.

Гонец, которого Фрэнсис послал загодя, времени даром не терял.

Въехав во двор, Фрэнсис обнаружил, что люди уже собрались и с нетерпением ждут его команды. Бегло осмотрев выстроившиеся перед ним ряды, Фрэнсис удовлетворенно кивнул управляющему, соскочил с коня и поспешно направился к южному входу. Тем временем слуги выводили из конюшни свежих лошадей. Не пройдет и нескольких минут, как они будут оседланы, и все быстрым шагом отправятся в путь.

Фрэнсис не видел Мод с самой Пасхи. Ему показалось, что она заметно выросла. Девочка узнала его по звуку приближающихся шагов и, сначала неуверенно, но затем все быстрее — пошла ему навстречу. При этом она широко улыбалась и показывала Фрэнсису свои три молочных зуба. За Мод озабоченно следовала няня, но ей доставляло много усилий не отставать от подвижной, легкой в движении девочки. Фрэнсис заметил, что у Мод очень гладкая, чистая кожа — никаких ссадин и шишек, отсутствием которых не мог в свое время похвастаться Уилл.

Две-три минуты, которые отвел себе на это свидание Фрэнсис, неизбежно перешли в добрые четверть часа. Стре-

нительно спускаясь вниз, во двор, Фрэнсис заметил, что дверь в людскую приоткрыта. Он четко помнил, что, когда поднимался в детскую, дверь была плотно закрыта. На мгновение Фрэнсис остановился, размышляя, не заглянуть ли в большой зал на первом этаже, — но затем быстро, не оглядываясь, двинулся к выходу.

До боли стиснув ладонями дверную ручку, Анна прислушивалась к его шагам. Ей казалось, что она стояла вот так — неподвижно застыв в ожидании — несколько часов. Если бы Фрэнсис хотя бы чуть-чуть повернул голову в ее сторону, когда проходил мимо, — она немедленно вышла бы из своего укрытия. Но Фрэнсис не задержался ни на мгновение. Анна не могла понять, что ее больнее ранило — злость мужа или его равнодушие. Шаги затихли вдали. Анна широко распахнула дверь и, не обращая внимания на Мод и изумленную няню, бросилась через детскую к лестнице, ведущей к башне. Внизу раздавались голоса, послышался стук затворяемых ворот.

Анне и в голову не могло прийти, что Фрэнсис уедет вот так, не сказав ей ни слова. Содрогаясь от рыданий, путаясь в юбках, она бросилась наверх, в комнату, откуда были видны ворота.

Двор представлял собой скопище людей, повсюду воинственно торчали поднятые вверх копыта с развевающимися на ветру полотнищами. Волнами набегал многоголосый гул, доносился лязг оружия, ржание лошадей и нетерпеливый стук копыт, возгласы женщин, вышедших проводить своих мужей.

Объезжая выстроившееся перед ним воинство, Фрэнсис улыбался и поощрительно похлопывал то одного, то другого по плечу. Взгляды, которыми его провожали, однозначно свидетельствовали о том, что его любят, им гордятся. Кираса Фрэнсиса матово светилась на солнце, над его головой горел, словно политый кровью, штандарт.

Анна увидела, как к Фрэнсису подвели лошадь. Ну сей-

час, хоть сейчас-то он должен обернуться! Так и произошло, но подоконник был слишком широкий, опершись на него, очень трудно было выглянуть наружу. Поэтому Фрэнсису непросто было разглядеть Анну, застывшую в глубоком проеме окна. Ветер шевелил его волосы. На какое-то мгновение он замер в седле, поднял голову и поглядел в сторону замка с тем странным, не поддающимся определению выражением, которое так часто смущало ее.

Выражение лица Фрэнсиса изменилось, взгляд просветлел: няня поднесла Мод к окну, чтобы она помахала отцу на прощанье. Он послал ей воздушный поцелуй, отвесил поклон, как знатной даме, затем стреножил и развернул лошадь. Отдав давно ожидаемый приказ к выступлению, он поскакал вперед. За ним длинной вереницей двинулись остальные — сначала конные, затем пешие.

Копыта последней лошади громко простучали по булыжникам мостовой. Ворота закрылись.

Фрэнсис нагнал графа Норфолка неподалеку от Бэнбери. Здесь же был Саррей с отрядами из восточных графств. В Ланкастер они вошли до прибытия короля, перед заходом солнца в город ступили его передовые части. Вскоре появился и сам Ричард. Граф Нортумберленд сообщал ему, что идет со своими северянами следом, он собирал людей в такой спешке, что сразу догнать отряды Его Величества было невозможно.

Завтра армия Нортумберленда обязательно будет в Ланкастере. Ричард передал записку с каракулями графа Норфолку и, встретив его взгляд, только слегка усмехнулся и пожал плечами.

Прибыл гонец от йоркского мэра: тот недоумевал, отчего Его Величество не обратился к городу с требованием послать людей для защиты от общего врага? Ричард спокойно отвечал, что этих людей послали прямо в Ланкастер. Однако он сомневался, что они успеют к началу сражения с силами Тюдора.

Крепко выругавшись, Норфолк передал письмо Нортумберленда Фрэнсису, а Ричард, криво усмехнувшись, произнес: — Говорят, голуби слетаются к себе на насест, Джек. Боюсь, что нам придется обойтись без милорда Нортумберленда.

Даже если не брать в расчет последнего, а также семейство Стэнли (ответа на страстный призыв Стрейнджа так и не последовало), силы их, согласно расчетам, несколько превосходили силы Генриха Тюдора. За время марша через Уэльс Генриху так и не удалось собрать серьезных подкреплений. Селяне наблюдали за его продвижением вполне равнодушно, поэтому на свою сторону ему удалось привлечь только Риса Томаса и его людей. Томас, который в свое время принес клятву верности королю Ричарду, был послан во главе крупного отряда охранять южные границы королевства. Однако Тюдор, прослышав, что он рядом, прельстил его перспективой генерал-губернаторства в Уэльсе. Томас охотно принял предложение и переметнулся вместе со своим отрядом на его сторону.

На следующий день появился, как и обещал, граф Нортумберленд. Он по-прежнему жаловался на усталость своих людей и выражал надежду, что король сумеет учесть это и позволит ему идти в арьергарде армии, которая готовилась выступить на следующее утро.

— А может, им лучше просто поваляться денек в постели в ожидании сообщений с поля боя? — невинно осведомился Фрэнсис.

Ответом ему стал взгляд, в котором подозрительность была смешана с откровенной злобой. В конце концов Нортумберленду было разрешено поступать по собственному усмотрению. Поскольку час был поздний, все отправились по домам.

Наутро собрались очень рано — на городские стены едва упали первые лучи солнца.

Норфолк с сыном двинулись в авангарде, за ними —

Ричард, рядом с ним — Нортумберленд, замыкали шествие его люди.

Горожане высыпали поглазеть на выступающую в поход армию. Пересекая мост, король задел шпорой за булыжник, отвалившийся от парапета. Какая-то старушка закричала, что и дня не пройдет, как ему придется преклонить голову. На мгновение наступило настороженное молчание, которое разрушил чей-то пронзительный крик. Несколько рыцарей королевского двора резко натянули поводья. Один из них грубо выругался и, повернув назад, схватил старуху за плечо. Она не предприняла ни малейшей попытки к сопротивлению. Толпа испуганно расступилась. Спрыгнув с лошади, рыцарь потащил свою пленницу к мосту.

Король ждал на другом берегу реки. Не понимая, что происходит, женщина в страхе смотрела на него и беспокойно тербила юбку. Ричард заговорил спокойно, пристально вглядываясь ей прямо в глаза:

— Тебе что, видение было?

Но она не могла вымолвить ни слова, только дрожала, вцепившись в юбку.

Выпрямившись в седле, Ричард дал знак рыцарю отпустить старуху и отвернулся. Кто-то из королевской свиты настаивал, чтобы старуху наказали, но Ричард отрицательно покачал головой и энергично пришпорил коня. Скромно держась рядом, Нортумберленд обронил:

— Не обращайтесь внимания, сир, мало ли сумасшедших — особенно здесь, на юге?

К этому времени уже стало известно, что Тюдор движется на юг от Стаффорда. В Шропшире к нему присоединился граф Шрусбери, приведший с собой значительные силы, собранные Хамфри Тэлботом. Теперь все они, судя по всему, повернули к Лондону, тогда авангард мятежников наверняка столкнется с королевскими войсками к западу от Ланкастера. Где-то посередине в нерешительности топтались отряды

Стэнли: они то продвигались немного вперед, то отступали. Разведка сообщила, что в конце концов они остановились недалеко от деревушки под названием Маркет-Босворт.

Лагерь разбили совсем рядом с пикетами, выставленными сэром Уильямом Стэнли. Южнее, по другую сторону от главной дороги, развевались штандарты его брата Томаса. Именно отсюда должен появиться Тюдор, если Стэнли окажет ему сопротивление. Солнце уже клонилось к закату, когда в отдалении показались первые знамена.

Сгустились сумерки, лагерь готовился ко сну. Ричард обходил войска, останавливаясь поговорить с каждым, кого знал. Таких было немало: те, кто пришли с севера независимо от графа Нортумберленда, задолго до этого охраняли границы страны под началом Ричарда.

Ричард расположил свои центральные войска на пути отряда Тюдора, придав левому флангу очертания вытянутой руки, прикрывающей позиции лорда Стэнли. В ответ на очередной призыв соединиться с королевскими силами Стэнли, как всегда, принялся пространно объяснять, почему это невозможно сделать. К тому времени Ричарду было известно, что оба брата тайно встречались с Тюдором.

Закончив обход войск, Ричард отправился к себе в палатку немного отдохнуть. Филипп, побывав в расположении своего отряда, последовал за ним. Сидя в палатке, король неторопливо потягивал вино, а его оруженосец лишней раз проверял готовность оружия. По знаку хозяина юноша удалился, Филипп подошел посмотреть на его работу. Рядом со шлемом лежала золотая диадема. Заметив украшение, Филипп ухмыльнулся и произнес:

— Ваше Величество верны своим привычкам. И это несмотря на то, что все рыцари вашего двора неустанно клянут эту диадему, принадлежавшую когда-то Глостерам. На поле боя она как магнит неудержимо притягивает и конных и пеших.

Словно не слыша его слов, Ричард рассеянно спросил:

— Филипп, сколько времени я уже на троне?

Что-то в голосе короля заставило Филиппа поднять голову. Он ответил:

— Два года. К нашей всеобщей радости.

В серых глазах короля мелькнула насмешливая искорка.

— Сдается мне, что вы сделали настоящим придворным. — Ричард немного помолчал, лег на походную кушетку, положив под голову руки. — При мне только однажды созывали парламент. Но работа шла неплохо. Приняли несколько новых законов. Словом, парламентарии знают свое дело. Ну а Линкольн — тоже научится. — Заметив, как изменилось лицо Филиппа, Ричард рассмеялся и пояснил: — Я просто заглядываю вперед. Он — мой наследник, настанет день, когда ему придется этим наследием распорядиться. Надеюсь, Линкольн простил меня, ведь я оставил его присматривать за северными графствами. Знаю, сначала он очень обиделся, но ведь нельзя же обнажать границы.

Стояла теплая, почти безветренная ночь.

Направляясь к выходу, Филипп небрежно заметил:

— Когда Тюдор со своими войсками разбивал лагерь, я заметил неподалеку от них знамена Оксфорда. Интересно, помнит ли он о том, что вы выплачивали его жене пособие из своего собственного кармана, иначе она просто умерла бы с голоду?

— Она сестра графа Уорвика, но вовсе не должна страдать за проступки, совершенные братом. Что касается Оксфорда, он всю жизнь служил Ланкастерам и предпочел тюрьму и изгнание клятвопреступлению. Он единственная крупная фигура у Тюдора, его одного я по-настоящему опасуюсь. — Ричард слегка приподнялся на локте. — Скажите, Филипп, вы верите в милосердие Господне?

— Конечно. А как же иначе выдержать муку самопознания?

— Ну а я не верю. Я верю в суд Божий и вечную муку, на которую обрекают непрощенных грешников.

— Непростительный грех — это личное ощущение, которое даровано человеку, чтобы он умел проклинать худшее в себе. Но душой своей и грехами этой души человек не волен распоряжаться — ни казнить, ни миловать. Он способен только нести бремя совершенных им грехов — свидетелей того, что он смёртен. — Филипп быстро обернулся и встретил немигающий взгляд Ричарда. — Мы несем ответственность за свои деяния, но в глазах Бога — мы только маленькие песчинки, и нет души, которую бы Бог выделял среди миллионов других душ. Так мне сказал один умный человек. Я разозлился, когда он обвинил меня в высокомерии, но потом понял, что он прав.

— Это был священник? Ну что же, может, в ваших глазах он был действительно прав. — Ричард потянулся к бутылке, наполнил бокал, снова откинулся на кушетке и стал внимательно наблюдать, как перетекает песок в часах. — В своей жизни я часто творил зло сознательно, но чаще всего все происходило помимо моей воли. От всего этого мне никогда не очиститься.

Темнело. Из-за высокого Амьенского холма послышался звон колоколов — в аббатстве служили вечернюю молитву.

— Бог покидает сей бренный мир, — произнес Филипп, зябко передернул плечами, вернулся в палатку и опустил за собой полог.

Пламя свечей отражалось золотистыми язычками на стенках палатки, на разбросанных по столу и сундуку бумагах.

Филипп наклонился, чтобы подобрать упавшую перчатку. Наблюдая за ним, Ричард теребил на пальце массивное кольцо.

— Неделию назад я получил письмо от сестры из Фландрии. Умер Эрар Де Брези. — Увидев, как мгновенно застыла в воздухе протянутая рука Филиппа, Ричард отвел

глаза. — Все никак не мог выбрать времени, чтобы сказать вам раньше. Насколько мне известно, вы были знакомы с ним. Последние годы он сильно болел и никогда не выезжал из своих владений. Говорят, за ним очень трогательно и преданно ухаживала жена. — Ричард снова начал теревить кольцо. — Сестра уже давно не была в Англии. Я все никак не удосужусь пригласить ее в гости. Как вы посмотрите на то, чтобы съездить в Малин в качестве моего личного посланника?

Импульсивным движением Филипп отбросил в сторону железную перчатку. Она со звоном и неприятным скрежетом упала на кирасу. Филипп съежился, как будто бы у него внезапно замерзла спина. Наступило молчание. Наконец он сказал:

— Выходит, вы все знали?

— Согласитесь, Филипп, — когда мы уезжали из Сен-Омера, у меня были все основания для... предположений. Фрэнсис не имеет к этому ни малейшего отношения. Дело в том, что моя сестра очень симпатизировала мадам Де Брези. — Несмотря на то что Ричард тщательно подбирал слова, истинный смысл услышанного дошел до Филиппа: он то мертвенно бледнел, то становился пунцовым. Когда краска бросалась ему в лицо, шрамы на щеке становились белыми. Король искося посмотрел на собеседника и не спеша отвернул глаза. — Я не имел ни малейшего желания вмешиваться в ваши дела. Но вы не женаты, а ведь это же чистейшая нелепость, чтобы у человека в вашем положении не было наследника. И еще совсем не поздно подумать об этом.

— Уиллоуфорд я уже обещал Хью... — Слова падали медленно, Филипп все еще не мог оправиться от признания Ричарда. — Да и другие земли тоже. Он, конечно, никогда не станет ловить меня на слове, но... я сам не смогу нарушить данного мной обещания.

— Хью ничего не потеряет, если вы не сдержите слова.

В этом вы можете на меня положиться. Подумайте лучше о себе.

Филипп устался на свои руки — они дрожали.

— Это мое самое большое желание, — едва слышно заговорил он, — но если быть до конца откровенным, я очень боюсь. Она была почти ребенком, понадобилось почти десять лет, чтобы она поняла, чем обязана мне, да и муж ее тоже.

— Да, срок немалый, — спокойно согласился Ричард, — но люди меняются, надо быть дураком, чтобы не понимать этого. Ладно, поезжайте, сами разберетесь на месте. — Ричард запнулся. Немного помолчав, заговорил снова, с прежней осторожностью выбирая слова: — Конечно, должен сказать свое слово эрцгерцог Максимилиан, но моя сестра всегда будет на вашей стороне. У него и без того немало проблем во Фландрии со знатью из круга жены. Я полагаю, надежный человек, который будет все время рядом, ему не помешает. В общем, никаких особых препятствий я не вижу. Более того, уверен в том, что, если все получится, вам придется разрываться между Англией и Фландрией.

— Неужели вы думаете, что я буду искать убежища в поместьях Эрара Де Брези? Я постараюсь взять жену с собой в Англию, если, конечно, мадам окажет мне честь. А эрцгерцог пусть распоряжается землями Де Брези по своему усмотрению.

Ричард задумчиво посмотрел на Филиппа и после непродолжительной паузы сказал:

— Боюсь, это будет невозможно. — Ответом ему было утрированное молчание. Он поднялся на ноги, нетерпеливо отбросил подушки. — Право, Филипп, не надо упрямяться. Эрара Де Брези нет, и если есть на Небесах хоть капля милосердия, то спит он спокойно. Жизнь долгие годы была ему только в тягость, и вряд ли Эрар поблагодарил бы того, кто заставил бы его вновь испытать мучения последних лет. Он заболел вскоре после того, как вернулся из Лотарингии, куда

ездил улаживать дела герцога. Потом вроде бы поправился, но вдруг зимой в Нанси, как раз в то время, когда вы уехали в Палестину, умер его сын. Как его звали, кажется, Огюст? И это был конец. Потом восемь лет Эрар не вставал с постели, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, даже дар речи потерял. За ним ухаживали, как за грудным младенцем. Смерть явилась для него избавлением.

Немного помедлив, Филипп спросил:

— Неужели первый удар с ним случился, когда он вернулся из Лотарингии? Сразу после нашей с ним встречи?

Молчание Ричарда подтвердило догадку Филиппа.

Филипп подошел к выходу и машинально приподнял полог. Наступила ночь. В непроницаемой тьме виднелись огни костров, разбросанных по территории лагеря. Земля здесь была сухой, потрескавшейся. Сквозь неверное, колеблющееся пламя костров виднелся высохший кустарник.

Филипп вышел на свежий воздух. Ричард встал рядом с ним.

— Что случилось, то случилось, Филипп. Если бы людям было дано знать будущее, отпала бы нужда в молитвах. — Они вернулись в палатку. На крышке сундука лежали два запечатанных пергаментных свитка. словно взвешивая, Ричард слегка подбросил их на ладони. — Так вот, Филипп, — твердо произнес король, — у меня для вас есть поручение. Одно из этих писем адресовано моей сестре, во Фландрию. За ним последует кое-что еще, но это послание вы вручите лично ей, отдадите сестре в руки. Что касается другого письма, — второй свиток, перевязанный лентой, был явно больше и тяжелее первого, — то оно для вас. Это дарственная на земли, находящиеся в настоящий момент в собственности короля. Они расположены не так уж далеко от Уиллоуфорда, и я передаю их вам во владение в знак признательности за долгую и верную службу. Это будет нелишне в переговорах с Максом, он ведет счет таким вещам. Вы всегда отвергали

мои дары, да и сейчас я вам ничего не навязываю. Пока об этом деле знаем только мы с Линкольном, да еще Кендал — он составлял дарственную. Поразмыслите об этом и дайте мне знать, к какому решению пришли.

Ричард передал свитки Филиппу. Затем посмотрел на мерцающие огни лагеря и сказал:

— Становится прохладно. Смотрите, небо совсем чистое. Завтра, похоже, будет солнечный день.

Немного погода Филипп ушел. Вероятно, Хью подждал его. Но в мыслях Филипп был далек от Хью, который наверняка все еще возился с его амуницией.

Когда рука повреждена и долго находится в подвешенном состоянии, не сразу чувствуешь облегчение, когда снимают повязку. Так и Филипп сейчас — он еще не отдавал себе отчета в том, что оковы спали. Возникло и постепенно нарастало некогда испытанное и забытое ощущение внутренней душевной боли.

Филипп не стремился забыть Мэг: какая-то часть его сознания как бы сама собой выключилась. Теперь чувства вновь оживали, и вместе с дорогим сердцу образом вернулось ощущение щемящей тоски, утраты и невыносимой тяжести, которую предстояло нести. Стена, отделившая Филиппа от этой женщины, казалась ему высокой и прочной. Но чувство раскаяния и стыда за несчастье, причиной которого он стал; за оскорбление, нанесенное человеку, некогда ставшему ему другом; за опасность, лицом к лицу с которой он оставил Мэг; за наказание, которому ее могли подвергнуть; чувство вины никогда не проходило у него. В памяти все смешалось, но кошмар этой унижительной сцены с Де Брези перед отъездом из Сен-Омера постоянно преследовал Филиппа. Он четко помнил лишь, что Фрэнсис не пускал его из комнаты, твердо заявив, что либо привяжет Филиппа к кровати, либо вызовет стражу, но не позволит ему отправиться на поиски Эрара Де Брези и его жены. Тогда Филипп подумал, что

Фрэнсис действительно может так сделать. В конце концов Фрэнсис известил обо всем герцогиню Бургундскую. Ее ответ почти дословно совпал с предостережениями Фрэнсиса: самое лучшее, что Филипп может сделать для Маргарэт, — как можно быстрее покинуть Фландрию, а уж она позаботится о том, чтобы с ней ничего не случилось. Доводы были достаточно убедительными. Спорить Филипп не решился. За что и был впоследствии наказан — просыпался ночью в холодном поту, вскакивал, дрожа от страха, потому что ясно слышал зовущий голос Мэг.

Осень перешла в зиму.

Филипп тайно отправил герцогине в Лилль письмо, в котором умолял сообщить, как поживает Мэг. Из ответного послания он узнал, что все в порядке и будет и впредь в полном порядке, если только он, Филипп, не станет вмешиваться. Именно этот ответ и погнал Филиппа по белу свету. Оставаясь в Англии, он не смог бы отвечать за себя: ведь Бургундия была так близко, их разделял всего лишь узкий пролив.

Под ногами хрустнула сухая ветка. Сунув руку в карман камзола, Филипп ощутил жесткую поверхность пергамента. Над деревьями стоял белый полумесяц. Филипп внезапно остановился и вслух произнес:

— Мэг.

Если бы только она смогла простить его, если бы позволила позаботиться о ней... если бы он сам смог бы себя простить...

Справа от Филиппа послышались какие-то голоса, и при свете костров стал виден тускло отливающий золотом лев — штандарт Норфолка.

Погрузившись в невеселые мысли, Филипп совсем забыл о том, что завтра — бой.

На дежурстве здесь стояли люди Говарда. Немало удивившись рассеянности Филиппа, они проводили его через

лагерь. Филипп взобрался на дальний склон холма взглянуть на поле перед Маркет-Босворт. Внизу, на поросшем вереском лугу стоял, упираясь в небо колокольней, бенедиктинский монастырь.

Вскоре после возвращения из Иерусалима случай забросил Филиппа в Эссекс, и он провел ночь в Колчестере под одной крышей с монахами. В молодости он нередко бывал здесь, общаясь с купцами, отправлявшими морем свои товары в Кале. Позже он целиком посвятил себя службе герцогу Глостеру. Приезжать стал реже. Теперь у него были люди, которые могли бы проследить за своевременной отправкой шерсти из Вудстока в Лондон и Колчестер. Так что гостеприимством братьев-монахов Филипп не пользовался уже давно и был неприятно удивлен, столкнувшись здесь с человеком, который когда-то был монахом в Ридинге. Наполовину священник, наполовину хирург, этот человек обладал необыкновенной проницательностью.

— Доброго вам пути, сэръ, — сказал он на прощанье. — И пусть во время вашего путешествия забудется все. Не забьлось.

Ворота аббатства все еще были освещены. Филипп сбросил плащ, перекинул его через руку. Пути до цели и обратно было минут сорок, не более, а до подъема — несколько часов. Какой-то офицер, которому, по-видимому, не спалось, как и Филиппу, попросил передать Хью, чтобы тот его не ждал. Филипп пошел вниз по склону.

Вскоре после полуночи подул ветер. Луна зашла за тучу. В воздухе постепенно стала ощущаться предрассветная прохлада.

Фрэнсис не спеша обходил лагерь, в котором все заметнее было движение людей. Фрэнсис скорее почувствовал, чем увидел — его окружала непроглядная тьма, — что к нему кто-то приближается. Он быстро подошел к ближайшему костру и в свете пламени узнал кузена. Филипп спросил:

— Я вижу, вы уже поднялись, Фрэнсис. Чего это в такую рань?

— Следую вашему примеру. Я заходил к вам в палатку несколько минут назад и подумал о том, где это вас носит.

— Заходил к монахам. — Филипп махнул рукой через плечо и, сладко потянувшись, подавил зевок.

— Судя по вашему беззаботному виду, у вас хорошие новости, — чуть суховаато заметил Фрэнсис и с любопытством посмотрел на кузена. — Вам что, подарок сделали?

— Да еще какой, — ответил Филипп, — лучше не придумаешь.

Внезапно все вокруг зашевелилось. Послышались отрывистые команды. Сержанты будили и поднимали солдат. На востоке появилась розовая полоска предрассветного неба.

— Пора одеваться к бою, — сказал Филипп и похлопал кузена по плечу, — удачи, Фрэнсис.

Хью уже встал. Казалось, что он подпрыгивал от возбуждения, перекладывая с места на место дядину амуницию. Меч и секира, очень остро заточенные и отполированные до неестественного блеска, поджидали хозяина. Филипп слегка прикоснулся к устрашающему лезвию меча и, не сумев сдержать улыбку, спросил Хью:

— Ты что, всю ночь возился с ними? — И, не скрывая восхищения, добавил: — Ей-богу, хоть брейся...

Хью приготовил и плотный камзол, и рейтузы, и подшлемник. Филипп с явным неудовольствием посмотрел на все это — день обещал быть жарким.

— Отец рассказывал мне, что зимой, при Таутоне, чувствовал себя как на сковородке, — произнес Филипп, пока Хью облачал его в боевые доспехи. — Надеюсь, что и Тюодору будет жарко.

Пропустив это замечание мимо ушей, Хью до предела затянул на Филиппе пояс. Заметив, как разгорелось у мальчика лицо, Филипп с улыбкой сказал:

— Ты мне напоминаешь Уилла перед сражением при Барнете. Тогда ты, если не ошибаюсь, только на свет появился.

— Сэр Уильям заходил к вам, — заметил Хью, — но не застал. Был еще милорд камергер.

— Да, я знаю, что Уилл был здесь. А также Зуче, Грейстоук и Скруп — весь цвет рыцарства с севера. Хью, я кажусь тебе стариком?

— Стариком, сэр? — Мальчик изумленно посмотрел на Филиппа. Дядя был совершенно серьезен, хотя похоже было, что он шутит.

— Мне тридцать семь. Многие в таком возрасте уже деды. А как по-твоему, тридцать семь — это много?

— Нет, — решительно ответил Хью и тут же смазал собственные слова, честно добавив: — По крайней мере, у вас нет такого живота, как у сэра Роберта.

— Ну, спасибо! Слава Богу, — у нас, недостойных, есть подходящие штаны.

Хью не понял шутки, но Филиппа это вполне устраивало.

В полной мере сознавая свою ответственность, Хью молча укрепил кольчугу на узких бедрах воина и потянулся за кирасой.

Небо прояснилось. Закончив одеваться, Филипп задул свечи и вышел наружу. В кармане камзола, слегка оттопыривая его, все еще лежали письма Ричарда. Филиппу не терпелось увидеть его и сказать, что он принимает дар. Впрочем, сначала надо было покончить с Тюдором. Так что письма подождут. Через несколько часов все будет позади, и тогда — вот тогда Филипп скажет свое слово.

Подойдя к королевской палатке, он увидел, что у входа собралось несколько человек. Там стояли Норфолк с сыном; комендант Тауэра Брекенбери, на худом лице которого застыло обычное для него бесстрастное выражение; Фрэнсис, Перси, Рэтклиф, Эштон и другие лорды с севера. Почти все

они были знакомы Филиппу еще по Миддлхэму. Это сразу же навело его на мысль о Джеймсе Тайреле. Странно, что его не было здесь в такой день. Впрочем, король давно отдалил его от себя — теперь Тайрел был комендантом крепости в Кале. Ричард ничуть по нему не скучал. В памяти все еще живо стояло лицо начальника королевской стражи, когда Ричард изо всех сил ударил его в Ноттингеме. Это произошло вскоре после того, как утром к нему, спотыкаясь, подошел один паж. Лицо его было заплакано, а вывихнутая рука сильно распухла, хотя только вчера, когда этот мальчик шел к сэру Джеймсу исполнять свои обязанности, все было в порядке. Через несколько дней Тайрел был отстранен от дел и отправлен в Кале. Филипп был твердо уверен в том, что теперь уже бывший главный телохранитель короля именно его — и не без оснований — винит в переменах в своей судьбе. В глубине души Филипп даже жалел Тайрела, считая его безумцем.

Из палатки вышел Кендал. Он держал гусиное перо и таблички, что как-то не шло боевому офицеру в доспехах. Когда король посвятил его в рыцари и сделал своим личным секретарем, последовало много разговоров. Даже Фрэнсис высоко поднял брови и пробормотал, что еще не видел клерков в кирасе. Кендал первым из всех королевских секретарей стал полноправным членом тайного совета. Несмотря на столь необычный прецедент, он оказался в большей степени на своем месте, чем Кэтсби, который только и умел, что присматривать за порядком при дворе.

Кендал передал посыльному письма, и тот, пришпорив коня, поскакал в распоряжение лорда Стэнли. Разведка донесла, что Оксфорд поднимает своих людей.

— Эй, малышка, может, приляжешь рядом со мной? — пропел Фрэнсис слова из какой-то похабной песенки.

Наконец высоко над головами взвился королевский штандарт.

— Готовы, господа? — негромко спросил Эштон, в это мгновение из палатки вышел Ричард.

Один за другим лорды подходили к руке короля, и с каждым он перекинулся словом. Филиппу досталась беглая улыбка. В ответ на замечание Фрэнсиса о том, что король выглядит усталым, тот непринужденно ответил, что слишком погрузился в раздумья и расплатой стала бессонная ночь. Брекенбери, подошедшему последним, Ричард протянул обе руки, и всем присутствующим показалось, что они что-то сказали друг другу без слов. Король отвернулся. Оруженосец протянул ему шлем. Конюх подвел коня. Филипп, стоявший ближе всех к королю, собрался было помочь ему запрыгнуть в седло, но Ричард на минуту задержался, перебирая вожжи. Затем сказал:

— При Барнете сподвижники отказали графу Уорвику в коне из страха, что он предаст их. Несмотря на это, они не переставая думали о том, каким способом он может скрыться.

Все так и застыли от изумления, и это почти развеселило Ричарда. Он оглядел оцепеневшие лица: это были люди с севера, большинство из них пришло к нему на службу по зову сердца, из любви, зародившейся еще в те годы, когда Ричард и сам жил на севере Англии. В других областях страны на его призыв мало кто откликнулся. Ричард это хорошо запомнил. В глазах своих ближайших боевых соратников он был скорее человеком-легендой, доблестным солдатом на службе у своего брата-короля. Но потом эта легенда рассыпалась на мелкие осколки, как рассыпается дурно отлитый — в грязной изложнице — и неправильно закаленный меч. Единомышленники Ричарда так и не смогли расположить свои сердца к человеку, который занял место мифа. Ричарда это немного забавляло. Он знал — да и как ему, любившему графа Уорвика, не знать, — что глину в золото не превратишь?

Высоко над деревьями запел жаворонок. Король вскочил в седло, свита пристроилась сзади. В авангарде королев-

ского отряда шли Норфолк и Саррей. Немного к северу от центра расположения войск, где Норфолк провел минувшую ночь, авангард столкнулся с Нортумберлендом, который сказал, что ему, по-видимому, лучше не трогаться с места и приглядывать за сэром Уильямом Стэнли.

С вершины одного из Саттонских холмов было хорошо видно, как он выстраивает своих людей в колонну, держа путь на север, в обход сил Генриха Тюдора. Брат Стэнли повторил такой же маневр, но в южном направлении.

Ухмыльнувшись прямо в лицо Нортумберленду, Ричард согласился с его предложением. Он понял, что численность королевской армии стала на треть меньше. Все равно — она превосходила силы Тюдора.

К этому времени Норфолк быстро приближался к Амбьенскому холму, который угрожающе нависал над лагерем противника. Это создавало немалые дополнительные трудности Оксфорду, поспешно собиравшему у подножия разношерстную солдатню, из которой состояло войско Тюдора.

Норфолк применил тактическую хитрость и повел своих людей по крутому короткому склону, оставив место на гребне холма для короля, который возглавил резервные силы. В тот момент, когда Ричард внимательно следил за тем, как арьергард занимает боевые позиции, появился гонец от лорда Стэнли. В ответ на ясное указание короля — сформулированное на сей раз в более решительных, чем прежде, выражениях — соединиться с королевскими войсками, что только и может спасти его сына-предателя, лорд Стэнли высокомерно сообщал, что у него есть и другой сын.

— Правильнее было бы написать “приемный сын”, — пробормотал Рэтклиф, не отводя взгляда от раскинувшейся внизу долины. Позади отрядов Оксфорда, на небольшой возвышенности, можно было разглядеть тщедушную фигуру Генриха Тюдора. Его окружала охрана — несколько сот человек. Побелев от ярости, Ричард круто развернулся.

Рыцари из свиты короля, прочитав по его дрожащим от гнева губам невысказанный приказ, двинулись к сжавшемуся от страха Стрейнджу. Окруженный стражниками, он зарыдал и умоляюще протянул вперед руки. Ричард с минуту молча смотрел на него. Потом, презрительно приподняв верхнюю губу, молча отвернулся.

Далеко внизу пропели трубы, и первая вражеская колонна помчалась вверх по склону. В небо поднялась туча стрел — это начали действовать расставленные по флангам лучники Норфолка. До гребня холма донеслось эхо первого отчаянного столкновения. Сошлись две силы. Образовалась единая кривая линия фронта. Стало невозможно различить — где друг, где враг.

С вершины холма Ричард наблюдал за происходящим внизу. Он сразу догадался, что Оксфорд едва ли не все поставил на первую атаку. Немедленный и очевидный успех — вот его единственный шанс. Оксфорд отчетливо понимал, что в противном случае братья Стэнли ни за что не придут на помощь, несмотря ни на какие данные ему обещания.

Под давлением превосходящих сил противника Норфолк начал медленно отходить. Мгновенно оценив ситуацию, Ричард послал ему на помощь несколько сотен солдат из своего резерва, который и так был не слишком велик. Фронт выровнялся. На гребне холма раздался общий вздох облегчения.

Солнце поднялось уже довольно высоко. Летний жар становился невыносимым. Воины, схватившиеся в рукопашной, задыхались. Движения становились все более вялыми. Ричард мрачно кивнул Рэтклифу, тот двинул в бой новый отряд стрельцов из алебард. С оглушительным треском скрестились древки знамен Оксфорда и Норфолка. Вскоре на вершине королевского холма появился взмокший от пота гонец с известием о том, что граф Норфолк убит. Саррей заменил отца и встал во главе отряда. При свете безжалост-

ного солнца было хорошо видно, как к северу от того места у подножия и на склоне холма, где не прекращалось сражение, вдруг зашевелились отряды сэра Уильяма Стэнли. Это была кавалерия. Стэнли двинул ее вперед, чтобы лучше рассмотреть, что происходит на поле боя.

Ричард не отрывал взгляда от подножия холма. Оксфорд, воодушевленный победой над Норфолком, изо всех сил стремился развить успех. Откуда-то из самого пекла схватки появилось несколько человек. Они несли закованного в латы воина. За ними, не скрывая рыданий, шел мальчик-оруженосец. Отойдя немного в сторону, солдаты положили свою печальную ношу на землю и бегом вернулись в строй сражавшихся, который к этому времени безнадежно распался.

Выждав еще немного, Ричард спокойно сказал:

— Оксфорд почти выдохся. Подкреплений у него нет. — Оглянувшись на свой поредевший резерв, он кивнул герольду и приказал: — Отправляйтесь к милорду Нортумберленду и скажите, чтобы он начинал.

— С какой целью, милорд? — нетерпеливо спросил Фрэнсис, глядя вслед умчавшемуся гонцу. — У нас и своих сил хватит покончить с Оксфордом. Зачем доставлять удовольствие Нортумберленду?

— Хочу посмотреть, что он будет делать, — кратко ответил Ричард.

Ждать долго не пришлось. Граф Нортумберленд почтительно ответил, что ему следует оставаться на месте, чтобы следить за действиями сэра Уильяма Стэнли.

— Жалкий кастрат, — пробормотал Перси. Лицо его покрылось краской стыда: они были одной крови с этим человеком,

Один только Ричард сохранял полное хладнокровие. Он сосредоточенно рассматривал зубренную и постоянно меняющую свой очертания линию, разделяющую враждующие стороны, время от времени переводя взгляд на длинную пу-

стынную тропу, ведущую к небольшой возвышенности, где на фоне голубого неба развевался штандарт с изображением дракона. И не напрасно: вскоре туда проскакал герольд в ярко расшитом камзоле. Вне всякого сомнения, он мчался доложить Тюдору о смерти графа Норфолка. Вот он добрался до места, соскочил с коня и двинулся вперед.

Оруженосец, стоявший рядом с Ричардом, едва слышно прошептал:

— Ваше Величество, да ведь он приносит Тюдору клятву верности как королю.

Ричард обернулся было к одному из своих офицеров, но тот куда-то указывал пальцем. Король посмотрел в ту сторону, и какая-то искорка блеснула в его глазах.

— Ну что же, — медленно произнес Ричард, — придется ему за все заплатить.

К Ричарду подвели его боевого коня по кличке Белый Саррей. В резерве у короля оставалось не так уж много всадников. Но он надеялся, что их должно хватить для выполнения задуманного. Пусть эти “качели” у подножия холма не останавливаются как можно дольше. Пусть братья Стэнли без конца размышляют о том, когда же им следует вмешаться в сражение. На самом деле остается только одна возможность положить быстрый конец происходящему. Захватить Тюдора.

Приближенные молча окружили Ричарда. Им поспешно подвели коней. Король объяснил свой замысел. Со звоном опустились забрала. Филипп принял из рук оруженосца боевую секиру и, передав ее Ричарду, встал рядом с ним. Последним занял свое место в строю рыцарь, в руках у которого развевался королевский штандарт.

Возглавляемый Ричардом отряд неспешно двинулся вниз по склону, фанфары молчали. Враг как можно позднее должен был узнать об истинных планах короля. Обогнув северное крыло фронта, Ричард и его спутники убедились в том,

что Саррей свое дело знает. Двинулись дальше, и только тут раздался громкий фанфарный призыв. С неторопливой рыси отряд Ричарда резко перешел на быстрый галоп. Вверх взвились знамена — Перси, Ловела, Эштона, Брекенбери, Скруппа и даже скромный знак отличия сэра Джона Кендала. Перед ними открылась поросшая низким кустарником Редморская равнина. Справа и слева в настороженном ожидании застыли отряды братьев Стэнли, впереди — окружение Генриха Тюдора. На солнце слегка блестел его штандарт с изображением дракона.

Захваченная врасплох внезапной атакой охрана Тюдора подалась назад. Острый клин, состоявший из нескольких десятков рыцарей Ричарда, разрезал строй из не одной сотни человек. Белый Саррей и почти безоружный рыцарь с королевским штандартом в руках вырвались вперед.

Застывшая кавалерия братьев Стэнли слегка дрогнула, зашевелилась, а сэр Уильям, выехав на своем жеребце вперед, медленно поднял руку.

Филипп вовремя заметил это и, едва увернувшись от налетавшего навстречу вражеского всадника, бросил свою лошадь в сторону и закричал что есть силы:

— Ради Бога, Фрэнсис, скорее к королю! Стэнли двинулся вперед!

Но голос Филиппа потонул в топоте двухтысячной конной армады. Всадники в ярких камзолах вихрем промчались мимо, сметая на своем пути все препятствия, как обычно сметает солому сильным ветром. Филипп увидел, как падает с лошади Кендал, услышал, как Фрэнсис тщетно зовет рыцарей, отрезанных от своего повелителя. Далеко впереди мелькнул королевский штандарт. Знамя Тюдора было совсем рядом. Отчаянно пытаясь пробиться сквозь быстро смыкающийся строй врагов, рыцари Ричарда увидели: сверкнув, взлетела его секира и обрушилась на чью-то голову. Снова взлетела и снова ударила...

Путь преградила кавалерия Стэнли, а когда возник небольшой просвет, сверкающее лезвие исчезло. Алое с золотом знамя лежало на земле, как подрубленное деревце. В последний раз ослепительно сверкнул на солнце серебристый кружок — вспыхнул и упал на землю, оторвавшись от шлема, к которому был прикреплен.

Вслед за этим раздался многоголосый торжествующий возглас, взметнулся лес копий и секир, готовых сделать свое смертельное дело. Безоблачное небо вздрогнуло.

Налетали все новые и новые всадники. Опьяненные победой, совершенно не обращая внимания на рассеянные остатки отряда Ричарда, они стремились пробиться к знамени Тюдора, около которого творилось что-то невообразимое. Вооруженный всадник рванулся было за ними, тщетно пытаясь пробиться сквозь плотную стену, но Филипп перехватил его.

— Куда вы, Фрэнсис? — закричал он. — Все кончено, разве вы не видите?

Кузен словно и не слышал его. Все еще не веря своим глазам, он с непередаваемой тоской смотрел вперед. От подножия холма донесся протяжный звук — это Саррей, сражавшийся до последнего, давал сигнал к отходу.

Генри Тюдор, сильно дрожа от только что пережитого потрясения, слез наконец с лошади. У его штандарта с драконом происходило какое-то движение: время от времени взлетало и резко опускалось лезвие секиры, и наконечники копий то и дело утыкались во что-то, лежащее у поломанного древка знамени Тюдора.

Группа всадников, сняв шлемы, медленно покидала место сражения.

— Стэнли! Эй, вы, гнусный Иуда, обернитесь-ка! — хрипло закричал Фрэнсис, пытаясь пробиться вперед и достать предателя. Сэр Уильям бросил через плечо презрительный

взгляд. Теперь ему нечего было бояться. Отряд его на полном скаку мчался в атаку.

Кое-кто из пеших уступил дорогу приближающемуся всаднику. Один из них вскинул окровавленное лезвие своей алебарды. Узда ослабла, испуганный конь захрапел и рванулся в сторону. На мгновение воцарилась тишина. Затем поводья выпали из рук и безвольно опустились. Всадник выскользнул из седла. Солдаты Стэнли молча переступали через него. Они горели желанием быстрее завершить удачное сражение, настроение было приподнятым. Никому из них и в голову не пришло остановиться и посмотреть, что случилось. Глядя вслед быстро удаляющемуся конному отряду противника, Филипп прыгнул с седла, схватил случайно подвернувшегося испуганного солдатика за ворот и заставил его положить бездыханное тело Фрэнсиса на спину дрожавшего жеребца. Затем, с помощью того же солдата, взобрался и сам. Одежда Фрэнсиса насквозь пропиталась кровью. Он не шевелился, всей тяжестью тела привалился к Филиппу. Впервые с начала сражения Филиппу стало страшно. Обернув вокруг кисти упряжь жеребца, он медленно двинулся в сторону Амбьенского холма. Мелькали перекошенные от страха лица. Солдаты армии Ричарда, проигравшего сражение, спасались бегством. Многие из них пытались схватить коня Филиппа за стремя, словно хотели услышать последний приказ. Они не знали, что делать, несмотря на то, что каждый из них носил на рукаве фамильный герб Ловелов. И каждому Филипп отвечал одно и то же: отправляйтесь по домам, пусть сенешали позаботятся об этом. С трудом взобравшись на холм, Филипп принялся разыскивать Хью. Тот оказался на самом гребне холма. Хью стоял, прислонившись к развороченному прямым попаданием ядра орудию, а Трейнор вынимал из его руки вражескую стрелу.

Оставив его заниматься своим делом, Филипп бережно положил Фрэнсиса на землю, отцепил с его пояса меч, сбро-

сил с онемевшего тела кирасы. Лицо кузена было смертельно бледным. Одна нога ниже колена вздулась, как подушка, и вся была залита кровью. Удар копья пришелся чуть ниже того места, где кончается кольчуга. Острие застряло в паху. Каково было Фрэнсису, когда зазубренный металл вытаскивали из его окровавленного тела, Филипп даже подумать боялся. Он, как мог, обработал рану и крепко перевязал ногу жгутом. Пока сойдет, Бог даст — братья-монахи возьмутся за дело.

Другая нога была сломана, но с ней Филипп справился легче. Используя черенки стрел, он соорудил нечто вроде шины. Теперь надо было подумать о носилках.

В этот момент подошел Трейнор и предложил:

— Здесь у нас есть повозка, сэр. Давайте положим его и отвезем к монахам.

Это была колымага, которую фермеры использовали для грязных полевых работ. Постелив на дно попону, Филипп и Трейнор кое-как положили в нее раненого. Хью, бледный, но полный решимости, пропустил мимо ушей приказ Филиппа лежать на месте и никуда не соваться. Он встал во весь рост и стал наблюдать за происходившим внизу. Он что-то крикнул. Филипп мгновенно догадался, в чем дело, и быстро подошел к нему.

Внизу несколько солдат кольцом окружили лучника. Сверху казалось, что это сцена из кукольного представления. К толстой ветке привязали веревку. Сделали петлю. Лошадь рванулась в сторону, и дерево закачалось. Только “кукольная” фигурка в ливрее, какую носили обычно люди Хауарда, осталась болтаться на нем. И вскоре застыла.

— Филипп... — Голос Фрэнсиса прозвучал едва слышно, словно опавшие листья на осенней дороге. Филипп вернулся к повозке, наклонился к раненому и мягко проговорил:

— Да, я здесь.

Только тут он сообразил, что меч каким-то образом сно-

ва оказался у него в руках. Филипп положил его на землю. Фрэнсис, глядя на кузена, спросил:

— Ну, что там?

Свернув свой тяжелый боевой камзол, Филипп просунул его под голову Фрэнсиса и только после этого ответил:

— Да ничего, не волнуйтесь.

Филипп подумал, что надо бы поторопиться в монастырь, пока люди Тюдора до них не добрались. Взглянув на Трейнора, Филипп понял, что он думает о том же. Словно подслушав их мысленный диалог, Фрэнсис слабым голосом произнес:

— Монастырь — это капкан для кроликов. В придачу солдатня Тюдора стащит меня, волоча за ноги, со ступеней алтаря. А потом примется и за вас обоих...

“Интересно, много ли он услышал”, — подумал Филипп. А вслух беспомощно спросил:

— Но что же делать, Фрэнсис? Вам нужен уход. Я сделал все, что мог, но этого недостаточно. В аббатстве есть и врачи, и теплая постель...

— А у ворот — Тюдоровы палачи. — Глаза Фрэнсиса закрылись. Филипп заметил, как его пальцы вцепились в попону.

Едва слышно Фрэнсис приказал:

— Везите меня в Тичмарш.

Филипп перехватил взгляд Трейнора.

До Тичмарша было не менее тридцати миль, к тому же старый замок за последние сто лет превратился в заброшенные и опасные руины. Филипп поднял голову. Небо было ясным, но к вечеру погода может перемениться, а они еще и полпути не пройдут. Минстер-Ловел располагался не намного дальше, однако Филипп даже и не подумал спросить, почему кузен не произнес этих двух слов и отчего не захотел, чтобы за ним ухаживала Анна Фитцхью.

Издали слышалась невнятная речь, в которой угадывались английские, французские и валлийские слова. Приближались люди Тюдора. Взобравшись на своего измученного коня, Филипп дал Хью знак, чтобы он взял лошадь раненого. Трейнор поедет в повозке.

— Ну что ж, — произнес Филипп, — в Тичмарш так в Тичмарш.

Глава 24

Путешествие отняло у них три дня, хотя здоровый человек способен осилить то же расстояние за один.

По прошествии времени Филипп не раз вспоминал эти дни. Впереди их ожидало бездорожье. Повозка то и дело подпрыгивала на ухабах и проваливалась в рытвины. При каждом новом толчке сердце Филиппа обливалось кровью. Некоторым утешением служило то, что раненый вскоре забылся. Они часто останавливались: надо было менять повязки, которые постепенно пропитывались кровью, сочившейся из очень глубокой раны Фрэнсиса в одной ноге, и поправлять шину на другой. К исходу первого дня они рискнули остановиться на какой-то забытой Богом ферме, где им устроили постель, дали немного вина и чистые повязки. Теперь можно было промыть и заново перевязать раны. Хозяева были не склонны расспрашивать путешественников. Они явно ничего не знали — пройдет несколько дней, прежде чем до них донесутся слухи о перевороте, совершенном Генрихом Тюдором. Тем не менее они предпочитали знать о непрощенных гостях как можно меньше и наутро проводили их с чувством немалого облегчения.

Мягкая утренняя прохлада напоминала Божью милость. Но к полудню опять становилось невыносимо жарко. Донимали мухи. Хью быстро уставал, одна рука у него была на

перевязи. На второй день пути его уговорили прилечь рядом с Фрэнсисом в повозке.

Деревушка под названием Тичмарш лежала посередине между Нортхэмптоном и болотами Линкольншира. Ловелы владели этими землями более двух столетий. Сохранилась большая церковь — немой свидетель былого богатства и силы, благодаря которым она и была построена.

Но замок давно разорили. Сохранился только дом управляющего, стены которого, сложенные из грубого песчаника, утопали в листве пышных садовых деревьев. Крыша была покрыта черепицей из обожженного сланца.

Обитатель дома встретил гостей у ворот. На голове у него, вместо обычного головного убора, виднелась какая-то грязная повязка. Выглядел он донельзя утомленным: только вчера он вернулся домой, приведя с собой из Босворта уцелевших в бою людей. Несмотря на это, он проявил радушие и гостеприимство, сразу предложив Фрэнсису постель, и приказал слугам отнести раненого.

А вот жена управляющего внушала Филиппу некоторое беспокойство. Она была явно напряжена, глаза ее беспокойно бегали, и чувствовалось, что она до смерти боится за мужа. Филипп сочувствовал ей, но его главной заботой оставалось здоровье кузена. О том, что им может угрожать какая-либо опасность, Филипп даже не задумывался.

Тичмарш находился в пустынной, болотистой местности, далеко в стороне от больших дорог. Военного значения ни она, ни запущенный замок не имели.

Со временем Тюдору, хотя бы ради престижа, придется заняться и этими владениями. Пока он не утвердил свою власть в стране, поэтому набеги на Тичмарш могут принести больше неприятностей, чем славы. Филипп рассчитывал, что у них в запасе по крайней мере неделя.

Наутро управляющий послал одного из слуг в Ланкас-

тер. К вечеру слуга вернулся бледный как полотно, с кучей новостей.

Накануне его приезда в городе было много казней.

Провинциальный дворянин и советник Ричарда, Уильям Кэтсби, его сын, о котором было известно только то, что он принял участие в сражении при Босворте, комендант Тауэра, сэр Роберт Брекенбери, Рэтклиф и Кендал погибли в бою. Эштон уцелел. По слухам, ему удалось бежать на север, в Ланкашир, к родственникам. Перси вынесли с поля его люди. Рассказывали, что его спина представляла собой кровавое месиво, словно по ней проскакала вся кавалерия Стэнли. Что касается самого Ричарда... тут охрипший голос слуги осекся. Но он собрался с духом и продолжил. Искалеченного, истерзанного и раздетого донага короля привязали, как какого-нибудь вора, к лошади, на которую усадили его герольда. Вот так надругавшись над покойным королем, его доставили в Ланкастер. В течение двух дней тело лежало на голых камнях, под открытым небом, во дворе молельного дома. Только после этого монахам позволили похоронить короля в безымянной могиле.

На следующее утро, едва проснувшись и подали голос первые птицы, Филипп уже знал, что следует предпринять.

Фрэнсис всю ночь то метался в лихорадке, то погружался в недолгий, беспокойный сон. Когда он пришел в себя, Филипп заявил, что в Тичмарше ему не может быть обеспечен надлежащий уход. Это была правдоподобная отговорка. В действительности Филипп прекрасно знал, что в Англии существует только одно-единственное место, где его кузен может чувствовать себя в полной безопасности.

Для Фрэнсиса соорудили удобные носилки.

К моменту отъезда рана Хью почти совсем зажила. Он, с присущим ему упрямством, не соглашался ехать отдельно от Фрэнсиса.

Двигались они медленно, часто останавливались, чтобы

передохнуть. Путь их лежал через пустынные равнины Кембриджшира на юг, к бенедиктинскому монастырю, расположенному в Колчестере. По мере приближения к цели путники все больше ощущали соленое дыхание моря.

Под вечер брат Мартин, внимательно осмотрев раненого Фрэнсиса, сказал, что лечение займет несколько недель. Филипп согласился — достаточно было взглянуть на кузена, чтобы понять, насколько были серьезны повреждения.

Наутро Филиппу предстояло ехать дальше. Фрэнсис все еще был погружен в глубокий сон, действовала большая доза снадобий, поэтому попрощаться с ним не удалось. Он безвольно раскинулся на белоснежных простынях, дыхание едва было слышно. Временами казалось, что Фрэнсис мертв.

Приор обещал держать Филиппа в курсе всех событий. Филипп поблагодарил, но не успокоился. Как бы ни тревожился он о кузене, как бы ни хотелось задержаться — нельзя: надо было срочно отправляться в Оксфордшир, где его с нетерпением ждали.

Снова продвигались вперед медленно — у Хью опять разболелась рука. До Ипсдена добрались только через неделю. У Филиппа не было никакой возможности увидеть сестру или хотя бы послать ей весточку. Она, наверное, сходила с ума — боялась за своего мальчика. Может, госпожа Алиса послала кого-нибудь из своих людей, вернувшихся в Уиллоуфорд после сражения, успокоить ее. В Босворте из Ипсдена не было никого.

Гилберт оказался дома и встречал гостей в большом зале. Они с Филиппом перекинулись несколькими словами. Филипп спросил о здоровье Кейт и всех остальных. Гилберт, казалось, искренне, но довольно сдержанно выразил сочувствие по поводу случившегося. Вежливо поинтересовался, как дела у лорда Ловела. Узнал о его ранениях, заговорил о надежде на скорое его выздоровление. Все это он произносил сдержанным тоном.

— Не скажите, Гилберт, досталось ему крепко, — возразил Филипп. — Уход за ним... — что-то заставило его сделать паузу, — уход за ним хороший, но встанет он еще не скоро.

— В самом деле? А где он? Надо полагать, где-нибудь неподалеку от Босворта? — Гилберт с любопытством посмотрел на Хью. Тот ответил совершенно растерянным, непонимающим взглядом. Филипп демонстративно отвернулся.

— Пожалуй, не слишком далеко, братец Гилберт, — ответил наконец Хью. — Ехали мы довольно долго, хотя сколько точно — не скажу. Меня самого немного поцарапало, так что в голове все смешалось.

Гилберт коротко кивнул. Он отправил сводного брата к матери, которая была в своем будуаре, Хью двинулся неуверенным шагом, ссутулив плечи. По его походке можно было с уверенностью сказать, что молодой воин, только вернувшийся с поля брани, был измучен до предела.

Филипп не сделал ни малейшей попытки последовать за ним. Постепенно становилось ясно, что в доме Гилберта Секотта им не рады. Нетрудно было понять причину сдержанного отношения. Филипп слегка покраснел. Он хорошо помнил, что раньше здесь всегда встречали с распростертыми объятиями. Поэтому он поспешил раскланяться.

На прощанье Филипп сказал:

— Хью, разумеется, на некоторое время останется здесь, под присмотром матери. С вами, Гилберт, я свяжусь позже. Надо будет поговорить о дальнейшей службе мальчика в Уиллоуфорде. — На пороге он не удержался и с горечью добавил: — Собака, которую вы подарили, все еще у меня. Она великолепна! И знаете, такая верная: надолго я никогда не уезжаю, но она всякий раз встречает, словно меня десять лет не было дома.

Гилберт и бровью не повел. Филипп подумал, что он не видит за собой никакой вины.

При виде Уиллоуфорда Филипп и думать забыл о Гилберте Секотте. Он добрался до дома под вечер. Минуя мост, затем заброшенную хижину, Филипп пустил лошадь вброд. За время его отсутствия ивняк сильно разросся. По обе стороны изрядно вытопанной тропы поднималась бархатная трава, похожая на степной ковыль, — ее мохнатые соцветия опадали, едва Филипп прикасался к ней.

С высокого противоположного берега открывался вид на широкое поле — такое знакомое и такое мирное, словно не было никакого Босворта. Филипп увидел крестьян, которые укладывали сено в стога. Чуть поодаль пахари готовили землю под озимые. Заметив Филиппа, все побежали к нему. Окружив хозяина, крестьяне наперебой укоряли его за то, что от самого Ланкастершира он путешествует лишь в сопровождении грума и оруженосца. Еще больше жителей Уиллоуфорда поразило то, что на пути Филиппу не встретились ни французские, ни валлийские мародеры. Пока милорд отсутствовал, наперебой рассказывали ему собравшиеся, кого только в доме не было! На пути в свои поместья заезжали многие господа, уцелевшие в битве при Босворте, и все, между прочим, в сопровождении охранников. По-видимому, они хотели о чем-то потолковать, посоветоваться с сэром Филиппом. Но кто они и откуда — даже управляющий не смог распознать все эмблемы.

Филипп медленно ехал к дому. Он испытывал какое-то незнакомое доселе чувство — глубинный, первобытный инстинкт собственника, неудержимую радость оттого, что, родившись как бы заново, видит широкие, плодородные поля, принадлежащую ему землю. Пусть богатые имения, которые Ричард собирался подарить ему, ушли навсегда, похоронив вместе с собой частицу души Филиппа. Та земля, которую он сейчас видел, осталась. Ничего не изменить, пока Генри Тюдор топчет сапогами своей наемной солдатни часть Англии. Принцы и короли рождаются, живут и умирают, а они —

зеленые холмы у дома — старше всех королей и принцев, вместе взятых, старше Рима и Цезаря, воины которого однажды достигли туманного Альбиона.

Филипп невольно подумал о том, как поведет себя победивший Тюдор по отношению к сторонникам поверженного короля. Свежа еще память о том, сколько крови было пролито под Босвортом и Лейсестером. Но находясь здесь, под этим ласковым солнцем Оксфордшира, не хотелось верить, что предстоят новые тяжелые испытания. Филипп искренне надеялся, что все образуется. Он не представлял себе, что Линкольн — честный, разумный, осторожный, неизменно верный Ричарду — пойдет против Тюдора. Если Генриху так уж нужна английская корона, пусть носит ее, а Филипп Ловел постарается забыть, как он обошелся с тем, кто был ему другом. Он будет добропорядочным подданным. Он принесет, как бы это ни было противно, клятву верности Тюдору. Более того, в случае необходимости послужит ему своим оружием, как того требует честь. Все, что угодно, лишь бы не пришлось ехать в Вестминстер и лицезить на месте Ричарда какого-нибудь валлийца.

Филипп ощутил чувство утраты. Он почувствовал почти физическую боль. Его бросило в дрожь. В этом лихорадочном состоянии его согревали мысли о Маргарэт. Конечно, после роскоши, в которой она жила все эти годы, это поместье покажется ей более чем скромным. Хотя возможно, и она устала от всех этих принцев и придворных церемоний. В конце концов она поймет, что необходимо позаботиться о будущем Хью. Мальчик должен получить все, что ему было обещано. Если события будут развиваться так, как рассчитывает Филипп, кое-что Маргарэт унаследует от покойного мужа. И хотя эта доля едва ли будет значительно превосходить то, что досталось ей в качестве приданого в Англии, — все равно немало. В любом случае Филипп не собирается грабить детей Маргарэт в интересах своего племянника.

Филипп въехал во двор. Он увидел лицо матери. Упрек застыл в ее глазах: зачем ты, сын, убиваешь себя, рвешь материнское сердце? Прижав госпожу Алису к груди, Филипп почувствовал, что она дрожит. Сказалось и длительное отсутствие новостей, и ожидание. Когда-то она так же переживала за мужа, вставшего под знамена герцога Йорка. В сознании матери без конца повторялись, многократно усиливаясь, все опасности недоброго времени, которые так или иначе отразились на судьбе ее сына. Она рассказала Филиппу о своих опасениях и переживаниях.

Филипп, как только мог, успокаивал мать. Он убеждал ее в том, что нельзя сравнивать битву с Тюдором и действия герцога Йорка — ведь Йорк поднял оружие против своего короля. Однако она, вцепившись в руку Филиппа, без конца повторяла:

— Что теперь будет, что будет? — И добавила: — Гилберт Секотт не поехал в Босворт. Он остался дома, и твоей сестре не придется теперь искать крышу над головой. Разве я тебе не говорила, что все этим и кончится?

Филипп промолчал, хотя это стоило ему немалых усилий. Внезапно он почувствовал, как накатила волна жалости к матери. Он вспомнил о том, что в золотую пору своей жизни совершенно о ней забыл. Матери ничего не досталось от щедрот любимого сына. В то время госпожа Алиса без конца занималась хозяйством, и если эта земля сейчас приносит плоды, то только благодаря матери и тем верным слугам, которые ей помогали. И вот сейчас, под старость, ей грозит изгнание. Единственным, хотя и слабым утешением Филиппу служило то, что он рисковал не только ради своего благополучия, но и ради жизни матери.

Поскольку спорить с матерью было бесполезно, Филипп пытался отвлечься от грустных мыслей работой. К счастью, в эти дни дел было по горло: наступило время сбора урожая, затем — сева озимых. Наемным работникам необходимо было

обеспечить жилье и питание. Все это время Филиппа неотступно преследовали мысли о том, что происходит в Минстер-Ловеле. Приехав в имение, Филипп почти сразу отправил туда грума с запиской для Анны. Он все еще надеялся побывать там, как только позволят дела.

Однако грум вернулся с неожиданными новостями: оказывается, в Минстер-Ловеле гостит сейчас какой-то странный господин по имени лорд Тэлбот, родич миледи, которому недавно вернули права собственности на отцовские земли.

Филиппа так и передернуло, когда он услышал это имя. Хотя из невнятного ответа Анны на его письмо следовало, что ей не терпится узнать все подробности о злоключениях мужа, Филипп все откладывал поездку. Ему трудно было представить себе, как это он, Филипп Ловел, обменивается любезностями с верным слугой Генриха Тюдора.

Как-то днем, вставая из-за обеденного стола в большой гостиной, госпожа Алиса схватилась за бок и рухнула на пол. Ее отнесли на кровать, постарались облегчить страдания, но на следующий день, незадолго до захода солнца, она умерла. До последнего момента Филипп оставался с матерью. Он вышел, только когда священник исповедовал умирающую. Мать нашла в себе силы продиктовать завещание; распорядилась насчет того, где и как ее похоронить. Затем она устало откинулась на подушки. Даже сейчас эта измученная жизненными трудностями женщина сохраняла невозмутимость и достоинство, не позволяя себе быть слабой. Филипп осторожно прикоснулся к ее ладони и гладил высохшие пальцы до самого мига кончины.

Ночь медленно отсчитывала свои часы. Филипп клял себя за то, что испытывал лишь сострадание. Ему вдруг стало невероятно тоскливо. Он вспомнил все огорчения, неудачи и печали. Но больше всего сердце разрывала мысль о том, что много лет назад его душа оторвалась от души матери —

женщины, которая выносила и родила его, — и зажила отдельно, своей собственной жизнью, без нее.

Словно компенсируя недостаточную глубину своего покаяния, Филипп очень тщательно следил за тем, чтобы все предсмертные желания матери были исполнены как надо. Впереди похоронной процессии, направлявшейся в церковь, шел с колокольчиком в руках приютский мальчик. За гробом следовала дюжина плакальщиц в черных капорах. В приходских церквях Уиллоуфорда и Литл-Баркинса щедро раздавали милостыни за упокой души новопреставленной Алисы.

Своей дочери Кейт она завещала половину урожая с земель, составлявших вдовью часть наследства, и кровать с тяжелым балдахином, а внукам — Хью и Роджеру Секоттам — кошелек с двадцатью фунтами. Впрочем, Филиппу еще предстояло уведомить наследников о том, что им причитается, так как ни Кейт, ни внуки, ни кто-либо другой из Ипсдена на похороны не приехали. Филипп размышлял над тем, не Гилберт ли приложил к этому руку.

На седьмой день после похорон Филипп впервые после возвращения домой обедал в большом зале. Он один сидел за столом, предназначенным для хозяев, стул его казался тем более сиротливым, что здесь же, в зале, на своих обычных местах расположились едва ли не все жители замка. Филиппу не хватало матери, которая обычно садилась рядом, и Хью, стоявшего в начале трапезы за спиной. У ног Филиппа, положив морду на лапы, прилегла его верная собака. Получив очередной кусок мяса из тарелки хозяина, она благодарно завиляла хвостом. В тот момент, когда паж протянул Филиппу миску и ковш с водой, в зал вбежал привратник и сообщил, что у ворот — незнакомые люди.

— Очень много. Целая толпа, — пояснил он. — Их предводитель называет себя оксфордским шерифом.

Филипп так и застыл на месте. В прежние времена ок-

сфордский шериф частенько наведывался в Уиллоуфорд. Раз привратник не признал нынешнего гостя, значит, на месте старого друга кто-то другой. В наступившей тишине Филипп чувствовал, что слуги не сводят с него глаз. Паж побледнел, руки его задрожали, и на скатерть упало несколько капель воды. Под пристальным взглядом хозяина он взял себя в руки. Вода снова потекла в миску.

Сполоснув руки, Филипп произнес ровным голосом:

— Скажите им, пусть заходят.

Он тщательно протирал руки салфеткой, когда у самой двери раздался громкий топот сапог. В зал вломилось не менее двух дюжин вооруженных мужчин. Они сразу заполнили большой зал. Их возглавлял какой-то незнакомый человек. Скорее всего, это и был новый оксфордский шериф: коренастый мужчина с загорелой шеей и светлыми глазами навывкате. В правой руке он держал обнаженный меч. Молча наблюдая, как челядь испуганно жмется к столам, он крупными шагами пересек зал и, засунув ладонь за пояс, остановился рядом со столом. Шериф и не подумал представиться, хотя этого требовали элементарные правила приличия. На какой-то неуловимый миг взгляд его бесцветных глаз столкнулся со взглядом карих глаз Филиппа. Филипп бросил полотенце пажу и не спеша поднялся. В этот момент шериф спросил:

— Вы Филипп Ловел, бывший приближенный тирана Ричарда Плантагенета?

— Да, мне была оказана эта редкая честь, — ровным голосом ответил Филипп. Волосы зашевелились у него на затылке, так бывает с диким зверем, готовым броситься на врага. Почувствовав, что хозяин сильно разгневан, его верная собака ощерилась и зарычала.

Шериф бросил взгляд через плечо, посмотрев сначала на испуганных, застывших, как ледяные статуи, слуг, а потом на одного из своих спутников.

— Очистите-ка помещение, — отрывисто бросил он и повернулся к возвышению, на котором стоял Филипп. — Вы задержаны по обвинению в измене, сэр Филипп. Ваши земли и другие владения конфискуются. Королю благо-угодно, чтобы вас немедленно доставили в Лондон и препроводили в Тауэр.

Напуганная челядь гуськом потянулась в сторону кухни. Что еще оставалось делать? Защищаться было невозможно, так как их застали безоружными. Нетерпеливым жестом Филипп отослал вслед за всеми расплакавшегося пажа, затем обогнул стол и остановился напротив шерифа. Собака следовала по пятам за хозяином.

Словно по команде, пришедшие с шерифом разом шагнули вперед. Это не ускользнуло от внимания Филиппа, но гневный вопрос замер у него на языке. Среди неожиданных гостей он увидел Гилберта Секотта. Филиппу почудилось, что рядом с ним стоит Хью. Вглядевшись, он понял, что ошибся — это был Роджер.

Не выдержав пристального взгляда дяди, мальчик покраснел, но Гилберт даже и бровью не повел.

Не отрывая взгляда от бесстрастного лица шерифа, Филипп сказал:

— Что-то вы задержались, шериф. Я уж месяц как вернулся из Босворта, где был рядом со своим королем. Это вы, что ли, приходили сюда раньше? Управляющий рассказал мне, что кто-то был, да он не знает, кто именно. Тогда надо было оставить кого-нибудь, кто доложил бы вам, когда я вернусь в Уиллоуфорд.

Филиппом овладело странное чувство. Казалось, что его бьющая через край ярость существует отдельно, а сам он совершенно спокоен. Вместо злости пришло полнейшее отрешение. “Чего злиться, — говорил он себе, — ведь против меня лично Гилберт ничего не имеет. Он просто хочет быть уверенным, что никто не бросит в него камень за родство со

мной. И для подстраховки прихватил с собой сына моей сестры”.

Верный пес Филиппа, как будто почувствовав неладное, заскулил и ткнулся мордой в его ладонь. Филипп ласково потрепал собаку. Присутствие рядом по-настоящему преданного существа помогало ему говорить твердо и уверенно:

— На каком основании меня обвиняют в измене?

Ответ был ошеломляющим.

— На основании вооруженного сопротивления своему суверену Генриху, чье правление началось как раз накануне сражения при Босворте.

— Накануне?! Что за бред? — Облокотившись о стол, Филипп посмотрел на шерифа. Но тот, судя по всему, и не думал шутить. Каменное лицо оставалось неподвижным. Не в силах сдержаться, Филипп громко расхохотался. Плечи Филиппа вздрагивали, ему пришлось даже стереть со щек злые слезы. — Вы должны извинить меня, господа, — проговорил он, немного отдышавшись, — последнее время мне было не до веселья, но надо признаться, Генриху Тюдору удалось меня рассмешить. Ему бы лучше растолковать это королю Ричарду, когда они едва не сошлись на поле у Босворта. Не сомневаюсь, что моему королю было бы весьма интересно это послушать. Накануне Босворта!

Голос Филиппа опять задрожал, но он не позволил себе вновь рассмеяться. Взгляд его скользнул по комнате, остановился на кипе бумаг, лежавших на туалетном столике. Только сегодня утром Филипп просмотрел их и сказал управляющему, что ему придется следить за осенними работами. Филипп хотел отправиться во Фландрию.

— Так вот, милейший государь, — повернулся он к шерифу, — в сложившихся обстоятельствах я даже не знаю, кто здесь хозяин — вы или я! Как вам будет угодно — провести ночь здесь или сразу отправиться в Лондон и переночевать по дороге?

— Сначала еще одно дело. — Шериф нарочито небрежным движением слегка подбросил меч. Лезвие грозно блеснуло. — В списке не только ваше имя, есть и другие — человек, насколько мне известно, тридцать. Большинство из них либо убиты, либо взяты под стражу, но некоторые из них до сих пор на свободе. Мне хотелось бы знать, где можно найти лорда Ловела?

Филипп вновь встретился взглядом с шерифом, и какой-то незнакомый доселе холодок пробежал у него по спине. Немного помолчав, он сказал:

— Не сомневаюсь, что вам действительно хотелось бы этого. Но помочь вам ничем не могу.

— А меня уверяли, что можете. Послушайте-ка, — произнес шериф теперь уже не грубым, а умоляющим тоном. Резкая смена была тем более отвратительна, что взгляд шерифа оставался таким же пристальным и холодным. — Послушайте-ка, может, все-таки подумаете? Вы оказались в скверном положении, Ловел. Вам грозят годы и годы тюрьмы. А если вы поможете нам, Его Величество, может, и смилостивится.

Филипп еще раз бросил беглый взгляд на Гилберта, его пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Он подумал о Робе — его сделали калекой на всю жизнь, и теперь он доживает свои дни в Скоттоне с женой и сыном. Он подумал о Фрэнсисе... и вновь бессильная ярость побежденного безоружного воина бросилась ему в голову. Однако заговорил Филипп спокойно и ровно:

— Пусть Генрих Тюдор явит свою королевскую милость собственной заднице. Я ясно выражаюсь?

— Вполне. Но, может быть, это я не вполне ясно выразился! При дворе вы уже никто, Ловел, и чем скорее вы привыкнете к своему новому положению, тем лучше будет для вас. Извольте отвечать на мои вопросы, иначе я вышибу ответы сам, и это вам может не понравиться... — Кто-то из младших офицеров наклонился к уху шерифа, но, повинуясь

резкому жесту, тут же отпрянул. — А мне наплевать на то, кто он такой! — заорал он. — Пусть не задается и рассказывает все, что ему известно, а иначе милорд виконт не позднее чем завтра утром вылетит вверх тормашками из своего бывшего дома! А ну! — Шериф кивнул несколькими сопрождавшим его охранникам, дав понять, что они должны следовать за ним, и поднялся на возвышение. Несмотря на мощное телосложение, двигался он исключительно легко. — В качестве наказания за неподобающее поведение... — он на мгновение задержал на Филиппе свой мрачный взгляд, затем еще раз кивнул, указывая куда-то вниз, — снимите-ка мне его с этого пьедестала.

Филипп инстинктивно подался назад, но сопротивление не имело никакого смысла. Выхватывая из-за пояса кинжал, он услышал сзади торопливые шаги. Филипп резко обернулся, и в тот же миг руки его грубо прижали к бокам. В зубы впечатался чей-то огромный кулак. С хриплым ревом верный пес кинулся вперед. Вражеский меч перехватил его в полете. Собака истошно завизжала. Острое лезвие пронзило бедное животное насквозь. Собака рухнула на пол.

Наступила мертвая тишина. Но тут же послышался сдавленный звук — кого-то рвало.

— Будьте вы прокляты, Гилберт! — взорвался Филипп. — Хоть мальчика уберите отсюда! Ведь ему же много ночей не заснуть после такого зрелища! Ну!

Роджер стоял, бессильно прислонившись к колонне. Лицо его стало зеленым. Он отирал рот. Стоявший поблизости офицер, тот, что перешептывался с шерифом, взглянул на белое как бумага лицо Филиппа, насмешливо поднял брови, подошел к мальчику и схватил его за рукав.

— Что-нибудь с животом не в порядке, малыш? Ну, давай выйдем.

С этими словами он повел Роджера к двери. Вдогонку кто-то крикнул:

— Сполосни ему лицо, Ник!

Выйдя во двор, Роджер склонился над корыттом. Спутник насмешливо наблюдал за ним. Когда у мальчика кончились приступы рвоты, офицер отошел к колодцу, наполнил до краев черпак и, не говоря ни слова, выплеснул всю воду на голову Роджера. Жадно хватая ртом воздух, мальчик выпрямился.

— Извините... извините меня, сэр. Все нормально, мне больше ничего не нужно.

— Да неужели? Вроде и впрямь не нужно, — растягивая слова, заключил “избавитель”. — Ну что ж, боюсь, дяде твоему и этого не достанется. Тут и гадать особенно не приходится. Ведь это твой дядя?

— А что... что они с ним делают?

— Что хотят, то и делают. Да ты не расстраивайся, петушок. От него до утра останется, что повесить.

Роджер снова перегнулся над корыттом, исподлобья поглядывая на Ника. Это был светловолосый, стройный молодой человек, с высеченным, точно из камня, лицом и пронзительно-голубыми глазами, в которых, казалось, постоянно гуляла насмешка. Роджер невольно отвел взгляд.

— Не надо было ему возвращаться, — хрипло сказал он. — Неужели он сам этого не понимал? А мы-то как могли предупредить его? Ведь тогда нас самих тут же бы и схватили... — По-прежнему ощущая на себе иронический немигающий взгляд Ника, Роджер сердито добавил: — Ну и что же теперь прикажете делать? Мы же вообразить не могли, что... что с ним будут так обращаться... И к тому же нас только двое — Гилберт и я...

Подняв с земли ковш, Роджер направился к колодцу, зачерпнул из стоящего рядом ведра воды и сделал жадный глоток. Его спутник равнодушно посмотрел на него и, скривив губы, произнес:

— Ты явно льстишь себе. Вас значительно меньше чем

двое, — вас обоих не хватит даже на то, чтобы сделать одного солдата. — И, повернувшись на каблуках, пошел в дом.

Погреб располагались под гостиной. Убедившись, что пленника надежно заперли внизу, шериф разместил своих солдат в холле, а сам с офицерами пошел наверх. Шум в доме улегся только после полуночи. Луна светила прямо в окна зала. Над серебристой дорожкой мелькнула тень — неслышно пролетела сова. Прошло еще часа два, не меньше — наверху послышались осторожные шаги. Кто-то крадучись подошел к арке в гостиной и, словно в нерешительности, остановился. Затем он проследовал дальше. Дверь, ведущая в погреб, была невысокой, но очень тяжелой. Рядом с ней висела сильно чадившая масляная лампа. Незнакомец бесшумно отодвинул засов, поднес к дрожавшему на сквозняке пламени свечку. Лампа начала коптить сильнее, но все-таки разгорелась. Прикрыв свечу ладонью, незнакомец слегка толкнул дверь и спустился в погреб.

Это была длинная комната с высокими узкими окнами и сводчатой крышей. Пахло сыростью. Едва он сделал первый шаг, как что-то прошмыгнуло мимо. На него смотрели маленькие злобные глазки. Незнакомец резко выпрямил руку, крысеньш, тонко пискнув, умчался прочь. Рядом с дверью, у стены стоял железный подсвечник с высокой почерневшей свечой. Незнакомец зажег ее — в комнате стало чуть светлее. В дальнем углу что-то лежало. Незнакомец подумал было, что это куча брошенных мешков. Однако подойдя ближе, понял, что ошибся: там лежал человек. Он зашевелился. Люди шерифа связали его и положили лицом к полу. Незнакомцу мешала его собственная тень — почти ничего не было видно. Он никак не мог рассмотреть лица пленника. Ему удалось перевернуть безвольное тело на спину. При первом же прикосновении пленник напрягся, но тут же услышал громкий голос:

— Спокойно, спокойно. Сейчас все будет в порядке.

В руку узника что-то впилося. Это была грубая веревка. Нижний, свободный ее конец болтался, верхний был завязан тугим узлом на шее и словно служил страшным напоминанием о том, что ждет его утром. Выругавшись, незнакомец ослабил веревки и просунул руку под разорванный воротник. Он ощутил прерывистое дыхание и окончательно убедился в том, что лежавший жив. Удовлетворенно хмыкнув, он прислонил узника к стене, затем поднялся на ноги и осветил комнату. Глаза его наткнулись на большую бочку с вином, стоявшую неподалеку. Налив до краев жестяную кружку, незнакомец опустился на колени и спросил:

— Пить можете?

Узник молча припал к кружке. Вино обожгло потрескавшиеся губы. Сделав пару глотков, он отвернулся. Незнакомец помог измученному человеку лечь на пол.

За бочкой показался выложенный из булыжника внутренний колодец. Незнакомец подошел к нему, смочил подол своей рубахи и вернулся к неподвижно лежащему пленнику. Он стер с его бледного как полотно лица засохшую кровь и грязь, перерезал веревки, стягивающие его руки и ноги.

— Ну вот, так-то лучше. Насколько я могу судить, кости целы, хотя вам, по всей вероятности, кажется, что внутри все переломано.

Узником был не кто иной, как Филипп. Его благодетель присел на корточки и поставил свечу так, чтобы они смогли хорошо рассмотреть друг друга. Губы его слегка изогнулись в какой-то странной улыбке.

— Меня зовут Николас Феррес, сэр Филипп. Боюсь, вы меня не помните.

— Феррес? — с трудом повторил Филипп. — Я знал одного Ферреса. Он погиб при Босворте. Храбрый был человек.

— Нет, нет. Мы с ним даже не родственники. Мы с вами встречались несколько лет назад, и я до сих пор помню,

как тепло вы меня, совершенно незнакомого человека, приняли и даже помогли достать лошадь. — Феррес откинул назад волосы и снова улыбнулся — на этот раз широко и открыто. — На купленной вами кобыле я добрался до Уилтшира, где и остался, последовав вашему совету. А вы тогда, если не ошибаюсь, поехали в Тьюксбери.

Филипп посмотрел на своего собеседника. Он вспомнил постоянный двор в Глостершире, где они когда-то останавливались с Фрэнсисом. Мрачный, грубый хозяин и парнишка, который едва держался на ногах от усталости и постоянно оплакивал несчастную судьбу Ланкастера и сына Маргариты Анжуйской.

— Теперь вспомнил, — сказал наконец Филипп. — И еще вы напомнили мне о существовании Генриха Тюдора. А то я совсем забыл о нем. Ваш новый повелитель заслуживает восхищения, Феррес. — Последние слова Филипп произнес с едкой горечью. — Этот человек времени зря не теряет.

— Ах, вы об этом? — Феррес указал на потолок. — Ну так приверженцы короля — не все на один аршин. Разве у короля Ричарда не было подданных вроде тех, кто сейчас наверху?

После недолгого молчания Филипп сказал:

— Извините, пожалуй, вы правы. Ваш начальник напомнил мне одного давнего знакомца. Мне иногда даже казалось, что он сумасшедший. — Филипп откинулся назад, прислоняясь к стене, потер онемевшие кисти рук. — Господи, да что это в конце концов такое — союз единомышленников или общее дело? Ни у союза, ни у общего дела нет единой души, о спасении которой надо заботиться, как нет и единого тела, которое могло бы дрогнуть под пытками. И за союзом и за делом всегда стоят конкретные люди. А каждый человек имеет свое неповторимое “я”. Двух похожих людей не найдешь. Во Франции вам, пожалуй, скажут, что англича-

не рождаются с хвостами. — Филипп хрипло рассмеялся, но тут же умолк: каждое движение вызывало жгучую боль в груди. На его онемевших ладонях вновь выступила кровь. Левой рукой Филипп совсем не мог пошевелить: на нее наступил сапогом кто-то из солдат шерифа. Филипп обернул ее своей рубахой и снова изучающе посмотрел на молодого человека. — Спасибо, что пришли, Феррес. Эта ночь... она долгая. Разное приходит в голову — зачем человек живет, есть ли у него право оборвать собственную жизнь или нужно за нее бороться до конца? Интересно, таких, как Гилберт Секотт, посещают подобные мысли? Создается впечатление, что он отлично знает, чего хочет. Да вот только я никогда всерьез его не воспринимал, не считал нужным... — Филипп пожал плечами. — Кстати, вы помните хозяина постоянного двора в Глостершире? По-моему, он снова открыл свое заведение. Тоже забавный тип — вроде Гилберта, но эти люди, по крайней мере, получили в наследство землю.

— Да, кое-что им досталось, — спокойно ответил Феррес, — кроме наживы, их ничто не интересует.

Феррес поднялся, подошел к окну и задумчиво поднял голову. Окно находилось высоко. Для того чтобы выбраться наружу, надо было встать на чьи-нибудь плечи. Постояв немного, он искоса посмотрел на бочки с вином. Одна оказалась почти пустой, и Феррес легко подкатил ее к подоконнику. Забравшись на бочку, он убедился, что достает рукой как раз до задвижки. Он дернул за крюк, все получилось как надо. Феррес спрыгнул на пол и лаконично пояснил:

— Для объяснения сойдет. У стены вас ждет лошадь, сэр. Верхом ехать можете?

Словно отказываясь верить ему, Филипп спросил:

— Вы... вы даете мне бежать?

— А иначе что мне здесь делать? Буду откровенен с вами, сэр. Мой король отнял у вас и ваших друзей земли. За это я не могу его винить. Иначе как ему себя обезопасить?

Но из всех приверженцев Ричарда Глостера вы, с моей точки зрения, меньше всех заслуживаете... — Феррес бросил беглый взгляд на веревку, — этого. Что ж, такова жизнь. Впрочем, я не философ. Одно только знаю — участвовать в казни я не хочу.

— Но вы ведь можете поплатиться за это!

— Сомневаюсь. — Феррес уже довольно долго тер обрезанные им концы веревки. Решив, что хватит, он критически оценил результаты своего труда и отбросил веревку в сторону. — Ну вот. Не следовало бы, конечно, отпускать вас одного в таком состоянии, но тут уж ничего не поделаешь. Да, кстати: я бы на вашем месте не стал искать приюта у старых друзей. Люди, знаете ли, меняются. У вас в запасе есть шесть часов, пока люди шерифа не хватятся и не кинутся в погоню. По-моему, вам стоит двигаться в сторону побережья — там найдете какую-нибудь посудинку и переправитесь через пролив. Ну, как вы?

Филипп пошевелился и с трудом поднялся на ноги. Ему пришлось немного постоять, прислонившись к стене, — перед глазами все плыло.

— Порядок, — наконец произнес он и пошел к колодцу.

Смочив виски, он опустил в воду тряпку — клочок своей рубахи, — выжал ее и тщательно обвязал покалеченную ладонь. Феррес приблизился к двери, бесшумно открыл ее и выглянул наружу. Было абсолютно тихо. Он подождал Филиппа, проверил, не оставил ли каких-нибудь следов, задул свечу и закрыл дверь.

Стараясь не шуметь, они медленно направились к лестнице. Феррес шел впереди. Дверь из гостиной вела во двор. За кустами виднелась приоткрытая калитка. Светила полная луна, заливая двор бледным светом. Феррес и Филипп шли тихо, осторожно прижимаясь к стенам, где было совсем темно. Филипп остановился — идти мешала страшная слабость. Но свежий воздух, который показался ему особенно

бодрящим и приятным после спертой, удушливой атмосферы погребца, помог Филиппу быстро прийти в себя.

Гнедая кобыла, уже оседланная, ждала Филиппа в близлежащей рощице. На ее спине красовалась толстая попона. Рядом лежали вино, немного еды и ворох одежды.

— Все это похищено из вашего собственного дома, — ухмыльнулся Феррес, помогая Филиппу разложить одежду. Тут было все: рубаха, рейтузы, башмаки, камзол и теплый плащ. Филипп неловко — работала только одна рука — натягивал это на себя. Феррес отстегнул от пояса кошель.

— Деньги вам не помешают, — сказал он, — придется ведь заплатить за переезд через пролив. Боюсь, что люди шерифа уже изрядно пошарили у вас по углам. Так или иначе — пусть это будет моей запоздалой платой за ту клячу, которую вы купили мне на постоялом дворе.

— Вы и так уже со мной слишком щедро рассчитались. — Слегка покраснев, Филипп все же взял дар Ферреса. Он обернулся, посмотрел на дом и добавил неуверенным голосом: — Совсем забыл, Ник. Мне еще кое-что надо взять с собой. Смотрите, как вам лучше — здесь подождать или, может быть, вернуться к себе в постель.

— С собой? — как эхо, откликнулся Феррес. — Боже мой, уж не собираетесь ли вы рыскать по всему дому только для того, чтобы взять на память какую-нибудь безделушку?

— Нужно, Ник, — повторил Филипп более твердо, — поверьте, иначе я ни за что не стал бы рисковать. Без этого все ваши труды пойдут прахом.

Филипп уже двинулся обратно. Выругавшись про себя, Феррес поспешил за ним.

— Нельзя вам туда возвращаться. Наверняка на кого-нибудь наткнетесь. Люди шерифа весь дом заняли. А что нужно-то? Скажите, я и сам схожу.

Филипп неохотно уступил:

— Это наверно, в моем кабинете. В сундуке — только не

спутайте с ящиком, где лежат деньги, — два письма. Они свернуты в трубку и перевязаны лентой.

— Найду. — Шаги Ферреса замерли вдали.

Филипп прислонился к стене. Он снова почувствовал слабость и тошноту. Покалеченная рука совершенно не слушалась. Вид ее был ужасен — это было нечто бесформенное и являлось непрерывным источником чудовищной боли, которая отдавалась во всем теле. Пальцы окоченели и почти не шевелились. Кое-как разорвав на полосы рубаху, Филипп попытался обмотать ими голову. Внезапно в кустах хрустнула ветка, послышались чьи-то голоса.

Одна из повязок затрепетала на ветру. С трудом разжав пальцы, Филипп сбросил ее на землю. Он подумал о том, что теперь уже ничто не имеет значения. Приор и без него позаботится о Фрэнсисе. Будь Ричард жив, он признал бы, что Филипп сделал все от него зависящее. “Чему быть — того не миновать, — мысленно сказал он себе, — нечего больше и стараться. Лишь бы Ник остался вне подозрений”.

Не в силах сдвинуться с места, Филипп напряженно прислушивался. По освещенной лунной тропинке скользнула чья-то тень. Сердце Филиппа едва не выпрыгнуло.

— Хью?!

— Дядя!.. Сэр! — Мальчик быстро продрался сквозь кусты и резко обернулся.

— Все в порядке, Грегори, он здесь.

Хью снова двинулся вперед. За его спиной из мрака внезапно возникла долговязая фигура Трейнора.

— Грегори, как же так... Я был уверен, что тебя заперли вместе с остальными на кухне. — Филипп протянул правую руку Хью. Мальчик вцепился в нее так, словно боялся, что дядя испарится на его глазах.

Трейнор слегка улыбнулся и объяснил:

— Через дымоход выбрался. Вы ведь только вчера говорили, сэр, что верхнюю его часть надо заново выложить

кирпичом, а то там все раскрошилось. Я отправился за лордом Одли, уж он-то не из тех, кто оставляет друзей в беде, и по пути встретился с господином Хью. С вами все в порядке, сэр?

— Да более или менее, Грегори. — Филипп осторожно высвободил руку, стараясь не обидеть Хью, и протянул ее старому слуге.

— Сегодня днем Ипсден наводнили стражники Тюдора, — рассказал Хью. Теперь он держал дядю за рукав. — Я узнал об этом только после их отъезда. Говорили, что они ищут вас. Тут я заметил, что и Гилберт уезжает, а с ним и Роджер. — Хью поднял голову и посмотрел на Филиппа как взрослый, зрелый мужчина. — Ведь Гилберта здесь нет — не так ли, сэр, или...

Филипп смотрел на Трейнора с чувством огромной благодарности.

— Нет, — твердо ответил он. — Да и что ему здесь делать? У него все время теперь отнимает хозяйство, ты ведь и сам это знаешь, Хью. Зачем же обижать такими предположениями старшего брата, а вместе с ним и Роджера?

Выговорить все это Филиппу было гораздо труднее, чем он думал. Наградой стал посветлевший взгляд мальчика. Филипп решил, что риска тут нет никакого: вряд ли Гилберт будет хвастаться своими "подвигами". Он любит, когда о нем хорошо думают и отзываются, особенно если за это не надо платить.

Филипп перестал думать об этом человеке и навсегда вычеркнул его из памяти. У него были совсем другие заботы.

— Ну что же, Грегори, все оборачивается к лучшему. А то я чуть голову не сломал — и все никак не мог придумать, как сообщить лорду Ловелу о том, что происходит. Сначала было решил сам поехать. Потом сообразил, что, попади люди шерифа на мой след, он выведет их прямо к Фрэнсису. Неизвестно, сколько еще времени пройдет, пока

он поправится. Поэтому я буду полезен. К тому же меня неплохо знают все обитатели имения Ловелов. А в монастыре сэру Фрэнсису нельзя слишком долго оставаться. Наверняка слухи дойдут до людей Тюдора. Тебе, Хью, тоже лучше всего уехать из Уиллоуфорда: в любой момент кто-нибудь может вспомнить, что ты был со мной после Босворта. Короче, слушай меня. Отправляйся к монахам и расскажи приору о том, что здесь случилось. Скажи ему, что я уехал по делам во Фландрию и буду там до Рождества. Оставайся в монастыре и жди меня. Если, — Филипп на мгновение запнулся, — если мне по каким-либо причинам не удастся вернуться, утешением будет служить то, что милорд Фрэнсис не останется в неведении об истинном положении дел. Передай ему: пусть уезжает из Англии... Ты на лошади? Тогда отправляйся тотчас, да поможет тебе Бог! В день святого Николая увидимся.

Филипп сунул слуге монету и повернулся к племяннику:

— Прощай, Хью. Честно говоря, не знаю, на что ты рассчитывал, уезжая из Ипсдена, но никогда не забуду, что ты отыскал меня. Что же касается всего остального... Вряд ли мы когда-либо еще увидимся... Разве что в один прекрасный день ты приедешь во Фландрию — возмужавший храбрец и красавец, с ярким плюмажем на шлеме и с острым мечом по поясе... Но вот что я хочу сказать тебе на прощание — есть то, что не должно случиться. Я не исключаю, что вскоре ты услышишь речи о том, будто всего происшедшего с нами могло и не быть, будто можно было замирился с королем Генрихом и даже, отсидев свое, получить назад земли. Те самые земли, которые перешли бы к тебе по наследству. Так вот тебе пришлось бы заплатить за все это ценой свободы или даже жизни близкого тебе человека. Я бы не смог заплатить так дорого. Но поскольку я пожертвовал не только собственным, но и твоим благополучием, я прошу тебя честно мне ответить: думаешь, я поступил неправильно?

— Конечно правильно. Любой другой поступил бы на вашем месте точно так же, — не поднимая глаз, сказал Хью.

— Спасибо, малыш. Пройдут месяцы или годы, и ты убедишься, что многие из тех, с кем ты был знаком при дворе короля Ричарда, вполне неплохо устроились в Тюдоровой Англии. И тогда не торопись судить их слишком строго. Запомни одно — меня ничто не держало, я волен был сделать свой выбор. Не берусь утверждать, что поступил бы так же, будь у меня жена и дети, чья участь зависела бы от этого выбора. Конечно, история с лордом Ловелом составляет исключение.

— Я еду с вами, — упрямо сказал Хью. — Неужели вы думаете, что я могу остаться здесь, когда вас изгоняют? Пожалуйста, сэр, возьмите меня с собой, давайте вместе поедem во Фландрию...

Филипп искренне желал этого. Он не хотел просто так лишаться столь преданного оруженосца. И все же отказался. Чувствовал он себя при этом так же, как человек, который, мучаясь жаждой, отказывается от стакана воды.

— Я служил одному королю. Другому служить отказываюсь. Однако это вовсе не означает, Хью, что тебе надо идти моим путем. Все гораздо сложнее, поверь мне. Король Ричард был мне другом, но из этого никак не следует то, что король Генрих будет дурным правителем, недостойным того, чтобы ему служили.

— Но...

— Давай покончим с этим, Хью. Я не на каникулы во Фландрию отправляюсь. Мне и себя-то прокормить не просто будет, что уж говорить о тебе?

Несчастное лицо мальчика исказилось как от удара. У Филиппа перехватило дыхание, но он и вида не подал, как ему тяжело.

Послышались шаги — это возвращался Феррес.

Филипп почувствовал, как стремительно летит время,

которое он начал ощущать как огромный, неумолимо опускающийся пресс.

Филипп заговорил быстрее:

— Вижу сейчас, что многое упустил. Многому мог бы научить тебя в свое время. Тогда мне казалось, будет гораздо лучше, если ты сам до всего дойдешь, сам справишься с трудностями. Может быть, я был не прав, но сейчас уже поздно жалеть. Будь верным, всегда говори правду, не забывай о милосердии. Поцелуй от моего имени мать. Скажи ей, что я буду молиться за вас обоих. А вы молитесь за меня. Прощай, Хью.

— Вы научили меня одной вещи, — севшим голосом произнес мальчик, — ценить человека.

По щекам его струились слезы. Они обнялись. Затем Филипп легонько отстранил мальчика и сказал:

— А теперь отправляйся. Да поможет тебе Бог!

Некоторое время Филипп стоял неподвижно, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Потом все смолкло. Никогда в жизни он не ощущал себя таким одиноким.

Филипп почувствовал на плече легкое прикосновение Николаса Ферреса.

— Вы готовы, сэр? — спросил он. — Я принес то, что вы просили.

В руках он держал два свитка. Узлы на лентах даже не ослабли с тех пор, как Ричард вручил их Филиппу в Босворте. Феррес — не первый, видимо, раз — взглянул на печати. Нахмурившись, он сказал:

— Знаете, честно говоря, мне это не нравится. Если все это обернется...

— Не обернется, Феррес, — устало прервал его Филипп. — Ричарда они не оживят.

Феррес недоверчиво посмотрел на него, но Филипп решительным жестом взял бумаги и сунул их в карман плаща.

— Никогда мне не понять, как такой человек, как вы,

мог называть Ричарда своим другом, — медленно проговорил Феррес.

— Ничего удивительного, — ответил Филипп, — вы ведь даже не были знакомы. — Филипп отвернулся.

Поля, начинающиеся сразу за рощицей, мирно спали при лунном свете. На фоне относительно светлого неба четко выделялась крутая крыша амбара. Все это было уже бесконечно далеко от Филиппа. Он бросил последний взгляд на уходящие в прошлое родные места. У подножия холма журчал ручей. Филипп часто приходил к нему с удочкой. И было это задолго до того, как Ричард бросил вызов Тюдору и призвал Филиппа под свои знамена.

Филипп подумал о дымоходе, который собирался починить, о новой мельнице, которую намеревался построить этой весной.

— Время не ждет, сэр, — негромко напомнил Феррес, — вам надо трогаться.

— Да. — Филипп с трудом забрался на лошадь, натянул поводья и произнес, словно обращаясь к самому себе: — Я здесь родился. — Но из этого ничего не следовало. Филипп наклонился, пожал руку Ферресу, выпрямился в седле и прищипорил лошадь, она послушно направилась к тропе. У поворота Филипп на мгновение задержался и поднял руку. Потом дорога круто уходила в сторону, и он сразу исчез из вида...

Глава 25

При дворе герцогини Бургундской в Малине никто не обратил внимания на незнакомца в довольно потрепанном одеянии. Судя по всему, это был англичанин. Таких, как он, здесь появилось немало после Босворта. Герцогиня была гостеприимна с ними, благодарила от имени брата за верную

службу и старалась, как только могла, ободрить. Она уверяла всех, что обязательно наступят лучшие времена. Герцогиня вела теперь довольно замкнутый образ жизни. Большинство придворных либо последовали за Максимилианом в Германию, либо отправились искать счастья во Францию.

Очувтившись в большом полупустом зале, Филипп не увидел ни одного лица, знакомого по тем дням, когда тон здесь задавал герцог Бургундский.

Филиппа провели к герцогине, которая при его появлении встала и протянула руку. Филипп низко поклонился, передал письмо Ричарда и тут же сделал шаг к двери, не желая мешать. Однако герцогиня жестом остановила его. Сев за стол, она сломала печать.

Это была крупная женщина, чертами лица напоминавшая брата. За последние годы она несколько отяжелела, но и сейчас в ее облике угадывалась былая утонченность.

Зашелестела бумага. Филиппу показалось, что прошло немало времени, прежде чем герцогиня сложила письмо. Оторвав взгляд от роскошного бархатного кресла, на котором величественно восседала хозяйка, Филипп увидел, что она внимательно смотрит на него. В ее глазах отражалось истинное участие. Немного помолчав, она спросила:

— Сэр, вам известно содержание этого письма?

— Нет, оно же адресовано не мне.

Герцогиня смахнула со щеки слезы.

— Да упокоит Господь его душу. Он ведь не для себя старался.

Она свернула письмо в тугой свиток и задумчиво побарабанила по нему пальцами.

— Хотите прочитать, сэр? Я ведь знаю, что вы были друзьями.

С этими словами она вложила свиток в руку Филиппа. Он молча взял письмо, посмотрел на сломанную печать и медленно протянул назад.

— Я в жизни за ним не шпионил. Мадам, письмо адресовано вам. Так давайте не будем нарушать его волю.

В комнате горел камин.

Повинуясь знаку герцогини, Филипп вынул головешку, и она поднесла к ней письмо Ричарда. Не отрывая глаз, они оба смотрели, как постепенно разгорается пламя. Гербовая бумага разом вспыхнула и съежилась. Не различая слов, невольно для себя Филипп на расстоянии угадывал хорошо знакомый решительный почерк. Когда письмо почти догорело, герцогиня бросила остатки на пол, Филипп затоптал их.

— Ну, вот и все, — со вздохом сказала она. — А вы как, сэр Филипп? Чем намерены заняться?

Именно этого вопроса он и боялся. Пытаясь говорить непринужденно, он ответил:

— Согласитесь, выбор у меня не большой. Необходимо срочно спасти кузена. Пока не вывезу его в целости и сохранности из Англии, думать о чем-либо другом не смогу. А потом... — Герцогиня все еще не сводила с него пристального взгляда, поэтому Филипп смущенно отвел глаза. — Как-то мне встретился в Бристолле один моряк. Похоже, это был генуэзец, хоть он предпочитал говорить по-испански. Матросы уговаривали его найти одного известного еврея-посредника, у которого можно было нанять хорошего лоцмана. Незаметно мы разговорились. Он не знал английского, а я — испанского, поэтому кое-как обходились латынью. Моряк возвращался из Исландии и собирался найти путь морем в Индию. Какие-то карты у него как будто уже имелись. По слухам, этот моряк сейчас находится в Испании, копит средства для достижения заветной цели. Так вот я и подумал, что ему может понадобиться честный человек, к тому же владеющий мечом.

Герцогиня высоко подняла брови.

— А я и не знала, что вы так любите приключения.

— Мадам, мне надо зарабатывать на жизнь. — В голосе

Филиппа послышались жесткие нотки. Смягчившись, Филипп с улыбкой сказал: — Человек, у которого только что отняли землю, подобен морскому рачку, потерявшему скорлупу и выброшенному на берег, — беззащитный, беспомощный, ослепленный ярким светом, не знающий, куда податься. То, чему меня всю жизнь учили, вряд ли теперь может пригодиться. Поэтому говорю вам еще раз — выбор у меня не большой, разве что в Германию податься — там сейчас воюют. Но там все чужое. По необходимости убивая человека, я до сих пор всегда знал — за что и ради чего. Нет уж, отправлюсь я лучше к господину Христофору Колумбу.

Герцогиня неуверенно заговорила:

— Может, тут у меня найдется... — Она посмотрела на руку Филиппа, все еще безвольно висевшую на перевязи. Он густо покраснел и грубо прервал ее:

— Если настанет день, когда мне придется просить милостыню, я скорее обращусь к незнакомцам, чем к друзьям. — Немного помолчав, он добавил, делая усилие над собой: — Прошу прощения у Вашего Высочества.

— Помилуй Бог, сэр, что вы себе позволяете! — Герцогиня опасно прищурилась, но затем, к немалому удивлению Филиппа, улыбнулась. — Ладно, только не испепеляйте меня взглядом, я вовсе не хотела вас обидеть. Видит Бог, я прекрасно помню, как мой брат всегда стремился помочь вам, и практически без всякого результата. Филипп, послушайте меня, я буду говорить откровенно. Я всегда считала, что существует только один надежный якорь, если только это понятие применимо к женщине, которая может удержать вас во Фландрии. Нет, нет, не отворачивайтесь. Неужели ваше отношение к Мэг так круто изменилось, неужели все уже не так?

Ответ герцогиня прочитала во взгляде Филиппа. Откинувшись на спинку кресла, она указала ему место рядом с собой. Филипп молча повиновался, но герцогиня ждала. Филипп вынужден был заговорить:

— Разве вы сами не видите? Всего несколько недель назад я действительно собирался приехать сюда, попросить руки Мэг и вернуться с ней в Англию. Но все изменилось. Вы прекрасно знаете мое нынешнее положение. Не могу я объявиться в Эно и предложить ей разделить со мной нищенское существование.

— А вам и не надо ехать так далеко, — сухо заметила герцогиня. — Мэг сейчас вовсе не в Эно. Она здесь.

Филипп побелел. Герцогиня, нахмурившись, упорно глядела куда-то вниз.

— Честно говоря, не вижу таких уж непреодолимых препятствий. Мадам Де Брези осталась не без наследства, а эрцгерцог вполне разумный человек. Его слово в Эно весит немало. Поскольку ясно, что мадам должна снова выйти замуж, он не будет чинить ей препятствий, но только в том случае, если партия окажется подходящей. А в сложившихся обстоятельствах... видите ли, Макс — романтик. Романтик во всем, что не затрагивает интересов дела.

— Да тут и впрямь надо быть романтиком, — туманно произнес Филипп. — Прошу извинить меня, мадам. Если кто и подтолкнул Эрара Де Брези к могиле, так это я. Неужели вы всерьез думаете, что я способен забрать его земли, набить карманы его деньгами и использовать его вассалов для собственного обогащения? Речь идет о моей чести, мадам. — Филипп понимал, что герцогиней движут самые добрые чувства, и смягчил тон. — Не думайте, что я не ценю вашу заботу, Ваше Высочество. Но у меня нет никаких оснований надеяться на то, что мадам Де Брези все еще помнит меня. Как бы я прежде ни желал вернуться в ее жизнь, сейчас на это права у меня нет. Это слишком старая история. Она давно закончилась. Пусть так и будет. Мэг была очень... добра. Я не хочу, чтобы ею двигала жалость и ложное чувство. У нее нет передо мной никаких обязательств.

— Обязательств! — Герцогиня выразительно всплеснула

руками. Пауза затягивалась. Филипп сосредоточенно рассматривал парчовые гобелены, висевшие на стене за спиной герцогини. — Ну что же, в конце концов, это ваше дело. — Филиппа удивило, как равнодушно она это произнесла. — Итак, вы возвращаетесь в Англию за кузенком? Неужели не страшно так искушать судьбу?

Вздыхнув с облегчением от крутой смены темы, Филипп стал рассказывать о Фрэнсисе. Дав ему договорить, герцогиня рассеянно кивнула и заметила:

— Я помню его. Веселый малый и верный друг брата. Не думаю, что с Босвортом для него все кончилось — как не кончилось и для меня. Господи, как подумаешь, что на месте Дикона сидит этот надутый индюк... — Герцогиня словно споткнулась обо что-то и вцепилась рукой в колено. — Послушайте, сэръ, когда вернетесь с лордом Ловелом из Англии, мне бы хотелось поговорить с ним. Скажите ему... — Она замолчала, задумчиво глядя на Филиппа. — Впрочем, нет, сначала надо поразмыслить. Подождите где-нибудь, сэръ. Я напишу письмо, и вы возьмете его с собой.

Филипп устроился в алькове, у окна, наполовину закрытого плотным гобеленом. Чувствовал он себя неважно. Задерживаться здесь ему совершенно не хотелось. Он боялся, что в любой момент в зал может войти Мэг.

Герцогиня вызвала управляющего. Со стороны казалось, что оба они целиком погрузились в свои дела. Время от времени входили и выходили слуги.

При каждом новом стуке двери Филипп чувствовал, как начинает биться сердце, но никто к нему не подходил, за исключением пажа, да и тот лишь робко спросил, не угодно ли ему выпить вина. Паж держал вино на подносе в роскошном серебряном кубке, украшенном скрещенными стрелами — символом Бургундии и Йорков. Филипп подумал, что герцогиня, по всей вероятности, послала этого застенчивого мальчика, чтобы занять его чем-нибудь, а сама тем временем велела разыскать Маргарэт.

Встревоженно пробежав глазами по залу, Филипп заметил, что паж с нескрываемым интересом его разглядывает. Шина на руке — вот что явно занимало его. Филипп невольно улыбнулся, вспомнив Хью, каким он был несколько лет назад.

Осмелев, паж спросил:

— Это вас в бою ранили, сэр? Говорят, вы были в Босворте?

— Нет, боюсь, Босворт здесь ни при чем.

Мальчик был явно разочарован. Чувствуя, что следует хоть как-то оправдаться в его глазах, Филипп угрюмо добавил:

— Но однажды я действительно получил рану в сражении. Это произошло в Барнете, где мы побили графа Уорвика.

У пажа разгорелись глаза.

— Пожалуйста, сэр, расскажите, как это было. Ведь Уорвик был знатный рыцарь?.. — Мальчик споткнулся на незнакомом заграничном титуле и просто повторил: — Граф Уорвик?

Заметив, что Филипп бросил беглый взгляд в сторону, где сидела герцогиня, он поспешно пояснил:

— Все в порядке, сэр. Мадам велела мне занять вас. Ей необходимо решить свои дела.

Бросив в последний раз настороженный взгляд на дверь, Филипп повернулся к мальчику, взял бокал и отпил вина. Облокотившись о широкий подоконник, он указал пажу на место рядом с собой. Затем предложил:

— Знаете, это слишком долгая история. За один раз ее не расскажешь. Лучше расскажите мне о себе. Давно вы при дворе герцогини?

Поставив поднос на подоконник, мальчик чинно уселся на стул, с явным трудом поборов искушение вытянуть ноги.

— Да нет, не особенно. Но мне здесь нравится. Здесь лучше, чем дома с учителями. Скажите, сэр, в молодости вам

тоже приходилось учить латынь? Моя матушка говорит, что всякий воспитанный человек должен говорить на этом языке.

Последние слова пажа Филипп уже не слышал. Не медальон на его груди приковал взгляд Филиппа, хотя антилопа, украшавшая герб Де Брези, была ему известна не хуже розы Йорков. Рука, которую мальчик небрежно положил на подлокотник, была тонкой и изящной, но пробел между большим и указательным пальцами был необычно широким. Глаза, которые неотступно смотрели на Филиппа, оказались не карими, как ему представлялось поначалу, а ореховыми.

— Вам плохо, сэр? — Голос донесся откуда-то издалека.

Кажется, Филипп что-то ответил. По внезапному ощущению тупой боли он понял, что сильно ударился перевязанной рукой о стену. Вокруг все померкло. Мир исчез...

Филипп вспомнил одну лавчонку — в ней торговали разнообразными притирками и травами. Старик хозяин неплохо, хотя и с сильным фламандским акцентом, говорил по-французски — сюда часто захаживали господа придворные в поисках менее невинных лекарственных средств.

Филипп вспомнил, как однажды вышел из лавочки с пузырьком в руках и протянул Мэг. Она в испуге отшатнулась.

— Это предохраняет женщину от несвоевременной беременности.

Мэг так и передернуло — как он смеет даже подумать такое? Она все не принимала это снадобье, а потом было поздно. Но Филиппа к тому времени уже не было рядом.

— Сэр? — Мальчик снова вскочил на ноги и потянулся к подносу. Филипп взглянул на него. Губы у Филиппа совсем пересохли, но, к счастью, он не утратил дара речи.

— А как тебя зовут?

— Симон Де Брези. Я думал, вы знаете, сэр. Мадам сказала, что вы дружили с моим отцом.

— Это верно. Только давно это было.

Мальчик в упор посмотрел на него.

— Он умер. Да вы, должно быть, и сами знаете. Сколько я себя помню, он все время болел.

— Да, это я знаю.

Симон немного неуклюже протянул Филиппу тяжелый графин. Слегка наклонившись, Филипп помог мальчику удерживать его.

— Вот так, возьмите за ручки. Тогда его гораздо легче будет передавать. И меня так же учили, когда я прислуживал графу Уорвику в Миддлхэме.

Показывать пришлось одной рукой, другую сковывали шина и сильная боль. Филипп осторожно помог мальчику. И тут сошлись две совершенно одинаково вылепленные природой руки. Словно обжегшись, старший отдернул свою. Поднося бокал к губам, он заметил, что за ним неотрывно следит герцогиня Бургундская. Губы ее изогнулись в тонкой усмешке. Ему вдруг неудержимо захотелось хорошенько проучить ее — чтобы не лгала в следующий раз так беззастенчиво, будто все у него с Маргарэт в порядке.

— Симон... — Тонкие брови взлетели вверх. — Симон, не послужишь ли мне службу? Мадам, я имею в виду твою мать... пойдя, пожалуйста, к ней и спроси, не может ли она принять... э-э... посетителя?

Десятки слов готовы были сорваться с языка Филиппа, но он не произнес ни одного из них. Нельзя использовать парнишку в своих целях.

— Скажи, что ее хочет видеть человек, приехавший из Англии. — И поскольку мальчик не двигался, по-видимому, ожидая продолжения, добавил: — Меня зовут Ловел. Спасибо, Симон.

Маленький паж ушел.

Филиппу оставалось только терпеливо ждать. Минуты нанизывались одна на другую, каждая была подобна бездон-

ной пропасти, темной и загадочной. Филипп мысленно то оттягивал возвращение Симона, то страстно желал приблизить его. Сердце колотилось, ладони стали влажными.

— Сэр? — Филипп с большим трудом заставил себя повернуться. Лицо мальчика выглядело посуровевшим. — Мадам передает, что будет рада видеть вас.

Из зала они перешли в другое помещение. Затем последовали комнаты — одна за другой, — пролет лестницы, очередная дверь. Апартаменты, в которых они в конце концов оказались, были просторными. Комнату заливал яркий свет. Вдове Эрара Де Брези оказывались подобающие почести. Она чувствовала себя свободно. В другое время и при других обстоятельствах Филипп обратил бы внимание на эту роскошь. Может быть, испытал бы невольное чувство зависти, но сейчас — едва заметил.

В комнате, прямо у входа, толпились пажи, камеристки и служанки. В соседней тоже были какие-то дамы и секретарь герцогини. Перед ними в полупоклоне замер бродячий актер, — судя по его позе, он только что закончил петь.

Дверь в третью комнату была закрыта. Симон постучал и, не дожидаясь ответа, открыл ее.

— Прошу вас, сэр.

Филипп очутился в узком коридоре, который вел в большую комнату. Окно в противоположной стене было наполовину закрыто шторой. Сквозь открытую часть проникали яркие солнечные лучи. На мгновение они ослепили Филиппа.

Здесь уже не было никаких слуг. Мэг одна стояла у резной каминной решетки. Она была предельно напряжена, лицо казалось смертельно бледным.

— Мэг... — Холодное молчание стало ему обвинительным приговором. Ни за что в жизни не мог бы Филипп заставить себя шагнуть вперед. — Мэг, я ничего не знал, Богом клянусь, ничего. Иначе я бы обязательно приехал. Она писала, что с вами все в порядке...

До Филиппа донеслось порывистое дыхание, похожее на подавленный крик.

— Симон сказал мне... он сказал... Я думала, это ваш кузен хочет видеть меня, чтобы сообщить о вашей гибели.

Она протянула ему руки. Он рванулся вперед. Единственное, что ощутил Филипп, ее пальцы в своей ладони и жесткую ткань платья на лице.

— Мадам... — Оба они забыли про мальчика. Симон пристально смотрел на них — удивленно и сердито. Густо покраснев, Маргарэт отдернула руки и со слабой улыбкой произнесла:

— Attends... attends, Simon.

Мальчик в растерянности медлил.

Филипп приподнял голову и едва слышно спросил:

— Он по-английски понимает?

— Всего несколько слов.

Ощущая на себе пристальный взгляд, Симон вышел из комнаты.

— Он прямо ваша копия, Мэг. Я должен был сразу все понять, едва он заговорил со мной.

— Да, пожалуй, что-то есть, — с улыбкой ответила она. — В детстве был похож куда больше. А сейчас, буквально с каждым днем, его характер все сильнее напоминает ваш.

Филипп вздрогнул и еще крепче сжал ее руку. Немного помолчав, он уткнулся в волосы Мэг и прошептал:

— Расскажите. — И, не давая возразить, настойчиво добавил: — Расскажите, Мэг. Я должен знать все. — Филипп отклонился и взял ее за подбородок. — Мне иногда страшно становилось... Он что, поднял на вас руку?

— Не помню. Да и какое это сейчас имеет значение? А потом ему стало плохо, он заболел...

— Да, знаю. Это случилось после нашей последней встречи, верно? Ну, говорите же.

— Он пришел ко мне в комнату. Я ухаживала за Мар-

той, на ней места живого не было. Он остановился на пороге и стал осыпать меня упреками. Я во всем призналась. Не знаю уж, на что рассчитывала. Хотела, наверное, чтобы он убил меня. Правда, хотела. Я думала, что больше вас никогда не увижу, а иначе зачем жить?

Маргарэт замолчала.

Филипп только и сказал:

— Понимаю.

— Эрар держал меня за руку. А что говорил, я не слышала. И вдруг он упал. Похоже было на обморок. Прибежали врачи. Пока он поправлялся, мы оставались в Сен-Омере. Когда немного окреп, уехали в Брюссель. Там я узнала, что Эрар собирается усыновить Огюста и сделать его своим наследником. Больше ведь никого не было. К тому времени я уж не сомневалась... — голос ее задрожал, — что молитвы мои услышаны, что у меня от вас будет ребенок. Перед отъездом в Лотарингию я сказала, что ребенок от него. Эрар ответил, что поверит только в том случае, если я поклянусь на Библии, что это правда. Я поклялась.

Мы отправились в Эно. Огюст был с нами. Меня он ненавидел, и винить его за то нельзя. Он не верил ни одному моему слову. Огюст хорошо понимал, что, если родится мальчик и Эрар признает его, он останется ни с чем. Всю зиму и всю весну он не спускал с меня глаз. Это он рассказал мне, что произошло между вами в Сен-Омере. “Ну, как вам теперь ваш любовник?” — спросил он. Я целыми ночами не спала, гадая, что сделает Эрар, если увидит, что ребенок слишком походит на вас. Он еще был очень слаб, но передвигался — либо с палкой, либо с помощью слуги.

Когда Симон родился, Эрар вошел ко мне, посмотрел на мальчика и, ни слова не говоря, вышел. Ему все стало ясно. С тех пор по ночам я не оставляла Симона в колыбели. Его брала к себе в постель няня. А днем я сама не спускала с него глаз. Мне ведь доносили, что говорит Огюст. Потом

герцог снова отправился на войну. Огюст уехал с ним и умер в Нанси. Мы узнали об этом в Ленарсдике. Известие совершенно сразило Эрара. Но тогда он все-таки выстоял. — Мэг внезапно замолчала и прижалась к груди Филиппа. — До тех пор я даже задумываться себе не позволяла о том, что Де Брези обо мне думает. Врачи сказали, что отныне он обречен на неподвижность. От него это тоже не скрывали. Я пришла к Эрару в комнату и по его глазам поняла, чего он ожидает от меня. Он думал, что теперь уж я расквитаюсь с ним за то, что он все это время заставлял меня дрожать от страха за Симона...

Филипп усадил Маргарэт на стул. Не выпуская ее рук, опустился рядом на колени. Даже при неяркком свете было видно, что годы оставили на ней свой отпечаток. Между бровями залегли морщинки, кожа на висках, где беспокойно билась маленькая жилка, высохла. Но линия рта была по-прежнему твердой, а губы — такими же пухлыми и влекущими, как тогда, в Сен-Омере.

— Эрар ведь всегда был таким гордым... И вот — такая беспомощность. Даже сочувственные взгляды слуг были для него нестерпимой мукой. Он только и мог, что шевелить двумя пальцами — я научилась многое понимать по этим движениям. Через некоторое время речь немного восстановилась. И хотя говорил он очень медленно и невнятно, все же стало полегче. Но все равно, как ему было плохо — ведь с ним нянчились, словно с ребенком, да еще без любви. Я никогда не приходила к нему с Симоном, но однажды он попросил показать его. Эрар едва взглянул на мальчика и тут же знаком велел увести. Через несколько недель все же повторил свою просьбу. В возрасте Симона дети меняются быстро. Могу догадаться, что он высматривал в его личике. Мне-то давно уже было все видно и с каждым днем становилось все яснее. Однажды днем — Симона только что увели — Эрар пристально посмотрел на меня. Ну, я все ему

и сказала: как вы старались сохранить ему верность до самого последнего момента, и что это я сама во всем виновата, и что вы предлагали мне снадобья, чтобы все осталось между нами и его репутация не пострадала. Я сказала, что он может отказаться от Симона, который не имеет права носить его имя. Сказала, что отошлю его в Англию, там за ним присмотрит мой отец. Что же касается меня лично, закон в любом случае на его стороне. Но Эрар только закрыл глаза, что означало — он желает остаться один. Я думала, что больше он никогда не захочет увидеть Симона, но ошиблась: прошло много дней, и он опять попросил привести его. Симону было тогда три года — вы видели его руки? Эрар прошептал, чтобы я подвела его поближе — ясно зачем. Я вложила ручку Симона в его ладонь, он повернул ее ладонью вверх и внимательно взгляделся. “Он мог убить Огюста”, — сказал он и заплакал.

Поднявшись на нетвердых ногах, Филипп разжал ее пальцы и отошел к окну. Через неплотно прикрытые шторы из зала доносились звуки музыки — это бродячий певец перебирал струны и что-то напевал. На нижних нотах голос его почти замирал. Филипп рассеянно слушал.

Повернувшись к нему, Маргарэт продолжала:

— Ни одна душа на свете, кроме вас, меня и Ее Высочества герцогини, не знает, что Симон — ваш сын. Эрар признал его по собственной воле. Он для того и призывал его незадолго до кончины, чтобы в присутствии всех благословить его как сына и наследника. — Щеки ее слегка покраснели. — Он понимал, что я снова выйду замуж. Симон слишком юн, чтобы распорядиться таким огромным наследством. Передавать его под чью-нибудь постороннюю опеку слишком опасно. Опекуном должен быть мой будущий муж, которому после заключения брака по закону переходит и моя часть наследства.

— Понимаю, — напряженно произнес Филипп. Они были

в противоположных концах комнаты. Потоптавшись немного на месте, он подошел к Маргарэт, сел рядом и привлек ее к себе. — Я беден, Мэг. Даже больше чем просто беден — у меня вообще ничего нет, понимаете? Только то, что на мне, да еще несколько крон, на которые я сейчас живу и которые понадобятся мне, чтобы добраться до Англии и вызволить Фрэнсиса. Это все, что у меня есть, остальное пропало. Нельзя вам выходить за такого, как я, при вашем-то положении...

Маргарэт потрогала шины, пробежала своими нежными пальцами по толстой повязке на руке Филиппа.

— Вы поранили себе руку, милый.

Он сидел, прижавшись к ее груди, и она никак не могла заставить его поднять взгляд.

— Любимый. Земли здесь богатые. Сен-Обен, Ленардик и все остальное — все принадлежит Симону. Будет и впредь ему принадлежать. Вопрос в том, сможет ли он их удержать. Неужели вы думаете, что на эти земли уже не зарятся? Наследник — ребенок. Что это? Да ничто, и эрцгерцог это прекрасно понимает. Поэтому либо он найдет Симону опекуна, а меня выдаст за стоящего мужчину, на которого и он сам может положиться, либо земли получит тот, кто сумеет взять их силой. А мне, дорогой мой, вовсе не хочется быть военным трофеем. — На полу появились шашечки солнечного света, проникавшего сквозь шторы. Маргарэт опустила глаза и задумалась. — Если бы я была вам законной женой и случилось, что вы потеряли свои земли, разве вас так уж сильно заботило бы, что осталась только моя часть вдовьего наследства?

Наступило молчание.

Филипп хотел что-то ответить, но только тут сообразил, какие для него расставили сети. Не зная, плакать ему или смеяться над этим, он повернулся к Маргарэт и сказал:

— Ах ты, коварная. Да ты же прекрасно знаешь, что всегда была мне женой!

Она улыбнулась, как, бывало, улыбалась в детстве. Филипп, склонив голову, повторял и повторял ее имя.

Глава 26

В середине дня повалил снег. Белые хлопья, кружась, падали на землю. Полуденное солнце с трудом пробивалось сквозь тучи. Колокольную церкву едва можно было рассмотреть. В монастырском саду поникшие под тяжестью снега стебли боты и валерианы казались какими-то уродливыми гномами.

Не лучшая погода для путешествия. Однако мужчина, стоявший у двери, с перекинутым через руку плащом, смотрел на все это равнодушно и отрешенно. Где-то в глубине дома послышались шаги, зашуршали одежды, и на пороге показался приор.

— Милорд, ваш кузен здесь.

— Он точен. — Фрэнсис медленно повернулся и набросил плащ на плечи. — Ну что же, отец мой, весьма признателен вам за все. Как бы дальше ни складывалась моя жизнь, я всегда буду помнить, что вы не только помогли мне выжить, но и надолго приютили. Жаль, что могу выразить свою признательность только словами.

Ответом ему был протестующий взмах руки.

— Я буду молиться за вас, милорд, — с непроницаемым выражением лица сказал священник.

Фрэнсис пристально посмотрел на него и произнес без тени иронии:

— В этом и состоит ваша работа, отец Мартин, не правда ли?

Он склонился над рукой приора и вышел в коридор. Двигался он все еще неуверенно. Филипп раскинул было руки, собираясь обнять кузена, но заметил это и остановился.

Он внимательно взгляделся в лицо Фрэнсиса — кузен сильно похудел. Мертвенно-бледный цвет лица выдавал болезненную слабость.

Наконец, осторожно обняв Фрэнсиса, Филипп с досадой произнес:

— Право, мне следовало бы быть предусмотрительнее, Фрэнсис. В носилках вам было бы лучше...

— Ну да, а еще лучше, если бы впереди нас выступали герольды. Я вполне нормально себя чувствую, Филипп. Не беспокойтесь. — Он перевел взгляд с оруженосцев в ливреях, застывших в почтительном ожидании, на пажа, державшего в руках свернутую алую накидку, и удивленно поднял брови. — Боже мой, откуда такая роскошь? Вы что, так разбогатели за эти несколько недель в Бургундии?

— Пожалуй, что так, — вынужден был признаться Филипп, невольно краснея. — Видите ли, Фрэнсис, я женился. Уже два месяца прошло. Не хотите ли поздравить меня?

— Вы... что? — Фрэнсис недоуменно посмотрел на кузена, а затем, сообразив, что к чему, рассмеялся: — А-а, понимаю. На этой малышке? Ну да, как же это я сразу не понял? Я слышал... что ее муж сильно болел, и как раз гадал... Так, так. Ну что же, кузен, терпение ваше заслуживает всяческой похвалы, ведь столько времени прошло. Как хочется поздравить новобрачную. Ну, а что касается вас... — Он порывисто схватил Филиппа за руку. — От души рад. Вы это заслужили.

Филипп почувствовал, что слова кузена имеют глубоко скрытый — истинный — смысл, и ощутил, как больно кольнуло в сердце. Уж слишком разящим был контраст: он — счастлив и богат, а Фрэнсис, по существу, нищий.

Это сильно угнетало его. На всем пути от Тилбери Филипп, представляясь иностранцем, не решался слишком подробно расспрашивать о том, что происходит в Англии. Он знал совсем немного: король Генрих подарил Минстер-Ло-

вел своему родственнику, графу Пемброку. Поэтому Анна с детьми вынуждена была оттуда уехать.

Снегопад кончился. Все направились к воротам. Отец Мартин и Филипп шли последними. Глядя на человека, шедшего впереди, монах негромко спросил:

— Стало быть, корабля найти не удалось?

— Нет, — покачал головой Филипп. — Вчера я еще раз посылал в гавань, но погода неустойчива. Вряд ли в ближайšie дни переменится к лучшему. Надо двигаться в Тилбери. Там меня ждет корабль, на котором я приплыл из Франции. Кузен еще очень слаб, поэтому было бы лучше найти что-нибудь поближе, но слишком велик риск: могли узнать, что он скрывался у вас в монастыре.

— Рано или поздно все равно узнают, — спокойно произнес приор. — Тем не менее вы совершенно правы: надо забирать его отсюда. — Он запнулся. — Говорят, правда, не знаю, насколько это верно, что лорда Ловела готовы с почестями встретить в Вестминстере, если только он признает власть нового короля. Но может быть, это просто ловушка.

— Вполне возможно. — Филипп искоса посмотрел на собеседника. — А Фрэнсис слышал об этом?

— Да. Он громко расхохотался.

За воротами стояли оседланные лошади. Фрэнсис уже был в седле и нетерпеливо оглядывался по сторонам, ожидая кузена. Тучи рассеялись. Вышло солнце. Все кругом улыбалось. Едва они отъехали, раздался звон колоколов. Рядом с кухонной стеной птицы беззаботно клевали зерно.

Филипп и Фрэнсис направились на юг, в Мальдон. На встречу им другой дорогой шли люди Филиппа. Недалеко от этого оживленного порта беглецы постарались оторваться от возможной слежки и замести следы.

Двоих оруженосцев и пажа Филипп оставил в монастыре францисканцев. Там же был кое-кто из земляков. Всем им предстояло терпеливо ждать корабля, шедшего во Фландрию.

Филипп отправился на ближайший постоялый двор, там снял на короткое время комнату. Он быстро переоделся в поношенное платье и выцветшую шляпу. Накануне в это был одет вожак его команды, выдававший себя за торговца. Его свободно пропустили через городские ворота.

На следующее утро из Малдона выехал тот же торговец. У ворот он остановился и на ломаном голландском языке заговорил со стражником. Тот охотно указал ему дорогу, пропустил его спутников. Ночью они остановились сразу за Челмсфордом, где главная дорога разветвлялась: одна шла в глубь острова, к Лондону; другая — к устью реки.

Через два дня они уже были на побережье. Хозяин судна остановился прямо в гавани и в любой момент был готов сняться с якоря. Судно уже нагрузили товарами. Последние три дня дул попутный ветер. Филипп и Фрэнсис поднялись на борт еще до рассвета, корабль тронулся вскоре. Фрэнсис сидел на тюке с хлопком, глядя, как постепенно тает в дымке береговая полоса. Взошло солнце, и в тот же миг воздух наполнил торжественный звон колоколов.

Взглянув на спутника, Фрэнсис иронически заметил:

— Бог ты мой, совершенно вылетело из головы: сегодня же годовщина бракосочетания короля Генриха. — Он потянулся, откинулся назад и подпер рукой подбородок. — И отмечаться она будет, не сомневаюсь, с таким великолепием, словно его мадам, эта дурочка Елизавета, прошла в спальню со своим верным Тюдором прямо через двери церкви. Я как-то подумал, не съездить ли самому в Лондон, чтобы посмотреть на эту комедию, но... — Фрэнсис потерял кинжал на поясе. — В общем, дурацкая была мысль. Все правильно. Я не буду слишком долго досаждать вам своим присутствием, Филипп, разве что герцогиня Бургундская передумает.

— Ради всего святого, Фрэнсис...

— Да, кузен? — Фрэнсис поднял глаза, они горели. Филипп посмотрел на белое, застывшее лицо, и какое-то

странное чувство родилось у него в груди — не страх, не жалость, скорее что-то похожее на отчаяние и острую боль предвидения.

— Фрэнсис, это будет означать для вас верную смерть. Если вам себя не жаль, то подумайте хотя бы о тех, кто разделит вашу судьбу.

— Я никого и ни к чему не принуждаю. Неужели так трудно вообразить, что есть люди, которые сами делают выбор? В свое время и вы были горячим и целеустремленным. Правда, тогда вам почти нечего было терять.

Он осекся и густо покраснел.

— Разве вы умеете оживлять мертвых? — медленно спросил Филипп. — Если да, то я не раздумывая пойду за вами.

Последовало короткое молчание. Фрэнсис наклонил голову, закрыв лицо ладонями.

— Извините, я не то хотел сказать. Если кто и заслужил право на счастливую жизнь, то это вы...

— Ладно, не имеет значения. Забудем.

По мере того, как солнце поднималось все выше, небо темнело. На краю его, переливаясь, дрожала радуга.

Фрэнсис зябко дернул плечами и плотнее закутался в плащ.

— А что с мальчиками, Филипп?

— С мальчиками? — Он не сразу понял, о ком идет речь.

— Я имею в виду принцев, — пояснил Фрэнсис. — Что с юным Эдуардом и его братом? Вы что-нибудь знаете о них?

— Я могу рассказать вам, что произошло с мальчиком по имени Джон Глостер, которого все сочли внебрачным сыном короля, — без всякого выражения произнес Филипп. — После Босворта его бросили в темницу и уморили голодом. Тюдор считает, что угрозу надо пресекать в зародыше. А что касается принцев, то коль скоро он предложил руку их сест-

ре, пришлось признать их законными сыновьями. И как, по-вашему, Генрих мог с ними поступить? — Снова наступило молчание, на сей раз более продолжительное. — А почему вы меня об этом спрашиваете? Откуда мне знать больше, чем известно другим?

Фрэнсис взглянул ему прямо в глаза.

— Стало быть, не знаете, — наконец выговорил он. — Я надеялся хотя бы у вас что-нибудь узнать. Ведь от вас у него не было секретов.

— Нет, об этом он мне ничего не говорил, вы уж поверьте. — Слова падали медленно, одно за другим, как капли с листвы после дождя. — И вообще, я не понимаю, о чем вы говорите.

— Я говорю о принцах. Прошел слух, что они умерли два года назад, еще до того, как взбунтовался Бэкингам. — Филипп сдавленно вскрикнул. Фрэнсис поднялся на ноги и оперся о поручни. — Этот же слух впервые дошел до меня в Солсбери, вскоре после казни Бэкингема. Тогда я понимал, что это — злая выдумка, козни приверженцев Тюдора. Потом молва поползла по Лондону, но я тогда не придавал ей никакого значения. Просто их нигде не было видно, вот люди и выдумывают. Однажды на заседании совета Рассел предложил переместить Елизавету в Тауэр, к ее братьям, мол, так будет надежнее, пока не покончим с Тюдором. Я увидел лицо короля — и понял, что все это правда.

— Что правда? Что они мертвы? Или что их умертвили по его приказу?

— А вы сами в это верите? — ровным голосом спросил Фрэнсис.

Мелкие волны бились о нос корабля. Вглядываясь в мерно дышавшую поверхность моря, Филипп припомнил ночь перед Босвортом и то странное чувство душевной опустошенности, которое не мог понять и от которого не мог избавиться.

— Да поможет нам Бог, — прошептал он. — Нет. В это я не верю.

— Я был уверен, что вы знаете, как все на самом деле было, — повторил Фрэнсис. — Может быть, они умерли от болезни, или это был несчастный случай, или... — Он побарабанил пальцами по поручням. — Вокруг короля всегда вьются люди с нечистой совестью, которым лишь бы выслужиться. Не исключено, что кому-то из них пришло в голову такое и... В то первое лето Ричард редко бывал в Лондоне. А Брекенбери не мог постоянно оставаться в Тауэре. Так что это могли сделать в его отсутствие. Король ничего так и не узнал до тех самых пор, пока не возвратился из Солсбери.

Ветерок, поначалу почти незаметный, становился все сильнее. Филипп посмотрел на кузена. Губы Фрэнсиса посинели. Дрожащими от холода пальцами он старался получше запахнуть плащ.

— Фрэнсис, давайте спустимся. Вы еще не совсем оправились, а здесь слишком холодно.

Нетерпеливо покачав головой, Фрэнсис снова опустился на тюк с шерстью. Движения его были медленными и неуверенными, но Филипп решил, что лучше не пытаться помочь ему.

— Вот и Крещение позади, — негромко проговорил Фрэнсис. — Помните, как мы в прошлом январе отмечали его в Вестминстере? О Боже, а ведь было это всего год назад! — Он поджал колени к груди. — Да, кстати, Филипп, не слышали? Тайрел замирился с Тюдором. Мне это монахи рассказали. Надо признать, что они большие сплетники, слухи прямо на лету подхватывают и, как базарные кумушки, разносят их по всему королевству. — Перехватив недоверчивый взгляд Филиппа, Фрэнсис рассмеялся. — Да, да, верный Тайрел, который так любил короля Ричарда, вернулся к себе в Уэльс, сохранив и должности, и все свое добро. Смешно, правда?

— Ну и пусть себе наслаждается жизнью, — сказал наконец Филипп. — Помню, как он прислуживал королю. На какие хитрости только не пускался, лишь бы подержать полу плаща или протянуть ему кубок с вином. Одно время он ни на шаг не отходил от Бэкингема: рыбак рыбака видит издалека. А Бэкингом был тот еще рыбак. Интересно, как Тайрел выкрутится теперь, когда его покровитель так бесславно пал?

На Филиппа снова нахлынуло прошлое. Он рассеянно, жестом, который уже вошел в привычку, принялся покачивать левую руку, стараясь унять вдруг вспыхнувшую боль. Судя по всему, кости срослись правильно, хотя по-настоящему владеть этой рукой он уже не сможет никогда. Бывали дни, похожие на сегодняшний, когда Филипп или слишком уставал, или пребывал в дурном настроении, или им овладевали неприятные воспоминания, тогда он в который раз физически ощущал, как в его ладонь впечатывается тяжелый башмак.

Корабль бодро бежал вперед, и вскоре на горизонте показались меловые отмели нормандских островов. Южнее угадывались неясные очертания берега Франции, за ними начинались невидимые пока земли Фландрии. Филипп улыбнулся, тронул кузена за плечо и вытянул вперед руку. Но Фрэнсис, не отрываясь, смотрел туда, где осталась Англия...

Через два года после Босворта у Стоуна йоркисты потерпели окончательное поражение. Это была последняя в той длинной цепи династических битв, которые вошли в историю как война Алой и Белой розы. Силы, которые возглавляли виконт Ловел и граф Линкольн — они состояли в основном из ирландцев и германских наемников, которым платила вдовствующая герцогиня Бургундская, — были обращены в бегство полководцем короля Генриха Тюдора графом Оксфордом. Линкольн пал на поле битвы. Лорду Ловелу уда-

лось избежать гибели. Он переплыл через Трент, и с тех пор его никто не видел.

Прошло более двухсот лет.

Новые обитатели замка в Минстер-Ловеле, решив по своему обустроить здание, сломали перегородку между комнатами на нижнем этаже и обнаружили потайное помещение. На полу белели человеческие кости. Возможно, это были останки Фрэнсиса Довела. Ходили слухи, что после поражения при Стоуне он вернулся домой, его прятали слуги, до конца сохранявшие верность хозяину. Но как он умер: от ран или от голода — никто не знает...

ХРОНОЛОГИЯ

1328—1589 — годы правления династии Валуа во Франции.

1337—1453 — Столетняя война.

1346, август — битва при Креси.

1347 — захват англичанами Кале.

1356, сентябрь — битва при Пуатье.

1360 — заключение мира между Англией и Францией в Бретињи.

1381 — восстание Уота Тайлера.

1399—1461 — годы правления ланкастерской династии в Англии.

1413—1422 — Генрих V Ланкастер, король Англии.

1415, 24 октября — битва при Азенкуре.

1422—1461, 1470—1471 — Генрих VI Ланкастер — король Англии.

1450 — восстание Джека Кеда.

1455—1485 — война Алой и Белой розы.

1455, 22 мая — битва при Сен-Олбансе.

1459, 23 сентября — битва при Блор-Хите.

1460, 10 июля — сражение при Нортхэмптоне.

1460, 25 октября — объявление Ричарда Мортимера, герцога Йорка, принцем Уэльским и наследником престола.

1460, 30 декабря — сражение при Уэкфилде. Убийство Ричарда Йорка.

1461, 2 февраля — сражение при Мортимер-Кроссе.

1461, 17 февраля — битва при Сен-Олбансе.

1461, 4 марта — коронация Эдуарда IV.

1461, 29 марта — сражение при Таутоне.

1461—1485 — годы правления династии Йорков в Англии.

1461—1483 — Эдуард IV Йорк — английский король.

1461—1483 — Людовик XI — король Франции.

1461, ноябрь — признание парламентом Эдуарда IV как законного монарха. Генрих IV, Генрих V и Генрих VI объявлены узурпаторами.

1462, весна — передача Маргаритой Анжуйской Людовику XI Кале за 20 тысяч золотых ливров.

1462, октябрь — восстание ланкастерских приверженцев на севере.

1464, май — женитьба Эдуарда IV на Елизавете Грей (урожденной Вудвал).

1464, 1 июня — заключение мира с Шотландией.

1466, июль — арест и отправка в Тауэр Генриха VI.

1467 — разрыв Эдуарда IV с Уорвиком.

1469, 25 июля — столкновение йоркистов с повстанцами Уорвика при Эджкоте. Пленение Эдуарда IV.

1470 — побег Эдуарда IV в Голландию. Освобождение Уорвиком Генриха VI из Тауэра.

1471, март — возвращение Эдуарда IV в Англию.

1471, 14 апреля — битва у Барнета, гибель Уорвика.

1471, 4 мая — битва при Тьюксбери.

1471, 21 мая — смерть Генриха VI в Тауэре.

1477 — битва при Нанси. Распад Бургундского государства.

1483, осень — первая безуспешная попытка Генриха Тюдора высадиться в Англии.

1483 — Эдуард V Йорк — король Англии.

1483—1485 — Ричард III Йорк — английский король.

1485, 7 августа — высадка Генриха Тюдора в Уэльсе.

1485, 22 августа — битва при Босворте. Смерть Ричарда III. Окончание войны Алой и Белой розы.

1485—1603 — годы правления династии Тюдоров в Англии.

1485—1509 — Генрих VII Тюдор — король Англии.

КОММЕНТАРИИ

МЭРИАН ПАЛМЕР родилась в 1930 г. в Россланде (Канада) в семье фотографа.

Окончила школу, в течение 1951—1968 гг. работала бухгалтером и офис-менеджером в компании по оптовой торговле бумагой.

С 1968 г. целиком посвятила себя писательскому труду. Является членом Канадской ассоциации творческих работников.

В 1968 г. вышла ее первая книга — исторический роман “Белый вепрь”, затем в 1972 г. был издан “Самозванный Плантагенет”, в 1975 г. — “Свирепствующий лев” и т.д. Романы М. Палмер посвящены средневековому периоду истории Англии, основаны на реальных событиях, а потому достоверны и интересны читателю.

Текст печатается по изданию: Palmer M. The White Boar. N.-Y.: Popular library, 1968.

Стр. 32. “...он погиб от руки одного из Ланкастеров на Таутонском поле...” — Ланкастеры — королевская династия в Англии в 1399—1461 гг., ветвь Плантагенетов. В ходе войны Алой и Белой розы Ланкастеры уступили власть Йоркам. Сражение на Таутонском поле произошло 29 марта 1461 г., сын герцога Ричарда Йорка Эдуард при поддержке Ричарда Невила, графа Уорвика, разбил сторонников Ланкастеров. Это было самое крупное сражение во время войны Алой и Белой розы.

“...он сделается верным приверженцем Йорка...” — то есть приверженцем Эдуарда IV (1442—1483), английского короля с 1461 г. (кроме октября 1470 — апреля 1471 г.), первого из династии Йорков, занявшего престол в ходе войны Алой и Белой розы.

Уорвик. — Имеется в виду Ричард Невил (1428—1471), граф Уорвик, английский политический деятель и полководец. Крупнейший феодал, глава многочисленной и могущественной баронской семьи Невил. Активный участник войны Алой и Белой розы и ряда династических переворотов. Вошел в историю с прозвищами Создатель королей и Последний барон. С целью увеличения своего влияния и личного обогащения стал ярким сторонником династии Йорков, с которой был связан родством. В первые годы правления Эдуарда IV Уорвик пользовался огромным влиянием. Недовольный стремлением Эдуарда IV обуздать магнатов, Уорвик после неудачной попытки силой подчинить короля перешел на сторону Ланкастеров. Вынудив Эдуарда IV бежать из Англии, Уорвик в октябре 1470 г. восстановил на престоле Генриха VI, а сам стал правителем государства с титулом “заместителя короля”. 14 апреля 1471 г. в битве при Барнете войска Уорвика были разбиты армией возвратившегося из Франции Эдуарда IV, а сам Уорвик убит.

“...великих войн Белой и Алой розы...” — междоусобная война в Англии (1455—1485), принявшая форму борьбы за престол между двумя ветвями династии Плантагенетов — Ланкастерами (в гербе алая роза) и Йорками (в гербе белая роза). Гибель в войне главных представителей обеих династий и значительной части феодальной знати облегчила установление абсолютизма Тюдоров.

Стр. 33. Король Генрих. — Имеется в виду Генрих VI (1422—1461) из династии Ланкастеров. В 1461 г. в ходе войны Алой и Белой розы был низложен Эдуардом IV Йорком и бежал в Шотландию. В 1465 г. он был взят в плен

и заключен в Тауэр. Восстание графа Уорвика привело к временной реставрации безумного Генриха VI (9 октября 1470 — 14 апреля 1471 г.), затем он был вторично низложен и убит в Тауэре.

“...принадлежавшим к ланкастерской ветви...” — См. коммент. к стр. 32.

Ричард Йорк (1411—1460) — герцог, глава йоркской партии, в ходе начавшейся войны Алой и Белой розы выдвинул притязания на престол, оспаривая его у Ланкастеров, и был поддержан стремившейся к власти сильной группой крупных феодалов, а также новым дворянством и богатыми горожанами. В 1460 г. был признан наследником престола. Погиб 30 декабря 1460 г. в битве близ Уэкфилда.

“*Эдуард, старший сын убитого Йорка...*” — Автор имеет в виду английского короля Эдуарда IV (1442—1483), первого короля из династии Йорков. После смерти своего отца герцога Ричарда Йорка, признанного наследником престола, он низложил слабоумного Генриха VI Ланкастера и стал королем Эдуардом IV (годы правления 1461—1483, кроме октября 1470 — апреля 1471).

Стр. 34. *Йоркшир* — самое большое графство в Северной Англии, административный центр — г. Йорк.

Сквайр — сокращенная форма английского титула эсквайр, почетный титул в Великобритании, в раннее средневековье так называли оруженосца рыцаря.

Стр. 36. *Герцог Глостер* — младший брат английского короля Эдуарда IV Ричарда (1452—1485), с 1483 г. король Ричард III, последний из династии Йорков. Стал королем во время войны Алой и Белой розы; назначенный в 1483 г. протектором королевства при малолетнем Эдуарде V (сыне Эдуарда IV), низложил его и заключил в Тауэр. В битве при Босворте (1485 г.) потерпел поражение и был убит.

Оксфордшир — графство в Центральной Англии, административный центр — г. Оксфорд.

Трент. — река в Англии, берущая начало на юго-западных склонах Пеннинских гор.

Стр. 37. *Дортуар* (фр.) — общая спальня для учащихся в закрытом учебном заведении.

Вестминстер — часть Лондона на левом берегу Темзы, столичный район в составе Лондонского графства, местонахождение королевской резиденции, парламента и других правительственных учреждений, а также Вестминстерского аббатства (основанного в VII в.), усыпальницы английских королей, государственных деятелей, знаменитых людей.

Стр. 38. *Сражение при Таутоне*. — См. коммент. к стр. 32.

Стр. 39. *Герцог Клоренс Джордж* (1449—1478) — английский принц, брат королей Эдуарда IV и Ричарда III, заподозренный в заговоре, был заключен в Тауэр, приговорен к смерти и, согласно легенде, утоплен в бочке с мальвазией.

“Поспешная и тайная женитьба короля на Элизавете Вудвил...” — В мае 1464 г., в 22 года, Эдуард IV женился на Элизавете Грей (урожденной Вудвил, которая была на пять лет старше его). Первый муж Элизаветы, приверженец Ланкастеров, погиб в одном из сражений. До женитьбы на Элизавете Грей Эдуард был помолвлен с двумя невестами — с дочерью французского короля Людовика XI и с леди Элеонорой Батлер, дочерью графа Шрусбери. По юридическим нормам того времени, одно такое обручение лишало законной силы брак Эдуарда IV и Элизаветы Грей. Поэтому многие считали брак короля незаконным (это мнение разделяла и его мать, герцогиня Йоркская). Несмотря ни на что, Эдуард и Элизавета прожили вместе девятнадцать лет, причем жена и ее родственники — пять братьев, шесть сестер и два сына от первого брака — оказывали на короля немалое влияние. Им удалось прибрать к рукам огромные земельные наделы, как следует разбогатеть, выгодно жениться или выйти за-

муж. У Эдуарда и Елизаветы были дети, в том числе два сына-наследника: Эдуард и Ричард.

Рединг — город в Великобритании на р. Темзе, административный центр графства Йоркшир.

Стр. 40. “*В отношениях между Людовиком...*” — Имеется в виду Людовик XI (1423—1483), король Франции с 1461 г., из династии Валуа. Проводил политику централизации государства, подавления феодальных мятежей. Присоединил к королевскому домену Анжу, Пикардию и другие земли. Покровительствовал торговле и ремеслам. При создании централизованного государства предпочитал подкупы и интриги открытым военным действиям, за что был прозван современниками “всемирным науком”.

Герцог Бургундский, Карл Смелый (1433—1477) — герцог Бургундии с 1467 г., возглавил коалицию феодальной знати (“Лига общественного блага”), поднявшую мятеж против французского короля Людовика XI. Погиб в битве при Нанси.

Уэльс (Валлис) — историческая область в Великобритании, занимающая полуостров Уэльс (Западная Великобритания) и прилегающий к нему остров Англии. В административном отношении делится на 13 графств, административный центр — г. Кардифф. Область кельтского национального меньшинства — валлийцев.

Шотландия — исторически сложившаяся часть Великобритании, занимающая северную часть острова: Великобритания и прилегающие острова Гебридские, Оркнейские, Шетландские. В административном отношении делится на 33 графства, центр — г. Эдинбург.

Стр. 41. *Ричмонд*. — Неясно, который из двух городов имеет в виду автор: город в графстве Йорк или предместье Лондона.

Болтон, *Болтон-ле-Мурс* — город в Великобритании

в графстве Ланкашир, крупный центр текстильной промышленности, известный еще с XIV в.

Стр. 42. *Кент* — Англосаксонское королевство, затем графство на юго-востоке Англии, административный центр — г. Мейдстон.

Стр. 44. *Паладин* (позднелат.) — в средневековой западноевропейской литературе так называли сподвижников Карла Великого. Позднее паладином стали называть доблестного рыцаря, преданного своему государю или даме.

Стр. 46. *Плантагенеты* (Анжуйская династия) — королевская династия в Англии (1154—1399 гг.), начавшаяся с приходом к власти короля Генриха II (правнука Вильгельма Завоевателя) и закончившаяся правлением Ричарда II, после смерти которого трон заняли побочные ветви династии: сначала Ланкастеры, потом Йорки.

Стр. 49. *Вудсток* — город в Великобритании, в графстве Оксфордшир.

Стр. 53. *Бургундия* — историческая область во Франции в бассейне р. Сены, названа по имени германского племени бургундов. В средние века название “Бургундия” носили различные государственные и территориальные образования. Герцогство Бургундия (IX—XV вв.) в 1477 г. вошло в состав Французского королевства. До 1790 г. Бургундия имела статус провинции.

Стр. 54. *Брюгге* — город в Бельгии, административный центр провинции Западная Фландрия. Впервые упоминается в VII в. В средние века (особенно в XV—XVI вв.) — один из важнейших в Европе центров цехового ремесла и торговли. Известен как город-музей. Сохранился средневековый облик фландрского города с каналами и каменными мостами.

Стр. 60. *Сэндвич* — город на юге Великобритании.

Кале — портовый город-крепость во французском департаменте Па-де-Кале. В средние века принадлежал к граф-

ствам Булони и Фландрии, с XIV в. состоял в Ганзейском союзе, был завоеван английским королем Эдуардом III, в 1558 г. отво-
еван герцогом Гизом.

Дувр — город в Великобритании в графстве Кент, бли-
жайший к европейскому берегу порт у пролива Па-де-Кале.

Стр. 68. *Гофмейстер* (нем.) — в средние века при-
дворная должность; ведал придворным церемониалом.

Гастингс, лорд — вместе с герцогом Бэкингом был
противником Елизаветы Вудвил, поддерживал Ричарда Гло-
стера. Затем перешел на сторону королевы, был обвинен в
измене и казнен. Ричард Глостер даже уверял, что Гастингс
вместе с Елизаветой и Джэйн Шор, бывшей любовницей Эду-
арда IV, хотели извести его колдовством, повредив левую руку.

Ковентри — город в Центральной Англии, в графстве
Уорикшир. Сложился вокруг основанного в 1043 г. монаш-
тыря; в XIII—XVII вв. важный центр торговли и шерстяной
промышленности. Во время второй мировой войны подверг-
ся ожесточенным бомбардировкам германской авиации, был
уничтожен знаменитый своими архитектурными памятника-
ми XIV—XV вв. центр города.

Стр. 69. *Аквитания* — историческая область на юго-
западе Франции. В древности — римская провинция, в сред-
ние века — герцогство. Была присоединена в 1137 г. к вла-
дениям французских, а в 1154 г. — английских королей. В
XIII в. называлась Гиень. В 1154—1453 гг. находилась в
основном под властью Англии. В 1453 г. была воссоединена
с Францией.

“*Loyante me lie*” (устар. фр.) — “Преданность меня
умиляет”.

Стр. 74. *Людовик XI*. — См. коммент. к стр. 40.

Стр. 80. “...да разве Маргарита Анжуйская простит
когда-нибудь, что он во всеуслышание назвал герцога
Сомерсета отцом ее сына?..” — Маргарита Анжуйская
(1430—1482) — супруга английского короля Генриха VI

Ланкастера, вдохновительница ланкастерской партии в борьбе за трон с йоркской династией в войне Алой и Белой розы. После поражения в 1461 г. попала в плен к Йоркам. Через пять лет ее выкупил Людовик XI, и она вернулась во Францию. Король Генрих VI с малолетства считался психически ненормальным, вел себя странно и не проявлял способностей к ведению государственных дел. Власть над слабоумным королем взяли его жена Маргарита и ее фавориты. Единственного сына и наследника Генриха Эдуарда не считали его ребенком. Поговаривали даже, что сам Генрих, узнав о рождении сына, заявил, что он появился на свет при помощи Святого Духа.

Сенешаль (фр.) — в южной части средневековой Франции королевский чиновник, глава судебно-административного округа (сенешальства). На севере Франции ему соответствовал балыи. Должность сенешаля была упразднена во время Великой французской революции.

Пеннинские горы находятся в северной части Англии; их протяженность с севера на юг около 250 км, высота до 893 м (г. Кросс-Фелл).

Стр. 82. "...с далеких времен нормандских завоеваний..." — Автор имеет в виду нормандское завоевание Англии в 1066 г., когда норманны во главе с герцогом Нормандии Вильгельмом (1027 или 1028—1087 гг.) вторглись в Англию. После победы в битве при Гастингсе над англосаксонским королем Гарольдом Вильгельм стал королем Англии (Вильгельм I Завоеватель).

Стр. 86. *Герольд* (лат.) — в странах Западной Европы в средние века глашатай, церемониймейстер при дворах королей и крупных феодалов, распорядитель на торжествах, рыцарских турнирах и т.д.

Стр. 91. "...он непременно женится на какой-нибудь девушке из семейства Вудвил" — женится на одной из

шести сестер королевы Елизаветы, сделав очень выгодную партию.

Стр. 97. *Ланкашир* — графство на севере Англии, на берегу Ирландского моря. Административный центр — г. Ланкастер.

Стр. 98. “...Эдуард не нуждался в предупреждениях своих шпионов...” — У короля Эдуарда была хорошо отлаженная, разветвленная система разведки. Несмотря на свою скупость, на подобные дела Эдуард денег не жалел. Даже укрепившись на престоле, Эдуард IV не ослабил внимания к своей секретной службе.

Стр. 99. *Скарборо* — город в Великобритании, в графстве Йорк, на побережье Северного моря.

Уош — залив на севере Англии.

Ла-Манш — пролив между материком Евразия (побережье Франции) и островом Великобритания. Вместе с проливом Па-де-Кале соединяет Северное море с Атлантическим океаном. Длина около 578 км. В Ла-Манше находятся Нормандские острова. Крупные порты: Сауттемpton (Великобритания), Гавр (Франция).

Стр. 100. *Саутворк* — город в Великобритании, в графстве Саррей, на берегу Темзы, недалеко от Лондона.

Стр. 102. *Глостершир* — графство на юго-западе Англии, административный центр — г. Глостер.

Стр. 106. *Кармартен* — графство в Западной Великобритании, на полуострове Уэльс. Административный центр — г. Кармартен.

Лейсестер (Лейстер) — административный центр графства Лейстершир (Центральная Англия), сильно пострадал во время войны Алой и Белой розы и во время междоусобных войн при Карле I.

Стр. 108. *Лидс* — город в Великобритании, в графстве Западный Райдинг (Йоркшир). Расположен в холмистой местности к востоку от Пеннинских гор, на реке Эр.

Стр. 110. *Норфолк* — графство в Великобритании, на севере Англии, административный центр — г. Норидж.

Гакаборт — верхняя закругленная часть кормовой оконечности судна.

Шпигат — отверстие в палубном настиле судна для удаления воды.

Стр. 111. *Ганзейские города*. — Автор имеет в виду торговый союз северонемецких городов во главе с городом Любеком, существовавший в XIV—XVI вв. (формально до 1669 г.). Поддержка городов Ганзейского союза обеспечила приверженцам йоркской партии владычество на море и позволила высаживаться им в любой точке побережья.

Алькмаар — город в Нидерландах.

Стр. 112. “...оскорбил королеву...” — Имеется в виду Маргарита Анжуйская, жена английского короля Генриха VI, находившаяся в изгнании во Франции “под крылом” Людовика XI.

“...вряд ли Эдуард Ланкастер будет походить на простака Гарри, потому что отцом-то его скорее всего является Сомерсет”. — Простаком Гарри Фрэнсис называет короля Генриха VI. См. также коммент. к стр. 80.

Стр. 113. *Тауэр* — замок-крепость в Лондоне, на берегу р. Темзы. Древнейшая часть Тауэра — романская Белая башня (ок. 1078—1085 гг.). До XVII в. одна из королевских резиденций и одновременно (официально до 1820 г.) главная английская тюрьма. С 1820 г. — Арсенал (функционирует как музей).

Стр. 116. *Тайберн* — площадь в Лондоне, где совершались публичные казни.

Стр. 118. “Один из Ловелов взял сторону Матильды, когда против нее выступил Стивен Блуа”. — Автор имеет в виду события XII в., когда дочь английского короля Генриха I Плантагенета Матильда (1102—1167) боролась за престол с племянником Генриха I Стефаном (Стивеном)

Блуа. После смерти Генриха часть английских феодалов признала его королем. В результате длительной борьбы по Уоллингфордскому соглашению (ноябрь 1153 г.) Матилада признала Стефана королем, а он признал наследником английского престола сына Матильды — Генриха, графа Анжуйского (Генрих II Плантагенет).

Стр. 124. *Гран-Плас* (фр.) — Большая площадь.

Стр. 125. *Базель* — город в Швейцарии, порт на Рейне и канале Рейн — Рона. Известен с 374 г. как римское укрепление; в конце XV—XVI вв. — центр торговли, ремесел, книгопечатания, кредитных операций.

Стр. 126. *Ярд* — единица длины в системе английских мер, равен 3 футам, или 0,9144 м.

Стр. 128. *Лилль* — город на севере Франции, административный центр департамента Нор. Основан в XI в. Главный центр Северного промышленного района.

Тур — город во Франции, административный центр департамента Эндр-и-Луара. Порт на р. Луаре.

Стр. 130. *Эно* — провинция в Бельгии. Бургундский герцог Филипп Добрый (1419—1467) присоединил Эно к бургундскому герцогству.

Стр. 139. *Бэнбери* — город в Великобритании, в графстве Оксфордшир.

Стр. 141. *Рекогносцировка* (лат., воен.) — разведка местности, расположения противника и т. п., проводимая лично командиром или штабными офицерами перед началом боевых действий.

Стр. 148. *Кираса* (фр.) — защитное вооружение из двух металлических пластин (в древности из войлока и кожи), выгнутых по форме спины и груди и соединенных пряжками на плечах и боках.

Стр. 149. *Дюйм* (голл.) — дольная единица длины в системе английских мер, равная $1/2$ фута, или 0,0254 м.

Стр. 150. *День святого Мартина*, или Мартынов день —

католический праздник, который отмечается 11 ноября. В этот день пробовали молодое вино, резали скот, чтобы заготовить мясо к зиме.

Стр. 162. “...в Англии высадилась Французженка...” — Имеется в виду прибытие в Англию Маргариты Анжуйской.

Стр. 167. *Бристоль* — город (графство) на юго-западе Великобритании, в графстве Глостершир, порт на р. Эйвон.

Стр. 169. *Тонзура* (лат.) — выстриженное или выбритое место на макушке, знак принадлежности к католическому духовенству.

Стр. 171. *Северн* — река в Великобритании, впадающая в Бристольский залив. На ее берегах расположены города Вустер, Глостер.

Бат — город в Великобритании на реке Эйвон, близ Бристольского залива.

Хизфорд — город на западе Англии.

Тьюксбери — город в Великобритании, в графстве Глостершир, около которого Эдуард IV, вернувшийся в Англию с войсками Карла Смелого, весной 1471 г. нанес решительное поражение ланкастерцам. В этом сражении погиб сын королевы Маргариты Эдуард.

Стр. 174. *Уилтшир* — графство в Великобритании, на юге Англии.

Стр. 177. *Алебарда* (фр.) — холодное оружие, длинное копьё с насаженным боевым топором или секирой. Была на вооружении пехоты в XIV—XVI вв., как парадное оружие — до XVIII в.

Стр. 186. *Канонир* (фр. воен.) — младший чин в артиллерии, соответствующий рядовому в пехоте, в буквальном смысле — “пушкарь”.

Стр. 207. *Сюзерен* (фр.) — в Западной Европе в средние века крупный феодал — верховный сеньор территории (король, герцог, князь), являющийся государем по отношению к зависимым от него вассалам.

Собор Святого Павла находится в Лондоне, в районе Сити. Это главный английский собор.

Стр. 209. *Твид* — река в Шотландии, впадает в Северное море.

Стр. 212. *Гринвич* — город в Великобритании в составе конурбации Большой Лондон, известен астрономической обсерваторией, через которую условно “проведен” нулевой (Гринвичский) меридиан.

Стр. 214. *День всех святых* — католический праздник, который отмечается 1 ноября.

Стр. 234. *Генрих Тюдор* (1457—1509) — король Англии с 1485 г., первый из династии Тюдоров. Вступил на престол, одержав победу над Ричардом III в битве при Босворте 22 августа 1485 г. При нем были заложены основы английского абсолютизма.

Стр. 236. “*Решение Эдуарда возобновить давно приостановленные боевые действия против Франции...*” — Скорее всего, автор имеет в виду намерение английского короля отвоевать у Франции владения, потерянные в период Столетней войны.

“...*Эдуард честолюбиво мечтал превзойти Гарри Монмута с его походом во славу Азенкура...*” — Около селения Азенкур, расположенного южнее Кале, 25 октября 1415 г. во время Столетней войны войско английского короля Генриха V одержало победу над французской армией. После победы англичане в союзе с бургундцами захватили север Франции, включая Париж.

Стр. 242. *День Вознесения* — один из двенадцатых праздников, установленный в честь возвращения Иисуса Христа по завершении им земной жизни на Небо. Согласно новозаветному повествованию, Вознесение произошло через 40 дней после Воскресения Иисуса Христа, поэтому день Вознесения празднуется верующими на сороковой день после Пасхи.

Стр. 250. “...когда Волау оставят Бургундию в покое...” — В своей беседе с Филиппом Ловелом Де Брезни имеет в виду прежде всего Людовика XI, одного из представителей французской королевской династии Валуа (1328—1589).

Стр. 263. “...подобно библейскому Давиду, исчисляет свои жертвы десятками тысяч”. — Имеется в виду Давид, царь Израильско-Иудейского государства (X в. до н. э.), ветхозаветное повествование о котором придало ему черты эпического героя, царя-воителя, а последующая иудаистическая и христианская традиция связала с ним мессианские чаяния. Согласно ветхозаветному повествованию, пастух Давид появился при дворе израильско-иудейского царя Саула и сначала пользовался его благосклонностью. Он был пожалован в царские оруженосцы, прославился в боях с филистимлянами. Вскоре Давид стал любимцем народа. Когда Давид и Саул возвращались с очередного сражения, народ говорил: “Саул поразил тысячи, а Давид — десятки тысяч”.

Стр. 270. *Негоциант* (лат.) — оптовый купец, коммерсант, ведущий крупные торговые дела, главным образом с другими странами.

Стр. 275. “...картинами, повествующими о приключениях Ланселота и Джиневры”. — Ланселот Озерный — герой древних сказаний, послуживший основой многочисленных романов о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, которыми зачитывалась вся средневековая Европа. По некоторым из источников он был любовником королевы Джиневры (Гиневры), супруги короля Артура.

Стр. 277. *Блаженный Августин* (354—430) — христианский теолог и церковный деятель, один из крупнейших представителей западной патристики. Епископ города Гиппон (Северная Африка); родоначальник христианской философии истории (сочинение “О граде Божиим”). Развил учение о благодати и предопределении, впоследствии это уче-

ние оказало влияние на реформационные взгляды Дж. Уиклифа и М. Лютера. Свою жизнь Августин описал в “Исповеди”, изображающей становление личности.

Стр. 278. “Словно в стране лотофагов из древней легенды...” — Согласно древнегреческой легенде, в этой стране жило мирное племя (лотофаги), которые питались плодами лотоса. Однажды к земле лотофагов бурей прибило корабль Одессея. Посланные им на разведку товарищи были приветливо встречены и окружены дружелюбной лаской. Их угостили сладким медовым лотосом, отведав который, греки забыли обо всем на свете и утратили желание возвращаться на родину. Им хотелось остаться навсегда в стране лотофагов. Одиссею ничего не оставалось, как силой вернуть товарищей на корабль и приковать их к корабельным скамьям.

Стр. 279. “...он напоминал беглеца с острова, где живет волшебник Мерлин, — человек не от мира сего, человек, полностью поглощенный своим счастьем...” — В кельтских мифах и средневековых сказаниях из цикла о короле Артуре Мерлин — поэт, прорицатель, волшебник. В различных источниках жизнь Мерлина описана неоднозначно, но просматриваются общие моменты: рождение Мерлина от демона, учреждение им Круглого стола, служба Артуру, заточение Мерлина феей Вивианой в воздушную темницу Броселианды.

Стр. 280. “...Геркулес побеждает гидру...” — В римской мифологии Геркулес — бог и герой. Соответствует греческому Гераклу. Геркулес совершил 12 знаменитых подвигов. Вторым его подвигом стала победа над девятиглавой гидрой, которая похищала скот и опустошала земли в окрестностях Лерны.

Стр. 282. “...на собрании Штатов...” — Имеются в виду генеральные штаты — высший орган сословного представительства в феодальной Франции и Нидерландах. Во Франции первыми принято считать генеральные штаты 1302 г.

Особенно возросло значение генеральных штатов во время Столетней войны (1337—1453). Тогда они превратились в реальную силу и порой претендовали на активное участие в управлении страной. В Нидерландах генеральные штаты были созданы первый раз герцогом Бургундским Филиппом Добрым в 1463 г. в Брюгге.

“...не посрамить славы Гарри Монмоута... славы... второго Азенкура...” — См. коммент. к стр. 236.

“Креси, Пуатье... явились некогда гордостью Англии...” — В Креси-ан-Понтье, селении на юге Франции, в августе 1346 г. и в городе Пуатье на юго-западе Франции в сентябре 1356 г. английские войска в ходе Столетней войны одержали победу над французами.

Стр. 288. *Пилигрим* (ит.) — странствующий богомолец; то же, что и паломник.

Яффа — город в Израиле.

Стр. 289. *Иерусалим* — город в Израиле. Религиозный (“священный”) центр иудеев, христиан, мусульман.

Синай — мухафаза (административно-территориальная единица) в Египте, на Синайском полуострове. Административный центр — Эль-Ариш.

Падуя — город в Италии.

Родос — остров в Эгейском море, у побережья Малой Азии, территория Греции. Сохранились памятники античности и средневекового зодчества.

Рыцарский орден Святого Иоанна. — Имеются в виду иоанниты, иначе госпитальеры — военно-монашеский католический орден, созданный в Палестине крестоносцами в начале XII в. Названы по иерусалимскому госпиталю Св. Иоанна, основанному в 1070 г. в целях покровительства паломникам, вокруг которого группировались рыцари — учредители ордена. Носили красную накидку с белым крестом. Иоанниты сыграли видную роль в крестовых походах. В XIV в. иоанниты утвердились на Родосе, а с 1530 г. — на

Мальте и с этого времени стали называться также Мальтийским орденом.

Госпитальеры. — См. предыдущий комментарий.

Стр. 290. *Урбино* — город в Италии.

Луара — река во Франции.

“...заплатил жизнью недалеко от Нанси...” — В битве при Нанси в 1477 г. в ходе бургундских войн был убит Карл Смелый, герцог Бургундский.

Бордо — город и порт во Франции на реке Гаронна.

Стр. 295. *Сражение при Барнете.* — Произошло 14 апреля 1471 г., войска Уорвика были разбиты армией Эдуарда IV, а сам Уорвик убит.

Кросби-Пэлс — дворец в Лондоне.

Ладлоу — город на западе Англии.

Герцог Норфолк — герцогский титул Норфолк является титулом знаменитой английской фамилии Говард.

Стр. 302. *Чепстоу* — город в Западной Англии.

Стр. 304. “Вышел гонец из дворца так же незаметно, как вошел. Он получил кругленькую сумму, не зафиксированную ни в одной из бухгалтерских книг Вестминстера”. — См. коммент. к стр. 98.

Стр. 306. “...Уорвик извлек Генри из Тауэра...” — В октябре 1470 г. Уорвик, вынудив Эдуарда IV бежать из Англии, восстановил на престоле Генриха VI, а сам стал правителем государства с титулом “заместитель короля”.

Стр. 309. *Митра* (греч.) — в Православной и Католической церквях позолоченный головной убор, надеваемый преимущественно во время богослужения представителями высшего духовенства.

Стр. 312. “...на море... Людовик... отрывал кусок за куском от наследства Марши Бургундской...” — Мария Бургундская (1457—1482) — дочь и наследница бургундского герцога Карла Смелого. Она унаследовала престол герцогов Бургундских в январе 1477 г. после гибели Карла Сме-

лого, однако частью “бургундского наследства” (в том числе Бургундским герцогством) завладел французский король, а во владение Нидерландами Мария Бургундская могла вступить, лишь подписав так называемую “Великую привилегию”. В целях укрепления своей власти она вступила в брак с эрцгерцогом Максимилианом Габсбургом (позднее император Максимилиан I).

Джеймс Стюарт. — Автор имеет в виду короля Шотландии Якова III Стюарта (1452—1488, король Шотландии с 1460 г.).

Бервик (Беррик-апон-Твид) — город в Шотландии, в устье реки Твид.

Стр. 317. *Габсбургская династия* — династия, правившая в Австрии (1282—1918), Чехии и Венгрии (1526—1918), части Италии (с XVI в. до 1866 г.), в Священной Римской империи (постоянно в 1438—1806 гг., кроме 1740—1745 гг.), Испании (1516—1700), Нидерландах. С 1438 г. Габсбурги постоянно избирались императорами. В результате брака Максимилиана I Габсбурга с Марией Бургундской в конце XV в. к владениям Габсбургов были присоединены Нидерланды.

“...Это могло бы привести к ослаблению традиционных связей Шотландии с Францией и даже к заключению союза Шотландии с южным соседом”. — Под южным соседом подразумевается Англия, которая с XIII в. пыталась покорить Шотландию (в 1314 г. шотландцы разгромили английскую армию). Позднее, с утверждением шотландской династии Стюартов на английском престоле (в 1603 г.), Шотландия была объединена с Англией Личной унией, а в 1651—1652 гг. — насильственно присоединена к ней (официально с 1707 г.).

Стр. 326. *Грум* (англ.) — слуга, верхом сопровождающий всадника или экипаж.

Стр. 329. “...своим старшим сыном маркизом Дор-

сетом...” — Имеется в виду старший сын Елизаветы Вудвил от первого брака.

Стр. 332. *Нортхэмптон* — город в Великобритании, административный центр графства Нортхэмптоншир, расположен на реке Нен, впадающей в залив Уош.

Стр. 334. *Власяница* — аскетическая грубая одежда из волос какого-нибудь животного.

Стр. 339. “*Le roi le veut...*” (Фр.) — “Этого желает король...”

Стр. 341. *Кэстон Уильям* (1422—1491) — английский первопечатник. В 1476 г. основал типографию в Вестминстере. В 1477 г. выпустил первую в Англии печатную книгу, всего напечатал около 100 книг.

Стр. 347. *Кросби-Плэйс* — площадь в Лондоне, около Тауэра.

Стр. 350. *День святого Михаила* — католический праздник, отмечается 29 сентября.

Стр. 352. *Бофоры* — знаменитый род в Англии, получивший свое имя от одного замка в Анжу. Носили герцогский титул Сомерсет.

Стр. 366. “*Еще до женитьбы на Елизавете Вудвил... Эдуард был помолвлен с Эленор Батлер...*” — См. коммент. к стр. 39.

Стр. 370. *Род Плантагенетов.* — См. коммент. к стр. 46.

Стр. 372. “*...лорды и члены палаты общин...*” — Английский парламент состоит из палаты лордов (верхняя) и палаты общин (нижняя).

Стр. 373. *Литания* — молитва у католиков, которая поется или читается во время торжественных религиозных процессий.

Стр. 381. *Капеллан* (лат.) — католический священник в армии.

Стр. 382. “*Была пятница, поэтому ничего, кроме эля,*

не нашлось...” — С первых веков христианства возникает почитание пятницы как дня крестных страданий Иисуса Христа. Почитание пятницы было распространено в странах Западной Европы и на Руси. Возникло запрещение некоторых дел: в пятницу не предпринимали путешествия, нельзя было наряжаться, причесываться, устраивать свадьбы и т. п.

Стр. 384. “...*Стэнли больше всего на свете хотел бы сделаться приемным отцом короля, если был бы уверен, что у Тюдора есть хоть какие-то шансы...*” — Дело в том, что один из братьев Стэнли, Томас, был женат на матери Генриха Тюдора, претендовавшего на английский трон.

Эбингдон — город в Центральной Англии на реке Темзе.

Стр. 389. *Беркшир* — графство в Центральной Англии.

Административный центр — город Рединг.

Ричард Львиное Сердце (1157—1199) — король Англии (1189—1199) из династии Плантагенетов.

Стр. 393. “...*отчего это ты в током фаворе у Горбатого...*” — Анна имеет в виду короля Ричарда III. См. коммент. к стр. 36.

Стр. 396. *Сретение* — один из двенадцатых христианских церковных праздников, отмечаемый 15 февраля, в честь Сретения (встречи) праведником Симеоном мессии — ребенка Христа. Согласно Евангелию, встреча произошла в то время, когда родители Христа несли его в храм для посвящения Богу.

Стр. 400. *Кельты* (галлы) — древние индоевропейские племена, обитавшие во второй половине I тыс. до н.э. на территории Британских островов, на территории современной Франции, Бельгии, Швейцарии, Австрии, Чехии, на севере Италии, юге Германии, на севере и западе Испании. В I в. до н.э. кельты были покорены римлянами.

Стр. 406. “*Дети короля Эдуарда погребены под пли-*

тами Тауэра...” — Оба сына Эдуарда IV и Елизаветы Вудвил — Эдуард и Ричард — летом 1483 г. были помещены по приказу Ричарда III в Тауэр. Через некоторое время по Лондону поползли слухи, что дети покойного короля умерщвлены. Об этом как о факте можно прочитать, например, в драме В. Шекспира “Ричард III”:

Кровавое свершилось злодеянье,
Ужасное и жалкое убийство,
В каком еще не грешен был наш край!

По Шекспиру, Ричард предложил осуществить это злодеяние Бэкингеми, но тот в ужасе отказывается. На грязную работу соглашается Джеймс Тайрел, его верные слуги (у Шекспира — “два стервеца, два кровожадных пса”) задушили мальчиков. Было ли это на самом деле, сказать трудно. Но Шекспир, так же как Томас Мор и другие, кто писал о Ричарде III, пользовались далеко не беспристрастными источниками, старавшимися очернить Ричарда, представить его злодеем и уродом, а пришедшего вслед за ним Генриха Тюдора — справедливым и честным.

Стр. 418. *Анна де Божё* (1460—1522) — старшая дочь французского короля Людовика XI. Пока ее брат (впоследствии король Карл VIII) не достиг необходимого возраста, Анна правила Францией как регентша вместе со своим мужем Пьером Де Бурбоном.

Стр. 419. *Лорд-мэр* — городской голова в Лондоне и некоторых других городах Англии.

Стр. 424. *День святого Лаврентия* — католический праздник, отмечается 10 августа.

Стр. 430. *Астролябия* (греч.) — угломерный прибор для определения широты и долготы в астрономии, а также горизонтальных углов при землемерных работах. Использовался вплоть до XVIII в.

Стр. 435. “...Уильям Стэнли действовал в интересах брата Томаса...” — Следует иметь в виду, что Томас Стэнли был женат на матери Генриха Тюдора.

“Вскоре в Англии появился Генрих Тюдор...” — Генрих Тюдор высадился со своим войском на родине в Уэльсе в августе 1485 г.

Стр. 446. *Малин* (Мехелен) — город во Фландрии (на территории современной Бельгии).

Стр. 451. *Колчестер* — город в Великобритании, в графстве Эссекс.

Стр. 468. *Приор* (лат.) — настоятель небольшого католического монастыря. Приором называли также должностное лицо в духовно-рыцарских орденах ступенью ниже великого магистра.

Стр. 495. *Христофор Колумб* (1451—1506) — великий мореплаватель, руководил испанской экспедицией для поиска кратчайшего морского пути в Индию, пересек Атлантический океан, открыл побережья Центральной и Южной Америки, а также ряд островов (Сан-Сальвадор, Куба, Гаити и др.).

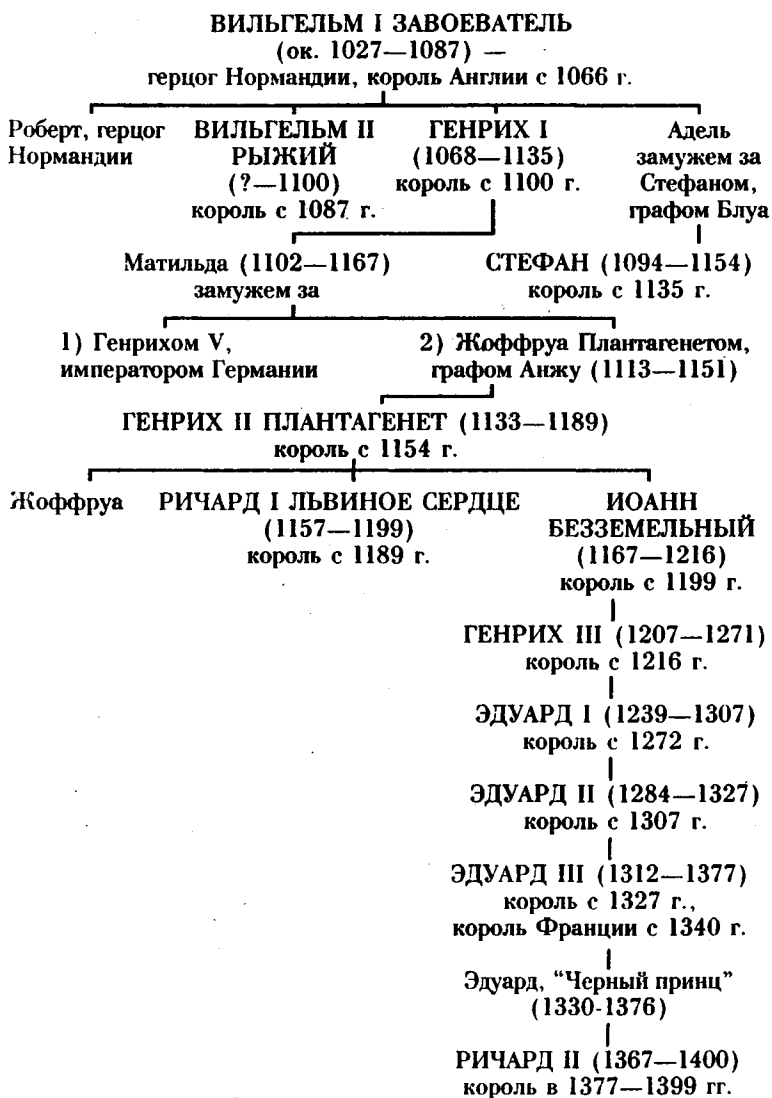
Стр. 502. “*Attends... attends, Simon...*” (Фр.) — “Подожди, подожди, Симон...”

Стр. 509. *Францисканцы* — члены первого нищенствующего ордена, основанного в Италии в 1207—1209 гг. Францисканском Ассизским. Наряду с доминиканцами францисканцы ведали инквизицией.

Стр. 510. *Челмсфорд* — город на востоке Англии.

Стр. 513. *Крещение Господне* (Богоявление) — один из двенадцатых христианских праздников, установленный в честь мифического Крещения Христа пророком Иоанном в реке Иордан. Отмечается верующими 19 января церемонией освящения воды (иордань).

Нормандская династия и династия Плантагенетов

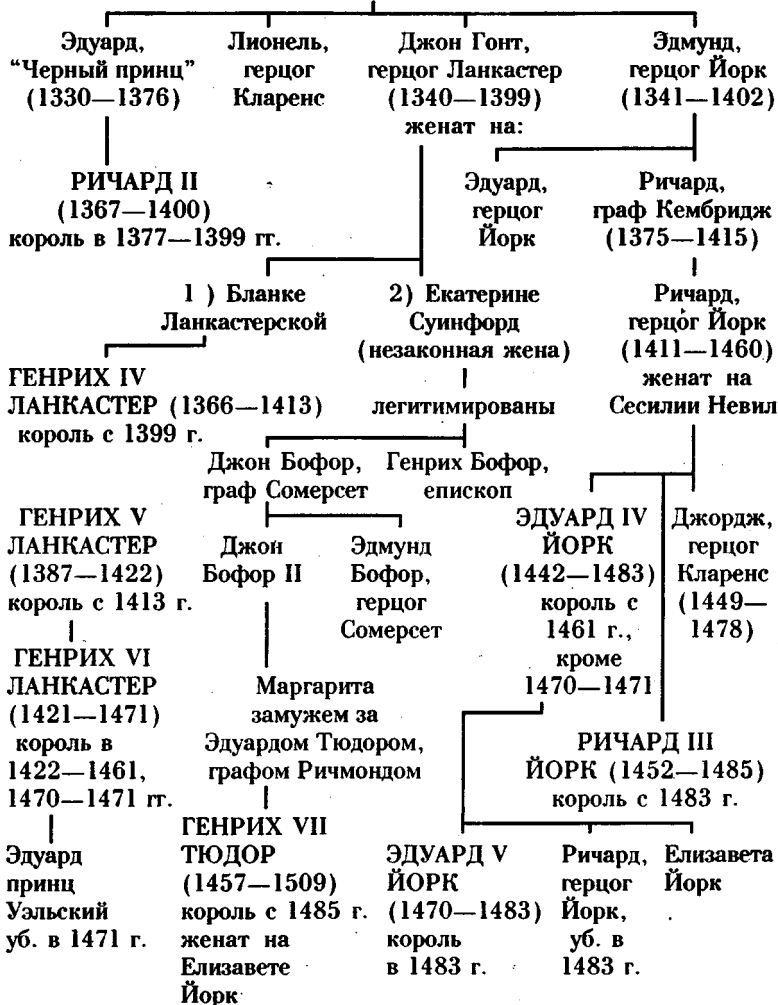
Династия Ланкастеров и Йорков

ЭДУАРД III ПЛАНТАГЕНЕТ

(1312—1377)

король с 1327 г.,

король Франции с 1340 г.

СПИСОК ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ, УПОМЯНУТЫХ В РОМАНЕ

Августин (354—28.08.430), блаженный. Выдающийся деятель христианской церкви, один из “учителей” церкви Запада. Получил хорошее образование, был знаком с идеями стоицизма и неоплатонизма. Принял христианство в 387 г. Епископ Гиппона с 395 г. Автор множества произведений, из которых наиболее известны “Исповедь” и “О граде Божьем”. Выдвинул новую концепцию развития мировой истории, на которой основывались построения средневековых ученых и историописателей. Замечателен и как автор полемических сочинений, направленных против донатистов и манихейства.

Арундел Уильям (1417—1488), брат Джона Арундела (1408—1435), служившего Генриху VI и погибшего в 1435 году в сражении при Бовэ. Единственный сын Джона и глава фамилии Хамфри умер в 1438 году, после чего Уильям стал единственным графом Арундел.

Божё Анна де (1460—1522), старшая дочь французского короля Людовика XI, сестра будущего короля Карла VIII. До его совершеннолетия правила Францией в качестве регента вместе со своим мужем Пьером де Бурбоном.

Карл Бургундский (Смелый) (1433—1477), граф

Шароле, сын Филиппа Доброго. Всю жизнь стремился к расширению границ своего герцогства. Неоднократно (1452—1453, 1465, 1467, 1468) подавлял восстания нидерландских городов, входивших в состав Бургундского государства. Возглавил Лигу общественного блага, составленную против Людовика XI. Был женой на сестре Эдуарда IV Маргарите. Пытался присоединить к своим владениям Эльзас и Лотарингию. Пал жертвой измены в битве при Нанси — был продан наемниками и убит.

Бэкингем Генрих (1454—1483), герцог. Внук Хемфри Стаффорда, первого герцога Бэкингема (титул получен в 1444 году в связи с торжеством по поводу бракосочетания Генриха VI и Маргариты Анжуйской). Погиб в сражении при Нортгемптоне. Его отец погиб в 1455 году при Сент-Олбансе, сражаясь за династию Ланкастеров. В 1466 году женился на сестре королевы, Екатерине.

Вудвил Елизавета (1437?—1492), дочь рыцаря Ричарда Вудвила (убит в 1469), и Жанетты, вдовы герцога Джона Бедфорда, брата Генриха V. У Елизаветы было пять братьев: Энтони, Джон (погиб в 1469 в стычке с войсками Уорвика), Лионель, епископ Солсбери, Эдуард и Генрих, находившиеся на службе у Генриха Тюдора до захвата им власти и после. До 1453 г. состояла фрейлиной при дворе королевы Маргариты. Была замужем за лордом Греем (до 1457), от которого имела двух сыновей — Ричарда (казнен в 1483) и Томаса (участвовал в заговоре Бэкингема, сражался в битве при Босворте на стороне Генриха Тюдора, умер в 1501).

Вудвил Энтони (1442?—1483), граф Риверс и лорд Скейлс. Графский титул получил в 1469 году после казни своего отца, Ричарда Вудвила, став единственным графом Риверс. Сопровождал Эдуарда IV в 1470 году в бегстве последнего в Нидерланды; вместе с ним вернулся в Англию в 1471 году и в 1473 стал наставником молодого принца Эдуарда. Взят в плен Ричардом Глостером в Нортгемптоне в

апреле 1483 года и казнен. Покровительствовал Уильяму Кэкстону. Известен как переводчик произведений античных писателей на английский язык.

Габсбурги, династия, правившая в Австрии с 1282—1918, Чехии и Венгрии 1526—1918, Испании и ее владениях 1516—1700 годах. Ее представители занимали императорский престол Священной Римской империи с 1438 по 1806 год непрерывно за исключением 1742—1745 годов. Родоначальником династии считается Гунтрамн Богатый из Верхнего Эльзаса (середина X века).

Гастинге Уильям (1430—1483), барон с 1461 года, женат на Екатерине Невил, дочери Ричарда Невила. Вместе с Эдуардом IV был в изгнании в 1470—1471 годах. По возвращении на родину сражался за своего господина при Барнете и Тьюксбери. Обвинялся в убийстве сына Генриха VI Эдуарда. Капитан Кале в 1471 году, вместе с Эдуардом IV присутствовал на встрече с Людовиком XI в Пикиньи. После смерти Эдуарда отказался сотрудничать с Ричардом III. На совещании 13 июня 1483 года арестован и приговорен к смертной казни.

Генрих VI (1421—1471), король Англии с 1431 года. Сын Генриха V. В 1445 году женился на Марии Анжуйской, желая сохранить влияние и владения Англии на континенте. При нем к концу Столетней войны были потеряны все земли Англии во Франции, кроме Кале. Страдал умственным расстройством. В его правление началась война Роз. Попал в плен в 1465 году, убит 21 мая 1471 года.

Глостер Ричард (1452—1485), младший сын Ричарда Йорка. Получил титул герцога Глостера после того, как его брат стал королем Англии под именем Эдуарда IV. В 1483—1485 годах король Англии, тронное имя Ричард III.

Говард (Хауард) Джон, первый герцог Норфолк. Отец Томаса Говарда (1473—1524), лорда, имевшего большой вес при дворе Генриха VIII. Постоянный враг Ланкастеров. При

Эдуарде IV получил звание генерал-капитана. Титул лорда получил за преданность от Ричарда III в 1483 году. Это было связано с тем, что после смерти единственного наследника — двоюродного барата матери он стал законным продолжателем рода. Погиб в битве при Босворте. После смерти был обвинен в государственной измене, а титул на некоторое время был отнят у семьи.

Грей Джон (1415—1457), лорд Феррерс, муж Елизаветы Вудвил. Стронник Ланкастеров.

Йорк Ричард (1411—1460), третий герцог Йоркский, сначала носил прозвище Плантагенет, тем самым подчеркивая свое происхождение из Анжуйской династии. Неоднократно заявлял о своем приоритете на наследование перед Ланкастерами. Фактический инициатор войны Роз. Погиб в сражении при Уэйкфилде. Имел сына, Эдуарда IV.

Йорк Цецилия (Сесиль Невил) (ум. 1495), дочь Ричарда Невила и сестра графа Уорвика. Была известная своим легкомысленным поведением.

Йорк Эдуард (1442—1483), первый король из династии Йорков, сын Ричарда Йорка. После смерти отца низложил Генриха VI Ланкастера и стал королем под именем Эдуарда IV (годы правления 1461—1470, 1471—1483).

Йорки, герцоги. Впервые этот титул получил Эдуард Лэнгли, пятый сын Эдуарда III в 1385 году. Вторым герцогом Йоркским был Эдуард Норвичский, погибший в 1415 году в битве при Азенкуре.

Кларенс Джордж (1449—1478), сын Ричарда Йорка и Сесилии Невил, младший брат Эдуарда IV, до рождения Эдуарда Йоркского в 1471 году был претендентом на престол. Используя его недовольство, Уорвик направил его активность против Эдуарда. Был женат на старшей дочери Уорвика, Изабелле Невил. Считается, что он помогал йоркистам в битве при Тьюксбери, а также был сообщником Ричарда Глостера

(будущего Ричарда III) в убийстве принца Эдуарда Ланкастера. Казнен в Тауэре по приговору Парламента.

Колумб Христофор (1451—1506), великий мореплаватель, уроженец Генуи. Состоял на испанской службе. Составил и осуществил план путешествия на запад в поисках короткого пути в Индию. Совершил четыре плавания, в результате которых открыл острова Куба, Гаити, Сан-Сальвадор и другие, побережье Центральной и Южной Америки. По договору с испанской короной получал значительные доходы со всех открытых земель. Однако с финансовой точки зрения плавания Колумба не принесли незамедлительного результата, поэтому сам мореплаватель умер в неизвестности и нищете.

Кэктон Уильям (1422—1491), английский первопечатник, переводчик, родился в Кенте. Первую книгу опубликовал в 1477 году. Всего им было издано 96 книг.

Кэтсби Уильям (1450—1485), законовед, управлявший поместьями Гастингса. После убийства последнего Ричарда III даровал ему ряд государственных постов. Был спикером единственного парламента Ричарда (январь 1484 г.).

Ланкастеры, королевская династия в Англии в 1399—1461 годах, ветвь Плантагенетов. Оттеснили от королевского трона представителей Йорков.

Людовик XI (1423—1483), французский король, сын Карла VII. С самого детства проявил неумный характер, выступал против своего отца, бежал в Бургундию к Филиппу Доброму. Выступал ярким сторонником объединительной, абсолютистской политики. Подавил выступления баронов. всю жизнь боролся с Карлом Бургундским, главным своим врагом. В политике признавал только полезность, был начисто лишен представлений о рыцарской чести и т.п.

Маргарита Анжуйская (1429—1482), дочь Рене, графа Анжуйского, супруга Генриха VI, мать Эдуарда, погибшего в битве при Тьюксбери 4 мая 1471 года. После этого

попала в плен к Эдуарду IV. В 1475 году освобождена по просьбе французского короля Людовика XI. Скончалась в Анжере.

Мария Бургундская (1457—1482), дочь и единственная наследница Карла Бургундского. После неудачной попытки Людовика XI устроить ее брак с дофином вышла замуж за Максимилиана Австрийского (1477 год). Один из сыновей ее, Филипп Красивый, был отцом императора Карла V.

Мерлин, полуполюгендарный советник и ясновидящий при дворе короля Артура (VI век). Впервые упоминается в сочинении по истории бриттов Гальфрида Монмутского. Считается, что Мерлин был сыном простой девушки и дьявола. Согласно некоторым вариантам сказаний, Мерлин является незаконным отцом самого Артура.

Невил Джон (1430—1471), граф Нортгумберленд с 1464 года, третий сын Ричарда Невила, брат графа Уорвика. В 1459—1461 годах находился в заточении у Ланкастеров, в 1466-м одержал победу у Хеджли Мур и Хэксеме. Поначалу не поддержал Уорвика против Эдуарда IV. В Понтефракте выступил на стороне Генриха. Погиб в битве при Барнете.

Невил Изабелла, старшая дочь графа Уорвика, жена Джорджа Кларенса.

Невил Анна, вторая дочь Уорвика, жена принца Эдуарда, сына Маргариты Анжуйской.

Перси Генрих, третий граф Нортгумберленд, приверженец Ланкастеров. Погиб в битве при Таутоне в 1461 году.

Ричард I Львиное Сердце (1157—1199), английский король с 1189 года. Сын Генриха II Плантагенета и Элеоноры Аквитанской. Почти всю жизнь провел в военных походах. Один из предводителей III Крестового похода 1189—1192 годов. Погиб при осаде замка Шалю во Франции. Прославился как отважный воин.

Уорвик Ричард Невил (1428—1471), глава сильнейшего баронского клана третьей четверти XV века. В 1461 году

представители семейства составляли пятую часть палаты лордов. Военным и политическим талантам Уорвика йоркисты обязаны своими крупнейшими успехами: победой в 1455 году при Сент-Олбансе, когда был взят в плен Генрих VI. В 1460 году благодаря его пропаганде сторонникам Йорков была обеспечена поддержка со стороны жителей Лондона и других городов. В начале правления Эдуард IV получил прозвище “создатель королей” (kingmaker). Убит 14 апреля 1471 года после поражения при Барнете. Тело его четыре дня лежало на паперти собора св. Павла в Лондоне, дабы все могли убедиться в гибели этого могущественного временщика.

Яков III Стюарт (1452—1488), король Шотландии с 1460 года. Сын Якова II. В шестилетнем возрасте был захвачен лордом Бойдом. Брат Якова, герцог Альбанский получил от Эдуарда IV королевство в вечное владение. Когда Яков собрался идти в поход против Англии, его бароны устроили мятеж, повесили королевских фаворитов, арестовали короля и вернулись с ним в Эдинбург. Яков был освобожден братом и некоторое время правил самостоятельно, однако в итоге бежал из страны. В 1488 году бароны восстали вновь и в битве у Стирлинга он, упав с лошади, был заколот неизвестным.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Мор Т. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1973.

Гриффитс Р., Томас Р. Становление династии Тюдоров. — Ростов-на-Дону, 1997.

Стивенсон Р.Л. Черная стрела (любое издание).

Шекспир У. Ричард III.

Шекспир У. Генрих VI.

ВОЙНА АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ХРОНИКАХ

РАЛЬФ А. ГРИФФИТС, РОДЖЕР ТОМАС
СТАНОВЛЕНИЕ ДИНАСТИИ
ТЮДОРОВ*

Глава II

БОСВОРТ

ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

17 августа войска Тюдора шли по “дороге римлян” от Лонг Маунтен к Шрусбери. К этому времени вернулись гонцы с крупной суммой денег, которые лишними не бывают никогда. Подоспели они сейчас и вовремя, и кстати: надо было платить наемникам, кормить их вдоволь, чтобы избежать бунта... В Шрусбери неожиданно возникли трудности, причин тому было много, но они легко объяснялись. В августе 1485 года бейлифами Шрусбери были Томас Миттон и Роджер Найт. Их почитали в городе, и с середины 60-х годов они не раз возглавляли административно-законодательные

* Текст печатается по изданию: Ральф А. Гриффитс, Роджер Томас. Становление династии Тюдоров. — Ростов-на-Дону, 1997, С.241—266.

службы. Миттон считался главой города. В октябре 1483 года он непосредственно принимал участие в аресте и заключении под стражу герцога Бекингема. Тут король Ричард проявил щедрость: отдал на попечение Миттона замок Бекингема в Кос и снизил ежегодную дань городу. Было бы странно, встретить он Тюдора с радостью. Да и горожане, видимо, считали Ричарда благодетелем и чтили короля неформально. Огромное войско Тюдора внушало им весьма понятный страх: не миновать узким улочкам города разбоя и беспорядков при таком количестве взвинченных вояк. В спокойной и благополучной жизни Шрусбери Генрих Тюдор, явившийся завоевывать трон Англии, был, мягко говоря, непрошеным гостем. А его союзники из Франции, Шотландии, Бретани и подавно. Началось с того, что Миттон отказал Генриху в просьбе перейти Северн и войти в Шрусбери с запада. В запале бейлиф заявил, что Тюдор попадет в город только через его, Миттона, труп. Хронисты Шрусбери описывают эту сцену, надо признать, выразительно: "...он (Генрих) подошел к

Шрусбери. Крепостные ворота были наглухо закрыты, решетки опущены. Посланник того, кто еще считался графом Ричмондом, приблизился к вратам города и передал приказ распахнуть их перед законным королем Англии. Бейлиф и городской глава, господин Миттон, ответил следующее: он не знает никакого короля, кроме Ричарда III, которому присягал и верен, как верны и жители Шрусбери. Если Тюдор и войдет в город, то лишь через его труп: пока Миттон не упадет замертво, он не отступит от своего слова и будет яростно сопротивляться “именем Короля Ричарда...” Генриху оставалось отступить и обдумать ситуацию. Если идти через Шрусбери нельзя, остается длинный, окольный путь в обход города. Но где уверенность, что другие города Англии распахнут перед ним ворота?

Принято решение отступить на четыре мили к Монтфордскому мосту через Северн к ближайшему селению Фортон. Лагерь разбили прямо в степи. Генрих заночевал в деревне. Верно говорят: утро вечера мудренее. На рассвете Тюдор посылает самых умелых и опытных парламентариев на переговоры с главами английских городов. Он просит у них позволения провести войска через их территорию и обещает, что его армия пройдет спокойно и никаких происшествий и беспорядков не будет. Более того, Генрих гарантирует уважительное отношение к присяге, которую граждане дали Ричарду III. Конечно, это несколько успокоило жителей. Но решающий поворот событий произошел после появления доверенного лорда Стэнли, Роуланда Уорбартона.

Он получил послание Генриха и тут же собрался встретиться с ним. По пути он, похоже, тоже столкнулся с сопротивлением жителей Шрусбери. Поэтому и направляет Уорбартона на переговоры с бейлифами. Он должен уговорить, наконец, заставить их отворить ворота Генриху Тюдо-

ру. Как же обойтись без красочной легенды? Никак: она есть. На сей раз о том, как депеша попала в город: бумагу обернули вокруг камня (кстати, добытого из городской стены) и перебросили в город. Может, и так. Не в этом дело. Горожане поняли: лорд Стэнли поддерживает Генриха. Не разумнее ли позволить его войску пройти через город?.. А теперь опять послушаем хрониста. Видимо, не без дара был человек: пишет и остроумно, и по делу. Каково было главе города Миттону? Накануне такая категоричность, и вдруг, "...как только они (люди Тюдора) вошли в Шрусбери, Миттон лег на землю пузом кверху (дословно), и граф (Генрих) переступил через него, тем самым спасая уважаемого и достойного подданного Ричарда III от нарушения клятвы. Сам же с войском двинулся дальше..." Бейлиф свое дело знал: раз открыл ворота, продолжай в том же духе. Он сопровождает войска Тюдора, как того требовал устав, в их движении по городу. Элис Граффид позже пишет, что Генрих ехал верхом в центре колонны. Как и было обещано, армия не нанесла никакого ущерба городу и не осталась там на ночь. Однако есть тенденция считать, что Тюдору все же оказали гостеприимство в одном из лучших домов города XV века, который и до сих пор существует на улице Уил Коп. Через несколько домов жил Томас Миттон. Ему ничего не оставалось, кроме как "проглотить пилюлю" во имя спокойствия и сохранности города Шрусбери.

Случай в Шрусбери, тем не менее, был не из радостных: да, Тюдор прошел по городу, но демонстрировать признания его права на корону Англии жители явно не собирались. С другой стороны, это стало своевременным напоминанием, что трудности еще впереди. И встреча с населением графств Центральной Англии может сулить много неожиданностей. Главным теперь стало обрести новых союзников и поскорее объединиться с влиятельными друзьями в Англии.

Генрих через Шропшир направляется к Ньюпорту. Там, вблизи города, он разбивает лагерь и проводит ночь с 18-го на 19-е августа. На следующий день появляется сэр Гилберт Тэлбот. И не один. С ним вооруженный отряд в 500 человек, часть которого составляли жители английских графств, граничащих с Уэльсом. Да и из Шрусбери к армии Тюдора во время шествия по городу примкнули солдаты. В то же время в Шропшире его силы пополнили 800 воинов под командованием сэра Ричарда Корбета. Его отчимом был не кто иной, как сэр Уильям Стэнли. Из Херефордшира подоспел Томас Крофт (он воспитывался вместе с Эдуардом IV в детстве). Хоть его и многое связывало с Йорками, к Ричарду III он симпатий определенно не испытывал. Вустершир представлял Джон Хэнли, один из старых служак герцога Кларенса, тоже с вооруженным отрядом. Дальше к югу, в Глостершире Роберт Пойнст пошел навстречу Генриху Тюдору. К нему примкнули и войска из соседних, граничащих с Англией поместий. Например, из Коса, бывшего владения Бэкингема, и Тэлгарта. Именно этого и не хватало Генриху: признания его права знатными господами Англии, до сих пор подданными короля, бороться с Ричардом.

Армия Тюдора быстро прошла еще 12 миль до Стаффорда. А там произошла долгожданная, трогательная встреча с сэром Уильямом Стэнли. Они переговорили, и лорд Стэнли вернулся за основной своей армией, которая отдыхала неподалеку. Несомненно, Уильям сообщил Генриху о том, что войско Ричарда расположено в Ноттингеме и теперь двух ярых противников разделяет совсем небольшое расстояние. Если бы это известие пришло чуть раньше!

Эпизоды, связанные с появлением Стэнли, положенные в основу сюжета домашних легенд его семьи, видимо, и стали источником для повествования Полидора Вергилия. Из "Пес-

ни леди Бэсси” мы узнали, что сэр Уильям Стэнли отправился в путь из своего дома во Флинтшире, что менее тридцати миль к северу от Шрусбери. С большим войском добровольцев из Северного Уэльса и Чешира он спешит в Нэнтвич. Мировой судья трех графств и княжеств Северного Уэльса, он вправе поднять и людей Гвинедд. Но на это нужно время, а сейчас важнее увидеть Генриха Тюдора. В балладе говорится о том, что утром, во вторник, 16 августа он покрыл двадцать миль до Стоуна в Стаффордшире. А вскоре встретился с Генрихом в Стаффорде. Дата наверняка не точна: не могли они встретиться так рано. Это произошло уже после того, как он, утратив бдительность, не предусмотрел сложностей и задержки в Шрусбери. А возможно, и промедления, связанного с Рисом Томасом за Уэльшпулем. При простом

подсчете становится ясно: встретились они, скорее всего, в пятницу, 19 августа. Во время их недолгой беседы Генрих говорил о том, насколько ему необходима помощь Стэнли. Говорят, сэр Уильям успокоил его и поспешил в свой лагерь в Стоуне.

Генрих спешил вперед, надеясь, что следом за ним движутся войска сэра Уильяма. На подступах к Личфилду решают не заходить в город и переночевать за его стенами. Зачем лишний раз рисковать? Армия Тюдора, и без того многочисленная, значительно пополнилась. Стоит ли пугать горожан и доставлять беспокойство и хлопоты властям города? Рано утром следующего дня, 20 августа, Генрих входит в Личфилд. Его встречают доброжелательно и сообщают, что три дня назад прибыл и лорд Стэнли с войском в 5000 человек.

Вот суть того, о чем пишет по этому поводу Полидор Вергилий и говорят фамильные легенды семейства Стэнли. Как и его брат Уильям, лорд Стэнли отправился в путь за несколько дней до того, как Генрих дошел до английской границы. Вероятно, лорд Стэнли уехал из своего родового поместья на западе Ланкашира летом 15 августа. Тюдор в это время был еще в центре Уэльса. Лорд Стэнли и сэр Уильям Стэнли вели свои войска разными путями. Возможно, в пути они и поддерживали связь, но объединились их армии только накануне Босворта. Пока сэр Уильям поджидал в Стаффорде Генриха, лорд Стэнли, видимо, спешил в Личфилд, и когда стало известно о приближении Тюдора, лорд Стэнли поспешил увести своих солдат для того, наверное, чтобы освободить место для армии Генриха. Наряду с этим объяснением Вергилий настаивает еще и на другом. Пока не стоило открывать все карты перед Ричардом III. Пусть он думает, что оба Стэнли ему верны. Поэтому они держатся на расстоянии от Тюдора, а в письмах к королю в

ответ на его патриотические призывы выражают полную свою готовность поддержать владыку. Все осложнилось еще и тем, что старший сын лорда Стэнли, Джордж, лорд Стрэндж, по приказу Ричарда был взят под стражу вместе с Уильямом Гриффитом, знатным землевладельцем Кармартеншира. Перед братьями Стэнли (сэром Уильямом Стэнли и лордом Стэнли) в августе 1485 года стояла задача не из простых: их симпатии и убеждения были связаны с Генрихом, но они не осмеливались открыто отступить от Ричарда. В этом случае им пришлось бы навсегда проститься с лордом Стрэнджем. Лорд Стэнли первым добрался до окрестностей Атеретоуна. Поблизости и находилось то самое место, которое впоследствии вошло в историю как поле битвы при Босворте. Его брат Уильям прибыл в Личфилд рано утром 20 августа. Он встретился с некоторыми частями армии Генриха еще на мосту Уорсли. Вместе они и заночевали у городских стен. В балладе “Поле Босворта” подробно описано то субботнее утро. В городе солдаты двух армий смешались. И сразу было не определить, где кто. Они развлекались, старались “потешить” горожан. Все скорее напоминало праздник, а не подготовку к бою. Сэр Уильям не стал задерживаться в Личфилде. Он вывел свои войска и занял позицию за городской стеной в ожидании совета с братом и Тюдорами.

Надо было принимать решение. Вскоре появился гонец лорда Стэнли и сообщил, что армия Ричарда рядом и нападения можно ждать через три часа. Это была ложная тревога, но сэр Уильям немедленно помчался в Тэмуорт и Атерстоун. Там он увиделся с братом. На чем они порешили, точно не известно. Собирались ли открыто примкнуть к войскам Тюдора или все еще морочить голову Ричарду III, чтобы спасти лорда Стрэнджа? Бесконечные приказы от короля и

взволнованные призывы Генриха ставили их в сложное, двусмысленное положение. Но, видимо, они решили пока не спешить с публичным отречением от властелина Англии. На следующий день, 21 августа два Стэнли обсудили и приняли план военных действий. Если верить “Полю Босворта”, подразумевались слияние их военных частей и примерно такая расстановка сил: лорд Стэнли командует авангардными войсками, сэр Уильям — арьергардными, а их третий брат сэр Эдуард Стэнли — флангом. За обсуждением всех деталей они и провели ночь с 21 августа. Встреча с армией Ричарда III предполагалась утром.

Генрих Тюдор тем временем, соблюдая осторожность, движется к Тэмуорту, расположенному в семи милях к юго-востоку от Личфилда. Там вечером 20 августа сэр Томас Бургчер, Уолтер Хингерфорт и другие примкнули к армии Тюдоров. Они дезертировали из королевского войска по пути из Лондона в Ноттингем и отправились на поиски Генриха. На подступах к Тэмуорту произошел забавный случай. О нем упоминает только Полидор Вергилий. Генрих и человек двадцать его личной охраны немного отстали. Вергилий пишет, что после сообщения о том, что Ричард в Лестере, Тюдора мучили сомнения и неопределенность: лорд Стэнли до сих пор не примкнул к его армии. Что происходит? Когда совсем стемнело, его войско остановилось на ночлег у реки. Сам же Генрих все еще был в трех милях от этого места. Кончилось тем, что он заблудился в потемках. Тюдор и его попутчики сильно встревожились, но решили до рассвета не трогаться с места. Они боялись обнаружить себя и сидели молча, даже шепотом не переговаривались друг с другом. В армии Генриха поднялся настоящий переполох: исчез вождь! И когда в сером рассвете нового дня Тюдор наконец появился, ему срочно пришлось поднимать боевой дух своих воинов.

Он объяснил, что ночью получил хорошие новости от своих друзей, имена которых пока должен держать в тайне. Все решили, что речь идет о братьях Стэнли, хотя Генрих мог говорить и о своих лондонских союзниках. Жаль, что Полидор Вергилий упоминает об этом случае вкратце и лишь со слов Генриха Тюдора. При всех симпатиях в нему это происшествие (даже в изложении Полидора) дает серьезное основание упрекнуть Генриха: в такой напряженной обстановке, когда нервозность доходила до срывов, а боевой дух солдат нуждался в постоянной “подпитке”, можно ли было так неожиданно исчезнуть, никому ничего не объяснив?!

На следующий день Генрих ведет войска к Атерстоуну на

встречу с братьями Стэнли. 21 августа Тюдор переправляется через реку Анкер и оказывается в лагере своего отчима. В “Поле Босворта” это описано именно так. Стэнли слышали, что кто-то идет через лес: конечно, это войска Ричарда III! С каким же облегчением они вздохнули, когда из чащи появился Генрих. Тут же начинается новый военный совет. Генрих считает, что правому переднему флангу лорда Стэнли лучше слиться с армией Тюдора. Вроде бы он обронил: “Маловато ваше войско”, чем явно удивил и озадачил своих союзников. “Песнь леди Бэси” вносит ясность: лорд Стэнли был намерен лично командовать своими солдатами. Но он приказывает четверем рыцарям — сэру Роберту Танстолу из Ланкашира, сэру Джону Сэйвиджу из Чешира, сэру Хью Персалу и сэру Хамфри Стэнли из Стаффордшира — укрепить передний фланг войска Тюдора. Совет, похоже, закончился полным единодушием и удовлетворением всех сторон.

Генрих отправляется в свой лагерь. Не исключено, что сомнения, ставшие уже навязчивой идеей, его не оставили. Хотя еще утром, до встречи со Стэнли произошло событие, которое должно было бы поднять ему настроение. Брайан Сэндфорд, Саймон Дайби и молодой Джон Сэйвидж, еще в начале лета призванные в королевскую армию, сейчас дезертировали и появились в лагере Тюдора с “группой случайных, но вооруженных людей”.

К О Р О Л Ь

Весть о том, что Генрих Тюдор сошел на берег в Пембрукшире, застала Ричарда III в Ноттингеме. Он находился либо в городе, либо в королевской резиденции Вествуд в Шервудском лесу с начала июня. Выбрал он это место не

случайно. Там была хорошо налажена связь с его сторонниками из Северной Англии. Поэтому, находясь в центре страны, король сразу же узнает о появлении Тюдора и немедленно готов действовать. 11 августа он получил сообщение о том, что Генрих прибыл в Милфордскую гавань. Ричард решил, что войска высадилась в Англ, на южном берегу у входа в бухту. Похоже, в депеше что-то перепутали (может, и не нарочно). Там сказано, что за высадкой Тюдоров наблюдали посты Ричарда в Англе и что флотилия бросила

якорь за Мил-Бэй. Наивно предполагать, что в таком важном деле король доверится одному письму. Нет, конечно. Он срочно посылает за Вернонами из Дербишира, верными его последователями, и полон решимости лично покончить с врагом раз и навсегда. "...Изменники Отчизны нашей объединились со старым врагом Англии — Францией. Среди них и другие, непонятно откуда взявшиеся иноземцы. Этот сброд уже ступил на земли Наши в Энгле, что за гаванью Милфорд в Уэльсе. О чем Мы тут же и узнали. Наш народ готов дать отпор наглецам. Мы лично поведем войска вслед за Господом Нашим и покончим с врагом навсегда..."

Хронист из Кройленда, видимо, имел возможность наблюдать за поведением и настроением Ричарда в те дни. Он пишет, что король был одержим идеей схватить Генриха Тюдора и уничтожить опасность, нависшую над ним и над ветвью Йорков, которую представлял Ричард III.

Это не противоречит летописи Полидора Вергилия. Тот пишет, что Ричард вел себя очень самоуверенно: ему сообщили, что силы Тюдоров ничтожны. Все так. К тому же он не без оснований полагал, что его люди в Уэльсе — во всяком случае, большинство из них — верны королю и быстро расправятся с захватчиками. Вождей же мятежников схватят сэр Уолтер Герберт и Рис Томас. Что ни говори, а верно выбранный Генрихом северо-восточный маршрут свое дело сделал: Тюдоры избежали многих ловушек и столкновений. Шли дни. Однако вскоре пришло известие о том, что враги Ричарда идут через Уэльс. И прежнего оптимизма короля как не бывало.

Он уже созвал к себе всю знать с тем, чтобы срочно собрать в Ноттингеме все силы в соответствии с обязательствами, принятыми осенью 1484 года. С севера страны прибыл Нортамберленд, герцог Норфолк — из Восточной Англии. Сэр

Роберт Брэкенбери, командующий Тауэра в Лондоне (главный королевский арсенал), получает неожиданный приказ: привести с собой самых знатных и влиятельных узников. Непременно двоих: сэра Томаса Бургчера и Уолтера Хангерфорда. Они содержались под стражей по подозрению в причастности еще к восстанию Бэкингема с 1483 года. Приказы были жесткими: за малейшее непослушание и невыполнение долга грозило суровое наказание. Лорда Стэнли все эти строгости касались в первую очередь. Ричард не имел доказательств его причастности к заговору Тюдоров. Но король чувствовал: ему верить нельзя. Ощущение опасности усилилось после того, как в июле 1485 года тот вдруг уезжает из Лэтома в Ланкашир. Да и Генрих, наверняка, не прекращал переписки с матерью во время военного похода через Уэльс к Ланкаширу и Чеширу.

Стэнли отказывается немедленно появиться при дворе, ссылаясь на болезнь. Но Ричард еще мог держать в узде это семейство: в его власти был лорд Стрэндж, наследник Стэнли, который, того не желая, дал королю дополнительные козыри. Он пытался бежать из Ноттингема. Его схватили, и бедняк признался во всем. Да, существует зловещий заговор против Ричарда. Он даже сознался в том, что вместе со своим дядей, сэром Уильямом Стэнли, и сэром Джоном Сэйвиджем намеревался поддержать Генриха Тюдора. Тот же историк из Кройленда (судя по его записям, он находился или в самом Ноттингеме, или рядом) вспоминает, что Стрэндж молил Ричарда о прощении и обещал, что вернет ко двору короля своих родичей. Возможно, под давлением и угрозой расправы Стрэндж пишет отцу о той смертельной опасности, в которой оказался. Он настаивает, чтобы лорд Стэнли поддержал Ричарда, а не Тюдора. Сэр Уильям Стэнли и Джон Сэйвидж всенародно объявлены предателями и изменника-

ми. Это должно заставить призадуматься тех, кто по легкомыслию мог “купиться” на обещания Тюдоров и готовиться встать под его знамена.

Ричарду и самому пришлось призадуматься: он объявил вне закона двух лидеров заговора. Это правильный ход: он удержит многих от поддержки Генриха. А эти два изгоя? Как они воспримут длительное заключение лорда Стрэнджа? Вряд ли образумятся и отступятся от Тюдоров. Скорее, наоборот. Это только подтолкнет их принять сторону “наглеца” окончательно.

Тут новая беда: король узнает, что Генрих уже в Шрусбери. Гонцы спешат сообщить и другие новости: захватчики пошли на восток от Шрусбери к Стаффорду. Значит, они идут в Ноттингем на бой с королем. Но нет, они повернули на юг и пошли по дороге рядом с Личфилдом на Лондон. Ричард объявляет о военном положении. Все силы короля в полной боевой готовности. В пятницу, 19 августа, ночью или на рассвете в субботу Ричард III быстро ведет войска к Лестеру, чтобы перехватить Генриха на пути к столице.

Нельзя да и несправедливо винить Ричарда в том, что он прохладился в Ноттингеме вместо того, чтобы остановить захватчиков раньше. Глупо было бы вести огромную армию, точно не зная, куда повернет враг. Ричард как раз поступил мудро. Он готовил армию намеренно долго: за это время воины Генриха, конечно, очень устали. Сказывался долгий и трудный переход по Уэльсу, Англии, землям для большинства из них чужим. Королю это было на руку: чем больше они замучаются в пути, тем лучше: меньшей кровью достанется победа.

Вероятно, армия Ричарда была больше, чем у Генриха, хотя точных сведений о численности королевских сил мы не имеем. Они пошли к югу, построены в шеренги в виде квад-

рата. Ричард и его охранники находились в конце двух колонн кавалерии. До заката 20 августа они прошли 23 мили по направлению к Лестеру. На ночь разбили лагерь. Считается, что король заночевал на постоялом дворе “Белый кабан” в Нортдейте. В Лестере подоспели остальные части его армии. В “Поле Босворта” названы имена почти сотни знатных господ и рыцарей, которые откликнулись на призыв Ричарда III и поклялись сражаться за него до последней капли крови. В основном это была знать северных графств, особенно Йоркшира и Ланкашира. Среди них находились и члены королевской семьи, министры придворного совета. Видимо, они подоспели из Лондона вместе с Брэкенбери. Главным “позором самозванца Тюдора” были наемные войска его армии. Но и на стороне Ричарда сражались “иноземцы”: солдаты.

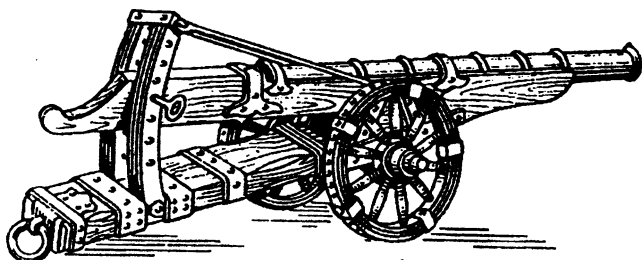

Австрии и Бургундии. У короля возникла трудность иного рода: как заставить подчиняться тех, кто явно были склонены к дезертирству не из трусости, а по идейным соображениям? В его войсках таких было, правда, немного. Но все же они были готовы при первой же возможности изменить Ричарду и стать на сторону Генриха.

На следующий день королевские войска движутся на запад от Лестера по дороге, ведущей к Цистерцианскому монастырю в миле от Атерстоуна. Уже знакомый летописец из Кройленда вспоминает: "...он (Ричард) ехал помпезно и величаво как настоящий властелин. Голову его венчала корона Англии". (Некоторые источники сообщают ее цену: 120 000 крон.) Напоказ были выставлены все королевские доспехи и оружие. Его окружала свита высокородных господ Англии. Впереди процессии возвышался огромный, прекрасной работы крест с эмблемой Йорков: солнечные лучи, исходящие из белой розы. Разведчики королевской армии разглядели, где затаился враг: совсем рядом с Атерстоуном. Вокруг были истоптанные поля и пастбища монастыря, некоторые здания совсем недавно "получили увечья". Значит, Тюдоры ушли недалеко. По традиционной версии, Генрих ночевал в самом Атерстоуне, на постоялом дворе "Три бочки", братья Стэнли разместились чуть дальше по другую сторону реки. А Ричард, предположительно, выбрал для лагеря широкую равнину Рэдмур. Так участники событий провели ночь накануне решающего сражения.

БИТВА

Если наши сведения о переходе армии Генриха от Пембрукшира до Босворта не всегда точные и полные, то что

говорить о самой битве? Тут мы располагаем и вовсе скудной информацией. Никто из участников, очевидцев, да что там, просто никто из живших в то время не оставил никаких воспоминаний об этих стремительных, но таких важных событиях лета 1485-го. Остаются все те же Полидор Вергилий, анонимный летописец из Кройленда да семейные байки дома Стэнли. И лишь очень немногие писатели и историки конца XV и начала XVI веков обратились к географии и топографии, пытаясь восстановить ход битвы и картину перемещения сил. Труды, посвященные Босворту, более поздних периодов начинаются с исследования Уильяма Хаттона, историка и топографа, под названием “Бой между Ричардом III и Генрихом; графом Ричмондом, на поле Босворта 22 августа 1485 года”. Здесь представлен план битвы, направления, по которым двигались части обеих армий, исход локальных схваток и т.д. Автор пытается осмыслить поражение Ричарда III, рассматривает его характер, склонности, обстоятельства, при которых Ричард стал властелином страны. Книга вышла в свет после того, как автор побывал на месте событий 1485 года. Это произошло в 1788 году. А позже началось стремительное развитие промышленности:

рылись каналы, прокладывались железнодорожные пути. Словом, топография местности значительно изменилась и воссоздать ее первоначальное состояние больше не представлялось возможным.

Хаттон оказался ученым настойчивым и дотошным. Он записывал все свои впечатления, находясь на равнине Рэдмур (другое название места битвы). Были и неожиданные, радостные находки. Все ценное, что мы почерпнули из его труда, предлагаем и вашему вниманию.

Современники событий называют место, где сошлись в бою две армии, долиной Рэдмур. Начиная с XVI века его все чаще стали называть полем Босворта. Так назывался небольшой город по соседству. По образному выражению уэльского хрониста Элиса Граффиды, “два духа сошлись на базарной площади Босворта”. О битве при Босворте написано много с точки зрения топографии, военной стратегии и т.д. Как правило, эти труды основаны на догадках, предположениях, поэтому вряд ли есть смысл повторять слова их авторов. И, как ни грустно, приходится сознаться: мы даже не знаем наверняка, где же точно состоялся такой решающий для страны бой, где находились противники, в какое время началась схватка и когда кончилась. Не знаем мы и тактики ни той, ни другой сторон. Поэтому делимся с читателем тем немногим, что удалось узнать.

Итак, утром 22 августа лагерь Ричарда поднялся на рассвете. Но с самого начала у короля день, как говорят, не задался. Он пожаловался товарищам, что ночью плохо спал. Тогда это восприняли как дурное предзнаменование. Но стоит ли слишком углубляться в толкование Полидором Вергилием бессонницы Ричарда? Большая совесть, духи жертв его жестокости терзали короля? В конце концов, лучше Шекспира не скажешь. Да и цель у нас иная. Давайте послушаем

хрониста из Кройленда. Да, король встал рано. Ведь не оказалось под рукой капеллана, чтобы обратиться к войску. Не было и завтрака. Едой занялись другие. Ричард обратился к воинам.

Он заявил, что сегодняшний день — решающий для него, короля Англии, Генриха Тюдора и самой Англии. Именно по этой причине он не снимет с головы корону весь день. Затем послали за короной в шатер Ричарда. В присутствии простых солдат, знати и, кстати, вдруг появившегося епископа Данкелда, ее с подобающими ритуалами водрузили на больную с недосыпу королевскую голову.

Военные силы Ричарда были прекрасно обучены и вооружены. Его авангард отличался от авангарда Генриха: кавалерия мудро перемежалась пехотой и стрелками и вместе они представляли надежную защиту. Стрелками командовал герцог Норфолк. А впереди авангарда ехал верхом сам Ричард с отрядом “избранных”, цветом и основной ударной силой его войска.

Но никто из современников о будущем и истории, как видно, не думал, и мы так до сих пор не знаем точно, где же находилась армия Ричарда. Вполне логично предположить, что она поднялась на самую верхнюю точку Рэдмурской долины и двинулась по ней к западу. А точнее, с горы Амбьен Хил: оттуда открывалась полная панорама. Если мы не ошибаемся, армия Ричарда заняла эту позицию, учитывая все ее достоинства, хотя места и было маловато (она была очень узкой и длинной): солдаты находились далеко друг от друга.

В лагере Генриха Тюдора тоже готовились к бою. Он просит лорда Стэнли подготовить своих бойцов. Это войско находилось как раз между основными армиями. Ответ отчима наверняка потряс Тюдора: он будто бы забыл о всех военных планах вчерашнего дня. Стэнли отвечает сле-

дующее: пусть приведет в боевую готовность своих людей, а он (Стэнли) подоспеет в нужный момент. Другими словами, две армии были разделены и вступили в бой без согласования. На самом деле, Стэнли все еще не мог собраться и заставить себя открыто пойти против Ричарда: слишком многое было поставлено на карту. Но его ответ, разумеется, вывел Генриха из равновесия. А он как раз в это время отдавал приказы и еще раз проверял правильность занятых его солдатами позиций. Генрих надеялся на силы Стэнли. А теперь его передний фланг был ослаблен: первыми шли стрелки под командованием Джона де Вэра, графа Оксфорда, вояки бывалого. За действия правого фланга отвечал сэр Гилберт Тэлбот, левого — Джо Сэйвидж. За ними следовал сам Генрих с небольшими отрядами кавалерии и пехоты. Мы мало знаем о численности той и другой армий, а то что знаем, может быть и не точно. Однако больше доверия! А вот о составе войск мы не знаем практически ничего. Делимся с читателем тем немногим, что удалось выяснить. Обе армии имели отряды кавалерии и пехоты. И у той, и у другой были пушки, ружья, клинки и луки. Возможно, что орудия артиллерии, особенно пушки, были разных модификаций.

И вот: авангарды двух армий увидели друг друга. Воины натянули шлемы, и раздался ритуальный клич, возвещающий о начале боя. Мы даже не знаем время дня, когда происходило это событие, и путь, которым шли к месту схватки воины Тюдора. Единственно, что известно, позже он выплачивал компенсацию за погибшие поля кукурузы деревням Мэнстер, Уитерли и др. Так что можно предположить, что его армия проходила именно так. (Деревни находятся неподалеку от Босворта.) Купцы из Испании слышали, что перед боем Генрих изо всех сил пытался подбодрить своих бойцов.

Те же торговцы уверяют, что войско Тюдора было намного меньше вражеского, да и боевым духом противник явно превосходил его. Сказывалась неопределенность поведения лорда Стэнли.

Генрих неожиданно наткнулся на болото, видимо, подойдя к склону Амбьен Хил. Остатки этой топи существуют и сегодня. Но они явно уменьшились и помельчали. Но тогда, да еще в первый момент, болото определенно показалось бескрайним. Говорят же: “Не было бы счастья, да несчастье помогло”. Русская пословица вроде писана про случай с претендентом на трон Англии... Он огибает болото слева, и теперь топь блокирует любые попытки врага напасть с правого фланга. Мы все время спотыкаемся о нашу неосведомленность. А если и есть какие-то знания, то очень фрагментарные. Так и сейчас: мы не знаем, когда и как Генрих вышел из ситуации с болотом (потом это считали маневром и приписывали особому военному и стратегическому умению короля).

Но вот болото позади. Ричард сразу заметил численное превосходство своего войска и дал приказ атаковать. Вероятно, тут же он понимает, да и видит, что лорда Стэнли нет, как не видно и признаков, что он поддержит короля. Следует приказ отрубить голову лорду Стрэнджу. И в “Песне леди Бэсси”, и в “Поле Босворта” сюжетные линии Стрэнджа совпадают: он сумел через слуг передать родным, что его ждет плаха, если победа будет за Ричардом, и послать обручальное кольцо жене, просил беречь сына и уехать из Англии, где правит тиран Ричард. Но, как оказалось, зря он прощался с жизнью. Его спасла стремительность и неразбериха боя. Да еще советники Ричарда твердили королю, что не время сейчас для казни. Это всегда успеется.

Обменявшись пушечными ядрами и стрелами, бойцы пе-

решили к знакомому бою: началась рукопашная. В ход пошли топоры, мечи и пики. Французские солдаты Оксфорда, видимо, окружили людей Норфолка. Теперь уже сложно восстановить ход битвы. Но многие ученые склонны считать, что линию Норфолка прорвали люди Риса Томаса. Может быть (так утверждает Вергилий). В этот-то момент граф Оксфорд, опасаясь, чтобы его бойцы в горячке рукопашного боя не продвинулись слишком далеко вперед, отдает приказ: дальше 10 футов не заходить. В результате схватка как-то быстро затихла. Солдаты Оксфорда стояли плотно друг к другу — создавалось впечатление военного построения. Их противники решили, что это новый маневр, не зная, как действовать дальше, выжидали. И дождались: бойцы графа Оксфорда перешли в наступление, построившись в форме клина и находясь очень близко друг от друга. Ричард наблюдал за всем этим. Нортамберленд должен был зайти с тыла. Но так и не решился. Возможно, не потому, что намеревался изменить Ричарду: топография поля боя была уж больно неподходящей.

Ричард знал от своих разведчиков, что Генрих тоже пока лишь наблюдает за сражением и с ним всего небольшая группа воинов и полководцев. Король решает взять инициативу в свои руки и покончить битву быстро: надо убить Тюдора. Ричард прищпорил коня, вышел из прикрывавшего его (скорее, северного) фланга и помчался к своему противнику и врагу.

Генрих, конечно, все видел. Кое-что королю удалось: убиты несколько человек, окружавших претендента на трон, перевернут символ Тюдоров — красный дракон, замертво упал Уильям Брэндон, поверженный Джон Чийн не может подняться с земли. Безумное нападение Ричарда было отчасти продиктовано страхом и отчаянием. Но это был и

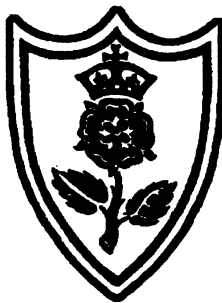
подвиг. И начинается бой между Ричардом III и Генрихом Тюдором. Генрих бился отчаянно и долго, чего никак от него не ждали. Ведь он был еще молод и не имел ни опыта, ни сноровки в бою. И каком! Он уже терял силы, когда пришла помощь. Надо же: на какой тонкой нити порой висит будущее страны. В данном случае, монархии Англии. Где в это время находился сэр Уильям Стэнли, мы не знаем. Главное, он увидел и нападение Ричарда, и бой двух претендентов на корону. Еще немного, и он опоздал бы. Такого не случилось: впереди отряда в 3000 воинов он подоспел вовремя. Солдат, окружавших короля, уложили быстро. Ричард остался один. Он “дрался мужественно и даже время от времени отбивал мощное нападение противника”. Получил много серьезных и тяжелых ран. Но советы поменять коня и оставить поле боя отвергал надменно и с королевским достоинством. О его мужестве в бою пишут разные авторы, независимо от личных симпатий и убеждений. Конечно, не промолчали и поэты. Не будем утомлять читателя их метафорами и размерами строф. Да и незачем: краткой, точной и емкой фразы Полидора Вергилия, на наш взгляд, хватит: “...в этот день ему суждено покончить с войной или с жизнью”. Случилось второе... Вокруг мертвого короля полегла и его охрана: сэр Ричард Рэтклиф, сэр Ричард Чарлтон, сэр Персивол Трибол...

Хоронили Ричарда скромно, без пышности и помпезности. Тело перевезли во Францисканский монастырь в Лестере. Там два дня с ним прощались (не для всех же он был тираном!). Похоронная атрибутика была строгой: тело короля накрыли простой черной тканью. На территории монастыря и похоронили Ричарда III. В годы раскола церквей при режиме Генриха VIII могилу раскопали, гроб вытащили, а потом равняли землю. Останки выбросили, а гроб долго ис-

пользовали как кормушку для лошадей. Потом и вовсе она служила как часть крыльца. Веселая история: Ричард III — единственный английский король со времен набегов норманнцев, у которого нет могилы.

Поражение Ричарда, его смерть — такого исхода битвы не ожидали, наверное, и самые яростные его враги. До вмешательства сэра Уильяма победа Тюдора была еще под большим вопросом. Промедли сэр Уильям хоть немного, скорее всего погиб бы Генрих. Порой страшновато: от каких мелочей и случайностей зависит история.

Уильям Шекспир

Ричард III

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА В V АКТАХ*

ПЕРЕВОД А. РАДЛОВОЙ

А К Т V

С ц е н а I

Солсбери. Открытое место.

**Входят шериф Уильтширский и стоажа
с Бекингемом, которого ведут на казнь.**

Бекингем

Король мне не позволит говорить с ним?

* Текст печатается по изданию: Уильям Шекспир. Полное собрание сочинений, т. I. — М., 1957, С. 561—578.

Ш е р и ф

Нет, добрый лорд; с судьбою примиритесь.

Б е к и н г е м

Эдварда дети, Воген, Риверс, Грей,
Святой король наш Генрих, принц Эдвард,
Вы все, погубленные потаенно
Бессовестным и гнусным беззаконьем, —
О, если вы с печалию и гневом
Глядите с облаков на этот час,
Возвеселитесь гибелью моей!
Сегодня день поминовения мертвых?

Ш е р и ф

Да, сэра.

Б е к и н г е м

День поминанья судным днем мне будет,
Я в этот день при короле Эдварде
Звал на себя погибель, если я
Его детей и братьев обману;
И в этот день звал гибель на себя
От Ричарда, кому всех больше верил.
Пришел, пришел ты, поминальный день,
И стал днем мести за мои грехи!
Всевидящий, которым я шутил,
Той ложной клятвой поразил меня
И то дал вправду, что просил я зря.
Так направляет он оружие злых
В их собственную грудь. Как тяжко пало
Проклятье королевы Маргариты:
“Когда тебя пронзит он скорбью, скажешь:

Пророчицей была ты, Маргарита!”
Пойдем, там плаха для меня стоит,
Да будет зло за зло и стыд за стыд.

Уходят.

Сцена 2

Поле близ Темуорта.

Входят с барабанами и знаменами Ричмонд, Оксфорд,
Блент, Херберт и другие военачальники с
войсками.

Ричмонд

Вы, по оружию верные друзья,
Измученные игом тирании,
До сердца нашей родины дошли мы,
Не встретивши препятствий на пути.

От лорда Стэнли, моего отца,
Здесь бодрое письмо я получил.
Кровавый, злой и незаконный боров,
Поля и виноградники топтавший,
Как теплые помои, пивший кровь.
И выедавший внутренности ваши
Из вас, как из корыта, — гнусный боров
Залег здесь, как мы только что узнали,
У Лестера, в одном лишь переходе.
Во имя бога, храбрые друзья,
Одним кровавым, смертным испытаньем
Мы жатву мира вечного пожнем!

О к с ф о р д

В душе у нас по тысяче мечей,
Чтобы сразить преступного убийцу.

Х е р б е р т

Его друзья переметнутся к вам.

Б л е н т

Нет у него друзей, — друзья из страха
Его покинут в горестной нужде.

Р и ч м о н д

Тем лучше нам! Вперед, во имя бога!
Лети, надежда, ласточки быстрей;
Король с ней — бог среди смертных королей.

У х о д я т.

Сцена 3

Босуортское поле.

Входит король Ричард, вооруженный, герцог Норфолк, граф Серри и другие.

Король Ричард

Разбить шатры здесь, на Босуортском поле. —
Лорд Серри, почему вы так печальны?

Серри

Мой дух бодрей, чем взгляд мой, в десять раз.

Король Ричард

Лорд Норфолк...

Норфолк

Государь, я здесь пред вами.

К о р о л ь Р и ч а р д
Ударов нам не избежать, мой Норфолк!

Н о р ф о л к
Неизбежать ни им, ни нам ударов.

К о р о л ь Р и ч а р д
Сюда — шатер! Я нынче здесь ночую.

С о л д а т ы расставляют шатер.
А завтра — где? Ну, ладно, все равно.
Изменников известны силы нам?

Н о р ф о л к
Их тысяч шесть иль семь, никак не больше.

К о р о л ь Р и ч а р д
Так, значит, мы сильнее их в три раза;
И с нами имя короля, как крепость, —
А этого недостает врагу. —
Скорей шатер! — Пойдемте, господа,
Осмотрим местность, и людей искусных
С собой возьмем, и всем распорядимся.
Отбросим же медлительность и лень:
Нас, господа, ждет завтра трудный день.

У х о д я т.
Входят с другого конца поля Р и ч м о н д, с э р
В и л ь я м Б р е н д о н, О к с ф о р д и другие
в о е н а ч а л ь н и к и.

С о л д а т ы ставят шатер Ричмонда.

Р и ч м о н д

Усталое уж закатилось солнце;
След колесницы огненной его
Пророчит нам на завтра день прекрасный. —
Сэр Брендон, вы штандарт мой понесете. —
В шатер мне принести чернил, бумаги:
Там план сраженья начерчу и всем
Военачальникам места назначу,
На точные отряды разделю
Все небольшое наше войско. — Оксфорд,
Сэр Брендон и сэр Херберт, здесь побудьте.
Граф Пембрук со своим полком остался. —
Мой добрый Блент, привет ему снесите
И попросите в два часа утра
Прийти ко мне в шатер. Еще скажите,
Мой добрый капитан, — вам не известно,
Где лорда Стэнли полк расположился?

Б л е н т

Когда его знамена я не спутал
С чужими, в чем вполне уверен я,
Его отряд южнее на полмили
Стоит от сильных королевских.

Р и ч м о н д

Мой милый Блент, коль это не опасно
Для жизни, способ вы найдите к Стэнли
Снести вот это важное письмо.

Б л е н т

Я это сделаю, клянусь я жизнью.
Бог да пошлет вам тихий сон, милорд.

Р и ч м о н д

Прощайте, Блент. — Пойдемте, господа,
Поговорим о завтрашнем сраженьи
В моем шатре: здесь воздух очень резок.

Подходят к своему шатру король Р и ч а р д,
Н о р ф о л к, Р е т к л и ф, К е т с б и и д р у г и е

К о р о л ь Р и ч а р д

Который час?

К е т с б и

Час ужина, милорд:
Уж било девять.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ужинать не буду.
Чернил, бумаги дай.
Исправили мой шлем — удобней стал он?
Снесли мое оружие в шатер?

К е т с б и

Да, государь, для вас уж все готово.

К о р о л ь Р и ч а р д

На пост свой поспеши, мой добрый Норфолк,
И выбери нам верных часовых.

Н о р ф о л к

Иду, мой государь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ты с жаворонком встань, мой славный Норфолк.

Н о р ф о л к

Исполню, государь.

(Уходит.)

К о р о л ь Р и ч а р д

Кетсби!

К е т с б и

Я здесь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ты к Стенли вестника пошли,
Чтоб до восхода он свои войска
Привел, — иначе сын его Георг
Падет в слепую яму вечной ночи.

К е т с б и уходит.

(Одному из слуг)

Налей стакан вина и дай ночник.
В бой Серри белого мне оседлай
И копы осмотри, легки ль и крепки. —
Ретклиф!

Р е т к л и ф

Что, государь?

К о р о л ь Р и ч а р д
Нортемберленда грустного ты видел?

Р е т к л и ф
Да, видел; он и с ним граф Томас Серри
До сумерек по лагерю бродили,
Подбадривая воинов своих.

К о р о л ь Р и ч а р д
Ну, хорошо. Дай мне стакан вина,
Во мне веселья духа нынче нет,
Ни бодрости, к которой я привык.
Поставь стакан. Чернила приготовил?

Р е т к л и ф
Да, государь.

К о р о л ь Р и ч а р д
Прощай; и стражу там мою проверь.
А на рассвете приходи в шатер
Помочь надеть доспехи мне. Прощай.

Ретклиф и другие слуги уходят.
Входят в шатер Ричмонда Стенли, лорды и слуги.

С т е н л и
На шлем твой я победу призываю!

Р и ч м о н д
Мой отчим благородный, все те блага,
Что ночь таит, пусть даст она тебе!
Скажи, как мать любимая моя?

С т е н л и

Ее благословенье я принес:
 О Ричмонде все молится она.
 Но к делу! Тихие часы скользят,
 И на востоке мрак густой светлеет.
 Нужда мне кратким быть велит. Готовь
 Свои войска для боя рано утром;
 Свою судьбу отдай на суд кровавый
 Ударов и войны смертельно зоркой.
 Как только я смогу (теперь нельзя мне),
 Я время обману и появлюсь
 Тебе помочь в сомнительном сраженье,
 Но стать теперь в твоих рядах не смею —
 Иначе брата твоего Георга
 Казнят тотчас же на глазах отца.
 Прощай. Опасно нам и недосуг
 Слова учтивой дружбы говорить,
 Обмениваясь нежными речами.
 Бог да пошлет нам вольно исполнять
 Обряды нежной дружбы!
 Прощай, прощай; будь смел и торопись!

Р и ч м о н д

Милорда Стенли проводите, лорды. —
 Хоть дух тревожен, все ж заснуть хочу,
 А то меня придавит сон свинцовый,
 Когда нужны победные крыла.
 Покойной ночи, лорды и дворяне.

Уходят все, кроме Ричмонда.

О ты, чьим воином себя считаю,
 Взгляни на воинов моих с любовью,
 Вложи им в руки правый меч возмездья, —

Пусть сокрушает их тяжкие удары
Противников злокозненные шлемы!
Да будем мы орудием отмщенья,
Чтоб восхвалить тебя победой нашей!
Тебе свой дух бессонный отдаю,
Пока я век своих не опускаю.
И в бдении и в сне храни меня!

(Засыпает.)

Иллюстрация Джеймса Норскота к "Ричарду III"

Появляется дух принца Эдуарда, сына Генриха VI.

Дух Эдуарда

(Ричарду)

Как бремя, завтра ляжет на тебя
Эдвард Плантагенет, принц Уэльский! Вспомни,
Как в Тьюкебери меня во цвете лет
Зарезал ты. Отчайся и умри!

(Ричмонду)

Будь весел, Ричмонд. Души оскорбленных
Убитых принцев за тебя стоят.
Сын Генриха тебя поддержит, Ричмонд.

Появляется дух короля Генриха VI.

Дух Генриха VI

(Ричарду)

Когда я жил, помазанное тело
Ты дырами смертельными пробил,
Припомни все, отчайся и умри!
Генрих велит, отчайся и умри!

(Ричмонду)

Будь победителем, святой и добрый!
Тебе предрекший королевство Генрих —
Во сне с тобой: будь счастлив и живи!

Появляется дух Кларенса.

Дух Кларенса

(Ричарду)

Как бремя, завтра лягу на тебя

Я, смытый в смерть твоим вином проклятым,
Предательски тобой убитый Кларенс!
В бою ты вспомни завтра обо мне,
Меч вырони — отчайся и умри!

(Ричмонду)

Ланкастера отпрыск, за тебя молитвы
Обиженные дети Йорка шлют.
Пусть ангелы хранят твой меч; будь счастлив!

Появляются духи Риверса, Грея и Вогена.

Д у х Р и в е р с а

(Ричарду)

Как бремя, завтра лягу на тебя
Я — Риверс! О, отчайся и умри!

Д у х Г р е я

(Ричарду)

Ты завтра Грея вспомни — и отчайся!

Д у х В о г е н а

(Ричарду)

Припомни Вогена, в преступном страхе
Меч вырони, отчайся и умри!

В с е т р о е

(Ричмонду)

Вставай! Обиды наши уж вонзились
В грудь Ричарда. Вставай и побеждай!

Появляется дух Хестингса.

Д у х Х е с т и н г с а
(Ричарду)

Кровав и грешен, ты в грехе проснешься
И жизнь свою в кровавой битве кончишь!
Лорд Хестингс я — отчайся и умри!

(Ричмонду)

Невинная душа, вставай, вставай!
Вооружайся, бей и побеждай!

Появляются духи двух маленьких принцев.

Д у х и п р и н ц е в
(Ричарду)

Детей, тобою в Тауэре убитых,
Ты вспомни, Ричард. Ляжем мы свинцом
На грудь твою, потянем в смерть и гибель!
Велим тебе: отчайся и умри!

(Ричмонду)

Спи мирно, Ричмонд, радостно проснись.
От вепря ангелы тебя хранят!
Родоначальником стань королей!
Эдварда дети мы. Живи, будь счастлив!

Появляется дух леди Анны.

Д у х л е д и А н н ы
(Ричарду)

О Ричард, Анна жалкая твоя,
Твоя жена, что сна с тобой не знала,
Теперь твой сон тревогою волнует.

В бою ты вспомни завтра обо мне,
Меч вырони, отчайся и умри!

(Ричмонду)

Спокойная душа, спокойно спи!
Победу пусть тебе трубят рога!
Молилась о тебе жена врага.

Появляется дух Бекингема.

(Ричарду)

В борьбе за трон я первый помогал,
Последним пал от твоего злодейства.
В бою о Бекингеме вспомни, вспомни
И в ужасе умри от злодеяний!
О крови грезь, о смерти — до зари;
Лишившись сил, в отчаяньи умри!

(Ричмонду)

Я умер, не поспев тебе помочь,
Будь духом бодр и смел. Да сгинет ночь!
И ангелы и бог с тобой в бою,
А Ричард перед бездной на краю!

Духи исчезают.
Ричард просыпается.

К о р о л ь Р и ч а р д

Коня сменить! Перевяжите раны!
Помилуй, боже! — Шш... Все это сон.
О совесть робкая, как мучишь ты!
Огни синеют. Мертв полночный час.
В поту холодном трепетное тело.

Боюсь тебя? Ведь никого здесь нет.
 Я — я, и Ричард Ричардом любим.
 Убийца здесь? Нет! Да! Убийца я!
 Бежать? Но от себя? И от чего?
 От мести. Сам себе я буду мстить?
 Увы, люблю себя. За что? За благо,
 Что самому себе принес? Увы!
 Скорее сам себя я ненавижу
 За зло, что самому себе нанес!
 Подлец я! Нет, я лгу, я не подлец!
 Шут, похвали себя. Шут, не хвались.
 У совести моей сто языков,
 Все разные рассказывают сказки,
 Но каждый подлецом меня зовет.
 Я клятвы нарушал — как много раз!
 Я счет убийствам страшным потерял.
 Грехи мои — чернее нет грехов —
 В суде толпятся и кричат: “Виновен!”
 Отчаянье! Никто меня не любит.
 Никто, когда умру, не пожалеет.
 Как им жалеть, когда в самом себе
 К себе я жалости не нахожу?
 Казалось мне, все души мной убитых
 Сошлись в шатер и каждый звал на утро
 Возмездие на голову мою.

Входит Р е т к л и ф.

Р е т к л и ф

Мой государь!

К о р о л ь Р и ч а р д

Черт! Кто здесь?

Р е т к л и ф

Я, Ретклиф, сэр! Уж дважды петухи
Приветствовали утро громким криком.
Друзья уж встали и вооружились.

К о р о л ь Р и ч а р д

О Ретклиф, мне приснился страшный сон!
Как думаешь, верны ль друзья нам будут?

Р е т к л и ф

Конечно, государь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Боюсь я, Ретклиф...

Р е т к л и ф

Нет, государь мой, теней вы не бойтесь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Клянусь, что эти тени нынче ночью
Сильнее ужас Ричарду внушили,
Чем десять тысяч воинов живых,
Которых жалкий Ричмонд поведет.
Еще далек рассвет. Пойдем со мной;
Подслушаем, что говорят в шатрах —
Не думает ли кто-нибудь бежать.

Уходят.

Ричмонд просыпается;
в его шатер входят л о р д ы.

Л о р д ы

День добрый, Ричмонд!

Р и ч м о н д

Прошу прощенья, бдительные лорды,
Что я, как лежебок, еще валяюсь.

Л о р д ы

Как спали вы, милорд?

Р и ч м о н д

Сладчайший сон, нежнейшие из грез,
Когда-либо приснившиеся людям,
Меня минувшей ночью посетили.
Мне снилось: души Ричардом убитых
Пришли ко мне, победу возвещая.
Клянусь, что сердце радостно ликует,
Такой прекрасный вспоминая сон.
Уж утро позднее, — скажите, лорды?

Л о р д ы

Сейчас четыре будет.

Р и ч м о н д

Пора, вооружась, полки вести.

(Выходит к войскам.)

Уж с вами говорил я, земляки,
И больше говорить теперь не время.
Одно запомните — что бог и право
Сражаются на нашей стороне.

Молитвы всех святых и всех убитых
Послужат нам высокою стеной.
Из всех врагов один лишь Ричард нам
Желает гибели, себе — победы.
Да кто врагов ведет? Друзья, ведь правда,
Что он тиран кровавый и убийца,
В крови поднявшийся, в крови живущий,
Не разбиравший средств, ведущих к цели,
Убивший тех, кто средством в этом был;
Фальшивый камень, ставший драгоценным
Лишь от фольги английского престола,
И человек, что божьим был врагом.
Вы против божьего врага деретесь —
Бог сохранит вас, как своих солдат;
Коль вы потрудитесь тирана свергнуть,
Заснете сладко вы, убив тирана;
Сражаетесь с врагом земли своей,
Земля родная вам воздаст сторицей;
Сражаетесь, чтоб жен своих спасти, —
Как победителей вас жены встретят;
Детей спасаете вы от меча,
И старость вашу внуки успокоят.
Во имя бога и во имя права —
Вперед, знамена, и вперед, мечи!
А я, если дерзка моя попытка,
Готов как выкуп лечь холодным трупом
Здесь, на земле холодной; но успех
Последний из всех вас со мной разделит.
Трубите, трубы, весело и бодро;
Господь! Святой Георг! Победа! Ричмонд!

Уходят.

Входят Ричард, Ретклиф, свита и войска

*Иллюстрация Джеймса Норскота
к "Ричарду III"*

К о р о л ь Р и ч а р д
Что говорит Нортемберленд о нем?

Р е т к л и ф
Что Ричмонд не умеет воевать.

К о р о л ь Р и ч а р д

Сказал он правду. Серри что сказал?

Р е т к л и ф

Сказал с улыбкою: "Для нас тем лучше".

К о р о л ь Р и ч а р д

Он прав; конечно, так оно и есть.

Бьют часы.

Который час? Подай мне календарь.
Кто видел нынче солнце?

Р е т к л и ф

Не видал я.

К о р о л ь Р и ч а р д

Оно светить не хочет; а по книге
Уж час тому назад оно взошло.
Кому-нибудь день этот черным будет. —
Ретклиф!

Р е т к л и ф

Я здесь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Не хочет солнце показаться,
И небо хмурится над нашим войском.
Хотел бы я, чтоб эти слезы были
Земной росой. Сегодня света нет!
Но это точно так же для меня,

Как и для Ричмонда. И то же небо
С печалью той же на него глядит.

Входит Н о р ф о л к.

Н о р ф о л к

Вооружайтесь! В поле уж враги.

К о р о л ь Р и ч а р д

Живей! Покройте чепраком коня!
Велите Стенли привести полки;
Сам в бой я поведу своих солдат.
И вот приказ мой по моим войскам:
Во всю длину развернут будет фронт
Пехотными и конными рядами:
Стрелков на середину мы поставим:
Джон, герцог Норфолк и граф Томас Серри
И конницу ведут и пехотинцев.
Когда построятся, за ними следом
Пойдем и мы, и будут наши силы
Отборной конницей окрылены.
Святой Георг за нас! Что скажешь, Норфолк?

Н о р ф о л к

Приказ хорош, воинственный монарх.
Но вот что нынче я в шатре нашел.

(Подает ему бумагу.)

К о р о л ь Р и ч а р д

“Джек Норфолк, ты дерзок, но все равно:
Хозяин твой Дикон уж продан давно”.
Придумана врагами эта штука. —

Идите ж, господа, все по местам,
Да не смутят пустые сны наш дух:
Ведь совесть — слово, созданное трусом,
Чтоб сильных напугать и остеречь.
Кулак нам — совесть, и закон нам — меч.
Сомкнитесь, смело на врага вперед,
Не в рай, так в ад наш тесный строй войдет.

(Обращаясь к войскам.)

Я все сказал; что вам еще сказать?
Припомните, с кем боретесь вы нынче:
Со стадом плутов, беглецов, бродяг,
С бретонской сволочью и жалкой гнилью,
Что выблевала полная земля
Для гнусных подвигов и разрушений.
Был мирен сон ваш, мира вас лишили;
У вас земля, красивы ваши жены —
Им надо землю взять, жен обесчестить.
А кто ведет их? Жалкий тот нахлебник,
Что жил у матери моей в Бретани,
Молокосос, что холод испытал,
Лишь по снегу гуляя в башмаках!
Сметем же плетью за море бродяг,
Французских крыс, из-за моря пришедших.
Постыля жизнь, голодным попрошайкам.
Которым без надежды на грабеж
От нищеты повеситься пришлось бы.
Коль битым надо быть, пусть бьют нас люди
Не выродки бретонские, которых
На родине топтали наши предки;
Побив, ублюдков оставляли им.
Такой возьмет наш край и будет спать
С твоей женой иль дочь твою похитит?

Издали доносятся бой барабанов и звуки труб.

Чу, трубы! В бой, дворяне! В бой, крестьяне!
Стрелки, стреляйте в голову врагу!
Пришпорьте гордых коней! Вскачь! И в кровь!
Ломайте копыя, изумляйте небо!

Входит г о н е ц.

Что Стенли говорит? Ведет полки он?

Г о н е ц

К вам, государь, идти он отказался.

К о р о л ь Р и ч а р д

Долой же голову его, Георга!

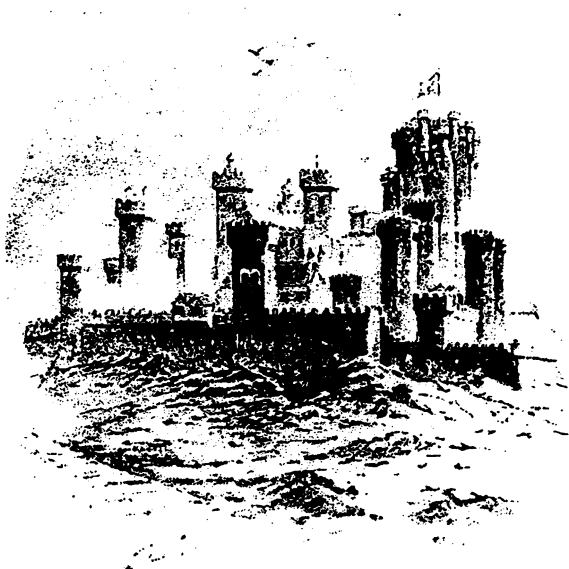
Н о р ф о л к

Враги уже болото перешли;
Георгу казнь назначьте после боя.

К о р о л ь Р и ч а р д

В груди забились тысяча сердец.
Вперед знамена — и врага разите!
Старинный наш пароль, “святой Георг”,
Вдохни в нас злобу огненных драконов!
Над шлемами победа реет. В бой!

Уходят.

Сцена 4

Другая часть поля.

Шум сражения.

Входит Норфолк с войском,
к нему навстречу — Кетсби.

Кетсби

На помощь к нам! На помощь! Чудеса
Невиданные там король творит,
Навстречу всем опасностям кидаясь.
Коня под ним убили; пеший бьется.

И Ричмонда в глотке смерти он ищет.
На помощь, добрый лорд, иль все погибло!

Входит король Ричард.

Король Ричард
Коня, коня! Венец мой за коня!

Кетсби
Спасайтесь, государь! Коня достану.

Король Ричард
Раб, жизнь свою поставил я и буду
Стоять, покуда кончится игра.
Мне кажется, шесть Ричмондов здесь в поле!
Убил я пятерых, но цел единый.
Коня, коня! Венец мой за коня!

Уходят.

С ц е н а 5

Другая часть поля.

Шум битвы.

Входят король Ричард и Ричмонд, сражаясь;

Ричмонд убивает короля Ричарда и уходит.

Отступление войск короля Ричарда.

Трубы.

Входят Ричмонд, Стенли, несущий корону,

лорды и войско.

Р и ч м о н д

Оружью слава вашему и богу!

Победа наша; сдох кровавый пес.

С т е н л и

Надежды оправдал ты, славный Ричмонд.

(Подает ему корону.)

Вот он, давно похищенный венец.

Я с мертвой головы кровавой твари

Сорвал его, чтоб увенчать тебя:

Носи его на радость и на благо.

Р и ч м о н д

И бог великий скажет нам: аминь!

Скажите мне скорей: жив юный Стенли?

С т е н л и

Он жив и в Лейстере нас ждет, милорд,

Куда пойдем мы, если вы велите.

Р и ч м о н д

Кто с двух сторон из знати пал в сраженье?

С т е н л и

Джон герцог Норфолк и лорд Уолтер Феррерс,
Сэр Роберт Брекенбери и сэр Брендон.

Р и ч м о н д

С почетом должным их предать земле
И объявить прощенье всем солдатам,
Которые с повинной к нам придут.
А причастившись тайн, соединим
Мы с Белой розой Алую навек,
И единенью улыбнется небо,
Что долго хмурилось на их вражду.
Предатель лишь "аминь" не скажет нам.
О, долго Англия была безумна,
Сама себя терзала в исступленьи:
Брат брата убивал в слепом бою,
Отец убийцей был родного сына,
Сын по приказу убивал отца.
Повинны в этом Йорки и Ланкастры:
Раздор их дикий рвал на части мир.
Теперь же Ричмонд и Елизавета,
Наследники двух царственных домов,
Соединятся божьим изволеньем!
А если бог благословит, их дети
Вернут на землю нежноликий мир.
И благоденствие, и изобилье!
А если меч предательский восстанет
И снова дни кровавые вернет,
И Англия кровавыми слезами
Вновь оболется, — меч, господь, разбей,

Не дай увидеть торжество обмана.
Междоусобий затянулась рана.
Спокойствие настало. Злоба, сгинь!
Да будет мир! Господь изрек: аминь!

Уходят.

Примечания

- Стр. 581. *В бой, Серри...* — Здесь Серри — имя коня Ричарда.
Стр. 595. *Дикон* — уменьшительная форма имени Ричарда (Дик).
Стр. 596. *...полная земля* — перенаселенный край (Бретань).

Содержание

Ланкастеры против Йорков: война Алой и Белой розы. Вместо предисловия. <i>М.А. Тимофеев</i>	5
<i>Мэриан Палмер</i> . Белый вепрь (исторический роман). Пер. <i>Ю.А. Комова</i>	29
Хронология (Н.П. Волкова, Н.П. Демина)	516
Комментарии	519
Генеалогические таблицы	541
Список исторических персонажей, упомянутых в романе (<i>М.А. Тимофеев</i>)	543
Война Алой и Белой розы в литературных хрониках	551
<i>Ральф А. Гриффитс, Роджер Томас</i> . Становление династии Тюдоров	552
<i>Уильям Шекспир</i> . Ричард III	577

В 65 **Война Алой и Белой розы: Палмер М. Белый
вепрь (исторический роман). Война Алой и Белой
розы в литературных хрониках. — М.: Вече, 1998. —
608 с. («Великие войны»)**

ISBN 5-7838-0377-4

Роман Мэриан Палмер «Белый вепрь» отражает исторические события в Англии, связанные с войной Алой и Белой розы. Этому загадочному периоду присущи дворцовые перевороты и коварные интриги. Это время породило немало незаурядных личностей, например, Ричарда III, который и является главным героем данного повествования.

В книгу, помимо романа, включены исторические материалы и литературные хроники, посвященные войне Алой и Белой розы.

ВОЙНА АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ

Генеральный директор *Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. Еленский*
Главный редактор *С. Дмитриев*
Составитель *М. Тимофеев*
Корректор *Н. Киселева*
Верстка *О. Фирсова*
**Разработка и подготовка к печати худо-
жественного оформления — «Вече-графика»**
В. Крючков, А. Косарев, О. Фирсова
OCR - Давид Титиевский, октябрь 2016 г., Хайфа
ЛР № 064614 от 03.06.96
**Издательство «Вече», 129348, Москва,
ул. Красной сосны, 24.**

Подписано в печать 25.10.98. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Бодони». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 19. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1050.

Изготовлено с оригинал-макета в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ВЕЛИКИЕ ВОЙНЫ в романах, мемуарах и документах

Мэрнан Палмер
Белый вепрь

Война Алой и Белой розы
в литературных хрониках

14766

Белая Алой и Белой розе, В. Болкер

25

02.01.99